

Автобиография

Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture

Director

Ulisse Spinnato Vega

Editors

Claudia Criveller (University of Padua)

Andrea Gullotta (University of Glasgow)

Advisory Board

Marina Balina (Illinois Wesleyan University)

Rodolphe Baudin (Paris-Sorbonne University)

Catherine Depretto (Paris-Sorbonne University)

Evgeny Dobrenko (University of Sheffield)

Lazar Fleishman (Stanford University)

Stefano Garzonio (University of Pisa)

Olga Hasty (Princeton University)

Oleg Kling (Lomonosov Moscow State University)

Ilya Kukulkin (National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Yuri Mann (Russian State University for the Humanities, Moscow)

Daniela Rizzi (Ca' Foscari University of Venice)

Stephanie Sandler (Harvard University)

Leona Toker (The Hebrew University of Jerusalem)

Yury Zaretskiy (National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Editorial Board

Stefano Aloe (University of Verona - Editor of the Section “Papers”)

Daniele Artoni (University of Verona)

Giulia De Florio (University of Modena and Reggio Emilia)

Anton Demin (Institute of Russian Literature ‘Pushkin House’, Saint Petersburg)

Patrizia Deotto (University of Trieste)

Connor Doak (University of Bristol)

Simone Guagnelli (University of Bari)

Aleksey Kholikov (Lomonosov Moscow State University)

Tatiana Kuzovkina (University of Tallinn)

Francesca Lazzarin (L’Orientale University of Naples)

Bartosz Osiewicz (Adam Mickiewicz University, Poznań - Editor of the Section "Reviews")

Ekaterina Paderina (Maxim Gorky Literature Institute, Moscow)

Natalia Rodigina (Novosibirsk State Pedagogical University, UrO RAN)

Tatiana Saburova (National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Alexandra Smith (University of Edinburgh)

Raffaella Vassena (State University of Milan - Editor of the Section "Materials and Discussions")

Managing Editors

Anita Frison (University of Padua)

Chiara Rampazzo (University of Padua)

Social Media Officers

Sara Deon (University of Padua)

Peter Taggart (University of Helsinki)

Website: www.avtobiografija.com

Contact: info@avtobiografija.com

Facebook page: <https://www.facebook.com/Avtobiografi%Do%AF-1492404737730803/?fref=ts>

© 2020 AvtobiografiЯ

Design and Layout: Adriano Pavan, Samuele Saorin

Cover: Filippo Comuzzi

ISSN: 2281-6992

Università di Padova

Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari

Via Elisabetta Vendramini 13

35137 Padova

Registrazione del Tribunale di Padova 23-04-2013, n. 2326 Registro della Stampa, Variazione: Tribunale di Padova 27-10-2014, n. 3197 Registro della Stampa.

AvtobiografiЯ

*Time, History, Biography:
Theoretical Aspects of the Study of Ego-Documents
n. 9/2020*

AvtobiografiЯ

2020, Number 9

*Time, History, Biography: Theoretical Aspects of the Study of Ego-
Documents*

Table of Contents

Introduction

Claudia Criveller, Andrea Gullotta 5

Papers: Special Section

“Интимное и историческое одновременно”: К
проблеме формирования и функционирования
автобиографического нарратива
Tatiana Kuzovkina 11

“Право на биографию” и русская мемуаристика 1740-
70-х гг.
Aleksandra Veselova 25

Инструменты памяти: лаборатория мемуаров Андрея
Болотова
Mikhail Miliutin 45

Письма А.Ф. Малиновского (1800-е гг.) как попытка
автобиографии
Maia Lavrinovich 65

‘The Primary Pleasure Now is History ...’: The Letters of
N. M. Karamzin to M.N. Murav’ev
Magdalena Dąbrowska 87

- Между наукой и религией?: вопросы веры в автобиографиях историков XIX – начала XX вв.
Viktorii Ivashchenko 101
- Гончаров в роли Островского: Эстетическая теория и литературная автобиография в *Материалах, заготавливаемых для критической статьи об Островском*
Kirill Zubkov 125
- Восприятие революционных событий в Киеве в мемуарах Алексея Александровича Гольденвейзера
Antoni Bortnowski 145
- Семиотический анализ автобиографического нарратива Марины Цветаевой – возможности и ограничения
Dorota Jewdokimow 163
- In a Wonderland They Lie? *Today's Russia: A Testimony of the New Soviet Enthusiasm in the 1930s* by August Cesarec
Ivana Peruško 179
- Мемуарно-автобиографический дискурс в дневниковых записях Ольги Берггольц
Patrizia Deotto 199
- Несколько наблюдений над стратегиями самонаписания в романе Булата Окуджавы
Упраздненный театр
Olga Sazontchik 211
- “Онегинские” черты в *Поэме без предмета* Валерия Перелешина
Vadim Wittkowsky 239
- Вымысел и реальность в (авто)биографиях Ильи Сельвинского: 1918–1920 годы
Anna Krasnikova 261

Научный архив Виктора Максимовича Жирмунского как автобиография. По материалам архивов Российской Академии Наук в Санкт-Петербурге <i>Larisa Naidich, Natalia Svetozarova</i>	283
От curriculum vitae к автобиографии: Вальмар Адамс (1899-1993) <i>Tatiana Shor</i>	299
Поэтика пограничных спектаклей трэвел-блогера Puerrtto <i>Elena Iufereva</i>	321
Дуальные модели Лотмана и Милоша – в анализах истории России и в автобиографии <i>Zbigniew Kaźmierczyk</i>	341
Papers	
I <i>Diari</i> e la scrittura dell'ultimo Tolstoj. Una ricerca oltre il moralismo <i>Maria Candida Ghidini</i>	365
Индия: путь Я у Андрея Белого <i>Anna Ponomareva</i>	391
In vita e in morte di Jerzy: il discorso omoerotico nelle lettere e nei <i>Diari</i> di Jarosław Iwaszkiewicz <i>Dario Prola</i>	411
Russian Letters from the Front: Egodocuments and Witnesses of Time <i>Elena Rozhdestvenskaia</i>	435

Materials and Discussions

- Предисловие к воспоминаниям Д.Г. Дмитриевой
Iurii Mikhailin 465
- Воспоминания о родителях и о семье
Dialektina Dmitrieva 467
- Biocritical Reflections on the *Encyclopedia of Youth*
Dmitri Shalin 479

Reviews

- N. Punin, *L'arte in rivolta. Pietrogrado 1917*, traduzione e cura di
Nadia Cicognini, Guerini e associati, Milano, 2020.
Valentina Parisi 505
- “Лилина история, ее поэзия, ее образ...” (Рецензия на
книгу Елены Погорелой Черубина де Габриаки. *Неверная
комета*, Молодая гвардия, Москва, 2020).
Elena Andrushchenko 509
- Л. Никифорова, М. Кизилов, *Айн Рэнд*, Молодая гвардия,
Москва 2020.
Iaroslav Golubinov 515

Authors

*Time, History, Biography:
Theoretical Aspects of the Study of Ego-Documents*

Claudia Criveller, Andrea Gullotta

Introduction

This issue of «AvtobiografiЯ» sees the light at the end of a very particular year. The Covid-19 pandemic has affected many lives throughout the world, causing what can probably be considered the most upsetting lifestyle change for millions of people across the globe. Many concepts related to life-writing have seen a remarkable shift in their meaning, causing a rift between a pre- and post- pandemic life that has already started to have an effect in life writing, in the forms of Covid-19 diaries on social media, quarantine vlogs, and other similar products. We will understand the impact of this in the years to come, but it is clear that research will be devoted extensively to life writing and the Covid-19 pandemic in the nearest future.

On a more practical note, the pandemic has bought its challenges also to our journal, forcing us to work under more pressure than usual. We have also suffered our losses. At the beginning of 2020 we have lost Oleg Korostelev, a member of our advisory board, an excellent colleague and a friend, who has

always supported our journal throughout the years. At the end of the year, we were reached by the news of the sudden death of Nikolai Bogomolov, one of the most authoritative voices in the field of Russian studies and a dear colleague and friend, who published an article in last year's issue of our journal. With this brief mention, we want to remember these two outstanding colleagues and thank them for their contribution to our journal.

Regardless of the challenges, suffering and hardships of the pandemic, we have managed to achieve some important results for our journal. We are now listed in some of the major scholarly indexes, and are hopeful to be included in more indexes in the nearest future in order to allow our journal to reach an even wider readership. We have also welcomed in the editorial board Daniele Artoni, who was previously our Social Media Officer. Sara Deon and Peter Taggart now take up the reins as Social Media Officers.

In terms of scholarship, the 2020 issue is the first of a series of is-

sues that investigates areas of Russian life writing that have received scarce attention to date in collaboration with colleagues. This year we are delighted to publish a special section edited by Tatiana Kuzovkina, a member of our editorial board and the chief organiser of the Annual Lotman Days at the University of Tallinn. This partnership makes us particularly proud, especially considering the huge contribution given by Iurii Mikhailovich Lotman to the study of auto/biography, and to the many academic initiatives devoted by our colleagues in Tallinn to Lotman's ideas. The special section of this issue is comprised of a selection of the papers presented at the 2019 Lotman Days and includes contributions from scholars of different countries – a testimony to the value and importance of Lotman's ideas on the study of auto/biography, as well as to academic initiatives such as the Lotman Days.

In the general section we host four contributions. Maria Candida Ghidini and Dario Prola propose two contributions on diaries – those of Lev Tolstoi (Ghidini) and those of Jarosław Iwazskiewicz (Prola). Ghidini shows the importance of the diaries in the late Tolstoi, while Prola focuses on the homoerotic

discourse in Iwazskiewicz's diary. Anna Ponomareva's article focuses on Belyi's ideas on the I, taking inspiration from an excerpt from a manuscript, *A Crisis of Thinking*. The section is closed by Elena Rozhdestvenskaia's article on the letters from the front written by Russian soldiers and officers in different wars. The author highlights some of their functions and focuses on the idea of military professionalism as expression of the identity of the authors.

The section devoted to materials and discussions hosts two important contributions. 2020 has been the fourth year of the so-called *Dmitriev case*, i.e. the persecution of the historian Iurii Dmitriev. The nature of the accusations, the several violations occurred during his trials and the concomitant events on the memorial cemetery of Sandormokh, where the victims of Stalin are exhumed in an attempt to change their identity (i.e. to show that in Sandormokh are buried Red Army soldiers killed by the Finnish Army during the Continuation War) make us firmly believe that Dmitriev is being attacked for his work on the Gulag. As a token of respect towards his indefatigable work of naming the victims of Soviet repressions, we publish the recollections on two victims of

Sandormokh, Georgii Dmitriev and Iadviga Dmitrieva (née Jadwiga Ujejska), written by their daughter Dialektina Dmitrieva. We are grateful to Iurii Mikhailin, who has edited and introduced the text and collected the photographs that we publish, and to the Sakharov Centre in Moscow for allowing us to publish these materials. With this small gesture, we want to remember the tragedy of the thousands of lives lost to Soviet repression and to express our concern to the attempt of re-writing history and biographies. The second contribution is a text by Dmitri Shalin, which continues our discussion on Mikhail Epshtein and Sergei Iur'enen *Encyclopedia of Youth*, on which we have published a

first set of materials by Marina Balina in the 2019 issue. Shalin proposes a series of thought-provoking and insightful considerations on this *dia-ography*. Three reviews, by Valentina Parisi, Elena Andrushchenko and Iaroslav Golubinov, close this year's issue.

Finally, we would like to thank wholeheartedly all the people of our team who have helped us in this very challenging year, and particularly Adriano Pavan and Chiara Rampazzo for their enormous contribution during the latest stages of publication, Anita Frison for her work on indexing and Samuele Saorin for his constant support on all technological aspects related to the journal's website.

Papers: Special Section

Татьяна Кузовкина

“Интимное и историческое одновременно”: К проблеме формирования и функционирования автобиографического нарратива

‘Intimate and Historical at the Same Time’: The Formation and Functioning of Autobiographical Narratives

Introduction to the special section *Time, History, Biography: Theoretical Aspects of the Study of Ego-Documents*.

31 мая – 2 июня 2019 года в Таллиннском университете в рамках Одиннадцатых Лотмановских дней прошла конференция “Время, история, биография: Теоретические аспекты изучения эго-документов”, организованная Лотмановским архивом. Участники конференции продолжили актуальное прочтение работ Ю.М. Лотмана, начатое на конференции 2014 года “*Biographia sub specie semioticae*”¹.

Тема биографии – одна из важнейших в научном творчестве Лотмана. В 1950-ые годы его исследовательский метод был традиционным для того времени: в творчестве литераторов второй половины

XVIII – начала XIX веков Я.П. Козельского А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, В.Г. Анастасевича, Я.А. Галинковского, А.Ф. Мерзлякова, А.С. Кайсарова, М.А. Дмитриева-Мамонова внимание уделялось прежде всего анализу идей в контексте истории общественной мысли. Существенным вкладом в развитие жанра биографии стала книга о Пушкине (Лотман 1981). Лотман показал внутреннее единство личности Пушкина, осознанную стратегию его поведения: поэт видел в жизни черты искусства и преодолевал жизненные трудности в творчестве. Основная тема книги – формирование чувства личного достоинства, чести, неприкосновенности Дома и частной жизни – разворачивается на подробно выпи-

¹ См. обзор конференции: Кузовкина 2014.

санном историческом фоне. Его создают яркие портреты лиц пушкинского окружения и детальное знание литературного контекста.

Лотмана упрекали в том, что он сделал из Пушкина жизнестроителя (см., например, критику ближайшего коллеги и друга Б.Ф. Егорова (Егоров 1995: 15–16))². Отстаивая свою точку зрения, Юрий Михайлович противопоставил “рационалистический план, методически претворяемый в жизнь” и “сознательный волевой импульс, который может быть столь же иррационален, как и любая психологическая установка” (Лотман 1997: 346). Он подчеркнул, что стремился “[...] написать биографию не как сумму внешних факторов (что и когда случилось), а как внутреннее психологическое единство, обусловленное единством личности, в том числе ее воли, интеллекта, са-

мосознания” (Лотман 1997: 346). В размышлениях о судьбе Пушкина звучали и автобиографические ноты, что почувствовали многие читатели, близко знавшие Лотмана. Чешский славист Мирослав Дрозда писал ему:

Читая о Пушкине, я постоянно думал о тебе, о твоей творческой, мужественной работе, о неиссякаемом источнике жизнерадостного внимания ко всему живому вокруг тебя, о твоей доброте и о твоем глубоком укоренении в родной русской культуре, которое ты сумел превратить в раскрытие общечеловеческого смысла национальной творческой памяти (цит. по: Егоров *et al* 2011: 560).

Развитием биографического нарратива такого типа, но на другом материале, стала книга *Сотворение Карамзина* (Лотман 1987). Тот же Б.Ф. Егоров назвал ее “биографией души, попыткой раскрыть внутренний пафос исканий писателя” (Егоров 1987: 7).

Следует сказать также, что Лотман виртуозно владел биографическим жанром в малых формах: юбилейных статьях и

² Борис Федорович Егоров был заведующим кафедрой русской литературы в Тартуском университете (1954–1960), принял Лотмана на работу, вместе с ним организовывал в Тарту научный центр. После смерти Лотмана собирал и публиковал его письма (см. Лотман 1997), популяризировал его идеи, написал его научную биографию (см. Егоров 1999). 3 октября 2020 года Борис Федорович умер на 95-ом году жизни от коронавируса.

некрологах. Он умел одним предложением обрисовать облик человека, оценить его вклад в культуру, как, например, в некрологе А.Д. Сахарову: “[...] главное что я вижу в личности Сахарова – это не его облик ученого, тоже достаточно значительный, и даже не его [...] героическую деятельность, [...] главное – это реабилитация совести как основной принцип жизни” (Лотман 1990: 3).

Методологически важное значение для изучения биографического и автобиографического письма имело понятие семиосферы, введенное Лотманом в 1984 году и суммирующее его многолетние исследования в области теории культуры. Семиосфера первична по отношению к образующим ее элементам, она предшествует любому коммуникативному акту и является “единым механизмом (если не организмом)”, ее части входят в единое целое как “органы в организм”. Лотман называет семиосферу “семиотической личностью”, указывает на трудности ее описания. “Эмпирическая бесспорность и интуитивная очевидность этого понятия” соединена с “чрезвычайной трудностью его формального определения”. На границе семиосферы

происходит “семиотизация поступающего извне и превращение его в информацию”. Лотмановская семиосфера ведет себя как создатель текста – она занимается переработкой информации из внешнего пространства и “конструирует его себе в случае отсутствия”. Одно из условий существования семиосферы – постоянный диалог между функционирующими в ней частями. Периферийные элементы при этом имеют повышенную активность, их перемещение в центр является условием развития новых направлений (Лотман 1984: 5–14).

Эта концепция в применении к биографическому и автобиографическому письму заставляет обратить внимание на важнейшие факторы его возникновения и функционирования – диалог с внешней средой, диалог с представлениями о себе, навязанными той или иной семиотической ситуацией, смену оценок и точек зрения. Заметим, что концепция биографии как семиотического феномена была сформулирована Лотманом после создания теории семиосферы – в статье 1986 года *Литературная биография в историко-культурном контексте: К типологическому соотношению текста и личности*

автора. Культуры разных периодов вырабатывают свои представления о “людях с биографией” и “людях без биографии”. Особые законы действуют и в отношении того, кто создает биографический текст:

Чем активнее выявлена биография у того, кому посвящен текст, тем меньше шансов “иметь биографию” у создателя текста. В этом отношении не случайно, что биография автора становится осознанным культурным фактом именно в те эпохи, когда понятие творчества отождествляется с лирикой. В этот период квазибиографическая легенда переносится на полюс повествователя и так же активно заявляет свои претензии на то, чтобы подменить реальную биографию (Лотман 1986: 10).

Сам Лотман стал автором автобиографических текстов в последний период своего творчества, который начался 22 мая 1989 года. Будучи в Мюнхене в качестве стипендиата Фонда Александра фон Гумбольдта, Лотман пережил инсульт, в результате которо-

го, как сам он объяснил Б.Ф. Егорову, “[...] не пострадали интеллект и речь, но – говорят временно – пропала способность чтения и есть затруднения в письме (очень незначительные)” (Лотман 1997: 354). Изменился способ работы ученого: все свои тексты (от личных писем до научных монографий) он диктовал, редактирование тоже шло со слуха. Опора только на память приводила к тому, что переосмыслились ранее затрагиваемые темы, а одним из главных объектов исследования становился собственный опыт. С декабря 1992 года в течение четырех месяцев он диктовал и наговаривал на пленку *Немемуары* – фрагменты военных воспоминаний (см.: Лотман 1995). Автобиографические подтексты проникали и в научное творчество.

Одна из главных тем работ 1990-ых годов – противопоставление исторических процессов двух родов: “Одни совершаются по спонтанным законам и носят внеличностный характер”, другие – “совершаются через сознание людей и с помощью этого сознания” (Лотман 1992: 467). В последних многое зависит от воли человека, его выбора. Лотман очень воодушевился, когда ознакомился с идеями бель-

гийского физика Ильи Пригожина, который утверждал, что у неорганической природы моменты постепенного развития процессов перебиваются взрывными, когда система сама как бы делает выбор.

Лотман поставил вопрос о необходимости строить новую науку о человеке и истории, где будет учитываться то, что

[...] интеллект человека не только пассивно отражает внележащую реальность, но и является активным фактором исторической и космической жизни. Отсюда роль – историческая и космическая – человеческой культуры, этого коллективного интеллекта человечества (Лотман 1992: 469).

Очевидно, что такой взгляд придает новый смысл изучению автобиографических нарративов. Такие тексты вызывают особое отношение – “интимное и историческое одновременно” (Лотман 2002: 14).

В предлагаемой подборке статей речь идет не только о специфически автобиографических жанрах, но и об отражении авторского жизненного опыта в текстах иной жанро-

вой природы. Расположение статей – хронологическое, позволяющее увидеть этапы развития автобиографических жанров в их взаимосвязи с культурным контекстом, охарактеризовать некоторые особенности процесса становления и развития различных видов эго-документов (мемуаров, дневников, частной переписки) в России XVIII–XXI веков. Если в XVIII веке нужно было доказывать право на создание автобиографических текстов, то в XXI веке с появлением массовых медиа этот вопрос был снят.

Раздел начинают исследования об автобиографических текстах XVIII века. В русской культуре этого периода особенно остро стоял вопрос о праве на создание свидетельства о себе, выработывались дворянские нормы чести, поведения, государственной дисциплины и сословных привычек. Как утверждает в своей статье “*Право на биографию*” и *русская мемуаристика 1750–1770-ых годов* Александра Веселова (Санкт-Петербург), на раннем этапе развития русской мемуаристики еще не было развитой системы повествовательных жанров и, соответственно, необходимой для функционирования литературы читатель-

ской среды. До 1750-ых годов автобиографические тексты появлялись эпизодически. В статье рассматриваются записки В.В. Головина, В.А. Нащокина, Н.Ю. Трубецкого, Ф.И. Соймонова, И.И. Неплюева, Я.П. Шаховского и А.А. Прозоровского; выделяются примеры самооправдания авторов, в том числе различные этикетные формулы, репрезентация в текстах частных и исторических событий, причастность к которым могла послужить импульсом к акту самоописания и стимулировать и авторскую рефлексивность отдельных мемуаристов, и развитие этого жанра в целом. Михаил Милютин (Санкт-Петербург), который входит в коллектив авторов, готовящих первое научное издание мемуаров А.Т. Болотова, исследует процесс создания текстов известного мемуариста. Блестящая память, страсть к писанию и педантичность в фиксации событий жизни позволяют Болотову излагать материал по жесткой хронологической схеме, при этом большую роль играет прием умолчаний. Текст воспоминаний сопоставляется с документальными источниками из жизни провинциальных помещиков XVIII века: рукописями, владельческими и служебными

документами, что придает стереоскопичность взгляду исследователя.

В статье Майи Лавринович (Москва) о письмах А.Ф. Малиновского к графу Н.П. Шереметеву показано, как эпистолярный жанр, в котором фиксируется непосредственный повседневный опыт, может приближаться по своей функции к дневнику. По письмам можно реконструировать процесс выстраивания представлений о себе как об истинном дворянине и наблюдать, как реальное поведение адресанта постепенно теряет черты индивидуальности.

Отдельный большой блок посвящен историкам, их рефлексии над предметом своих исследований. Магдалена Домбровска (Варшава) рассматривает письма Н.М. Карамзина к М.Н. Муравьеву. Опираясь на пионерскую работу по теории письма польской исследовательницы Стефании Скварчинской, автор статьи следит за поэтикой карамзинских писем и рефлексией историка над своими трудами.

Виктория Иващенко (Харьков) строит свое исследование на сопоставлении автобиографических высказываний историков, преподававших в университетах Российской империи в

XIX – начале XX века, о своем религиозном воспитании и отношении к религии. В работе анализируются различные стратегии построения религиозной идентичности: полное игнорирование вопросов веры (В.И. Семевский); описание внешней обрядовости (Н.Г. Устрялов, М.А. Максимович); стремление дать представление о глубоком религиозном чувстве (И.М. Снегирев; Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев), религиозных сомнениях (К.Н. Бестужев-Рюмин), атеистических взглядах (М.П. Драгоманов), фиксация современного состояния духовенства разных конфессий и религии в целом (В.Б. Антонович).

В XIX веке контекст функционирования автобиографических текстов сильно расширяется. Автобиографический нарратив проявляется, например, в литературной критике. В статье Кирилла Зубкова (Санкт-Петербург) выявлены автобиографические мотивы в критических статьях И.А. Гончарова 1860–1870 годов о творчестве А.Н. Островского. Характеризуя деятельность Островского, Гончаров приписывает ему те свойства, которыми драматург заведомо не мог обладать, и которые являются творческим манифестом самого Гончарова. Более того, Гон-

чаров таким образом сводит счеты с критиками романа *Обрыв*. Для того, чтобы показать, как писатель трансформирует типичные мотивы и риторические приемы литературной и театральной критики, Кирилл Зубков подробно реконструирует журнальный контекст этого периода.

Блок статей посвящен автобиографическому нарративу в XX веке. Драматический опыт соприкосновения с окружающей действительностью заставляет авторов пересматривать прежние идеалы, определять собственную идентичность, преодолевая внутреннюю автоцензуру. Процесс самопознания через творение автобиографического нарратива помогает противостоять обстоятельствам. Об этом речь идет в статье Антони Бортновского (Познань), посвященной мемуарам, публицистическим текстам и запискам разных лет А.А. Гольденвейзера, юриста, деятеля русской эмиграции. Еврей по происхождению, погруженный в русскую культуру, он оказался свидетелем драматических событий в Киеве времени гражданской войны. Сложные взаимоотношения с еврейской средой, неприятие красных, белых, украинского национального движения за-

ставляли переосмысливать условность “своего” и “чужого”. Сторонник европейского пути развития России и гуманистических ценностей, Гольденвейзер был разочарован и потрясен происходящими переменами и постепенно отдалялся от киевской действительности.

Дорота Евдокимов (Познань) исследует автобиографический нарратив Марины Цветаевой первых лет после Октябрьской революции: описание и оценку революционных событий, бытового поведения, телесного опыта голода, связь эмоций и их вербального выражения. Автор статьи пытается проследить, как происходит взаимодействие затекстового опыта автора и затекстового опыта читателя. Употребление метода *affective turn* расширяет поле анализа и позволяет рассматривать недискурсивные элементы индивидуального мироощущения.

Ивана Перушко (Загреб) рассматривает путевые заметки Августа Цесарца, одного из хорватских интеллектуалов, дважды посетившего Москву после октябрьского переворота. Насколько искренним был Цесарец в своей *Сегодняшней России* (Današnja Rusija, 1937), когда восторгался советским

строем? Были ли взаимоисключающими массовые эмоции сталинских 1930-ых годов: страх и энтузиазм? Основная задача статьи – расшифровать в повествовании реальные факты эпохи.

На другом историческом материале – времени блокады Ленинграда – анализирует процессы “уяснение внутреннего состояния пишущего” Патриция Деотто (Триест). Ее статья посвящена дневниковым записям о блокаде Ольги Берггольц. Дневник поэтессы – свидетельство самых потаенных и наболевших размышлений над настоящим и недавним прошлым. Автобиографический нарратив со скрытыми аллюзиями и не до конца эксплицированными выводами свидетельствует о постоянной борьбе с автоцензурой, которая мешает признаться в крушении советских идеалов. Однако Берггольц принимает трудный путь самопознания и осмысления пережитого в поисках правды.

Ряд статей описывает различные способы реконструкции автобиографических мотивов в тексте – например, на основе архивных материалов или путем внимательного исследования нарративной структуры текста. Ольга Сазончик (Йена) погружает читателя в при-

стальное чтение романа Булгакова Окуджавы *Упраздненный театр* и узнавание в нем авторских стратегий “написания себя”. Она показывает, что основными приемами регуляции дистанции между читателем и рассказчиком является полиноминация фигуры нарратора, частое изменение его пространственной и временной характеристик, постановка вопросов о самой возможности языкового выражения жизненного опыта. Выстраивание автобиографического пласта в отдельном произведении неизбежно ведет к необходимости изучения всего корпуса текстов писателя/поэта.

Вадим Витковский (Берлин) посвятил свою статью автобиографической *Поэме без предмета* В.Ф. Перелешина (1913–1992). Сознательно подражая пушкинскому *Евгению Онегину*, Перелешин рисует жизнь русского Китая 1920–1940-ых годов, подробно описывая литературный круг Харбина. Однако исторический фон поэмы гораздо насыщеннее, чем в *Евгении Онегине*: гражданская война в Китае, установление коммунистического режима, повторная эмиграция. Соотношение автобиографического и (военно-)исторического пла-

стов в XX веке получает особо драматическое звучание.

Анна Красникова (Милан) останавливается на сопоставлении вымысла и реальности в (авто)биографиях Ильи Сельвинского (1899–1968). В изучении биографии поэта существует явный дисбаланс: подробно исследованы детство и юность, мало что известно о 1950–1960 годах. Помимо дисбаланса “хронологического” присутствует также дисбаланс “мифологический”: тексты о жизни поэта носят не исследовательский, а мемуарный и публицистический характер, используют тот образ поэта, который он сам стремился создать. Анна Красникова сравнивает (авто)биографический нарратив поэта с архивными материалами, не предназначенными для чужих глаз, пытается использовать только проверенные факты.

В статье Ларисы Найдич (Иерусалим) и Натальи Светозаровой (Санкт-Петербург) ставится вопрос о составлении научной биографии одного из крупнейших литературоведов и языковедов XX века, филолога-германиста В.М. Жирмунского. Изучая архив ученого, авторы статьи обратили внимание на огромный массив диалектологических анкет и

отчетов об экспедициях в немецкие колонии на территории СССР, в которых участвовали сам Виктор Максимович и его ученики в период с 1926 по 1930 годы. Работа была прервана, Жирмунский – арестован как немецкий шпион, его ученики подверглись репрессиям. Однако материалы экспедиций чудом уцелели, часть из них хранится в архиве Российской академии наук, еще одну часть, спрятанную Жирмунским, семья нашла несколько лет назад. Статья демонстрирует живой процесс воссоздания биографии ученого и подчеркивает значимость в этом процессе архивных источников.

На богатом архивном материале построена и статья Татьяны Шор (Тарту) о жизнеописаниях эстонского поэта, литературоведа, коллеги Ю.М. Лотмана Вальмара Адамса. В статье сравниваются анкетно-формальные автобиографические тексты Адамса и их литературные варианты, показан исторический фон создаваемых текстов, его неразрывная связь со сложным и драматическим временем. Определяющим мотивом статьи становится характеристика, данная Адамсу в одном из писем к нему Ю.М. Лотмана: “Меня очень радует, что в быстро

меняющийся век Вы умеете сохранить неизменность своей личности, все от почерка до интонаций, в Вашем письме напоминает мне Вас”.

Последней по хронологии является статья Елены Юферевой (Киев), посвященная исследованиям новых медиа и способам саморепрезентации их авторов. Объект исследования – блогерское письмо о путешествиях, а именно, творчество А. Лапшина (Puerrtto). Елена Юферева изучает игровое поведение своего персонажа, меняющего различные амплуа, особое внимание уделяя политическому контексту. В декабре 2016 года Алексей Лапшин был задержан белорусскими властями и впоследствии экстрадирован в Азербайджан. Блогер обвинялся в нарушении закона о государственной границе при посещении Нагорного Карабаха, был приговорен к трем годам тюремного заключения, но в сентябре 2017 года помилован президентом Азербайджана. Эти события сыграли значительную роль в самоопределении блогера и придали новые оттенки его самоопределению в качестве оппозиционера.

Разнообразие тем и исследовательских методов, продемонстрированное в данной

подборке, свидетельствует об актуальности изучения автобиографических нарративов в исторической перспективе и побуждает исследователей к новым поискам.

Несколько отдельно по теме стоит статья Збигнева Казмерчика (Гданьск), в которой сопоставляются россиеведческие концепции Ю.М. Лотмана и Чеслава Милоша. Оба мыслителя признавали ключевыми дуальные модели в анализах динамики российской истории. В поздних работах Лотмана дуальные и тернарные модели служили инструментом, позволяющим обнаружить различие в культурах России и Запада. Милош развивает дуальный подход к интерпретации истории России, полученный им в виленской историософской школе, при этом борьба с дуальной Россией была существенной частью его самоидентификации. Сходство идей Лотмана и Милоша тем более интересно, что методология их имеет разные корни: семиотика культуры у Лотмана и религиоведение у Милоша. Но при этом научный язык Лотмана может быть инструментом для анализа идей Милоша.

Статья Збигнева Казмерчика созвучна пленарному докладу Марии Плюхановой (Перуджа-

Рим), в котором шла речь о причинах популярности идей Лотмана в Италии. Большой интерес к монографии *Структура художественного текста* и другим лотмановским работам о тексте докладчица объяснила тем, что в Италии филология является одной из ведущих отраслей научного знания. Востребованным оказался и подход Лотмана к изучаемым объектам как к целостному явлению, особенно концепция семиосферы и связанных с ней проблем перехода границы – своего пространства и своей культуры, а также идеи передачи информации, когда в ситуации шума через конфликты и дефекты происходит обогащение смысла. Принятию лотмановских идей способствовала и эволюция научного языка ученого от сугубой терминологичности ранних структуралистических работ к эссеистическому стилю поздних, в которых он делает глобальные выводы о законах истории, роли случайности в культуре, единстве гуманитарного и естественнонаучного знания³.

---

³ Статья выполнена при поддержке Эстонского агентства по науке (Eesti Teadusagentuur PUT1366).

Библиография

Егоров 1987: Б. Егоров, *Биография души* // Ю. Лотман, *Сотворение Карамзина*, предисловие Б. Егорова, Москва, Книга, 1987, с. 7–10.

Егоров 1995: Б. Егоров, *Личность и творчество Ю.М. Лотмана* // Ю. Лотман, *Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. “Евгений Онегин”*. Комментарий, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 1995.

Егоров 1999: Б. Егоров, *Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана*, Москва, Новое литературное обозрение, 1999.

Егоров *et al.* 2011: “Читая о Пушкине, я думал о тебе”: *Отзывы коллег на монографию Ю.М. Лотмана “Александр Сергеевич Пушкин” (к 30-летию выхода книги)*, публикация Б. Егорова, Т. Кузовкиной, комментарии Б. Егорова, Т. Кузовкиной, И. Пильщикова // *Пушкинские чтения в Тарту. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон. К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт*, Тарту, 2011, ч. 1, с. 554–576.

Кузовкина 2014: Т. Кузовкина, *Biographia sub specie semioticae: Обзор международной конференции в Таллинском университете* // «*Avtobiografija*», 3, 2014, с. 453–464, электронный адрес: <https://www.avtobiografija.com/index.php/avtobiografija/article/view/60>, последнее обращение 24.11.2020.

Лотман 2002: Ю. Лотман, *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века)*, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 2002.

Лотман 1981: Ю. Лотман, *Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя: Пособие для учащихся*, Ленинград, Просвещение, 1981.

Лотман 1984: Ю. Лотман, *О семиосфере* // *Структура диалога как принцип работы семиотического механизма*, Труды по знаковым системам, 17, Ученые записки Тартуского государственного университета, Тарту, 1984, вып. 641, с. 5–23.

Лотман 1986: Ю. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте: К типологическому соотношению текста и личности автора* // *Литература и публицистика: Проблемы взаимодействия*. Ученые записки Тартуского государственного университета, Тарту, 1986, вып. 683, с. 106–121.

Лотман 1987: Ю. Лотман, *Сотворение Карамзина*, предисловие Б. Егорова, Москва, Книга, 1987.

Лотман 1990: *Реабилитация совести*, [Интервью с Д. Кузовкиным] // «Alma mater», Тарту, 2, 1990.

Лотман 1992: Ю. Лотман, *Клио на распутье* // Ю. Лотман, *Избранные статьи в трех томах*, Таллин, 1992, т. 1, с. 464–471.

Лотман 1995: Ю. Лотман, *Не-мемуары*, [Запись и публикация Е. Погосян] // *Лотмановский сборник*, ред.-сост. Е. Пермяков, Москва, ИЦ-Гарант, [том] 1, 1995, с. 5–53.

Лотман 1997: Ю. Лотман, *Письма 1940–1993*, сост. Б. Егоров, Москва, Школа “Языки русской культуры”, 1997.

Александра Веселова

“Право на биографию” и русская мемуаристика 1740–1770-х годов

“The Right to a Biography” and Russian Memoirs of the 1740-70s.

The article discusses the early period of memoir-writing in Russia (1730-1770). The Russian situation in this period was radically different from Europe. Very few memoirs were written: of those, only 12 texts were selected for the present article. Memoir literature had no context and fiction was also still poorly developed. Therefore, the study of the pragmatics of these works is of particular interest, as it reveals the origin of the memoir genre in Russia. The article also raises the question of what could have been used as a model by authors. The author suggests noble genealogies and track records (*sluzhebnaia skaska*) could have served as a model. The article concludes that early Russian memoirs reflect a difficult stage for a new Russian class, who simultaneously sought to represent their personal achievements with eschatological themes.

В статье 1986 года *Литературная биография в историко-культурном контексте* Ю.М. Лотман ввел понятие “права на биографию”, рассмотрев его на примере писательских биографий (Лотман 1986). В статье Лотмана речь идет о том, почему в определенных социокультурных условиях одни писатели получают это право, а другие нет. Тот же вопрос, но в несколько ином ракурсе можно сформулировать и применительно к мемуарному творчеству, в том числе к автобиографии. Почему человек решает описать

собственную жизнь, что дает ему основание полагать, что такое описание имеет право на существование, и зачем он это делает?

Ответы на эти вопросы отнюдь не очевидны. На первый взгляд может показаться, что импульс к написанию такого рода текстов определяет воля пишущего и мемуарист не нуждается в оправдании. Но зарождение этой воли тоже должно быть чем-то обусловлено, и одним из важнейших аспектов этой обусловленности является адресат. Вопрос о том, для кого мемуарист

предпринимает свой труд, стал центральным в полемике двух крупнейших европейских специалистов в области изучения эго-документов¹. Ф. Лежен, выдвинувший в начале 1970-х годов концепцию автобиографического пакта (соглашения), оказавшуюся очень продуктивной и популярной, исходил из представления о том, что любой текст о себе предполагает какого-то адресата за его пределами и ориентирован на внешнего читателя, пусть даже условного, вымышленного или единичного (Lejeune 1975). Ж. Гюсдорф еще в 1956 году в статье *Условия и границы автобиографии* (Gusdorf 1956), а затем и в монографии, во многом полемичной по отношению к идеям Лежена, сделал акцент не на внешней ориентации автобиографии, то есть не на ее отношениях с читателем, а на внутренней потребности ее автора в самопознании и припоминании собственной жизни (Gusdorf 1991).

¹ Термин *эго-документ/ego-document* введен Ж. Прессером и получил развитие в работах Р. Деккера (Dekker 2002). Сейчас также широко используется термин *свидетельство о себе/Selbstzeugnisse* впервые употребленный Б. фон Крузенштерн (Krusenstern von 1994).

Вопрос об адресате мемуаров особенно актуален для ранних этапов развития жанра, когда еще не сформирована традиция, не сложился жанровый канон, и каждый из немногочисленных авторов, осмеливающихся на этот шаг, оказывается в известном смысле первопроходцем.

Для русской литературы такой начальный этап развития автобиографического жанра приходится на середину XVIII века. Именно с середины XVIII столетия можно говорить о некоем, пока еще небольшом, корпусе текстов, тогда как образцы автобиографической литературы более раннего периода представляют собой единичные примеры, появление которых обусловлено целым рядом исключительных обстоятельств. К таковым, например, относится *Жизнь князя Куракина, им самим описанная* (1705–1710).

Тексты эти немногочисленны. Последние и весьма тщательные подсчеты русских мемуаров, которые базируются, в свою очередь, на материалах справочника *История дореволюционной литературы в дневниках и воспоминаниях* (ИДРДВ 1976), были сделаны А.Г. Тартаковским. В составленной им сводной таблице мемуаров (Тартаковский 1991:

244–261) на весь XVIII век приходится 96 вхождений, включающих не только дневниковые записи, но и материалы служебных отчетов и допросов. Из них только 31 представляет собой автобиографические мемуары, то есть воспоминания, построенные по принципу жизнеописания или, по словам Ф. Лежена, “ретроспективные прозаические повествования реального человека о себе” (Lejeune 1975: 14)². В соответствии с задачами данной статьи, из этого перечня были выделены тексты, написанные в период с 1740 по конец 1770-х годов. Из выборки Тартаковского были исключены записки иностранцев на русской службе (Б.К. Миниха, К.Г. Манштейна и т.д.), так как они явно находились под влиянием иных культурных условий и традиции, а также единичные примеры записок русских купцов, существенно отличающихся и содержанием, и прагматикой.

---

² Интерес современной гуманитарной науки к феномену эго-документов и многочисленные попытки их классифицировать привели к размыванию понятий и дискредитации традиционной терминологии. В этой ситуации приходится обращаться к описательным формулировкам, чтобы точнее определить предмет исследования. См. обзор: Зарецкий 2013.

Так как уточнение датировки каждого отдельного текста не входит в задачи статьи, время создания мемуаров указывается с опорой на предшественников: уже упомянутый справочник, монографию Тартаковского или публикаторов конкретных воспоминаний.

В итоге был выделен корпус из 12 текстов, перечень которых приводится в Приложении в конце статьи. Два из включенных в Приложение произведений были обнаружены и опубликованы относительно недавно, уже после выхода книги Тартаковского. Это записки Прозоровского и Муравьева (Прозоровский 2004; Муравьев 1994). Стоит отметить, что в европейских базах эго-документов за этот же период зафиксировано в десятки, если не в сотни раз больше текстов³. На это неравенство еще в 1855 году, задолго до применения количественных методов в гуманитарных науках, обратил внимание П.П. Пекарский, писавший: “Наша литература XVIII века,

---

³ Ср., например, швейцарскую <<https://wp.unil.ch/egodocuments>> или голландскую <www.egodocument.net> (последнее посещение 16.07.2020), базы данных эго-документов XVIII – начала XIX веков, не говоря уже об опубликованных еще в XVIII столетии текстах.

сравнительно с другими, бедна записками современников...” (Пекарский 1855: 75). Однако при всей своей немногочисленности, такой корпус текстов уже значим и может служить предметом комплексного исследования.

Каждый из этих текстов в той или иной степени обращал на себя внимание исследователей, некоторые из них были сопоставлены друг с другом, но до сих пор не существует исследования, посвященного всему корпусу ранних русских мемуаров. Поэтому данная статья отчасти носит вынужденно описательный характер, сводя воедино в основном известные сведения, чтобы в своей совокупности они позволили сделать некоторые общие выводы.

Именно немногочисленность русских мемуаров заставляет поставить вопрос об их прагматике: почему и зачем их авторы взялись описывать собственную жизнь? Ведь у них не было опоры: ни традиции, ни жанрового контекста, ни, по выражению Тартаковского, “контактных отношений внутри жанра” (Тартаковский 1991: 17).

Конечно, русская культура знала немногочисленные образцы автожития, которые ряд исследователей не без основа-

ний именуют “протомемуарами” (Боровикова *et al.* 2004). Но очевидно, что эти тексты, к тому же распространенные в основном в специфической среде, могли служить жанровым образцом, но не стимулом к подобному описанию, прежде всего в силу исключительности описываемой в них человеческой жизни, как бы к ней ни относился потенциальный читатель. Исключение здесь составляют *Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева* (1767), явно ориентированные на житийную традицию и по сути рассказывающие о мученичестве. По этой причине они тоже не включены в рассматриваемый список.

Если же говорить о собственно жизнеописаниях, то из немногочисленных записок петровского времени в XVIII веке были опубликованы только дневники А.А. Матвеева (после 1716) и И.А. Желябужского (1710-е), ориентированные, прежде всего, на повествование о внешних событиях. Но и это произошло в 1787 году, то есть позже, чем были созданы все рассматриваемые тексты. Отдельного упоминания требует вопрос об иностранном влиянии. С одной стороны,

нельзя полностью исключать воздействия на русских авторов довольно развитой к тому моменту европейской традиции. И для некоторых из них, например для уже упомянутого Куракина, ориентация на нее очевидна, хотя конкретные образцы до сих пор не установлены (Билинkis 1995: 24). С другой, у нас почти нет конкретных свидетельств знакомства русских мемуаристов с иностранными автобиографическими записками даже для более позднего времени. Показательным примером здесь может служить такой увлеченный читатель, как А.Т. Болотов (1738–1833). Он хорошо владел немецким и французским языками и довольно тщательно фиксировал свой читательский опыт, как в воспоминаниях, так и в некоторых других текстах. Кроме того, известны каталоги его библиотеки, хотя и неполные (см. Глаголева 1992). Болотов был активным читателем: он водил знакомство со многими книготорговцами, заказывал книги по почте, обменивался ими с такими же книголюбями, а в молодости даже покупал их на книжных аукционах в Кенигсберге. Но среди многочисленных упоминаний прочитанных, купленных и одолженных книг, не встреча-

ется свидетельств знакомства с европейской мемуарной литературой⁴. Трудно представить, что при всей подробности освещении этой сферы, Болотов, будучи сам мемуаристом, не упомянул бы о такого рода произведениях, если бы они ему встретились.

Стоит добавить, что крайне мало автобиографий и среди тех переводных книг, которые начал печатать в своей типографии Н.И. Новиков, при выборе материала для переводов очевидно ориентировавшийся на популярность книг у русского читателя в оригинале.

Пример Болотова не только заставляет предположить, что европейские мемуары вряд ли были известны большинству из рассматриваемых авторов, но и позволяет поставить вопрос о том, насколько они вообще читали книги, особенно иностранные. В России первой половины – середины XVIII века чтение не было очевидным занятием, даже для образованных людей, к каковым относятся почти все рассматриваемые мемуаристы. Оно требовало определенных ор-

---

⁴ Что же касается русских мемуаров, то известно только, что уже в XIX веке он переписал для себя записки И.В. Лопухина, которые, скорее всего, ему привез сын, П.А. Болотов, активный масон.

ганизационных усилий: книги было непросто купить, выбор их в России был невелик, а за границей необходимо было знакомство с этой практикой и время на ее освоение. Учитывая служебную занятость и определяемую ею сферу интересов, в целом можно сказать, что читательский опыт этих людей был крайне ограничен, и в него вряд ли входила не только мемуаристика, но возможно даже и беллетристика. К этому следует добавить, что развитие повествовательных жанров в России вообще еще только начиналось, и отнюдь не все этот процесс приветствовали, относясь к беллетристике в лучшем случае как к бесполезному, а в худшем – как к вредному чтению⁵.

Можно также констатировать в целом недостаточный уровень развития культуры повседневногo письма: недавно вышедшая публикация перехваченного в 1758 году прусскими войсками комплекса писем офицеров на русской службе очень хорошо это показывает, причем для всех чинов и возрастов (Сдвижков 2019а).

⁵ Ср. также воспоминания Болотова о периоде военной службы в 1750-е годы, когда он почти не встречал людей, так же, как и он, увлеченных чтением.

Наконец, почти никто из самих авторов, написавших мемуары до конца XVIII века, не увидел свои записки напечатанными и вряд ли на это надеялся. Исключение составляют *Похождения некоего россиянина...* (1790) П.З. Хомякова, но его произведение имеет непростую жанровую природу и не может быть названо мемуарами в чистом виде, поэтому оно также не принимается во внимание в статье. Более того, ранние русские мемуары почти не имели хождения в списках: насколько нам сейчас известно, из мемуаров этого периода переписывания удостоился только текст Шаховского (см.: Тартаковский 1991: 87). Таким образом, решение рассказать о собственной жизни, то есть признание за собой права на создание биографии, выглядит в этих обстоятельствах как минимум нетривиальным.

Прежде чем перейти непосредственно к текстам, стоит обратить внимание на их авторов и те черты, которые их объединяют. Пятеро из них родились еще в XVII веке (Чернышев, Соймонов, Неплюев, Головин, Трубецкой), а еще четверо в первое десятилетие XVIII века (Мордвинов, Грязново, Шаховской, Нащокин), то есть это люди

старого времени, сформированные и воспитанные петровской эпохой. Все они, кроме несчастного и дважды подвергавшегося опале Головина и Данилова, достигли очень высоких чинов. Почти все получили специальное начальное образование в соответствующих учебных заведениях: пятеро морское (Соймонов, Мордвинов, Грязново, Головин, Неплюев), Муравьев инженерное, Данилов артиллерийское, Нащокин учился в математической школе, более молодой Прозоровский – в кадетском корпусе. Обучение за границей проходили Трубецкой и уже упомянутые Неплюев и Мордвинов. Очевидно, нигде не учился Чернышев, так как он самый старший из всех (1672 г. р.) и Шаховской, которого воспитывал дядя, так как мать вторично вышла замуж. Большинство принимали участие в военных походах и прошли всю линию производства от низших чинов к высшим, даже такой баловень судьбы, как Трубецкой. Таким образом, можно утверждать, что в этот период к мемуарам приступали люди многого добившиеся и имеющие богатый жизненный опыт.

Следует также отметить, что некоторые из мемуаристов так

или иначе были знакомы друг с другом и пересекались по службе. Так, Мордвинов учился и начинал службу гардемаринном вместе с Неплюевым (Неплюев 1879: 5–7), в записках которого упоминаются Чернышев и Трубецкой (Неплюев 1879: 63, 68, 82), и который, по всей видимости, был единомышленником и сподвижником Шаховского (см.: Наумов 1998: 386). Шаховской, в свою очередь, также называет в своих воспоминаниях целый ряд имен, среди которых Трубецкой, Нащокин и Неплюев (Шаховской 1821: 1, 57, 60, 69, 158–159; 2, 152–153), Грязново упоминает Чернышева (Грязново 1097: 14) и так далее. К сожалению, этих фактов недостаточно для того, чтобы предполагать их знакомство с записками друг друга или хотя бы с намерением к ним приступить. Но можно утверждать, что ранние русские мемуаристы относились к весьма узкому кругу дворянской элиты, образованных и успешных в карьерном отношении людей.

Поэтому не удивительно, что рассматриваемый корпус текстов обладает определенными общими чертами, которые также выделяют эти записки на фоне более поздних. В известном смысле можно ска-

зять, что они максимально удалены от современных представлений о том, что должны включать в себя воспоминания. Уже упомянутый Пекарский также задавался вопросом, почему автор ранних мемуаров XVIII века “с любовью описывает одни только предметы и события, не упоминая о других, по нашим понятиям, более интересных?” (Пекарский: 75).

Если рассматривать содержательную сторону этих записок, то в них можно выделить две составляющие: это сведения личного характера, касающиеся происхождения, родственных связей, семьи и так далее и служба. Второй элемент существенно перевешивает, и это закономерно. Большую часть жизни эти люди проводили на службе, иногда годами не бывая дома и не видя своей семьи. Такова была судьба большинства российских дворян до 1762 года, то есть до *Манифеста о вольности дворянства*, а многих и еще довольно долго впоследствии (см.: Марасинова 1999; Фаизова 1999). Поэтому большинство из рассматриваемых мемуаров начинаются с краткого вводного сообщения о рождении автора и его детстве (где учился и кем воспитывался), а потом сразу переходят к

службе. Некоторые авторы, например, Трубецкой, сразу начинают с первых лет службы.

Но может быть еще более важно, что к написанию мемуаров авторы приступают непосредственно по выходу в отставку. И дело не только в том, что у них появляется для этого время, а возможно даже возникает какое-то чувство пустоты, которое они заполняют воспоминаниями о более насыщенном и привычном периоде своей жизни. Завершение службы понимается если не как конец жизни, то как завершение наиболее значимого, и может быть единственно важного ее этапа, после которого остается только привести в порядок дела и подвести итоги. Так начинает свои записки Шаховской:

Усчастливясь в нашем отечестве 45 лет в разных военных и статских службах, а напоследок и в первых в государстве чинах, почасту с особливими от всемиловнейших наших монархинь доверенностями, многие мне поручаемые патриотические дела производить; [...] по просьбе моих друзей, благородные мысли,

здоровое рассуждение, любовь к добродетели и патриотический дух имеющих, а притом (чистосердечно признаюсь) частью еще и в удовольствии собственной о моих иногда удачливо произведенных делах похвал любления страсти, частью же добродетельствуя моему отечеству, [...] сочинил я сие краткое описание знатнейших мною произведенных дел и воследовавших со мною приятных или противных приключений. (Шаховской 1821: 1, IX).

Шаховской едва ли не единственный из рассматриваемых авторов явно рассчитывает на читателей за пределами семейного круга, и так как нам известно шесть списков его мемуаров конца XVIII – начала XIX веков, то можно сказать, что отчасти он своей цели достиг. Государственный чиновник самого высокого уровня, Шаховской явно не мучился вопросом о том, имеет ли он право на биографию.

Мемуары Шаховского – очень яркий образец для прояснения основной функции мемуарного текста этого периода. В первую очередь, это констата-

ция и фиксация верной службы государю и отечеству. В подтверждение своих служебных достижений Шаховской включает в мемуары ряд документов, в том числе императорские указы (Шаховской 1821: 1, XIX; 2, 32–35) и свои письма императрице и опекунам Воспитательного дома (Шаховской 1821: 1, XI–XII; 2, 113–115, 180–184). Впрочем, он не единственный, кто так поступает, некоторые документы, например, также приложил к запискам и Нащокин (см. предисловие: Нащокин 1842: IV–V).

Таким образом, можно констатировать, что ранние русские мемуары отражают очень важную тенденцию, объединяющую людей, чье время службы пришлось на петровское и раннее послепетровское время: личные достижения и служебные заслуги приобретают для них первостепенное значение и нуждаются в фиксации. Это обстоятельство, очевидное и многократно описанное в целом для эпохи⁶, если и обращало на себя внимание исследователей мемуарного жанра в России, то только в частности, и не было ранее отмечено как тен-

---

⁶ См., напр., ряд статей из сборника: Петрухинцев, Эррен: 2013.

денция, тесно связанная с первым этапом становления русских мемуаров и находящая подтверждение рассматриваемым корпусом текстов⁷.

Кроме того, мемуары выполняют очень важную функцию исторического свидетельства, каковыми они в первую очередь и воспринимались исследователями, от первых публикаторов до советских ученых. Показательным в этом отношении является помещение выдержек из записок Неплюева в составленные И.И. Голиковым *Дополнения к деяниям Петра Великого* (см. предисловие: Неплюев 1870: V; Голиков 1794: 74–79, 204–208, 293–294, 311–312 и т.д.).

Следует отметить, что все мемуаристы старшего возраста так или иначе упоминают Петра I, мифологизация личности которого началась еще при его жизни. Кто-то проходил у него смотр (Головин 1847: 45; Мордвинов 1868: 13–14, 16), кто-то сдавал ему экзамен (Неплюев 1870: 63–67), Грязново пишет о том, что его корабль участвовал в походе в Ревель в составе флота вместе с фрегатом, на котором был

Петр I (Грязново 1907: 14)⁸, у Трубецкого Петр был восприимчивым сыном (Трубецкой 1870: 35), Муравьева он, по семейному преданию, держал на руках (Муравьев 1994: 8). Тот, кто по возрасту сам не мог помнить великого монарха, пересказывает истории о нем, слышанные от старших, как поступает, например, Муравьев с рассказами генерала И.Л. Любераса (Муравьев 1994: 19). Характерно, что некоторые мемуаристы раннего времени, как и самый первый русский мемуарист Куракин, не делают разницы между событиями, происходившими при их жизни, и теми, в которых они были участниками. Так, например, составляет свои записки Нащокин, подряд перечисляя свое рождение, пожар в Москве, замужество сестры, поступление старшего брата в драгуны и смерть и погребение супруги царевича Алексея Петровича (Нащокин 1842: 1–2). Но и он выделяет собственное свидетельство как особенно значимое, как например, в рассказе о наводнении 1721 года: “В то же самое время в С.-Петербурге зело

⁷ Здесь можно провести параллель с рассуждениями о развитии русской автобиографики в контексте кризиса христианского самосознания в этот период (см.: Сдвижков 2019b: 31).

⁸ Он же отдельно указывает дату смерти императора, и день, когда он, находясь в походе, сам об этом узнал, с разницей в четыре месяца (Грязново 1907: 18–19).

великая вода была, которую я засвидетельствую, что по Морской и Переведенской и другим улицам ездили в шлюпках и лодках в первый день большой воды ...” (Нащокин 1842: 21). Тот же Нащокин пересказывает публикацию в «Ведомостях» о пойманной женщине-сирене, выступая своеобразным свидетелем второго уровня и подтверждая подлинность происшествия по известной формуле “в газетах врать не будут”: “Сие в записку внесено потому, что хотя о чудах морских многие фабулы бывали, а сие за истину уверить можно, что оное морское чудовище есть так удивительное поймано” (Нащокин 1842: 93).

В-третьих, мемуары становятся способом передачи своего жизненного и особенно профессионального опыта. В упомянутом выше предисловии Шаховской пишет о том, что ему на жизненном пути приходилось идти “иногда и по таким дорогам, где не всегда возимые для доброделания припасы, без повреждения от завистников и пристрастиями торгующих в надлежащие места целосохранно доставляемы бывали” и предполагает, что его опыт пригодится “благодаря сего читателям, а паче по таким же дорогам, как

и я, проходить и истинными патриотами в отечестве быть тщасимися, к примечаниям в их осторожность, чтоб прошедшее видя, лучшие полезности в будущее время произвести успели...” (Шаховской 1821: 1, X). Аналогичное стремление поделиться тем, в чем автор мемуаров считает себя специалистом, встречается во многих записках. Так, инженер Муравьев, при описании сражений на полях делает пометы о том, как лучше располагать ордер баталии и строить укрепления (Муравьев 1994: 41), а Данилов рассказывает подробности устройства фейерверков, в частности, произведения зеленого огня (Данилов 1842: 72–74).

Особую роль, конечно, играют военные мемуары и описания сражений, в которых функция свидетеля смыкается с функцией профессионального участника. Здесь нельзя не отметить ту роль, которую сыграла в становлении русской мемуарной прозы Семилетняя война. Это была первая по-настоящему крупная, по сути мировая, война в составе коалиции и с очень серьезным главным противником – прусской армией – во время которой русские войска подолгу находились на территории ев-

ропейских государств и могли наблюдать их повседневную жизнь. Можно смело утверждать, что эта война изменила сознание целого поколения русских дворян. Об этом прямо пишет Прозоровский:

Сия война была для меня первым училищем, в котором я положил основание воинского искусства, и для того и начинаю оною журнал или историю служения моего Российской Империи, сожалея только, что по молодости тогдашних моих лет, не вел журнала маршам и многим публичным происшествиям, что действительно и в малых чинах делать можно было (Прозоровский 2004: 41).

Наконец, немаловажную роль в мемуарах играет функция оправдания, восстановления справедливости. Так, Соймонов рассуждает о том, что его арест по делу Волынского был вызван его постоянной борьбой со злоупотреблениями в морском ведомстве:

В последующей второй части жизни моей, [...] происходили такие случаи, которые с одной

стороны казались справедливыми и ревностнейшими, а с другой через меру смелыми и продерзнейшими противу политических нравочений [...] я признаюся что все то не только знаемо мне было, но и от приятелей моих [...] мне предлагаемо и советовано было, однако я, по недогадке ль моей, или побужденный моею ревностию, или прямее сказать по недоведомой смертным судьбе Божией, похож на глухова был, и упрямо держался одной первой статьи, то есть присяжной должности... (Соймонов 1888: 95).

Муравьев смиренно объясняет несоответствие описанных им заслуг перед отечеством и полученного вознаграждения своей заносчивостью, сквозь которую все же проглядывает намек на несправедливое отношение к нему:

[...] всякого о себе уверяю, – пишет он, – чтоб каковую должен был получить я милость монаршую за оказанную в службе ревность, и будучи возносительным,

не почитая никого себе сверсника, заключал, что сам собою в себе оное мог приобрести, но по таковому высокомерию, все потерял и ничего не получил, сие не иное что, как божие предопределение (Муравьев 1994: 69).

Перечисленные функции безусловно присущи мемуарам и более позднего времени, но зарождаются они именно здесь и являются первичными по отношению к описанию культурной жизни, анализу своего душевного состояния или попыткам дать панораму эпохи, то есть к тем составляющим мемуаров, которые появляются позднее и становятся отличительной особенностью этого жанра до настоящего времени. Государева служба, в том числе в части допущенных на ней по отношению к мемуаристу несправедливостей, а также исторические свидетельства являются базой для формирования автобиографического жанра в России и оправданием пишущему мемуары.

Остается вопрос о том, что же все-таки могло быть взято за образец для составления жизнеописания. Целый ряд исследователей, обративших

внимание на характерную именно для раннего этапа русской мемуаристики форму погодной записи, утверждали влияние на нее летописной традиции. И если для исследователей XIX века это была скорее метафора, позволявшая называть мемуары “истинными летописями нашего времени” (Белинский: 159), то советские ученые (см., напр.: Елизаветина 1982: 238; Тартаковский, 1991: 42–57) говорили о непосредственной преемственности. Но применительно к ранним мемуаристам есть основания сомневаться, что авторы записок вообще могли знать о том, как устроены летописи. Впервые об этом жанре и о конкретных русских летописях читающая публика могла узнать не ранее конца 60-х годов XVIII века, когда началось издание *Истории Российской* В.Н. Татищева (1768–1784 годы). А первая публикация русской летописи состоялась в 1767 году в *Библиотеке Российской исторической, содержащей древние летописи и всякие записки*. Ранее же летописи, конечно, тоже были известны и обсуждались, но в весьма узком академическом кругу, отчасти немецком, к которому никто из рассматриваемых авторов отношения не имел. Нет и

свидетельств тому, что кто-то из мемуаристов интересовался подобными вопросами и был знаком с этими изданиями, учитывая насыщенность их служебной деятельности, ее практическую направленность, частые разъезды и так далее. Поэтому представление о преимуществах летописного и мемуарного повествования можно отнести только к более позднему периоду, не ранее конца XVIII столетия.

Как уже было сказано выше, ранние мемуары обычно имели две составляющие: сведения семейного характера (о происхождении, предках, землях, родственных связях, женитьбе, рождении детей, их воспитании и так далее) и рассказ о службе. Опорой в первом случае для мемуаристов несомненно были дворянские родословия, которые нуждались в постоянном пополнении. Что же касается второй части, то можно предположить, что авторы ранних русских мемуаров, обращаясь к своим воспоминаниям, брали за основу хорошо известный им тип текста: служебную скаску, представлявшую собой краткую биографию и послужной список разной степени подробности (см. для примера публикацию: Налепин 2007). Снабженная подробностями и

сведениями личного характера, иногда сопровождаемая выводами морального свойства и крайне редко рассказами о частных происшествиях, не имеющих отношения к службе, служебная скаска легко трансформировалась в текст, казавшийся странным уже в первой половине XIX века и во многом сформировавший в отечественной науке отношение к русским мемуарам прежде всего как к историческому источнику (подробнее об этом см.: Веселова 2018).

Показательно, что несмотря на распространенное убеждение в том, что первые русские мемуары имеют, по выражению Тартаковского, “узкофамильные цели” (Тартаковский 1991: 15), которые со временем расширяются, обращенность рассматриваемых текстов непосредственно к потомкам кажется, по сравнению с более поздними воспоминаниями, недостаточно выраженной. Хотя некоторые авторы прямо адресуют свой текст потомкам и даже конкретным сыновьям (например, Чернышев 1872: 802; Неплюев 1870: 115–116), заключая тем самым, автобиографический пакт с предполагаемым читателем, объем семейной информации в них, по сравнению со служебной, до-

вольно мал. С одной стороны, очевидно, что сами сведения о достойной службе и иногда встречающиеся по ходу повествования моральные выводы уже могут выступать в роли наставления потомкам (а заодно и материалом для составления родословий). О том, что эти наставления достигли адресата, нередко свидетельствуют дополнения, сделанные потомками в конце текста. Такие приписки есть, например, в мемуарах Головина, Грязново и Неплюева (Головин 1847: 57–58; Грязново 1907: 37; Неплюев 1870: 116–117). С другой, нельзя забывать и о том, что популяризируемое советской наукой становление нового человека в XVIII веке внешне шло гораздо быстрее, чем изменения в сознании. Крайне важная для древнерусского книжника эсхатологическая функция любого письменного текста оставалась актуальной и для мемуариста XVIII столетия. Записки – это пересмотр собственной жизни, который производится для того, чтобы понять, кто с чем предстанет перед Богом. И в этом смысле не случайно, что за перо берутся именно те, кому есть что предъявить Всевышнему.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что ранние русские мемуары отражают сложный для нового русского сословия этап, на котором, по удачному выражению Д.А. Сдвижкова, возникает “необходимость (заново) самоопределиться” в меняющемся мире (Сдвижков 2019b: 31). Напоминающие по форме отчет о службе, перечисляющий личные заслуги автора на профессиональном поприще и определяющий его место в историческом процессе, по сути они представляют собой текст исповедального характера, подводящий итог прожитой жизни и выводящий из нее мораль. Ориентация на модель служебной скаски свидетельствует о стремлении примирить современные для авторов веяния, связанные с установкой на индивидуальные достижения, с не утратившей актуальность необходимостью подготовиться к иной жизни. Поэтому русские мемуары в рассматриваемый период – это последнее наставление и благословение потомкам, одновременно обращенное в вечность.

Приложение

Перечень ранних русских мемуаров приводится в хронологическом порядке, по предполагаемой начальной дате составления записок. Не все воспоминания этого времени имели заголовок, а часть опубликованных в XIX веке рукописей не дошла до наших дней. Поэтому в тех случаях, когда названия нет или оно неизвестно, текст обозначается словом “записки”. В остальных случаях приводится название по рукописи или первой публикации, опирающейся на документальное свидетельство. Такие заголовки выделены курсивом.

Грязново Иван Михайлович (1702–1777). *Записная книга*. 1730–1753.

Чернышев Григорий Петрович (1672–1745). *Записки*. Конец 1730 – начало 1740-х.

Головин Василий Васильевич (1696–1781). *Записки бедной и суетной жизни человеческой*. 1740–1750-е.

Нащокин Василий Александрович (1707–1760). *Записки*. 1759–1760.

Трубецкой Никита Юрьевич (1699–1766). *Журнал собственный к. Н. Т. по возвращении в 1717 г. из Немецкой земли*. 1763–1767.

Соймонов Федор Иванович (1692–1780). *Из записок*. 1760–1770-е гг.

Прозоровский Александр Александрович (1733–1809). *Записки*. 1756–1776.

Муравьев Матвей Артамонович (1711–1780-е). *Журнал от начала рождения моего и как во все текущее время я до совершенного лет возраста воспитываем был и потом, вступя в службу, какую отечеству оказал, находясь во оной, ревность, о том обстоятельно значит ниже сего*. 1770-е.

Неплюев Иван Иванович (1693–1773). *Жизнь Ивана Ивановича Неплюева (им самим писанная)*. 1770–1773.

Данилов Михаил Васильевич (1722–1790). *Записки артиллерии майора М. В. Д., написанные им в 1771 году*. 1771.

Шаховской Яков Петрович (1705–1777). *Записки Якова Петровича Шаховского, писанные им самим*. 1772.

Мордвинов Семен Иванович (1701–1777). *Родословие фамилии адмирала Мордвинова*. Сер. 1770–1777.

Библиография

Белинский 1953: В. Белинский, *Записки о походах 1812 и 1813 годов [А.С. Норова]* // В. Белинский, *Полное собрание сочинений*, Москва, Издательство АН СССР, 1953, т. 1.

Билинкис 1995: М. Билинкис, *Русская проза XVIII века. Документальные жанры. Повесть. Роман*, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 1995.

Боровикова *et al.* 2004: М. Боровикова, Т. Гузаиров, Р. Лейбов, М. Смержевских-Смирнова, И. Фрайман, Т. Фрайман, *Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы* // “Цепь непрерывного предания...” Сборник памяти А.Г. Тартаковского, А. Юрганов, ред., Москва, Издательство РГГУ, 2004, с. 346–361.

Веселова 2018: А. Веселова, *Советские издания мемуаров XVIII века: основные тенденции* // *Чтения отдела русской литературы XVIII века. Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVIII – начала XIX века*, А. Костин, ред., Санкт-Петербург, Альянс-Архео, 2018, с. 129–139.

Глаголева 1992: О. Глаголева, *Тульская книжная старина*, Тула, Тульской государственный педагогический институт, 1992, с. 69–85.

Голиков 1794: И. Голиков, *Дополнения к деяниям Петра Великого*. К 1718 и 1719 годам, Москва, Унив. тип. у В. Окорокова, 1794.

Головин 1847: В. Головин, *Записки о бедной и суетной жизни человеческой* // *Родословная Головиных, владельцев села Новоспаского, собранная бакалавром М.Д. академии Петром Казанским*, Москва, Тип. С. Селивановского, 1847, с. 44–57.

Грязново 1907: *Записная книга И.М. Грязново* // *Щукинский сборник*, 6, Москва, Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1907, с. 14–37.

Данилов 1842: *Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году*, Москва, Издательство П. Строев, 1842.

Елизаветина 1982: Г. Елизаветина, *Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм*. Проза, А. Курилов, ред., Москва, Наука, 1982, с. 235–262.

Зарецкий 2013: Ю. Зарецкий, *Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор и биография, письмо и чтение*, Ю. Зарецкий *et al* ред., Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. с. 24–41.

ИДРДВ 1976: *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях*, П. Зайончковский, ред., Москва, Книга, 1976, т. 1, XV–XVIII вв.

Лотман 1986: Ю. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ю. Лотман, Избранные статьи*, Таллинн, Александра, 1986, т. 1, с. 365–376.

Марасинова 1999: Е. Марасинова, *Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки)*, Москва, РОССПЭН, 1999.

Мордвинов 1868: *Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою*, Санкт-Петербург, Тип. Морского министерства, 1868.

Муравьев 1994: *Записки М.А. Муравьева*, публ., вступ. ст. и примеч. Т. Дмитриевой, М. Якушкиной, Г. Якушкина // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*, 5, А. Налепин, ред., Москва, Студия ТРИТЭ, 1994, с. 7–81.

Налепин 2007: *Скаски елизаветинской России // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*, 15, А. Налепин, ред., Москва, Студия ТРИТЭ, 2007.

Наумов 1998: В. Наумов, *Предисловие // Империя после Петра*, Москва, Фонд Сергея Дубова, 1998, с. 385–386.

Нащокин 1842: *Записки Василия Александровича Нащокина*, Санкт-Петербург, Тип. Имп. Академии наук, 1842.

Неплюев 1870: *Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим писанная*, предисл. и примеч. Л. Майкова, Москва, Тип. Грачева и К°, 1870.

Пекарский 1855: П. Пекарский, *Русские мемуары XVIII века, «Современник»*, 1855, XII, 50, отд. 2, с. 72–77.

Петрухинцев, Эррен, 2013: *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*, Н. Петрухинцев, Л. Эррен, ред., Москва, РОССПЭН, 2013.

Прозоровский 2004: *Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776*, вступ. ст. А. Афанасьева, Москва, АНО Редакция альманаха «Российский архив», 2004.

Сдвижков 2019а: Д. Сдвижков, *Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году*, Москва, Новое литературное обозрение, 2019.

Сдвижков 2019б: Д. Сдвижков, *Новая личность и новая религиозность в русской автобиографике // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века*, Л. Манчестер, Д. Сдвижков, ред., Москва, Новое литературное обозрение, 2019, с. 29–59.

Соймонов 1888: *Из записок Ф. И. Соймонова // В. Купреянов, ред., «Морской сборник», 1888, 227, 9, неофиц. отд. с. 91–132, 10, неофиц. отд., с. 85–103.*

Тартаковский 1991: А. Тартаковский, *Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге*, Москва, Наука, 1991.

Трубецкой 1870: *Журнал собственный к[нязя] Н[икиты] Т[рубецкого] по возвращении в 1717 г. из немецкой земли*, «Русская старина», 1870, I, 1, с. 34–41.

Фаизова 1999: И. Фаизова, *“Манифест о вольности” и служба дворянства в XVIII столетии*, Москва, Наука, 1999.

Чернышев 1872: *Записки графа Г. П. Чернышева*, сообщ. Ф. Опочинин, «Русская старина», 1872, III, 5, с. 791–802.

Шаховской 1821: *Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим*, 1–3, Санкт-Петербург, Тип. И. Глазунова, 1821.

Gusdorf 1956: Gusdorf, Georges, 1956. ‘Conditions et limites de l’autobiographie’, in *Formen der Selbstdarstellung: Analekten zu einer Geschichte des literarischen Selbstportraits. Festgabe für Fritz Neubert zum 70*, ed. by Günter Reichenkron, Erich Haase (Berlin: Duncker & Humblot), 106–123.

Gusdorf 1991: Gusdorf, Georges. 1991. *Lignes de vie*, 1–2 (Paris: Les Éditions Odile Jacob).

Dekker 2002: Dekker, Rudolf. 2002. 'Jacques Presser's heritage. Ego-documents in the Study of History', *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*, 5: 13–37.

Krusenstern von 1994: von Krusenstern, Benigna. 1994. 'Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert', *Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag*, 2: 462–471.

Lejeune 1975: Lejeune, Philippe. 1975. *Le Pacte autobiographique* (Paris: Le Seuil).

Михаил Милютин

Инструменты памяти: лаборатория мемуаров Андрея Болотова

Memory Tools: Andrei Bolotov's Memoirs Laboratory

The article discusses a range of issues related to the technological side of memoir writing. A comparative analysis of Andrei Bolotov's *Life and Adventures*, various manuscripts (especially autobiographical texts) and archival documents allows us to clarify and adjust the traditional view on Bolotov's memoirs as being created on the basis of diary entries; to reveal how some of the plots of his memoirs are primarily based on memories and to characterize them as manifestations of a communicative memory; and to evaluate which memory tools are most relevant for Bolotov (books, drawings, things), and how they occupy an intermediate position between personal remembering and documentary evidence.

Громадный как по охвату описываемого времени, так и по объему текста, мемуарный труд Болотова создавался на протяжении более 50 лет и представляет собой весьма неоднородное сочинение, как в плане содержания (воспоминания о собственной жизни соединяются с историческими очерками, моральными рассуждениями и отдельными заимствованиями из доступных Болотову сочинений других авторов), так и в отношении отбора материалов и технологии написания текста. Болотов-мемуарист был новатором и не имел перед собой

образцов избранного им жанра мемуаров частного лица: первые публикации мемуаров его соотечественников стали появляться на исходе первого десятилетия XIX в.¹, когда воспоминания Болотова уже были в значительной степени

---

¹ Примерно тогда же Болотов познакомился и с *Записками* И. В. Лопухина, единственными русскими мемуарами, о которых он специально сообщает (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53, л. 73). В период начала работы над своими мемуарами Болотов, по видимому, вообще отрицательно относился к возможности сделать воспоминания о частной жизни достоянием публики (Тартаковский 1991: 95–96; ср. Веселова 2002).

написаны, и работа над ними приобрела регулярный и законченный характер. Нет оснований считать, что Болотов в этом случае устойчиво ориентировался на иностранные образцы: судя по сохранившейся информации о составе его библиотеки, мемуары частных лиц в ней отсутствовали², среди иностранных сочинений, упоминаемых самим Болотовым, к воспоминаниям можно отнести только сочинения Фридриха II, с которыми он, без сомнения, был знаком (см. Болотов I: 128; IV: 538), но вряд ли мог взять за образец при написании своих воспоминаний.

Обращение к собственной памяти во многом стало побудительной причиной к началу работы Болотова над мемуарами: он отмечает, что начал в 1789 году этот труд, “покуда все происшествия, а особливо бывшие в малолетстве, были еще довольно мне памяты и не позабыты” (Болотов IV: 506). Временная дистанция между созданием мемуарного текста и описываемыми “происшествиями” всегда остава-

² В специальных работах, посвященных библиотеке Болотова, упоминается только *Примечательный год моей жизни* А. Коцебу, опубликованный в 1802 году (Глаголева 1987: 87; Глаголева 1988: 152).

лась значительной. Вплоть до датированной 1809 годом 19-й части (события 1777–1780 годов) эта дистанция обычно колеблется в пределах 30–40 лет. Позднее она несколько сократилась, но никогда не была меньше 20 лет. Время написания последних частей мемуаров обычно отстоит от событий, которым они посвящены, на четверть столетия. Собственно припоминания имели неодинаковое значение на различных этапах работы над мемуарами. Сам Болотов указывает, что важными материалами для мемуаров были его дневниковые записи, к непрерывному ведению которых он также приступил с 1789 года (Болотов IV: 495), причем, дневники 1790-х годов даже выступали в роли “продолжения жизнеописания”³. При сопоставлении мемуаров и дневников действительно выявляются обширные содержательные и текстуальные заимствования, что, с одной стороны, представляется вполне

³ Представление о том, что в основе мемуаров Болотова находятся его дневники, можно охарактеризовать как общепринятое (см., например, Тартаковский 1991: 66–67). Подробнее о дневниках 1790-х годов и их соотношении с текстом болотовских мемуаров см.: Веселова, Милютин 2020: 169.

естественным, с другой – демонстрирует определенную особенность авторского стиля Болотова, стремившегося не только к максимально точному воспроизведению событий своей жизни, но и (с определенного времени) сознательно создающего документальную основу для мемуарного текста. Показательна сделанная им в 1802 году оценка ранее написанных мемуаров как слишком кратких, содержащаяся в предисловии к своеобразному юбилейному дневнику 65-го года жизни, который был стилизован под мемуары (благодаря эпистолярной форме) и велся параллельно с обычными дневниковыми записями (см. РО ИРЛИ, ф. 537, ед. хр. 1, л. 2–3 об.) Интересно, что именно в 1802 году была написана 12-я часть воспоминаний, посвященная событиям 1766–1769 годов. Перед началом этой части содержится информация о том, что Болотов стал регулярно вести дневниковые записи еще с 1766 года (Болотов II: 610), которая подтверждается и сохранившимся текстом дневника этого года (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.2). Болотов оценивает значение этого факта для работы над мемуарами следующим образом: “из них, как из достовернейших источников,

могу я почерпнуть уже более и рассказывать обо всем не по одной памяти, как прежде, но с лучшим обо всем основанием и достоверностию” (Болотов II: 610–611). Сохранились также дневниковые записи 1770 (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 3), 1772 (НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.3) и 1773 годов (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.4). Принимая во внимание замечательную, но все же далеко не полную сохранность болотовского рукописного наследия, наличию пробелов в дневниках не приходится удивляться. Таким образом, оценивая значимость припоминаний в болотовских мемуарах, можно распределить *Жизнь и приключения* на три больших отдела: 1) написанные до 1802 года части 1–11 (описывающие события до 1766 года), в которых припоминания играют наиболее значительную роль; 2) написанные в 1802–1810 годах части 12–24 (события 1766–1789 годов), в которых роль припоминаний снизилась, прежде всего, благодаря использованию дневниковых записей; 3) написанные после 1810 года части (события 1789–1805 годов), в которых значение припоминаний еще более сократилось по причине как сознательной установки автора на

опору на документальные свидетельства, так и наличия дневниковых записей, изначально составлявших в качестве продолжения мемуаров.

Эту схему, впрочем, не следует абсолютизировать. Описывая в одном из последних писем 16-й части (датирована 1808 годом) события конца 1774 года, Болотов отмечает, что дневники за следующие годы погибли во время пожара 1782 года:

при последующем повествовании по необходимости принужден я воспринимать прибежище свое к единой своей памяти и к малому числу оставшихся кое-каких бумаг [...] Но как и первая по многопрошедшему и тридцатипятилетнему времени весьма уже ослабла и не в состоянии мне всего бывшего во всей подробности напомнить, то натурально и должен я буду довольствоваться тем, что могу только вспомнить, и что мог только я отыскать в помянутых немногих, оставшихся от пожара, бумагах и других письменных документах, и

говорить обо всем коротче и без наблюдения иногда порядка времени в самой точности (Болотов III: 334–335).

Замечательно, однако, что последующие *бездневниковые* 17–20 части, доводящие жизнеописание до 1782 года, существенно не отличаются от других частей, выделенных нами во 2-й *отдел*, ни по объему, ни по величине описываемых хронологических отрезков, ни по скорости их написания.

Зато степень хронологической точности мемуаров практически всегда позволяет отделить ту часть воспоминаний, в основе которой лежат припоминания, от текста, опирающегося на документальные источники. Хронология является в болотовских мемуарах строгой схемой, на которую накладываются многочисленные автобиографические рассказы и сведения. Материал изложен в четкой хронологической последовательности, в соответствии с которой Болотову приходилось распределять сюжеты своих воспоминаний. Наиболее актуальной эта задача была в тех частях мемуаров, в которых описывались детство и молодость их автора, а ее решению способствовала весьма мобильная жизнь

Болотова того времени. Начиная с трехлетнего возраста, он лишь в редких случаях не переезжал (с семьей, с полком, к местам обучения) в течение года с места на место. Эти переезды становились хронологическими ориентирами, делаящими жизнь Болотова на отдельные периоды, а сюжеты воспоминаний, как правило, привязывались им к месту нахождения. Обычно каждому такому периоду посвящено отдельное письмо или несколько писем.

Для распределения событий внутри периодов Болотов стабильно использует собственную систему: осенью ориентиром служит его день рождения (7 октября), весной – Пасха и Святая неделя; соответственно, удаленные в ту или иную сторону от них события маркируются как *зимние* или *летние*, что позволяет автору разделить припоминаемые сюжеты по сезонам. Принципиально не доверять той хронологии детства и молодости Болотова, которую он приводит в мемуарах, нет оснований, хотя следует учитывать, что документальных свидетельств, с помощью которых можно было бы подвергнуть проверке приводимые им данные, очень немного. С другой стороны, Болотов сообща-

ет точные даты в случае припоминания крайне редко: замужества сестер, смерти отца и матери (Болотов I: 38, 46, 119, 186), в остальном это почти всегда даты церковных (часто храмовых) праздников.

Одним из немногих исключений из этого правила в первых 11 частях мемуаров является рассказ (в 36–55 письмах) об участии Болотова в заграничных походах русской армии 1757 – начала 1758 года⁴. Указание множества точных календарных дат событий, а также массы сложных для запоминания подробностей, связанных с театром военных действий (польско-литовских и немецких топонимов, рядовых происшествий походной жизни) свидетельствует о наличии документальной основы данного текста. В качестве такой основы выступало первое в жизни Болотова обращение к жанру дневниковых записей. Болотов сообщает о нем при рассказе о выступлении своего полка с зимних квартир в прусский поход весной 1757 года: “Могу сказать, что я доволен ныне тем, что я догадался тогда вести походу

---

⁴ В этих письмах содержатся также рассуждения Болотова об общем ходе Семилетней войны, имеющие отличное от собственно мемуарных текстов происхождение.

нашему короткий журнал и записку, почему и описать его, при вспоможении памяти своей, могу я обстоятельно” (Болотов I: 407). Хотя эта *Записка походу нашему* не сохранилась, можно с уверенностью говорить о том, что именно она легла в основу описания действий тех частей русской армии в Семилетней войне, участником которых был Болотов. Отдельные подробности этой части болотовских мемуаров находят подтверждение в документальных источниках по истории Семилетней войны⁵, причем свидетельствуют о высокой добросовестности Болотова: периодически встречаются оговорки вроде “местечка, которого звания я не мог тогда узнать” (Болотов I: 458) или обстоятельства, в достоверности которого автор сомневается: “подлинно ли сие так было, того истинно не знаю, ибо маленькому такому человеку, каковым был я, и знать было не можно” (Болотов I: 520).

⁵ См., главным образом у Д. Ф. Масловского, который при всей критичности к Болотову как личности и к его оценкам, отдает должное ему как аккуратному очевидцу событий, при которых он присутствовал (Масловский 1886: 34–49; Масловский 1888: 71–75).

Одним из наиболее интересных в плане припоминания отдаленных по времени событий стал кенигсбергский этап биографии Болотова. Чередуясь с очерком об истории Семилетней войны, рассказ о пребывании в Кенигсберге занимает весьма значительное место в общем объеме первых частей мемуаров (5–8 части), и в основном описание этого, важнейшего в мировоззренческом и служебном плане периода, делалось Болотовым по памяти. В Кенигсберге Болотов первый раз в сознательной жизни задержался на продолжительный срок (почти на четыре года) на одном месте. В мемуарах он активно использует привычные хронологические ориентиры: постоянно задействуется система распределения событий по сезонам, особое внимание уделяется переезду с квартиры на квартиру (всего он поменял четыре адреса), а также употребляет новые (в частности, важными вехами были смены губернаторов). Особенностью этой части мемуаров является то, что многие события, упоминаемые Болотовым, нашли отражение в документальных источниках, особенно в бумагах Кенигсбергской канцелярии (см. РГАДА, ф. 25, оп. 1). Из их сопоставления можно

вновь сделать вывод о высокой степени достоверности сведений, приводимых Болотовым по памяти. Например, он не указывает точной даты прибытия в Кенигсберг губернатора Н. А. Корфа, которое состоялось 30.06.1758 (см. РГАДА, ф. 25, оп. 1, д. 9, л. 6), но подробно описывает предшествующие этому события, увязывая их с летней ярмаркой в Кенигсберге, продолжавшейся до Петрова дня (29 июня) 1758 года (Болотов I: 717–726). Всего путем сопоставления с документальными источниками, недоступными Болотову при написании мемуаров, выявляется несколько десятков верно (хотя, в основном, приблизительно) датированных событий, относящихся к кенигсбергской части его воспоминаний.

Однако степень точности памяти Болотова не следует и переоценивать. В условиях относительной стабильности его кенигсбергской жизни, в насыщенное, между тем, происшествиями военное время, сложности при соотнесении упоминаемых событий с абсолютной хронологией для автора мемуаров, несомненно, были значительными. Наиболее существенные из хронологических ошибок в этой части мемуаров связаны со време-

нем прибытия в Кенигсберг архимандритов, руководивших местной православной миссией⁶; исправлением знамен русской армии⁷; проездом через Кенигсберг нового испанского посла⁸. Хотя Болотов был свидетелем всех этих событий, они занимают второстепенное место в его мемуарах при описании значимых для кенигсбергского общества происшествий. Кроме того, и в этих случаях Болотов верно передает отдельные фактические подробности, допуская лишь хронологические ошибки.

Только один относительно небольшой отрывок из воспоминаний Болотова о кенигсбергской жизни выделяется значительным числом точных хронологических указаний:

---

⁶ Архимандрит Ефрем приехал в Кенигсберг не летом 1759 года (Болотов I: 899), а летом 1760 года; Тихон сменил его не осенью 1760 года (Болотов I: 1000), а в начале 1761 года См., например, *Экстракт о бывшем в Кенигсберге архимандрите Ефреме* (см. РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1995, л. 58–60 об.)

⁷ Согласно мемуарам, оно состоялась весной 1760 года (Болотов I: 975–976), а по документам (см. РГАДА, ф. 25, оп. 1, д. 257) произошло на год раньше.

⁸ Маркиз де Альмодовар проехал через Кенигсберг в Россию не в начале 1760 года (см. Болотов I: 952–953), а летом 1761 года (см. Анисимов 2014: 49).

описание событий конца 1760 – начала 1761 года (см. Болотов II: 30–47), которое также явно имеет документальную основу. На это указывает и сам Болотов, упоминая о “большом письме” к приятелю, из содержания которого он черпает сведения для мемуаров (см. Болотов II: 32). Речь идет о письмах Болотова к находившемуся в Мемеле флотскому офицеру Н. Е. Тулубьеву, интенсивная дружеская переписка с которым продолжалась с ноября 1760 по март 1761 года. Сохранилось 27 писем (см. Болотов 2013), написанных Болотовым в это время, и их использование при работе над мемуарами несомненно. В них обнаруживается целый ряд эмоциональных, философских и информативных переключек с текстом мемуаров, а большая часть вышеупомянутого отрывка воспоминаний совпадает с несколькими письмами к Тулубьеву текстуально.

Впрочем, для ранних частей *Жизни и приключений* этот случай, по-видимому, является уникальным. Указания на переписку с родными неоднократно появляются на страницах мемуаров, а также упоминается несколько адресатов дружеской переписки молодого Болотова (помимо Тулубьева такая переписка возникала,

в основном, при отъезде знакомых Болотова по Кенигсбергу в Россию). Каким количеством писем того времени располагал Болотов к моменту написания мемуаров, мы не знаем, но, за исключением писем к Тулубьеву, материалы переписки никак не отложились в тексте этих частей воспоминаний. Отчасти это можно объяснить редкостью переписки, связанной с несовершенством почтового сообщения, но более существенной причиной, на наш взгляд, была малая информативность писем того времени, о чем можно судить на примере нескольких сохранившихся⁹.

Любопытно, что в последующих частях интенсивность привлечения переписки в качестве источника для мемуарного текста хорошо коррелирует с активностью использования Болотовым дневниковых записок. Первая цитата из письма появляется только в 12-й части¹⁰. В дальнейшем такие цитаты периодически встре-

⁹ Написанные в 1760 году три письма Болотова к родственникам и письмо в Москву к И. Е. Челищеву (подробнее о них см. Милютин 2019: 125–127).

¹⁰ Описание “в письме к одному приятелю” условий проживания в тамбовской деревне Болотовых во время поездки туда осенью 1768 года (Болотов III: 678–680).

чаются, но начиная с 25-й части неоднократно возникают случаи, когда воспроизводимые полностью или в отрывках письма составляют основное содержание болотовских воспоминаний¹¹. Сохранность эпистолярного наследия Болотова заметно хуже, чем у дневниковых записей. Основной сохранившийся массив переписки Болотова начинается с 1796–1797 годов (главным образом, это переписка с сыном Павлом). Эти письма либо использовались Болотовым при написании поздних частей мемуаров, многие из которых были утрачены, либо выходят за хронологические рамки воспоминаний.

Регулярное использование дневников и писем для написания мемуаров, начиная с описания *первой* деревенской жизни Болотова 1760-х годов, представляется нам отражением не только проявившегося в первые годы XIX в. стремления автора к большей подробности своих воспоминаний, но и свойственного Болотову уже в молодости (как, по видимому, и некоторым другим представителям его поко-

ления российских дворян) новаторского, с его точки зрения, стремления запечатлеть свою жизнь в документальных свидетельствах, благо положение самостоятельного помещика предоставляло для этого достаточно возможностей. Собственно, одним из важнейших таких памятников должны были стать мемуары¹². Интересно в этой связи настойчивое противопоставление своей деятельности наследию предков, которое представляется Болотову крайне недостаточным. Эта мысль отчетливо формулируется им уже в *Предуведомлении* к мемуарам: “Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий” (Болотов I: 1). Подобную же сентенцию можно найти при описании Болотовым первых изменений, которые он предпринял в родовой усадьбе в Дворянинове после отставки в 1762 году: “от излишнего уважения и почтения к старине старики наши так мало и дельвали дел, и оттого так мало и оста-

¹¹ Начинается эта практика с цитирования переписки с уехавшим осенью 1789 года на службу в Петербург сыном, П. А. Болотовым (Болотов IV: 587 и далее).

¹² Ср. болотовскую *Автобиографию* 1821 года, где мемуары определяются как “памятник о всех случившихся в жизни его с ним происшествиях” (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.1, л. 7).

вили нам после себя вещей, могущих нам припоминать оных” (Болотов II: 342).

Действительно, разнообразные артефакты, содержащие информацию о жизни Болотова или его предков, должны были играть особенно значительную роль в ранних частях воспоминаний. Однако *семейные реликвии* упоминаются крайне редко, что, по видимому, связано с их немногочисленностью. Из сохранившихся ко времени написания воспоминаний подобных предметов Болотов называет разве что оставшиеся от прадеда “резные и вызолоченные царские двери в нашей приходской церкви в селе Русятине”, которые “были его построения, как-то из надписи на них и поныне еще видно” (Болотов I: 23); “некоторые, а особливо фарфоровые вещи”, привезенные отцом Болотова из Соликамска в 1739 году (Болотов I: 32); а также семейные иконы (Болотов I: 231). Особого описания удостоивается только то из вещественного наследия предков, что было утрачено на памяти самого автора мемуаров и тем самым стало важной составляющей его личных воспоминаний. Главными примерами такого рода является “золотая медаль с цепью”,

полученная дедом Болотова, С. Г. Бакеевым за подвиг, совершенный им при Гангуте (Болотов I: 27), которая была утрачена Болотовым в 1757 году во время похода по Пруссии, чему посвящено отдельное упоминание (Болотов I: 488), а также старинный усадебный дом в Дворянинове, вместо которого в 1769 году Болотовым был построен новый; дом подробно описан, а также зарисован в двух проекциях с приложением плана (Болотов I: 154).

Несколько иное отношение наблюдается к памяти о материальных свидетельствах детства и молодости самого Андрея Тимофеевича. Подавляющее большинство из них также не сохранилось ко времени написания мемуаров, будучи утраченным при бесконечных переездах. Исключением, вероятно, были отдельные предметы, связанные с жизнью в Дворянинове, где Болотов в совокупности провел всего два с половиной года своей сознательной жизни в юности. Впрочем, несмотря на то, что этому периоду деревенской жизни посвящено пять писем (15–16, 21–23), в основном они содержат бытовые и морализаторские рассказы о событиях и вещах, по собственному замечанию автора,

“не составляющих дальней важности” (Болотов I: 249). Специального описания в ранних частях мемуаров удастаиваются только те вещи, которые свидетельствуют о развитии представляющих автору существенными свойств его личности. В качестве примера можно привести опыты Болотова на поприще конструирования: изготовление “прошпектевического ящика” (Болотов I: 685–686), миниатюрного фонтана (Болотов I: 865–869) или землемерной астролябии (Болотов II: 440–441) становятся основой для подробных рассказов. Эти истории также относятся преимущественно к тем вещам, которые в дальнейшем, скорее всего, были утрачены. Так, изготовление первой, пусть и весьма несовершенной (по оценке самого Болотова), землемерной астролябии в 1763 году описывается весьма детально, тогда как о создании гораздо более точной и совершенной астролябии в 1766 году, которая затем служила Болотову для многочисленных землемерных работ, в мемуарах лишь кратко упоминается, впрочем, тут же сообщается, что она была впоследствии подробно описана и зарисована в издававшемся Бо-

лотовым журнале (Болотов II: 634; ср. Болотов 1781).

В написанном после окончания первых 30 частей мемуаров тексте *Замечания для потомков при конце жизни*¹³, в котором Болотов дает общую характеристику своим склонностям, чертам характера и видам деятельности, один из первых разделов назван *Об охоте и склонности моей к разным выдумкам, мастерствам и рукоделиям* (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53, л. 87–92). В нем в хронологическом порядке (начиная с детских поделок из бересты) перечислены и в отдельных случаях кратко описаны болотовские изобретения, сделанные им на протяжении жизни. Хотя данный перечень вторичен по отношению к мемуарам (которые были к этому времени доведены до 1797 года, еще 10 частей Болотову предстояло написать), он является дополнительным важным свидетельством того, что Болотов уделял большое значение *вещной памяти* и активно использовал ее для конструирования своей автобиографии. С учетом того, что многие из этих вещей с течением време-

---

¹³ Находится в составе 1-й части дневниковых записок за 1819 год (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53).

ни продолжали свое существование именно в виде воспоминаний, такого рода артефакты при написании мемуаров занимали промежуточное положение между личными припоминаниями и документальными свидетельствами.

Наблюдения над инструментами памяти Болотова можно продолжить, следуя за *Замечаниями для потомков при конце жизни*. Изобретательскому разделу в нем предшествует очерк *Об охоте моей к рисованию* (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53, л. 83–86 об.). Хотя Болотов и указывает, что специально не учился этому предмету, но в мемуарах все случаи обучения рисованию в детские годы особо отмечены (Болотов I: 46–47, 82–83, 109). Во время юношеских пребываний в Дворянинове Болотов даже завел специальную рисовальную комнату и с большими подробностями рассказывает в воспоминаниях о своих занятиях художествами (Болотов I: 150–151, 160, 228–229). Сомнительно, чтобы что-то из тех работ сохранилось до времени написания мемуаров, да и сам автор весьма критически отзываясь об этом творчестве: “признаться надобно, что все сие бесчисленное множество картин не стоило и одной хорошей, а составляло не что

иное, как единое гвазданье” (Болотов I: 236). Болотов охотно вспоминает о случаях, когда его рисовальные способности находили себе применение, будь то “разрисование одного ларчика”, которое он сделал в 13-летнем возрасте по просьбе родственницы в Петербурге (Болотов I: 181), украшение ротной улицы своего полка в рижском лагере (Болотов I: 366–367), рисунки для штемпелей русских монет, которые чеканились на монетном дворе Кенигсберга (Болотов I: 899–900), надзор за работой немецких живописцев, обновляющих полковые знамена для русской армии (Болотов I: 975–976) или изготовление эскиза миниатюры с ордена св. Анны для губернатора В. И. Суворова (Болотов II: 48–52).

Но особенно подробно и эмоционально Болотов описывает рисование видов с помощью камеры-обскуры, с которым он впервые познакомился в Торуни весной 1758 года (Болотов I: 652–653), а затем широко практиковал во время своего пребывания в Кенигсберге. Судя по всему, значительная часть его упоминаний о занятии рисованием в это время относится именно к такому виду деятельности, причем для лучшей передачи цве-

та Болотов специально консультировался с одним из кенигсбергских умельцев в области оптики (Болотов I: 686—687). Болотов как раскрашивал специально купленные для этого картины, изображающие виды различных уголков Европы, так и сам зарисовывал кенигсбергские улицы и достопримечательности. Таких рисунков к моменту отъезда из Кенигсберга у него должно было накопиться изрядно, причем некоторая их часть несомненно сохранялась им и позднее. Описывая свой первый опыт такого рода, он отмечает, что сразу после приобретения камеры-обскуры “не преминул тотчас, пользуясь сим инструментом, срисовать вид той улицы, которая видна была у меня из окон. Сия проспективическая картина цела у меня еще и поныне, и я храню ее, как некакой памятник тогдашнего времени” (Болотов I: 688). Вероятно, именно благодаря этим картинам описания столицы Восточной Пруссии у Болотова отличаются живостью впечатлений и многочисленными подробностями. О том, в каком виде Болотов сохранял свои рисунки ко времени написания мемуаров, свидетельствует его замечание, что в 1785 году “получила

основание свое та большая книга с эстампами, которая и поныне увеселяет многих [...] ибо как накопилось у меня множество всяких эстампов и картинок, то вздумалось мне велеть переплетчику нашему переплести из белой бумаги большую и толстую книгу, в которую потом и вклеил я все тогда бывшая у меня картинки и эстампы” (Болотов IV: 68).

К сожалению, этот альбом, как и подавляющее большинство живописных произведений Болотова¹⁴, не сохранился до нашего времени, и о значении живописных образов для конструирования мемуарного текста можно судить лишь предположительно. Весьма показательной, на наш взгляд, является попытка Болотова проиллюстрировать свои мемуары сюжетными миниатюрами, выполненными каран-

---

¹⁴ Помимо рисунков Болотов был автором немалого числа картин, которые украшали стены его усадебного дома: “Мысль, что потомкам и внукам моим послужат они памятником моих трудов и охоты до рисованья, меня утешала и вкупе доказывала, что охота сия была во мне природная и господствующая даже страстью” (ОР РНБ. Ф. 89, Ед. хр. 53, Л. 61 об.) Об их жанре можно судить по замечанию Болотова, что преимущественно он любил “ландшафтную живопись” (Там же. Л. 86 об.).

дашом и тушью, а также отдельными цветными иллюстрациями. В основном, эти рисунки содержатся в тексте первых четырех частей мемуаров¹⁵, посвященных *докенигсбергскому* этапу жизни Болотова, от которого ко времени составления воспоминаний у него не было изображений (или их качество признавалось Болотовым неудовлетворительным). Будучи инструментом памяти, болотовские рисунки редко становятся объектом воспоминаний. Как и в случае с вещами, довольно подробно описываются именно первые и утраченные образцы. Так что читатель мемуаров получает большее представление о детском “гвазданьи” Болотова, нежели о его зрелом живописном творчестве. К такому роду воспоминаний относятся и сразу несколько историй, связанных с живописной книгой о Богородицке¹⁶, о которой предоставляется довольно много информации, поскольку она стала самым ярким примером раннего живописного творчества сына автора мемуаров, и

расставание с ней произошло при весьма примечательных обстоятельствах: будучи преподнесенной Екатерине II в 1787 году, книга эта навсегда пропала из поля зрения Болотова (Болотов IV: 170).

Впрочем, не вещи или рисунки нужно поставить на первое место среди инструментов памяти, с помощью которых Болотов создавал свои мемуары. Первые три раздела *Замечаний для потомков при конце жизни* посвящены прочитанным им книгам, собственным сочинениям и писательской деятельности (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53, л. 62–82 об.). Чтение и перевод как важнейшие составляющие образования, самообразования и воспитания личности постоянно появляются на страницах воспоминаний, причем оцениваются не столько литературные, педагогические или научные особенности прочитанных книг (хотя подобный жанр также был не чужд Болотову), сколько влияние, которое они оказали на автора мемуаров. Воспоминание о прочитанном регулярно становится основой для развернутых рассказов и морализаторских сентенций, будь то рассуждение об особенностях изучения иностранных языков, о пользе от чтения для

¹⁵ Подробнее см.: Веселова, Милютин 2020: 173–174.

¹⁶ Содержатся в 226–230 письмах. Сохранился предшествующий ей *Богородицкий альбом* (см. ОИИ ГИМ. Инв. 76434 и VII 1304).

молодых людей как предохранения от праздности или о практическом значении философии. Как и в других случаях, степень детализации таких воспоминаний оказывается весьма впечатляющей, хотя содержательно они часто ограничиваются почти исключительно упоминанием о книге. В таком контексте появляются на страницах мемуаров многие персонажи, например, бедный лифляндский мызник Миллер оказывается значим тем, что именно он порекомендовал Болотову роман *Английский философ* (Болотов I: 378--379), который тот затем не только с удовольствием прочел, но и частично перевел¹⁷; а однополчанин Барыков единственный раз упомянут в связи с тем, что из-за него пропал первый перевод Болотова с французского: названия книги Болотов уже не помнил, но не преминул сообщить: "Мне и поныне жаль, что у меня пропал сей перевод. Без всякого сомнения, был он весьма еще не совершен и недостаточен" (Болотов I: 112).

---

¹⁷ *Аглицкой философ, или история господина Клевеланда, побочного сына Кромвелова, им самим описанная.* Книга 1 (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 6.6).

Всего в первых 11 частях мемуаров Болотова упомянуто около сотни русских, немецких и французских книг, брошюр, пьес, рукописных списков и переводов, прекрасно характеризующих круг его чтения. Значительная часть прочитанных в юности книг была в распоряжении Болотова и в период написания мемуаров. Относясь к книгам как к величайшей драгоценности, Болотов собирал их на протяжении всей жизни и, несмотря на отдельные потери¹⁸, был обладателем обширной библиотеки, которая в 1790 году насчитывала уже более трех тысяч томов (Болотов IV: 764). Первоосновой для этой библиотеки стали книги, собранные в Кенигсберге, которые были отправлены Болотовым в Россию в конце 1761 года (Болотов II: 69--72). Сохранность кенигсбергского собрания подтверждается не только воспоминаниями, но и позднейшими списками книг из библиотеки Болотова, в которых обнаруживаются книги с соответствующими пометами, например, "Königsberg 1760" на *Разговорах о красоте природы* И. Г. Зульцера (см. СПФ АРАН, ф.

---

¹⁸ Большой урон нанесли два пожара в Богородицке, в 1782 и 1787 годах (см. Болотов III: 1046--1047; IV: 121--122).

208, оп. 4, ед. хр. ш, л. 2), о приобретении которой в 1759 году Болотов пишет в мемуарах (см. Болотов I: 862). Впрочем, в своей библиотеке Болотов сохранял и те книги, которые оказались в его руках в значительно более раннее время. Примерами могут быть немецкие и французские словари И. Л. Фриша 1739 года и грамматика Ж. Р. Пеплие и К. Бюффье 1747 года (см. Глаголева 1987: 82–83). Повидимому, об обучении по этим книгам вспоминает Болотов, когда пишет в мемуарах о том, что при начале изучения немецкого языка в 1747–1748 годах его “мучали вокабулами” (Болотов I: 54, 64, 71) и о самостоятельном “твержении грамматик” в Дворянинове в 1750–1751 годах (Болотов I: 151, 160).

Тем более бережно относился Болотов к своему собственному рукописному наследию. Сохранилось около 10 рукописей Болотова, которые были написаны до середины 1760-х годов. Все они упомянуты в мемуарах с описанием времени и обстоятельств их появления на свет. В том числе и первая по времени болотовская рукопись¹⁹, которая хотя

¹⁹ *Приемы циркуля и линейки*. 1753 (см. ОР РНБ, ф. 536, ед. хр. 2131 (Q.

и представляла собой переписанные Болотовым учебные тетради его дяди, но получила вполне книжное оформление – твердый переплет, владельческую надпись, номер в общем собрании библиотеки – и даже содержит целый ряд рисунков, позволяющих судить о художественных способностях юного Болотова.

Как воспоминания о прочитанных прежде книгах, так и сами они, окружающие работающего над мемуарами Болотова²⁰, несомненно оказали огромное влияние на текст его жизнеописания. Сложно привести какой-либо из отрезков жизни Болотова, при описании которого он не упоминал бы новой приобретенной или прочитанной им книги, либо сделанного им перевода или собственного сочинения. Таким образом, книги не только формировали сюжетную составляющую мемуаров, но и становились вехами биографии их автора, к которым Болотов мог непосредственно обратиться при написании воспоминаний.

365)). О ее написании см. рассказ в мемуарах (Болотов I: 233–234).

²⁰ Как на известном портрете Болотова, помещенном на фронтисписе 1-й части мемуаров (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 1, также Болотов I).

Вещи, рисунки и книги стали важной основой для создания многих сюжетов мемуаров Болотова. Однако в них (прежде всего, в первых и частях) обнаруживается немало рассказов, не основанных на очевидных инструментах памяти, помимо собственно припоминаний. Обычно они имеют вид беллетризованных новелл, подчас содержащих многочисленные подробности, необходимые для раскрытия сюжета, усиления интереса читателя и моральных выводов, но почти лишенных точных указаний на время событий, названия местностей и имена действующих лиц, особенно второстепенных, большинства из которых Болотов просто не помнил, а иногда приводил их ошибочные варианты. Возможность проверки фактической информации из таких рассказов современным комментатором болотовских мемуаров весьма ограничена, но в тех случаях, когда эта возможность возникает, сопоставление мемуарных новелл Болотова с документальными материалами позволяет в очередной раз сделать вывод о блестящей памяти автора мемуаров и высоком уровне достоверности его воспоминаний (см. Веселова, Милютин 2019).

Помимо индивидуальных свойств памяти, возможности которой у Болотова все-таки имели свои ограничения, объяснить эту особенность его мемуарных новелл, на наш взгляд, можно двумя обстоятельствами. Во-первых, это сознательное неприятие вымысла в мемуарах, а, возможно, и неспособность к созданию вымышленной реальности (см. Веселова, Милютин 2019: 410). Во-вторых, длительная устная трансляция рассказов, которые в итоге оказались записанными в качестве мемуарных новелл. По воспоминаниям людей, лично знавших Болотова, он был отличным рассказчиком (см. Болотов 1873: 748–749) и несомненно на всех этапах жизни стремился поддерживать высокий уровень светской и дружеской коммуникации. Об интенсивности общения Болотова после выхода в отставку с военной службы наглядно свидетельствует, например, сделанный им самим подсчет визитов к родственникам и соседям в дневнике 1766 года: за год Болотовы принимали у себя гостей в общей сложности 91 день, а в гостях и на выездах были 97 дней (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.2, л. 98). То, что рассказы о “любопытных и достойных примечания” проис-

шествиях из жизни Болотова, к тому же часто связанных с важными событиями в жизни всей страны, многократно становились в ходе таких визитов темой для разговоров, вполне естественно, причем, это нередко происходило вскоре после самих событий (до некоторой степени светское общение, по-видимому, компенсировало неразвитость частной переписки того времени). Например, очень живо Болотов описывает атмосферу общения со своими знакомыми по службе после приезда из Кенигсберга в Петербург в начале 1762 года, когда даже его начальник, Корф, имел с ним “предлинный разговор” о кенигсбергских новостях (Болотов II: 154–155, 158–160). Не менее естественным выглядит сообщение Болотова о том, что по приезде летом того же года в псковское имение сестры он “принужден был как

родным своим, так и приезжавшим к ним соседям все, что знал и самолично видел, рассказывать” о последних петербургских происшествиях (Болотов II: 269–270). А еще через месяц Болотов встретил в пути однополчанина, так же, как и он, вышедшего в отставку и возвращавшегося в родную деревню: “Мы обрадовались неведомо как, друг друга узнавши, и, севши к нему в повозку, не могли довольно наговориться. Он расспрашивал обо всем меня, а я таким же образом расспрашивал его” (Болотов II: 294).

Представляется, что именно в это время могли сформироваться многие устные рассказы, которые через 30–40 лет были записаны в мемуарах.

Список сокращений

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОИИ ГИМ – Отдел изобразительных искусств Государственного исторического музея

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Библиография

Анисимов 2014: М. Анисимов, *Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг.*, Москва, Товарищество научных изданий КМК, 2014.

Болотов I–IV: А. Болотов, *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков*. Т. I–IV, Санкт-Петербург, печатня В. Головина, типография В. Балашева, 1870–1873.

Болотов 1781: А. Болотов, *О новоизобретенной особливаго рода домашней Астролябии*, «Экономический магазин», 1781, II, 7, с. 289–297.

Болотов 2013: *Письма А.Т. Болотова к Н.Е. Тулубьеву (1760–1761)*. Публикация А.Ю. Веселовой // Т. Царькова (ред.), *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2012 год*, Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2013, с. 293–396.

Болотов 1873: М. Болотов, *Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г.*, «Русская Старина», 1873, IV, 8, с. 738–753.

Веселова 2002: А. Веселова, *А.Т. Болотов и П.З. Хомяков. Роман или мемуары?* // Н. Кочеткова (ред.), *XVIII век. Сборник 22*, Санкт-Петербург, Наука, 2002, с. 190–199.

Веселова, Милютин 2019: А. Веселова, М. Милютин, *«История графа Гревена» в мемуарах А.Т. Болотова: исторический контекст и литературная обработка* // *Литературная культура России XVIII века. Выпуск 8*, П. Бухаркин, Е. Матвеев (ред.), Санкт-Петербург, Геликон Плюс, 2019, с. 387–413.

Веселова, Милютин 2020: А. Веселова, М. Милютин, *Мемуары А.Т. Болотова: история создания*, «Русская литература», 2020, LXIII, 3, с. 165–182.

Глаголева 1987: О. Глаголева, *Библиотека А.Т. Болотова // Книга в России XVI – середины XIX вв.: Книгораспространение, библиотеки, читатель*, А. Зайцева (ред.), Ленинград, БАН СССР, 1987, с. 79–95.

Глаголева 1988: О. Глаголева, *А.Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения*, М. Кукушкина (ред.), Ленинград, БАН СССР, 1988, с. 140–158.

Масловский 1886: Д. Масловский, *Русская армия в Семилетнюю войну*. Вып. 1. Приложения, Москва, Типография Окружного штаба, 1886.

Масловский 1886: Д. Масловский, *Русская армия в Семилетнюю войну*. Вып. 2. Приложения, Москва, Типография штаба войск Московского военного округа, 1888.

Милютин 2019: М. Милютин, *Между Россией и Пруссией: трансграничные взаимодействия и информационное пространство в Восточной Пруссии в годы Семилетней войны по воспоминаниям А. Т. Болотова // Таможенная и пограничная политика в культурно-коммуникационном контексте: история и современность*, И. Ермаченко, А. Соломеин (ред.), Санкт-Петербург, РИО Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии, 2019, с. 117–128.

Тартаковский 1991: А. Тартаковский, *Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.*, Москва, Наука, 1991.

Майя Лавринович

Письма А. Ф. Малиновского (1800-е – 1830-е годы) как попытка автобиографии

Aleksei Malinovskii's Correspondence with Count Nikolai Sheremetev (1800s - 1830s) as an Effort to Create an Autobiography

This article analyses the correspondence by Aleksei Fedorovich Malinovskii (1762–1840) from the point of view of his strategy of creating his new self as an authentic nobleman. Covering the 1800s, his letters to Count Nikolai Petrovich Sheremetev (1751–1809), held at the Russian State Historical Archive in St. Petersburg (RGIA), have not previously received significant scholarly attention as a coherent narrative that reveals the social and cultural dimensions of Malinovskii's personality. His correspondence with other individuals is also drawn in order to demonstrate how these aspects developed in the next decades.

Письма, написанные чиновником Архива Коллегии иностранных дел в Москве Алексеем Федоровичем Малиновским (1762–1840) к графу Николаю Петровичу Шереметеву (1751–1809) в 1800-е годы, никогда не были предметом специального исследования. Объем корреспонденции весьма значителен, но историки используют лишь изредка отдельные письма (Долгова 2006). Однако вырванные из общего потока, они не дают соответствующего той эпохе представления о том, что стояло за теми или иными фактами и почему корреспонденты сочли

нужным сообщить о них. В моей работе я покажу, как в письмах Малиновского к Шереметеву из незначительных событий, отобранных для рассказа о себе и своей семье, складывается его (авто)биография, желаемый жизненный образ. Для понимания контекста жизненной траектории Малиновского я привлекаю также его письма другим корреспондентам. Поток корреспонденции отправлялись из Москвы в Петербург начиная с 1802 года, когда Малиновский взял на себя руководство строительством Странноприимного дома гра-

фа Шереметева в Москве, до середины 1806 года¹ До этого периода и после, когда Шереметев потерял интерес к Странноприимному дому, и вплоть до его смерти, переписка носила эпизодический характер (Лавринович 2016: 106–107)². Пока их отношения были безоблачными, Малиновский писал Шереметеву едва ли не каждую почту, иногда по несколько писем. Помимо переписки, Малиновский не оставил никаких свидетельств о себе, кроме служебных формуляров, однако частота и регулярность писем Шереметеву неразрывно связывают их содержание – текущие дела по строительству Странноприимного дома в

Москве – с его повседневным опытом. Как писал филолог-формалист Г. О. Винокур, личность “лепит и чеканит” свою жизнь из материала окружающей действительности (Винокур 2007: 39).

Центральная тема эпистолярия Малиновского – его всесторонняя преданность своему патрону. В жизни гарантией этой преданности служили многолетняя вовлеченность не только самого Малиновского, но и его отца – протоиерея Федора Авксентьевича Малиновского (1732/37?–1811), – а затем и брата Павла Федоровича (1766–1832) в семейные и бытовые дела графа³. На этот

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 1.

² Письма Малиновского Шереметеву в Петербург и написанные в короткие периоды пребывания его патрона в Москве, а также письма Шереметева к Малиновскому (разрозненные черновики, написанные секретарем под диктовку, иногда – с поправками графа) хранятся в: Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА), ф. 1088, оп. 3, дд. 605, 606, 607, 608, 608, 626; 627; оп. 14, дд. 6, 11, 12. В начале 1900-х годов внук Н. П. Шереметева граф С. Д. Шереметев частично сделал копии из семейного архива (впрочем, фрагментарно), поэтому часть переписки можно найти в: РГАДА, ф. 1287, оп. 1, дд. 4839, 4840.

³ О протоиерее Ф. А. Малиновском и его связях с аристократической элитой см. подробно Lavrinovich 2018: 5–7. Н. П. Шереметев посвятил его в тайну своего венчания с бывшей крепостной Прасковьей Кузнецовой (Ковалевой, Ковалевской) в 1801 году и поручил ему выплачивать ежегодную “мзду” венчавшему их в Москве священнику (РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 208, л. 17–17 об.; оп. 3, д. 627, л. 14). Шереметев был благодарен протоиерею Малиновскому за его утешения после смерти Прасковьи в 1803 году (РГИА, ф. 1287, оп. 1, д. 4840, л. 39). Младший из братьев, Павел Федорович, “надзирал” за воспитанием сына Н. П. и П. И. Шереметевых Дмитрия Николаевича (1803–1871), сначала неформально, а с 1809 года, после смерти Н. П. Шереметева, – по контракту, заключенному с ним опекунами: он получал в год по 7 тыс., а по совер-

центральный стержень Малиновский нанизывает элементы, которые, вместе взятые, позволяют увидеть, как в письмах он формирует определенное представление о себе – и для своего патрона, и, вероятно, для самого себя.

Круг источников, в которых исследователь сталкивается с чужим Я (*ego-document*), охватывает не только целенаправленно написанные автобиографические тексты, но и дневники, личные письма (Зарецкий 2013: 27). Однако свидетельство человека о самом себе – *Selbstzeugnis* – может содержаться в источниках, независимо от их формы (жанра) (см. Зарецкий 2013: 28–29). Свидетельства о себе следует соотносить с конкретными историческими обстоятельствами, в которых они появились, а не с теми фактами, о которых идет речь в документах. Последние нужны автору не для того, чтобы читатель через много лет выносил о них суждения, а как часть процесса коммуникации. Наличие адресата, публики и т.п. делает автобиографию и любое свидетельство о себе социальной и культурной

шеннолетию воспитанника получил 50 тыс. рублей (см. РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 1804, л. 4–4 об., 15–15 об.)

практикой (см. Зарецкий 2013: 36). Учитывая пересмотр отношений субъекта с самим текстом в гуманитарных науках, автобиографию не следует воспринимать как производное от личности, но можно разглядеть, как субъективность создается в процессе письма (см. Зарецкий 2013: 28). Такой подход к источникам личного происхождения позволяет рассматривать их и как способ создания нового социального субъекта. Письма Малиновского, прежде всего к Шереметеву, – это свидетельства усвоения им свойственных дворянину поведения и образа мыслей, фиксация представления о себе как об истинном дворянине.

Происходивший из семьи московского протоиерея, Малиновский в 1790-е годы добился от польских шляхтичей Малиновских (Malinowski), проживавших в Рогачевском уезде (до раздела Речи Посполитой в 1772 году – повете) Могилевской губернии, фиктивного подтверждения родства. Дворянский титул открыл ему возможности быстрой карьеры, покупки земель и крестьян, а также позволил претендовать на брак с аристократкой (Lavrinovich 2018: 16–18). По мнению Ю. М. Лотмана, дворянский быт конца

XVIII – начала XIX в. строился не только на основе иерархии поведения, сформированной “Табелью о рангах”, но и как набор возможных альтернатив (служба/ отставка; жизнь в столице/ в поместье; Петербург/ Москва; служба военная/ статская; гвардия/армия), каждая из которых подразумевала определенный тип поведения. Дворянский образ жизни означал постоянную возможность выбора, отсекая при этом *недворянское* поведение нормами чести, обычая, государственной дисциплины и сословных привычек (Лотман 1994: 189). Как видно из писем Малиновского, его жизненное пространство строилось вне этой дуалистической системы. Для Малиновского условности и нормы дворянской жизни были не “культурной обузой”, требовавшей “отдушины”, по выражению Лотмана, но целью и ценностью. Он комфортно чувствует себя чиновником на службе, и необходимость *выбирать* для него – это вопрос о том, как совмещать неформальную службу Шереметеву (а затем и другим покровителям) с должностью в Архиве Коллегии.

К началу XIX века служба и неформальные отношения – две сферы жизни российского

дворянина в парадигме Лотмана – организовывались двумя не пересекавшимися принципами: первая – иерархией и строгим бюрократическим порядком, вторая – родством и разными видами корпоративного единства. В основе второй лежали общедворянское единство и честь, разделяемая (по крайней мере, в теории) всеми, кто принадлежал к нему (см. Востриков 1992: 57). Претендуя на принадлежность к дворянской корпорации, Малиновский должен был продемонстрировать, что ему присущи принципы, на которых она строилась, в том числе ключевое понятие чести – особый способ кодификации репутации и статуса (см. Коллманн 2001: 15–16). Составляющими понятия чести были преданность семье, роду, другу. На основе преданности покровителю строились отношения патронажа (см. Kettering 1986: 20), который был важной структурой, пронизывавшей социально-политическую сферу “старого порядка” (см. Lavrinovich 2018). Именно в рамках своих отношений с покровителями Малиновский написал значительную часть своих писем. Из них всех письма Шереметеву по типу фиксации событий и частоте приближаются к

дневнику – одному из способов “создания себя”⁴. Это не случайно: дневники и письма имеют много общего, будучи интимным писанием со своей потенциальной исторической и литературной ценностью. Более того, частные семейные письма могут быть как литературными произведениями, так и формами “социабельности” (sociability) (см. Raperno 2004: 561). Говорить о близости писем Малиновского к дневнику позволяет, прежде всего, привязка к календарю – подневному писанию и рассказ от первого лица. Несмотря на формальное отсутствие у дневника, в отличие от писем, адресата и особую связь с

---

⁴ В XVII–XVIII веках пуритане и пие-тисты применяли дневниковые записи, чтобы культивировать самонаблюдение в поисках спасения в сообществе веры. Этот метод подвергся секуляризации в эпоху Просвещения и повлиял на современный жанр дневника в целом (см. Raperno 2004: 567). Один из примеров роли дневника в формировании идентичности – создание “нового человека” в 1930-е годы. Как пишет Й. Хелльбек: “авторы дневников 1930-х гг. были увлечены поиском того, кем они, в сущности, являются и как они могут преобразовать себя. Их дневники были действенными инструментами для вмешательства в собственное ‘я’, а действия определялись активной приверженностью общему революционному делу” (Хелльбек 2017: 19–20).

частным, интимным и тайным, корреспонденция Малиновского соответствует другому принципу дневниковых записей – отчету о личном опыте в определенный день. Этот отчет может быть адресован автором как самому себе, так и кому-то помимо этого Я. Письма Малиновского создавались как отчеты, адресованные патрону и *работодателю*. В силу специфического содержания писем Малиновского, важно подчеркнуть, что генетически, как жанр, дневники были связаны не только с хрониками или анналами, но и с личными и домовыми приходно-расходными книгами (см. Raperno 2004: 562). Письма Малиновского к Шереметеву касаются прежде всего хозяйственных вопросов: потраченных сумм, деталей постройки Странноприимного дома и оформления его церкви, конфликтов в московской канцелярии графа, назначений служащих в Странноприимный дом. Помимо этого, есть и другие признаки, позволяющие применить к этой переписке оптику дневника. Так, дневник, вопреки предпосылке, что он представляет собой акт интимной коммуникации автора с собой, на практике может иметь в виду читателя,

подобно письмам: от близкого друга или целого круга друзей автора до неизвестного читателя в будущем (см. Paperno 2004: 564). Письма, в свою очередь, в конце XVIII – начале XIX в. функционировали в семьях (например, Бакуниных) как дневники внутренней жизни, становились средством внутренней коммуникации и частью семейной исторической хроники (см. Paperno 2004: 568–569; Randolph 2004). В данном случае сравнение писем с дневником важно для демонстрации метода: дневник как средство овладеть темпоральностью создает нарративный шаблон движения во времени, и этот шаблон, в свою очередь, позволяет создавать и фиксировать продолжающуюся самоинтерпретацию (см. Paperno 2004: 566).

Малиновский блестяще владел умением писать письма. Развитию эпистолярных навыков Малиновского способствовала, прежде всего, многолетняя практика переводчика и секретаря. С конца 1770-х годов он занимался переводами для масонских журналов Н. И. Новикова, в 1780-е годы – для изданий, выходивших в типографии Московского университета, также находившейся под контролем мос-

ковских розенкрейцеров. Одновременно, не оставляя переводы французских пьес и сочинений общественно-политической тематики, он в 1780 году поступил на службу в Московский Архив Коллегии иностранных дел актуариусом, в 1783 году был повышен до переводчика, а в 1794 году получил должность секретаря в чине коллежского асессора. В 1800 году он стал помощником управляющего Архивом Николая Николаевича Бантыш-Каменского⁵.

Развитые навыки повседневного письма позволяли Малиновскому сообщать Шереметеву только то, что он считал нужным или выгодным для себя. Его патрон соглашался с этой тактикой: он таким образом устранялся от любых забот о своей московской экономике и строительства Странноприимного дома. Малиновский предлагал на его рассмотрение вопрос, как правило, уже им самим решенный, ставя своего патрона перед уже свершившимся фактом. Так, в 1805 году Малиновскому приглянулись росписи Доменико Скотти в Голицынской больнице. Он заключил с живописцем контракт на сум-

⁵ Подробно о карьере Малиновского см. в работе Lavrinovich 2018.

му 3100 рублей на роспись купола и алтарной арки в домашней церкви Странноприимного дома. Граф придавал очень большое значение украшению этой церкви, освященной в память св. Дмитрия Ростовского. Этому святому Шереметев считал своим семейным покровителем, поэтому назвал его именем своего сына, родившегося в 1803 году. “Весма довольный останусь, если Ваше Сиятельство повелите удостоить апробации вашей сей подряд”, написал Малиновский 1 июня⁶. Пока письмо шло в Петербург, а ответ графа – в Москву, Скотти приступил к работе, получив задаток в 1000 рублей. Однако в письме от 30 июня Малиновский объясняет Шереметеву, почему уже невозможно отменить этот заказ. Неизвестно, что именно не понравилось графу: сюжеты, живописец или же стоимость контракта. “Я могу уверить Ваше Сиятельство, что не найдете сие украшение для Церкви лишним”, убеждал его Малиновский, “Необходимая для алтаря картина воскресения Христова будет иметь помещение совсем отдаленное от картины Скотиевой; ибо сия оканчивает перспективу над большим иконостасом и

⁶ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 145.

отовсюду видна [...]”⁷. Шереметев никак не мог повлиять на происходящее, что развязывало Малиновскому руки. Было достаточно убедить патрона, что он просто “поторопился заключением условия с Скотием”, объяснив все “стечением обстоятельств” и прибавив, что невозможность исполнить все, как угодно Шереметеву, надолго повергает его в “беспокойство”⁸.

С конца 1804 года, когда работы в Странноприимном доме были в разгаре, Малиновский добивался от Шереметева согласия нанять себе помощника – некоего Михаила Николаевича Муравьева, “[...] без которого от чтения могу скоро ослепнуть. Бумаг ко мне так много входит, что в иной день ни глаз, ни головы моей не достаёт одолеть их. Батюшка мой часто сокрушается глядя на меня, как успеваю столько обрабатывать: все доклады к вам, дневные канцелярския мемории, и почтовые от вас бумаги с резолюциями я не только прочесть, но и сообразить должен; [...] с мая месяца более двух тысяч номеров”⁹. В 1800-е годы, будучи помощником управляющего Архивом,

⁷ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 186 об.

⁸ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 187.

⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 6 об.

Малиновский вел дела Архива, сочинял выписки и экстракты из архивных дел, выполнял запросы Коллегии и лично канцлера по поиску документов; помимо этого, он продолжал заниматься переводом пьес для Московского публичного театра (пока тот не сгорел в 1805 году) – точнее сказать, редактурой подстрочников, которые делали его подчиненные по Архиву (см. Lavrinovich 2020: 241–242). Он также состоял членом Общества истории и древностей российских при Московском университете (с 1804 года) и Оружейной палаты, занимаясь “описанием древностей” (с 1806 года). Учитывая это, его сетования на объем бумажной работы вряд ли можно считать преувеличением, как и то, что в таких обстоятельствах он был вынужден пренебрегать делами или по шереметевской канцелярии, или по Архиву, упуская что-то из виду или пуская на самотек. Жалобы Малиновского на здоровье были систематическими. Поздравляя Шереметева в конце декабря 1804 года с наступавшим новым годом, он писал: “Мне до сих пор не лучше. Кашель мучит, не простудной, а желудочной, но принужден

выезжать [на службу. – М. Л.]”¹⁰. В действительности эти жалобы так настойчивы потому, что Шереметев не торопился обратиться к Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому (1754–1829), в то время – министру почт и уделов и одному из самых близких к Александру I сановников. От Трощинского зависело увольнение служившего в его ведомстве чиновника Муравьева. Малиновский оказывал давление на Шереметева, упирая на свое плохое самочувствие: “в случае моей болезни оне [дела. – М. Л.] могут совсем остановиться, или по обязанностям настоящей моей службы [видимо, в Архиве. – М. Л.] изнурится мое здоровье, что я и успел уже испытать над собою”¹¹. Малиновский не боялся напрямую давить на патрона, поскольку был уверен, что его положение в окружении графа исключительно устойчиво благодаря авторитету его отца, порождавшему доверие к нему лично.

В своих письмах Шереметеву Малиновский представлял себя как единственного человека, соблюдавшего его интерес и заботившегося о его пользе. О вознаграждении за свои

¹⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 10.

¹¹ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 31.

труды он никогда не пишет, упоминает только о денежных суммах для своих помощников. Обязанные лично ему, помощники из своего окружения были нужны Малиновскому, чтобы составить свою собственную партию в канцелярии и противостоять “расхитителям”:

По части экономической я приучаю людей ваших думать и считать, что принадлежащее вам для меня весьма дорого и что за соблюдение всего я более всех отвечаю пред вами. – Истребить плутовство совсем невозможно; но видя, как я во все мелочные расходы вхожу, едва ль осмелится сделать какое либо расхищение¹².

Малиновский был уверен, что происки служащих канцелярии против него не будут иметь успеха, но старался, тем не менее, наступать первым. Значительная составляющая его писем – жалобы на служащих канцелярии, в основном умевших грамоте, обученных управлению хозяйством крепостных и нанятых подьячих: “ни на одного из них совсем

положиться нельзя, а [можно. – М. Л.] употребить одного против другого с успехом для дел ваших”¹³. И в вотчинах, и городских усадьбах Шереметева управление было поставлено крайне неэффективно, а делопроизводство было хаотичным. Для графа это не было тайной, и время от времени он выражал свое возмущение: “Но с чем можно сравнить еще сие упущение и необузданный беспорядок, что управители не имели никогда и никакого попечения, чтоб знать: сколько в экономических вотчинах хлеба и сена, то ли число доставляют те вотчины в Москву хлеба, сколько должно? И затем, сколько онаго должно оставаться!”¹⁴. Подчеркивая злоупотребления и хищения в канцелярии, Малиновский выставлял себя в выгодном свете: “И мне бы легко было многое сваливать на канцелярию вашу; но взявшись за гуж, не могу покинуть его. Здесь все имеют в предмете только самих себя и ловят минуты выслужиться на счет другого, единодушия ж для вашей особы нет”¹⁵. В марте 1805 года Малиновский, наконец, заполучил желаемого помощника

¹² РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 43 об.

¹³ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 628, л. 37 об.

¹⁴ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 189, л. 103 об.-104.

¹⁵ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 20 об.

– как выясняется, своего двоюродного брата¹⁶.

Верность, лояльность патрону, откровенность и искренность, которые Малиновский “практиковал” в письмах, были важной составляющей понятия чести – основной характеристики дворянина. С другой стороны, Малиновский представлял собой продукт петровских реформ, целью которых было превратить службу государству в единственно легитимный способ продвижения по социальной лестнице. Выходец из духовенства, он воспользовался этим правом, начав карьеру чиновника. Однако к концу XVIII в. сенатский указ ограничил недворян в производстве в чины¹⁷, поэтому возникла необходимость доставать, покупать или изобретать “доказательства дворянства” – практика, получившая широкое распространение и не осуждавшаяся обществом¹⁸. Получив благо-

даря этому и вопреки непредвиденным законодательным ограничениям чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство, он не остался “винтиком государственной машины”, а пошел вверх по ступеням чиновничьей карьеры к власти и богатству (см. Вердеревская 1996: 459).

Малиновский, добывший себе сертификат о родстве в 1793 году у польских шляхтичей, прекрасно понимал, что “кодекс чести” дворянина не был, с одной стороны, “присущ” ему от рождения, а с другой, он даже мог служить препятствием, поскольку купленная родословная никак не вписывалась в этот кодекс. Поэтому закономерно, что основой его идентичности стала служба, а не “древность рода” или “честь”. Характерный разговор, описанный Малиновским

¹⁶ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 10.

¹⁷ *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание I (далее – ПСЗ РИ I), т. 23, №16930 (1790).

¹⁸ Так, в те же годы стал “прирожденным дворянином” будущий поэт и воспитатель великих князей Василий Андреевич Жуковский (1783–1852). Будучи незаконнорожденным, Жуковский не имел шансов на получение дворянского статуса. Пользуясь связями в губернской администрации, а

также с самим тульским наместником М. Н. Кречетниковым, его сестры подделали ему родословную, выдав его за польского дворянина, состоявшего с шести лет на военной службе, поскольку польские граждане “свободного состояния” имели определенные привилегии на получение потомственного дворянства по выслуге чина прапорщика даже при отсутствии недвижимых имений в России (см. Глаголева, Фомин 2002). Я благодарю Л. Н. Киселеву за указание на упомянутую работу.

в письме Шереметеву, состоялся у него в 1804 году. К Малиновскому обратился бывший русский посланник в Константинополе (1781–1787) Яков Иванович Булгаков (“он здесь [в Москве – М. Л.] директором Российского благородного собрания (клуба)”) и попросил передать Шереметеву его просьбу: подарить дворянскому собранию статую императрицы Екатерины II. Малиновский ответил за своего патрона отказом, но Булгаков настаивал, жалуясь на затраты в случае необходимости заказывать другую статую. “Он министр [т.е. бывший посланник. – М. Л.], но и я в дипломатической службе состою [курсив мой. – М. Л.]”, писал Малиновский Шереметеву. Слова Малиновского верны с формальной точки зрения: служащие Московского архива Коллегии с 1779 года состояли в штате самой Коллегии иностранных дел¹⁹. Этим объясняется дерзость его ответа: “...а потому и спросил его [Булгакова. – М. Л.], есть ли б вы [Шереметев. – М. Л.] сверх чаяния моего уступили статую, то согласится ли дворянство за сие пожертвование напи-

¹⁹ ПСЗ РИ I, т. 20, №14834 (28 января 1779 года); ПСЗ РИ I, т. 44 (Книга штатов), ч. 2, №14834, с. 163.

сать на пьедестале, что сей монумент воздвигнут вами в честь Императрицы”²⁰. Служба государству уравнила его с потомком служилого рода, по праву рождения принадлежавшего элите государства.

С точки зрения стратегии Малиновского любопытны именные ведомости Архива – документ, ежегодно составлявшийся для отсылки в Коллегию, – за 1793 и 1794 годы, когда он заполучил искомое “подтверждение” своего родства с польскими Малиновскими и добился признания соответствующего сертификата в Сенате. Если в ведомости Архива, составленной в июле 1793 года, переводчик Алексей Малиновский был указан сыном протоиерея, не имевшим за собой крепостных²¹, то в следующем году в беловом отпуске такой же ведомости он стер аналогичную запись, вписав своей рукой, что происходит “из дворян” и владеет 27 д.м.п. в Калужской губер-

²⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 628, л. 40. Члены дворянского собрания, видимо, не согласились уступить Малиновскому и сделать надпись: в 1805 году в зале собрания был поставлен мраморный бюст Екатерины II, подаренный графом А. Г. Орловым-Чесменским (см. Горчаков 1843: 19–21).

²¹ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 69, л. 226 об.

нии²². Это были первые купленные им крепостные: в Калугу он отправился, взяв отпуск на семь дней, в ноябре 1793 года, еще до получения аттестата из Могилева²³. Скорость, с которой он начинает приобретать крестьян, еще до того, как в июне 1794 года перевод свидетельства о родстве на русский язык придет в Москву²⁴, говорит о нетерпении, с которым он ждал этого момента. Конечно, польские Малиновские не подписали свидетельство даром, но выгода, полученная Алексеем Малиновским, была больше, чем любая заплаченная сумма. Тем самым он проложил себе путь и к дальнейшим чинам, и к покупке крепостных – к чему он на самом деле стремился, как показывают и другие свидетельства.

²² РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 70, л. 241. Впрочем, в местном Калужском архиве, в делах 4-й ревизии, сохранился рапорт уездного предводителя за 1794 год, согласно которому Малиновский владел в Малоярославском уезде 34 крестьянами в селе Смахтине и деревне Микуловке (Государственный архив Калужской обл., ф. 260, оп. 1, д. 13, л. 347 об. – Я благодарю к.и.н. доцента А. М. Феофанова за предоставленную информацию). Вероятно, Малиновский докупил еще семь душ до конца 1794 года.

²³ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 69, л. 329.

²⁴ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 70, л. 232 об.

К 1798 году Малиновский – секретарь Архива в чине коллежского асессора – владел 90 д.м.п. в Московской и Рязанской губерниях²⁵, через пять лет – уже 145 д.м.п. О том, как он приобрел их, можно узнать из формуляра, заполненного им в 1803 году для внесения его имени в дворянскую книгу Московской губернии: 31 душа в Рузском уезде была куплена в 1794 году (то есть вскоре после 27 душ в Калужской губернии); 130 крепостных обоего пола он приобрел в Рязанской губернии в 1797 году; в 1802 году он приобрел 105 душ в Дмитровском уезде Московской губернии на аукционе²⁶. К 1817 году он вместе с женой владел уже 719 д.м.п., разбросанными по Московской, Рязанской, Тверской и Тульской губерниям. За 20 лет он увеличил численность своих крепостных в пять раз²⁷.

²⁵ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 74, л. 503 об.–504., цит. по: Болотина 1999: 211–212.

²⁶ См. свидетельство о записи в дворянскую книгу Московской губернии: Центральный государственный архив города Москвы (Отдел хранения документов до 1917 года) (далее – ЦГА Москвы [ОХД до 1917 года]), ф. 4, оп. 14, д. 140, л. 1–1 об., 5–5 об., 8.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 1, оп. IV–46, 1817, д. 1, л. 63. Малиновский не должен был учитывать крестьян, находившихся во владении жены в Тульской губернии и в Воло-

Подтверждая свой статус, он стремился не только к его материальной составляющей, но и к соответствию образу *honête homme*. Малиновский “чуждался всего, что напоминало его левитизм [то есть происхождение из потомственных священников]; гонялся за ученостью, но еще более имел *притязаний на светскую любезность*”, писал о нем Филипп Филиппович Вигель, поступивший на службу в Архив в 1800 году [курсив мой. – М. Л.]²⁸. За Малиновским закрепилось прозвище “кислосладкий”, в котором слышится отзвук его фамилии: так его, своего начальника, называют “архивные юноши” – и Вигель, и Александр Яковлевич Булгаков²⁹. Для современников, включая младших сотрудников Архива, происхождение Малиновского не было тайной: “Он был, уже без примеси, русского и духовного происхождения, ибо протоие-

---

коламском уезде Московской губернии (всего около 550 душ м.п.), как собственных, поскольку по закону приданое супруги, а также наследуемое ею имущество считалось ее собственностью (см. об этом: Маррезе 2009: С. 104–141).

²⁸ Вигель 1864: 173–174; РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 76, л. 450. Курсив в цитате мой. – М.Л.

²⁹ Версию о появлении этой фамилии в его семье см.: Lavrinovich 2018: 5–6.

рей, отец его, находился тогда [после 1798 года. – М. Л.] законоучителем в Московском университете”. Говоря о “примеси”, Вигель имел в виду происхождение управляющего Архивом Н.Н. Бантыш-Каменского, родственника молдавских господарей Кантемиров, с одной стороны, и родного племянника убитого во время Чумного бунта 1771 года в Москве архиепископа Амвросия Зертис-Каменского, с другой. Очевидно, что, несмотря на связь с духовенством, природное “благородство” каким-то образом отличало поведение Бантыша, так же, как и его отсутствие у Малиновского было заметно современникам. Александр Булгаков в письме к брату Константину рассказывал в 1826 году, что Малиновский взял у своего тестя, генерал-поручика Петра Алексеича Исленьева, в управление 600 душ, пообещав выдавать ему 6000 руб. в год: “В первый год выдал ему 4000, а потом ни гроша. Вот их любовь, т.е. поповская, предпочитающая деньги всему!” [курсив мой. – М. Л.]. “Не люблю я иезуитскую эту харю”, писал тот же Булгаков в 1833 году, узнав, что Малиновский выживает из архивного флигеля вдову многолетнего сотрудника Архива

Михаила Ивановича Шульца, чтобы поселиться там самому бесплатно и “тысячи три [годовой платы за жилье. – М. Л.] положить себе в карман”. “Каков же п[опови]ч!” восклицает Булгаков, ведь незадолго до этого Малиновский дал за дочерью полмиллиона приданого³⁰.

Дворянский диплом и чины не могли ввести современников в заблуждение, но в обществе, очевидно, существовал некий непроговоренный консенсус по этому вопросу, искусно использованный Малиновским. Благодаря петровской “Табели о рангах”, хотя и подкорректированной к концу XVIII века, а также специфическому этосу службы государству, чиновничество в лице Малиновского не просто стремилось к слиянию с дворянством (см. Вердеревская 1996: 458), но даже было готово конкурировать с потомками служилых родов внутри правящей элиты.

Письма к Шереметеву показывают, как усердно Малиновский стремится к обретению “нужных” привычек: не просто обрастает поместьями, но ведет соответствующий образ

³⁰ Гастфрейнд 1913: 300–301, прим. 2; *Из писем А.Я. Булгакова к его брату. 1833-й год. Январь-июнь*, «Русский архив», 1902, XI, 3, 510.

жизни (например, уезжает из Москвы в свою “деревнишку” заняться хозяйством). В 1804 году он отпрашивается у Шереметева на две недели “отъехать в деревни” (не оформляя отпуск через Коллегию)³¹, а в мае 1805 года он сообщает Шереметеву: “К завтраму я едва удосужился отъехать в Подмосковную свою на десять дней”³². “Подмосковная” – “деревнишка” в Рузском уезде, где в июне того же года пожар опустошил 16 дворов, чем Малиновский оправдывал свое отсутствие на строительстве Дома в течение трех дней³³. Начиная с 1810 года в метрических книгах церкви Странноприимного Дома, во флигеле которого Малиновский с семьей жил с открытия Дома и до 1826 года, упоминаются его крепостные и дворовые – прислуга, проживавшая при нем в Москве³⁴.

Малиновский стремится к “нормализации” своего быта как дворянского, изгоняя из него любое идущее вразрез с этой нормой поведение³⁵. Из-

³¹ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 628, л. 56 об.

³² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 47.

³³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 50.

³⁴ ЦГА Москвы (ОХД до 1917 года), ф. 2126, оп. 1, д. 1049, л. 1, 35–35 об.; РГАДА, ф. 179, оп. 1, д. 201, л. 151–151 об.

³⁵ Перерывы в нормированном поведении, выпадения из нормы, хотя и

вестно, что в семье Малиновских было три сестры, одна из которых умерла в детстве, о второй – Елизавете (1770 - ?) почти ничего не известно³⁶, а третья, Наталия (1777–1827), вышла замуж за журналиста, профессора Московского университета и одного из “питомцев” московских розенкрейцеров Павла Афанасьевича Сохацкого (1766–1809). Поразительно, но никто из братьев Малиновских – ни Алексей, ни Василий или Павел – никогда не упоминают о них в письмах друг к другу (очень скудно, впрочем, сохранившихся). Тем более неожиданно, что в феврале 1805 года, благодаря Шереметева за щедрый подарок – 3000 рублей, – Малиновский сообщил ему, что собирается истратить их на уплату долгов своей “промотавшейся” сестры, а там “может быть и опять

были сугубо функциональны в пределах данной системы, ограничивались представлениями о “допустимом”. Типы такого нарушения строго классифицировались в соответствии с возрастом и местом человека в социальной иерархии. Общество ясно различало “правильные” (допустимые) и “неправильные” (недопустимые) отклонения от нормы (см. Лотман 1992: 278–279).

³⁶ Она была замужем за надворным советником Иваном Андреевичем Полянским. В месяцесловах XVIII века такого чиновника нет (см. Степанов 2003).

сведу ее с мужем и испрошу прощения от бабушки”. “В семье не без урода”, заканчивает он свою мысль³⁷. Вероятно, отсутствие упоминаний о сестрах в переписке братьев связано в том числе с бегством одной из них от мужа, то есть с “неподобающим” поведением, которое могло лечь черным пятном на карьеру братьев. Семейство Малиновских во главе с отцом-протоиереем должно было оставаться достойным покровительства.

Когда в 1833 году в рязанском поместье Малиновского “уродилось только 11 четвертей ржи, а гречи ни зерна”, он знал, как положено поступить помещику – владельцу крепостных душ: “прокормить тамо двесте душ обоего пола”³⁸. Сообщая об этом Василию Алексеевичу Поленову, директору хозяйственного департамента Министерства иностранных дел, с которым он состоял в постоянной переписке с 1816 года, он сетовал на то, что и служители Архива также бедствовали из-за роста цен на продовольствие. Малиновский просил Поленова

---

³⁷ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 50. К сожалению, неизвестно, о ком идет речь – о Елизавете или Наталии.

³⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 595, д. 30, л. 33а.

найти способ помочь бедствующим подчиненным – неожиданный поступок со стороны человека, которого называли “искусным в искательстве” и “иезуитской харей”³⁹. Не исключено, что своих подчиненных он рассматривал тоже как своего рода крепостных, только государственных, и искал для них помощи в министерстве.

Из выходцев из духовенства, подобных Малиновскому, к началу XIX века внутри дворянства сложился значительный слой со специфической идентичностью (см. Манчестер 2015: 45–47), в которой главную роль играла служба (а не абстрактная “честь”), а владение крепостными было основной составляющей их социокультурных представлений о себе как о дворянине. При этом число крепостных хотя и было существенным для получения дохода, но важнее было другое: владеть другими людьми (пусть даже самым небольшим количеством, до десяти душ, каким к концу правления Екатерины II обладал каждый третий российский дворянин) означало быть свободным и быть господи-

ном, выступать не столько в качестве правительственного агента, сколько частного лица. Лишь такое приватное властвование давало ощущение господства, подчинения других людей своей воле самого по себе, а не как офицера или чиновника (см. Шипилов 2007: 135–136). Справедливости ради надо сказать, что однажды Малиновский упоминает в письме о своей “чести”. В 1826 году, в письме к министру иностранных дел графу Карлу Васильевичу Нессельроде, которому он подчинялся как директор министерского архива, Малиновский писал, жалуясь на библиотекаря М. И. Шульца, что всегда “был рад и готов воздавать ему добром за зло; но в известном вам случае злобный умысел его *против чести моей* более чувствителен для меня [курсив мой. – М. Л.]”⁴⁰. “Известный” Нессельроде случай – это, конечно, расследование, которое проводилось в Архиве с июня до середины августа 1826 года в связи с доносом отставных унтер-офицеров, охранявших Архив, на Малиновского. Какой “умысел” имел при этом Шульц, прослуживший с Малиновским почти 40 лет, и был ли он связан с доноси-

³⁹ Дмитриев 1998: 165; *Из писем А.Я. Булгакова к его брату. 1833-й год. Январь-июнь*, «Русский архив», 1902, XI, 3, 510.

⁴⁰ РГАДА, ф. 179, оп. 1, д. 201, л. 308.

ками, неизвестно. Однако в условиях только что закончившегося следствия над декабристами, среди которых был и муж родной племянницы Малиновского Андрей Евгеньевич Розен (1799–1884), это было серьезной угрозой. Расследование закончилось благополучно, оставив нам объяснительное письмо, написанное Малиновским императору. В нем он с большим достоинством уточнил, что тот самый “главный над Конторою”, который якобы “ совещається по ночам истребить Императорскую фамилию”, – он сам, и противопоставил себя, включенного в связи с “известнейшими людьми в государстве”: покойными Николаем Михайловичем Карамзиным и канцлером Николаем Петровичем Румянцевым, а также здравствовавшим Алексеем Андреевичем Аракчеевым и др., – “каким-то господам”. Это, писал он, “не сообразно ни с умом, ни совестью моею”, однако о чести в письме императору не упомянул [курсив мой. – М. Л.]. Вся его жизнь – пример службы, а цель ее – “приучать молодых людей к совершенной преданности”⁴¹. Он был уверен, что

⁴¹ РГАДА, ф. 179, оп. 1, д. 201, л. 328–329; Белокуров 1899: 5–6.

ни один из тех молодых людей, кто служил под его началом (“шатались в архиве”, по словам М. А. Дмитриева⁴²), не был среди “злоумышленников”. К письму он приложил список служивших в Архиве благородных юношей с указанием их должностей на 1826 год. Однако один “злоумышленник” все же проник в список. Этот был Николай Иванович Тургенев, служивший в Архиве коллегии в 1803–1813 годах и осужденный заочно к вечной каторге, о чем Малиновский, судя по всему, не знал⁴³.

Письма Малиновского Шереметеву, в сочетании со служебными документами и письмами, написанными министерскому начальству, позволяют утверждать, что владение крепостными наряду со службой формировали его дворянскую идентичность, в то время как “честь” – ее основа – все больше архаизировалась. Можно сказать, что представление Малиновского о своем социокультурном статусе приближалось к официальному. Во второй половине XVIII в. оно состояло в том, что идентичность дворянина

⁴² Дмитриев 1998: 165.

⁴³ РГАДА, ф. 179, оп. 1, д. 201, лл. 330–335 об.; 336–340; Белокуров 1899: 7–14.

покоится на службе – исполнении обязанностей – и близости к императору, то есть власти, которая выступала гарантом этой чести. Официальное понятие чести включало также высокое звание, сан, чин, должность, отличия, сближаясь с “репутацией”, источником которой было “начальство” (см. Марасинова 2009: 294).

Переписка, и прежде всего письма Шереметеву, оказались для Малиновского удобным инструментом, позволившим ему выстроить новую культурную (авто)биографию. Стремление к нормализации поведения приводит к потере индивидуальных биографических черт, делая его все более “типичным”, что особенно заметно во второй половине 1810-х – 1820-х годов: награды, чины, должности шли Малиновскому своей чередой благодаря уже новым покровителям (прежде всего, А.А. Аракчееву⁴⁴), в то время как связи с Шереметевыми распадаются после увольнения с должности главного смотрителя Странноприимного дома в 1826 году⁴⁵. У него больше нет необ-

ходимости выбирать между частным и государственным⁴⁶.

⁴⁴ Дмитриев 1998: 165, 597 (прим. 37 и 38).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 197. Оп. 2. Д. 42. Ч. 2. Л. 5–6а; Ф. 179. Оп. 1. Д. 201, л. 328–329; О причинах увольнения Малиновского

в историографии существуют только догадки, одна из них – расследование в Архиве в 1826 году. Однако должность главного смотрителя Странноприимного дома – учреждения частного, хотя косвенно и находившегося под контролем властей, – не шла ни в какое сравнение по своей важности с должностью управляющего министерским архивом, с которой Малиновский уволен не был.

⁴⁶ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Библиография

Белокуров 1899: С. Белокуров, *К истории Московского главного архива Коллегии иностранных дел*, Москва, Типография Г. Лисснера и А. Гешея, 1899.

Болотина 1999: “Надлежит ... ведать все уставы государственных и важность их”. Документы РГАДА по истории государственной службы России. XVIII в., публ. Н. Болотиной, «Исторический архив», 1999, 3, с. 189–215.

Вердеревская 1996: Н. Вердеревская, *О разночинцах // Из истории русской культуры*, Б. Егоров, А. Кошелев (сост.), Москва, Языки русской культуры, 1996, т. V, с. 452–462.

Востриков 1992: А. Востриков, *О некоторых исключительных способах разрешения конфликтов чести в России начала XIX века // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана*, Е. Пермяков и др. (сост.), Тарту, Эйдос, 1992, с. 57–70.

Вигель 1864: Ф. Вигель, *Воспоминания*, ч. 1, В университетской типографии (Катков и Ко), Москва, 1864.

Винокур 2007: Г. Винокур, *Биография и культура*, Москва, URSS, 2007.

Гастфрейнд 1913: Н. Гастфрейнд, *Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Материалы для словаря лицейцев Первого курса 1811–1817 г.*, собрал и издал Н. Гастфрейнд, Санкт-Петербург, 1913, т. 3.

Глаголева, Фомин 2002: О. Глаголева, Н. Фомин, *Незаконно-рожденные дети в XVIII в.: Новые материалы о получении В. А. Жуковским дворянского статуса*, «Отечественная история», 2002, 6, с. 163–175.

Горчаков 1843: Н. Горчаков, *О российском благородном собрании в Москве*, Москва, Типография С. Селивановского, 1843, с. 19–21.

Долгова 2006: С. Долгова, *Граф Н. П. Шереметев и семья Малиновских // Памяти Лукичева*. Сб. статей по истории и источниковедению, Ю. Эскин (сост.), Москва, Древлехранилище, 2006, с. 364–374.

Дмитриев 1998: М. Дмитриев, *Главы из воспоминаний моей жизни*, подготовка текста и примеч. К. Боленко, Е. Ляминой, Т. Нешумовой, Москва, Новое литературное обозрение, 1998.

Зарецкий 2013: Ю. Зарецкий, *Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов*, Ю. Зарецкий, В. Лихачев, А. Зарецкая (сост.), Москва, ИД Высшей школы экономики, 2013, с. 24–41.

Коллманн 2001: Н. Коллманн, *Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени*, Москва, Древлехранилище, 2001.

Лавринович 2016: М. Лавринович, *Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв.*, «Российская история», 2016, 3, с. 91–110.

Лотман 1992: Ю. Лотман, *Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Ю. Лотман, Избранные статьи. Статьи по семиотике и топологии культуры*, Таллинн, Александра, 1992, т. 1, с. 269–286.

Лотман 1994: Ю. Лотман, *Искусство жизни // Ю. Лотман, Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, Санкт-Петербург, Искусство–СПБ, 1994, с. 180–210.

Манчестер 2015: Л. Манчестер, *Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*, Москва, Новое литературное обозрение, 2015.

Марасинова 2009: Е. Марасинова, *“Благородство” и “честь” российского дворянина // Особенности российского исторического процесса: Сб. ст. памяти академика Л. В. Милова. К 80-летию со дня рождения*, А. А. Горский (ред.), Москва, РОССПЭН, 2009, с. 291–299.

Маррезе 2009: М. Маррезе, *Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России: (1700–1861)*, Москва, Новое литературное обозрение, 2009, с. 101–141.

Степанов 2003: В. Степанов, *Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795)*, Санкт-Петербург, Академический проект, 2003.

Хелльбек 2017: Й. Хелльбек, *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи*, Москва, Новое литературное обозрение, 2017.

Шипилов 2007: А. Шипилов, *“Благородство” против “подлости” (специфика формирования сословной культуры русского дво-*

рyанства), «Общественные науки и современность», 2007, 1, с. 132–144.

Boutcher 2002: Boutcher, Warren, 2002. ‘Literature, Thought, or Fact? Past and Present Directions in the Study of the Early Modern Letter’ in Toon Van Houdt, Jan Papy, Gilbert Tournoy and Constant Matheussen (eds.), *Self-presentation and Social Identification. The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times* (Leuven: Leuven University Press), 137–163.

van Houdt, Papy 2002: van Houdt, Toon and Papy, Jan. 2002. ‘Introduction’, in Toon Van Houdt, Jan Papy, Gilbert Tournoy and Constant Matheussen (eds.), *Self-presentation and Social Identification. The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times* (Leuven: Leuven University Press), 1–15.

Kettering 1986: Kettering, Sharon. 1986. *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*, (New York: Oxford University Press).

Lavrinovich 2018: Lavrinovich, Maya, 2018. ‘The Servant of Two Masters? The Role of Patronage and Clientage in the Career Strategies Of a Moscow Official In the Late 18th and Early 19th Centuries’, *Cahiers du Monde Russe*, LIX (1): 7–36.

Lavrinovich 2020: Lavrinovich, Maya, 2020. ‘Wealth, Nobility and Sentiment: Aleksei Malinovskii’s Translation of August von Kotzebue’s *Poverty and Nobleness of Mind as Self-Fashioning*’, *Slavonic and East European Review*, XCVIII (2): 235–265.

Paperno 2004: Paperno, Irina. 2004. ‘What Can Be Done with Diaries?’, *The Russian Review*, LXIII(4): 561–573.

Randolph 2004: Randolph, John. 2004. “That Historical Family”: The Bakunin Archive and the Intimate Theater of History in Imperial Russia, 1780–1925’, *The Russian Review*, LXIII (4): 574–593.

Magdalena Dąbrowska

‘The Primary Pleasure Now is History ...’: Nikolai Karamzin’s Interest in History in the Light of His Letters to Mikhail Murav’ev

The article discusses the letters of Nikolai Karamzin (1766–1826) to Mikhail Murav’ev (1757–1807) during the period 1803–1807 focussing on the circumstances surrounding the creation of *A History of the Russian State*. The article analyses 15 letters published in a three-volume collection of the works of Karamzin in 1848, as well as a letter published by Laura Rossi in 2018. The first letter was written on 28 September 1803 and it contains a request from Karamzin to Murav’ev to support his efforts to receive financial assistance from Russian authorities for the preparation of *A History of the Russian State*. The letters by Karamzin to Murav’ev, together with the writer’s letters to other individuals (the poet Ivan Dmitriev and Karamzin’s brother Vasiliï), highlight the circumstances surrounding the emergence of the idea to compose an outline of the history of Russia (after the periodical *Vestnik Evropy* had ceased to be published) and the stages of Karamzin’s work on the first volumes.

The relations between Nikolai Karamzin (1766–1826) and Mikhail Murav’ev (1757–1807) (and other writers of the turn of the nineteenth century) have attracted the attention of various researchers (Georgii Makogonenko, Liubov’ Kulakova, Rimma Lazarchuk, Irina Fomenko, and others), among whom a particularly prominent place is occupied by the work of Laura Rossi, who explored, among others, the problem of the relationship between artistic prose and letter-writing (Rossi 1994: 91–115).

This article focuses on Karamzin’s interest in history and the

circumstances of the initiation of his work on *History of the Russian State* [Istoriia gosudarstva Rossiiskogo, 1816–1826], and this angle will serve as a basis for a discussion of the writer’s letters to Murav’ev. We seek to identify in the correspondence thematic lines associated with Karamzin’s interest in history. It is not a coincidence that the title of this article includes a quotation by Karamzin stating that the exploration of Russian history and the writing of *History of the Russian State* became for him in that period the greatest pleasure, meaning that he was completely engrossed in his

work, which became his centre of interest and a pursuit more important than any other. This is also borne out by Karamzin's words from letters to others and opinion writing, listed at the end of the present article.

This article focuses on 15 letters by Karamzin to Murav'ev from the period 1803–1807. The majority of them were drafted in Moscow. The first letter is from 28 September 1803; in a post scriptum to it, Karamzin gives the address of his Moscow residence. The last letter is dated 28 January 1807. They were first published in the journal *Moskvitianin* in 1845 with two editorial footnotes, one of which referred to Karamzin, and the other to Murav'ev (Karamzin 1845: 1–16). They were later included in collections of works by Karamzin, including a three-volume collection published in St. Petersburg in 1848 (Karamzin 1848: 680–699). They are complemented by a letter dated 16 October 1803, published by Laura Rossi as a supplement to an article from 2018 on the exchanges between the two authors (Rossi 2018: 213–227). If we include it in the primary body of letters by Karamzin to Murav'ev, it comes second in chronological order. According to Rossi, the manner in which Karamzin addresses Murav'ev in the first two

letters demonstrates that at the time they were not friends yet, but did enjoy mutual respect. In subsequent letters, the tone of their exchanges evolves, but not beyond the scope of topics discussed. The thematic scope of the letters expands, but the central focus is always on history. Murav'ev's letters have been lost, but Karamzin's letters allow us to guess their contents and what his attitude towards his interlocutor was. The absence of letters from Murav'ev to Karamzin was, in a way, to be compensated for by an extensive footnote in the journal *Moskvitianin*, devoted to the public activity of Murav'ev. After Murav'ev's death on 29 July (10 August) 1807 in St. Petersburg, 'Karamzin was linked by close bonds [...] with his family – widow [...] and growing sons' (Lotman 1997b: 287). The letters by Karamzin to Murav'ev was the subject of a 2011 article by Liubov' Sapchenko, however her central focus was not the issue of history (Sapchenko 2011: 89–96).

At the start of the correspondence with Murav'ev, Karamzin was a well-known literary figure, the author of sentimental novels (*Poor Liza*, [Bednaia Liza, 1792] *Julia* [Iuliia, 1796], etc.) and pre-romantic novels (*Bornholm Island* [Ostrov Borngol'm, 1793],

creator of *Letters of a Russian Traveller* [Pis'ma russkogo puteshestvennika, 1791–1792], one of the precursors of Russian historical prose, a poet, translator, the founder and editor of journals (*Moskovskii zhurnal*, *Vestnik Evropy*) and literary almanacs (*Aglaiia*, *Aonidy*). His objective at that time was to compose an outline of the history of the Russian state. Karamzin gave indication of his urgent need to deliver such a volume to his fellow Russians in *Letters of a Russian Traveller*: in his opinion, such a theme would be interesting and enticing to readers – the history of Russia would be no less engaging than that of other European states, not only for Russians, but for foreigners as well (Karamzin 1984: 344). Nestor and Nikon became, in the writer's view, symbols of Russian history: if he claimed in *Letters of a Russian Traveller* that a well-written history of Russia should bring them alive in the imaginations of its readers (Karamzin 1984: 344), in a letter dated 2 May 1803 to his friend, the poet Ivan Dmitriev, he wrote that he had become so engrossed in his work on *A History of the Russian State* that he saw them in his dreams at night (Karamzin 1866: 116). Al'bert Starchevskii concurred with Karamzin's harsh opinion on the

lack of a well-written outline of Russian history: distinguishing two periods in Russian historiography – *the time before Karamzin* and *the time of Karamzin* – he stated that everything that had arisen during the former period appears incomparably modest in terms of depth and significance next to what came in the latter (Starchevskii 1852: 2).

Starchevskii's attention was also drawn to Murav'ev, a novelist, poet, translator, teacher of literature, history and moral philosophy to the Grand Princes Alexander and Constantine. Starchevskii perceived Murav'ev's historical works, mainly written for his pupils, as a transition between two distinct periods, stating that without Murav'ev there would be no Karamzin-as-historian; in his opinion, the future creator of *A History of the Russian State* could not have been under the influence of Murav'ev, since Karamzin possessed a more well-rounded education that allowed for greater independence and originality of thought (Starchevskii 1852: 3). Starchevskii assigned a particular role in the development of historical thought to the cycle of *conversations among the dead* and Murav'ev's *Attempts at History, Literature and Morality* [Opyty istorii, slovesnosti i

nravoucheniia, 1810]. The *conversations among the dead* induced him to nickname the writer 'the Russian Macaulay of the eighteenth century' (Starchevskii 1852: 6), in reference to Thomas Babington Macaulay (1800–1859), a state activist, poet, novelist and historian of the Victorian era, who devoted the waning years of his life to work on *The History of England from the Accession of James II*.

It is to Murav'ev that Nikolai Karamzin turned with a request to support his efforts in gaining the assistance of Russian authorities in the preparation of *A History of the Russian State*. The choice of Murav'ev had to do with the latter's duties and position in the state hierarchy – Murav'ev was not only an author, but also a secretary to Alexander I, in charge of the reception of petitions, and a collaborator for the minister of education (Alpatova 2002: 139). 'Murav'ev [...] spoke but two words to Tsar Alexander, and Karamzin was appointed historiographer without any attestations or explanations' – this is how Mikhail Pogodin assessed the effectiveness of Karamzin's efforts in a speech in praise of the writer given at the 1845 unveiling of a monument to him in Simbirsk (Pogodin 2006: 625). His efforts to inform Tsar Alexander I of the intention to

compose an outline of the history of Russia and to induce him to provide funds for that purpose constitute the first and most important theme of their exchange – it practically covers the entirety of the correspondence. After obtaining the Tsar's support, that first theme developed into the writer's requests – which achieved equal success – to obtain unfettered access to archives and libraries.

The second theme in the letters centres on Karamzin's reports on the progress of his work on *A History of the Russian State*, while a third strain is made up of considerations on history and historians. In all of the letters, the author thanks Murav'ev for his help.

The borders between the various themes are not impenetrable, as in some letters they are generally woven freely into one another and are mutually complementary.

It should be added that the third theme served as the very title – *On History and Historians* [O istorii i istorikakh] – for an undated article by Murav'ev included in the large group of *texts about history* published in the three-volume St. Petersburg edition of his works from 1819–1820 (Murav'ev 1819–1820). That same group is represented by the articles *The Science of Histo-*

ry [Uchenie istorii, 1810] and *Historians of Antiquity* [Istoriki drevnosti, 1810]. The term *texts of history* is taken from Vladimir Toporov, who additionally distinguished three groups among them: articles on the history of Russia, articles on general history, and articles containing theoretical 'lessons of history' (Toporov 2001: 747–750).

The aforementioned volume of Murav'ev's works was published at the time when Karamzin's work on *A History of the Russian State* was already at an advanced phase. The same can be said of *Attempts at History, Literature and Morality*, issued in 1810 and edited by Karamzin himself, which also in part contained *texts of history* (Murav'ev 1810). On this work, Starchevskii wrote that it had become a sort of memorandum for the author of *A History of the Russian State* (Starchevskii 1852:6). Toporov summarised the issue of the relationship between Karamzin and Murav'ev as historians thus:

Murav'ev took up the history of Russia far earlier than Karamzin did [...]; in 1803, when Karamzin turned to him, he had already written much, but his writings largely remained unpublished; on the basis of what he had

written up to that time, we may express the not-groundless hypothesis that [...] Murav'ev himself could have sought to write a history of Russia, all the more so considering that [...] he already possessed a general plan for such a history and a brief outline (Toporov 2001: 760).

Even if Karamzin was not broadly aware of Murav'ev's historical output, he had proceeded correctly in turning to him for receiving support with his letters, as he reached not only a person versed in history, but also one who felt the need to provide readers with an outline of the history of Russia.

In order to appreciate the importance of this correspondence, it is important to discuss the state of Russian historiography in the period preceding the writing of the *History of the Russian State*. Such discussion should necessarily mention the name of August Ludwig von Schlözer (1735–1809). Schlözer was influential in the publishing of Vasilii Tatishchev's (1686–1750) *A History of Russia from Ancient Times* [Istoriia Rossiiskaia s samikh drevneishikh vremen, 1768–1843], one of the most important works on the history of Russia prior to Karamzin's work.

The author of *A History of the Russian State* was thus not the first to take such an endeavour, however it was not Tatishchev, but Karamzin himself who went down in history and to be referred to by Aleksander Pushkin as 'old Russia's Columbus' and 'our first [Russian – M.D.] historian and last chronicler' (Pushkin 2006b: 159; Pushkin 2006a: 289). Karamzin's predecessors have been extensively discussed by Pavel Miliukov, who set out by dismissing the common belief – perpetuated by Pushkin – that Karamzin was a pioneer working on 'barren land':

ignoring the connections between the *History of the Russian State* and the preceding period and remembering only its relation with the period to come, we have grown used to thinking that Karamzin had no teachers, only disciples. That is why Karamzin became a Peter I for a few generations and his history became an America of our historiography (Miliukov 1913: 128).

Miliukov established that Karamzin's predecessors and sources of historical information had included Schlözer (Miliukov 1913: 137–138). That Karamzin

took steps to familiarize himself with the works of the German scholar, assuming that they could be significant and interesting for him, is attested by his letter to Murav'ev from 10 October 1804 (Karamzin 1848: 689). In a letter dated 6 March 1806, Karamzin wrote that he was not afraid any more of Schlözer's criticism (Karamzin 1848: 695).

Writing *A History of the Russian State* was for Karamzin not only a pleasure, as suggested by his words (quoted in the title of the present article) in a letter to Murav'ev dated 12 September 1804 (Karamzin 1848: 688). The preparation of that work, which grew to become one of the most monumental in European historiography of the first half of the nineteenth century, was perceived by its author as a duty towards his compatriots, an attempt at filling a gap in the library of educated Russians which was felt as an embarrassment to the nation.

The letters of Karamzin to Murav'ev constitute merely a small portion of his extensive epistolary legacy, shedding light on both his personal life and his multifaceted social activity. By comparing the letters written during the same period to various recipients, including members of his family, we can identify the most important issues for

the writer at that time. In 1803, Karamzin's attention was primarily devoted to the idea of writing *A History of the Russian State*, which is attested to by letters not only to Murav'ev, but also to his brother Vasilii. The letters to both of them shed light on the reasons for and circumstances surrounding the decision to take up the work on the volume, as well as on the personal and creative dilemmas which tormented the writer. Karamzin wrote to both of them about his intention to cease publishing the journal *Vestnik Evropy*, which he had successfully done since 1802. In a letter to his brother dated 6 June 1803, he wrote that he was planning to publish the journal until such time as he had gathered a sufficient sum of money to live without material concerns, and that after that goal was achieved, he would abandon publishing in favour of working as an historian (Karamzin 1982: 222). On 24 December 1803, Karamzin informed Murav'ev that he only had one more issue of the journal *Vestnik Evropy* to print, in which he intended to say a final goodbye to his readers (Karamzin 1848: 684). The farewell article was printed in the final – double (23 and 24) – issue of the journal; in the main portion of the article, the author limited

himself to the enigmatic statement that he was now facing an important and difficult task, while readers could find full information about the grant from the Tsar of 2,000 roubles annually for the preparation of *A History of the Russian State* in a footnote. Karamzin would work on *A History of the Russian State* until the end of his life, although he optimistically declared in his 28 September 1803 letter to Murav'ev at the start of their correspondence that five or six years would be sufficient for that purpose (Karamzin 1848: 681). The financial argument would again be advanced by Karamzin, as he suggested putting the remuneration of a historian on par with that of a university professor (Karamzin 1848: 681). A second, repeating theme in letters to both addressees is his health. In a letter to Murav'ev dated 28 September 1803, and to his brother Vasilii dated 13 October of the same year, Karamzin complains of worsening sight which prevents him from the day-to-day work of editing a journal (Karamzin 1848: 680; Karamzin 1982: 222). If Karamzin associated his publishing activity with haste and nervousness, he saw the work of the historian as calm and unhurried. In a letter to Murav'ev dated 10 October 1804, Karamzin wrote that

he would also not rush to publish individual volumes of *A History of the Russian State* (Karamzin 1848: 689). The discussed letters thus clearly present a dyad of *present – past* (or, to put it differently: *immersing in the present, discarding the present in favour of the past*). We may comment on this juxtaposition borrowing the words of Iurii Lotman: ‘while the young associates of [Tsar] Alexander rapidly attempted to see into the future with their plans for reform, Karamzin countered them with his orientation towards the past as the foundation of the future’ (Lotman 1997a: 578).

Lotman points out that Karamzin set out working on *A History of the Russian State* after quitting as editor of the journal *Vestnik Evropy*, but the idea to work on the *History* matured during the period in which the journal was published (Lotman 1997a: 576). It was not by chance that the journal contained reportages with a historical slant, whether written by him (*Historical Memories and Musing on the Way to the Monastery of the Holy Trinity and in That Monastery*; Karamzin 1802 [Istoricheskie vospominaniia i zamechaniia na puti k Troitse i v sem monastyre]), or attributed to him (*A Journey to the Monastery of the Resurrection, Today Known as*

New Jerusalem [Puteshestvie v Voskresenskii monastyr’, nazyvaemyi nyne Novym Ierusalimom]), also attributed to Mikhail Kachenovskii; Karamzin? 1804: 97–108; Batshev 2016: 173–177; Sokolinskii 1997: 219). A review of drafts written by Karamzin was prepared by Mikhail Pogodin (Pogodin 1866: 5–24). Monasteries around Moscow became places the author went to in search of materials for *A History of the Russian State*, about which he wrote to Murav’ev in a letter dated 3 June 1805 (Karamzin 1848: 693). Even if, in order to become an historian, Karamzin abandoned his work as a writer and publicist, he did not cease being a writer and publicist while preparing *A History of the Russian State*. The literary skills developed over decades left their mark on the linguistic and stylistic shape of the *History*, which should be considered one of the reasons for its failure among readers. As Vladimir Murav’ev observed,

the drafts and historical articles published in the years 1801–1803, other than being an attempt at working with historical sources, was also an attempt at a literary rendering of historical material; they are different in terms of tone,

character, degree of fictionalisation; individual elements found in them foreshadow the style of *A History of the Russian State* (Murav'ev 2005: 378–379).

Lotman linked the purpose of the creation of *A History of the Russian State* with the second stage of the 'reconstruction' of Russian society, following the reform of the literary Russian language:

The reform of the language was meant to fashion the Russian reader into a member of a society, a civilised person, a humanist; now Karamzin faced a new task – to make him into a citizen, and in order to achieve this [...] he should have a history of his own country, he should become a person of history (Lotman 1997a: 577).

The reason to come to such a conclusion can be found in the letters to Murav'ev. In a letter dated 28 September 1803, Karamzin called himself 'a person who encourages the successes of language and good taste' (Karamzin 1848: 681), while in a letter from 12 Septem-

ber 1804 he wrote about the role of *A History of the Russian State* in educating the society (Karamzin 1848: 687). 'Russia should always have a historiographer' – this is Karamzin's statement in the second of the letters (Karamzin 1848: 687).

The letters to Murav'ev reflect the progress of Karamzin's work on the first three volumes of *A History of the Russian State*. In a letter dated 12 September 1804, he informed Murav'ev that he had completed the introduction and outline of the history of Rus' since the times of Riurik (Karamzin 1848: 687); on 6 March 1806, he declared the completion of the second volume (Karamzin 1848: 695); and in a letter from that same day, as well as in an undated missive to Murav'ev, he detailed plans for arranging the material in the third and fourth volumes (Karamzin 1848: 698). The progress of the work on the initial volumes was also reflected in Karamzin's letters to other correspondents (Kniazheva 2017: 15–27). The writer's approach to his country's history changed depending on the era he was working on. In his opinion, the description of every era posed different challenges to the historian, as he wrote in a letter to Murav'ev dated 6 March 1806 (Karamzin 1848: 695). The prod-

uct of the historian's work should be, as he wrote in a letter from 12 September 1804, deeply careful, as there can be no information included without the confirmation of the source material (Karamzin 1848: 686–687). The letters are important resources for scholars of both Karamzin and Murav'ev, as they reflect the development of

Karamzin's interest in history and his road to writing *A History of the Russian State*, while also showing his relations with the intellectual and artistic circles at the turn of the nineteenth century.

Bibliography

Alpatova 2002: Alpatova, Tat'iana. 2002. 'Murav'ev Mikhail Niki-tich' in *Russkie pisateli. Biobibliograficheskii slovar'*, ed by S. Dzhanu-mov (Moscow: Prosveshenie), 135–140.

Batshev 2016: Batshev, Maksim. 2016. 'Nikolai Karamzin kak odin iz pervykh issledovatelei Podmoskov'ia', *Karamzinskii sbornik*, v. 5-6: 173–177.

Karamzin 1802: Karamzin, Nikolai. 1802. 'Istoricheskie vospomina-niia i zamechaniia na puti k Troitse i v sem monastyre', *Vestnik Evropy*, vv. 4(15–16), 5(17): 207–226, 287–304, 30–47.

Karamzin? 1804: Karamzin, Nikolai. 1804. 'Puteshestvie v Voskre-senskij monastyr', nazyvaemyi Novym Ierusalimom', *Vestnik Evropy*, 16(14): 97–108.

Karamzin 1845: Karamzin, Nikolai. 1845. 'Materialy dlia russkoi istorii i dlia istorii russkoi slovesnosti. Pis'ma N.M. Karamzina k M.N. Murav'evu', *Moskvitianin*, 1(1): 1–16.

Karamzin 1848: Karamzin, Nikolai. 1848. 'Pis'ma k M.N. Murav'evu', in *Sochineniia Karamzina*, (St. Petersburg: Izd. A. Smirdina), 680–699.

Karamzin 1866: Karamzin, Nikolai. 1866. *Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu*, ed. by Iakov Grot and Petr Pekarskii (St. Petersburg: Ti-pografiia Imperatorskoi Akademii Nauk).

Karamzin 1982: Karamzin, Nikolai. 1982. *Izbrannye stat'i i pis'ma* (Moscow: Sovremennik).

Karamzin 1984: Karamzin, Nikolai. 1984. 'Pis'ma russkogo pu-teshestvennika', in *Sochineniia v dvukh tomakh*, v. 1 (*Avtobiografiia. Pis'ma russkogo puteshhestvennika. Povesti*), ed. by Nikolai Karamzin (Leningrad: Khudozhestvennaia literatura), 55–504.

Lotman 1997a: Lotman, Iurii. 1997. 'Kolomb russkoi istorii', in *Ka-ramzin. Sotvorenii Karamzina. Stat'i i issledovaniia 1957–1990. Zametki i retsenzii*, ed. by Iurii Lotman (St. Petersburg: Iskusstvo – SPb), 565–587.

Lotman 1997b: Lotman, Iurii. 1997. 'Sotvorenii Karamzina', in *Ka-ramzin. Sotvorenii Karamzina. Stat'i i issledovaniia 1957–1990. Zametki i retsenzii*, ed. by Iurii Lotman (St. Petersburg: Iskusstvo – SPb), 9–310.

Murav'ev 1810: Murav'ev, Mikhail. 1810. *Opyty istorii, slovesnosti i nravoucheniia*, vol. 1-2, (Moscow: Universitetskaia tipografiia).

Murav'ev 1819–1820: Murav'ev, Mikhail. 1819–1820. *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 1-3, (St. Petersburg: Tipografiia Rossiiskoi Akademii).

Murav'ev 2005: Murav'ev, Vladimir. 2005. *Nikolai Karamzin* (Moscow: Izograf –EKSMO).

Kniazheva 2017: Kniazheva, Elena. 2017. “Sviatilishche russkoi istorii”: Karamzin i Ostafevo’, in *Mikołaj Karamzin i jego czasy*, ed. by Magdalena Dąbrowska and Piotr Głuszkowski (Warsaw: Instytut Rუსystyki Uniwersytetu Warszawskiego), 15–27.

Miliukov 1913: Miliukov, Pavel. 1913. *Glavnye techeniia russkoi istoricheskoi mysli* (St. Petersburg: Izdanie M.V. Aver'ianova).

Pogodin 1866: Pogodin, Mikhail. 1866. *Nikolai Mikhailovich Karamzin, po ego sochineniiam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Materialy dlia biografii*, v. 2 (Moscow: Tipografiia A.I. Mamontova).

Pogodin 2006: Pogodin, Mikhail. 2006. ‘Istoricheskoe pokhvalnoe slovo Karamzinu, proiznesennoe pri otkrytii emu pamiatnika v Simbirske, avgusta 23, 1845 goda, v sobranii simbirskogo dvorianstva’, in *Karamzin. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo N.M. Karamzina v otsenke russkikh pisatelei, kritikov, issledovatelei. Antologiiia*, ed. by L. Sapchenko (St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii), 605–641.

Pushkin 2006b: Pushkin, Aleksandr. 2006. ‘Otryvki iz pisem, mysli i zamechaniia (1828)’, in *Karamzin. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo N.M. Karamzina v otsenke russkikh pisatelei, kritikov, issledovatelei. Antologiiia*, ed. by Liubov' Sapchenko (St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii), 156–158.

Pushkin 20066: Pushkin, Aleksandr. 2006. ‘Istoriia russkogo naroda, sochinenie Nikolaia Polevogo. Tom I’, in *Karamzin. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo N.M. Karamzina v otsenke russkikh pisatelei, kritikov, issledovatelei. Antologiiia*, ed. by Liubov' Sapchenko (St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii), 158–162.

Rossi 1994: Rossi, Laura. 1994. ‘K voprosu o sootnoshenii epistoliarnoi i khudozhestvennoi prozy v Rossii v poslednei chetverti XVIII veka’, *Slavica tergestina*, 2: 91–115.

Rossi 2018: Rossi, Laura. 2018. ‘N.M. Karamzin i M.N. Murav'ev’, in *Karamzin-pisatel'*, ed. by Natal'ia Kochetkova, Aleksandra Veselova and Rodol'f Boden (St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskii Dom), 213–227.

Sapchenko 2011: Sapchenko, Liubov'. 2011. “Vy moi edinstvennyi pokrovitel'...” (Pis'ma N.K. Karamzina k M.N. Murav'evu), in *Mikhail Murav'ev i ego vremia. Sbornik statei i materialov Tret'ei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, vol. 3 (Kazan': Kazanskii Federal'nyi Universitet), 89–96.

Sokolinskii 1997: *Svodnyi katalog serial'nykh izdaniĭ Rossii (1801-1825)*, ed. by Evgenii Sokolinskii, v. 1 (A-V) (St. Petersburg: Rossiiskaia natsional'naia biblioteka).

Starchevskii 1852: Starchevskii, Al'bert. 1852, 'Russkaia istoricheskaia literatura v pervoi polovine deviatnadsatogo veka. Stat'ia pervaiia. Karamzinskii period s 1800 do 1825 goda', *Biblioteka dlia chteniia*, v. III: I-III, 1-48.

Toporov 2001: Toporov, Vladimir. 2001. *Iz istorii russkoi literatury*, vol 2 (*Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka: issledovaniia, materialy, publikatsii. M.N. Murav'ev: vvedenie v tvorcheskoe nasledie*), vol. 1 (Moscow: Iazyki Slavianskoi Kul'tury).

Виктория Иващенко

Между наукой и религией?: рефлексии о религиозной идентичности в автобиографиях историков XIX – начала XX вв.

Between Science and Religion? Reflections on Religious Identity in Historians' Autobiographies from the Nineteenth and Early Twentieth Centuries.

This paper explores the religious self-identification of historians based on their autobiographical writings. In particular, it dwells upon autobiographies of scholars of different generations who taught at the universities of the Russian Empire in the nineteenth and early twentieth centuries. The paper provides an analysis of various strategies used by the authors of autobiographies to create a religious identity: the complete disregard for questions of faith; the description of rituals; the reflection on the state of the clergy of various confessions and religions; the desire to give a representation of their religious beliefs – deep religious feelings, religious doubts, atheistic views, which often led to reflections on the influence of these beliefs on their scholarly activity. This approach allows us to identify some features of the worldview of the educated part of Russian society in this period generally and distinguish markers of identity that determined the writers' strategies: family, professional community (places of service, positions, status etc.) and socio-historical context.

На протяжении нескольких десятилетий секуляризация остается одной из наиболее обсуждаемых проблем в сфере гуманитаристики, в частности, сторонники и противники теории секуляризации дискутируют о приватизации / деприватизации религии, пытаясь осмыслить как современные реалии, так и исторический материал. В этом отно-

шении небезынтересным будет анализ соответствующих процессов в ходе эмансипации науки.

В данной статье предлагается рассмотреть религиозную самоидентификацию историков разных поколений, которые преподавали в университетах Российской империи в XIX – начале XX вв. В отличие от представителей других наук,

историки в своем научном творчестве зачастую обращались к религиозным сюжетам, что вынуждало их четко обозначить свои мировоззренческие позиции и, более того, открыто высказаться по этому вопросу. Отметим, что характеризуя взаимоотношения науки и религии, современные авторы используют взаимоисключающие метафоры, такие как *конфликт*, *независимость*, *диалог* и *интеграция* (здесь и далее курсивом выделены метафоры, а также концепты, которые фактически являются познавательным инструментарием) (Барбур 2000: 91–127). Долгое время историографический процесс в Российской империи рассматривался как *конфликт науки и религии*, однако, на современном этапе происходит переосмысление соотношения научных подходов и религиозных взглядов в творчестве отдельных историков XIX – начала XX вв. (Дутко 2018; Кучурин 2007; Ульяновский 1997; Ясь 2006; Siljak 1999 и др.), что связано с усилением внимания к нравственным аспектам научной деятельности. Очевидно, что для российской историографической традиции XIX – начала XX вв., когда “вера перестает быть данностью и становится предметом

рефлексии” (Сдвижков 2019: 33), были характерны как жесткие противопоставления науки и религии, так и попытки примирить научную методологию, религиозное понимание истории и собственные мировоззренческие установки историков. В данной работе делается попытка исследовать личный выбор историков, опираясь на их автобиографические тексты. В частности, речь идет о творческих автобиографиях историков разных поколений, которые преподавали в университетах Российской империи в XIX – начале XX вв.¹: И.М. Снегирева (Сне-

¹ В статье не учитываются автобиографии, написанные для биографических словарей, энциклопедий, обобщающих трудов по истории науки и т. п., в которых коротко фиксировались основные события жизни мемуаристов, прежде всего освещавшие их научную и общественную деятельность, давалась библиография трудов. В отличие от таких *формальных* автобиографических текстов, в *творческих* автобиографиях на первый план выходит личность мемуариста. Для них характерен более широкий спектр затрагиваемых тем, они наполнены *значимыми* для автора *действующими лицами*, описание большинства *событий* содержит авторскую интерпретацию, а часть *ключевых, поворотных*, по мнению мемуариста, *событий* оформлена в виде *историй*. Исключение было сделано только для автобиографии М.А. Максимовича, созданной для

гирев 1866), М.А. Максимовича (Максимович 1904), Н.В. Устрялова (Устрялов 1880), Н.И. Костомарова (Костомаров 1885; Костомаров 1989), С.М. Соловьева (Соловьев 1915), К.Н. Бестужева-Рюмина (Бестужев-Рюмин 1900), В.Б. Антоновича (Антонович 1932), М.П. Драгоманова (Драгоманов 1970; Драгоманов 1970а), В.И. Семевского (Семевский 1917).

Возможности анализа автобиографических текстов для понимания вопросов религиозности и секулярности демонстрирует работа Л. Манчестер *Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России* (Манчестер, 2015), объектом исследования которой является коллективное самосознание детей священников, сделавших выбор в пользу светских профес-

---

Биографического словаря Московского университета, которая по характеру приближена к творческой, поскольку автору, по его словам, был важен “внутренний, потаенный сердца человек” (Максимович 1904: 323). Отметим также, что за рамками исследования остались автобиографические тексты историков, созданные после 1917 г., когда в новых политических условиях начинается коренная реорганизация университетского образования, что кардинальным образом меняет характер соответствующих эго-документов.

сий, в том числе преподавательской деятельности. Продолжая работу в этом направлении, мы предлагаем сосредоточить внимание не на социальной, а на профессиональной группе, которая, объединив выходцев из различных сословий, разделяла ценности университетского этоса, в рамках которого и осуществлялся личный выбор ученых. Выявление личных стратегий университетских деятелей, которые не только реагировали на современные им общественные настроения, но и предлагали обществу определенные ценностные ориентиры (Маурер 2015), позволит оценить особенности мировосприятия образованной части российского общества в эпоху усиления модернизационных процессов, в частности, обозначить возможные линии поведения в быстро меняющемся мире, а также выявить факторы, которые определяли соответствующие стратегии.

Отметим, что большинство из анализируемых автобиографий были написаны на склоне лет, и могут рассматриваться как *итоговые тексты*, в которых авторы претендуют на роль главных интерпретаторов своей жизни, предлагая своим современникам и потомкам собственную версию

важных, по их мнению, событий жизни. В достаточно молодом возрасте приступили к составлению автобиографий С.М. Соловьев и М.П. Драгоманов. Более критические по своему характеру, эти тексты, тем не менее, также направлены на создание жизнеописаний, которые объясняют позицию авторов по ключевым для них вопросам, проливают свет на взаимоотношения с единомышленниками и оппонентами.

Несмотря на то, что магистральная линия воспоминаний может розниться (так, Н.И. Костомаров основное внимание уделяет своей научной работе, а М.П. Драгоманов прежде всего сосредоточен на участии в общественной жизни), практически все авторы в той или иной степени касаются мировоззренческих вопросов, среди которых немаловажное место отводится вопросам веры. Исключением являются автобиографические тексты В.И. Семевского, состоящие из наброска, детально описывающего детство мемуариста, а также двух очерков, в которых речь идет о конфликте вокруг защиты диссертации ученого и об аресте и заключении в Петропавловской крепости. В первом из текстов, описывая условия

жизни во Втором кадетском корпусе, где он учился в 1859–1863 годах, В.И. Семевский вспоминает о “подозрении в неверии”, которое высказал по отношению к нему один из офицеров. Мемуарист никак не комментирует этот сюжет. Опосредованно на убеждения автора указывает контекст, в который вписана данная история. Речь идет о “новом духе”, который повеял в среде корпусной молодежи. По замечанию В. И. Семевского, он “сам был уже тронут новыми веяниями” (Семевский 1917: 12–13).

Во всех других автобиографиях тема религии либо вплетается в канву конкретных сюжетов (воспитание, повседневность, общественная жизнь, научное творчество), а также служит важным маркером для характеристики отдельных персонажей, либо призвана отразить авторское мировоззрение, дать возможность высказаться по общественно значимым вопросам. При этом некоторые авторы ограничиваются краткими высказываниями на соответствующую тему, другие (И.М. Снегирев, С.М. Соловьев) выбирают эту тему как одну из ключевых, строя вокруг нее свой рассказ.

1. Семейные истоки

Обязательными элементами всех жизнеописаний ученых-историков являются сюжеты, посвященные воспитанию в семье и получению образования. Важной составляющей этого процесса было религиозное воспитание, которое фиксируется практически всеми авторами. Так, К.Н. Бестужев-Рюмин вспоминает о том, как “достал” редкое в то время Евангелие “на славянском и русском языке”, в связи с чем у него состоялся разговор с отцом, который “по этому поводу стал говорить о Христе с благоговением, которое и мне сообщилось” (Бестужев-Рюмин 1900: 9). В то же время отметим, что в большинстве случаев мемуаристы связывают с образом отца свое умственное развитие, тогда как относительно религиозного воспитания указывают на решающее значение женского начала в лице матери или няньки. Не являются исключением даже те авторы, которые принадлежали к духовному сословию. Хотя современные исследователи отмечают, что большую заслугу в религиозном воспитании С.М. Соловьева сыграл отец, священник и законоучитель Коммер-

ческого училища (Кучурин 2007: 107–108), сам мемуарист прежде всего отметил влияние *набожной няньки*: “Если я и родился с религиозным чувством, если в трудных обстоятельствах моей жизни меня поддерживает постоянно надежда на высшую силу, то думаю, что не имею права отвергать и влияния нянькиных слов: ‘А Бог-то!’” (Соловьев 1915: 5–7). Говоря об отце, С.М. Соловьев коротко обозначил, что тот учил его закону Божию, латинскому и греческому языкам (Соловьев 1915: 8). Наиболее драматично противопоставление умственного и религиозного воспитания выглядит в автобиографических текстах Н.И. Костомарова. В литературной записи автобиографии историка, сделанной в 1869 году Н.А. Белозерской, повествование начинается с рассказа об обучении в московском пансионе и короткого, хотя и эмоционального рассказа об убийстве отца (Костомаров 1885: 194–195). В своих более поздних воспоминаниях о Н.И. Костомарове Н.А. Белозерская отметила, что историк в частных разговорах с раздражением вспоминал о “деспотичном вольнодумстве” своего отца. Именно поэтому, по ее мнению, рассказчик избежал в

своей автобиографии рассказа о раннем детстве (Белозерская 1886: 621–623). Во второй автобиографии, записанной А.Л. Костомаровой в 1875 году, и дополненной самим историком на протяжении 1875–1881 годов, ученый детально останавливается на особенностях домашнего образования и личности отца. В этом тексте, составленном сразу после смерти матери, Н.И. Костомаров пытается оценить *наследство*, которое он получил от родителей. Отца он изображает “старинным вольнодумцем”, ум которого “колебался между совершенным атеизмом и деизмом”. Он воспитывал своего сына в духе *Эмиля* Ж.Ж. Руссо, приучая к жизни, близкой к природе, постоянно заставляя читать и не позволяя развиваться возможным суевериям. Подводя итог отцовским усилиям внушить сыну “вольтерианское неверие”, мемуарист замечает: “Этот же нежный возраст мой, требовавший непрестанных обо мне попечений матери, давал ей время и возможность противодействовать этому направлению” (Костомаров 1989: 428). Завершая сюжетную линию, связанную с отцом, Н.И. Костомаров останавливается на причинах его убийства, вкладывая в уста убийц слова об

“искушении” неверием со стороны барина (Костомаров 1989: 437).

По мнению жены Н.И. Костомарова, эти события детства кардинальным образом повлияли на формирование личности мальчика, который рассматривал мученическую смерть отца как наказание за собственное неверие и распространение атеистических взглядов: “Николай Иванович не переставал молиться о душе своего отца до конца своих дней; молился он также и о своей матери. Чем больше он входил в возраст, тем чаще молился об отце – и посещать церковь становилось для него душевною потребностью” (Костомарова 1910: 108).

Совсем другое впечатление произвели труды просветителей на В.Б. Антоновича. Он рос в католической среде, но его религиозное воспитание носило скорее формальный характер. Мать учила его Катехизису, следила за соблюдением религиозных обрядов, однако, по словам мемуариста, “эксклюзивных религиозных понятий” ему не давали, “более интенсивно воспитание влияло на состав национальных убеждений” (Антонович 1932: 27). Автобиографические записки В.Б. Антоновича, состоящие из нескольких очер-

ков и составленные в разный период времени, не дают точного представления о религиозном мировоззрении автора. В дополнениях к *Мемуарам*, составленных К.Н. Мельник-Антонович, рассказывается о влиянии на В. Б. Антоновича французской литературы XVIII – начала XIX в., с которой он познакомился под руководством своего настоящего отца, И.М. Джидая. По мнению К.Н. Мельник-Антонович, труды просветителей обратили внимание В.Б. Антоновича, прежде всего, на общественно-национальный вопрос (Мельник-Антонович 1932: 69).

Отметим, что в анализируемых автобиографиях сюжеты, связанные с религиозным воспитанием, в основном, ограничиваются родительским домом. Только М.А. Максимович вспоминает об обучении в Благовещенском женском монастыре, где он прошел монастырский курс наук (Максимович 1904: 324), а С.М. Соловьев пишет об отвращении, которое он испытывал к духовному училищу “по страшной неопрятности [...] учеников и учителей, особенно по грубости, зверству последних” (Соловьев 1915: 10).

2. Университетский рубеж

Заложенное в семье мировоззрение не оставалось неизменным, корректируясь, а иногда и существенно видоизменяясь в ходе получения дальнейшего образования. Для многих мемуаристов серьезные размышления о проблемах веры совпали со временем обучения в университете. К.Н. Бестужев-Рюмин и С.М. Соловьев связывают поступление в университет с кризисом религиозного мировоззрения, преодоление которого потребовало определенных усилий. Так, К.Н. Бестужев-Рюмин признается в усилении религиозных сомнений после чтения сочинений Ж. Санд, а еще более – вследствие разговоров университетских товарищей, которые начали отвлекать “от чистой детской веры”. К.Н. Бестужев-Рюмин противопоставил сомнениям пост, чтение Евангелия и изложение своих мыслей на бумаге. В результате, по его словам, “материалистом я не сделался, но долго (до 60-х годов) оставался беспочвенным идеалистом” (Бестужев-Рюмин 1900: 22).

На С.М. Соловьева большое впечатление оказала *Философия* Г. Гегеля, под влиянием которой он “на несколько ме-

сяцев сделался протестантом”, а также решил заняться философией с целью “утверждения религии, христианства”, но обе задачи оказались невыполнимы: “религиозное чувство коренилось слишком глубоко”, поэтому С.М. Соловьев остался верен Православной церкви, а философским “отвлеченностям” он, в конце концов, предпочел историю (Соловьев 1915: 60).

При этом С.М. Соловьев считал университетскую среду весьма толерантной, указывая на близкие отношения с А.И. Чивилевым и К.Д. Кавелиным, которые придерживались атеистических взглядов, и Т.Н. Грановским, остановившимся “в раздумьи относительно религиозного вопроса” (Соловьев 1915: 101–102). Возможно, именно в этом кроется определенная непоследовательность С.М. Соловьева в отношении к *западничеству* и *славянофильству*, а также к его идеологам. Характеризуя начало своей преподавательской деятельности, С.М. Соловьев пишет: “Жилось мне тогда весело; с обеих сторон, и с востока, и с запада, меня уважали, ласкали; фимиам, который мне воскуряли со всех сторон, мне очень нравился” (Соловьев 1915: 110). В то же время, за небольшим исклю-

чением, историк не очень лестно отзываясь о представителях русской интеллигенции 1840-х годов, как западниках, так и славянофилах, что вызвало появление серии полемических очерков после публикации отрывков, а затем полного текста автобиографии (Бартенев 1896; Бартенев 1907 и др.).

Из университетской среды в целом выделяется среда студенческая – и С.М. Соловьев, и Н.И. Костомаров признают ее губительное для религиозного чувства влияние: первый связывает это с “либеральным духом” (Соловьев 1915: 124–125), второй – с нигилизмом. Размышляя о времени своего преподавания в Петербургском университете и драматических обстоятельствах ухода в отставку, Н.И. Костомаров останавливается на истоках и сущности этого явления, которое, по его мнению, привело к “господству материалистических учений и побуждений”, отказу от нравственных законов (Костомаров 1989: 556–560). Идейным вдохновителем современной молодежи Н.И. Костомаров считает Н.Г. Чернышевского. Признавая заслуги последнего, он, тем не менее, крайне негативно оценивает его деятельность, называя “ярим апостолом безбожия”,

“Моисеем-пророком наших социалистов”, “патриархом” всех революционеров, за которым закрепилось имя “мученика Николая”. Весьма показательно, что пытаюсь объяснить феномен Н.Г. Чернышевского, Н.И. Костомаров вспоминает легенду, рассказанную саратовским архимандритом Никанором о бесах, которые принимают на себя светлый образ ангелов, заключая, что Чернышевский зачастую “играл из себя настоящего беса”, погубившего многих юношей (Костомаров 1989: 573–576).

3. Мировосприятие ученого: варианты рефлексии

Как правило, рассказы о религиозном воспитании и духовном кризисе предваряют последующие размышления о роли религии в личной жизни мемуариста или в обществе в целом. В своем глубоком религиозном чувстве признаются Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин. Особенно много внимания уделяет этому вопросу выходец из духовного сословия С.М. Соловьев. Он постоянно подчеркивает свою религиозность, называя себя “пылким приверженцем христианства”

и отмечая, что еще в гимназии мечтал стать основателем религиозной системы, “которая, показав ясно божественность христианства, положит конец неверию”. В то же время с высоты прожитых лет, С.М. Соловьев замечает, что “религиозности было много, но христианства было мало” (Соловьев 1915: 7, 34–35, 101).

Впрочем, далеко не все мемуаристы рефлексиируют по поводу своих религиозных убеждений. Записки историка старшего поколения И.М. Снегирева представляют собой образец письма человека глубоко верующего, для которого вопросы веры не отделены от самой жизни. Начиная свое автобиографическое повествование, И.М. Снегирев сообщает о том, что его отец возвестил бабушке, которая слушала всенощную в церкви св. Георгия в Ендовах, “что Бог послал ему сына Ивана”, и что “новорожденному пророчили разные счастливые предсказания; находили даже, что он родился о шести пальцах, какие имели, по Библии, исполины [...]”. Далее автор упоминает факт рождения в доме священника и указывает своих восприемников – архимандрита Новоспасского, а потом архиепископа ярославского Павла и дочь Фонвизина, в доме

которого он был крещен (Снегирев 1866: 513–514). И.М. Снегирев постоянно вводит в свой текст лиц духовного звания, которых по большей части характеризует как людей благочестивых, а также, говоря о своих предках, обязательно отмечает присущие им христианские добродетели (Снегирев 1866: 514, 516, 524–525, 529–538, 546–548, 550).

Свидетельством того, что для И.М. Снегирева религиозные обряды были неотъемлемой частью повседневной жизни, являются описания *ключевых* событий его жизни. Так, покидая Москву, в 1812 году его отец, “помолясь Богу” простился с родным гнездом, увидев “промысел Божий” в возможности купить лошадь у проезжавшего мимо казака (Снегирев 1866: 541–542). Далее выезд всей семьи из имения деда в Измайлово сопровождался напутственным молебном (“всем собором молились и прощались со слезами”), после которого беглецы сначала укрылись в Берлюковской пустыне, а затем в Махрищенском монастыре. Оставив деда в монастыре, семья переехала в Александров и наняла квартиру у священника В. Часловского. Здесь автор читал книги и “в духе патриотическом... писал молитвы, кото-

рые отец Василий читал в церкви, после обедни, за молебном” (Снегирев 1866: 543, 547–548).

Дневник И.М. Снегирева, который тот начал вскоре после смерти отца в 1820 году, также пестрит упоминаниями о регулярном посещении служб, причастиях и т. д. Кроме того, в дневнике И.М. Снегирев фиксирует сны религиозного содержания, разговоры со священнослужителями и знакомыми по вопросам веры. Сначала он также размышляет о значении веры в своей жизни: “Если бы бог помог исправить мне свои недостатки” (23 апреля 1823 год); “в церкви думал, так ли я употребляю свое время и так ли занимаю свои силы душевные, как надобно?” (24 апреля 1823 год), постоянно повторяя: “Урок мне” (Снегирев 1902: 193, 211), но в дальнейшем в дневнике фиксируются, прежде всего, записи, связанные с внешней обрядовостью, причем их количество значительно возрастает к 1860-м годам, когда автор начинает работу над мемуарами.

К изображению внешней обрядовости также тяготеют Н.Г. Устрялов и М.А. Максимович. Н.Г. Устрялов вспоминает об обычае “всего ученого и учебного сословия” собираться на

Святой неделе у министра народного просвещения для поздравления, о посещении служб, о “пышном и роскошном” обеде у архимандрита Новоспасского монастыря (Устрялов 1880: 626, 635). Кроме того, в тексте неоднократно встречаются устоявшиеся формулы: “не знал, как благодарить Бога”, “сам Бог спас меня от беды”, “Возвратившись на свое пепелище, благодарю Всевышнего. Да продлится благодать Его!” (Устрялов 1880: 611, 637, 682).

М.А. Максимович считает необходимым зафиксировать благословение Иннокентия (Борисова) после отставки в 1841 году по состоянию здоровья, а заканчивает свою автобиографию описанием пророческих сновидений, наполненных христианской символикой и предсказывающих скорую смерть (Максимович 1904: 342, 346).

Иной характер представляют собой записки В.Б. Антоновича и М.П. Драгоманова, которые принадлежали к поколению историков, чья профессиональная деятельность началась в 1860-е гг. и находилась под сильным влиянием национальных и радикальных идей. Несмотря на большое количество сюжетов религиозного характера, вопрос о ре-

лигиозных воззрениях В.Б. Антоновича остается открытым. Современный исследователь В. Ульяновский пытается пересмотреть устоявшуюся историографическую традицию о рационализме, позитивизме и скептицизме историка, опирающуюся на многочисленные воспоминания современников об атеистических взглядах В.Б. Антоновича (Ульяновский 1997: 293–311). Отсутствие высказываний В.Б. Антоновича по “столь деликатному вопросу” он объясняет замкнутостью и сдержанностью историка. Однако в своих воспоминаниях В.Б. Антонович довольно откровенно коснулся не менее деликатных вопросов о незаконном рождении и непростых взаимоотношениях в семье, а говоря о своем разрыве с польским обществом, не упомянул о факте перехода из католичества в православие, в то же время сосредоточившись на анализе общественной роли иезуитов и православного духовенства. Впрочем, рассказывая о так называемом “шляхетском суде” над *хлопоманами*, он вспоминает свое программное сочинение, в котором заявляет о признании “полной свободы совести, равноправия всех религий и полной взаимной то-

лерантности” (Антонович 1932: 48).

М.П. Драгоманов открыто заявляет о своем атеизме, при этом он говорит от имени всех “русских” или “православных” студентов, противопоставляя их полякам-католикам: “мы, студенты ‘русские’, или ‘православные’, все были горячие демократы, а в религии – атеисты” (Драгоманов 1970: 43). Это заявление звучит как само собой разумеющееся, поэтому в тексте отсутствует какое-либо указание на корни религиозных убеждений автора.

4. Оценочные характеристики

В большинстве случаев ученые-историки не ограничивались анализом собственных мировоззренческих установок, считая необходимым высказаться по вопросу о состоянии современной им Православной церкви, а также об отношении к другим конфессиям и религиям. В частности, многие мемуаристы, за исключением историков старшего поколения, с беспокойством фиксировали кризисные явления в лоне Православной церкви. Так, С.М. Соловьев посвятил этой проблеме три раздела своей автобиографии.

Описывая себя как пылкого приверженца религии, он в то же время критически оценивает духовенство и Православную церковь как институцию. С.М. Соловьев отмечает необразованность, одичание, бедность духовного сословия, объясняя это, среди прочего, делением духовенства на черное и белое. По его мнению, возможность церковной карьеры исключительно для представителей черного духовенства породила в среде иерархов честолюбие и деспотизм. С.М. Соловьев признает возможность исключения из правил, но тут же приводит примеры из истории Русской православной церкви, подтверждающие его точку зрения, в частности, пишет, что “представительнейший из русских архиереев второй половины XVIII века, Платон, дрался собственноручно, брал подарки от подчиненных, обогащал племянниц своих” (Соловьев 1915: 10–13).

Впрочем, наиболее острая критика С.М. Соловьева была направлена против современника – одного “из даровитейших людей своего времени” митрополита Филарета (Дроздова). Характеризуя многих своих персонажей с помощью дихотомии *теплый – холодный*, мемуарист не делает ис-

ключения для Филарета. По его мнению, митрополит имел “горячую голову и холодное сердце”, “что так резко выразилось в его проповедях: искусство необыкновенное, язык несравненный, но холодно, нет ничего, чтобы обращалось к сердцу, говорило ему”. Невысоко оценивая моральные качества Филарета (“он явился страшным деспотом, обскурантом и завистником”), С.М. Соловьев также резко высказывается против его трудов: “Помню, что с особенною злостью я разбирал историю русской Церкви Филарета за его односторонне-славянофильский и клерикальный взгляд” (Соловьев 1915: 14–18, 136).

Тем не менее, С.М. Соловьев увидел в среде современного духовенства “мерцание света”, которое он связывал с просвещением, а также высоко оценил роль православия “относительно и прошедшего, и настоящего, и будущего”. По его мнению, исторически православие содействовало созданию сильного государства, в настоящем дает свободу в отправлении религиозных обрядов и определенное *вольнодумство*, а в будущем “может стать народной формой религиозного исповедания”. Подводя итог, С.М. Соловьев за-

вершает свой обширный очерк следующими словами:

Православие отражает теперь на себе всю черную сторону настоящего состояния русского общества; оно страдает вместе с нами; при перемене к лучшему, на нем отразится эта перемена, оно не помешает ей; теперь оно страдает вместе с нами, – тогда будет радоваться и будет довольно вместе с нами; это – наш верный спутник; не будем же отнимать от него руки нашей (Соловьев 1915: 18–21).

Будучи горячим защитником православия, С.М. Соловьев противопоставляет ему католицизм, который тормозит движение народов вперед, и протестантизм, который, по его мнению, не имеет достаточного авторитета, поэтому он горячо осуждает попытки выхода из лона Православной церкви (Соловьев 1915: 68). Впрочем, следует отметить, что некоторые отвлеченные рассуждения мемуариста вступают в противоречие с описанием личных впечатлений. Так, во время заграничного путешествия на него произвела благоприятное

впечатление жизнь в католической Бельгии, о которой он сделал следующую запись: “Бельгия служила для меня утешительным доказательством, что свобода совместима с религиозностью и крепче от этого соединения, что народ, дельный по преимуществу, религиозен” (Соловьев 1915: 69–70).

Н.И. Костомаров в своем очерке о нигилизме часть ответственности за появление этого феномена возлагает на Церковь. Именно “темные стороны” религиозной жизни, в частности, ханжество и бессмысленная приверженность к символической букве, по его мнению, оттолкнули многих людей от Христовой веры, положив начало критике Церкви (Костомаров 1989: 556–560). При этом в автобиографии Н.И. Костомарова отсутствуют какие-либо конфессиональные предпочтения. Ученый упоминает о принципе полной свободы вероисповеданий и национальностей, который был обозначен им в Уставе Кирилло-Мефодиевского братства (Костомаров 1989: 475), и его автобиографические тексты, в целом, подтверждают верность ученого этому принципу.

Например, Н.И. Костомаров с восхищением описывает Кельнский собор, отмечая, что “наши церковные богатства также мелки и ничтожны перед здешними, как мелка архитектура наших наиболее знаменитых храмов перед поражающим величием готического собора”, и особо акцентируя внимание на том религиозном благоговении, которое овладевает человеком при входе в это святилище. Собор св. Марка в Венеции он сравнивает с Софийским собором в Киеве: ему видится в нем “что-то давно знакомое”, но “несравненно в богатейшем виде”. В литургии св. Амвросия, которую Н. И. Костомаров слушает в Миланском соборе, ему многое напоминает православную обедню (Костомаров 1989: 508, 513, 508). Более того, сравнивая протестантские и католические европейские города, Н.И. Костомаров отдает предпочтение последним, объясняя это близостью католичества и “русского православия”: “как только приедешь в католический город и услышишь звон, то чувствуешь что-то родное, близкое сердцу” (Костомаров 1989: 509). С интересом и симпатией описывает Н.И. Костомаров раскольников, с которыми познакомился в Сара-

тове, и гернгутеров Сарепты (Костомаров 1989: 490, 518–521). Религиозную нетерпимость он проявляет только по отношению к иудеям и иезуитам (Костомаров 1989: 475, 494), сближаясь в нелюбви к иезуитам с другими мемуаристами.

В центре внимания выходца из польской среды В.Б. Антоновича оказались иезуиты и православное духовенство. Характеризуя польскую шляхту как “малокультурную и аморфную”, он возлагает ответственность за происходящее в ее среде брожение на иезуитов. По его мнению, иезуиты не только предложили польской шляхте принципы общей теории для ее самоорганизации: “католичество, польский патриотизм и шляхетство как догмат”, но также активно способствовали этой самоорганизации. Занимая должности во всех без исключения имениях польской шляхты, они накапливали в своих руках материальные богатства, активно вербовали в свои ряды молодых людей, используя при этом любые средства (Антонович 1932: 37).

По мнению В.Б. Антоновича, именно иезуиты стояли за “шляхетским судом”, организованным против кружка хлопманов, обвинив последних в

пропаганде атеизма, антипатриотизма и социальной революции. По свидетельству современников, В.Б. Антонович до конца жизни был уверен в усиленном внимании к нему иезуитов, видел иезуита в каждом поляке, который с ним полемизировал (Ульяновский 1997: 310).

Безоговорочно осуждая деятельность иезуитов, В.Б. Антонович с большой симпатией писал о православном духовенстве Юго-Западного края, которое выступало защитником украинского народа и, в свою очередь, страдало от произвола польской шляхты (Антонович 1932: 39). Отметим, что такая же позиция в отношении Православной церкви была характерна для исторических трудов В.Б. Антоновича (Ульяновский 1997: 299 – 303, 31).

С безусловным осуждением любых церковных институтов выступает только атеистически настроенный М.П. Драгоманов. Он критикует деятельность православного духовенства (в тексте – “попов”) в области народного образования (Драгоманов 1970: 41–42), а также заявляет о своей борьбе с клерикализмом в Галиции, рассматривая последнее как необходимое условие активизации национальной борьбы

украинцев (Драгоманов 1970: 55). В этом он видит причину разрыва со многими своими союзниками, которые “доказывали необходимость привлечения на свою сторону духовенства православной церкви” (Драгоманов 1970а: 72).

Неоднозначное, зачастую критическое отношение к Церкви, выразилось в особенностях характеристики некоторых персонажей, в частности многие мемуаристы использовали соответствующие метафоры для создания ярких образов. Например, описывая взаимоотношения своей матери с Б. Антоновичем, В.Б. Антонович с иронией отмечает: “Мать вышла замуж за Антоновича, но они были очень разными и скоро разъехались. Муж относился после этого к жене со страхом и как богомольный христианин целыми ночами молился накануне того, как жена должна была навестить его раз в год [...]” (Антонович 1932: 8–9).

В свою очередь Н.И. Костомаров и С.М. Соловьев использовали маркеры религиозного характера, чтобы дать позитивную или негативную оценку героям своих воспоминаний: Н.И. Костомаров одного из учителей Воронежской гимназии описывает как “ханжу”, постоянно сочинявшего

акафисты, посещающего архиереев и вместо преподавания поучающего своих питомцев благочестию, тогда как Н.И. Гулака, отказавшегося давать свидетельства по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве и пытавшегося взять вину на себя, называет “практическим христианином” (Костомаров 1989: 433, 484); у С.М. Соловьева встречаются упоминания о “деликатном отношении религиозных убеждений” Т.Н. Грановском и не удерживающемся от “кощунств” А.И. Герцене, о “набожном нелицемерно” князе С.М. Голицине и не имеющем “ни веры, ни совести” И.И. Давыдове и т.д. (Соловьев 1915: 24, 44, 102–103).

5. Проблема дихотомии

Безусловно, одним из наиболее интересных аспектов проблемы является попытка мемуаристов осмыслить влияние различных религиозных аспектов жизни на научное творчество, рефлексия о соотношении религиозных и научных взглядов.

Прежде всего, отметим, что большинство историков в своем творчестве неоднократно обращались к истории Церкви, исследовали религиозную

мысль разных периодов и т. д., поэтому не обошли вниманием этот сюжет в своих автобиографиях, сделав акцент на тех или иных аспектах творческого процесса или конкретных работах. Так, у И.М. Снегирева одной из центральных фигур автобиографии является митрополит Платон (Левшин). И.М. Снегирев был первым биографом митрополита Платона, подготовив его биографический очерк, который позже несколько раз переиздавался², однако в автобиографии, составленной в начале 1860-х годов, он посчитал нужным дополнить биографию Платона своими воспоминаниями, а также свидетельствами людей, знавших митрополита (Снегирев 1866: 529–538, 546–547, 550). Таким образом, в своей автобиографии И.М. Снегирев фактически предложил альтернативное жизнеописание митрополита: построенное на исторических анекдотах, оно было призвано показать величие

---

² См.: И.М. Снегирев, *Изображение жизни и деяний Московского митрополита Платона*, Москва, Университетская типография, 1822, ч. 1–2; И.М. Снегирев, *Жизнь митрополита Платона*, ч. 1–2, Москва, Типография Ведомства Московской городской полиции, 1856.

митрополита через неформальный дискурс.

В свою очередь, Н.Г. Устрялов остановился на проблемах цензуры и восприятию его работ современниками. Он упоминает о совете цензора К.М. Бороздина исключить из перевода записок Ж. Маржерета³ “все, что, по мнению его, было противно нашей церкви”; о недовольстве митрополита Филарета изданием летописей М. Бэра (Устрялов 1880: 618–620); о столкновении с попечителем Московского учебного округа С.Г. Строгановым по поводу работы *Именитые люди Строгановы* (Устрялов 1842), в которой тот усмотрел “неправильные, даже вредные понятия о религии и правлении” (Устрялов 1880: 627).

Похожие сюжеты встречаются также в автобиографии Н.И. Костомарова, в частности он достаточно детально описал историю с уничтожением его первой магистерской диссертации *О причинах и характере унии в Западной России* (1842 год). Н.И. Костомаров привел

---

³ Речь идет о подготовке к публикации следующего издания: Ж. Маржерет, *Состояние Российской державы и Великого княжества Московского* [...], пер. с франц., предисл. и прим. Н.Г. Устрялова. Санкт-Петербург, Типография Главного управления путей сообщения, 1830.

возражения, высказанные в отношении работы митрополитом Иннокентием (Борисовым), но в то же время оправдал последнего, заявив о его непричастности к сожжению диссертации, на что, по видимому, повлияло обаяние личности архиерея. Н.И. Костомаров характеризует Иннокентия как человека талантливый, разносторонне образованный, приятный в беседе, чья проповедническая деятельность “вдруг оживила Харьков”. Мемуарист замечает, что даже в то время, когда он был уверен в виновности митрополита, “не прекратил с ним знакомства” (Костомаров 1989: 455–457).

Кроме того, Н.И. Костомаров очень подробно остановился на описании своей творческой лаборатории: так, вспоминая о подготовке курса лекций по истории Новгорода и Пскова в 1860 году, он упоминает о поездках в эти города и осмотре всех достопримечательностей, прежде всего церквей, а также пишет о каждодневной работе с рукописными собраниями новгородского Софийского собора и Кирилло-Белозерского монастыря в Александро-Невской лавре в течение всей осени и зимы 1860–1861 годов. Подобные сюжеты встречаются в автобиографии неодно-

кратно (Костомаров 1989: 465–469, 530–531, 584–590, 600–602, 622–625, 641–650, 651).

Описывая виденные во время этих поездок церкви, монастыри и другие святы места, Н.И. Костомаров скрупулезно фиксирует все, что ему известно о памятнике: его архитектурные особенности, историю и современное состояние (дает описание служб, чудотворных реликвий, библиотек и отдельных рукописей, захоронений, приводит связанные с ним легенды, в отношении монастырей, дополнительно описывает количество братии, ее занятия, особенности управления и т. д.)

Отметим, что в большинстве случаев Н.И. Костомаров ограничивается кратким пересказом услышанных во время поездок легенд и преданий, но иногда позволяет себе выступить с их критикой. Так, вспоминая о посещении Валаама, он описывает экскурсию к мифической могиле шведского короля Магнуса, достаточно резко отмечая, что “легенда эта давно уже опровергнута еще Карамзиным, тем не менее монахи считают несомненным историческим фактом эту сказку и опираются главным образом на то, что некогда какому-то чухонцу во сне явился король Магнус и

приказал идти на Валаам и поклониться его могиле” (Костомаров 1989: 645).

Такую резкость можно объяснить позицией историка, который четко разделял личные религиозные убеждения и научные принципы, что иллюстрирует также рассказ о студенческой депутации, которая потребовала у Н.И. Костомарова объяснить, как согласуются его лекции, “пропитанные свободными воззрениями”, с соблюдением им религиозных обрядов. В этом разговоре со студентами Н. И. Костомаров изобразил себя сторонником “свободы совести”, отметив, что не считает возможным в курсе русской истории высказывать свои религиозные взгляды, но в то же время не потерпит вмешательства в свою духовную жизнь (Костомаров 1989: 552).

Кроме Н.И. Костомарова, в автобиографическом тексте на соотношении веры и науки остановился также К.Н. Бестужев-Рюмин. Мемуарист отметил влияние “религиозного чувства” на свои ранние работы: сочинение на вступительном экзамене, “где толковалось о православии как стихии русской жизни”, и статью о Н.В. Гоголе (Бестужев-Рюмин 1847). Заметив далее, что он оставался “беспочвенным иде-

алистом” вплоть до 1860-х годов, К.Н. Бестужев-Рюмин намекает на изменение своих взглядов в этот период, но, поскольку воспоминания были доведены автором только до 1860 года, то есть до его переселения в Петербург, где прошла большая часть его ученой деятельности, он оставляет этот вопрос открытым (Бестужев-Рюмин 1900: 22).

Таким образом, в анализируемых автобиографиях можно проследить различные варианты рефлексии мемуаристов по поводу собственной идентичности: полное игнорирование вопросов веры (В.И. Семевский); описание, прежде всего, внешней обрядовости – крестин, первой исповеди, соблюдения религиозных праздников и др. (Н.Г. Устрялов, М.А. Максимович); стремление дать представление о своих религиозных убеждениях – глубоком религиозном чувстве (И.М. Снегирев, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев), религиозных сомнениях (К.Н. Бестужев-Рюмин), атеистических взглядах (М.П. Драгоманов), что зачастую приводило к размышлениям о влиянии этих убеждений на научную деятельность, а также к актуализации вопроса о состоянии Право-

славной церкви и духовенства в описываемый период; фиксация современного состояния духовенства разных конфессий и размышления о роли религии в целом (В.Б. Антонович).

Несмотря на многообразие вариантов, мы все же можем отметить *характерные* для той или иной эпохи, поскольку, хотя все автобиографии были написаны во второй половине XIX – начале XX вв., следует учитывать, что их авторы принадлежат к разным поколениям. Историки старшего поколения (И.М. Снегирев, Н.Г. Устрялов, М.А. Максимович) не рефлексировали непосредственно о своем религиозном мировоззрении, но эта тема постоянно звучит в процессе повествования, проявляется в виде цитирования религиозных текстов и устойчивых *формул*, зачастую является неотъемлемой частью нарратива, гармонично сосуществуя с научными воззрениями мемуаристов. Для историков, которые начали свою активную научную деятельность в 1840-е годы (Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев), вопросы веры стали предметом серьезных размышлений (как о роли религии в жизни общества, так и отдельного человека), они специально акцентиро-

вали внимание на вопросе о соотношении религиозного и научного мировоззрения. Наконец, для историков, чья профессиональная деятельность начинается во второй половине XIX в., характерно многообразие подходов в решении данного вопроса: от полного его игнорирования до высказывания религиозных сомнений или признания своих атеистических взглядов. При этом сюжеты на религиозную тематику призваны показать, прежде всего, гражданскую позицию авторов. Отметим, что решающую роль в процессе кристаллизации собственного религиозного мировоззрения и выстраивания своей гражданской позиции по отношению к современным церковным институциям играла университетская среда, стимулирующая не только развитие критического мышления, но и актуализацию этических проблем.

Столь разнообразную картину, которую мы наблюдаем, можно объяснить не только личностным измерением, например, склонностью автора к меланхолии или крайнему прагматизму, но также влиянием ряда факторов и взаимоотношением нескольких подвижных контекстов. Религиозное воспитание в рамках семьи за-

кладывало фундамент религиозного мировоззрения, было определяющим на начальном этапе жизни, но данный фактор имел различную силу в зависимости от индивидуальных обстоятельств. Годы учебы в университете зачастую становились переломными в процессе развития религиозного мировоззрения, когда былые постулаты утрачивали устойчивость, но многое зависело от конкретного окружения той или другой личности. Должность, тематика научных исследований, специфика того или иного университета определяли круг знакомств и идейную атмосферу, но скорее становились *рамкой для самовыражения*, поскольку к этому времени идейная позиция субъекта была уже достаточно определенной. Существенным фактором, который влиял на степень и направленность актуализации вопросов веры,

был исторический период, в который происходило написание автобиографических текстов. В XIX веке историки придерживались как романтических, так и позитивистских подходов, которые, хотя и были порой весьма размытыми, но все же устанавливали определенные стандарты. Можем предположить, что именно последний фактор оказывал решающее влияние на появление определенного варианта рефлексии относительно религиозной идентичности, в рамках которого и устанавливалось соотношение религиозных убеждений, научных принципов и гражданской позиции историка, а также направленность такого рода рассуждений (от публичной сферы к частной или наоборот).

Библиография

Антонович 1932: В. Антонович, *Мемуари* // В. Антонович, *Твори*. Повне видання, Київ, Друкарня ВУАН, 1932, I, с. 3–61.

Барбур 2000: И. Барбур, *Религия и наука: история и современность*, Москва, Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2000.

Бартенева 1896: [П. Бартенева], *Из неизданных бумаг С.М. Соловьева*, «Русский архив», 1896, 3, стб. 578.

Бартенева 1907: Ю. Бартенева, *Недоучки-славянофилы и высокоученый западник-профессор*. С. Соловьев и К. Аксаков по «Запискам» С. М. Соловьева, «Русский архив», 1907, 8, с. 557–563.

Белозерская 1886: Н. Белозерская, *Николай Иванович Костомаров, 1857–1875 гг.*, «Русская старина», 1886, 6, с. 615–654.

Бестужев-Рюмин 1847: К.Р. Бестужев-Рюмин, *Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя*, «Нижегородские губернские ведомости», 1847, 30–31.

Бестужев-Рюмин 1900: К. Бестужев-Рюмин, *Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 г.)*, «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», 1900, LXVII, 4, с. 1–59.

Драгоманов 1970: М. Драгоманов, *Автобиографическая заметка* // М. Драгоманов, *Літературно-публіцистичні праці: у 2 т., під ред. О.І. Дей та О.Є. Засенко (голова) at el*, Київ, Наукова думка, 1970, I, с. 39–68.

Драгоманов 1970а: М. Драгоманов, *Добавление к автобиографической заметке, писанное для г[осподина] Leon Sichler в начале февраля 1889 [года]* // М. Драгоманов, *Літературно-публіцистичні праці: у 2 т., під ред. О. Дей та О. Засенко (голова) at el*, Київ, Наукова думка, 1970, I, с. 69–79.

Дутко 2018: О. Дутко, *Релігійно-просвітницькі погляди М. Костомарова та їх походження*, «Педагогічні науки: Збірник наукових праць», 2018, 82 (3), электронный адрес: <http://ps.stateuniversity.ks.ua/arkhiv-vidannya/95-zbirnik-naukovikh-prats-pedagogichni-nauki-82-tom-3>, последнее посещение 26.05.2019.

Костомаров 1885: Н. Костомаров, *Автобиография*, «Русская мысль», 1885, 5, с. 190–223.

Костомаров 1989: Н. Костомаров, *Автобиография* // Н. Костомаров, *Исторические произведения. Автобиография*, сост. В.А. Замлинский, Киев, Киевский университет, 1989, с. 425–651.

Костомарова 1910: А. Костомарова, *Николай Иванович Костомаров: Из воспоминаний*, «Вестник Европы», 1910, 9, с. 94–125.

Кучурин 2007: В. Кучурин, *Религиозный мир С.М. Соловьева*, «Мир историка», 2007, 3, с. 107–136.

Максимович 1904: М. Максимович, *Автобиография*, «Киевская старина», 1904, LXXXVI, 9, с. 322–344.

Манчестер 2015: Л. Манчестер, *Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*, пер. с англ. А. Полунов, Москва, Новое литературное обозрение, 2015.

Маурер 2015: Т. Маурер, «*Барометры*» или «*маяки*» общества?: Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов, Москва, РОССПЭН, 2015.

Мельник-Антонович 1932: К. Мельник-Антонович, *Додаткові примітки та відомості до «Мемуарів»* // В. Антонович, *Твори. По-вне видання*, Київ, Друкарня ВУАН, 1932, I, с. 66–92.

Сдвижков 2019: Д. Сдвижков, *Новая личность и новая религиозность в русской автобиографике XVIII – первой половины XIX века* // *Вера и личность в меняющемся обществе*. Автобиографика и православие в России конца XVIII – начала XX века, под ред. Л. Манчестер, Д. Сдвижкова, Москва, Новое литературное обозрение, 2019, серия «Studia Europea».

Семевский 1917: В. Семевский, *Автобиографические наброски*, «Голос минувшего», 1917, 9/10, с. 7–49.

Снегирев 1866: И. Снегирев, *Воспоминания*, «Русский архив», 1866, 4, стб. 513–562.

Снегирев 1902: И. Снегирев, *Дневник*, «Русский архив», 1902, II, 6, с. 177–212.

Соловьев 1915: С. Соловьев, *Записки*. Мои записки для детей моих, а если можно и для других, [Петроград], Прометей, [1915].

Ульяновський 1997: В. Ульяновський, *Релігійні переконання та історико-церковні розправи проф. Антоновича* (попередні нотатки) // *Син України: Володимир Боніфатійович Антонович*, у 3 тт., під ред. В. Короткого, В. Ульяновського, Київ, Заповіт, 1997, II, с. 293–311.

Устрялов 1842: Н.Г. Устрялов, *Именитые люди Строгановы*, Санкт-Петербург, Типография Штаба военно-учебных заведений, 1842.

Устрялов 1880: Н. Устрялов, *Воспоминания о моей жизни*, «Древняя и новая Россия», 1880, XVII, 8, с. 603–686.

Ясь 2006: О. Ясь, *Ідеалістичні та ірраціональні мотиви в науковій творчості Миколи Костомарова*, «Україна модерна», 2006, 10, с. 37-57.

Siljak 1999: Siljak, Ana. 1999. 'Christianity, Science and Progress in Sergei M. Solov'ev's *History of Russia*' in *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State*, ed. by Thomas Sanders (New York: Routledge), 215-238.

Кирилл Зубков

Гончаров в роли Островского: Эстетическая теория и литературная автобиография в *Материалах, заготовляемых для критической статьи об Островском*

Goncharov in the role of Ostrovskii: Aesthetic Theory and Literary Autobiography in *Materials Prepared for a Critical Article about Ostrovskii*

This paper analyzes an unfinished article by Ivan Goncharov known under the title *Materials Prepared for a Critical Article about Ostrovskii*. I argue that the content of the article has practically nothing to do with the works of Aleksander Ostrovskii. In fact, Goncharov sought to construct a narrative about his own life and work and to protect them from the harsh criticism that appeared after the publication of his last novel, *The Precipice*. The paradoxical structure of Goncharov's article is explained by his aesthetic views, which demanded a perfect *objectivity* from the writer and were hardly compatible with the growing role of memoirs in Russian literature in the 1870s.

Начиная с 1923 года читатели могут ознакомиться с не завершенной, но, по всей видимости, значимой статьей Ивана Александровича Гончарова, известной под условным названием *Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском*, входящим к авторским пометам на рукописи (см.: Гончаров 1923). Статья неоднократно переиздавалась в составе собраний сочинений писателя (см., например, Гончаров 1955:

170–182). Не останавливаясь подробно на сложной творческой истории этого текста, следует отметить, что работа писателя над ним оказалась очень напряженной, а исследователям стоило больших усилий найти соединить разрозненные фрагменты автографа, оказавшиеся в разных архивах¹ (см. Гейро 1973). Точ-

---

¹ Варианты готовятся Н.В. Калининой к публикации в *Полном собрании сочинений* и писем Ивана Александровича Гончарова в 20 томах, которое

но датировать *Материалы...* довольно сложно, однако можно предположить, что они создавались в конце 1873 – начале 1874 года: последним произведением Александра Николаевича Островского в ней прямо названа пьеса *Поздняя любовь*, поставленная и опубликованная в конце 1873 года, цитируется также заметка Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина², опубликованная в 1873 году. Кроме того, Гончаров именно в это время испытывал особый интерес к творчеству Островского и подробно писал о нем в странном письме Федору Михайловичу Достоевскому от 14 февраля 1874 года (Гончаров 1955: 460), о котором речь пойдет ниже.

Не опубликованная при жизни писателя, эта статья представляет собой наиболее развернутый гончаровский отзыв о творчестве Островского и вызывает значительный интерес со стороны исследовате-

---

выходит в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН с 1997 года.

² Гончаров упоминает неких радикально настроенных “иомудов” (Гончаров 1955: 175). Это слово, вероятно, заимствовано из опубликованных в конце 1873 года частей цикла *Помпадур и помпадурши*, где Салтыков-Щедрин упоминает кочевой народ иомудов несколько раз (Салтыков-Щедрин 1969: 240).

лей, которые неоднократно обращали внимание на то, что Гончаров видел в драматурге близкого себе писателя (см., в частности: Цейтлин 1950: 406). На этом основании исследователи делают далеко идущие выводы относительно внутреннего родства эстетических установок писателей (см., например: Ермолаева 2011). Гончаров, с точки зрения авторов подобных исследований, выступил в роли своеобразного историка литературы и охарактеризовал глубинное сходство своих эстетических взглядов со взглядами Островского. С нашей точки зрения, более продуктивен подход Е.И. Шевчуговой, в своей статье *Авторские стратегии в критической прозе И.А. Гончарова* обратившей внимание на то, что “оправдание” Островского в статье Гончарова во многом применимо и к самому автору *Обломова* (см.: Шевчугова 2015: 263–266).

С нашей точки зрения, статья Гончарова прежде всего посвящена не пьесам Островского, а творческому пути самого Гончарова, который писатель в силу своих эстетических теорий не мог охарактеризовать прямо. В 1870-е годы Гончаров занимается и критикой, и попытками осмыслить собственный жизненный и в осо-

бенности литературный путь. Так, в статье *Мильон терзаний* (1872), при наличии автобиографического подтекста, речь действительно идет прежде всего об образе Чацкого из комедии Александра Сергеевича Грибоедова *Горе от ума* и о современных драматических интерпретациях этого произведения (см., например: Денисенко 2008). Однако в то же десятилетие идет активная работа над не печатавшимися при жизни писателя автобиографическими сочинениями: исповедальной *Необыкновенной историей* и посвященными истолкованию собственного творчества статьями *Лучше поздно, чем никогда*, *Предисловие к роману Обрыв* и другими. Как представляется, именно в ряду этих, прежде всего автобиографических, произведений и следует прочитывать материалы к статье об Островском.

Незавершенная статья Гончарова состоит из нескольких частей. Вводный раздел посвящен формулировке основного вопроса: почему пьесы Островского “встречаются и в печати и на сцене довольно холодно” (Гончаров 1955: 170). По всей видимости, первоначально писатель планировал остановиться на подробном разборе представления коме-

дии *Поздняя любовь* в Александринском театре (Гончаров 1955: 173), однако в итоге не реализовал этот замысел. Основная часть статьи состоит из двух частей. Первая из них представляет собою своеобразный социологический очерк русской театральной публики, содержащий характеристики отдельных групп, посещающих театр, преимущественно аристократических кругов, “высшего класса” (Гончаров 1955: 173–174). Вторая посвящена характеристике творческого пути Островского, который, по словам Гончарова, во всех своих произведениях создал единую картину ушедшей в прошлое России, прекратившей свое существование после *Крымской кампании и Положения 19 февраля* (Гончаров 1955: 182), то есть начала реформ Александра II. Этими словами статья Гончарова и обрывается: очевидно, в разборе творчества Островского писатель достиг основной цели своей статьи.

Своеобразный замысел Гончарова, скрывшего свой образ под маской Островского, связан, как представляется, с изменениями институционального статуса литературы в России второй половины XIX века, которые Гончаров не принимал в силу своих эсте-

тических принципов (см., например, Цейтлин 1950: 31–350). По всей видимости, автор *Обломова* действительно интересовался творчеством Островского и высоко ставил драматурга. Об этом свидетельствуют и многочисленные положительные высказывания о сочинениях Островского, разбросанные по его статьям и письмам (см., например, письмо Островскому от 12 февраля 1882 года: Гончаров 1955: 491–492), и постоянная поддержка его сочинений в качестве цензора – Гончаров неизменно давал положительные заключения о пьесах Островского (см., например: Гончаров 2014: 280–283).

Однако знакомство с произведениями Островского в статье фактически не отразилось – напротив, Гончаров игнорирует даже очень известные факты из творческой биографии драматурга. “Двумя последними пьесами” драматурга Гончаров называет комедии *Поздняя любовь* и *Не все коту масленица* (Гончаров 1955: 170), совершенно игнорируя тот факт, что между ними Островский написал также большую комедию *Не было ни гроша, да вдруг алтын*, историческую пьесу о русском театре *Комик XVII столетия* и такое знаменитое произведе-

ние, как *Снегурочка*. При этом *Снегурочку* Гончаров упоминает далее (Гончаров 1955: 179), не задаваясь, очевидно, вопросом, когда она появилась. Скорее всего, речь не может идти о значимом умолчании, потому что эти произведения Островского в целом не противоречат трактовке Островского как писателя прошлого, пьесы которого посвящены уходящей эпохе:

[...] все эти черты, образующие великорусскую физиономию, все вошли в творческую сферу Островского. Ничто *до нового времени* не ускользнуло от его зоркого ока [...] в сущности он писатель эпический. [...] Темное царство, как назвал его Добролюбов, падает, краски линяют, нравы отходят – а если еще и утаились где-нибудь по углам, то они уже указаны, названы им по имени. Островский проникает и в эти углы: последние пьесы он называет сценами в захолустьях. Он знает, что главное он сделал, – осталось немного. У него как будто опускаются руки. Впереди у него ничего нет: новая Рос-

сия – не его дело (Гончаров 1955: 181–182).

Те же самые тезисы Гончаров воспроизводит и в письме к Ф.М. Достоевскому от 14 февраля 1874 года, видимо, написанном в тот же период, что и его статья:

Островский изобразил все типы купцов-самодуров и вообще самодурских старых людей; чиновников, иногда бар, барынь – и также типы молодых кутил. Но и эти молодые типы уже не молоды, они давно наплодились в русской жизни – и Островский взял их, а других, новейших, которые уже народились, не пишет потому именно, мне кажется, что они еще не типы, а – молодые месяцы – из которых неизвестно, что будет, во что они преобразятся и в каких чертах застынут на более или менее продолжительное время, чтобы художник мог относиться к ним, как к определенным и ясным, следовательно и доступным творчеству образам (Гончаров 1955: 460).

По всей видимости, обращенная к Достоевскому тирада представляет собою реализацию той же авторской стратегии, что и черновик статьи: писатель высказывается об Островском, вовсе не имея в виду давать серьезное истолкование его произведениям. Если пьесы Островского начала 1870-х годов в целом не противоречат высказываниям Гончарова о творчестве драматурга, то его же комедии конца 1860-х годов совершенно не согласуются с тем, что Гончаров пишет в своей статье. Гончаров описывает драматурга как “писателя исторического”, который “не пошел и не пойдет за новой Россией” (Гончаров 1955: 181). Это центральный тезис статьи, связанный с гончаровской идеей о том, что настоящие писатели должны характеризовать только исторически сложившиеся типы. Дело, однако, в том, что в конце 1860-х годов Островский постоянно создавал остро сатирические произведения, например, комедию *На всякого мудреца довольно простоты*, появившуюся за четыре года до начала работы Гончарова над заметкой. В ней, а также в таких произведениях, как *Бешеные деньги* или *Лес*, читатели и

зрители увидели совершенно не “исторического” автора сочинений об уходящих в прошлое общественных типах, а остро актуального драматурга, создателя проблемных пьес о наиболее злободневных событиях своего времени.

Как представляется, речь здесь не может идти о своеобразной авторской трактовке произведений драматурга: Гончаров просто опускает больше половины его пьес последнего десятилетия и выстраивает концепцию, которую практически невозможно подтвердить примерами. В этом отличие Гончарова как истолкователя Островского, например, от Николая Александровича Добролюбова, дававшего в статьях *Темное царство* и *Что такое обломовщина?* (обе статьи – 1859) радикальную трактовку произведений драматурга и самого Гончарова. Если Добролюбов, стремясь прогнозировать будущее и даже влиять на него, все же постоянно отсылает к окружающей “действительности” и отталкивается от разбираемых текстов (см., например, Lorenz 2013), то Гончаров не просто делает спорные утверждения, основанные на тенденциозном истолковании литературных произведений, – его тезисы вообще не подтверждаются

практически никакими примерами из сочинений драматурга.

Чтобы понять смысл своеобразной статьи Гончарова, попытаемся рассмотреть ее в литературно-критическом контексте. Автор заметки постоянно полемизирует с некими представителями публики и критиками, неспособными, по его мнению, оценить поздние произведения Островского, упрекающими драматурга, который якобы “исписался” (Гончаров 1955: 171), и т.п. Ни одного из этих критиков Гончаров не называет по имени. Впрочем, если обратиться к истории рецепции пьес Островского, становится ясно: в действительности в это время не произошло никакого резкого перелома в истолковании сочинений драматурга.

В начале 1870-х годов Островский вызывал у литературных и театральных критиков совершенно такую же реакцию, что и раньше, – то есть очень неоднозначную. Отзывы о драматурге станут почти полностью отрицательными уже после появления статьи Гончарова, к концу 1870-х годов. До этого резкому осуждению подвергались пьесы *Горячее сердце* и *Бешеные деньги*. Николай Николаевич Страхов писал об этих отзывах: “К г.

Островскому всегда приступают с большими и даже чрезмерными требованиями; как только появится не совсем удачное его произведение, тотчас фельетонисты начинают вопить о гибели его таланта...” (Страхов 1906: 233). Среди критиков бытовало мнение, что Островский “повторяется” в своих произведениях, что и является причиной его неудач. Л.К. Панютин прямо сопоставил *Бешеные деньги* с *Горячим сердцем*: “По задаче, по основной мысли обе комедии списаны, точно по трафарету, друг с друга” (Панютин 1870). Другие отзывы на страницах русских газет были еще более резкими: “Мы хотя и давно уже убедились, что талант Островского слабеет, но, однако ж, никогда не предполагали [...], чтоб уважаемый драматург перешел когда-либо к воззрениям тех самых самодуров, над которыми он во время оно так искренно глумился” (Л. Л. 1870). Однако именно “последние пьесы” Островского *Не все коту масленица* и *Поздняя любовь*, о которых Гончаров планировал написать свою статью, были встречены в целом доброжелательно. Критик «Санкт-Петербургских ведомостей», например, отметив недостатки первой пьесы, пи-

сал: “[...] она смотрится с большим удовольствием и, вероятно, долго не сойдет с репертуара. Публика отнеслась к ней сочувственно; автора вызывали [...]” (П. 1873). В.П. Буренин высоко оценил пьесу *Не все коту масленица*: “Новое произведение г. Островского [...] принадлежит к числу самых удачных бытовых сцен знаменитого драматурга” (Буренин 1873)³. Встречались, конечно, и негативные отзывы. Критик «Гражданина» даже хотел обратиться к драматургу со словами “О г. Островский! отчего вы не умерли до написания *Поздней любви*?” (К... 1873). Однако, вопреки мнению Гончарова, никакого единства на этот раз в критике не было⁴.

Тем не менее, Гончаров в своей статье последовательно вы-

---

³ В той же статье находим близкую параллель к одной из характеристик Гончарова: “Внешнее содержание комедии, как говорят у нас, фабула – избитейшая донельзя...” (Буренин 1873). Ср. у Гончарова: “Ему и не хочется прибегать к фабуле” (Гончаров 1955: 180).

⁴ Показательно, что *Голос* по поводу московской и петербургской постановок *Поздней любви* отзывался об Островском диаметрально противоположным образом: один обозреватель утверждал, что талант Островского “падает”, другой — что эти упреки несправедливы (см.: Без подписи 1873, В. 1873).

страивает повествование о писателе, забытом публикой и отвергнутом критикой, прямо проводя параллели с другими «беллетристами новейшего времени»: «Прежде всего Островский разделяет в этом отношении участь всех беллетристов новейшего времени. К ним ко всем более или менее стали холоднее прежнего» (Гончаров 1955: 170). Как представляется, в действительности Гончаров интересовался всего лишь одним критиком, писавшим не только об Островском, но и о других «беллетристах новейшего времени», включая самого Гончарова. Выступая против критиков Островского, писатель в первую очередь имел в виду статьи Е.И. Утина, печатавшиеся на страницах «Вестника Европы» одновременно с романом *Обрыв* и обратившие на себя его особое внимание. Его взгляды на литературу были достаточно радикальными. Развернутые отзывы о чтении сочинений Утина неоднократно встречаются в переписке романиста. 15 (27) мая 1869 года он писал С.А. Никитенко о деятельности издателя журнала Стасюлевича, который печатал сочинения Утина:

Я его остерегал от слишком юных сотрудинок.

Они напустят ему воды – или *слюней*, как неизящно выразился я, прямо указывая ему на его родственника. Сколько он наговорил об Островском, например, и местами недурно, а в целом вышла болтовня. Вот он недоволен направлением моего романа, а собирается, как я вижу из его слов, выразить недовольство и художественною стороною (Гончаров 1955: 404).

5 ноября 1869 года Гончаров обратился к самому редактору «Вестника Европы»:

Обращаясь к фельетону Евгения Исааковича, я замечу с радостью, что он менее нежели кто-нибудь в современной печати грешит грубостью, раздражением на словах и бранью. Тон его приличен и мягок – и это чуть ли не единственное достоинство фельетона (Гончаров 1955: 421).

В «Вестнике Европы» Утин напечатал несколько статей об Островском и современной русской литературе, которые могли привлечь внимание

Гончарова: *Литературные споры нашего времени*, где Островский сопоставлялся с другими представителями своего поколения, такими как Тургенев и сам Гончаров, *Современные мудрецы* – развернутый разбор творчества драматурга, созданный в связи с выходом комедии *На всякого мудреца довольно простоты*, – а также работу *Современные условия русской сцены*. – *Новая комедия А.Н. Островского* Горячее сердце.

Статья *Литературные споры нашего времени* была построена на противопоставлении творчества представителей поколения 1840-х годов литературной деятельности современных писателей (повидимому, не названных прямо радикальных разночинцев, таких как Ф.М. Решетников). Утин подчеркнул литературное значение именно современных произведений:

[...] говоря о молодых беллетристах, мы должны сказать, что если среди них до сих пор не явилось ни одного писателя с таким сильным талантом, чтобы он мог образовать собою новую школу, то, взятые вместе, они составляют достаточно крупное явление,

чтобы на нем остановиться (Утин 1869: 362).

Единственным из писателей прошлого поколения, кого Утин соглашался считать современным и актуальным, был именно Островский. По мнению критика, только он “никогда не шел вразрез новым стремлениям и до сих пор вносит в изображение русской жизни большую трезвость и ясное понимание вещей” (Утин 1869: 363). Умение понимать современную русскую жизнь Утин считал исключительной способностью драматурга, которой, с точки зрения критика, лишены авторы *Отцов и детей* и *Обрыва*: “Сама жизнь сделалась шире, ее не удовлетворяют больше те маленькие интересы, те ничтожные страсти, или, вернее, страстишки, которыми думают увлекать читателей писатели старого направления” (Утин 1869: 363). В качестве ярчайших примеров этих писателей старого направления Утин приводил, конечно, Тургенева и Гончарова. Связывая творчество Островского с общественно-политическими проблемами современной России, Утин прямо ссылаясь на Добролюбова: “Нельзя, конечно, сказать, чтобы г. Островский во-

все не был оценен в русском обществе; нет, на его долю выпало встретить в Добролюбове достойного себя критика” (Утин 1903: 128). Проблемы эти были, с его точки зрения, тесно связаны с постепенным освобождением от давящего наследия прошлого, которое во многом определяло характер современного общества. Сами комедии Островского Утин, следом за Добролюбовым, трактовал как критику основанного на угнетении общественного порядка.

Гончаров пытался опровергнуть почти все основные тезисы статей Утина. Писатель явно не считал Островского исключительным представителем своего поколения: все литераторы этого возраста описаны в заметке Гончарова как реликты литературного прошлого. Разумеется, в его описании и Островский оказывается писателем несовременным. При этом ответственность за такое положение вещей он возлагает не персонально на Островского, а на исторические закономерности в целом: “Беллетристика переставала быть центром, или знаменем интеллигенции – по мере того как развилось и созревало общественное сознание о необходимости образования в массе” (Гончаров 1955:

170). Если для Утина современные писатели по своему значению не уступают прежним, Гончаров утверждает, что выдающиеся современники литературой не занимаются:

Беллетристика переставала быть центром и знаменем интеллигенции, по мере того как развивалось и созревало общественное сознание о необходимости образования в массе.

Круг образованных и серьезно подготовленных для общественной деятельности людей расширился – и беллетристы выделились из этого круга, как выделяются специалисты всякого дела, и составили особый, всегда почетный, но уже не во главе всей интеллигенции стоящий кружок (Гончаров 1955: 170–171).

Если для Утина общество современной России выглядит аренной ожесточенной борьбы между “старым” и “новым” укладом жизни, где писатель волен изображать обе стороны конфликта, то с точки зрения Гончарова, веками сложившаяся жизнь “московского царства” подошла к концу, а

изображать современную жизнь искусство пока еще не способно в принципе. В этой связи повторение одних и тех же типов и ситуаций в пьесах Островского воспринимается Гончаровым не как недостаток, а как необходимое следствие его творческой активности.

Гончаров особенно подчеркивает значение статей Добролюбова для характеристики творчества Островского. Единственный критик Островского, который прямо назван в статье, – это Добролюбов (см.: Гончаров 1955: 178), то есть тот же автор, на которого ссылался и Утин. Возможно, причина состояла в том, что в свое время Добролюбов писал о самом Гончарове. На статью *Что такое обломовщина?* обращалось особое внимание в критических заметках *Лучше поздно, чем никогда*, где имя Добролюбова упомянуто Гончаровым трижды, и исключительно в положительном контексте (см.: Гончаров 1955: 70, 71, 78). Едва ли писатель был согласен с радикальным критиком в трактовке пьес Островского. Более вероятная причина – возможность прямо указать на судьбу собственного творчества: именно Гончарова, а не Островского ради-

кальная критика сначала оценила (в лице Добролюбова), а позже отвергла (в лице, например, Утина, прямо ссылавшегося на того же Добролюбова)⁵.

Итак, статьи Утина вызвали особый интерес Гончарова во все не в связи с оценкой Островского, а в связи с описанием литературной деятельности всего его поколения, в первую же очередь – самого Гончарова. Мнение писателя явно связано с его умеренной политической позицией и убежденностью в том, что “Великие реформы” в целом уже однозначно и полностью преобразили российскую общественную жизнь. Более основательно эти мысли сформу-

---

⁵ В противовес Добролюбову, Гончаров воспроизводил характерные для позднего Белинского идеи, согласно которым “В наше время невозможен ни Пушкин ни Гоголь – эти два последние могикана литературного абсолютизма [...] Майков, Некрасов, Тургенев, графы Толстые, Писемский образуют первую шеренгу, и никто из них не теснит другого, и все вместе выражают то, что прежде выражалось в небольшой кучке интеллигенции одним” (цит. по: Гейро 1973: 147–148). Схожие идеи относительно значения в современную эпоху беллетристики Белинский высказывал, например, в статье *Взгляд на русскую литературу 1847 года* (1848), на страницах которой высоко оценивалась и *Обыкновенная история* – первый роман самого Гончарова.

лированы в не опубликованном при жизни автора *Предисловии к роману Обрыв* (1869):

В сущности можно прийти к такому заключению, что с тридцатых и сороковых годов продолжается все один и тот же период развития и что в этом периоде уже сменилось не одно племя молодых людей другим. В этом смысле современное молодое поколение началось давно. “Они дождались, – говорят люди нового поколения (будем так называть молодых людей, публицистов и проч.) про своих предшественников, – осуществления некоторых результатов и удовлетворились, успокоились, как будто все нужное уже сделано”.

Да, удовлетворились многим, хотя и не успокоились и не думают, что все уже сделано, не легли на бок, а продолжают, насколько есть сил, действовать. И было чем удовлетвориться. [...] Нужно ли перечислять все, что совершилось с 1855 года, когда правительство стало во главе прогресса, твердо пошло

и идет по новому пути?
(Гончаров 1955: 151).

С точки зрения Гончарова, задача “нового поколения” должна состоять не в борьбе со старым, а в продолжении и развитии принципов, заложенных в прошлом – в 1840-е годы, подготовивших общественное сознание к социально-экономическим сдвигам царствования Александра II. Очевидно, именно на этом уровне и заложен своеобразный автобиографический пласт статьи Гончарова. Работая над статьей об Островском, писатель в то же время создавал своеобразный нарратив, полемически направленный против радикальной литературной критики, – нарратив, главным действующим лицом которого становится Гончаров, по объективным причинам неспособный отразить в своем творчестве новейшие тенденции в обществе и по этой причине несправедливо забытый публикой и критикой. Хотя в статье речь идет об Островском, в действительности ее главный герой – сам автор романа *Обрыв*, о котором критики не сказали доброго слова ни в одном журнале, даже в напечатанном романе *Вестнике Европы*, на страницах которого Утин и

объявил Гончарова “отсталым” (см.: Гуськов 2012).

Именно в таком духе Гончаров характеризовал себя в многочисленных описаниях собственного творчества 1870-х годов, в первую очередь, в статье *Лучше поздно, чем никогда*. В ней нетрудно отметить те же ключевые мотивы, складывающиеся в повествование о печальной судьбе не понятого новым поколением писателя. Гончаров пишет о том, что его собственное творчество отстало от времени:

Я давно положил перо и не печатал ничего нового. Так думал я и закончить свою литературную деятельность, полагая, что мое время прошло, а вместе с ним “прошли” мои сочинения, то есть прошла их пора.

Я решился возобновить только издание очерков кругосветного плавания Фрегат *Паллада* [...] Другое дело — романы и вообще художественные произведения слова. Они живут для своего века и умирают вместе с ним; только произведения великих мастеров переживают свое время и обращаются в истори-

ческие памятники (Гончаров 1955: 64).

Характеризуя реакцию на свой последний роман, Гончаров упоминает и негативные отзывы критиков, и непонимание современников:

Со времени появления романа *Обрыв* в 1869 году мне пришлось прочесть немало суровых, даже раздражительных приговоров в печати; напротив того, в обществе лично я встречал много сочувствия, выразившегося в горячих, иногда восторженных, конечно преувеличенных, похвалах.

Я получал и письма от некоторых любителей литературы, наполненные теми же похвалами, которые всего более относились к моей “живописи” [...]

Эти похвалы имели бы для меня гораздо более цены, если бы в моей живописи, за которую меня особенно хвалили, найдены были те идеи и вообще все то, что [...] укладывалось в написанные мною образы, картины и простые, не-

сложные события (Гончаров 1955: 66–67).

Такую реакцию Гончаров объясняет неспособностью большинства читателей оценить природу его творчества, в котором отразился не только жизненный опыт автора, но и исторические обстоятельства:

Прежде всего надо вспомнить и уяснить себе следующее положение искусства: если образы типичны, они непременно отражают на себе – крупнее или мельче – и эпоху, в которой живут, оттого они и типичны. То есть на них отразятся, как в зеркале, и явления общественной жизни, и нравы, и быт. [...]

Я сам и среда, в которой я родился, воспитывался, жил – все это, помимо моего сознания, само собою отразилось силою рефлексии у меня в воображении [...] все в миниатюрных подобиях (Гончаров 1955: 72).

Неоконченная статья Гончарова об Островском оказывается, таким образом, не столько опытом характеристики драматурга, сколько своеоб-

разной литературной автобиографией Гончарова, мучительно пытавшегося разобраться в причинах неожиданно холодного приема критиками своего последнего романа, определить собственное место в истории русской литературы и в истории России в целом. За отдельными характеристиками пьес Островского скрывается попытка Гончарова рассказать, как связаны его творческий путь и историческое время.

Такая трактовка позволяет, как кажется, объяснить еще две особенности незавершенной статьи Гончарова. Понятно становится его обращение именно к творчеству Островского. Очевидно, именно в драматурге Гончаров не мог видеть себе конкурента, как, например, в Иване Сергеевиче Тургеневе, или создателя принципиально другого типа повествования, как в Салтыкове-Щедрине. В драматическом роде Гончаров себя никогда не пробовал, а потому самоотожествление с Островским не было чревато самоуничтожением – поддержкой другого, более успешного автора повествовательной прозы. В то же время именно анализ драматургии позволял Гончарову подробнее говорить о разных слоях публики: в театральной

критике того времени, в отличие от литературной, было принято подробно обсуждать возможного зрителя (см.: Федотов 2016: 119–120). Этот анализ (писатель делит русскую публику на “высший круг”, “средний русский класс” и “неграмотных простых людей” (см.: Гончаров 1955: 174–176) позволяет Гончарову объяснить кажущееся непонимание читателем его собственных произведений.

Разбор статьи Гончарова позволяет, как представляется, охарактеризовать специфику его положения в литературной жизни 1870–1880-х годов. Мемуарные сочинения, которые писатель публиковал в это время, преимущественно относятся к достаточно периферийным, на его взгляд, проблемам: это личность давно скончавшегося Виссариона Григорьевича Белинского, университетские годы писателя, нравы его родины и прочее. Однако наиболее болезненные и важные детали собственно литературной биографии писателя остались на страницах не завершенных или не опубликованных сочинений, таких как *Необыкновенная история*. В 1870-е годы Гончаров пережил острый жизненный кризис, в котором сыграли свою роль и обще-

ственная позиция, и обстоятельства личной жизни, и состояние здоровья, и сложная реакция критиков на последний роман писателя. Этот кризис в предназначенных для печати произведениях практически не отразился либо отразился косвенно, как и в задуманной, видимо, для публикации заметке об Островском. Однако даже такие признания для “объективного” Гончарова оказались недопустимы. Чрезмерно личный тон статьи об Островском стал, по-видимому, причиной отказа от ее завершения.

В положении Гончарова проявляется общая проблема, связанная с конфликтом между эстетической теорией писателя и некоторыми тенденциями развития литературы этой эпохи. Гончаров был последовательным приверженцем такого значимого для писателей его эпохи эстетического принципа, как “объективность” (см.: Цейтлин 1950: 336–338). Разумеется, объективность была в числе категорий классической философской эстетики, очень значимых для русской литературы и литературной критики XIX века в целом, однако у Гончарова, по сравнению с его современниками, роль именно установки на абсолютную ав-

торскую беспристрастность, дистанцированность от изображаемой реальности особенно значима. “Субъективных”, то есть пристрастных и прямо выражающих свою политическую позицию литераторов, таких как Щедрин, он в целом не желал понимать и воспринимать (см.: Прокопенко 1989). Тем более не был Гончаров готов публично высказываться о своих личных проблемах: это противоречило его собственным концепциям теориям “объективного” творчества “*sine ira*” (Гончаров 1955: 94).

Именно в последние десятилетия XIX века русская литература как социальный институт достигла достаточной степени социальной и экономической независимости от внешних критериев, а для писателя стало возможно выстраивать свою биографию именно вокруг литературной деятельности, осмыслять свой жизненный путь именно как путь писателя. Об этом Гончаров пишет в цитированном выше фрагменте своей статьи, рассуждая о формировании обособленного круга “беллетристов”. Перифразируя известную формулу Юрия Михайловича Лотмана о “праве на биографию” (Лотман 1992), в это время писатель получает

“право на автобиографию” – уже не только как создатель определенных текстов, но и как участник сложившегося литературного сообщества. Начиная с 1860-х годов, растет лавина публикаций “литературных воспоминаний” самых разных писателей (см., например, Гурвич-Лищинер 1997: 31–44).

Именно в эту тенденцию, связанную с автономизацией литературного поля, Гончаров, со своей сугубо “объективной” эстетикой, и не смог вписаться. Причины, по которым писатель оказался в таком положении, на другом материале сформулировал Ф. Лежен: “Автобиография легка (а искусство требует труда и шлифовки) и никчемна (искусство предполагает преодоление индивидуального и достижение всеобщего)” (Лежен 2000: 13). Видимо, согласившийся бы с этим расхожим мнением Гончаров требовал от искусства именно ‘преодоления индивидуального’ – а потому не был готов печатать произведений о собственной жизни. Парадоксальным образом Гончаров, защищая автономию искусства от радикальной критики, был не готов осмыслить собственную жизнь как жизнь прежде всего литератора. Установка на объектив-

ность и осмысление себя в качестве писателя, проведенные последовательно, оказались несовместимы⁶.

---

⁶ Я благодарю Н. В. Калинину и анонимных рецензентов, чьи ценные рекомендации помогли мне в работе над моей статьей.

Библиография

Без подписи 1873: [Без подписи], *Московские заметки*, «Голос», 1873, 327, 28 ноября.

Буренин 1871: Z. [В. Буренин], *Журналистика*, «Санкт-Петербургские ведомости», 1871, 274, 5 сентября.

В 1873: В., *Театр (Бенефис Бурдина: новая пьеса Островского Поздняя любовь)*, «Голос», 1873, 331, 30 ноября.

Гейро 1973: Л. Гейро, *Неизвестные страницы из статьи Гончарова об Островском*, «Русская литература», XXV, 1973, 2, с. 144–148.

Гончаров 1923: И. Гончаров, *Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском // Памяти А.Н. Островского: Сборник статей об Островском и неизданные труды его*, Петроград, Путь к знанию, 1923, с. 10–22.

Гончаров 1955: И. Гончаров, *Собрание сочинений: В 8 тт.*, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1955, т. 8.

Гончаров 2014: И. Гончаров, *Полное собрание сочинений и писем: В 20 тт.*, Санкт-Петербург, Наука, 2014, т. 10.

Гурвич-Лищинер 1997: С. Гурвич-Лищинер, *Герцен и русская художественная культура 1860-х годов*, Тель-Авив, Центр им. Каммингса, 1997.

Гуськов 2012: С. Гуськов, *Полемика, которой не было (из истории критики романа Обрыв)*, «Русская литература», LXIV, 2012, 2, с. 80–89.

Денисенко 2008: С. Денисенко, *Мильон терзаний И.А. Гончарова в театральном дискурсе*, «Русская литература», LX, 2008, 2, с. 122–130.

Ермолаева 2011: Н. Ермолаева, *И.А. Гончаров об А.Н. Островском // Актуальные проблемы теории и истории литературной критики: (К юбилею В.В. Тихомирова)*, под ред. Е. Беязковой, Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011, с. 161–168.

К... 1873: К..., «Поздняя любовь» (Письмо к редактору), «Гражданин», 1873, 49, 3 декабря.

Лежен 2000: Ф. Лежен, *В защиту автобиографии. Эссе разных лет*, пер. и вступ. Б.В. Дубина, «Иностранная литература», XLVI, 2000, 4, с. 108–122.

Л. Л. 1970: Л. Л., *Русская журналистика. («Бешеные деньги»)*, «Новое время», 1870, 109, 22 апреля.

Лотман 1992: Ю. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте* // Ю. Лотман, *Избранные статьи: В 3 тт.* Таллинн, Александра, 1992, т. 1, с. 365–376.

П 1873: П., *Театр. Бенефис Бурдина*, «Санкт-Петербургские ведомости», 1873, 330, 30 ноября.

Панютин 1870: Л. Панютин, *Русский театр*. («Бешеные деньги»), «Голос», 1870, 107, 19 апреля.

Прокопенко 1989: З. Прокопенко, М.Е. Салтыков-Щедрин и И.А. Гончаров в литературном процессе XIX века, Воронеж, Воронежский университет, 1989.

Салтыков-Щедрин 1969: М. Салтыков-Щедрин, *Собрание сочинений: В 20 тт.* Москва, Художественная литература, 1969, т. 8.

Страхов 1906: Н. Страхов, *Лес, комедия А.Н. Островского* // *Критическая литература о произведениях А.Н. Островского*. под ред. Н. Денисюк, Москва, А. Панафидина, 1906, Вып. 3, с. 228–250.

Утин 1869: Е. Утин, *Литературные споры нашего времени*, «Вестник Европы», 1869, III, 11, с. 347–374.

Утин 1903: Е. Утин, «На всякого мудреца довольно простоты» // *Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского*. Ч. 3, под ред. В. Зелинского, Москва, А. Кольчугин, 1903, с. 128–179.

Федотов 2016: А. Федотов, *Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов*, Тарту, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2016.

Цейтлин 1950: А. Цейтлин, И.А. Гончаров, Москва, Академия наук СССР, 1950.

Шевчугова 2015: Е. Шевчугова, *Авторские стратегии в критических статьях И.А. Гончарова* // *Гончаров после Обломова: Сборник статей. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге*, под ред. С. Гуськова, Н. Калининой, Санкт-Петербург; Тверь, Издательство Марины Батасовой, 2015, с. 258–272.

Lorenz 2013: Lorenz, Sarah Ruth. 2013. 'Realist Convictions and Revolutionary Impatience in the Criticism of N.A. Dobrolyubov', *The Slavic and East European Journal*, LXVIII(1): 67–88.

Антони Бортновски

Восприятие революционных событий в Киеве в мемуарах Алексея Александровича Гольденвейзера

The Perception of Revolutionary Events in Kiev in the Memoirs of Aleksei Goldenweiser

Aleksei Goldenweiser (1890–1979), a successful lawyer and an active participant of the Russian émigré community, left a rich legacy containing, in particular, memories of the revolutionary upheavals in his hometown Kiev. His memoirs are interesting not only as a testimony from a participant in these historical events, but also for what they reveal about the author's complex identity. Being a Russian Jew and at the same time a native inhabitant of Kiev, Goldenweiser did not identify himself with either the Reds, the Whites, or the Ukrainian movement. His relationship with the Jewish environment was also ambiguous. Goldenweiser's texts, despite their relative impartiality, reflect the position of a person trying to defend his professional and moral values in the hard conditions of the Russian Civil War. The memoirs reflect the specifics of the author's worldview and at the same time give an interesting, Kiev-centred, perspective of the events of 1917–1921.

Личность Алексея Александровича Гольденвейзера (1890–1979) сегодня известна преимущественно эмигрантологам, хотя даже в этой среде его фамилия для многих остается незнакомой. Олег Будницкий в книге *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)* пишет следующее: “его биография не написана, литературное и эпистолярное наследие не опубликовано, в литературе об эмиграции он упо-

минается, но как-то всегда между делом, чаще всего в связи с В.В. и В.Е. Набоковыми, которым он оказывал юридические услуги и с которыми состоял в переписке с 1930-х годов” (Будницкий, Полян 2013). На фоне работ, посвященных или отдельным аспектам жизни и творчества Гольденвейзера или же носящих скорее энциклопедический характер, на сегодняшний день выделяются труды

Аллы Зейде (Зейде 2005) и Олега Будницкого (Будницкий, Полян 2013). Первая из них представляет собой попытку осмыслить долгий жизненный путь киевского адвоката и преимущественно сосредотачивается на эмигрантском периоде его деятельности. Вторая работа представляет собой главу в упомянутой книге *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)* и является, пожалуй, самой подробной на сегодняшний день биографией Алексея Гольденвейзера. Вместе с тем текст историка Будницкого лишен углубленного анализа мемуаров киевского адвоката, которые стали предметом исследования данной статьи. Целью нашей работы является приблизить киевский контекст общественно-политических взглядов Алексея Гольденвейзера. Воспоминания активного деятеля русского зарубежья являются ценным источником, воссоздающим атмосферу, настроения и убеждения определенных кругов киевской дореволюционной интеллигенции и позволяющим изнутри увидеть сложную специфику города, функционирующего на национальном, языковом, конфессиональном и идеологическом *перекрестке*. Значимость текстов Гольденвейзера,

по нашему мнению, вытекает из убеждения, что они реализуют определенную “мемуарную функцию”, которая описана в работе *Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы*:

Возникновение мемуаров связано с появлением потребности в историческом повествовании, не преломленном через авторитет: свидетельство очевидца или участника событий приобретает отдельную ценность именно как личное свидетельство, выделяясь из общего исторического повествования. Потребность читателя в подобного рода текстах позволяет нам говорить о выдвигаемой в системе культуры специфической мемуарной функции. Функция мемуаров заключается в удовлетворении потребности читателя в индивидуализированной и достоверной исторической информации (Боровикова *et al.* 2004: 348).

Соглашаясь с точкой зрения авторов, следует подчеркнуть, что вопрос изучения наследия

Алексея Гольденвейзера, и особенно текстов, относящихся к киевскому периоду его жизни, особенно важен сегодня, когда вопрос места и значения Киева (и шире – Украины) для русского культурно-исторического поля все еще находится в процессе формирования и часто становится предметом политических спекуляций.

Алексей Александрович Гольденвейзер в среде русского зарубежья был известен прежде всего как талантливый юрист и общественный деятель. За 50 с лишним лет в эмиграции он помог не одному поколению русских беженцев. Вместе с тем он оставил богатое, и, как уже было сказано, до сих пор недостаточно изученное наследие, охватывающее не только работы, непосредственно касающиеся юридических вопросов. Среди трудов Гольденвейзера можно также найти тексты, посвященные русской революции (например, Гольденвейзер 1922б) и истории русского еврейства (Гольденвейзер 1960 и Гольденвейзер 1968).

На фоне эмигрантского этапа биографии Алексея Гольденвейзера часто на второй план уходят первые 30 лет жизни будущего эмигранта, тесно связанные с Киевом. Здесь

Алексей Гольденвейзер родился, закончил сначала 1-ю гимназию (ту же, что и Михаил Булгаков), а затем Университет святого Владимира (нынешний Университет им. Тараса Шевченко). Следует отметить, что Гольденвейзер был слушателем Берлинского и Гейдельбергского университетов, что, несомненно, не только позволило ему овладеть немецким языком, но и укрепило в будущем киевском адвокате чувство причастности к общеевропейской культуре. Эта черта мировосприятия Алексея Гольденвейзера четко прослеживается практически во всех его работах. Стоит также обратить внимание, что будущий мемуарист стал единственным из трех сыновей известного киевского адвоката Александра Соломоновича Гольденвейзера, который, несмотря на уговоры отца, сознательно отказался от учебы в Америке. Его старшие братья, Александр и Эмануил, оказавшись в студенческие годы в США, стали впоследствии известными американскими учеными. Сознательный выбор юного Алексея Гольденвейзера в пользу родного города не мог быть случайным. Дореволюционный Киев таким образом должен был представляться ему ме-

стом, с которым молодой юрист, педагог еврейского происхождения мог себя отождествлять и в котором видел перспективы для самореализации и профессионального развития.

Такое положение вещей, безусловно, связано с тем, каким городом стал Киев в начале XX столетия. “Иерусалим земли русской”, как называл будущую столицу Украины Александр II, в последние десятилетия существования Российской империи стал динамично развивающимся культурным и промышленным центром. Как отметил известный искусствовед Жан-Клод Маркадэ, с конца XIX века “губернский город” Киев снова начинает играть роль, выходящую за пределы статуса провинциальной столицы (Маркадэ 2014). Особенностью дореволюционного Киева была доминирующая роль русской культуры в жизни города, причем такое положение вещей по большей части вытекало из объективных факторов, таких как национальный состав населения. По результатам переписи 1919 года (которая прошла уже при советской власти, вытеснившей из Киева войска Семена Петлюры, а значит после отъезда в эмиграцию большей части ки-

евской интеллигенции) можно сделать вывод, что Киев до революции был не столько русскоязычным, сколько преимущественно русским городом. Русскими в 1919 году считали себя 42,6% киевлян, что почти вдвое превышало долю украинцев (23,6%) и евреев (21%) (Перепись 1919). Относительная же отдаленность от имперского центра приводила к тому, что на берегах Днепра не в такой степени ощущался вездесущий контроль полицейского государства, которым, без сомнения, была царская Россия. Наследие Киева начала XX столетия как культурного центра, достаточно космополитичного, многонационального и одновременно преимущественно русского (не только в языковом плане), на долгие десятилетия было забыто. *Молчание* на тему Киева, погибшего в годы гражданской войны, в какой-то степени продолжается и сегодня. В советское время *буржуазный* город считался чужим по классовым и идеологическим соображениям, а после распада СССР, в условиях украинского национального возрождения, оказался чужеродным в культурном отношении. Таким образом, дореволюционный Киев был забыт Россией, в которой процесс переосмыс-

ления своей дореволюционной истории еще не завершена, и одновременно не был освоен независимой Украиной.

Лицо Киева первых десятилетий XX века формировали, в частности, такие люди, как Алексей Гольденвейзер. Вместе с тем не все стали, так как он, свидетелями гибели дореволюционного Киева – многие представители местной элиты покинули город еще в начале революционных событий, или же вместе с войсками Деникина в декабре 1919 года (как, например, Василий Шульгин, также известный своими киевскими мемуарами). Воспоминания Алексея Гольденвейзера, ставшие предметом нашего анализа, были написаны в 1922 году и вышли в VI томе *Архива русской революции*. Своего рода продолжением киевских воспоминаний стало опубликованное в 1923 году *Бегство*. Хроника Гольденвейзера уникальна прежде всего тем, что ни один другой эго-документ не представляет столь полной картины киевских событий 1917–1921 годов. Как справедливо отметил Олег Будницкий, “это один из важнейших источников по истории Гражданской войны на Украине (точнее, в Киеве)” (Будницкий, Полян 2013). Алексей Гольденвейзер про-

вел в родном городе весь период гражданской войны и стал свидетелем всех четырнадцати смен власти (согласно подсчету Михаила Булгакова в *Киеве-городе*). Стоит отметить, что помог этому случай, так как в декабре 1919 года, в день занятия Киева большевиками (это был третий раз из четырех), будущий мемуарист сидел уже с женой в вагоне поезда, который должен был увезти их в Одессу. Поняв, что уехать они не успеют, Гольденвейзеры в спешке покинули вокзал и вернулись в квартиру (Гольденвейзер 1922а: 273–274). В итоге они покинули Киев лишь летом 1921 года. Особенностью воспоминаний Гольденвейзера, написанных по свежим следам пережитого, является почти полное отсутствие прямого отражения в тексте личной жизни автора. Мемуарист уже с первых строк четко определяет перспективу событий – это взгляд киевлянина, преданного своим профессиональным и моральным убеждениям, скорее наблюдателя, чем участника истории. Кстати, именно отказ от активных действий политического характера позволил Гольденвейзеру оставаться в Киеве весь период гражданской войны и не стать объектом преследований ни одной

власти. Стоит также обратить внимание, что *нейтралитет* Гольденвейзера усиливался с течением времени – для приверженного принципам законности юриста это был своего рода протест против бесправия, вне зависимости от его политической окраски. Это особенно заметно, если сравнить энтузиазм первой главы, посвященной событиям Февральской революции, с ощущением отстраненности и безысходности в описании последних дней в Киеве.

Ходили по мертвым улицам города, смотрели на кошмарно-однообразные вывески [...], на изможденные и тупые лица прохожих. Читали расклеенные по стенам газеты, сообщавшие о революции в Лиссабоне и о победе на каком-нибудь вновь изобретенном фронте... Мы задыхались. И вокруг нас задыхались. Все – близкие и далекие. Европа, Запад представлялись обетованной землей... [...] Утром вагон двинулся [...]. Он увез нас из Киева. Надолго. Надеюсь, что не навсегда (Гольденвейзер 1922а: 303).

Стоит обратить внимание на язык последнего фрагмента воспоминаний: обилием многоточий, отрывистыми простыми предложениями Гольденвейзер словно воссоздает чувство моральной усталости, даже истощенности. На этом фоне выделяются робкие слова надежды, которыми завершаются воспоминания, – они доказывают, что Гольденвейзер был привязан к Киеву, куда однажды хотел вернуться. Родной город стал для мемуариста жертвой внешних сил, которые вторглись в *киевский мир* и в итоге разрушили уклад жизни его населения. Интересно, что в глазах Гольденвейзера захватчиками Киева были не только немцы или большевики, но также войска Деникина и даже украинцы, рассматривающие город на Днестре как свою столицу. Алексей Гольденвейзер уже в самом начале своих воспоминаний подчеркивает обособленность Киева, который словно жил своей автономной, отдельной от остальной страны жизнью, пока в какой-то момент не был втянут в водоворот исторических потрясений.

В конце февраля 1917 года в Киеве ничто не

предвещало великих событий, на самом пороге которых мы находились. Убийство Распутина, по-видимому, не произвело у нас того впечатления, которое мне пришлось наблюдать в Петрограде, где я как раз в эти дни был (Гольденвейзер 1922а: 161).

Февральская революция, как замечает Гольденвейзер, стала для Киева сюрпризом. Обстановка в городе не была столь накаленной, как в Петербурге, и вошедшая в историю телеграмма Бубликова, о которой упоминал также Михаил Булгаков (*Киев-город*), вызвала у киевлян удивление и растерянность.

Телеграмма эта с быстротой электрической искры распространилась по городу. Все были в этот вечер у телефона, читая, слушая, перечитывая и переспрашивая... Никто не знал, кто такой Бубликов (Гольденвейзер 1922а: 163).

После первоначального удивления, в Киеве воцарился всеобщий восторг. Гольденвейзер подчеркивает, с каким энтузиазмом и надеждами горожане

отнеслись к крушению самодержавия.

Настроение было праздничное. Да и как было не радоваться? Грандиозный переворот, осуществление вековой нашей мечты мы получили как бы в подарок, без борьбы и усилий, без крови и стонов... Это чувство восторга по поводу происшедшего с Россией феерического превращения сохранилось еще долго (Гольденвейзер 1922а: 163).

Следует обратить внимание, что в приведенном фрагменте четко прослеживается позиция самого автора – местоимения “наши” и “мы” свидетельствуют о том, что автор мемуаров разделял чувства ликующего киевского или, шире, российского общества. В этот “медовый месяц”, как назвал первые послереволюционные недели Гольденвейзер, казалось, что наступило время свободы и исторической справедливости, когда в отсутствие давления имперского центра наконец все киевляне станут равноправными гражданами. Это касалось, в частности, киевского еврейства, на которое Гольденвей-

зер в силу своего происхождения обращал особое внимание. С некоторым пафосом мемуарист пишет о первом собрании представителей еврейских общественных организаций в самом большом концертном зале Киева:

Зрелище было довольно импозантное, чувствовалось веяние духа новых времен. В городе, откуда евреев постоянно выселяли, [...] впервые за его тысячелетнюю историю состоялось открытое и гласное собрание представителей еврейства (Гольденвейзер 1922а: 166).

Вскоре оказалось, однако, что исчезновение самодержавия не только принесло свободу, но и обнажило многие противоречия местного характера, в том числе касающиеся еврейского населения.

“(Еврейскому) Совету” не только не удалось объединить вокруг себя киевского еврейства, но, напротив, он стал фактором раздоров, стал тем химическим реактивом, который обнаружил несоединимость отдельных составляющих еврейство

элементов (Гольденвейзер 1922а: 189).

Следуя логике Гольденвейзера, получается, что противостояние дискриминационной политике царских властей, было серьезным фактором, сглаживающим внутренние разногласия среди евреев. Вместе с тем такая оценка ситуации, несомненно, вытекает из самоидентификации мемуариста и его подхода к национальному вопросу. Воспитанный в русской культуре, автор киевских воспоминаний был далек от еврейских традиций, как в религиозном, так и в языковом плане¹. На удаленность Гольденвейзера от своего национального происхождения указывает также способ представления еврейского вопроса в мемуарах – как в вышеприведенном, так и в других фрагментах автор описывает проблемы еврейского населения Киева с позиции свидетеля, а не участника: в данном случае читатель ни ра-

¹ О значительной степени ассимиляции Гольденвейзеров свидетельствует факт, что из 8 доживших до взрослых лет детей деда мемуариста – Соломона Израилевича Гольденвейзера – лишь двое младших сыновей (в том числе отец Алексея – Александр) не перешли в христианство (см. Гольденвейзер 2009: 10).

зу не встретит местоимений первого лица. К этому вопросу обращается также в своей работе Олег Будницкий:

Как и многие другие дети еврейской элиты, обучавшиеся в русских гимназиях и русских университетах, он (Гольденвейзер – А.Б.) стал человеком русской культуры. [...] Он, конечно, понимал язык еврейской “улицы”, но, по его собственному признанию, идиш был для него “малознакомым” языком (Будницкий, Полян 2013).

По мнению мемуариста, национальная еврейская политика (в узком, этническом понимании) была в 1917 году уже анахронизмом и, следовательно, являлась нецелесообразной.

Для каждого еврея несравненно важнее были вопросы о монархии или республике, демократии или социализме, – чем все вопросы, к которым сводилась национальная еврейская политика, то есть вопроса о светской или религиозной общине, о жаргоне или древнееврейском языке, и даже вопросы о

национальной автономии. Между тем, по основным общеполитическим вопросам русское еврейство никоим образом не могло представлять собой единого фронта; тут оно естественно расслаивалось по социальным классам и политическим течениям (Гольденвейзер 1922а: 190).

Наивный и легкомысленный послереволюционный энтузиазм привел к тому, что отдельные группы населения, так же как и евреи, переоценили значение смены власти в Петербурге для решения киевских и, шире, украинских² проблем. Далее мы сосредоточимся именно на представлении Гольденвейзером ошибок основных сил, предъявляющих свои претензии на господство в Киеве. Автор постоянно напоминает о них с позиции знающего будущее повествователя, обращая внимание на ключевые промахи первых послереволюционных дней. Итак, например, в кон-

---

² Определение *украинский* имеет здесь территориальный характер и относится к землям бывшего Юго-Западного края и других губерний Российской империи, являющихся сегодня территорией Украины.

тексте недооценки значения украинского национального движения, автор отмечает, что “вскоре на этой почве предстояло разыграться довольно грозным конфликтам” (Гольденвейзер 1922а: 168). Такого рода комментарии *из будущего* в работе Гольденвейзера позволяют выстроить из киевских революционных событий цепь закономерностей, которую можно было увидеть лишь *post factum*. Такого рода явление метко описано в одной из работ Юрия Лотмана:

Ретроспективный взгляд позволяет историку рассматривать прошедшее как бы с двух точек зрения: находясь в будущем по отношению к описываемому событию, он видит перед собой всю цепь реально совершившихся действий; переносясь в прошлое умственным взглядом и глядя из прошлого в будущее, он уже знает результаты процесса. Однако эти результаты как бы еще не совершились и преподносятся читателю как предсказания. В ходе этого процесса случайность из истории полностью исчезает (Лотман 1994: 427).

Критическое переосмысление прошлого в работе Алексея Гольденвейзера позволяет выделить ключевые, по его мнению, ошибки, которые перечеркнули не только достижения Февральской революции, но и в итоге заставили с ностальгией вспоминать царские времена. Гольденвейзер в конце киевских воспоминаний приводит слова украинского крестьянина, который со вздохом произносит: “Кольсь була свобода...” (Гольденвейзер 1922а: 297).

С точки зрения Гольденвейзера, одной из серьезнейших недооцененных проблем послереволюционного времени был, без сомнения, украинский вопрос. Описывая его, мемуарист предлагает очередное *лотмановское* предсказание:

Наша жизнь была наполнена интересами и вопросами момента. Но самое главное и решительное в ней было то, что позади всех этих очередных вопросов и забот поднималась и заполняла все большую и большую часть горизонта грозная туча украинского сепаратизма (большевистская опас-

ность была в ту эпоху в Киеве еще не на очереди). Мы все видели эту тучу и чувствовали ее приближение; и это налагало отпечаток какой-то мрачности на наши мысли и настроения (Гольденвейзер 1922а: 174).

Приведенные слова в очередной раз подчеркивают специфику Киева столетней давности, в котором украинское стремление к независимости воспринималось горожанами (или как минимум интеллигенцией) как неожиданная угроза. Со своих общероссийских позиций Алексей Гольденвейзер рассматривает украинский вопрос как очередной фактор, осложняющий и так уже непростую обстановку в Киеве.

Легкомысленное пренебрежение к украинскому национальному движению со стороны русской и еврейской интеллигенции проявилось [...] в первые недели революции. Мы [...] не знали и не хотели знать ничего об украинстве и о его национальных домогательствах. И каждое напоминание о них, ис-

ходившее от заинтересованных кругов, воспринималось нами как грубая бестактность (Гольденвейзер 1922а: 168).

Такой подход Гольденвейзер, как уже было сказано, считал ошибочным, но не потому, что, будучи киевлянином, признавал справедливость украинских, как он это выразил, “домогательств”. Об этом свидетельствует реакция мемуариста на решение Временного правительства о предоставлении Украине автономии: “Помню тяжелое впечатление, которое произвело на меня то, с какой легкостью и быстротой ‘отвалили’ Украине десяток губерний” (Гольденвейзер 1922а: 180).

Алексей Гольденвейзер был однозначным сторонником сохранения единства России, а Киев, как и всю Украину, считал ее интегральной частью. В частности, этой особенности взглядов киевского адвоката посвящена статья Анастасии Гаввы, справедливо отметившей, что для Гольденвейзера было “неприемлемо и даже драматично понятие ‘украинская автономия’ и тем более ‘независимость Украины’”. Все шаги в этом направлении он расценивает как ‘украинский сепаратизм’ и предательство

интересов русской революции, которое способствовало ее поражению” (Гавва 2012: 140). Целостность многонационального государства была для него несравненно важнее каких-либо отдельных узконациональных интересов. Это касалось не только украинцев и упомянутых ранее евреев, но и русских. Следует отметить, что в киевских воспоминаниях Гольденвейзера звучит также критика великорусского шовинизма (и, в частности, позиции таких изданий как «Киевлянин»), который привел к обострению межнациональных противоречий. Взгляд мемуариста на русско-украинские отношения в Киеве и на территории Украины хорошо отражает следующий фрагмент:

Киев всегда жил под знаком национальной розни. Эта рознь препятствовала развитию у нас широких объединений даже среди деятелей искусства, науки, литературы. В области же политики обостренность национальных вопросов питала мракобесие и челоноконенавистничество. Это наследие старорежимного Киева проявилось теперь во

всем блеске. Национальный момент был официально выдвинут на первое место: результатом не могли не стать национальное обособление, вражда и упадок общечеловеческих благ культуры. Конечно, теперь роли переменялись. В 60-х годах, выпуская Первый номер «Киевлянина», В. Я. Шульгин счел нужным поставить своим лозунгом фразу: “Юго-западный край – русский, русский, русский”. Очевидно, такой лозунг был бы смешон и бессодержателен в чисто русском крае, например в Москве; он получал определенный смысл и политическое значение именно в Киеве, притом именно потому, что Юго-западный край в действительности не был чисто русским. Цель В. Я. Шульгина и его преемников состояла в том, чтобы сделать его таковым. Через 50 лет политика русификаторов принесла свои неизбежные плоды: захватившая власть Центральная рада не переставала повторять, что Юго-западный край – украинский,

украинский, украинский
(Гольденвейзер 1922а:
198).

Приведенный фрагмент ясно свидетельствует о том, что Гольденвейзер отвергал любой узконациональный ключ решения проблем в обществе и выступал за инклюзивный подход, опирающийся на общечеловеческих и наднациональных ценностях. Киевский адвокат олицетворял собой тип социальной персоны, в которой множество идентичностей дает в итоге синергический эффект. На особенности данного типа *имперского* сознания ранее уже обратила внимание Алла Зейде:

Эта сложная социальная персона не является экзотической странностью Гольденвейзера, она присутствовала в обществе поздней имперской России, когда сословные, классовые, этноконфессиональные и профессиональные идентичности не отменяли друг друга, но складывались в причудливые калейдоскопы (Зейде 2005: 336).

В итоге интегральность России во всем ее многообразии тесно связывается в сознании

Гольденвейзера с целостностью его собственной идентичности. В этом контексте не может удивлять факт, что межуарист в своих воспоминаниях посвящает много места критике действий украинских властей, вызывавшей лишь углубление расколов в многонациональном российском обществе. Отвергаемый Гольденвейзером узконациональный подход выражался, прежде всего, в недалёковидной политике насильственной украинизации, вызвавшей недоумение в русском, как писал автор, городе. Как замечает Гольденвейзер, *русскость* Киева особое удивление вызвала у происходящих с территории западной Украины солдат: “Галицийские войска, которых Петлюра призвал освобождать Украину, были весьма сконфужены, когда [...], овладев наконец Киевом, оказались в совершенно русском городе” (Гольденвейзер 1922а: 232).

Итак, принудительная украинизация, по мнению Гольденвейзера, стала чуть ли не единственным общим знаменателем, объединяющий все украинские правительства периода гражданской войны, от Центральной рады до Петлюры.

С похожих позиций Алексей Гольденвейзер осуждает в своих мемуарах власть белых, вытеснивших большевиков из Киева в августе 1919 года и встреченных горожанами в качестве освободителей:

Настроение в городе было приподнятое. Все население высыпало на улицы, мелькали белые платья и праздничные наряды. [...] Толпы народа ходили по городу с национальными флагами [...]. Чувствовалось всеобщее единение, напоминавшее первые дни революции. Большевистская власть, чрезвычайка и расстрелы представлялись каким-то дурным сном, навсегда схороненным (Гольденвейзер 1922а: 259).

В описании прихода в Киев Добровольческой армии заметно все большее отчуждение Гольденвейзера, окончательно превращающегося из участника в свидетеля событий. Это, конечно, связано с тем, что в условиях дегуманизации Гражданской войны не осталось сил, с которыми автор мог бы себя отождествлять. Приход белых в Киев оказался очередным разоча-

рованием – по мнению мемуариста, они не смогли использовать антибольшевистские настроения, так как не выучили уроков прошлого и стали реализовать старорежимную националистическую и анти-семитскую политику.

Возбуждение народа, как следовало ожидать, направилось с первых же дней против евреев. В эту именно сторону направляли его, если не сами добровольцы, то весьма значительная часть их политических друзей. Шульгин в первом же номере возобновленного «Киевлянина» [...] обещал отныне не отдавать больше (Юго-Западного края – А.Б.) “ни украинским предателям, ни еврейским палачам”. В своем националистическом ослеплении Шульгин считал, что сила Добровольческого движения – в национальных русских лозунгах. В действительности, однако, сила движения была в лозунгах не национальных, а государственных, не русских, а российских. И как раз роковой ошибкой для всего грандиоз-

ного движения оказалось то, что оно не сумело победить в себе национальное высокомерие и оттолкнуло от себя все не националистически-русские элементы населения (Гольденвейзер 1922а: 260).

Именно выбор в пользу *российскости*, вместо несостоятельной в условиях гражданской войны *русскости*, мог, по убеждению Гольденвейзера, спасти Россию от ее главного врага – большевиков. В воспоминаниях киевского адвоката окончательная победа красных на территории Украины представлена закономерным последствием недалновидной политики их оппонентов. Главными же *жертвами* исторических потрясений в воспоминаниях Гольденвейзера стали киевляне, которые, между прочим, в силу внутренних противоречий не сумели противостоять приходящим извне очередным волнам хаоса и насилия, заливающим их цивилизованный и европейский мир. Тотальная критика большевизма в мемуарах Гольденвейзера – это отдельная тема, которой в данной статье мы развлекать не будем. Заметим лишь, что отношение автора к красным является аб-

солютно закономерным, учитывая его приверженность европейскому гуманизму.

Именно разрыв с Европой стал для мемуариста одним из самых трагических последствий революции и гражданской войны. В этом контексте стоит заметить, что даже при в целом критическом отношении к оккупации Киева чужими армиями – немецкой в 1918 году и польской в 1920 году – занятие ими родного города стало для Гольденвейзера возможностью хоть частично преодолеть культурную изоляцию.

Самой положительной стороной этого времени (немецкой оккупации – А.Б.) было восстановление связи хотя бы с частью Европы. Немцы открыли в Киеве два больших книжных магазина. В них можно было получить, кроме книжных новинок по всем отраслям знаний, также свежие берлинские и венские газеты (Гольденвейзер 1922а: 209).

Похожим образом Алексей Гольденвейзер комментирует и пребывание в Киеве войск Пилсудского: “Настроения киевлян в недели польской ок-

купации были мрачные и озлобленные. [...] Светлым пятном среди всех зол и бед было только одно: приотворенное окно в Европу, через которое дохнуло на нас свежим воздухом” (Гольденвейзер 1922а: 282).

Из приведенных фрагментов в очередной раз четко видно, что абсолютным приоритетом для Алексея Гольденвейзера было сохранение гуманности, развитие России в духе свободы, законности и уважения к человеку. На этом фоне все остальные вопросы, в том числе также национальные уходили на второй план. Это объясняет, почему при своих демократических взглядах, киевский адвокат был категорически против распада России – он понимал, что возникновение национальных государств на руинах империи приведет к всплеску национализма, который неминуемо отодвинет на второй план общечеловеческие, универсальные ценности. Именно сохранение связи с Европой и, шире, цивилизационным пространством Запада было, по убеждению Алексея Гольденвейзера, условием спасения

России. Приверженность европейским ценностям приводит к закономерной эволюции позиции мемуариста по отношению к описываемым в очередных главах событиям. По мере того как киевская действительность теряет последние признаки законности и культурности, автор отдаляется от нее, вплоть до почти полной самоизоляции в ставшем чужим родном городе.

Подытоживая вопрос взглядов Алексея Гольденвейзера на исторические потрясения, которые ему пришлось пережить, следует отметить, что для киевского адвоката самой большой трагедией революции, начатой во имя свободы, стал именно отказ России от *европейскости*, определяющей, по мнению мемуариста, ее сущность – то что в ней самое ценное. “Европа осталась Европой в то время, как Россия перестала быть Россией” (Гольденвейзер 1923: 186), – подводит итоги Первой мировой войны и последовавших за ней потрясений Алексей Гольденвейзер.

Библиография

Боровикова *et al.* 2004: М. Боровикова, Т. Гузаиров, Р. Лейбов, М. Смержевских-Смирнова, И. Фрайман, Т. Фрайман, *Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы* // “Цепь непрерывного предания...”: Сборник памяти А.Г. Тартаковского, под ред. А. Юрганова, Москва, Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2004, с. 346–361.

Будницкий, Полян 2013: О. Будницкий, А. Полян, *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)*, Москва, Новое литературное обозрение, 2013, электронный адрес: <<https://document.wikireading.ru/52624>>, последнее посещение 23.05.19.

Гавва 2012: А. Гавва, *Киевский адвокат А.А. Гольденвейзер о Центральной Раде*, «Вісник студентського наукового товариства ДонНУ імені Василя Стуса», IV, 2012, 1, с. 136–140.

Гольденвейзер 1922а: А. Гольденвейзер, *Из киевских воспоминаний (1917–1921 гг.)* // *Архив русской революции*, Г. Гессен (изд.), Берлин, Слово, 1922, т. 6, с. 161–303.

Гольденвейзер 1922б: А. Гольденвейзер, *Якобинцы и большевики: психологические параллели*, Берлин, Мысль, 1922.

Гольденвейзер 1923: А. Гольденвейзер, *Бегство (Июль-октябрь 1921 г.)* // *Архив русской революции*, Г. Гессен (изд.), Берлин, Слово, 1923, т. 12, с. 167–186.

Гольденвейзер 1960: А. Гольденвейзер, *Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г.*, Нью-Йорк, Союз русских евреев, 1960.

Гольденвейзер 1968: А. Гольденвейзер, *Книга о русском еврействе. 1917–1967*, под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аронсона и А.А. Гольденвейзера, Нью-Йорк, Союз русских евреев, 1968.

Гольденвейзер 2009: А. Гольденвейзер, *Воспоминания*, Москва, Дека-ВС, 2009.

Зейде 2005: А. Зейде, *Без империи*. Тексты и контексты жизни русского еврея Алексея Александровича Гольденвейзера, «Ab Imperio», 3, 2005, с. 331–346.

Лотман 1994: Ю. Лотман, *Смерть как проблема сюжета* // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, сост. А.Д. Кошелев, Москва, Гнозис, 1994, с. 417–430.

Маркадэ 2014: Ж.-К. Маркадэ, *Киев – столица „модерности” в начале 20-20 века*, электронный адрес: <<https://www.vania-marcade.com/киев-столица-модерности-в-начале-20/>>, последнее посещение 27.06.19.

Перепись 1919: *Перепись г. Киева 16 марта 1919 г.*, электронный адрес: <<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8745-perepis-g-kieva-16-marta-1919-g-ch-1-naselenie-kiev-1920#page/7/mode/inspect/>>, последнее посещение 27.06.19.

Дорота Евкодимов

Семиотический анализ автобиографического нарратива Марины Цветаевой - возможности и ограничения

A Semiotic Analysis of the Autobiographical Texts of Marina Tsvetaeva – Perspectives and Limits.

A large part of Marina Tsvetaeva's journals describes her years in Moscow immediately after the 1917 revolution. Tsvetaeva divides her post-revolutionary experiences into two separate spheres: internal life, being (*byt'e*) and external life, existence (*byt*), where internal life is valued positively, while external life is assessed negatively or neutral. The sphere of existence, in Tsvetaeva's testimony, constitutes the essence of the revolution. The main aim of this article is the description of this sphere, with the simultaneous definition of its relationship with *being*. Another goal is to define the boundaries of the semiotic analysis of an autobiographical text and the possibility of a pre-text experience, that exists prior to the text. In Tsvetaeva's text, I distinguish those fragments that refer directly to her individual experience of a revolution located in the area of individual emotionality. Determining to what extent the emotional experience is physiological and therefore pre-discursive, and to what extent cultural and therefore discursive, will depend on the possibility of its semiotic analysis.

Марина Цветаева уже с раннего детства вела записи в тетрадях, но только 15 из этих тетрадей, охватывающих 1913–1939 годы, сохранились. Остальные тетради были утрачены во время многочисленных путешествий и переездов Цветаевой. Эти записки имели для поэта огромное значение, так как в них, по ее мнению, проявлялось настоящее Я (см. Цветаева 2000: 42). Записные книжки Цветаевой были

опубликованы полностью только в 2000–2001 годах. Ранее были опубликованы фрагменты записок; некоторые вышли еще при жизни поэта в изданиях русского зарубежья: так, фрагменты *О любви*, *Чердачное*, *О Германии* были напечатаны в газете «Дни» в Берлине (с 1924 по 1925 год); отрывки из книги *Земные приметы* были представлены читателям в журнале «Воля России» в Праге (в 1924 году);

наконец, запись *О благодарности* появилась в журнале «Благонамеренный» в Брюсселе, в 1926 году (см. Цветаева 1997: 258–259). Редакторы полного издания *Записных книжек* представляют их как “предельно точно записанный, не преобразованный художественными задачами, голый экзистенциальный опыт” (Цветаева 2000: 6). Такое утверждение, пожалуй, звучит весьма спорно. Анализ автобиографических записей Цветаевой ясно указывает на те особенности, которые характерны если не самому художественному тексту, то его рабочему варианту, “пред-тексту” (Джаббарова 2018: 196). Но, несомненно, материал, который мы находим в записных книжках Цветаевой, индивидуален: он содержит элементы внутреннего, глубинного опыта поэта и ее непосредственной реакции на окружающую действительность.

Основная часть записных книжек представляет собой описание опыта послереволюционного времени. Цветаева особенно интенсивно вела записи в 1917–1920 годах. Автор подробным образом описывает ход повседневной московской жизни в первые годы после революции 1917 года. Записки, составленные в первые

годы послереволюционного периода, отличаются большим разнообразием содержания: с одной стороны, мы получаем подробное описание эмоциональных и интеллектуальных отношений, связывающих Марину Цветаеву и ее дочь Ариадну Эфрон, с другой – описание бытового окружения, условий жизни, цен на продукты питания. Ключевое значение для понимания природы революции имеют записки Цветаевой 1919 года. Этот год, в ее понимании, полностью выразил природу и последствия переворота двухлетней давности. Именно на анализе записок за это время я хочу сфокусировать свое внимание в данной статье.

“О, я когда-нибудь еще напишу Историю московского быта в 1919 году – Другой Революции не знаю!” (Цветаева 2000: 15): так напишет в своих записках Марина Цветаева. Исторический труд в итоге никогда не появится; тем не менее, его функцию выполнит как раз подробное описание “московского быта в 1919 году”, оставленное Цветаевой и сохранившееся в записках этого периода¹. Этот *быт* станет, по

¹ Цветаева, будучи уже в эмиграции, хотела издать свои записки первых послереволюционных лет под названием *Земные приметы*, но книга ни-

словам Цветаевой, квинтэссенцией революции, ее сущностью, центром индивидуального восприятия революции поэтом. Написав про быт, поэт четко указывает на условия повседневной жизни в Москве и на бытовую среду, определяющую функционирование субъекта. Делая этот быт центром своего послереволюционного опыта, Цветаева четко и многократно отделяет его от того, что сама называет *бытием*. Таким образом, материальный порядок в какой-то степени переносится за пределы онтологического порядка, *жизнь тела* становится отдельной от *жизни души*, хотя при углубленном изучении записок эти отношения осложняются. Тут Цветаева актуализирует крайний онтологический дуализм, свойственный картезианскому наследию, признавая существование двух отдельных субстанций: духовной и телесной, существующих отдельно и независимо друг от друга. В контексте послереволюционного опыта этот подход, будучи частью мировоззрения поэта, станет главным образом формой защиты от дей-

---

когда не была издана. При жизни поэта были опубликованы, как мы уже сказали, только фрагменты записок.

ствительности, защиты внутренней жизни от тяжести повседневного быта. Однако глубокое изучение записок Цветаевой показывает, что сохранить упомянутую дихотомию, в конечном счете, является невозможным. Вследствие чего, использованная стратегия выживания не приводит ни к каким результатам. Цветаева четко очерчивает картину, изображающую опыт первых лет после революции 1917 года. Как уже было отмечено, она опирается на разделение внутренней жизни (*бытия*) и внешней жизни (*быта*), причем внутренняя жизнь оценивается положительно, тогда как внешняя жизнь определяется как нейтральная, объективная, но не особо значительная. При этом именно сфера быта показывает сущность революции: как раз описание этой сферы, и одновременно ее связи с *бытием*, является главной целью данной статьи. Вторая цель – определить границы семиотического анализа автобиографического текста, возможности существования *предтекстового* опыта, первичного по отношению к представленному текстовому опыту, а также его исследовательский потенциал. Из текста Цветаевой мы извлечем фрагменты, которые

напрямую касаются ее личного опыта послереволюционной действительности, находящегося в сфере личной эмоциональности. В дальнейшем, от определения того, насколько эмоциональный опыт имеет физиологический, т.е. преддискурсивный, или же культурный, т.е. дискурсивный, характер, будет зависеть возможность провести его семиотический анализ. Результаты наших размышлений позволят сформулировать концепцию, определяющую границы семиотического анализа, причем оставаясь в тесной взаимосвязи с содержанием самого текста.

Проведенный здесь анализ фрагментарен, так как касается обособленных частей текста. Наша относительно скромная цель – попытаться проверить эффективность инструментов анализа текста, выработанных в области новой гуманистики, особенно так называемого *affective turn*, обращая внимание на классический текст, каким являются записи Цветаевой. Записные книжки проанализированы многими исследователями, в основном с литературоведческой и с лингвистической точек зрения. Существуют подробные и очень интересные научные монографии, среди

которых стоит упомянуть хотя бы книгу И.В. Кудровой *Путь Комет. Жизнь Марины Цветаевой* (2002), работу А.А. Саакянц *Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс* (2002), монографию И.Д. Шевеленко *Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи* (2015), и, наконец, работу С.А. Ахмадеевой *Особенности и принципы организации дневниковых текстов Марины Цветаевой как основа их стилистического анализа* (2015) – и это лишь основные труды на эту тему. Сначала в описании быта мы напрямую видим сферу, определяемую Лотманом как “бытовое поведение”. Чтобы показать, в какой области сфера “бытового поведения”, определенная Лотманом, совпадает с областью московского быта, описанного Цветаевой, мы прежде всего должны согласиться с этой концепцией. С точки зрения Юрия Лотмана

для позиции внутреннего наблюдателя вся сфера поведения обычно делится на две части: семиотически-маркированную и нейтральную. К первой относятся все виды общественного поведения,

которые воспринимаются самими носителями данной культуры как специально организованные. Они выделяются на нейтральном фоне обыденного поведения как особо значимые, ритуальные и этикетные. Им приписывается высокая государственная, религиозная, сословная, эстетическая и проч. ценность. Антитезой им является “обычное”, бытовое поведение, которое воспринимается как ненормированное и безоценочное (иллюзорность такого представления обнажается в болезненности, с которой каждый коллектив реагирует на нарушения именно в этой области). На самом деле речь должна идти не о неорганизованности, а о нейтральности организации этой сферы, ее немаркированности. Если условно определить одну сферу как область “идеологического”, а вторую — бытового поведения, то можно будет отметить, что: 1) сами носители той или иной культуры фиксируют лишь нормы первого в

специальных текстах и наставлениях, второе мыслится как “естественное”, не требующее описаний; 2) только первый тип поведения требовал некоторого специального обучения – второй усваивался как родной язык, не через правила и наставления, а непосредственно (Лотман 1973: 293–294).

Чертами бытового поведения, соответственно, являются внешнее отсутствие организованности, натуральность, непосредственность, отсутствие четких инструкций и указаний, определяющие и регулирующие повседневное поведение. Описание московской повседневной жизни 1919 года у Марины Цветаевой относится к особому историческому моменту. Москвичи его переживают в период, когда ежедневность стала не ежедневностью, и этот момент четко показывает “болезненности, с которой каждый коллектив реагирует на нарушения именно в этой области”. Говоря языком Лотмана, это момент взрыва, столкновения зафиксированного порядка элементов окружающей действительности с совершенно новым ее представлением.

Этот взрыв в процессе революции 1917 года охватывает все области личной и общественной жизни, приводя при этом к их радикальной реорганизации. И именно эта реорганизация на самом высоком уровне касается повседневности жителей Москвы и заставляет их приспособить свое поведение к новым условиям. Главная характеристика московского быта 1919 года – это тот факт, что он сильно отличается от опыта предыдущих лет. При этом он перестал быть нейтральным, стал важным и доминирующим, в его центре поместился экстремальный опыт лишений, голода и смерти. Цветаева нейтрализует этот опыт, обесценивает его в своих описаниях не потому, что он не имеет значения, а потому, что этого значения слишком много. Рутинный быт становится непривычным, одежда превращается в тряпье, еда – в объедки; в порядок семейной жизни вторгаются лишения и тоска. Чтобы приспособиться к экстремальным условиям жизни, и уцелеть в них, людям необходимо было четко определить и запустить новую программу поведения, которая позволяла бы выжить. Система поведения, которую приняла поэт, имела скорее всего

четко индивидуализированный, спонтанный характер и фактически была стратегией выживания.

Цветаева подробным образом описывает условия и ритм своей жизни в Москве:

Пишу на своем чердаке – кажется 10 ноября – с тех пор, как все живут по-новому, не знаю чисел. [...] С марта месяца ничего не знаю о Сереже, в последний раз видела его 18 января 1918 г., – как и где – когда-нибудь скажу – сейчас духу не хватает. [...] Живу с Алей и Ириной (Але 6 лет, Ирине 2 года 7 месяцев) в Борисоглебском пер., против двух деревьев, в чердачной комнате – бывшей Сережиной. Муки нет, хлеба нет, под письменным столом фунтов 12 карт [офеля], остаток от пуда “одолженного” соседями – весь запас! [...] Живу даровыми обедами (детскими). [...] Мой день: встаю – верхнее окно еле сереет – холод – лужи – пыль от пилы – ведра – кувшины – тряпки – везде детские платья и рубашки. Пилю. Топлю. Мою в ледяной воде кар-

тошку, к [отор] ую варю в самоваре. [...] Хожу и сплю в одном и том же коричневом [...] платье (Цветаева 2001: 7–8).

[...] Кому дать суп из столовой: Але или Ирине? – Ирина меньше и слабее, но Алю я больше люблю. Кроме того, Ирина уж все равно плоха, а Аля еще держится, – жалко (Цветаева 2001: 309).

Распорядок дня поэта и ее дочерей преимущественно занимают попытки добыть еду. Скрупулезное описание повседневности остается, в убеждении Цветаевой, неполным, отсутствует в нем все то, что является содержанием внутренней жизни: “Но жизнь души – Алиной и моей – вырастает из моей записной книжки – стихов – пьес – ее тетрадки. Я хотела записать *только день*” (Цветаева 2001: 11).

Собственно *бытие* находится вне того, что мы называем повседневным бытом: “Стихи есть бытие: не мочь иначе” (Цветаева 2000: 31). Цветаева решительно отделяет *жизнь души* от повседневности. При этом день у нее – это только день, а настоящая жизнь идет в душе и выражается в лирическом творчестве. Быт рево-

люции как бы не касается ее самой, поэт отделяет свое сознание от быта. Эта диссоциация может быть формой защиты от преобладающей материальной действительности и является известным в психологии механизмом. Поэт делает ирреальной, неважной ту часть своего опыта, которая становится доминантой ее повседневности. К такому механизму защиты Цветаева, как кажется, прибегает в случаях, связанных с жизнью и смертью младшей дочери Ирины. В записках, которые относятся к Ирине, все время повторяются фразы о ее неполноценном интеллектуальном развитии. Ее раннее детство прошло в крайней нищете. Когда Цветаева вместе со старшей дочерью выходила из квартиры, младшая дочь оставалась одна, и ради безопасности привязывалась к креслу. В итоге она умерла в подмосковном приюте². Поэт определяет жизнь и смерть Ирины как нереальность: “Ирина никогда не была для меня реальностью, я ее не знала, не понимала. [...]”

---

² Марина Цветаева отправила дочерей в детский приют, исходя из советов людей из близкого окружения поэта, которые считали, что благодаря такому решению она спасет их от голода, так как в это время голодала вся Москва.

Иринина смерть для меня также ирреальна, как ее жизнь. – Не знаю болезни, не видела больной, не присутствовала при ее смерти, не видела ее мертвой, не знаю, где ее могила” (Цветаева 2001: 85). Таким образом, мир переживаний Марины Ивановны делится на две сферы: реальное и ирреальное. При этом то, что ирреально, часто связано с трудным, травматическим опытом, что, вероятнее всего, еще и свидетельствует, что механизм освобождения реальности от некоторых элементов пережитого является действительно защитным механизмом Цветаевой, которая первые послереволюционные годы прожила в тяжелых условиях. Причем в записках мы находим целый ряд фрагментов, которые отрицают бинарное разделение биографического поля и позволяют ощутить сильную связь между жизнью тела и жизнью души. Эта связь делает поэта абсолютно беззащитной по отношению к внешним условиям ее жизни. Связь эта напрямую определяется в приводимом Цветаевой высказывании Константина Бальмонта: “О, это будет позорная страница в истории Москвы! Я не говорю о себе, как о поэте, я говорю о себе, как труженике. Не сидел

ли я с 19ти лет над словарями вместо того, чтобы гулять и влюбляться?! – Ведь я в буквальном смысле – голодаю. Дальше остается только смерть! Дураки думают, что голод – это тело, они не знают, что в тонких организмах голод – душа, сейчас же всей тяжестью падает на душу. Я угнетен, я в тоске, я не могу писать!” (Цветаева 2001: 16). Связь эмоционального и физического также присутствует в мыслях самой Цветаевой. В апреле 1919 года Цветаева отмечает “трагическое событие”:

Трагическая Вербная Суббота. Потеряла (в воду канули!) 500 руб. [...] О, это настоящее горе, настоящая тоска! Но горе – тупое, как молотом бьющее по голове. Я одну секунду было совершенно серьезно – с надеждой – поглядела на крюк в столовой. – Как просто! – Я испытывала самый настоящий соблазн” (Цветаева 2000: 317).

В контексте этого события Цветаева показывает хрупкую связь, соединяющую жизнь души и жизнь тела. Эта связь, в ее понимании, проявляется в “нервах”: “Нервы – тончайший

мост между душой и телом” (Цветаева 2000: 318). Эмоции и нервы, как их называет Цветаева, становятся звеном, соединяющим тело с душой. Описания Цветаевой полностью совпадают с постулатами современной психологии, которые называют аффективное состояние в оценке ситуации сложным состоянием, физиологической реакцией, готовностью к действию, а также аффектом (см. Frijda 1986).

Поэтому то, что поэт и внимательная наблюдательница своих внутренних переживаний называет нервами, современная психология определяет как эмоции, как явление аффективное, представляющее собой как познавательные, так и физиологические реакции. Тут раскрывается разнообразие и сложность элементов, регулирующих поведение личности. Существенными с этой точки зрения становятся уже не только законы социологической семиотики, но и этические нормы или этические категории, а на переднем плане появляется эмоциональный и физиологический опыт, который регулируется законами антропологии или психологии (Лотман 1973: 292–293). В описании послереволюционного периода Цветаевой существенную роль начи-

нают играть сильные персонализированные и телесные явления в связи с эмоциональными ощущениями, которые она сама называет нервами. Эта связь в случае с записками Цветаевой остается неоднозначной: с одной стороны, поэт разделяет оба вида ощущений, с другой – она демонстрирует их неразрывность. Попытка разделить обе сферы ощущений может быть принята как механизм защиты для того, чтобы выжить в экстремальной ситуации. Повседневность и бытовые условия поэт считает фоном своего опыта действительности; в дальнейшем же она описывает свое полное погружение в быт, в повседневность, в свою абсолютную зависимость от этого же быта.

В высказываниях Цветаевой мы находим сигналы, ведущие нас к первобытному внетекстовому опыту, центром которого становится тело: оно же впоследствии текстуализируется. Чтобы достичь до первичного опыта, от читателя или исследователя требуется изменение эпистемологического понятия, а также выхода за рамки текстового наклона. Данное положение в антропологии сформулировал Виктор Тернер, выступая за освобождение антропологии и воз-

вращение к контакту с телесной и умственной жизнью человеческого рода в этой дисциплине (см. Godlewski 2018: 62). Однако раскрыть предтекстовый опыт, хранящийся в автобиографическом тексте Цветаевой, невозможно по двум причинам. Во-первых потому, что этот опыт уже приобрел форму текста, и только посредством текста мы можем получить к нему доступ; во-вторых, нашему уму присуща естественная тенденция к текстуализации действительности, с которой он сталкивается – это следствие грамотности, понимаемой как состояние нашего разума. С другой стороны, опыт прочтения автобиографического текста выходит за рамки самого текста: надежным инструментом для извлечения содержания становится эмпатия, создающая пространство для того, чтобы опереться на свой собственный опыт, или же позволяющая создавать этот опыт. Таким образом, переступить через наклон текста возможно, но лишь в ограниченной мере. Воссоздание первичного предтекстового опыта при чтении автобиографического текста, наверняка, является иллюзией. Однако приблизиться к нему возможно. Стремление к тому, чтобы

преодолеть наклон текста, и желание приблизиться к непосредственному первичному опыту могут осуществиться, если придерживаться стратегии, разработанной на почве этнографических исследований в двух направлениях: наружу, к действительности чужого опыта, который мы хотим получить, и внутрь, путем противопоставления категориям познания, особенно созданным наклоном текста, осложняющим приближение к этому опыту (см. там же: 74). Следуя пути, проложенному “предтекстовой этнографией”, мы признаем существование предтекстового опыта, который будет подвергаться повторной обработке и текстуализации. При попытке получить такой опыт учитывается возможность *сопереживания* формирующих опыт событий, осуществляющегося благодаря телесности исследователя или читателя свидетельства. Однако такое сопереживание событий требует осознания процесса, а это связано с повторной текстуализацией, а также с нашим выходом из состояния погружения в собственный опыт телесности. Автобиографический текст Марины Цветаевой содержит опыт, уже переработанный и

текстуализованный самим автором. Эта переработка совершается уже в момент его вербализации, и даже в момент осознания, что непосредственно связано с приданием ему смысла. Субъективное подвергается объективизации, а индивидуальное превращается в коллективное; опыт тела определяется в рамках культурной семантики. Вопрос о возможности сопереживать события, сформировавшие эмоциональный опыт, и превратившиеся в содержание дневников Цветаевой времен революции требовал бы в таком случае решение все заново возникающего вопроса об отношениях между телом и душой, физиологией и культурой, преддискурсивным и дискурсивным. Вопрос об эмоциях и, следовательно, о доступе к эмоциям другого человека, превращается в вопрос об их физиологическом, т.е. сугубо индивидуальном, и культурном, т.е. коллективном измерении. Эти отношения были однозначно определены Лотманом, который в своем позднем труде *Культура и взрыв* ссылался на примеры из литературы и описал переход от физиологического к культурному. Объясняя процесс перехода физиологии к психологии и культуре, Лотман

изначально упоминает соотношение между “множественностью и единственностью”, являющееся фундаментальным признаком культуры. Лотман убежден, что “логическая и историческая реальность здесь расходятся: логическая конструирует условную модель некоторой абстракции, вводя единственный случай, который должен воспроизвести идеальную общность” (Лотман 2010: 14). Такой абстрактной структурой была в эпоху просвещения модель Человека, отличающаяся от действительного, исторического образа человечности. Основой такой модели оставалось стадное поведение, лишенное каких-либо отличительных признаков. Все, что выходило за его рамки, оставалось за пределами того, что воспринималось как существующее. Этому “нормальному” поведению, не имеющему признаков, противостояло только поведение больных, раненых, тех, кто воспринимался как “несуществующий”. На следующем этапе отклонение от “нормального” поведения возникает в области сознания, рассматривается как отклонение (“уродство, преступление, героизм”), создавая таким образом основу для прежде несуществующей оп-

позиции “индивидуального (аномального) и коллективного (нормального)” (там же). И только потом возникает возможность индивидуального поведения как пример и нормы для общего, а общего – как оценочной точки для индивидуального, то есть возникает единая система, в которой эти две возможности реализуются как неразделимые составляющие единого целого. Подытоживая вышесказанное словами Лотмана:

индивидуальное поведение и коллективное поведение возникают одновременно как взаимонепосредственные контрасты. Им предшествует неосознанность и, следовательно, социальное “несуществование” ни того, ни другого. Первая стадия выпадения из неосознанного — болезнь, ранение, уродство или же периодические физиологические возбуждения. В ходе этих процессов выделяется индивидуальность, потом вновь растворяющаяся в безиндивидуальности. Заданные постоянные различия поведения (половые, возрастные) превращаются из физио-

логических в психологические только с выделением личности, то есть с появлением свободы выбора. Так постепенно психология и культура отвоевывают пространство у неосознанной физиологии (Лотман 2010: 14–15).

Автобиографический текст Цветаевой может служить иллюстрацией для отдельных этапов вышеописанного процесса перехода физиологии к культуре и психологии. Читая его, при сохранении внутренней перспективы, мы увидим, что поэт переносит отклонение от нормы за пределы существующего. Ирина была для нее отклонением от нормы, которая находила свое выражение в персонаже ее дочери-первенца, как в интеллектуальном, так и в физическом (Ирина была слабой) планах, в результате чего она стала чем-то ирреальным. Зато наблюдая со стороны, мы увидим, каким образом сильно индивидуализированный текст подвергается обобщению. Индивидуализированная, личная реакция на послереволюционную действительность легко поддается психологическому описанию. Мы видим в ней защитный механизм, который

является повторяющейся и правильной реакцией человека на травматическую ситуацию. Кроме того, автобиографический нарратив Цветаевой совершенствует послереволюционный текст, включая в его рамки опыт материи и эмоции, бытовое поведение. То, что является второстепенным для текста, посвященного послереволюционному периоду, становится центром, внедряет физиологию в текст культуры. Эмоции уже давно являются предметом научных исследований, выходящих за рамки психологии. Это касается в первую очередь эстетических теорий, учитывающих субъективный аспект создания и восприятия произведения искусства. Начиная с 90-х годов, можно отметить возрастающий интерес к ним. Это явление получило название *аффективного поворота*, развивающегося параллельно к материалистическому повороту. Оба поворота образуют общую тенденцию в теории культуры, направленную не против самого языка, а против гегемонии языка, показывают стремление выйти за пределы дискурсивных практик. Сам *аффективный поворот* в своей умеренной форме не относится к эмоциям как к преддискурсивным реакциям ин-

дивида, а как к социальным и культурным практикам: подчеркиваются социальное и культурное измерения эмоциональных состояний. Такой подход кажется более реалистичным, чем вышеупомянутый пример преддискурсивной этнографии, совершающей попытку полностью избежать текстового наклона. Внимание сосредоточено на том, каким образом текст культуры моделирует субъективные эмоциональные состояния на основании того, как личность использует культурный ресурс, выражая свое внутреннее состояние. Таким источником может быть не только поэтический текст Марины Цветаевой, но еще и ее автобиографический текст. Наконец,

сталкиваясь с традиционной оппозицией между эмоциями и разумом, дискурсом и аффектом, самые главные направления в современной теории общества и теории культуры изучают и заново рассматривают захват/злоупотребление эмоциями со стороны политики и этики; место эмоций, аффектов, чувств и чувствительности в пределах политики и политических теорий;

аффективное измерение норм; аффективность как условие субъективности; эмоциональный и аффективный элемент социальных норм как конститутивное измерение субъективизации (Athanasiou, Hantzaroula, Yannakoroulos 2008: 5 [здесь перевод мой – Д. Е.]).

Такое перенаправление внимания исследователей восстанавливает в гуманистическом дискурсе ранее пропускаемые или маргинализируемые мотивы личного опыта, заставляет осознать первичность индивидуального опыта в отношении коллективного опыта, особенно в травматичных обстоятельствах. Больше внимания уделяется также тексту, который содержит описание повседневной жизни и эмоциональную оценку исторических событий с позиции женского гендера. В эту категорию свидетельств о личной травме попадает, несомненно, текст Цветаевой. Литературный текст возникает из непосредственного опыта реальности, из телесного опыта и из физиологии, которые, будучи осознанными, выражаются посредством языка. Поздние рассуждения Лотмана, упомянутые выше, вписываются в

рамки аффективного поворота в его умеренной форме, опережая их во времени. Лотман замечал то, что ускользало от внимания гуманистов на протяжении многих лет. Он восстанавливает важность индивидуального опыта, лежащего в основе общих культурных правил или психологических закономерностей. В этом смысле личный, эмоциональный текст Цветаевой становится неотъемлемым элементом культурного текста. В то же время только семиотический анализ автобиографического текста поэта позволяет раскрыть хранящийся в нем потенциал непосредственного опыта реальности. Для того, чтобы можно было передать опыт, он должен приобрести текстовую форму, а затем, в процессе чтения, будет происходить его личная ретекстуализация, результат которой будет зависеть от индивидуального культурного потенциала и жизненного опыта читателя. Этот результат будет включать эмоциональную составляющую, эмоциональный отклик на прочитанное, а также физиологическую, органическую реакцию. В силу личного, индивидуального характера этой ретекстуализации, ее результат никогда не будет таким же, как первоначальным.

чальный опыт, представляющий собой исходную форму текста.³

---

³ Текст представляет собой продолжение и развитие вопросов, затронутых мною в статье: Jewdokimow, Dorota. 2018/2019. 'The Never Written History of a Moscow Existence of 1919. The Warsaw School of the History of Ideas in the Light of Marina Tsvetaeva's Notes', *The Interlocutor. Journal of The Warsaw School of The History of Ideas*, 2: 133–146.

Библиография

Джаббарова 2018: Е. Джаббарова, *Дневниковая проза М. Цветаевой: авторская концепция и законы жанра*, «Изв. Урал. федер. ун-та». Сер. 2 Гуманитар. Науки, 2018, Т. 20, № 2 (175), с. 189–198.

Лотман 1973: Ю. Лотман, *Статьи по типологии культуры*, вып. 2, Тарту, Тартуский университет, 1973.

Лотман 2010: Ю. Лотман, *Семиосфера*, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 2010.

Цветаева 1997: М. Цветаева, *Собрание сочинений в 7 тт.*, Москва, ТЕРРА, Книжная лавка – РТР, 1997, Т. 4, Кн. 2.

Цветаева 2000: М. Цветаева, *Неизданное. Записные книжки*, Москва, Эллис Лак, 2000, Т. 1.

Цветаева 2001: М. Цветаева, *Неизданное. Записные книжки*, Москва, Эллис Лак, 2001, Т. 2.

Athanasidou, Hantzaroula, Yannakopoulos 2008: Athanasidou, Athena; Hantzaroula, Pothit; Yannakopoulos, Kostas. 2008. "Towards a New Epistemology: The "Affective Turn"", *Historiein*, 8: 5-16.

Frijda 1986: Frijda, Nico H. *The Emotions* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986).

Godlewski 2018: Godlewski, Grzegorz. 2018. 'Poza nachylenie tekstowe, w stronę doświadczenia przedtekstowego. Wskazówki terapeutyczne', *Teksty drugie*, 1: 61–78.

Ivana Peruško

In Wonderland They Lie?

Today's Russia: A Testimony of the New Soviet Enthusiasm in the 1930s by August Cesarec

This article examines a set of ego-documents (*Today's Russia* by A. Cesarec) to pose a question: does the paradigm of fear in Stalin's 1930s exclude the paradigm of enthusiasm? Have the memories of the horrors and fears of the Great Terror and the Gulag era erased the memory of the enthusiastic atmosphere and happiness of the Soviet Golden Age? Cesarec's *Today's Russia* evokes the same skepticism which, according to Kuromiya, Western historiography held towards Soviet memoirs on their exploits and successes in the 1930s, labelling them as Soviet propaganda, i.e. historically improbable material, *lakirovka* or fraud. The main task of this article is to decipher, i.e. to reconstruct, Cesarec's image of the 'facts of the epoch', as Iurii Lotman put it in his book *Within Thinking Worlds*.

The creation of our world is marvellous,
We have done the deeds of centuries in a few short years.
It is our right to seize happiness
We love passionately, and sing like children.
And our scarlet stars
Shine unparalleled
Over all countries, over the oceans,
The stars of a dream come true.

March of the enthusiasts [Marsh entuziastov] (music: Isaak Dunaevskii; lyrics: Anatolii D'aktiľ)
from *The Shining Path* [Svetlyi put', 1940], directed by Grigorii Aleksandrov.

We live in an age of great fear. Fear forces talented intellectuals to renounce their mothers, to fabricate their social origin, to climb to high positions [...] In a high place, the danger of exposure is not so terrible. Fear pursues a man [...] No one does anything without a shout, without being put on a black list, without the threat of imprisonment or exile [...] Destroy fear, destroy everything that fear generates – and you will see what a rich creative life will blossom in the country.

Fear [Strakh, 1931], Aleksandr Afinogenov.

Enthusiasm and Fear in the 1930s

In the preface to her memoir *Dragon's Teeth. My 30s* [*Zuby drakona. Moi 30-e gody*, 2015], film historian and cultural scientist Maia Turovskaia recalls that the 1930s were years of great endeavours – of Stalin's five-year plans, rapid industrialization, an obsessive race against the West, conquering the Arctic and other such feats. However, she also mentions their dark side – the widely known atrocities of the time: the 1930s were years in which horror was legitimized; these were bloody years of monstrosities, the Gulag, absolute censorship and total terror (e.g. Blium 200, Applebaum 2004). At that time, revolution was overshadowed by restoration in theoretical considerations, the avant-garde 'Culture 1' was replaced by the neoclassical style of what Vladimir Papernyi called 'Culture 2' (Papernyi 2006), or 'Stalin's style', his project of total art (Groys 1988). In 1934, socialism became the only acceptable poetic doctrine, which sent literature back to the Middle Ages, according to Katerina Clark in her 1981 book *The Soviet Novel: History as Ritual*, because Soviet writers lost power over their

texts, i.e. the possibility of composing original texts, thus making them only messengers of history or, according to Clark, its mere narrators, like medieval chroniclers.

The utopian constructivist instability of the revolutionary 1920s was replaced by a stable socialist realist paradigm, which used proven forms of the past in order to simulate eternity and thus leave an indelible mark. This is best seen in spatial artefacts, i.e. in the Stalinist landscape of the 1930s (Naiman and Dobrenko 2003) supported by the new (realistic, national, and monumental) theory of architecture (Khmel'nitskii 2007). The Moscow Metro construction project and the Master Plan for the Reconstruction of the City of Moscow are two such monumental examples of this new spatial policy of the 1930s, but also of a new type of discourse. Mikhail Ryklin (2003) even speaks about the 'metro discourse', initiated by Lazar' Kaganovich – the man in charge of the construction of the metro system). The 1930s were a time of formation. Evgenii Dobrenko shows us that this was the time of the formation of the Soviet writer and his reader (Dobrenko 1999; Dobrenko 1997) It was in

this period that Soviet mythology, the concept of *homo novus* and Soviet archetypes, i.e. the Soviet canon, were consolidated (Giunter and Dobrenko 2005). Cosmopolitanism and horizontality (the terms Papernyi used to define the 1920s) seemed too revolutionary in the 1930s, and were replaced by autarky and verticality. However, Dobrenko (2020) points out that, unlike the 1940s, the 1930s were still characterized by an international character, i.e. a connection with the revolutionary discourse of the previous decade, and that key determinants of totalitarian Stalinist discourse (imperialism, nationalism, anti-Semitism, anti-Americanism, etc.) took root only after the Second World War, when love for Stalin became universal, i.e. when the new-fledged Generalissimus started being thoroughly mythologized. Sheila Fitzpatrick (1999) depicts Soviet everyday life in the 1930s, emphasizing primarily its negative aspects, such as shortages and constant breadlines. She also pays special attention to the atmosphere of fear, denunciation, and surveillance, i.e. terror. Both Fitzpatrick and Turovskaia emphasize the fact that this Soviet decade is under-explored. According to Turovskaia, it is perceived too simplistically (she refers to the

Manichaeian division in which the 1930s are portrayed as either a triumph of the Government or an apotheosis of blood and terror). My argument is the following: instead of an either/or approach to forming memories of the 1930s, the memoir *Dragon's Teeth* suggests a far more complex both/and model, which shows that over this decade two conflicting emotions coexisted – enthusiasm and fear.

Turovskaia pointed out the ambiguity of the decade, often referred to as the golden age of the Soviet way of life, as early as in the first chapter of her memoir. This was a dictatorship, but one that had a very specific feature: it was ‘accompanied by the enthusiasm of the majority’ (Turovskaia 2015: 21). It should also be noted that this exaggerated emotion was not feigned; according to Turovskaia, the enthusiasm was not just mere propagandistic fabrication – it was real, it ‘truly governed the minds and souls’ of Soviet people (Turovskaia 2015: 330). Naturally, this does not mean that Stalin’s cultural paradigm (written about by Boris Gasparov), which was propagandistic by its very structure did not support this ecstasy – and not only through industrialization (i.e. material artefacts), but also through so-called spiritual val-

ues. Therefore, it is not surprising that Soviet culture, including literature, cinema and art in the 1930s, would cultivate the myth of happiness, basing its narratives not only on negativity, i.e. the negation of others (such as the victory over class and other enemies), but also on positive affirmations, such as the idea of happiness, the joy of living, the belief in a bright future, etc., which will be discussed later. Therefore, in her introduction Turovskaia admits: 'I would be lying if I said that life consisted of fear. It was a life full of enthusiasm and fun' (Turovskaia 2015: 16). However, just one page before this passage, Turovskaia makes a completely contradictory claim, which only confirms that the narrative both/and model that I have already pointed out is correct, the model in which the paradigm of enthusiasm does not negate the paradigm of fear: 'Fear has become an eternal companion of our lives. It was not so much a matter of fear of poverty and imprisonment, but of a painful lack of freedom, of a sinister irrationality of fate. Fear was a constant coefficient of life right up to the end of the dictatorship' (2015: 15). Eric Naiman expressed it even more radically in his study *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology* (1999: 289),

where he concluded that, judging by the level of fear in everyday life, there is almost no period in all of Russian history that could surpass the 1930s.

Testimonies of Foreigners

The question this article aims to pose based on the selected ego-document is: does the paradigm of fear exclude the paradigm of enthusiasm? Have the memories of the horrors and fears of the Great Terror and the Gulag era erased the memory of the enthusiastic atmosphere and happiness of the Soviet Golden Age? Soviet memoirs (published in the USSR) about the years of Stalinism, as well as those published in the West (such as the memoirs of emigrants), are of great historiographical importance, although there are considerable differences between them. They were summarized by Hiroaki Kuromiya in his paper *Soviet Memoirs as Historical Source* (1985), where he pointed out the justifiable scepticism that Soviet ego-documents elicited in Western historiographies, which in turn highlighted the so-called Western Soviet memoirs, which might also lack objectivity:

Yet the heavily political and moral nature of memoirs dealing with the Stalin years

appear to give little compelling reason to believe that the memoirs published in

the West are more “objective” than are Soviet memoirs. This is not to downplay the utility

of the memoirs published in the West, but to point out the difficulties involved in memoirs

as a historical source pertaining to the Stalin years (Kuromiya 1985: 294).

That memoir prose played a propagandistic role in the 1930s is hardly news, just like the fact Kuromiya points out, that much of the rich Soviet memoir opus from the second half of the 1930s remains unpublished. However, when it comes to the first half of the 1930s, the preponderance of memoirs ‘focused on major achievements of the regime: rapid industrialization and the collectivization of agriculture’ (Kuromiya 1985: 295) is noticeable. As censorship and arrests grew, both before and during the times of the Great Terror, the number of published memoirs declined; however, some were

published. Among these the autobiography of the famous miner Aleksei Stakhanov’s *Story of My Life* [Rasskaz o moei zhizni, 1937], which had a cult status due to enthusiasm for the Stakhanovite movement, is worth mentioning.

Be that as it may, of the many categories of memoirs about the Soviet Golden Age, the most important genre for this article is that which Jacques Derrida dubbed ‘returns from the USSR’ (Derrida 1991: 197), i.e. memoirs of those political tourists – intellectuals, writers and other people in the field of culture – who came to Stalin’s Russia in the 1930s as ideologically like-minded people, i.e. Communists or at least their sympathizers. Ryklin (2009) summarized the selected memoirs – the dominant feelings and perspectives from which observations about the Soviet world are expressed, referring in many respects to Derrida. The pilgrimages of the *leftist* intellectuals to the New Jerusalem, i.e. Moscow, began as early as in the first half of the 1920s. In ego-documents and travelogues by foreign intellectuals, Moscow often played a synecdochical role or was singled out as a separate topos of the Soviet imagery. Katerina Clark (2011) confirms the im-

portance and the magnetism of Moscow even in the Stalin's 1930s:

Moscow under Stalin never attained the stature of a Rome, nor did it function as *the* cultural mecca for the rest of Europe. [...] But around 1935 Soviet cultural leadership was a distinct possibility throughout the transatlantic intellectual world [...] This attraction of the Soviet capital was enhanced by the Great Depression in the West and the rise of fascism – for the cause of Soviet cultural and ideological hegemony, total gifts (Clark 2011: 27).

Derrida and Ryklin point out the testimonies of Bertrand Russell and Walter Benjamin as key documents for understanding the early Soviet phase. I have discussed their importance in an earlier work:¹

¹ In my book *Od Oktobra do otpora. Mit o sovjetsko-jugoslavenskom bratstvu u Hrvatskoj i Rusiji kroz književnost, karikaturu i film. 1917.–1991. [From October to Resistance. The Myth of the Soviet-Yugoslav Brotherhood in Croatia and*

Political tourism in the Platonic proletarian utopia created in the October Revolution

spread in bourgeois societies like an epidemic and brought the first testimonies.

Alexander Flaker also wrote about them, highlighting the Moscow trips of Paul Morand,

Georges Duhamel and Egon Kisch. Jacques Derrida in turn pointed out the Moscow episodes

of René Étiemble, André Gide and alter. Benjamin, while Mikhail Ryklin added to them the

experiences of Arthur Koestler, Lion Feuchtwanger, Bertolt Brecht and Bertrand Russell (Peruško Vindakijević 2018: 15).

Russia through Literature, Cartoons and Cinema. 1917–1991, 2018], I dedicate an entire chapter to Soviet memoir prose of Yugoslav Croats – writers and intellectuals in Russia – and I contrast Walter Benjamin's *Moscow Diary* with the travelogue *A Trip to Russia [Izlet u Rusiju, 1925]* by the great Croatian author Miroslav Krleža, which I consider to be one of the best and most complex ego-documents on Lenin's Moscow and post-October Russia in general.

There are four important Croatian testimonies (by Miroslav Krleža, August Cesarec, Ante Ciliga and Karlo Štajner), which are either rarely or never mentioned in contemporary Western publications, although some of them were truly pioneering works of world literature. In the 1930s, two completely different Croatian testimonies were published, which reflect the complex layering of the 1930s Turovskaia highlighted – namely the two emotional extremes that complicate the perception of that time – enthusiasm and fear. The books in question are the travelogue *Današnja Rusija* [*Today's Russia*, 1937] by the Croatian poet, prose writer and revolutionary August Cesarec, who greatly marked Croatian modernity, and a different type of travelogue – a testimony from the Siberian Hades *U zemlji velike laži* [*In the Land of the Great Lie*] published in Paris in French language – *Au Pays du Grand Mensonge* (1938) by Ante Ciliga, a Croatian publicist, politician and exile, who lived in Italy and France and whose discourse was revolutionary and extremist. Although Ciliga's testimony was a worldwide sensation in its time because it was the first memoir of a Gulag witness in the world (!), and although his books were written about in

reputable studies in the world (which have been translated into almost all the major languages!), no work by Ciliga has been translated into Russian so far, including his pioneering book *In the Land of the Great Lie*. The same holds true with Cesarec's travelogue, who, unlike Ciliga in his testimony on the Gulag, not only avoids questioning the correctness of the Stalinist way of life, but glorifies it and portrays it with great enthusiasm in his travelogue. If we start from the premise that the Gulag prose and other testimonies of the suffering and fear in the 1930s are indisputable, i.e. that they are an undeniable and authentic document of the time (like Ciliga's testimony), does that mean that any positive memories from that same Stalinist decade should automatically be regarded as not credible, fraudulent, a lie?

The New Russia and the New Enthusiasm: *Today's Russia* by August Cesarec

The study *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style* (2009), edited by Marina Balina and Evgenii Dobrenko, deals with happiness as an important paradigm of Stalin's era. Experts have often analysed the myth of happiness in Soviet art and everyday life, inspired by Stalin's frequently

quoted statement: 'Life has become better, comrades. Life has become happier'² at the First All-Union Conference of Stakhanovites in 1935. However, it would be wrong to think that the myth of happiness entered Soviet socialist realism or Soviet cinema after Stalin's speech (I refer primarily to the genre of the Soviet musical as the *most joyous* genre of Russian cinema in the Soviet times); happiness – just like the famous *udarniki* surpassing their work quotas – was the first prerequisite for the feat.³ One must be careful with the concept of happiness, however. Indeed, Clark (2009) questions the validity of the term in the context of the *happy* 1930s. She associates happiness with persistence and longevity – determinants that were not immanent to the cultural paradigm of the 1930s. In the three-layered scheme offered by Clark (contentment – happiness – bliss), happiness is described as something positive and stable, i.e. a state that Clark ranks a step above the sense of contentment, but also a step below the state of bliss. In other

² 'Zhit' stalo luchshe, tovarischi. Zhit' stalo veselee'.

³ In his speech, Stalin identified four sources that made the feat possible: happiness (a more joyful life), the absence of exploitation, technology and a new type of people.

words, 'happiness is not about the ecstatic' (Clark 2009: 189), and it is precisely enthusiasm that prevails in Cesarec's descriptions of Moscow and the Russian countryside.

Before the analysis itself, some technical details should be given. The travelogue *Today's Russia* by Cesarec is the result of the writer's three-year stay in the USSR (1934–1937), as stated in the afterword to the 1982 edition (Mladost, Zagreb). Cesarec's ego-document was written in the Soviet Union (and not after the author's return!). The very act of its publication in Zagreb can be considered a big success: 'When publishing *Today's Russia*, Galogoža (editor-in-chief, author's note) had to steal sheet upon sheet from under the police's nose from the printing office' (Jelić 1982: 282). Because of the anti-communist climate and political circumstances in Yugoslavia in 1937, Cesarec was even forced to publish the book under the pseudonym of Vuk Kornelije. The travelogue *Today's Russia*, other writings on Russia by Cesarec (three brochures in the cycle *Putovanje po Sovjetskom Savezu* [Travelling the Soviet Union] and the newspaper articles about the USSR published in 1939 form a coherent whole in terms of tone, idea and content, which differs sig-

nificantly from the texts published by Cesarec after his first trip to the USSR (1922–1923), as Jelić points out in the afterword. I must add that for the purposes of this article, I will use the most complete edition of Cesarec's 'returns from the USSR' (J. Derrida) which is closest to the original.⁴

The travelogue *Today's Russia* was written immediately, without the distance of time (which is normally characteristic of memoir prose). Unlike other texts on the USSR by Cesarec, *Today's Russia* originated on Soviet soil and differs from most travel books insofar as it is not generically "pure", but a combination of a travelogue, an essay and a journal. Moreover, it is not devoid of political involvement (its goal is to popularize socialism so it also has some features of a political brochure).⁵ If we add other travelogue essays

about Soviet Russia by Cesarec to *Today's Russia* (which he wrote on his return from the Soviet Union and which form a unified whole in his Collected Works), an impressive itinerary is obtained. Unlike other European writers and authors of 'returns' (who reduced their itineraries mainly to Moscow and the then Leningrad), Cesarec really offered a much wider geographical panorama in his notes. His *Today's Russia and other travelogues in the Soviet Union* (Collected Works, Vol. 18, Mladost, 1982) is divided into six chapters, i.e. geographical units: *Today's Russia, Remembering Leningrad, The Urals and the Volga, In the Ukraine, The Small Soviet Nations*. The sixth chapter departs from all the rest because it is actually Cesarec's interview on Soviet literature for the magazine *Trideset dana (Thirty Days)* (1940) – *August Cesarec on the Soviet Writer*. The book could be structurally and geographically divided into two parts: the city and the countryside. Since Moscow has a central place in the book, the same will apply to this article.

Cesarec's *Russia* evokes the same scepticism today, which, according to Kuromiya, Western historiography held towards Soviet memoirs on their exploits and successes in the 1930s, label-

---

⁴ The edition used is A. Cesarec, *Današnja Rusija i drugi putopisi po Sovjetskom Savezu [Today's Russia and other travelogues in the Soviet Union]*, Vol 18 of A. Cesarec, *Sabrana djela [Collected Works]* (Zagreb: Mladost, 1982).

⁵ Cesarec's stay in the USSR was, after all, political in nature, given the fact that he was there as a member of the delegation of the Communist Party of Yugoslavia to the Seventh Congress of the Comintern, which then became part of the delegation that embarked on a study tour.

ling them as ordinary Soviet propaganda, i.e. historically improbable material, *lakirovka* or fraud. Kuromiya ultimately substantiates the justification of Western scepticism by citing the example of the memoir *Zhizn' inzhenera* by the engineer I.P. Bardin, who dictated it to the writer I.P. Zaslavskii. The memoir was published in Moscow in 1938, but the published version is not the same as the edited one – Kuromiya believes that someone made additional changes to it. There is no doubt that Cesarec's Soviet documents had a political rather than an artistic character (in them Cesarec departed from both the expressionist discourse he cultivated in his early works and the realist one, which he accepted later on). Indeed, his testimony about the USSR could be interpreted as an attempt at establishing and strengthening the political relations between the Communist Party of Yugoslavia (CPY) and the Soviet Union in the period right before World War II, which it probably is. The final judgment on how historically credible Cesarec's memories of Moscow and Soviet Russia in the 1930s were will eventually be made by historians. Even though it is impossible to avoid the issue of historical credibility in this article, I see its

task as follows: to decipher, i.e. reconstruct, Cesarec's image of 'the facts of the epoch' – as Iurii Lotman put it (Lotman 2004: 337). In accordance with Lotman's assertion that each genre chooses its own facts omitting (intentionally or unintentionally) others, it is important to outline which facts Cesarec chooses, fixates (i.e. which events he highlights), and transmits to readers for interpretation.⁶ It is equally important to note the so-called *non-facts* in Cesarec's document, i.e. all those 'enormous layers of reality which are not considered facts and are not subject to fixation', which is why they do not appear in the document (Lotman 2004: 337).

The first task is to reconstruct, in Lotman's words, the codes used by the author and to decipher his subjective reconstruction of the facts, i.e. the text itself (if we agree with Lotman that the text is a fact). Cesarec assumes the point of view of a naïve (or more accurately surprised) and objective observer of Moscow life, who, as I have argued elsewhere (Peruško Vindakijević 2018), resembled Carroll's Alice in Wonderland. He substantiates his objectivity with

⁶ According to Lotman, every fact chosen by the addressee is wider than the meaning attributed to it. Therefore, the fact is subject to interpretation.

factual data – percentages, figures, years, etc. However, his factual objectivity serves to express enthusiasm over what he has seen. All the data in Cesarec's text are intended to record growth, development, success:

An old librarian showed me his budget growth statistics. In 1930, the library had a budget of 10,690 roubles, in 1933 50,000, in 1934. 60,576, and in 1935 it had already reached 81,500! (Cesarec 1982: 110). A socialist industry has been created. The village is already 75% collectivized. Socialist ownership over the means of production solidified to 96% of the total ownership of such assets in the country (Cesarec 1982: 42); Stalin's district alone – one of ten – is building 135 workers' housing buildings for 20,000 inhabitants, in addition to 12 infirmaries, 81 kindergartens for 4,800 children, 18 nurseries for 1,123 children, and 85 canteens and kitchens for 215,000 people (Cesarec 1982: 36).

Regardless of whether these data correspond to reality, it should be noted that this is a skilful

strategy for objectifying the outlined observations. However, it does not imply negative statistics. All the negative data are reserved for the pre-revolutionary past (in the numerical comparison of the Soviet and the Imperial, i.e. the contemporary and the past, the latter category always loses). The second goal of listing so many figures and statistics is to get the reader to surrender before the undeniable success of Soviet (socialist) life. And the figures assure us that he surrendered to reconstruction, which has crept into all segments of life. *Reconstruction* is the key conceptual and narrative thread around which facts are grouped in Cesarec's interpretation of Moscow in the 1930s, which after the adoption of the Master Plan for the Reconstruction of the City of Moscow in 1935 (made by architects V.N. Semënov and S.E. Chernyshëv) truly underwent an urban *perestroika*. Indeed, some of the urban designs that resulted from the Master Plan are still part of the recognizable visual identity of the Russian capital. The travelogue *Today's Russia*, as well as all other texts on Russia and the Soviet Union by Cesarec, also record a more comprehensive reconstruction – political, social, cultural, artistic and psychological. His texts on the countryside

are characterized by many dialogues, i.e. the emphasis is on conversations with workers, peasants and their exhilaration about a transformed life – from transformations in space to the newly acquired rights and a psychological metamorphosis:

Look, comrades, what has happened over the last five years... You can't recognize the village today! Stating the following fact should be enough. One of the locals here in Krasnoarmeisk, now an aviator, who had not been in the village for all those five years, came to the Pozna station recently, arrived in his village in the evening, looked at it and didn't recognize it. And he lived in it for twenty-two years! He went to some other village. That's a fact, comrades! (Cesarec 1982: 49).

Even Ciliga admitted in the opening remarks to his camp memoir: 'Yet it seems to me that the image of Soviet life I have painted, despite the dark colours, also contains patches full of light' (Ciliga 2007: 20). One of these bright patches is the vitality of Moscow, which even the former prisoner and first author

of the memory of the Stalinist Gulag doesn't deny:

The city brimmed with life. The *piatiletka* was approaching. We could criticize Moscow as much as we liked. We could lament over the contradictions between reality and ideals, between promises and their fulfilment, but the vitality that made the city come to life and that was felt everywhere could not be denied. Moscow's supreme law was a desire for life (Ciliga 2007: 93).

What Ciliga calls vitality and desire Cesarec calls enthusiasm. Moscow, of course, holds a special place in Cesarec's book, as it does in the 'returns' by Gide, Russell and other European intellectuals. However, unlike most 'returnees' who expressed mixed emotions or disappointment in their 'returns', Cesarec retains his enthusiasm for what he has seen – crowded streets, shops full of wares, thriving factories, the reconstruction of the city, art, science, and, ultimately, a new type of people (the so-called *homo novus*). In Cesarec's document, all these categories are intertwined through relationships of cause and effect, so, for example, the workers and

their transformed consciousness and enthusiasm are responsible for the growth and development of production in Moscow as described by Cesarec. Soviet workers prove their ideological loyalty through their work and by surpassing their work quotas, which is often used to show contrast in relation to the West. A passage called *Dostići i prestići!* [*Catch up and overtake!*] – incidentally, a quote from Lenin’s article *Groziaschaia katastrofa i kak s nei borot’sia* [*Threatening Catastrophe and How Fight against*] from 1917 and later a Soviet political cliché encouraging the Soviet spirit of competition with the West – illustrates this best: ‘[...] – we are making progress! We haven’t caught up with Ford yet, but we’ll catch up with them! [...] We’ve caught up with the most advanced capitalist countries and even surpassed them in many respects [...]’ (Cesarec 1982: 62). Cesarec’s active narrative role should also be pointed out, as he not only frequently engages in dialogue with his interlocutors, but also leads them to the answers with his questions:

“And on what do you base all this progress and your belief in even greater progress?”

“On what? Well, on what we can all say: this is my factory, my kolkhoz, my tractor, my conveyor! You have seen how our workers work! We have thousands of *udarniki*, and they don’t even need to be members of the Party, but they still fight for socialism!” (Cesarec 1982: 62).

From the cited example, one of the key determinants of Cesarec’s text is visible: the elevated mood. This is realized in the text by the overuse of exclamation points, especially in dialogues. The people’s enthusiasm, i.e. general enthusiasm that prevails in the Soviet capital and other parts of the Soviet Union, radiates in Cesarec’s text (often accompanied by songs). Here are two examples that illustrate this – in the first one, Cesarec chose ecstatic statements made by workers, while in the second one he uses someone else’s speech and thus quotes a statement given by the Czechoslovak Foreign Minister Edvard Beneš:

“These are our own workers!” Abramov told me. “And it’s not our only orchestra! We have more of them! And this is just a small part of a great artistic self-activity, which our

workers use for cultivation, both here in the factory and at the club [...] There was no canteen, there was no red corner, let alone music! We are now free!" (Cesarec 1982: 60);

I was impressed by the scale and pace of construction in the USSR, the grandiose achievements and opportunities of building that great land in all areas and – which really leaves a deep impression – inexhaustible energy and enthusiastic diligence (Cesarec 1982: 169).

Still, the greatest level of enthusiasm can be seen right at the beginning of the travelogue *Today's Russia*, and it is already evident in the very title *Jest metro! Jest metro!* [*The metro! The metro!*]:

[...] "But what led you, what gave you so much enthusiasm for the work?" "What? Well, building the metro! Our socialist metro! The most beautiful, the best in the world! Our fathers once fought the most beautiful, most heroic underground struggle for socialism, and we, their

children, wanted to show what socialism can do under the ground after victory!" (Cesarec 1982: 33).

If we compare Cesarec's ecstatic description of the opening and the meaning of the Moscow Metro with Mikhail Ryklin's article *The Best in the World. The Discourse of the Moscow Metro of the 1930s*, there is a striking similarity in what is described. Ryklin analyses Lazar' Kaganovich's speech at the opening of the Moscow Metro on 14 May 1935, and using it he synthesizes the main features of the so-called metro-discourse. Ryklin thus, for example, noticed that building the metro in Moscow was by no means a mere technical (transport) issue. The metro had become an attribute of the (Communist) government itself with a very distinctive feature – secrecy. The conspiratorial atmosphere surrounding the construction of the metro was linked to the idea of competitiveness (Ryklin even calls it a war against nature) and achieving a miracle. Cesarec notes this same principle of the subjugation of nature in his chapter devoted to the metro:

The terrain is heavily under water, and entire lakes were encountered while

drilling. These were managed by artificial freezing, and the terrain itself was frozen, it was artificially petrified with liquid air. Despite this and many other difficulties, the metro was built incomparably faster than all other metros in the world (Cesarec 1982: 32).

The concept of achieving miracles is realized by relying solely and exclusively on one's own strength: 'The metro had to be constructed in the shortest possible time, regardless of the difficulties or sacrifices required' (Ryklin 2003: 264). Cesarec took over Kaganovich's metro discourse on Soviet self-sufficiency, and he mentions the People's Commissar in his panegyric to the metro: 'In addition to everything, it is still remarkable that the construction was conducted only by domestic specialists and only domestic material and machines were used' (Cesarec 1982: 32). Still, the socialist realist imperative of achieving miracles and overcoming obstacles on the road to a better tomorrow will allow enthusiasm to emerge again and again as a leitmotif throughout *Today's Russia*: 'The speed of construction can be thanked only to the intense enthusiasm of its builders, the

metro engineers' (Cesarec 1982: 32). The most interesting part of the metro discourse is its utopianism: 'The architect should neither hide the undergroundness of the metro nor treat it as a positive quality; instead he had to create the illusion of a palatial space truly present somewhere on earth but ideally away from any specific location: a utopia' (Ryklin 2003: 264). Light played a very important role in this – Kaganovich mentioned it in his speech, using it as a metaphor for the victorious socialism.

Cesarec describes the aesthetics of the three main (first) Moscow stations in detail, highlighting the key stylistic determinants of the neoclassical metro-aesthetics in which the (conquered) underworld, as Cesarec remarks well, is transformed into an "underground castle" – full of marble, white columns, chandeliers and light: 'This is how the symphony came about, a symphony of marble, colour, light, shapes (...) A marvellous fountain of light, some twenty of them in a row; if the Soviets believed in gods, I would say this was all a temple in which they honoured their gods with great, golden vases' (Cesarec 1982: 33-34). Of course, Ryklin doesn't forget to mention another feature of Kaganovich's metro discourse; the construction of the

Moscow Metro is not only a fight against the old Russia, it is also a race with the West, in which the motto 'Catch up with and overtake the West!' is once again current. Naturally, it is also current for Cesarec:

Not only is it here, not only does it exist, it is without a doubt the most beautiful metro in the world. Many foreign journalists have acknowledged it during their visits to Moscow (...), and the most authoritative recognition has been given by American and English experts, who came to Moscow for this metro alone (Cesarec 1982: 36).

Conclusion: *Today's Russia* and the problem of non-facts

There is no doubt that Cesarec's image of the epoch is problematically one-dimensional and propagandistic. However, it turned out to be true. Indeed, Cesarec's Soviet document,⁷ with its unequivocal *political enthusiasm*, deviates from most Western European ego-documents of that time, but at

the same time it should be noted that some segments of the image of the facts about the epoch provided by Cesarec are comparable and even compatible with modern studies of certain aspects of the Soviet Union in the 1930s. Cesarec's detailed description of the reconstruction of Moscow, changes in the architectural and aesthetic paradigm or *enthusiasm and pride* surrounding the opening and the meaning of the metro is partly complementary to studies of the reconstruction of Moscow, the new architecture, the concept of Stalinist happiness, etc., as exemplified by Ryklin's text. However, in the end, I must also touch upon the problematic truth-falsehood dichotomy. Did the ego-document of a convinced Croatian Communist – who wrote a farewell message, 'Long live Soviet Croatia!' on his cell wall the day the Ustasha authorities decided to kill him – lie about the Soviet Wonderland in the 1930s? The 1937 Foreword to *Today's Russia* signed by Vuk Kornelije states that the author is an Istrian emigrant who went to the United States looking for a better life, where he began writing short articles for the *New Times*, after which he was offered a job of a US correspondent in the USSR, to report objectively about everything he found there. All this,

⁷ By that term I want to emphasise that it was written in the USSR.

of course, is a lie – starting from the name (Cesarec was forced to publish his travelogue under a pseudonym) to his origin and the story about America (Cesarec wasn't an Istrian emigrant nor had he been to America). Therefore, many passages in Cesarec's book are false. For instance, the one where he was fascinated by the number of books printed in the Soviet Union in 1934, where he says: 'As an American citizen, I was sorry that I couldn't find this information for America as well' (Cesarec 1982: 20). Still, the boldest example of Cesarec's false allegations, in which he uses the false discourse on origin for (political) propaganda, is the following:

I also talked to these children in the hallway and in some classes. They almost dragged me into one of them so I could tell them about America. Their interest in everything is huge, in everything that is happening abroad and how workers live there. And the passion in them is great, they offered immediate help for the unemployed American workers. They looked at me in wonder when I told them that I did not come for

their help; to those little pioneers of the idea of solidarity, I really must have been incomprehensible! (Cesarec 1982: 106).

For the sake of comparison, here's how Ciliga introduced the so-called *American theme* at the beginning of his book, in the context of the Moscow situation in 1926. It was in a completely different light:

My clothes and bad Russian give me away as a foreigner. And that's why the coachman speaks to me thus:

"You are from America? Well, you have a good life there. And not like us. You can buy whatever you want, and everything top quality... And the prices are not high. And over here, the clothes are shoddy, and they cost an arm and a leg. Well, that's why everybody wears nothing but rags" (Ciliga 2007: 24).

Finally, we must address the non-facts of the era mentioned by Lotman, which are more than obvious. In geographical terms, Cesarec's travel records left out the Russian North, more specifically Siberia. But the Gulag, that huge part of Soviet reality, is not

the only one that Cesarec omits. The last Soviet year in Cesarec's text is 1937 – a year which happened to mark the beginning of the Great Terror. Not only does *Today's Russia* by Cesarec not ask questions, it chooses to interpret one type of facts on the basis of which it builds an image of the epoch, neglecting what Lotman calls non-facts, parts of reality that the interpreter leaves out, which is why they are not subject to fixation. Therefore, in Cesarec's ego-document of the 1930s one should not seek show trials, enemies of the state, threats, arrests, terror, dictatorship and fear, i.e. the other face of Soviet enthusiasm, which

Ciliga highlighted from the icy Hades:

One who did not live in Soviet prisons, concentration camps, and exile, where there were over five million prisoners, one who does not know the largest penitentiary ever seen by history, in which people die like flies, in which they are killed like dogs, in which they are driven to work like slaves, he cannot have the faintest idea of what Soviet Russia and Stalinist *classless society* really are (Ciliga 2007: 164).

Bibliography

- Applebaum, Anne. 2004. *Gulag: A History* (New York: Bantam Doubleday Dell Publishing Group).
- Balina, Marina, and Evgenii Dobrenko (eds). 2009. *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style* (London: Anthem Press).
- Blium, Arlen. 2000. *Sovetskaia tsenzura v epokhu total'nogo terrora, 1929-1953* (St Petersburg: Akademicheskii proekt).
- Cesarec, August. 1982. *Današnja Rusija i drugi putopisi po Sovjetskom Savezu*. Vol. 18 of *Sabrana djela*. (Zagreb: Mladost).
- Ciliga, Ante. 2007. *U zemlji velike laži* (Zagreb: Ceres).
- Clark, Katerina. 2009. 'The "New Moscow" and the "New Happiness": Architecture as a Nodal Point in the Stalinist System of Value' in *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style* ed. by Marina Balina and Evgenii Dobrenko (London: Anthem Press), 189–200.
- Clark, Katerina. 2011. *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931-1941* (Cambridge, MA: Harvard University Press).
- Derrida, Jacques. 1993. 'Back from Moscow, in the USSR' in *Politics, Theory, and Contemporary Culture* ed. by Mark Poster (New York: Columbia University Press), 197–235.
- Dobrenko, Evgenii. 1997. *Formovka sovetkogo chitatelia. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptii sovetkoi literatury* (St Petersburg: Akademicheskii proekt).
- Dobrenko, Evgenii. 1999. *Formovka sovetkogo pisatelja. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetkoi literaturnoi kul'tury* (St Petersburg: Akademicheskii proekt).
- Dobrenko, Evgenii. 2020. *Late Stalinism: The Aesthetics of Politics* (New Haven: Yale University Press).
- Fitzpatrick, Sheila. 1999. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (Oxford: Oxford University Press).
- Giunter, Hans, and Evgenii Dobrenko (eds). 2000. *Sotsrealisticheskii kanon. Sbornik statei* (St Petersburg: Akademicheskii proekt).
- Groys, Boris. 1988. *Gesamtkunstwerk Stalin: die gespaltene Kultur in der Sowjetunion* (Munich: Hanser).
- Khmel'nitskii, Dmitrii. 2007. *Zodchii Stalin* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie).
- Klark, Katerina. 2002. *Sovetskii roman. Istoria kak ritual* <<http://www.fedy-diary.ru/katerina-katarina-klark-sovetskij-roman->

istoriya-kak-ritual-chast-pervaya-dve-pervye-glavy/> [accessed 20 February 2020].

Kuromiya, Hiroaki. 1985. 'Soviet Memoirs as Historical Source', *Russian History*, 12(2/4): 293–326.

Lotman, Iurii. 2004. 'Vnutri mysliashchih mirov' in *Semiosfera* (St Petersburg: Iskusstvo), 150–389.

Naiman, Eric. 1999. *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology* (Princeton, NJ: Princeton University Press).

Naiman, Eric, and Evgenii Dobrenko (eds). 2003. *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Studies in Modernity and National Identity* (Seattle: University of Washington Press).

Papernyi, Vladimir. 2016. *Kul'tura 2* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie).

Peruško Vindakijević, Ivana. 2018. *Od Oktobra do otpora. Mit o sovjetsko-jugoslavenskom bratstvu u Hrvatskoj i Rusiji kroz književnost, karikaturu i film. 1917.–1991* (Zagreb: Fraktura).

Ryklin, Mikhail. 2009. *Kommunizm kak religia: Intellektualy i Oktibr'skaia revoliutsiia* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie).

Ryklin, Mikhail. 2003. 'The Best in the World. The Discourse of the Moscow Metro of the 1930s', in *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Studies in Modernity and National Identity* ed. by Eric Naiman and Evgenii Dobrenko (Seattle: University of Washington Press), 261–277.

Turovskaia, Maia. 2015. *Zuby drakona. Moi 30-e gody* (Moscow: AST, Corpus).

Патриция Деотто

Мемуарно-автобиографический дискурс в дневниковых записях Ольги Берггольц

Ol'ga Berggol'ts's Memorial and Autobiographical Discourse in Her Diary Entries on the Siege of Leningrad

Ol'ga Berggol'ts's diary, written between July 1939 and the years of the war and the siege, is not only an extraordinary testimony of a tragic moment in the history of Leningrad, but also an interesting exposure – through the use of the written word – of the most secret and unspeakable thoughts on the present and the recent past in the light of the writer's personal experiences. The author is intimately divided between the need to tell the truth about herself and the surrounding world, and the sentiment of disquiet resulting from the pressure of the official censorship and a sort of self-censorship stemming from the fear to write about her own emotions and thoughts. The act of writing implies going once again through the pain and the sorrow that may be triggered in the process and admitting to herself a deep disenchantment with what she had believed in. Despite all of this, however, Ol'ga Berggol'ts embarks on a difficult path towards awareness, on the quest of an individual truth, which is in contrast with the official truth of the regime.

Ольга Берггольц вела дневники почти пятьдесят лет¹, записывая события повседневной жизни, свои размышления и суждения о политическом и культурном положении в Советском Союзе. Эта тема была особенно дорога Берггольц; в

записи от 8 марта 1925 года, когда она была еще совсем молоденькой, Берггольц заявила: “Всю жизнь отдам Комсомолу...” (Берггольц 2016: 169), снискав себе этим репутацию “яростной комсомолки” (Щеглова 2008: 76). С середины тридцатых годов, когда ее близкие друзья были арестованы как *враги народа*, и в особенности после тяжелых месяцев тюрьмы, она стала задумываться над произволом

---

¹ Кроме 72 тетрадей дневников за период (1923–1971), сохранились дневниковые записи (1929–1971) и записные книжки – 99 тетрадей (1927–1975) см. Горяева 2015: 456.

советского правительства по отношению к своим гражданам.

Она не готова больше оправдывать преступления власти высокой целью и старается понять, почему же великая мечта потерпела крах. Ей предстоит мучительный путь до самого конца жизни, который приведет ее к убеждению о невозможности искоренить из советского общества произвол и ложь, разрушившие великие идеалы ее молодости. 20 июня 1960 года Берггольц пишет: “После разрыва с Юрой [...] и общая идея исчезает окончательно, суррогатов для нее нет и не может быть. Человеческое и женское одиночество беспросветно” (см. Горяева 2015: 473).

В дневнике, который Ольга Берггольц вела после освобождения из тюрьмы, с июля 1939 года², и в годы войны и блокады, являющемся предметом анализа этой статьи, присутствуют две присущие дневниковому жанру черты: с одной стороны, это хронологически последовательная запись будней самого трагического момента ленинградской истории, сделанная их непо-

средственным свидетелем, с другой, это рефлексия автора дневника над собственными внутренними изменениями через их описание, то есть “уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит” (Лотман 2000: 164).

В статье я буду рассматривать эту вторую характерную особенность дневника, пытаюсь определить, в каком направлении движется процесс самопознания Ольги Берггольц, и показать, как, обращаясь к потенциальному косвенному адресату, поэтесса преодолевает личное измерение саморефлексии и превращает свой дневник в общедоступное свидетельство.

Среди проблем анализа дневниковой прозы, в последнее время привлекавших внимание исследователей, одной из самых интересных стала проблема адресата. Хотя на первый взгляд дневник пишется как текст для себя, не имеющий адресата, на самом деле он строится в форме диалога и предполагает наличие читателя. В дневниковых записях речь обращена к кому-то, и прежде всего, к адресату, который одновременно является и автором дневника. Одним из первых проблему адресата исследовал женеvский ученый

² Ольга Берггольц была арестована 13 декабря 1938 года и освобождена 3 июля 1939 года.

Жан Руссе. Он создал таблицу возможных адресатов, ранжированных в порядке значимости от читателя отсутствующего, виртуального или исключенного до читателя непрошенного, терпимого, допустимого или желаемого (Rouset 1983).

Берггольц в первую очередь предпочитает диалог с самой собой и развивает главным образом две темы: свои политические убеждения и личную жизнь, чувства.

Записи поэтессы после 3 июля 1939 года, когда она была освобождена из тюрьмы, проникнуты чувством крайней подавленности. Шесть месяцев заключения настолько потрясли ее, что ее преследует мучительное ощущение, будто она по-прежнему заперта в камере.

Кошмар ареста и допросов возвращается в мучительных снах, страшные воспоминания стоят между поэтессой и жизнью, отзываются в стихах, в отношениях с людьми, в будничных делах (5/X/1939³, Берггольц 2017: 556). Она вопрошает самоё себя, пытаясь найти логическое объяснение событию, которое лишено логики:

---

³ В Ольга. *Запретный дневник*. Санкт-Петербург, Издательская группа "Азбука-классика", 2010, с. 30 указанная датировка неправильна: 15/10/1939.

“Да, но зачем все-таки подвергали меня все той же муке?! Зачем были те дикие, полубредовые желто-красные ночи (желтый свет лампочек, красные матрасы, стук в отопительных трубах, голуби...). И это безмерное, безграничное, дикое человеческое страдание, в котором тонуло мое страдание, расширяясь до безумия, до раздавленности?..” (14/XII/1939, Берггольц 2017: 568).

Тюрьма – это не только физическая реальность, но и метафора состояния души поэтессы, которая чувствует, что оказалась в положении, из которого нет выхода. Арест привел к кризису сознания, который подорвал ее убеждения, ее несокрушимую веру в партию и в политические идеи, победившие благодаря революции: “[...] все было уложено в стройную систему, а теперь все перебуровлено, многое поменялось местами, многое перегублено...” (14/XII/1939, Берггольц 2017: 568).

Три записи, сделанные между ноябрем и декабрем 1939 года, – первые в этом болезненном процессе самопознания, который характерен для дневникового письма Берггольц в годы блокады. Верность “великому делу Ленина”, которому она с горячностью присягает в за-

писи от 6 ноября 1939 года, находит подтверждение в записи от 14 декабря. В ней поэтесса радуется тому, что ее кандидатуру будут вновь утверждать в парткоме, и хочет, невзирая ни на что, по этому случаю подтвердить, что ее «отношение к нашим идеям, нашей родине и партии осталось неизменным» (Берггольц 2017: 569).

Однако она понимает, что не сможет ни открыто поделиться с товарищами по партии мучительными вопросами, родившимися в ее душе после тюремного заключения, ни раскрыть их содержание в романе, который она планировала посвятить своему поколению (ведь это привело бы к трагическим для нее последствиям), и это подрывает ее внутреннее равновесие, уже нарушенное несколькими месяцами тюрьмы. 25 декабря 1939 Ольга Берггольц нерешительно записывает, что она еще в тюрьме начала подозревать, что Сталин является подлинным виновником трагедии, происходящей в Советском Союзе в последние годы, но что не стала делиться сомнениями с сокамерницами, чтобы не лишать их надежды. В этих трех записях можно выделить тесно связанные друг с другом мотивы, кото-

рые в отрывочном и фрагментарном дневниковом письме становятся элементом субъективного и литературного единства: это ослабление веры в правое дело, давление вседушной цензуры и ложь, которая в большей или меньшей степени искажает жизнь каждого.

Поэтессе трудно отречься от идеалов, озарявших ее жизнь до момента заключения, и она решает продолжать служить делу партии, но это решение дается ей с трудом. Это решение принято в результате самовнушения, которое Берггольц в одной из записей (14/XII/1939) раскладывает на два голоса, превращая в драматический диалог. Она призывает себя остановить лирические излияния по поводу боли и оставить бесполезные сомнения, ведь они противоречат верности программе Партии и добросовестному исполнению ее заданий.

Тем не менее, в этой записи она дает понять, что подобная решимость не отражает обретенного единогласия с партией, а становится способом заглушить моральные страдания.

Дневниковых записей, относящихся к 1940 году немного, но весной 1941 года Ольга Берггольц начинает снова ре-

гулярно вести свой дневник, в котором зачастую встречаются полные трагизма записи, свидетельствующие о глубокой внутренней муке, причиняемой как переосмыслением идеалов молодости, так и тревогой из-за начала войны и томительным ожиданием гибели, кошмарной атмосферой, нависшей над жителями блокадного Ленинграда, превратившегося в город-морг, где люди умирают с голоду прямо на улицах и трупы лежат среди сугробов, а также прогрессирующей болезнью мужа, Николая Молчанова⁴, к которому у нее навсегда останется глубокая привязанность.

Горестные записи чередуются с заметками, полными жизненной энергии, в которых видна потребность в личном счастье и новой близости⁵. Эту потребность обостряет влюбленность в Юрия Макогоненко и мысль о том, что жизнь может оборваться в любую минуту. Ольга Берггольц подкрашивает брови и губы, же-

---

⁴ Николай Степанович Молчанов (1909-1942) – второй муж Ольги Берггольц. Он умер 29 января 1942 года от дистрофии в психиатрической больнице.

⁵ В конце сентября 1941 года Ольга Берггольц все больше сближается со своим коллегой по Радиокomiteту Г.П. Макогоненко (1912–1986) и в апреле 1942 становится его женой.

лая снова стать привлекательной. Хотя 26 декабря она пишет о муже: “Ведь он у меня главный, самый любимый, и я всем сердцем верна ему, не смотря на Юрку” (26/XII/1941, Берггольц 2015: 106), но пробуждает в ней желание жить и отвлекает от мрачных мыслей страсть к Юре: “Странно, что не ощущаю никакой личной путаницы, и Юра и Коля совмещаются. С Юрой – некий отдых, с Колей все тяготы – двойные для меня – его болезни и страшной войны...” (26/XII/1941, Берггольц 2015: 106).

Поначалу она словно бы испытывает чувство вины за фривольные мысли, которые она позволяет себе в тяжелые дни блокады. Мысли ее проистекают из внутреннего диалога с потенциальным читателем, который помогает ей уяснить и мотивировать свое поведение. Она обращается к будущему читателю как создавая прямой виртуальный диалог с чужим словом, так и усваивая и присваивая чужое слово для того, чтобы построить свой дискурс⁶: “*Будущий читатель* моих дневников почувствует в этом месте пре-

---

⁶ О проблеме внутренней адресованности дневника и ориентации на чужое слово см. Савкина 2019.

зрение: ‘Героическая оборона Ленинграда, а она думает и пишет о том, скоро или нескоро человек признается в любви или в чем-то в этом роде’ (Хуже всего, если я смотрю выжидающими глазами) Да, да, да! Неужели и ты *потомок*, будешь так несчастен, что будешь считать, будто бы для человека есть что-то важнее любви, игры, чувств желаний друг друга?” [курсив мой - П. Д.] (22/IX/1941, Берггольц 2015: 34-35).

Ольга Берггольц, подчеркивая стереотипный образ женщины, увлеченной чувством страстной любви, и задавая ряд вопросов, вызывающих сомнения в обоснованности высказываний потенциального собеседника, лишает авторитетности тон упрека чужого слова. Она отстаивает свое желание любить, видит в нем ту преданность жизни, которую ленинградцы защищали из последних сил, а она воспевала в своих стихах: “А может быть, это действительно свинство, что я в такие страшные, трагические дни, вероятно, накануне взятия Ленинграда, думаю о красивом мужике и интрижке с ним? Но ради чего же мы тогда обороняемся? Ради жизни же. А я живу! [...] Да что и перед тем тут оправдываться? Я делаю все, что в си-

лах, и, невзирая на ломающую меня болезнь, на падающие бомбы и снаряды, пишу стихи, от которых люди в бомбоубежищах плачут” (22/IX/1941, Берггольц 2015: 35).

Обращение к косвенному адресату⁷, к потенциальному будущему читателю заставляет Берггольц, с одной стороны, анализировать себя и свои мысли, постоянно оглядываясь на “некоего незримого контролера” в процессе письма⁸, а с другой стороны, идентифицируя будущего читателя с потенциальным *потомком*, позволяет ей облечь дневник в функцию, превращающую личное измерение саморефлексии в общедоступное достояние.

В книге *Stories of the Soviet Experience* Ирина Паперно обращает внимание на тесную связь между интимными переживаниями и историей, характерную для дневников разных авторов советской эпохи, и говорит о советской истории как о силе, которая исказила частную жизнь и са-

⁷ О подробном анализе фигуры косвенного адресата как потенциальный участник коммуникативного акта, реализуемого в дневнике см. Зализняк 2010.

⁸ О проявлении адресованности в наличие “некоего незримого контролера” см. Савкина 2009: 154.

мих людей (см. Рарерно 2009: 24).

Эта черта бросается в глаза и в дневнике Ольги Берггольц. Держась всеми силами за жизнь, она все-таки не может смягчить боль от потери самых дорогих людей: мужа и дочери. Болезнь мужа и смерть дочери Ирины⁹ сломили ее дух. В экзистенциальном опыте потеря дочери ассоциируется с другим тяжелым испытанием, постигшим ее в месяцы заключения и переживаемом поэтессой как *вторая смерть*, как мучительная агония из-за утраты веры в советскую власть и, главное, веры в ее идеологию.

Две записи, сделанные в марте 1941 года с интервалом в два дня, наглядно показывают, как тесно переплетены ее политическая и личная жизнь. Ольга Берггольц называет себя *лишенцем*, то есть человеком, который лишился того, что было ему дороже всего, как в личном, так и в идеологическом плане. Все, что было у нее в 1931 году и составляло ее

---

⁹ Ирина Борисовна Корнилова (1928–1936) – дочь Ольги Берггольц от первого мужа Бориса Петровича Корнилова. Она два года болела эндокардитом и умерла 14 марта 1936 года, когда ей было 8 лет. Ольга Берггольц часто с горестью вспоминает о дочери.

счастье, исчезло: “Сколько силы было, веры, бесстрашия. Была Ирка, был здоровый Коля, было ощущение неисчерпанности, бесконечности жизни, была нерушимая убежденность в деле, в правильности всего, что делал... Где же, где все?” (23/III/1941, Берггольц 2017: 612).

Берггольц пытается стряхнуть с себя мрак, который туманит сознание, ругает себя за то, что ей недостает мужества восстановить свой внутренний мир, но понимает, что на самом деле возрождению, основанному на подлинных идеалах, опирающихся на принципы гуманизма, препятствует всепроникающий туман лжи, который царит в их жизни, и которую не стесняются “называть социализмом!” (26/III/1941, Берггольц 2017: 613).

Через три месяца после начала войны Ольга Берггольц, в растерянности от поражений, понесенных советскими войсками на Украине, размышляет о причинах этого позора и готова приписать их привычке советского человека, приобретенной еще задолго до войны, жить не подлинной жизнью: “Мы все последние годы занимались больше всего тем, что соблюдали видимость” (22/IX/1941, Берггольц 2015: 32). И это привело к тому, что лю-

ди “перестали верить, узнали, что им не за что бороться” (22/IX/1941, Берггольц 2015: 32). В дневнике Берггольц не раз возвращается к конкретным и психологическим последствиям лжи - последствиям в ее жизни, в жизни страны и, в частности, в жизни ленинградцев. В ее личной жизни ложь — это насилие над творческой свободой поэта, тесного тяжкой цензурой, которой она упорно сопротивляется, стараясь “работать одной, писать честно, не боясь обнажать боли, упоения, не боясь заглядывать в темноту, в колодцы, а там будь что будет...” (29/X/1939, Берггольц 2017: 564).

На общепринятом уровне ложь проявляется в описании действительности стандартными фразами, никак не соответствующими настоящей жизни жителей блокадного Ленинграда, подвергнутых невообразимым страданиям.

Анализируя всепроникающую ложь, Ольга Берггольц обнаруживает еще более коварный аспект, касающийся ее лично. Несмотря на то, что она пишет стихи и статьи, которые должны поднимать дух сограждан, добросовестно и от души, она в то же время опасается, что на фоне замалчивания и лицемерия начальства

она сама становится соучастницей лжи (13/IX/1941), разверзающей бездну между подлинной жизнью и ее официальной версией (22/IX/1941).

Просьба написать для Европы об обороне Ленинграда доводит ее до отчаяния, она отдает себе отчет в том, как трудно сказать правдивое слово о положении города (24/IX/1941). Официальным прокламациям о героизме Ленинграда ей хотелось бы противопоставить описание страшных условий жизни жителей города, приводя в пример положение Анны Ахматовой, “музы Плача, гордости русской поэзии”, которая живет в темном подвале, больная, испуганная и голодная, и закончить очерк, прося Запад о помощи.

Несмотря на трудности, Берггольц сдерживает обещание писать честно. И если в очерке для Европы она старается вынуть “из души что-либо близкое к правде” (24/IX/1941, Берггольц 2015: 39), в поэме *Февральский дневник*¹⁰, написанном в январе-феврале 1942 года, опубликованном в «Комсомольской правде» от 5 июля “полностью, без единой по-

¹⁰ “Ольга начала писать поэму *Февральский дневник* как памятник умершему мужу и всем, кто погиб той страшной зимой 1941–1942 года” (Громова 2017: 109).

правки и купюры” (9/VII/1942, Берггольц 2015: 244) и прочитанном по радио 21 июля, ей удается дать живое свидетельство первой ужасной зимы блокады. Благодаря своей искренности, она получила широкое и трогательное признание, не от Союза писателей, не от начальства, а от читателей, от того народа, во имя которого в молодости задумали “мечту о настоящем Социализме, о лучшей, светлой нашей жизни” (29/XI/1941, Берггольц 2015: 63).

Размышляя о лжи, из-за которой все больше “росла пропасть между народом и государством” (22/IX/1941, Берггольц 2015: 33), и о попорченных идеалах молодости, Берггольц ощущает потребность свериться с теми, кто, как и она, поверил обещаниям о строительстве иной, более справедливой жизни. В отчаянии она обращается к своему поколению и вступает с ним в диалог, обращаясь к коллективному *мы* и надеясь понять, почему великая мечта превратилась в тотальный кошмар: “Где, когда, почему мы выскочили из колеи?” (23/XII/1939 Берггольц 2017: 571).

Задуманный до ареста проект романа о поколении, к которому она принадлежит, представляется ей неосуществи-

мым¹¹. Ведь рассказ об их молодом энтузиазме и о радостном пути, уже пройденном во имя идеалов (14/XII/1939) потребовал бы обратиться и к вопросам, которые возникли уже после ужасов, пережитых ею и многими ее товарищами. Для Ольги Берггольц, как она неоднократно упоминает в дневнике, олицетворением пережитого опыта становится тюрьма. Умолчать о столь важном событии значило бы отречься от правдивого рассказа о морально уничтоженном поколении. Однако правдивому рассказу мешает вездесущая цензура, которая заставляет поэтессу сдерживать себя даже в интимном пространстве дневниковых записей. В этом состоянии бессилия и помутнения рассудка Ольга Берггольц, читая Герцена, завидует широте взглядов и свободе мысли, которыми дышат воспоминания великого мыслителя.

---

¹¹ И так и останется неосуществимым. По этому поводу Громова пишет: “Главная книга рассыпается, не складывается. Должно быть, не было сквозного стржня, как в первой части” (Громова 2017: 192). Имеется в виду повесть *Дневные звезды*, которые Ольга Берггольц считала своего рода прологом к *Главной книге*. Повесть была опубликована в 1959 и имела оглушительный успех (см. Громова 2017: 181).

Почти два года спустя, 17/IX/1941, Берггольц говорит, что в деградации идеалов ее поколения виновата беспредельная вера в теорию, реализация которой на практике породила множество невинных жертв. Эта мысль вызвана реакцией на семейную драму, потрясшую поэтессу до глубины души: она не может смириться с высылкой отца, ставшего жертвой чьего-то самоуправства, из его родного Ленинграда: “Мне мучительно стыдно глядеть на отца. За что, за что его так? Это мы, мы во всем виноваты” (2/IX/1941, Берггольц 2015: 24). Она упрекает себя и свое поколение в том, что они молчали, видя, как расходятся теория и навязанная партией практика, и тем самым поддерживали атмосферу лжи. Виртуальный диалог, который поэтесса ведет со своим поколением, свидетельствует о желании преодолеть рамки дискурса, предназначенного

только для самой себя. Справедливо утверждение, что Берггольц поверяет дневнику непосредственные впечатления, живые чувства, гнев против властей, которые скрывают правду об ужасах блокады, но при этом она придает своим записям вес свидетельства. И хотя она прячет дневники во дворе, боясь, что их изымут, чтобы “сшить” ей новое дело, на самом деле она надеется, что настанет день, когда всплывет правда о жизни, проникнутой в те дни удушающей ложью. И главными адресатами этого свидетельства она считает своих современников, как и она, “изолгавшихся и безмерно честных, жаждущих жизни, обожающих ее, служивших ей — и все еще надеющихся на то, что ее можно будет благоустроить...” (17/IX/1941, Берггольц 2015: 31-32).

Библиография

Берггольц 2015: О. Берггольц, *Блокадный дневник*, Санкт-Петербург, Вита Нова, 2015.

Берггольц 2016: О. Берггольц, *Мой дневник 1923–1929*, Москва, Кучково поле, 2016.

Берггольц 2017: О. Берггольц, *Мой дневник 1930–1941*, Москва, Кучково поле, 2017.

Горяева 2015: Т. Горяева, *Дневник как жанр документальной исповеди* // О. Берггольц, *Блокадный дневник*, Санкт-Петербург, Вита Нова, 2015, с. 449–478.

Громова 2017: Н. Громова, *Ольга Берггольц. Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы*, Москва, Аст, 2017.

Зализняк 2010: А. Зализняк, *Дневник: к определению жанра*, «Новое литературное обозрение», 2010, 6 (106), с. 162–180.

Лотман 2000: Ю. Лотман, *Внутри мыслящих миров* // Ю. Лотман, *Семиосфера*. Санкт-Петербург, Искусство, 2000, с. 150–389.

Савкина 2009: И. Савкина, *Дневник советской девушки (1968–1970): приватное и идеологическое*, «Cahiers du Monde russe», 2009, 50/1, с. 153–167.

Савкина 2019: И. Савкина, *Я, ТЫ, МЫ: о некоторых формах адресованности в дневниках обычных советских людей*, «Автобиография», 2019, 8, с. 149–175.

Щеглова 2008: Е. Щеглова, *Они молчат – свидетели беды...* // «Вопросы литературы», 2008, 2, с. 68–78.

Paperno 2009: Paperno, Irina. 2009. *Stories of the Soviet Experience. Memoirs, Diaries, Dreams*, (Ithaca: Cornell University Press, 2009).

Rousset 1983: Rousset, Jean. 1983. 'Le journal intime, texte sans destinataire?', *Poétique*, 56: 435–443.

Ольга Сазончик

Несколько наблюдений над стратегиями само- написания в романе Булата Окуджавы *Упразд- ненный театр*

Strategies of Writing the Self in Bulat Okudzhava's Novel *Uprazdnennyi Teatr*

Bulat Okudzhava's novel *Uprazdnennyi Teatr* [The Vacated Theatre] is often regarded as a source of autobiographical information. The article attempts to investigate the main strategies utilized by the poet, and relate these to the narrative features of Okudzhava's text. The main narrative techniques, which define the reciprocal approach of the reader and the narrator and create the distance between them, are: the poly-perspectivity of the narrative; its polytemporality and multifunctional use of verbs in the present tense; the questioning of language as instrument of expression; and the sophisticated system of intertextual linkages. Taken together, these narrative characteristics suggest that Okudzhava's novel is no more of a documentary or historical account than his lyrical works are.

Вымысел не есть обман.
Б. Окуджава

Роман Булаты Окуджавы *Упраздненный театр* был написан в 1989–1993 годах и в 1994 году удостоен Международной премии Букера как лучший роман года на русском языке (ср. Русский Букер). Основой для анализа в данной статье служит первая книжная публикация романа (Окуджава

1995¹), в подготовке которой к печати автор активно участвовал (о наличии авторских исправлений по сравнению с журнальным вариантом – «Знамя», № 9–10 за 1993 год – ср. Розенблюм 2013: 88сн.).

---

¹ В дальнейшем при ссылках на это издание будут указываться только соответствующие страницы.

Роман нередко рассматривается как автобиографический источник информации при описании жизни поэта (ср. Быков 2009, особенно страницы 40–130); Ольга Розенблюм при этом оговаривает, что “[e]сли это не мешало художественным задачам, Окуджав старался в романе как можно точнее передать даты, события, состояния” (Розенблюм 2013: 23). Розенблюм многократно отмечает мифологичность, неточность или легендарный характер отдельных эпизодов (например, Розенблюм 2013: 26), но механизм возникновения этих фактических шероховатостей ею (в связи с иной общей постановкой проблемы) подробному разбору не подвергается. Иные исследователи романа рассматривают его жанровые особенности и интертекстуальные связи (см., например, Бойко 2007) или проводят его исследование в связи с культурными парадигмами советского периода (см. Звягина 2007). Светлана Уварова (в ее исследовании нарративных особенностей, вероятно, одного из самых известных прозаических произведений Окуджавы, романа *Путешествие дилетантов*) не упоминает *Упраздненный театр* при приведенном ею перечне про-

изведений Окуджавы на историческую тему (ср. Уварова 2009: 16–17). В центре ее исследования находится проблема *документа* (реального или фикционального) как исторического источника (в его эстетической функции и/или как нарративообразующей структуры окуджавского романа, ср. Уварова 2009: 196; Розенблюм 2011), а историческая проза Окуджавы в целом подлежит, наконец и кроме прочего, рассмотрению “в культурных и социальных связях эпохи” (Уварова 2009: 19).

Целью настоящей работы является анализ (на примере лишь одного из считааемых автобиографическими текстов) использованных Окуджавой нарративных стратегий *написания себя* (авто(био)графии), в известной степени абстрагированных от анализа сюжета, тем и мотивов, то есть выявление тех признаков текста, которые (взятые по совокупности) объективно обязывают рассматривать этот обозначенный как *семейная хроника* и состоящий из череды биографически как бы подтверждаемых эпизодов роман Окуджавы в одном художественном (не: документальном) ряду с иными его (в том числе, кроме прочего, лирическими) произведениями (тема,

выходящая за пределы данного исследования). В качестве теоретической предпосылки предполагается, в известной степени, ограничиться работами Ю.М. Лотмана, посвященными наблюдениям над проблемами, связанных с *написанием истории*, и сделанными из них основополагающими выводами (см. Лотман 2000а и 2000б).

В произведении *Упраздненный театр* фундаментальность (для авторского замысла) проблемы документальности, принципиальной возможности фактической верности и/или ее иллюзорности просматривается уже на уровне паратекста. Так, понятие “театр”², содержащееся в заголовке романа, подчеркивает, прежде всего, визуальную компоненту восприятия, как намечая там самым проблему (сознательно?) создаваемой иллюзии происходящего, в последующем соопределяющую характеристики использованного нарратива (см. ниже), так и отсылая к шекспировскому (то есть: литературному) определению мира как театра³. Сочетание

² От греч. θέατρον: место для зрелищ и зрелище (ср. Словарь 1988: 488).

³ Из пьесы *Как вам это понравится* (акт 2, сцена 7), в одном из классических переводов на русский язык: “Вот

мира-театра с казенно-бюрократическим атрибутом “упраздненный” предопределяет изначальную неустойчивость и фактическое уже небытие этого еще только подлежащего описанию мира, его зависимость от чужой (и недоброй) воли.

Подзаголовок романа (*Семейная хроника*) *per definitionem* подразумевает изложение исторических событий в их хронологической последовательности и (обычно с этим связанную) временную к этим событиям близость; насколько в романе соблюдаются эти условия, будет обсуждено ниже. Необходимо, однако, отметить логическую противоречивость *знания* пишущим факта прекращения существования описываемого им мира, в котором он большей частью и *не жил*; то есть самообозначение автора как хроникера чужой и исчезнувшей эпохи.

Датировка текста (1989–1993) становится исходным ориентиром для некоторых упомянутых в романе дат (*шестьде-*

видишь ты, не мы одни несчастны, / И на огромном мировом театре / Есть много грустных пьес, грустней, чем та, / Что здесь играем мы! [...] // Весь мир – театр. / В нем женщины, мужчины – все актеры. / У них свои есть выходы, уходы, / И каждый не одну играет роль” (Шекспир 1937: 287–288).

сят лет назад и т. п.) и создает некое *настоящее* для отдельных повествовательных инстанций (см. ниже).

Примечательно также графическое обрамление текста первого книжного издания романа. Имя автора (“Б. Окуджава”) представлено в форме его подписи; при этом имя Б.[улат] в дальнейшем не упоминается ни разу, а обозначенный было эффект сближения с автором (рукописность как признак *a priori* личностный) разрушается в дальнейшем исчезновением последнего за иными повествовательными масками. Текст романа многократно обрамлен: на обоих форзацах изображен ряд не занятых и частично опрокинутых стульев (как аллюзия на театр и визуальность), расставленных перед пустой стеной с вбитыми в нее, погнутыми и более не используемыми для развешивания фотографий гвоздями; на шмуцтитулах расположены известные фотографии Окуджавы (в детстве и зрелости), обозначающие, кроме прочего, мифологическую проблему начала (*откуда пошло*) и историческую проблему конца (*чем кончилось*⁴); со стилисти-

чески детскими изображениями членов семьи соотносятся фотографии “Из семейного альбома”, расположенные, однако, не в хронологическом (или ином опознаваемом) порядке и оформленные (в том, что касается дат съемки, наименования изображенных, их родственных отношений и пр.) неоднотипно, причем страницы с фотографиями не пронумерованы, что создает неопределенность по вопросу их принадлежности к тексту (иными словами, размывает его физическую границу).

Таким образом, уже на уровне паратекста вы-/проявляется обозначенная Лотманом проблема историографии как взгляда из будущего, то есть проблема *завершенности* истории со временной точки

ним структура романного текста, подчиненные временной и причинно-следственной последовательности, ориентированы на конец текста. Именно в нем сосредоточивается основной структурный смысл повествования. Вопрос: ‘Чем кончилось?’ — в равной мере характеризует наше восприятие исторического события и романного текста. Мифологические тексты, повествующие об акте творения и легендарных зачинателях, ориентированы на начало. Это выражается не только в том, что основной для них вопрос — ‘Откуда пошло?’, но и в особой отмеченности начала текста при явно подчиненной роли его конца”.

⁴ Ср. Лотман (2000а: 358): “Историческое повествование [...] и связанная с

зрения историографа (и *открытости* исхода событий в момент их проистекания); примечательно при этом сравнение историка с [!] театральным зрителем⁵.

Осознание этой проблемы влечет за собой использование определенных стратегических приемов для ее решения; представляется возможным показать, что в романе Окуджавы таковыми являются по-

---

⁵ Ср. Лотман (2000b: 11): “Ретроспективный взгляд позволяет историку рассматривать прошедшее как бы с двух точек зрения: находясь в будущем по отношению к описываемому событию, он видит перед собой всю цепь реально совершившихся действий; переносясь в прошлое умственным взглядом и глядя из прошлого в будущее, он уже знает результаты процесса. Однако эти результаты как бы еще не совершились и преподносятся читателю как предсказания. В ходе этого процесса случайность из истории полностью исчезает. Историка можно сравнить с театральным зрителем, который второй раз смотрит пьесу: с одной стороны, он знает, чем она кончится, и непредсказуемого в ее сюжете для него нет. Пьеса для него находится как бы в прошедшем времени, из которого он извлекает знание сюжета. Но, одновременно, как зритель, глядящий на сцену, он находится в настоящем времени и заново переживает чувство неизвестности, свое якобы ‘незнание’ того, чем пьеса кончится. Эти взаимоисключающие переживания парадоксально сливаются в некое одновременное чувство”.

липерспективность, *ахрон(олог)ичность* и *политемпоральность* повествования, эксплицитная постановка проблемы языка как средства выражения и описания прожитого, *интертекстуальность* и *растушевывание границ* на уровне тем и мотивов.

Прием полиперспективизации повествования отслеживается в романе в двух основных формах: “спектрального разложения”⁶ основного повествователя и изложения событий с точки зрения иных фигур.

Носители связанных с фигурой автора точек зрения вводятся в роман постепенно, по ходу развития различных линий повествования:

Много лет спустя, а точнее уже в двадцать четвертом году, возник внук Степана Окуджавы – по *официальным документам Отар*, по *самоощущению Иван Иванович*, в *быту* же по *малолет-*

---

⁶ Понятие “спектрального разложения” (от лат. *spectrum* видение), изначально метафорическое, представляется удачным, поскольку сочетает представление о множественности с идеей визуальности.

ству бывший просто Ванванчем⁷. (17)

И девятого мая ночью легко и без травм родился Ванванч, нареченный Дорианом. (106)

– Ну, картошина, – говорила Акулина Ивановна Ванванчу, – давай чайком побалуемся... [...] Это странное прозвище выплеснулось у Акулины Ивановны после того, как она вдруг обнаружила, что его нос напоминает маленькую картофелину. (18–19)

И вот уже распахнута темно-коричневая дубовая дверь, и маленькая, сухонькая, сероглазая бабушка Лиза протягивает руки к Ванванчу, и тихое знакомое: «Кукушка, генацвале!..» [...] Это тифлисский специалитет, неведомый Москве... (60–61)

Эта множественность имен становится для читателя неким интеллектуальным вызовом, сначала вызывая не(до)понимание, а потом – желание разобраться в сущности и целях ее использования.

⁷ Выделения в цитатах, за исключением особо оговоренных, принадлежат автору статьи. – О.С.

При этом обращают на себя внимание известная постоянность характерных свойств носителей имен и прозвищ. Так, большая часть повествования, в том числе в форме непосредственно-прямой речи, связана с точкой зрения Ванванчыча (ребенка), например: “Иногда кто-нибудь привозил мандарины из далекого Тифлиса от папы, где папа сгорал на партийной работе” (21). (Взрослый) Иван Иваныч возникает относительно редко, с определенной исторической дистанции к Ванванчычу, которая часто дополнительно подчеркивается указанием на конкретные даты, произошедшие события и некое *настоящее время*, ср.:

...В девяностом году, в конце двадцатого века, Ивану Иванычу странно представлять все это теперь, с его-то опытом. Представлять девятнадцатый год и шестнадцатилетнюю Ашхен, рыдающую над тарелкой, свою маму, тогда едва выбившуюся из отрочества, но которую сейчас он уже успел похоронить на Ваганьковском кладбище, после всего, что случилось. (55)

Сознательность такого авторского решения эксплицитно подтверждается к концу первой трети [sic] текста:

Я надеюсь, что вы не осудите меня за этот умышленный калейдоскоп имен, в который я вверг вас не по злomu умыслу или болезненной прихоти, и вы поймете, что Ванванч, Иван Иванович, Отар, Дориан, Картошина и Кукушка – в конце концов одно лицо, вовсе не претендующее на исключительность. Оно возникло в моем воспаленном сознании, как некая игра, а может быть, одно из *средств связать распадающееся Время, людские судьбы и разноплеменную кровь.* (108)

Время от времени выступающий на повествовательную сцену рассказчик от первого лица также выполняет определенные функции, причем более или менее отчетливо воспринимаются две ипостаси Я. Одна из них – рассказчик, находящийся вне описываемого мира, постоянно сохраняющий к нему ироническую дистанцию из неопределенного будущего, время от времени

пытающийся вступить в контакт с читателем и другими повествовательными инстанциями (но не иными фигурами) и рефлектирующий процесс написания⁸:

Пусть вас не смущает обилие имен. Они, по всей вероятности, больше не возникнут, кроме Лизы, Степана и их детей. (8)

То ли семья была либеральная, то ли природные достоинства Насти возвышали – *не знаю.* (18)

Кстати, о носе. Он у Степана господствовал над остальными частями лица и даже привлекал внимание, хотя, может быть, не столько величиной, сколько многозначительной направленностью и загадочной целеустремленностью.

[...] Правда, по прошествии многих лет у дальних потомков она постепенно ослабла и потускнела, хотя и не совсем, и *даже в четвертом поколении еще и нынче за-*

---

⁸ О создании иронический дистанции как цели использования этого приема ср. Розенблюм (Розенблюм 2013: 87сн.).

метны ее красноречивые следы. (11–12)

Приехала из Тифлиса бабушка, бабуся, Мария Вартановна, мамина мама. Что-то далекое и теплое родилось из ее образа, выплеснулось из ее карих глаз, окруженных добрыми морщинками, что-то едва уловимое, почти забытое, без имени, без названия. *Что это было такое, а, Ванванч?* (43)

Вторая ипостась Я демонстрирует свою причастность к описываемому миру (находясь при этом для остальных фигур *в будущем*) и либо высказывает рассуждения общего характера, либо комментирует повествование:

Я вижу, как они идут по Тифлису. [...] На балконе – двери к соседям и, наконец, их дверь, и вы туда входите. Вот комната, в которой еще нет знаменитого шкафа с аистами... (92)

...эта маленькая фотография небольшого размера и крайне любительская до сих пор, вот уже шестьдесят лет, живет у меня и время от времени попадает под

руку, уже потускневшая, отдающая желтизной улика из иного времени и иного мира. (26)

Может быть, вот тогда и возникла впервые скорбная и неостановимая мелодия утрат: один за другим, одно за другим, все чаще и быстрее... И эта мелодия сопровождает его в продолжение всей жизни. Ее нечеткие полутона, заглушаемые дневными событиями, откладываются в памяти, в сердце, в душе, если хотите. Он думал об этом постоянно, ибо мелодия переполняла все его существо, а жизнь без нее казалась невозможной. / Чтобы удостовериться в том, должно было пролететь пятьдесят девять лет. Придавленный этой глыбой, я слышу мелодию утрат особенно отчетливо. [...] Голоса моих кровных родичей умерших и ныне здравствующих – сливаются в самозабвенном гимне. (44–45)

Как будто жизнь была пространством, просматриваемым из окна. За углом таилась неизвестность. Она была

главным будущим, которое они создавали, не покладая рук, так же, как и мы его создаем – не по распоряжению начальства, а по своей фантастической природе, по своему муравьиному вдохновению, по своей пчелиной неукротимости. *Какая слепая программа заложена в нас с рождения?.. И нет нам отдыха...* (15)

Точки зрения иных фигур обычно возникают при (спонтанном) переходе к повествовательному модусу несобственно-прямой речи:

...и он [Степан Окуджава – О.С.] думал о своих детях: о старшем сыне Владимире, бежавшем неизвестно куда после неудавшегося покушения на кутаисского губернатора, в котором он принимал участие как молодой и неистовый анархист. Где он теперь? Никто не знал. Сведущие люди шептали о Швейцарии. *Какая Швейцария, кацо?! Кому он там нужен, в этой Швейцарии? Что он мог там делать, едва окончивший гимназию? Может*

быть, пьет там швейцарское вино в компании молодых бородатых преступников? (11)

Они могут плавно перетекать одна в другую в пределах одного абзаца или предложения:

...и двадцатишестилетняя большевичка, стараясь быть понятой, объяснила Акулине Ивановне ошибочность ее представлений о мире, в котором уже свершилась революция и *нельзя, нельзя, даже преступно, воспитывать новое поколение с помощью старых, отвергнутых, основанных на невежестве понятий.* И Акулина Ивановна кивала, вглядывалась в маму голубыми участливыми глазками, а сердце ее разрывалось от жалости к этой *молодой, строгой, несчастной, заблудшей, крещеной армянке.* (17–18)

Таким образом, хроника сознательно составляется *целым рядом повествовательных инстанций*, что создает эффект *хорового* (сиречь многоголосного) повествования. Для обозначения их совокупности в

романе используется понятие *калейдоскоп*, которое связано как с процессом *видения* (греч. *σκοπέω* – смотрю, наблюдаю), так и с явлением *изменения видимого* в процессе вращения калейдоскопной трубы, его многократного отражения (что как бы соответствует изменению позиции наблюдателя). Равноправность различных по возрасту, опыту, уровню информированности и пр. ипостасей рассказчика не только не способствует повышению уровня документальности изложения, но порождает и подпитывает сомнения в ее принципиальной возможности.

В этой связи примечательна сложная структура воспроизводимого в романе хода времени. Хроника начинается как бы дважды:

В середине прошлого века Павел Перемушев, отслужив солдатиком свои двадцать пять лет, появился в Грузии, в Кутаисе, получил участок земли за службу, построил дом и принялся портняжить. Кто он был – то ли исконный русак, то ли мордвин, то ли еврей из кантонистов – сведений не сохранилось, дагерротипов тоже.

Зато женился на кроткой Саломее Медзмаришвили и родил трех дочерей: Макрину, Феодосию и Елизавету. Все они были худощавые, сероглазые, работающие – видимо, в него. Макрина вышла замуж за Максима Киквадзе, средняя, Феодосия, – за Епифана Георгадзе, старшая, Елизавета, за Степана Окуджава. И родились у них дети: у Макрины – Георгий (Гоги) и Василий, у Феодосии – Григорий, а у Елизаветы, у бабушки Лизы, – Владимир, Михаил, Александр, Николай, Ольга, Мария, Шалва и Василий. Этого Василия прозвали белым в отличие от черного – сына Макрины. (7)

...У бабуси было пять дочерей: Сильвия, Гоар, Ашхен, Анаид, Сирануш и сын Рафик. Она вышла замуж шестнадцати лет за отменного столяра Степана. Фамилия его была Налбандян, от слова *налбанд*, то есть кузнец. По-русски он звался бы Кузнецовым. (47)

Описание семьи отца (7) дается со стороны деда (то есть по отцовской линии), происхож-

дение матери (47) описывается со стороны бабушки (по материнской линии). Временная отсылка к началу (двадцать пять лет до середины прошлого века) придает повествованию оттенок мифологический (см. выше), что дополнительно подчеркивается библейскими и сказочными аллюзиями (ср. начало Ветхого завета, особенности риторики (трехкратные повторы, синтаксис (в том числе полисиндетон) и т. п.). Последовательно создается иллюзия давности описываемых времен: упоминаются старые (русские) формы топонимов (*Кутаис*); используется простонародно-фольклорная лексика (ср. “отслужив солдатиком свои 25 лет” или аллюзию на детскую считалку *Было/Жили у бабуся...*); подчеркивается затерянность следов во времени (конструкция “то ли..., то ли..., то ли...”); по нормам, скорее, языка разговорного нарушается логика изложения (ср. цепочку рассуждений в “Кто он был – то ли исконный русак, то ли мордвин, то ли еврей из кантонистов – сведений не сохранилось, дагерротипов тоже. Зато женился на кроткой Саломе Медзмариашвили...”, в которой неизвестность произвольных национальных принад-

лежностей (русак – мордвин – еврей) *оправдывается* отсутствием дагерротипов, а противопоставляется этому факт женитьбы⁹). Примечательно, что в заключение подробно изложенная родословная объявляется излишней (8: “Пусть вас не смущает обилие имен. Они, по всей вероятности, больше не возникнут, кроме Лизы, Степана и их детей”), то есть большая часть составляющих ее *упраздняется* – в полном соответствии с названием романа.

При выбранном порядке изложения событий времена *распадаются*, и их связь (равно как связь “людски[х] суд[еб] и разноплеменн[ой] кров[и]”) подлежит восстановлению (см. выше, 108). Для описания хода истории и времени используются различные *пространственные* сравнения и метафоры; при этом необходимо отметить, что важна не их оригинальность и самобытность (каждая из них более или менее хорошо известна) – но примечательная последовательность, повторяемость их применения. Слия-

---

⁹ Подчеркнутая *кроткость* грузинской Саломеи в сочетании с библейскими аллюзиями не чужда известной иронии, обсуждение намеренности которой выходит за рамки настоящей статьи.

ние семей описывается как слияние рек (88–89: “Слились две реки – грузинская и армянская – *перемешались* их древние густые воды, не замедлив течения жизни, не нарушив привычных представлений о ней”), при этом *перемешивание* вод дополняет их линейное течение круговой компонентой *водоворота*. Подобно этому, в (традиционном) образе родословного *древа* выделяется “чудовищное” *переплетение* его ветвей:

Не думал я, пускаясь в плавание, что мое родословное древо приобретет постепенно столь обременительный, столь вероломный характер. Ветви его, благообразные на первый взгляд, оказались чудовищами, густо заросшими листвою имен, каждое из которых – целая жизнь, нуждающаяся в объяснении. (70–71)

Сложность историографического повествования представлена как осознанная проблема поиска золотой рыбки в темной пучине:

Золотая рыбка истории, погрузнев и исказив свой первоначальный

лик, уходит во тьму, а я с примитивным фонариком тороплюсь следом и пытаюсь понять – в чем горький смысл преобразования слепого пухлого дитяти с темными колечками волос, пахнущего чистой природой, в унылую громадину с провалившимися боками, ослабевшую, но умудренную опытом? (161–162)

В этих рассуждениях о ходе истории и тщетности попыток ее воссоздания снова и снова возникает метафора *воды* (жизни как *реки*, написание романа как *плавание*, история как *рыбка*), тема переплетения (потоков или ветвей) и мотив (пред)видения и слепоты (как его отсутствия). При этом в последнем случае речь идет не о предубежденности при решении каких-либо конкретных социально-политических вопросов¹⁰, но о постановке фундаментальной проблемы видения (или вынужденной слепоты) повествовательной инстанции (историографа), *фонарик* которого способен осветить лишь немного и

¹⁰ Про особую важность в романе темы слепоты, в том числе для описания так называемого *слепого поколения*, см. Розенблюм 2013: 88сл.

лишь в каком-либо одном направлении, не поспевая за постоянно искажающей свой образ, много обещающей и блестящей золотой рыбкой истории.

Таким образом, хотя на макроуровне повествование с середины прошлого (то есть XIX-го) века до середины нынешнего (XX-го) придерживается некоего вектора движения от прошлого к настоящему, но по совокупности и в связи общим характером изложения событий (включающего постоянные отступления, повторы и возвращение к неожиданно прерванному описанию, смену тем, мест, эпох, рассказчиков и пр.) читатель романа часто склонен воспринять повествование (обозначенное как *хроника* [sic]) как не хронологическое.

Чтобы ответить на вопрос, как именно в романе создается и поддерживается иллюзия смешения, прерванности времен, необходимо рассмотреть организацию повествования на микроуровне. Прием, который при этом используется, можно определить как *политемпоральность на уровне микропорядка* повествования (в сочетании с его установленной выше нехронологичностью на его макроуровне).

Признаком политемпоральности является спорадическое (постоянное и быстрое) изменение времени глагола. Замена прошедшего времени настоящим может производиться как в пределах одной повествовательной секвенции, так и внутри меньших семантических единиц, вплоть до частей сложносочиненного предложения. Различаются несколько функций настоящего времени. С одной стороны, автор использует глаголы в настоящем времени при описании особо важных (точечных) событий внутри общего повествования:

Ванванча и Жоржетты все эти утонченные страсти не касались. Вот они выходят в свой привычный морозный арбатский двор... (25)

...ступка сияет золотым сиянием. Капуста варится. Сухари крошатся. – Теперь мы на эту конфорку поставим маленькую кастрюлечку и положим в нее маслице, вот так... Уууу, оно уже начало таять! Видите?

– Ага, – говорит зачарованная Акулина Ивановна.

– Теперь сухарики опрокинем в масло, вот так...

Теперь фине!.. Получилась у нас сухарная подливочка... О! А вот и капуста готова!

Меркнет аромат французских духов, вытесненный благоуханием нового блюда. Юзя Юльевна *отрезала* ломоть капусты, *плюхнула* его на блюдце, *залила* сверху сухарной подливкой, светло-коричневой, дымящейся. (31–32)

А утром няни *нет*. И целый день. У мамы заплаканные глаза. Что-то непривычное *разливается* по бывшей квартире Каминских. На каждый звонок в дверь Ванванч *бежит* по коридору, но няни *нет*. / Ему *объяснили*, что она срочно уехала к себе в деревню. / Больше он ее *никогда не видел*... (39, 41)

Конкретное событие представляется в хронотопическом дейксисе *здесь и сейчас*, выделяясь тем самым из претеритального модуса описания давно прошедшего.

Второй функцией настоящего времени является придание повествованию характера живого *репортажа* и приближение, таким образом, временного положения читателя к

таковому описываемых событий, ср.:

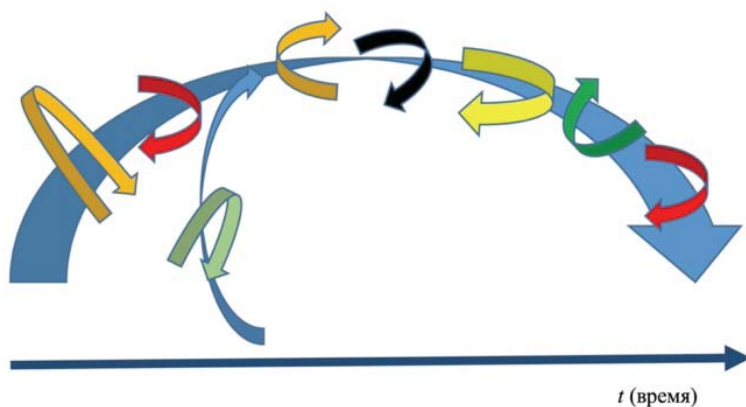
Когда Ванванч *приезжал* в Тифлис, он *живал* по разным домам, благо везде ему *бывали* рады. Но первым делом его *поселяли* у армянского дедушки Степана, и он *постоянно любовался* его шкафом, где на дверцах глянцевые тонконогие аисты *тянули* изысканные шеи из глянцевых зарослей тростника. И он *проводил* пальцем по полированным выпуклым фигуркам и *вглядывался* в узловатые руки дедушки, покрытые несмываемыми коричневыми пятнами. Вот его *везут* в фаэтоне по тифлисским улицам среди платановых теней, он *входит* в знакомую комнату дедушки, где тот же шкаф и те же аисты, а за окном по утрам пронзительный, словно последняя молитва, долгий крик крестьянина, обросшего темной щетиной, в черной куди [...] на голове: «Мацооони! Мацооони!..»

– Почему? – строго *спрашивает* бабушка. (57–58)

Не менее важно использование настоящего времени как эффективного приема визуализации, *театрализации* повествования. Переход к настоящему времени часто эксплицитно предваряется идентификационным указательным местоимением *вот*, как бы приглашающим читателя приблизиться, внимательнее всмотреться или вслушаться (см. выше “[в]от его везут” (57), “[в]от они выходят” (25), “[в]от и Ванванычу она говорит” (56) и т.д.).

Если в этой связи рассмотреть отдельные нарративные вре-

повествуемое время¹¹, то частота изменения их совокупности примечательно высока. Так, например, в седьмой главе романа (взятой лишь в качестве произвольного примера) на примерно 21 странице текста выявляются по меньшей мере сорок [sic!] нарративных флуктуаций, разнообразящих и усложняющих поток повествования. В известном смысле, этот общий *поток* превращается (для читателя) в совокупность отдельных самостийных *временных вихрей* внутри некоего общего течения (см. Илл.1).

Илл. 1. Структура повествовательного потока

менные параметры как систему {время глагола & повествовательная инстанция (в том числе время повествователя) &

¹¹ Например, Иван Иванович (повествователь, *Erzähler*) рассказывает из 1980-го года (время повествования, *Erzählzeit*) о событиях 1929 года (рассказываемое время, *erzählte Zeit*) в настоящем времени (*Tempus*).

Метафора вихревой организации повествования представляется в данном случае подходящей; ее источник – следствие организующей роли случая. В 2019-м году, в ходе одной из встреч с читателями своего романа *Jena 1800* Петер Нойман (Neumann 2018) следующим образом определил использованный им прием *Zeitverwirbelung* (дословно: *вихризации времени*) как сознательно им выбранный способ организации (ахронологического) повествования:

[А]хрония в этом контексте не означает, что хронология, т.е. упорядоченная, последовательная череда событий, как таковая отвергается. Ахрония проявляется, скорее, в вихризации времени, которую она производит, как режиме представления одновременности разных времен. Эти хронологические завихрения могут возникать как на макроуровне самого повествования, так и при изменении перспективы речи персонажа на микроуровне каждой отдельной главы. [При этом использование] настоящего времени обеспечи-

вает полиперспективный нарратив, который в сочетании речей разных характеров открывает ситуации, которые не только как события остались в прошлом, но и не могут быть реконструированы ни при каких обстоятельствах...¹² (Neumann 2019)

Примечательна в данном случае авторская рефлексия о сознательном выборе определенной нарративной стратегии для описания исторических событий, совпадающей с обнаруженной выше в тексте *Упраздненного театра*. Одна-

¹² „...Achronie in diesem Kontext nicht bedeutet, dass die Chronologie, also die geordnete, sukzessive Aufeinanderfolge der Ereignisse, als solche verabschiedet würde. Die Achronie erweist sich vielmehr in den Zeitverwirbelungen, die sie produziert, als Darstellungsmodus einer Gleichzeitigkeit verschiedener Zeiten. Diese chronologischen Verwirbelungen können sowohl auf der Makroebene der Erzählung selbst auftreten als auch im Perspektivenwechsel der Figurenrede auf der Mikroebene jedes einzelnen Kapitels. [Dabei] sorgt das Tempus Präsens für ein polyperspektivisches Erzählen, das im Gegeneinanderschalten verschiedener Figurenreden Situationen erschließt, die nicht nur bloß als Geschehen vergangen, sondern auch unter keinen Umständen rekonstruierbar sind...“

ко важно подчеркнуть, что у Окуджавы дробление на микроуровни не останавливается на уровне глав, но идет глубже, затрагивая отдельные абзацы и части предложений. В обоих случаях сочетании условной [а]хронологии на макроуровне с вихризацией времени на микроуровне подчеркивает невозможность реконструкции исторических событий, их документально-достоверного описания.

Следующей проблемой, с которой сталкивается создатель хроники, является основополагающая проблема необходимости языкового (само)выражения. В случае романа Окуджавы можно различить два связанных с ней основных аспекта: поэтическую маркированность текста (как признак его литературности) и тематизацию (на различных уровнях) проблемы языка как такового.

На высокий уровень поэтизации текста романа уже указывалось выше, например, при обсуждении начала романа, с просматривающимися в нем библейскими и/или фольклорными аллюзиями. Подобные примеры можно множить; дополнительно стоит указать лишь на необычную быстроту переходов от языка литературно-нейтрального к разго-

ворно-повседневному и/или высоко-поэтическому, часто имеющим место в пределах одного предложения, ср.:

А тут уж было рукой подать и до тесного и обжитого базарного трактирчика, где его уже ждали многолетние приятели вооон за тем столом, стоящим как-то боком к входным дверям и потому привычным почти как дом, как небо и судьба... (10)

Проблемы, связанные с языком как таковым, стоит рассмотреть подробнее. Их вне-текстовой предпосылкой является многоязычность описываемого пространства и вытекающее из нее первично-непроизвольное *остранение* реалий при их языковом обозначении и/или переводе.

В качестве примера можно разобрать случаи употребления в романе грузинского языка.

Грузинский язык в романе – это язык семейно-близкий, язык души и дружества. Привычность грузинского и чуждость русского для Степана Окуджавы проявляется в восприятии окружающими его грамотности, умения писать: “А он был грамотен настолько,

что легко, играючи выводил не только витиеватые картвельские письма, но с не меньшей легкостью орудовал и кириллицей [...]” (8–9). Экзотический и сравнительно мало распространенный грузинский шрифт (примеры см. ниже) предстает как свой и потому более простой по сравнению с графически более примитивной, но чужой русской письменностью.

Использованные в речи рассказчика или фигур выражения на грузинском языке вводятся в русский язык основной массы текста, причем каждый раз принимается новое и представляющееся в известной степени произвольным решение, что и в какой форме подлежит переводу. Факт иноязычности и необходимость разъяснения может быть промаркирован (указанием на более или менее подробную ссылку в конце страницы, в примерах помеченной как ‘→’), не обозначен (перевод, не указанный как таковой), а также проигнорирован (грузинские слова и выражения, оставленные без комментария):

Он сгрэбал заработанное и отправлялся бродить меж базарными рядами. С достоинством плыла

его потускневшая шляпа на фоне багровых туш и гор сыра, и арбузов, и пепельных чурчхел. Он склонялся над бочками с кудрявым джонджоли и едкой цицакой. Он задумчиво перебирал сухощавыми писарскими пальцами прохладные камешки рябоватого лобио и дышал ароматом сунели. Постепенно

наполнялась матерчатая домашняя сумка, и обход рядов завершался, как обычно, у тесной невыразительной, но знаменитой хлебной лавки, где из прокопченной, пышущей жаром торни (→ круглая глубокая печь) слетались к нему хрустящие пури (→ грузинский хлеб). (10)

Гмерто, Боже ты мой!.. (12)

Аппетитно дымилась долма (→ мясное блюдо, наподобие голубцов, с виноградным листом вместо капусты), розовело кахетинское вино, были овечий сыр и пахучая зелень, и горячий лаваш. (52)

Кроме того, некоторые переводы-объяснения, при внимательном их рассмотрении,

предстают как ненадежные. Так, данное в сноске объяснение, что словом *гуда* называется овечий сыр (214), не совсем верно. Словом *გუდა* обозначается пастуший мешок или бурдюк, в котором из (овечьего, коровьего или их смеси) молока изготавливается *бурдючный сыр* (*გუდის ყველი*), по-русски обычно именуемый “сыр гуда”. Наличие перевода не только не решает, но, в отдельных случаях, усугубляется языковую проблему созданием у читателя иллюзии понимания. Примером такого *маскирующего перевода* является описание истории самоубийства Степана Окуджавы:

А в заштатном *Кутаисе* папин отец Степан Окуджава в те давние годы в утренние минуты трезвости и раскаяния начал осознать, что мир рушится и его многочисленные дети причастны, оказывается, к этому разрушению. [...] И, глядя виновато на свою худенькую Лизу, [...] он пожимал плечами и произносил одно слово, как слово беспомощной молитвы: “Равкна... (→Что поделаешь... (груз.))”

Так с этим словом на устах он и кинулся в 1916 году с моста в желтые воды *Риона*, то ли проклиная, то ли оплакивая, то ли жалея. [...] И волны *Риона* сомкнулись над Степаном. (67–69)

Грузинскому шаблонному “равкна” в сноске дается соответствующий его повседневному употреблению русский перевод “что поделаешь”, как бы подтверждающий свойственную Степану) покорность судьбе и выраженный в одной из форм безличного предложения. Однако в сцене самоубийства ситуация меняется. Читатель, не знакомый с грузинским языком и полагающийся на данный перевод типичного для фигуры деда выражения, прочитывает описание самоубийства как акт беспомощного отчаяния и подтверждение его пассивной покорности обстоятельствам. Для читателя же, с языком знакомого, открывается – в зависимости от его готовности к *остранению* языковой формулы – потенциал двоякого прочтения. Выражение “равкна” подается в искаженной форме¹³ (чем усиливается его се-

¹³ Подобно *арминда* (არ მინდა, русс. не хочу) в “Чемузум... *арминда*... не

мантический вес); исходно грузинское რა ვკნა (примерно: ра вкна) представляет собой вопрос с глаголом в первом лице единственного числа, дословно переводимое как “что я могу с-/поделать?”. Перенос – при отказе от формульного восприятия – смыслового ударения на грамматическое действующее лицо (я) позволяет иначе трактовать обсуждаемую сцену: прыжок в реку из акта безвольного отчаяния становится прямым *сознательным ответом действием* на выделенный из языкового клише (*остраненный*) вопрос (что я могу сделать? ↔ покончить с этой постылой жизнью!). Кроме этого второго слоя прочтения, от читателя, далекого от грузинской истории, ускользает своеобразие использования топонимов: названия города и реки приводятся в устаревших и/или чужих в грузинском языковом пространстве формах (устаревшие русские *Кутаис* и *Рион* вместо грузинских и/или во время написания романа используемых *Кутаиси* (კუთაისი) и *Риони* (რიონი)). Подобным образом выделено название грузин-

хочу’, – торопливо переводит Ванванч с армянского на грузинский, а затем на русский” (115).

ской столицы: в романе постоянно (91 раз) говорится о Тифлисе (старое и русское название города), а грузинское Тбилиси (თბილისი) появляется лишь однажды, причем в сочетании, по сути, бессмысленно-ахроничном (при описании отца Ванваныча как “секретаря тбилисского горкома партии” (153))¹⁴.

Иногда на проблему непереводимости указывается (при внимательном чтении) более или менее открыто. Так, использованное фигурами обращение “генацвале” определяется в тексте как “журчащее, переливающееся и высокопарное” (61). Если первые два атрибута еще можно соотнести с восприятием произношения слова, но для понимания его *высокопарности* не хватает и данного несколькими страницами позже [!] перевода в сноске (73: “Шен *генацвале* (→ *Моя дорогая* (груз.)), *мама!*”). Это необычное качество получает объяснение,

¹⁴ До августа 1936 года город Тбилиси назывался Тифлис (Поспелов 2002: 412), и горком партии, в котором работал Шалва Окуджава (ср. Розенблюм 2013: 35–36) был, соответственно, Тифлиским. То есть использование в романе топонимов как бы поставлено с ног на голову: привычные домашние названия заменены чужими официальными, официальное искомое поведневно-привычным.

лишь если принять во внимание точный перевод формулы обращения გენაცვალე, а именно я (по)жертвую собой ради тебя.

Создание иллюзии понимания, смешение функциональных полей (бытовое vs. официальное использование), указания на невосполнимость потерь при переводе дополняются случаями вовлечения читателя в некую игру-угадайку, при которой ему предлагается из сочетания (в том числе языковых) реалий самому сделать соответствующие выводы. Датируемый 1922-м годом¹⁵ отъезд родителей в Москву на учебу сопровождается репликой одного из членов семьи “Теперь в Москве новый генсек, – сказал Миша, – он любит ‘киндзмараули’ и не любит возражений, учтите” (91). Указание на Сталина распознается читателем настолько легко, что ускользает от внимания содержащийся в описании политической ситуации анахронизм: слово *киндзмараули* (ქინძმარაული), служащее указанием на грузинское происхождение нового обладателя должности, является в данном контексте анахронизмом:

¹⁵ Ср., например, Розенблум 2013: 24–25 или 3 апреля как дату избрания Сталина Генеральным секретарем ЦК РКП(б).

начало производства вина этой марки (предпочтение которого приписывается пролетарскому вождю) датируется 1942-м годом (ср. Киндзмараули 2019). Радость угадывания намека сокращает дистанцию между читателями и текстом, но не повышает уровень документальности последнего.

В романе часто указывается на проблему индивидуального полиязычия как проблему взаимонедоступности и/или непереводаемости культурных пространств. С этим сталкивается уже Ванваныч, порой испытывающий затруднения с самовыражением в самых обыденных ситуациях: “Чему-зум... арминда... не хочу”, – *торопливо переводит* Ванванч с армянского на грузинский, а затем на русский”. (115)

Упоминаемый как часть арбатской жизни *французский* язык или непонятен, или воспринимается как язык чужой, а потому враждебный и/или разобщающий:

Ее [Ирины Семеновны – О.С.] угличская философия, не встречавшая сопротивления, зиждилась на уездных постулатах, по которым *все незнакомое объявлялось чуждым и опасным* и против чего следовало ну, если не

бороться, то по крайней мере протестовать... [...] Каминские говорили между собой по-французски. *Эти каркающие, непонятные звуки* тоже не радовали Ирину Семеновну... (23–24)

На кухне уже не распивается шампанское с благословения Яна Адамовича, и Юзя Юльевна тотчас *переходит на французский*, едва появляется Ирина Семеновна. И этот французский звучит уже не *легкомысленно и распевно*, а с *демонстративной жесткостью* и с плохо скрытой *иронией*. (45)

Но и язык русский выступает в романе не только как язык великой русской культуры¹⁶, а – в его партийно-бюрократическом изводе – и как инструмент идейной борьбы и разобщения:

Некоторые слова Ашхен уже хорошо знала: “Свобода”, “Классовая борьба”, “Смерть капиталу!” (53)

¹⁶ Ср. 101: “Ашхен с головой погрузилась в *русское море* и уже сносно объяснялась и читала запоем. [...] Это море представлялось ей *громдным и бескрайним*, и чем дальше, тем бескрайнее. Его *величие* поражало ее и захватывало дух”.

...здесь, в уральской тайге, где мы сидим за столом с вытянутыми лицами, почти утратившие вкус к южному застолью, раздавленные заботами великого строительства, *растерявшие навыки плавной, ленивой, празднolibивой речи, отрывисто лающие друг на друга на каком-то угрожающем воляпюке...* (215)

Примечательно, что в этой своей функции он вытесняет естественное семейное многоязычие, ср.:

Он отправляется играть в старый тифлисский дворик с Нерсесом и другими детьми, перемешивая армянские, грузинские и русские восклицания с той же самозабвенностью, с какой, перемешиваясь, витают вокруг него ароматы молодого чеснока, киндзы и грецких орехов, и лобио, и застоявшейся лужи под дворовым крапом, и выстиранного белья... (59)

и

“Ничего, ничего, – кричит Ваню, расплескивая вино, – я вас *вылечу, научу!* [...] – внезапно он перешел на *грузинский* и сказал Шалико: – Что делать, Шалико? Здесь, наверное, такой климат, что все время руки дрожат...” Мария сказала ему *по-армянски*: “Ты много пьешь, Ваню, оттого и дрожат...” – “Товарищи, – поморщилась Ашхен, – *давайте говорить на языке Ленина...*” (215)

Таким образом, неоднократно тематизированная полиязычность представленного мира понижает достоверность его описания, в том числе и за счет того, что часть представленных проблем оказывается скрытой от читателя, не знакомого с соответствующим языком, а часть подлежащего описанию не поддается представлению (как, например, *французская сфера* Каминских, закрытая от не понимающего сказанного Ванваныча и, соответственно, читателя). Следующим аспектом, сдвигающим роман с позиции исторической документальности в область литературного вымысла (не: обмана), является высокая степень его интертек-

стуальности (как признака литературности). Указания на автоинтертекстуальные связи романа с иными произведениями Окуджавы являются важной составной частью литературно-биографического анализа в соответствующих главах монографии Розенблюм (2013, гл. 4–6, 8). Но и ссылки на иные (литературные) произведения играют важную роль, как, например, в целой серии эпизодов, связанных с любовью Ванваныча к опере *Евгений Онегин*, особенно роли и арии Ленского. Приобщение к опере и многократное домашнее проигрывание эпизода дуэли (113–114, 129, 150) появляются как отголосок в истории с выстрелом (240); на новость про отъезд во Францию Жоржетты, воспринятой как предательство, Ванваныч реагирует почти бессознательным оперным пением:

Куда, куда, куда вы удалились, златые дни моей весны?.. Люлюшка хохочет. “Что случилось?!” спрашивает тетя Сильвия. “Мама, – хохочет Люлю, – он поет арию Ленского...” (137)

Хорошо знакомый мальчику текст подвергается при этом избыточному корректирова-

нию, приводящему к “более чем правильной” грамматике с искажением оригинала: в пушкинском *весны моей золотые дни* сняты обе инверсии, постпозиция притяжательного местоимения и предпозиция генетивного определения. Границы вымысла и реальности размывают многие использованные в *Упраздненном театре* темы и мотивы. Постоянно подчеркивается призрачность, зыбкость, неустойчивость окружающего, ср.:

Конечно, Ванванч ее любил. Больше было некого. *Далекий папа казался нарисованным и неправдоподобным. Призрачная мама* появлялась на мгновение, изредка, по вечерам, если он не успел еще уснуть, и, усталая после вдохновенного трудового дня, прижимала его к себе, но все *как-то отрешенно, судорожно, из иного мира*, продолжая думать о *чем-то* своем. (21)

Поженившись, они устроились *на шатком Олимпе, среди не слишком надежных облаков*, стараясь по возможности отрешиться от *настойчивых уколов действительности*. Да

разве это было в их силах? (80)

Под этим же углом могут быть рассмотрены и упоминавшиеся выше мотивы слепоты и театра (на разных уровнях), равно как размышления Ванваныча и Я об относительности ума и глупости (19, 21, 61, 113) или то обстоятельство, что значительная часть описываемых в романе событий, будь это роковые политические изменения, приведшие к распаду семьи и самоубийству деда Степана (13), обыск у Каменских (33–36) или обсуждение взрослыми голода на Украине (144), воспринимается как бы *сквозь сон* или происходит, пока рассказчик или иная фигура *спит*.

Таким образом, основными повествовательными приемами, использованными Окуджавой при написании семейной хроники *Упраздненный театр*, как создающими иллюзию сближения читателя и рассказчика, так и обеспечивающими создание дистанции между ними являются: основополагающая *полиперспективность* повествования, создаваемая мультиплицированием фигуры нарратора и введением дополнительных (фигуральных) перспектив; частое изменение пространственных

и временных параметров повествования, его *вихревой* характер; политемпоральность в сочетании с полифункциональностью при использовании глаголов настоящего времени; эксплицитная и/или имплицитная постановка под вопрос самой возможности языкового выражения прошлого и прожитого (в том числе за счет тематизации многоязычности описываемого пространства); сложная структура интертекстуальных, в том числе автоинтертекстуальных, связей и многогранное растушевывание границы вымысла и реальности на уровне тем и мотивов. Взятые в совокупности, они создают эффект комплексной *поэтической дери-вации*, невольно-сознательного искажения исторической достоверности, документальности описывае-

мого, иллюстрируют многогранную проблему его принципиальной (не)возможности в рамках художественного текста (как бы в полном соответствии с теми принципами написания исторического романа, которые были сформулированы в известном стихотворении автора, см. эпиграф). Эти *нарративные проблемы документальности* не связаны с общими жанровыми ограничениями или конкретными художественными решениями, но имеют более общую природу, которая может быть подвергнута сухому объективному анализу, что позволяет избежать первичной ловушки интуитивного читательского приговора.

Библиография

Бойко 2007: С. Бойко, “Мне одиннадцать лет...”: Культурная парадигма Булата Окуджавы в хронике “Упраздненный театр” // *Миры Булата Окуджавы*, под ред. О.А. Салынского, Москва, Соль, 2007, с. 84–93.

Быков 2009: Д. Быков, *Булат Окуджава*, Москва, Молодая гвардия, 2009.

Звягина 2007: М. Звягина, *Семейная хроника Б. Окуджавы “Упраздненный театр”: ‘память жанра’ и обновление традиции.* // *Миры Булата Окуджавы*, под ред. О.А. Салынского, Москва, Соль, 2007, с. 150–154.

Киндзмараули 2019: *Вино Киндзмараули — национальное достояние Грузии, формирующее уникальные впечатления.* Какой производитель лучше?, 22.02.2019, электронный адрес <<https://kaksamogon.ru/vino/marki-vina/kindzmarauli-vino.html>>, последнее посещение 08.03.2020 или *Киндзмараули – легенда грузинских вин*, б.д., электронный адрес <<http://winestreet.ru/article/champagne-guide/483>>, последнее посещение 08.03.2020.

Лотман 2000б: Ю.М. Лотман, *Культура и взрыв* // Ю. Лотман, *Семиосфера*, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 2000, с. 12–148.

Лотман 2000а: Ю.М. Лотман, *Внутри мыслящих миров* // Ю. Лотман, *Семиосфера*, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 2000, с. 50–390.

Окуджава 1995: Б. Окуджава, *Упраздненный театр*, Москва, Издательский Дом Русанова, 1995.

Поспелов 2002: Е. Поспелов, *Географические названия мира. Топонимический словарь*, Москва, Астрель АСТ, 2002.

Розенблюм 2011: О. Розенблюм, “Путешествие дилетантов” Булата Окуджавы: ‘прошлое’ и ‘документ’, «Новое Литературное Обозрение», 2011, 5, электронный адрес <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/5/puteshestvie-diletantov-bulata-okudzhavy-proshloe-i-dokument.html>, последнее посещение 23.08.2020.

Розенблюм 2013: О. Розенблюм, “...Ожидание большой перемены”: *Биография, стихи и проза Булата Окуджавы*, Москва, РГГУ, 2013.

Русский Букер: *Русский Букер. Литературная премия.* [Официальный сайт Премии Русский Букер]: электронный адрес

<<https://www.russianbooker.org/archive/1994/>>, последнее посещение 03.03.2020.

Словарь 1988: *Словарь иностранных слов*, Москва, Русский язык, 1988.

Уварова 2009: С. Уварова, *Метаистория Булата Окуджавы: Образ документа в романе “Путешествие дилетантов”*, Stockholm, Stockholm University, 2009, серия Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Russian Literature, 40.

Шекспир 1937: В. Шекспир, *Как вам это понравится*, пер. с англ. Т.Л. Щепкиной-Куперник // В. Шекспир, *Полное собрание сочинений в 8 томах*, Москва-Ленинград, Academia, 1937, с. 239–360, т. 1, комм. и прим. с. 758–760.

Neumann 2018: Neumann, Peter. 2018. *Jena 1800. Die Republik der freien Geister* (München: Siedler).

Neumann 2019: Neumann, Peter. 2019. *Jena 1800 – Epistemologien philosophischer Geschichtsschreibung* (Vortragsmanuskript in Form eines pdf-Files als Anhang zur privaten E-Mail vom 30.10.2019) [Рукопись манускрипта выступления в форме pdf-файла, приложенного к частному письму по электронной почте от 30 октября 2019 года].

Вадим Витковский

“Онегинские” черты в Поэме без предмета Валерия Перелешина

Traces of Pushkin's *Eugene Onegin* in Valerii Pereleshin's *Poem without a Subject*

In his autobiographical *Poem without a Subject* (1972–1976) the Russian poet Valerii Pereleshin (1913–1992) follows the path of one of the most famous Russian poems, *Eugene Onegin* by Aleksander Pushkin. Pereleshin spent most of his life in China, and his long poem (8400 lines, one of the longest ever written in Russian) might be called an *encyclopedia of Russian life in China* as the *Onegin* was an ‘encyclopedia of Russian life’ one hundred years before, as stated by Vissarion Belinskii. There are several poetical traits that show how Pereleshin follows Pushkin: long digressions, rhymes and neologisms, macaronic rhymes as well as prosaic footnotes.

Автобиографическая поэма Валерия Перелешина (Валерия Францевича Салатко-Петрище, 1913–1992) до сих пор печаталась только в Западном полушарии, где она и была написана и где провел последние тридцать лет ее автор, живший с 1953 года в Бразилии. Сначала ее печатал сам поэт на своей пишущей машинке (любовно именуемой “Маша”), потом она частями выходила в канадском журнале «Современник» (вышло шесть песен из восьми), и, наконец, целиком (хотя и с большим количеством опечаток) издали ее в New England

Publishers в Холиоке (США)¹. Трехтомник Перелешина, выходящий в Москве, пока ее издания не содержит, ибо до сих пор опубликованы (в 2018 году) первый том и две книги второго, но третьего еще нет, и неясно, когда он будет издан.

Таким образом, к числу известных произведений русской литературы *Поэма без предмета* пока не принадлежит, а между тем речь идет об одном из крупнейших произведений в этом жанре: во всяком случае, по объему, но и не

---

¹ Об этих публикациях см. Bakich 2015: 261–263.

только. Вот что писал сам автор о только что законченном труде, посылая его по почте одному из тех своих корреспондентов, кому он доверил десяток напечатанных им на “Маше” экземпляров: “Дома к Вашему приезду уже будет самая крупная в русской литературе поэма (почти вдвое длиннее *Евгения Онегина*), самая откровенная и самая строгая по форме (в учете упадка формы XX века). Думаю, что ни на какое другое литературное произведение поэма без предмета не похожа, хотя и написана в линии *Евгения Онегина* – отчасти (не везде) и в тоне Пушкина”². По причине того, что в моем берлинском архиве оказался два года тому назад этот самый экземпляр *Поэмы* и ряд писем Перелешина к тому же корреспонденту, по большей части на них и основывается моя статья³. Небольшим дополнением

² Письмо к Рудольфу Райнбаху от 22.5.1976.

³ Спустя всего несколько месяцев после публикации московского собрания (Перелешин 2018) подтвердилось предположение, высказанное в послесловии к нему Евгением Витковским (Витковский 2018: 380; написано в 2013 году). Выражаю – также и от имени ныне покойного моего отца – признательность нашим родственницам Глории Хассе и ее дочери Астрид Тайнер, обнаружившим осенью 2018

служат данные из биографии Перелешина, недавно изданной на английском языке Ольгой Бакич (Bakich 2015).

Несколько слов о только что упомянутой переписке, которая сохранилась практически полностью и, возможно, будет еще опубликована⁴. Рудольф Райнбах (1907–1985), с которым Перелешин переписывался (с небольшими перерывами) с 1971 по 1983 год, происходил из семьи московских немцев, которые приняли решение покинуть Москву в 1918 году и жили до 1939 года в Риге, а затем переехали в Германию. С 60-х годов Р. Райнбах жил в городе Ханау-на-Майне (недалеко от Франкфурта), в 1972 году вышел на пенсию (до того он работал в химической промышленности) и занимался, в частности, филателией. Обмен почтовыми марками и стал одной из причин его знакомства и переписки с Перелешиним, который был еще более страстным филателистом.

Другой причиной было то, что Р. Райнбах, владевший русским языком почти как род-

г. в Дармштадте переписку Р. Райнбаха.

⁴ 67 писем Р. Райнбаха В.Ф. Перелешину хранятся в архиве Лейденского университета (Нидерланды), см. Hinrichs 1997: 35 (№ 152).

ным, в 1970 году восстановил утраченные еще в 30-е годы связи с московской родней, а начиная с 1973 года неоднократно приезжал в Москву. В результате он стал посредником между жившим в Бразилии Перелешиним и своим двоюродным племянником Евгением Витковским (1950–2020), активно интересовавшимся еще с середины шестидесятых поэзией русского зарубежья⁵. Р. Райнбах (для русских родственников и друзей “Рудольф Альбертович”, “Руди” или “дядя Руди”) перевозил через границу и пересылал самое ценное для Перелешина и Витковского – книги и рукописи⁶.

Р. Райнбах стал одним из свидетелей рождения целого ряда стихов Перелешина (некоторые из них сохранились в архиве, иногда даже непосредственно в тексте писем поэта)

⁵ Кроме того, в 70-е годы Перелешин переписывался по ‘марочным делам’ и с отцом Евгения Витковского и двоюродным братом Р. Райнбаха, Владимиром Витковским (1903–1991).

⁶ См. об этих обстоятельствах также Витковский 2018: 379–380. Следует отметить, что почтовое сообщение между Западной Германией (ФРГ) и СССР и, тем более, между Бразилией и ФРГ было более регулярным и надежным, чем между Бразилией и СССР, правящие режимы которых относились друг к другу в то время крайне отрицательно.

и в том числе автобиографической поэмы, о которой мы будем здесь говорить.

Поэма без предмета была начата 2 января 1972 года⁷ и закончена 21 марта 1976 года в Рио-де-Жанейро⁸. Здесь с разной степенью подробности освещены разные годы жизни автора и события, коих за описанное время произошло немало. Поэт родился в Иркутске в 1913 года, впоследствии жил с родителями в Чите и был увезен матерью в основанный русскими на территории Китая и в значительной части ими же и населенный город Харбин в 1920 года, после чего больше никогда в России не побывал. Сознательная его жизнь разделилась на две половины: до 1952 года – в Китае (в основном, в Харбине и Шанхае), с 1953 года – в Бразилии (в основном, в Рио-де-Жанейро, где поэт

⁷ “Сегодня год моей поэме – / опять второе января” (*Поэма без предмета* II.37, ср. Bakich 2015: 194 со ссылкой на письмо Перелешина Ю.П. Иваску от 10.1.1973).

⁸ Указание на последней странице машинописи (ср. Bakich 2015: 195). Авторы статьи Капинос, Куликова, Силантьев 2017 сообщают, что Перелешин создавал *Поэму* “в конце семидесятых годов” (с. 88). Вызывает недоумение, как настолько неточная информация могла появиться в публикации, подписанной тремя докторами филологических наук.

умер и похоронен).

Поэма без предмета – действительно одна из самых длинных поэм на русском языке (хотя и не самая длинная, как полагал автор⁹): 8 песен по 75 строф каждая. Строфы – “онегинские”, следовательно, по 14 строк в каждой. Итого: 8400 строк¹⁰.

Об “онегинской строфе” Перелешин (еще до окончания работы над поэмой) писал тому же своему корреспонденту так:

Да, *Евгений Онегин* написан игривым тоном. Таким же тоном написана *Казначейша* Лермонтова (той же “онегинской” строфой). И я думал, что игривость – свойство самой строфы. Но несколько лет тому назад прочел поэму *Младенчество* Вячеслава Иванова (переизданную в США) и убедился, что игривость этой форме не свойственна, ибо у Вячеслава Великолепного нет ни малейшей игривости. Это самая чистая лирика, тонкие чувства, религиозная настроенность.

⁹ *Дневник в стихах* Николая Оцупа длиннее на несколько тысяч строк.

¹⁰ В *Евгении Онегине* несколько менее 6000 строк.

Моя *Поэма* то игрива, то задумчива – иначе и не может быть, поскольку пишется пятая тысяча строк. Тон меняется, как менялась сама жизнь¹¹.

“Онегинская строфа” по форме напоминает сонет как количеством строк в ней, так и переменами в рифмовке. Однако, если Пушкин написал в жизни всего несколько сонетов, то для Перелешина сонет был основной формой, которой он пользовался – им написаны сотни сонетов. Написав *Поэму без предмета*, он, однако, стал автором сопоставимого числа “стихотворений” (строф), только отчасти похожих на сонет. Сначала писать их было, видимо, нелегко – приходилось следить за тем, чтобы не “сбиваться на сонет” (*Поэма без предмета* I.2), как на это указывает автору... не кто иной как его Муза, потребовавшая от него как-то солнечным бразильским утром: “Пиши онегинской строфой!” (*Поэма без предмета* I.1) Одну строфу Перелешин — случайно или намеренно – написал (или оставил) в виде сонета:

¹¹ Письмо к Р. Райнбаху от 28.5.1975. Стоит отметить, что по сходным причинам далеко не всегда игрив тон и в самом *Онегине*.

В Париже группировки,
кланы,
литературные кружки:
подружки млеют и
дружки,
взаимным восхищением
пьяны.
Там видятся большие
планы,
там анемичные стишки
о счастье, остром до тос-
ки,
превознесут терапианы.
Там не запьешь, не за-
хандришь:
рукой Бакуниной телес-
ной
от сплина вылечит Па-
риж.
Преславный город, рай
небесный,
зачем не ты открылся
мне?
Увы, я вырос в Харбине
(Поэма без предмета
I.25)

Разумеется, перелешинская
Муза не может не рассердить-
ся на столь явное пренебре-
жение ее основным формаль-
ным требованием к поэту:

“Сонет?” – раздался
окрик Музы
(признаться, я забыл о
ней), –
“ужелидо такой обузы
я дожила на склоне
дней?”

Ты стряпаешь сонеты
ловко:
чиста, естественна риф-
мовка,
но весь испортил ты
урок:
две рифмочки на восемь
строк! ...” (Поэма без
предмета I.26)¹²

Но сходства с *Евгением Онеги-
ным* не исчерпываются стро-
фикой: многочисленные от-
ступления и авторские приме-
чания постоянно напоминают
читателю о том, что *Поэма без
предмета* основана преиму-
щественно именно на этом
произведении.

Отступления, как и у Пушки-
на, составляют особую “изю-
минку” *Поэмы*. Правда, Пере-
лешину не приходится вести
столь тонкую игру, то отожд-
ествляя себя со своим глав-
ным героем, то отделяя себя
от него же. Однако Переле-

---

¹² В “онегинской строфе” на первые
восемь строк приходится четыре
рифмы, тогда как в сонете – только
две. Перелешин, по мнению его Му-
зы, “сбивается на сонет” в строфе I.2
(см. выше), когда рифмует 5-ю и 6-ю
строку так, как были срифмованы 1-я
и 3-я строки в той же строфе (полу-
чается три рифмы вместо четырех, а
могло бы оказаться и только две, ес-
ли бы “окрик Музы” не помешал
срифмовать 7-ю и 8-ю так, как были
срифмованы 2-я и 4-я). В остальном
же строфа I.2 не имеет таких сходств
с сонетом, как I.25.

шин пишет в необычном для себя жанре, и тот герой, о котором он говорит, далеко не тождествен его “лирическому” Я, а потому как бы отделен от поэта Перелешина. Ведь не всегда похож на самого поэта, каким он привык быть в собственных стихах и к какому привыкли его читатели, этот его герой, потомок польско-литовских шляхтичей, заявляющий о себе “Так, Беларусь моя отчизна!”¹³ (*Поэма без предмета* I.п), посвящающий множество строф монашеской жизни и интересующийся женщинами, кажется, не меньше, чем мужчинами¹⁴. В

¹³ Ошибка Василия Бетаки, написавшего в книге *Русская поэзия за 30 лет (1956–1989)*, что Перелешин родился в Белоруссии (см. Витковский 2018: 398), основана, вероятно, на этом тексте (“отчизна” – слово, кстати, польского происхождения, в отличие от “отечество” – здесь именно в значении “родина отцов, предков”). Перелешин в Белоруссии никогда не бывал.

¹⁴ О “романах с мужчинами” в жизни и поэзии Перелешина достаточно подробно пишут Bakich 2015; Капинос, Куликова, Силантьев 2017; Мэн 2018; Витковский 2018. Эта тема в *Поэме* присутствует в большей степени как тема автора (“Хотя зачем-то я пишу / про беспокойного левшу”, VIII.68; “левша” – перелешинский эвфемизм, часто используемый им для обозначения гомосексуалиста; “Простит ли мне собрат Чайковский...?”, II.36 и др.), но не как важнейшая

то же время общих черт у них больше, чем различий. Но, разумеется, соотношение автора и героя в *Поэме* нуждается в отдельном и более подробном исследовании¹⁵.

Отступления количественно занимают у Перелешина еще больше места, нежели в *Онегине*. Чаще всего автор переносит взор из описываемого им прошлого в настоящее, то есть из тридцатых-сороковых в начало семидесятых. Так, в третьей песне герой поэмы едет в поезде из Харбина в Пекин (действие происходит в 1939 году), и, пока продолжается эта довольно долгая поездка, автор позволяет себе поговорить о том, что волнует его в совсем другую эпоху. Речь идет о русской поэзии, точнее говоря, о поэзии советской (на русском языке). И говорит автор как бы не сам, а перелагая стихами прозаиче-

часть жизни (за исключением, может быть, шестой песни) или, скажем, моральная проблема его героя. (Несколько даже экзотично смотрится такое заявление: “Пока я сдуру бредил бабой / и в каждую влюблялся грудь”, VI.ю, ср. стихотворение Перелешина *Женщина*, цитируемое у Мэн 2018: 532–533, где женщина не может увлечь мужчину *никакими средствами*). Впрочем, и здесь, и в темах монашества и генеалогии нелегко бывает отделить героя от автора.

¹⁵ Ср. еще ниже о Богдане Стрельцове как *alter ego* поэта.

ские записи своего знакомого, единомышленника и тоже поэта Богдана Стрельцова (жившего в то время, насколько можно судить по тексту поэмы, в Мексике). Сначала автор обосновывает невозможность обойтись в этом месте без длинного отступления.

Нельзя без рифмы полустертой,
ведя эпический рассказ,
дойти до пятьдесят четвертой
строфы второй и третий раз.
Но тянутся равнины лёсса,
стучат вагонные колеса,
пыхтит усердный паровоз,
а в сердце дыбится вопрос:
как радужными облакам
качаньем, дымом, сквозняком,
прогулками за кипятком,
зевками, харканьем,
плевами,
бездельем дремких вечеров
заполнить ровно двадцать строк?
(Поэма без предмета III.54)

Чтобы строк осталось до конца песни действительно “ровно двадцать” (каждая песня, как уже сказано, состоит из

семидесяти пяти), нужно потратить еще одну строфу на вступление, где указывается “авторство” предстоящего отступления:

Теперь, читатель, с чемодана
глаз не сводить тебя прошу,
пока филиппику Богдана
в рассказ лоскутный не впишу.
(Поэма без предмета III.55)

Написав третью песню до конца, Перелешин указывает в примечании к последней строке: “Запись о поэтах-построчниках, ныне включенную в нашу Поэму, Богдан Стрельцов сделал в автобусе между Кабулом и Гератом 7 августа 1972 года”¹⁶.

Вот две строфы из этого отступления. Первая – о советской “творческой интеллигенции”:

От полноты самоотдачи,
от превосходных степеней
зависели квартиры, дачи
и тиражи (всего важней).
Надели милые оковы
Демьяны Бедные, Сурко-

¹⁶ О частых путешествиях Богдана Стрельцова по разным странам и континентам Перелешин упоминает в Поэме неоднократно.

вы,
Твардовские, Пастернаки,
Кирсановы и Маршаки.
Пополз Прокофьев недвуличный
к рабовладельцу на порог
облобызать его сапог,
а Симонов дипломатичный
протиснулся – бочком,
бочком –
за вождленным орденком. (Поэма без предмета III.58)

Советским авторам противопоставлены поэты зарубежья:

А мы, бездомные полвека,
ответим платным крикунам,
что честь и званье человека
не им принадлежит, а нам,
что мы скитались по чужбинам,
но не был нашим господином
ни “гуманист”, ни “корифей”,
ни котелок тюремных щей,
что всё Россия подытожит
и свой объявит приговор:

им – премий сталинских набор,
а нам – бессмертие (быть может)
за то, что пели мы в тоске
на незабытом языке.
(Поэма без предмета III.61)

Но и поэтам эмиграции достаются не только дифирамбы, но и насмешки, притом не всегда безобидные. Большое отступление в начале второй песни связано со смертью Георгия Адамовича (1892–1972)¹⁷, которого Перелешин считал лучшим русским поэтом из тех, кто был еще жив в начале семидесятых. Теперь предстоит выбрать ‘нового папу Римского’, и выборы описываются по образцу того, что происходит в подобном случае в Ватикане: “конклав” поэтов выбирает нового “папу” из числа “кардиналов”. Этому описанию с колоритными высказываниями называемых прямо по именам авторов посвящено пять строф (II.4-8). Вот как представлено наиболее оживленное обсуждение ‘кандидатур’:

¹⁷ Адамович скончался в Ницце 21 февраля 1972 года. К этому времени Перелешин закончил первую песню *Поэмы*, начатой 2 января.

Тут, восемь стульев
опрокинув,
кукушкой Чиннов закричал:

– “Иваск – наш папа!” –
“Папа – Чиннов,”

петух Иваском отвечал.
До света разрешала стая
судьбу ключей и горно-
стая:

– “Фесенко!” – “Струве!” –
“Трубецкой!”

– “Ну, он делец!” – “Еще
какой!” –

– “Евсеев!” – “Моршен!” –
“Туроверов!” –

– “Неймирок!” – “Эллис!”
– “Воробьев,

поющий слаще соловьев!” –

– “Скорей один из офицеров:

защитником стихов и
вер

быть может только офицер!”
(Поэма без предмета II.6)

Отметим, что Перелешин “скромно” устраняется от упоминания себя самого (а значит, и критики в свой адрес), ссылаясь на то, что “В конклаве ‘юный до отказа’, / я не был выкликнут ни разу...” (Поэма без предмета II.8)

Подобно Пушкину – и вновь еще в большей степени, чем его великий предшественник, – Перелешин любит погово-

рить о лингвистической стороне поэзии, особенно же о рифмах и неологизмах¹⁸.

Проблема рифмовки уже упоминалась в связи с переходом Перелешина от сонета к “онегинской” строфе. В Поэме есть и немало других мест, где то мимоходом, то достаточно обстоятельно обсуждается эта важная поэтическая тема. Перелешин был чрезвычайно горд тем, что в Поэме нет “ни одной ‘грязной’ рифмы, ни одного рифмоида – все рифмы строже, чем при Пушкине”¹⁹.

Вот типичные примеры критики:

Признаюсь – и не покраснею:

“весну” мы рифмовали с
“нею”...²⁰

Рифмуют нынче поэтиному:

кто “могикана” с “мотыльком”,

¹⁸ Ср. “ведь на исходе стольких строф / нет новых рифм и старых слов” (Поэма без предмета IV.50); “простые рифмы на исходе, / истерты лучшие слова / от недостатка мастерства” (V.1).

¹⁹ Письмо к Р. Райнбаху от 26.2.1976. В какой мере эти оценки объективны или содержат преувеличения, подлежит еще выяснению, но они ясно показывают, что именно сам автор считал наиболее важным в своем произведении.

²⁰ То есть слово “весна” рифмовалось со словом “она”.

кто “щиколотку” со
 “щенком”,
 кто “сколопендру” и “со-
 лому”,
 кто “Перелешина” с “Пе-
 ру”,
 кто “крокодила” с “кен-
 гуру”. (*Поэма без пред-
 мета* VI.10)

У Вознесенско-
 Евтушенских
 хоть нет коней, да есть
 коньки:
 без новых краестрочий
 женских
 они не станут в тупики.
 Ведь их утешит и устро-
 ит
 любой чахоточный риф-
 мoid:
 “любовь” и “ноги”, “тон”
 и “нос”,
 “апаш – клопа”, “масон –
 разнос”. (*Поэма без
 предмета* IV.41)

А вот и самокритика (хотя и
 более мягкая, чем критика),
 причем в связи с теми же
 “трудными” женскими рифма-
 ми (и также не обходящаяся
 без упоминания нелюбимого
 Е. Евтушенко):

Устал и я от слишком
 точных
 октав четырнадца-
 тистрочных:
 нежизнетворна и слаба

моя ненужная мужба,
 хоть и без прыти евту-
 шенской
 рифмуются “чиста, меч-
 та,
 уста, креста”, но трудно-
 та –
 ужекрученье в рифме
 женской:
 кручусь, но даже для ужа
 нет запасного падежа!
 (*Поэма без предмета*
 VIII.70)²¹

И, конечно, не обходится без
 аллюзий на знаменитое пуш-
 кинское

И вот уже трещат моро-
 зы
 И серебрятся среди по-
 лей...
 (Читатель ждет уж риф-
 мы розы;
 На, вот возьми ее ско-
 рей!) (*Евгений Онегин*
 IV.42)

Вот некоторые примеры:

²¹ Слово “мужба” подчеркнуто в ма-
 шинописи самим Перелешиным. “Че-
 тырнадцатистрочные октавы” пред-
 ставляют собой, согласно авторскому
 примечанию, “последнюю автореми-
 нисценцию”: автор подразумевает 4-
 ю строфу пятой песни, где, однако,
 им самим указано (также в примеча-
 нии), что этот “термин” приписыва-
 ется “слабому стихотворцу Сергею
 Наровчатову”.

... и молвил: – “Приходите чаще”.

Любовь? Мольба? Упрек-ремень? –

ведь приходил я каждый день,

но слов я не припомню слаще,

и да простит меня поэт:

на “аще” рифмы больше нет (*Поэма без предмета* III.23)

... украсивший к исходу лета

страницу в милом “Рубеже”

(тут рифма – старая уже)

(*Поэма без предмета* III.25)

... а у Наташи в будуаре,

переупрямливая грусть,

он Анненского наизусть читал, когда бывал “в ударе”

(вторичный нужен мне “удар”

для рифмы к слову “будуар”) (*Поэма без предмета* VII.58)

И вдобавок, через несколько строф:

... искал повсюду, худ и хмур,

нещедрых займов для микстур,

хрипел, метался, как в

угаре

(я кстати вспомнил про “угар”

и третий обошел “удар”)

(*Поэма без предмета* VII.62)

А вот место, где Перелешин решается покритиковать и самого Пушкина, причем выбирает строчку непосредственно из *Онегина*: “Вперед, вперед, моя история!” (VI.4):

Вперед, вперед, моя повозка!

(“Исторья” – Пушкин обронил,

а Струве “радьо” притащил

в паноптикум фигур из воска:

слов-дикообразов, слов-скопцов,

слов-кактусов, слов-мертвецов) (*Поэма без предмета* I.44)

Здесь мы переходим уже к теме неологизмов, отношение к которым у Перелешина было неоднозначное. Вот пример позитивной оценки. Рассмотренное выше отступление в конце третьей песни содержит подробнейший разбор вопроса, имеет ли право на использование в русском языке слово “построчник” и, в связи с этим, чем оно отличается по

значению от сходного с ним слова “подстрочник”. Слово “подстрочник” является, как признают и Стрельцов, и Перелешин²², изобретением самого Стрельцова, но изобретением, с точки зрения их обоих, вполне законным:

А все-таки не побежденным
авторитетной чепухой,
ощеренно необновленным
останется Богдан лихой
и своего неологизма
не сверит с курсом ленинизма:
ведь каждый истинный
певец –
слов непредвиденных
творец.
Итак, замолкни, Бархударов!
Покойный Ожегов, молчи!
Шапиро, молний не мечи!
Стрельцов не дрогнет от
ударов:
незыблемы, как дважды

²² Может быть, кое-какие мысли Стрельцову приписаны Перелешиным без особых оснований (и не только здесь), но из этого человека сделан ведь вообще некий *alter ego* (опять-таки под стать Онегину у Пушкина – ср., кстати, и путешествия!), не напрасно он назван в одном месте “мой двойник” (VIII.57).

два,
его словесные права
(Поэма без предмета
III.69)

Объяснив в двух следующих строфах (III.70–71) литературный феномен подстрочника (“перевод корявый / с неведомого языка”), автор показывает, что “подстрочники” – явление не менее советское, но совершенно другое:

Иное дело – Евтушенки
и Лебедевы-Кумачи,
отцеживающие пенки
с помоев, кала и мочи.
Их замыслы предельно
пусты:
погублен урожай капусты,
но у колхозного раба
отнимет партия хлеба...
(Поэма без предмета
III.72)

И далее:

И пишут за полночь, зевая,
исходят потом и слюной:
тридцатая, сороковая
строфа, где можно бы
одной
отделаться: “итак”, “а
впрочем” –
(ведь мы не попусту хлопочем) –
“и все-таки” (а сколько

строк?) –
“а может быть” (еще зевок:
четырнадцать рублей с полтиной).
Нагрузку выполнив, поэт уляжется, погасит свет, поэме радуясь предлинной:
он променял словесный дар
на орден и гонорар...
(Поэма без предмета III.73)

Но защита частного неологизма (во вполне пушкинском духе) не означает, что Перешин перестает быть большим консерватором-пуристом (Ср. Витковский 2018: 393). Вот типичное для него отступление в двух строфах, критикующее ‘новомодные’ словечки:

Как с истиной сживусь печальной?
К тому досель я не привык,
что гибнет наш много-страдальный,
наш изумительный язык.
Зато, решительно отринув
“сексотов”, “самбо”,
“наркомфинов”
и оттолкнув одним щелчком
“комбригов”, “учпедгиз”,
“ревком”,

хвалю бразильскую свободу,
опять позволившую мне,
в изгнании русскому вдвойне,
внимать неближнему народу,
хотя и так за рубежом язык мы лучше бережем.
Есть у меня в прихожей шкаф,
где, чтоб не лезли из людской,
грустят словечки “пресса”, “траффик”,
уволненные на покой.
Общественный – не “социальный”,
желательный – не “идеальный”,
и дама не “дезабиле”,
а попросту в одном белье, –
слова, достойные гостиницы,
исконно русские слова:
отстаивая их права,
струенье музыки старинной,
я падаю – насилье, сгинь!
–
к ногам обиженных княгинь (Поэма без предмета VI.7–8)

Еще одним приемом, постоянно напоминающем об *Онегине*, являются ‘макаронические’ вставки, позволяющие покрывать дефицит рифм, на

который постоянно жаловался Перелешин²³, не выносивший малейшей неточности в рифмовке²⁴. В результате вольно или невольно возникают подражания пушкинским “васисдас”, “entrechat” и “valeur”, помещенным в *Онегине* в конце строк и рифмуемым с обычными для русского языка формами. Но Перелешин пользовался не только главными европейскими языками. Вот примеры:

Английский:

Он изучал – шутя, для
hobby
(рифмуется с пустыней
Гоби)... (*Поэма без пред-*

²³ “Добрался я до 1941 года и своей жизни в Пекине. Остается еще ‘срифмовать’ тридцать пять лет жизни, перемен, событий, встреч. Рифмовать уже становится трудно: в русском языке разнообразие рифм огромное благодаря разнообразию окончаний падежей и лиц, но и это богатство подходит к концу” (письмо к Р. Райнбаху от 4.4.1975). “Надо ... вернуться к поэме. События 1945-го года – отступление. Как только закончу рассказ о смертях и увозах на каторгу, примусь рассказывать о моем первом плавании через океан. Сразу переменятся декорации – и возникнут новые рифмы, то есть не ‘новые’ (ибо я их не изобретаю, а отыскиваю в языке), но еще не использованные в поэме” (письмо к Р. Райнбаху от 26.2.1976).

²⁴ О рифмах в *Поэме* см. выше.

мета II.20)²⁵

На метеоре, ей-же-ей,
прочел я: “made in
U.S.A.”... (*Поэма без
предмета* II.58)

Французский:

И это был не плотский
транс
(honni soit qui mal у pense)
... (*Поэма без предмета* IV.37 (“да будет стыдно тому, кто подумает об этом дурное”))
Я дверь бы отпер Вилли
Хьюзу
(Жозе Вильене, entre
pous),
но раздражительную
Музу –
старушку вижу я одну
(*Поэма без предмета* VIII.18 (“между нами”))

Польский:

Порой молитвенник dla
kobiet
мне попадается. Тогда
раскаянье меня коробит,
и жжет пощечина сты-
да... (*Поэма без предмета* II.14 (“для женщин”))
А после – зычный гул
органа,

²⁵ Это еще один случай из серии “читатель ждет уж рифмы розы”, см. выше.

размеренное “Ojczе
nasz”,
и жизнь, ушедшая в ми-
раж... (Поэма без пред-
мета II.15 (“Отче наш”))

Греческий:

Два языка звучали вме-
сте,
когда гремели хор и звон
“Христос анести эк
некрон”
в ответ на клич “Христос
анести!” (Поэма без
предмета V.18 (“Христос
воскрес из мертвых”,
“Христос воскрес”))

Китайский:

Зато купил я за гроши
И “Сань-бай-шоу”, и
“Цянь-цзя-ши”... (Поэма
без предмета VI.31)²⁶
“... Виновны Горький да
Ба Цзинь.”
(На это я скажу: аминь!)
(Поэма без предмета
VI.70)²⁷

---

²⁶ Согласно авторским примечаниям, “Триста стихотворений поэтов Танской династии” и “Стихи тысячи поэтов”.

²⁷ Авторское примечание поясняет, что “Ба Цзинь – известный писатель, анархист. Псевдоним себе он образовал из фамилии Бакунина: Бакунин – Бак-ин – Ба-Цзинь”.

Китайских слов, в том числе стоящих в конце строки, в Поэме множество (особенно, пожалуй, в шестой песне)²⁸, а порой китайские слова рифмуются даже друг с другом:

Чтоб, зорко оглядев за-
дворки,
о древней вспомнить по-
говорке:
“Есть рай вверху (шан ю
тянь-тан),
есть и внизу (ся ю Су
Хан) ”... (Поэма без
предмета VI.51)²⁹

Есть и “китайско-английская”
рифма:

Едва ли это “чуй-ню-би”:
теперь всё дело в F.R.V.!
(Поэма без предмета
VI.74)³⁰

---

²⁸ Другие примеры см. у Капинос, Куликова, Силантьев 2017: 90-91. Как справедливо замечают авторы (с. 91), “китаизмов в Поэме без предмета так много, что с ее помощью можно овладеть несколькими десятками китайских слов”.

²⁹ Перелешин свободно говорил и писал (в том числе стихи) по-китайски и много переводил с этого языка (в конце Поэмы – VIII.75 – он гордо называет себя “Соучастник ‘Дао-дэ-цзина’”, что рифмуется со словом “причина” и является последней ‘макаронической’ рифмой во всем произведении).

³⁰ Эти строки, конечно, требуют авторского примечания: “‘Чуй-ню-би’ –

Японский:

И есть еще читатель в мире...
Прочел бы он поэму до строфы... и сделал характеристики по предписаниям бусидо (Поэма без предмета VIII.60. “Бусидо” – “японский рыцарский кодекс” (примечание автора.))

Португальский:

– “Живется только mais ou menos, сбежал бы, да куда я денусь?” (Поэма без предмета II.71 (“более или менее”))
А вот, напев еще печальней, знакомый блоковский угар, но проще и сентиментальней:
“Eu vou beber, eu vou jogar” (Поэма без предмета VIII.8 (“Я хочу пить, я хочу играть.”))

Испанский:

дутье в коровье вымя, безответственная болтовня. F.R.B. (Federal Reserve Bank) – сокращенное название денежных знаков национального правительства”.

И пленники с моим “à Dios!”
шли веселее на допрос.
(Поэма без предмета VIII.32)

Латынь:

Листки, корежьтесь и дымитесь!
Пока поднимется Господь,
Я прочитаю Nunc dimittis,
на кресле размещу милоть... (Поэма без предмета VIII.67 (“Ныне отпускаеши”))

А вот латынь с английским:

Второй в цепи – смазливый dandy,
С него и взятки гладки, но –
сознание третьему дано, а все же modus'a vivendi со смертью он шутя достиг
(когда-то первый ученик). (Поэма без предмета VIII.48)

Этот список можно без труда продолжить.

Использование описанного приема в юмористических целях может в частном случае быть и прямой аллюзией на намеренно неожиданную

рифмовку у Пушкина. Сравним:

Как ваше имя? Смотрит он
И отвечает: Агафон. (*Евгений Онегин* V.9)
“Your name?” – писать собрался врач,
на что она (помилуй, Боже!)
"глядит за здешнюю черту"
и отвечает: “Forty-two”³¹.

Еще одной чертой, заимствованной из *Онегина* и вновь применяемой чаще, чем в классическом ‘претексте’, являются авторские примечания, на которые нам уже не раз приходилось ссылаться. Нравились они не всем читателям – известно, что друг Перелешина Петр Лапикен оценивал их как “ужас”³². Однако

³¹ *Поэма без предмета* V.28 (“Ваше имя?”, “Сорок два”). Согласно примечанию к строке “глядит за здешнюю черту”, это “автореминисценция: строка из моего стихотворения *Южный ветер*”.

³² Vakich 2015: 196 со ссылкой на письмо Лапикена Перелешину от 10.12.1978. Примечание о самом авторе этого отзыва выглядит так (*Поэма без предмета* I.46, прим. 23): “Петр Петрович Лапикен, писатель, ныне (1972) преподающий в одном из североамериканских университетов” (выглядит как будто не слишком ‘ужасно’).

они, помимо основной, пояснительной, функции, играют и роль художественного дополнения, когда проза высказывает то, чего поэзия сказать не хочет, а порой не в состоянии. Порой, казалось бы, нет необходимости объяснять, но проза уместно и даже эффектно дополняет собой стихи:

А поджидали дурака
из разжиревшей белой
банды,
одетой в сукна и меха,
картофельная шелуха
и чашка лагерной балан-
ды,
да обусловленный виной
срок безнадежный –
“четвертной”. (*Поэма без
предмета* VII.7 (прим.
10))

Примечание к последнему слову: “Двадцать пять лет концентрационного лагеря”. Строфа кажется неполной без этого примечания (пусть и звучит оно, пожалуй, и впрямь ‘ужасно’).

Порой мы видим, как далек был все же Перелешин от советской действительности, хотя постоянно соприкасался с ней, так много о ней слышал, думал и говорил. “В ударении в слове ‘Воркута’ я не уверен. Если ‘Ворку́та’, то надо это слово поменять местами с гла-

голом ‘есть’³³. В следующем же примечании (*Поэма без предмета* V.66 (прим. 74)) о том же говорит – но и звучит пророчеством! – упоминание Свердловска под его старым именем; о В.А. Серебрякове говорится здесь: “В настоящее время (1975) проживает в Екатеринбурге”³⁴.

Но и ‘просто пояснения’ бывают потрясающе интересными:

Китайская идеограмма “ин” (Ин-го – Англия) пишется с ключевым знаком “трава” и означает “цветущее растение”. Во время войны японцы присоединили добавочный ключевой знак – “чжу” (свинья) или “цюань” (собака). Эти же “ключевые знаки” писались при названии США (Мэй-го – Прекрасная страна). Как писалось тогда слово “Нидерланды”, не помню. Названия союзниц – Германии, Италии, петеновской Франции изменений не претерпели (*Поэма без*

предмета IV.61 (прим. 55)).

В одном из примечаний упоминается еще одна поэма Пушкина – *Полтава*. Повод вновь ‘лингвистический’: говоря о годах Гражданской войны (российской), которая становится продолжением Первой Мировой (“европейской”), Перелешин пишет:

Меж тем к России и Европе
приложен мощный был рычаг,
и понеслись в калейдоскопе
Сибирь, союзники, Колчак... (*Поэма без предмета* I.23)

В примечании к первой строке говорится: “Строчка с тремя ‘и’ кряду встречается в *Полтаве*: ‘Враги России и Петра’. Расе, Елагин”. Перелешин ведет здесь спор с другим поэтом русского зарубежья Иваном Елагиным (1918–1987), считавшим, очевидно, такое “зияние” недопустимым в поэзии. Перелешин этим замечанием, однако, не ограничивается, но “развивает наступление” – в полемике с Елагиным, но и в соревновании с самим Пушкиным! – в той же песне, сочиняя такие строки: “Он на

³³ *Поэма без предмета* V.65 (прим. 73). В строке все же правильно: “есть Воркута, Нарым, Тагил”.

³⁴ То же и в предыдущем (прим. 72): “Николай Щеголев умер в Екатеринбурге 15 марта 1975 года”.

рояле подбирал / мелодии и их играл”. (*Поэма без предмета* I.36).

Здесь, разумеется, тоже не обходится без авторского примечания: “А четыре ‘и’ кряду – это уж чтобы ‘забить’ Пушкина! Посвящается Ивану Венедиктовичу Елагину”.

Упоминание *Полтавы* указывает на то, что эта пушкинская поэма, написанная, правда, не совсем “онегинской” строфой, но тоже ‘длинными’ строфами (длина их разнится) и четырехстопным ямбом, была в уме у Перелешина, когда он создавал свою поэтическую автобиографию. Очевидно, включение автобиографических данных в историческую канву тридцатых-сороковых годов, когда в Китае, а потом и в других местах начались большие войны, заставляет Перелешина обращать свой взор к *Полтаве*, ибо мирная жизнь персонажей *Онегина* далеко не всегда позволяла поэту, жившему в XX веке, ограничиться этим произведением как ‘пре-текстом’. Не останавливаясь подробнее на этой теме, процитируем здесь всего одну строфу из седьмой песни *Поэмы без предмета*³⁵, где гово-

³⁵ Краткая характеристика этой песни дана Перелешиним в письме Р. Райнбаху от 26.2.1976: “Шесть песен послано в Россию ‘дружелюбной да-

рится о наступлении армии Мао Цзе-дуна против Чан Кай-ши:

Дрожит китайская равнина:

всё неотступней, всё грозней

кроваво-красная лавина прокатывается по ней.

Харбин, Чанчунь, Мукден – и вскоре

“Застава Первая” при море,

затем Тяньцзин, Фынтай, Пекин,

Цзинань, Сюйчжоу, Чу-лань, Наньпин...

Везде бежали без оглядки

прославленные храбрецы:

бежали взрослые бойцы,

бежали дети и солдатки,

захватывали поезда и наводняли города.

(*Поэма без предмета* VII.11)

Однако здесь мы уже отошли (впрочем, вместе с автором

ме’ (Лидии Хаиндровой), а седьмую послать ей нельзя: это сплошной вопль ненависти к большевикам и неисцелимой боли”: большую часть песни (строфы 25–70) занимает пространное отступление: рассказ матери Перелешина о драматических и трагических событиях в Харбине после его захвата советской Красной Армией в августе 1945 года.

поэмы) от *Онегина* и, похоже, пора заканчивать. Уже ясно, что пушкинские ‘большие формы’ были той основой, на которой Перелешин создавал свою “энциклопедию русской жизни” – жизни Русского Китая двадцатых-сороковых годов XX века. Именно так смотрели на это произведение уже самые первые его читатели, которым посылал автор отдельные песни по мере их написания. Закончим вновь цитатой из письма Валерия

Перелешина Рудольфу Райнбаху (от 28.5.1975): “У Евгения Владимировича (Витковского) должны быть первые три песни моей Поэмы без предмета. Когда-то он писал мне, что по этой поэме будет изучаться история русской поэзии за рубежом (в Китае) – больше, чем по всяким статьям и мемуарам”.

Библиография

Витковский 2018: В. Витковский, *Апостериори* // В. Перелешин, *Собрание сочинений в трех томах*, Москва, Престиж Бук, 2018, Т. II, книга 2: *В час последний*, с. 365–401.

Капинос, Куликова, Силантьев 2017: Е. Капинос, Е. Куликова, И. Силантьев, *Русский Китай как историческая летопись и как лирический сюжет*, «Сибирский филологический журнал», 2017, 2, с. 87–109.

Мэн 2018: Л. Мэн, Валерий Перелешин и его Китай // В. Перелешин, *Собрание сочинений в трех томах*, Москва, Престиж Бук, 2018, Т. I: *Три родины*, с. 525–552.

Перелешин 2018: В. Перелешин, *Собрание сочинений в трех томах*, Москва, Престиж Бук, 2018.

Bakich 2015: Bakich, Olga. 2015. *Valerii Pereleshin: Life of a Silkworm* (Toronto: University of Toronto Press).

Hinrichs 1997: Hinrichs, Jan Paul. 1997. *Valerij Perelešin (1913-1992): Catalogue of His Papers and Books in Leiden University Library* (Leiden: Leiden University Library).

Анна Красникова

Вымысел и реальность в (авто)биографиях Ильи Сельвинского: 1918–1920 годы

Fiction and Reality in the (Auto)Biographies of Il'ia Sel'vinskii (1918-1920)

There are still many gaps in the biography of Il'ia Sel'vinskii (1899-1968). Even if we consider the periods of his life that are relatively well studied, most of the texts offer us legends and contain much less verified facts and exact dates. The article investigates the years 1918–1920, about which much has been written, although the information from different sources does not coincide and some facts contradict others. Focusing on Sel'vinskii's autobiographies and on his letters, diaries and other sources, the author tries to find out which facts are reliable, which are doubtful, and which are false.

Сельвинский — брошенная зона
геологической разведки,
милion квадратных километров
надежд, оставленных давно.
А был не полтора сезона,
три полноценных пятилетки
вождь из вождей
и мэтр из мэтров.
Он нем. Как тех же лет кино.
[...]
Борис Слуцкий

Стихотворение Бориса Слуцкого, вынесенное в эпиграф, было написано в начале 1960-х годов, еще при жизни Ильи Сельвинского. Но, увы, оно точно описывает и сегодняшнее положение дел: когда-то Сельвинский считался одним из лучших советских поэтов, а

теперь его произведения знают плохо, публикуют редко¹, изучают мало. То же касается и биографии, в которой до сих

---

¹ Самый недавний его сборник избранного был опубликован в 2004 году (Сельвинский 2004).

пор остается множество пробелов.

Отдельных исследований, посвященных Сельвинскому, очень мало². Единственная монография о его жизни – *Жизнь в поэзии* Олега Резника – была написана в 1967-м (Резник 1967) и последний раз выходила в 1981 году. Единственный сборник воспоминаний – *О Сельвинском*, составленный падчерицей писателя Цецилией Александровной Воскресенской и архивистом и литературоведом Ириной Павловной Сиротинской, – вышел в 1982 году (Воскресенская, Сиротинская 1982). Некоторые сведения можно найти в мемуарах Ц.А. Воскресенской *Мои воспоминания* (Воскресенская 2003). Единственная книга о Сельвинском, написанная не по-русски, – монография Максима Шраера *Я это видел: Илья Сельвинский и наследие свидетелей Шоа*, опубликованная на английском (Shrayeg 2013). Самая подробная хроника жизни Сельвинского – приложение к учебному пособию В.Л. Гаврилюка *Черты поэзии и жизни Ильи Сельвинского*, и занимает она меньше 10 страниц

(Гаврилюк 1999: 56–65). Особого внимания заслуживают издания, подготовленные сотрудниками Дома-музея И.Л. Сельвинского в Симферополе, – в них можно найти конкретную информацию о тех годах, которые Сельвинский провел в Крыму, в них были впервые изданы некоторые из архивных документов. Например, в сборнике *Война глазами поэта* были опубликованы страницы его дневников и писем (Бабенко 1994); один из выпусков альманаха *Крымские пенаты*, был целиком посвящен Сельвинскому (Крымские пенаты 1996)³.

Во всех этих и многих других работах взгляд исследователей часто фокусируется на одних годах жизни Сельвинского и редко останавливается на других. Обычно много пишут о детстве и юности поэта, полных ярких и экзотических перипетий судьбы⁴; подробно описываются и 1920-е годы, когда молодой Сельвинский приехал завоевывать Москву, пытался соперничать с Маяковским, основал Литературный центр конструктивистов, выпустил свои первые книги. А вот о 1930-х обычно пишут

² Работы о Сельвинском, вышедшие до 2000 года, см.: Русские писатели 2000: 4–176.

³ См. также: Добровольская 1999.

⁴ Сельвинский и написал о них роман *О, юность моя!* (Сельвинский 1967).

меньше и суше, о 1940-х – в основном только о военных годах; мало что мы узнаем о 1950-х и почти ничего – о 1960-х.

Помимо подобного дисбаланса хронологического, есть еще дисбаланс *мифологический*: повествование, образованное корпусом текстов о Сельвинском в целом, чаще предлагает нам красивые истории – при этом, конечно же, сведения разных рассказчиков далеко не всегда совпадают и далеко не всегда мы имеем дело с проверенными фактами и точными датами. Так, например, до сих пор не известно, где жил Сельвинский в 1907–1910 годах: в некоторых источниках утверждается, что с родителями – то ли в Симферополе, то ли в Одессе, в некоторых – что его отправили к сестре в Тверь (Резник 1982: 195; Сельвинский 1996: 8).

Неуравновешенность хронологии и частое отсутствие проверенной информации – следствие того, что подавляющее большинство этих текстов носят не исследовательский, а мемуарный или публицистический характер. Многие из них писались еще в советские годы и при жизни Сельвинского и опираются на его письменные автобиографии и устные рассказы, про-

сто повторяя то, что писатель хотел сам о себе сообщить. Так, например, Олег Резник, работая в 1960-е годы над книгой о Сельвинском, использовал его неопубликованную автобиографию – часто целые фразы из этого текста (один из вариантов которого впервые появился в печати в 1996 году: Сельвинский 1996) он воспроизводит дословно, а некоторые пересказывает своими словами, но очень близко к тексту. Эта тенденция сохранилась и в публикациях, вышедших после смерти поэта, уже в новую, постсоветскую эпоху. Так, например, если сопоставить краткую летопись жизни Сельвинского из пособия Гаврилюка с его автобиографиями, видно, что многие формулировки в хронике взяты именно из текстов самого поэта. Исследования, в которых предпринимаются попытки выяснить, что же было на самом деле, стали выходить лишь недавно⁵.

Как бы то ни было, на настоящий момент ситуация такова:

---

⁵ См., например: Дайнеко, Пащенко 2011; Пащенко 2012; Пащенко 2017. Хотя, несмотря на стремление восстановить реальные факты биографии Сельвинского, и в этих работах ставятся в один ряд источники документальные, мемуарные и художественные.

критически установленной биографии Сельвинского не существует⁶, а все тексты из учебников и энциклопедий грешат неточностями и ошибками. Как, например, в следующем отрывке из энциклопедии *Русская литература XX века*, выпущенной Пушкинским домом:

Когда на Украину вторглись немецкие оккупанты, С. вступил в красногвардейский отряд, был ранен и тяжело контужен. Вскоре вновь сел за ученическую парту — гимназия была еще не окончена. Затем был вынужден перейти на нелегальное положение — его разыскивали как участника боев на Перекопе и автора красноармейской песни. Евпаторию вынужден был оставить. В Севастополе устроился грузчиком в порту, был опознан, арестован и посажен в тюрьму (“Я в этом городе сидел в тюрьме. / Мой каземат — четыре на три”).

⁶ Первый набросок к летописи жизни и творчества Сельвинского, в которой учитывалась бы степень авторитетности источников, см.: Красникова 2019: 15–65.

В 1919 в Симферополе поступает в Таврический ун-т. Был репортером уголовной хроники, актером театра “Гротеск”, сельскохозяйственным рабочим, инструктором плавания и др. Затем переезжает в Москву, где продолжает учебу в ун-те (Шошин 2005: 293).

Большинство фактов, представленных в этом фрагменте, либо неверны, либо не точны, либо не проверены и вызывают сомнение: судя по тексту, Сельвинский осознанно вступил в красный отряд, чтобы бороться с немецкими оккупантами, а затем, в конце 1918-го и в 1919 году, вынужден был из-за этого скрываться. На самом же деле, он, хоть и действительно участвовал в Гражданской войне, но совсем по-другому и в других обстоятельствах.

В целом, 1918–1920 годы – один из тех самых периодов в жизни Сельвинского, о которых написано много, но при этом сведения из разных источников не совпадают и противоречат друг другу. На нем мы и остановимся в настоящей статье, сосредоточив внимание на автобиографических текстах, и попытаемся понять, что из известного нам правда,

что сомнительно, а что является откровенным вымыслом.

Сначала сопоставим все автобиографии Сельвинского; чтобы оперировать этими текстами было удобнее, каждому будем присваивать аббревиатуру.

A-32 – автобиография, написанная в 1932–1933 годах и начинающаяся 1917 годом, – машинопись с авторской правкой⁷. Об этой автобиографии мало кто знает и сейчас: в книгах и статьях о Сельвинском она практически не использовалась и цитировалась лишь в 1960-е годы в диссертации и публикациях Е. Вандыш (Вандыш 1963), а ее полный текст впервые опубликован в 2019 году (Красникова 2019: 326–334). В 1960-м году Сельвинский упоминает в своем дневнике, что эта автобиография находилась среди тех его бумаг, которые попали в государственный архив из НКВД, и нашла ее там именно Вандыш: “23/III. Вандыш приезжала. Она работала в Гос[ударственном] Лит[ературном] Архиве и раздобыла массу материалов, в том числе мою автобиогра-

фию, о кот[орой] я совершенно забыл”⁸.

A-44 – автобиография, датированная 6 февраля 1944 года и опубликованная Львом Озеровым в 1970 году, спустя два года после смерти Сельвинского (Из литературного наследия 1970: 151–153). По словам Озерова, “автобиография предназначалась для Литературного института, в котором Сельвинский много лет руководил ставшим знаменитым поэтическим семинаром” (Там же: 151).

A-47-58 – подробная автобиография *Черты моей жизни*, 1947–1958 гг., впервые опубликованная в 1996 году в альманахе *Крымские пенаты* (Сельвинский 1996).

A-59 – автобиография *Черты моей жизни* из справочника *Советские писатели* (Сельвинский 1959).

Все эти тексты, очевидно, предназначались для публикации, в отличие от еще одного архивного документа, к которому мы обратились:

C-32 – список важных событий 1915–1932 годов из записной книжки Сельвинского, которую он вел, предположительно, с первой половины 1920-х

---

⁷ И. Сельвинский, *Автобиография. Машинопись с правкой автора и без правки*, РГАЛИ, ф. 1160, оп. 1, ед. хр. № 78, л. 5–12.

---

⁸ Семейный архив писателя.

годов и до начала 1940-х⁹. Наряду с выписками, планами произведений и материалами для них, адресами и бытовыми заметками, в ней есть и краткая летопись, составленная самим Сельвинским, видимо, для себя: она начинается 1915 годом и обрывается 1932-м, скорее всего, этот перечень и был составлен в том же году. Напротив каждого года Сельвинский перечисляет события своей жизни, от первых публикаций до смерти отца – вероятно, те, которые считал самыми главными. Многие совпадают с известными и документально подтвержденными, некоторые появляются только в этом документе впервые и требуют отдельного расследования, но в любом случае факты, изложенные в этом документе, на наш взгляд, имеют высокую степень достоверности.

И, наконец, добавим к автобиографическим текстам, написанным Сельвинским, еще один текст другого автора:

З-46 – статья Корнелия Зелинского *За горизонт зовущий*,

⁹ И. Сельвинский, *Записные книжки с планами и заметками к Пушторгу, Улялаевщине, записями адресов и для памяти, библиографическими выписками и др.*, РГАЛИ, ф. 160, оп. 1, ед. хр. 88, л. 118–119.

над которой тот работал в 1946 году и в основу которой легли записи его бесед с Сельвинским (Зелинский 1982). На рукописях статьи стоят пометы Сельвинского, превращая и этот источник в авторизованный¹⁰.

Дневники Сельвинский регулярно вел с 1940-х годов, и, хотя они не находятся в центре нашего исследования, мы будем обращаться и к тем позднейшим записям, в которых он вспоминает интересующий нас период.

Сравним сведения из всех источников, перечисленных выше, попытаюсь понять, какие в них присутствуют константы, и есть ли константы вообще; что Сельвинский подчеркивает, что пытается скрыть, что помнит/знает точно, а что смутно. Курсивом будем выделять то, что вызывает сомнения или противоречит другим фактам.

1918

С-32	Мелитополь. Бродячая Оперетта “Гротеск”. Маруся Никифорова. Налет на ст[анцию] Н[ово]-Алексеевка. Кр[асная] Гвардия — отступление по ли-
------	---

¹⁰ Об этом см.: Зелинский 1982: 13.

	нии Александровск-Севастополь. Издание театр[альной] газетки.
А-32	Первую часть каникул между седьмым и восьмым классом я провел сначала в банде Маруськи Никифоровой, а затем в красногвардейском партизанском отряде <i>Кривошапки</i> . Ходил в бои против германских оккупантов Украины. Участвовал в четырехдневной защите Перекопа, в марте 1918 г. контужен.
А-44	В 1918 году, будучи гимназистом, ушел в партизанский отряд Груббе, с которым защищал Турецкий вал против германский оккупантов. Был здесь ранен и контужен.
А-47-58	В это время в Евпатории подвизался театр "Гротеск" – нечто вроде бродячего мюзик-холла. [...] Я поступил в этот театр актером и поехал с ними по градам и весям Северной Таврии. В Мелитополе вдруг

	стало известно, что германская армия, оккупировав Украину, движется на Крым [...] <i>В этих условиях оставаться в театре я не мог! [...] я пошел на вокзал и в поисках фронта добрался до станции Новая Алексеевка [...]</i> [Далее описывается, как Сельвинский вступает в отряд Груббе. – А.К.] <i>Двадцать второго апреля бой за Перекоп. [...] начался огневой шквал, который с перерывами длился до 24 апреля. В этот день я был ранен в лоб и губу, а главное — тяжело контужен.</i>
А-59	В 1918 году боец Красной гвардии: защищал Перекоп против немецких оккупантов.
З-46	Весной 1918 года в Крыму утвердилась советская власть. Каникулы в евпаторийской гимназии были объявлены в апреле. С бродячей группой театра "Гротеск" в качестве актера Сельвинский отпра-

вился в путешествие. В Мелитополе он познакомился ... с бандой анархистов Маруськи Никифоровой. [...] Вместе с бандитской лавой кочует и Сельвинский; Он принял участие в налете на железнодорожный узел станции Ново-Алексеевка. “Маруськино войско при этом было разбито в пух и прах”. [...] [Далее описывается, как Сельвинский вступает в красногвардейский отряд. – А.К.] Под Александровском отряд, где был Сельвинский, потерпел жестокое поражение.

Весной 1918 года из-за Гражданской войны евпаторийская мужская гимназия закрылась раньше времени. Сельвинский, ученик седьмого класса, в эти каникулы не сидел дома. Представляется очень вероятным, что, как указывается и в С-32, и в А-32, и в З-4б, то ли в марте, то ли апреле он сбежал с бродячим театром “Гротеск”;

так он оказался в Мелитополе¹¹ и там уже примкнул к маховской банде под предводительством Маруськи Никифоровой¹². И в списке важных дел, и в беседах с Зелинским он упоминает о налете на станцию Новоалексеевка, в котором банда была разгромлена красными, и после этого сражения Сельвинский остался с красногвардейцами.

До сих пор неизвестны обстоятельства, при которых Сельвинский перешел в красногвардейский отряд. Все описания, что можно встретить в его (авто)биографиях, явно беллетризованы, как например, в З-4б:

[...] Сельвинский попал в плен. Без долгих размышлений его повели “в расход”.

— Стойте! — вскричал один из матросов. Да это же наш, евпаториец! Что же ты молчишь, шкура, как попал ты в бандиты?

¹¹ В Доме-музее Сельвинского в Симферополе хранится афиша “Гротеска”, на которой Сельвинский фигурирует под псевдонимом Селявин.

¹² О схожести образов анархистов в поэме Сельвинского *Улялаевичина* с документальными описаниями “маруськиного войска” см.: Красникова 2019: 70–71.

[...] начальник, огрев Сельвинского по спине нагайкой ... приказал зачислить неведомого поэта в красногвардейский отряд (Зелинский 1982: 23–24).

В автобиографии А-47-58, в которой Сельвинский скрывает свою причастность к анархистам, он якобы добирается до станции Новоалексеевка в поисках фронта, там его случайно встречает Мария, сестра евпаторийского “знаменитого хулигана” Сеньки Немича, и отводит в партизанский отряд Груббе. А далее история военных подвигов юного гимназиста переплетается с рассказом о его первом поцелуе с Марией: “Она заплакала, залила все мое лицо слезами и крепко поцеловала в губы. Это был первый девичий поцелуй в моей жизни” (Сельвинский 1996: 11).

Сельвинский называет разные имена командира красногвардейского отряда: Кривошапка и Груббе¹³, ни одно из которых не подтверждено документально. Да и практически все остальные сведения о боях на стороне красных и возвраще-

нии домой не представляются достоверными. В С-32 Сельвинский пишет об отступлении по линии Александровск¹⁴ – Севастополь, а в З-46 говорится о разгроме красных под Александровском. Судя по этим двум текстам, после сражения – Александровск был занят украинскими и германскими войсками 14–16 апреля 1918 года – Сельвинский возвращается с отступающей Красной Армией домой. Возможно, так и было, при этом в автобиографиях, предназначенных для публикаций, сведения уже другие и часто не совпадающие между собой и с известными фактами. Так, бои за Перекоп весной 1918 года шли не четыре дня: германские войска подошли начали бой утром 18 апреля, и уже вечером заняли Перекоп¹⁵. В трех автобиографиях Сельвинский пишет о тяжелой контузии, в двух – еще и о ранениях – возможно, это и произошло на самом деле, но удивляет, что ни слова об этом нет в списке важных событий за 1918 год.

Хронику 1919 и 1920 годов сведем в одну таблицу, в силу того, что по текстам не всегда

---

¹³ Резник называет еще одно имя: А.И. Находкин-Терпигорев (Резник 1967: 29).

---

¹⁴ Сейчас Запорожье.

¹⁵ См., например: Грушецкий 2011; Брошеван 2003.

ясно, когда то или иное имело место.

1919-1920

С-32	<p>1919 Оконч[ание] гимназии. Шансонетка Лора; Работа на сенокосе д[еревни] Немецкие Майнаки. Служба юнгой на шхуне “Св[ятой] Ап[остол] Павел” Мелиника. Поступл[ение] в Универс[итет].</p> <p>1920 Работа на заводе. Хроникерство и репортаж в газете [нрзб.] Кр[асная] почта. Галина Баяджиева. Ванда П., Раиса Маркна. Работа водокачем в отеле “Дюльбер”. 1-й вечер поэтов в Евп[атории]. 1-я рецензия.</p>
А-32	-
А-44	<p>В 1919 году по окончании гимназии был арестован Врангелем и отправлен в сева-стопольскую тюрьму. Меня обвиняли в том, что я был комиссаром отряда. Выручил меня директор гимназии А.К. Самко.</p> <p>Осенью 1919 года по-</p>

	<p>ступил на медицинский факультет Таврического университета. Университет находился в Симферополе. [...] Мои родители не могли ... поддерживать меня, так как сами нуждались. Надо было позаботиться о себе самому. Я поступил сначала рабочим на консервную фабрику “Таврида”, где работал по 14 часов в сутки. Затем был грузчиком на вокзале, натурщиком в художественных студиях Тосунова и Смирнова и пр. При таких условиях заниматься было, конечно, невозможно. За весь год я успел сдать только остеологию.</p>
А-47-58	<p>Летом 1919 в моей жизни произошло важное событие, я прочитал первый том <i>Капитала</i>. [...] осенью по настоянию матери подал документы на медицинский, но фактически не имел к нему отношения. [...] Был я грузчиком на вокзале, натурщиком в</p>

	<p>студии Тосунова, судебным хроникером в газетке <i>Крымская почта</i> Трецека, борцом в цирке Вяльшина под фамилией “Лурих III, сын Луриха I”. [...] поступил рабочим на консервную фабрику “Таврида” [...] работать у котла приходилось по четырнадцать часов в сутки, так что об университете не могло быть и речи. [...]</p> <p><i>Неожиданно я был арестован. Десять дней просидел с уголовниками, решительно не представляя, что такое я мог натворить. [...] переведен в Севастополь, где просидел в одиночке 19 дней. Выпустили меня по ходатайству генерала Богаевского. [...]</i></p> <p>Осенью 1920 года в Крым вошла Красная Армия. На следующий же день я оставил свою водокачку и был назначен зав. секцией Теа-Унаробраза. Месяца через два поступил на юридический фа-</p>
--	---

	<p>культет, ун-та имени Фрунзе, откуда перевелся затем в I Московский ун-т на факультет общественных наук.</p>
А-59	<p>Заведующий Теа Унаробраза (1919). Сидел в Севастопольской тюрьме при Врангеле.</p>
З-46	<p>В Севастополе Сельвинский был арестован врангелевской контрразведкой по доносу об участии в Красной гвардии. Но ему удалось доказать, что был только гимназистом и актером.</p>

В апреле 1919 года Сельвинский оканчивает гимназию (на отлично)¹⁶ и осенью поступает в Таврический университет, на медицинский факультет. Параллельно с учебой подрабатывает всеми возможными способами: косарем, юнгой, рабочим на заводе, хроникером в газете, водокачем в отеле. В результате учиться не очень получается, и Сельвинский университет забрасывает.

В ноябре 1920 года в Крыму окончательно устанавливается

¹⁶ См. об этом: Добровольская 1999: 20.

власть большевиков. Вскоре Сельвинский начинает заведовать секцией Театра Управления народного образования (Теа Унаробраза), а затем, видимо, в 1921 году, заново поступает в университет, который с февраля 1921-го был переименован из Таврического в им. Фрунзе, теперь не на медицинский, а на юридический факультет.

Самая загадочная история 1919–1920-х годов и в то же время важный эпизод в официальной биографии Сельвинского – его арест(ы) и тюремное заключение. Во-первых, если это действительные факты его биографии, трудно объяснить, почему он о них не пишет в С-32, хотя упоминает там и свои работы, и поступление в университет, и участие в вечере поэтов, и даже перечисляет своих пассий. Если говорить о датировках, то единственная константа в его свидетельствах – это то, что он сидел в тюрьме при Врангеле. Врангель же управлял Крымом с апреля по ноябрь 1920 года.

Как бы то ни было, Сельвинский всегда говорит об одном аресте и обычно только о севастопольской тюрьме и лишь в А-47-58 утверждает, что был переведен туда из симферопольской.

Между тем в биографиях Сельвинского регулярно упоминаются факты 1918–1920-х годов, не приводившиеся Сельвинским в известных нам источниках; нет их и в мемуарах его современников. В первую очередь они касаются арестов Сельвинского, которых оказывается два, как, например, в летописи его жизни и творчества, составленной Гаврилюком:

Весной 1919 г. незадолго до окончания гимназии, арестован и 19 дней провел в севастопольской тюрьме, где пишет цикл стихов на тюремную тему. Едва избежал расстрела. Освободили по ходатайству директора гимназии.

[...]

В начале 1920 г. Илья Сельвинский вновь арестован по обвинению в причастности к красногвардейскому отряду Груббе, в котором он якобы был комиссаром. Десять дней провел в симферопольской тюрьме в камере с уголовниками (Гаврилюк 1999: 57–58)

В недавних публикациях его биография еще больше иска-

жается. Вспомним цитату из энциклопедии *Русская литература XX века*, в которой утверждалось, что в первой половине 1919 года Сельвинский находится в бегах, потому что его разыскивали за участие в борьбе за Перекоп и сочинение красноармейской песни, затем его сажают в тюрьму в Севастополе, и лишь после он устраивается в театр “Гротеск”.

Дополнительная путаница возникает, например, в учебнике *История советской поэзии* Виктора Бердинских, в котором говорится о двух арестах, а хронология событий 1918–1920 еще больше перепутана:

Во время Гражданской войны воюет сначала в отряде анархистов, возглавляемых Марусей Никифоровой, дважды попадает в тюрьму у белых, а после разгрома ‘никифоровцев’ вступает в Красную армию (Бердинских 2014: 178).

Откуда же сведения, которых нет ни в автобиографиях, ни в текстах по устным рассказам? Разгадку нам помогает найти Олег Резник. В своей книге *Жизнь в поэзии* он пишет:

Жизненную достоверность ‘невыведанной экзотики’ особенно оттеняют некоторые факты революционной биографии Сельвинского. Поэт никогда не подчеркивал их ни в своих выступлениях, ни в стихах, и лишь совсем недавно они обнаружены в документальной повести Михаила Грина *Пламенные сердца*, посвященной славным страницам борьбы большевиков Крыма за установление советской власти. В ней рассказывается, что с самого начала революции евпаторийский гимназист Илья Сельвинский ... был связан с группой подпольщиков-большевиков и выполнял их, порою очень опасные, поручения (Резник 1967: 27).

Повесть Михаила Грина *Пламенные сердца*, написанная в рамках создания канона революционной борьбы в Крыму и изданная в 1962 году, рассказывает о событиях 1917–1919 годов и “о простых людях ... которые пролили кровь ради счастья будущих поколений” (Грин 1962: 3). Хотя автор и утверждает, что повесть доку-

ментальная, а “факты, которые приведены, – запечатлены в документах, письмах, записках” – стиль и характер повествования, а также несоответствие описанного в повести почти всем известным по другим источникам фактам – если говорить о том, что касается Сельвинского – заставляют нас считать этот текст в значительной части художественным вымыслом.

В книге даже напечатано два стихотворения юного Сельвинского, якобы написанных в 1917-м – начале 1918 года и впервые опубликованных в *Пламенных сердцах*:

Кому угрожаешь, белая
гвардия? / Что за тобою?
Ну-ка? / Мы – “чернь”,
толпа? Но с нами партия.
/ С нами идея,
наука! / А кто за тобой,
кроме разног сброду? /
Шпики? Полиция конная?
/ Кому ты грозишь?
Трудовому народу. /
Сволочь златопогонная!
(Там же: 25)

Второе – красноармейская песня, на евпаторийском вокзале ее поет во всеулышание матрос-революционер Виктор Груббе:

Винтовка, серп и молот,
/ Военная тревога. / Я все
пройду. Я молод! / Передо мной
дрога. // Мне солнце улыбнется,
/ Я радость караулю. / А пулю
съесть придется – /
Переварю и пулю (Там же: 64).

Помимо очевидной анахроничности стихотворений, стоит ли говорить, что, кроме повести *Пламенные сердца*, они больше нигде и никогда не издавались.

Какие же подвиги совершал Сельвинский в книге Михаила Грина? Во-первых, уже с 1917 года он, по версии *Пламенных сердец*, был активным участником подпольной коммунистической организации, и именно по его инициативе он с другими юношами перевезли на яхте “Карамба” из Евпатории в Севастополь Семена Немича, который доставил секретное письмо в севастопольский военный революционный комитет (Там же: 26–27).

15 января 1918 года он якобы встречал на евпаторийской пристани севастопольских красных моряков, размахивая красным знаменем:

На пристани в это утро
патрулировало звено

гражданской охраны – группа юношей во главе с Сельвинским. Когда крейсер “Румыния” открыл стрельбу, требуя сдачи города, Сельвинский бросился в сторожку, сорвал со старого буя небольшой красный флаг и, взобравшись на мачту, принялся размахивать им, сигналиая: “Мы – свои!” (Там же: 54).

В январе 1919 года Сельвинский якобы помог подпольщикам подготовить побег из евпаторийской тюрьмы трех большевиков, а в апреле 1919 года, “выданный провокатором”, сам был арестован в Севастополе (Там же 92–93) за то, что “написал песню для красногвардейцев” и “как комиссар, повел отряд евпаторийцев на Перекоп” (Там же: 105).

На Михаила Грина как на авторитетный источник ссылается биограф Сельвинского Олег Резник, комбинируя сюжет из *Пламенных сердец* с сюжетами из автобиографий Сельвинского, и так, скорее всего, и рождается представление о двух арестах Сельвинского: в 1919 году и 1920-м – а также миф о том, что он написал красногвардейскую песню

и водил отряды подпольщиков в бой.

Наши предположения подтверждает и дневниковая запись Сельвинского от 26 апреля 1960 года, сделанная после прочтения повести, которую ему прислали на рецензию. В дневнике Сельвинский не отрекается от его подвигов, перечисленных Грином, но признается, что раньше просто-напросто “забыл” о них.

Гослитиздат прислал мне на рецензию повесть М. Грина *Пламенные сердца* о революции в Евпатории. Довольно часто упоминается в книге мое имя в связи с целым рядом моих скромных “подвигов”, о которых я отчасти забыл, но которым уж во всяком случае, не придавал значения (переправа Семена Немича в Ак-Мечеть на яхте “Карамба”, освобождение из тюрьмы т. Турецкого, партизанская песня “Винтовка, серп и молот”, которую читал Виктор Груббе на вокзале перед отправкой красногвардейцев на Перекоп etc.) Нет однако главного: налета 2х танков на гайдамаков, напавших на беженцев и

учинивших погром. (Ст. Сальково 1918 г.) Там я скопил гайдаматчины штук 15 из пулемета, там же был ранен тесаком в руку¹⁷.

Все эти факты своей биографии Сельвинский впервые упоминает, внезапно вспомнив, именно в этой дневниковой записи. И еще раз останавливается в дневнике на событиях из повести через ю дней после первой записи, 6 мая, приводя их в качестве доказательств того, что он, в отличие от остальных конструктивистов, был революционером с самого начала:

Как лидер конструктивизма я выступал от имени той группы интеллигенции, которая от эстетики шла к революции. Но сам я был иного поля ягода: я не 'шел' к революции, а был в ней с самого начала, с момента восстания, в связи с убийством Караева (Евпатория), с момента спасения большевика т. Турецкого, с момента переброски большевика Немича на яхте "Карамба" в Ак-Мечеть (1918 г.),

со времени боев Кр[асной] гвардии с гайдамаками и немцами плюс две тюрьмы (Севастополь, Симферополь)¹⁸.

Все это противоречит всем остальным сведениям из автобиографий и документально подтвержденных свидетельств. Так, например, в А-32, он утверждал, что в 1917–1918 годах его специальностью были "марины и закаты", а "политического осознания событий почти не было. Явления воспринимались лишь как материал для лирических переживаний. Целеустремленная пролетарская активность отсутствовала".

Любопытно, что в 1960-х годах меняются свидетельства Сельвинского, поэтические и документальные, и о его тюремном заключении. Первое опубликованное стихотворение Сельвинского, затрагивающее эту тему – знаменитый *Севастополь* ("Я в этом городе сидел в тюрьме"), – было написано в 1944 году, впервые издано в 1947 (Сельвинский 1947) и посвящено Корнелию Зелинскому. А уже после выхода книги Грина, в 1962 году,

¹⁷ Семейный архив.

¹⁸ Отметим, что тут Сельвинский говорит о двух тюрьмах, а не двух арестах.

появляется в печати цикл Сельвинского *Письма из тюрьмы* (Сельвинский 1962: 9), которые автор датирует 1919 и 1920 годами; под некоторыми стихотворениями указано и место: для 1919-го Севастополь, для 1920-го Симферополь. В *Избранных произведениях*, вышедших в “Большой серии ‘Библиотеки поэта’” в 1972 году, цитируется письмо Сельвинского его другу и редактору Игорю Михайлову от 13 января 1965 года, в котором поэт объясняет датировки и утверждает, что был арестован два раза:

В тюрьме я был дважды. Весной 1919 г. сидел в Севастополе с 11 марта по 1 апреля. В это время Врангеля еще не было, Деникин только накапливался на Кубани. Это было время англо-французской интервенции, а если по-местному, то время Соломона Крыма, председателя крымского правительства. Я написал “при Врангеле” условно, т.к. объяснять, кто такой был этот самый Соломон Крым, в стихах очень уж несподручно. Я пишу о нем в своем романе [*О, юность моя!* – А.К.]. Что

же касается Симферополя, то это уж точно было при Врангеле в 1920 г. (Сельвинский 1972: 880).

Итак, многое в биографиях Сельвинского, по крайней мере в описаниях его жизни в годы революции и Гражданской войны, представляет собой смесь из его автобиографий, которые далеко не во всем соответствуют реальным фактам, и повести *Пламенные сердца* Михаила Грина¹⁹ – и, похоже, путаница со временем лишь усиливается.

Достоверными – или очень вероятными – фактами из жизни Сельвинского нам представляются следующие: в 1918 году во время начавшихся раньше срока каникул он сбежал из Евпатории с бродячим театром “Гротеск”, добрался с ним до Мелитополя, затем провел некоторое время в махновской банде Марушки Никифоровой, а оттуда, видимо после неудачного для анархистов налета на станцию Новоалексеевка, перешел к красным. В апреле сражался на стороне красногвардейцев, то ли под Александровом, то ли за Перекоп (возможно, в

¹⁹ Иногда к этим источникам добавляется и автобиографический роман Сельвинского *О, юность моя!*, как например в: Дайнеко, Пашцена 2011.

битвах был ранен и контужен). Вскоре он вернулся домой, а осенью 1918 года, как и положено, начал учебу в восьмом, последнем классе гимназии. В апреле 1919 года Сельвинский оканчивает гимназию на отлично, летом подрабатывает, в том числе на сенокосе и юнгой, а осенью поступает на медицинский факультет Таврического университета. Его семья бедствует и не может содержать студента, поэтому Сельвинский много работает и забрасывает учебу. Возможно, в 1920 году в период правления Врангеля в Крыму, Сельвинский был арестован за участие в боях на стороне красных. В ноябре

1920 Крым захватывают большевики, и Сельвинский начинает работать в их учреждениях, а спустя некоторое время записывается на юридический факультет университета.

Уже летом 1921 года Сельвинский переезжает в Москву к сестре Генриетте Ковнер, переводится из симферопольского университета в МГУ, на факультет общественных наук; встречает свою будущую жену, знакомится со столичной поэтической жизнью – и начинает совсем новый этап своей биографии.

Библиография

Бабенко 1994: В. Бабенко, *Война глазами поэта: Крым. страницы из дневников и писем И.Л. Сельвинского*, приложение к альманаху «Крымские пенаты», Симферополь, 1994.

Бердинских 2014: В. Бердинских, *История советской поэзии*, Москва, Ломоносовъ, 2014.

Брошеван 2003: В. Брошеван, *Оккупация. Комментарий историка к воспоминаниям И. Сельвинского о его участии в защите Крыма от германских оккупантов весной 1918 г.*, «Евпаторийская здравница», 2003, 21, 22, 23 января.

Вандыш 1963: Е. Вандыш, *Путь к социалистическому реализму (Эволюция творчества Сельвинского 1915–1932)*, «Ученые записки Латвийского университета», 1963, т. 46, с. 29–101.

Воскресенская 2003: Ц. Воскресенская, *Мои воспоминания*, Симферополь, Палитра, 2003.

Воскресенская, Сиротинская 1982: *О Сельвинском: Воспоминания*, Ц. Воскресенская, И. Сиротинская (сост.), Москва, Советский писатель, 1982.

Гаврилюк 1999: В. Гаврилюк, *Черты поэзии и жизни Ильи Сельвинского: Учеб. пособие: К 100-летию со дня рождения*, Симферополь, 1999, с. 56–65.

Грин 1962: М. Грин, *Пламенные сердца*, Москва, Госполитиздат, 1962.

Грушецкий 2011: Б. Грушецкий, *Оборона перекопских и чонгарских позиций войсками Советской Республики Таврида в апреле 1918 года // Вестник Крымских чтений И. Сельвинского*, вып. 8, Крымский Архив, Симферополь, 2011, с. 41–52.

Дайнеко, Пащенко 2011: Л. Дайнеко, Е. Пащенко, *Революционная биография И.Л. Сельвинского // Вестник Крымских чтений И. Сельвинского*, Крымский Архив, Симферополь, 2011, вып. 8, с. 18–40.

Добровольская 1999: И. Добровольская, «Еще мой бриг не трогался с причала...»: *О юности поэта И. Сельвинского*, приложение к альманаху «Крымские пенаты», Симферополь, 1999.

Зелинский 1982: К. Зелинский, *За горизонт зовущий // О Сельвинском: Воспоминания*, Ц. Воскресенская, И. Сиротинская (сост.), Москва, Советский писатель, 1982, с. 13–28.

Из литературного наследия 1970: *Из литературного наследия И. Сельвинского*, «Вопросы литературы», 1970, 2, с. 148–170.

Красникова 2019: А. Красникова, *Текстология Улялаевщины Ильи Сельвинского*, tesi di dottorato, Università Cattolica del Sacro Cuore; Milano, 2019, https://tesionline.unicatt.it/bitstream/10280/58415/1/tesiphd_completa_Krasnikova.pdf, последнее посещение 10.03.2020.

Крымские пенаты 1996: *Крымские пенаты: Альманах лит. музеев Крыма, Тематич. вып. к 100-летию со дня рождения И.Л. Сельвинского*, Симферополь, 1996, 2.

Пащенко 2012: Е. Пащенко. *И. Сельвинский – военкор “забытого” фронта, несостоявшийся лауреат сталинской премии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского*, 2012, т. 24 (65), 1–2, с. 288–301, Серия “Философия. Культурология. Политология. Социология”.

Пащенко 2017: Е. Пащенко. *От “Сына отечества” до «Вперед за родину!» // Вестник Крымских чтений И.Л. Сельвинского*, вып. 13–14, Белгород, Константа, 2017, с. 49–90.

Резник 1967: О. Резник, *Жизнь в поэзии: Творчество И. Сельвинского*, Москва, Советский писатель, 1967; изд. 2, 1972; изд. 3, 1981.

Резник 1982: О. Резник, *О самом любимом друге на всю жизнь! // О Сельвинском: Воспоминания*, Ц. Воскресенская, И. Сиротинская (сост.), Москва, Советский писатель, 1982, с. 182–227.

Русские писатели 2000: *Русские писатели. Поэты (Советский период): библиографический указатель*, т. 23 (И. Сельвинский – Я. Смеляков), Санкт-Петербург, РНБ, 2000.

Сельвинский 1947: И. Сельвинский, *Крым, Кавказ, Кубань*, Москва, Советский писатель, 1947.

Сельвинский 1959: И. Сельвинский, *Черты моей жизни // Советские писатели: Автобиографии в двух томах*, Москва, Гос. изд-во худ. лит., 1959, т. 2, с. 332–338.

Сельвинский 1962: И. Сельвинский, *О времени, о судьбах, о любви*, Москва, Советский писатель, 1962.

Сельвинский 1967: И. Сельвинский, *О, юность моя!*, Москва, Советский писатель, 1967.

Сельвинский 1972: И. Сельвинский, *Избранные произведения*, Ленинград, Советский писатель, 1972.

Сельвинский 1996: И. Сельвинский, *Черты моей жизни (1947–1958) // Крымские пенаты: Альманах лит. музеев Крыма*, Симферополь, 1996, 2, с. 5–29.

Сельвинский 2004: И. Сельвинский, *Из пепла, из поэм, из сновидений*, Москва, Время, 2004.

Шошин 2005: В. Шошин, *Сельвинский* // *Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги*, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Москва, ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005, с. 293–295.

Shrayer 2013: Shrayer, Maxim D. 2013. *I Saw It: Ilya Selvinsky and the Legacy of Bearing Witness to the Shoah* (Brighton, MA: Academic Studies Press).

Лариса Найдич, Наталия Светозарова

Научный архив Виктора Максимовича Жирмунского как автобиография. По материалам архивов Российской Академии Наук в Санкт-Петербурге

The Scholarly Archive of Viktor Maksimovich Zhirmunskii as an Autobiography

The article examines the dialectological and folklore fieldwork organized between 1924 and 1930 by the prominent linguist and literary scholar Viktor Zhirmunskii. Zhirmunskii conducted his fieldwork in the ethnic German communities of the Southern USSR (Ukraine, Crimea, Transcaucasia), as well as in the Leningrad region. Unpublished field materials are held at the archive of the St. Petersburg's Division of the Russian Academy of Sciences and in the archive of the Institute of Russian Literature (*Pushkinskii Dom*). These materials include field reports, which describe noteworthy details on the goals, participants, collected data, and the itineraries of the aforementioned expeditions. These valuable materials shed light upon some understudied aspects of Zhirmunskii's life and work.

Данная статья основана на многолетней работе авторов над до того почти не изученными диалектологическими и фольклорными архивными материалами¹. Она посвящена одной из страниц жизни выдающегося ученого Виктора

Максимовича Жирмунского и касается его деятельности в 1920-х годах, когда он занялся изучением диалектов и фольклора российских немцев. Мы опираемся, помимо опубликованных научных работ, в основном написанных Жирмунским и его учениками, на материалы отчетов, заметок, экспедиционных тетрадей, диалектологических анкет и записей ученого, а также сделанных им фотографий. Эти материалы хранятся в Санкт-

---

¹ В 2013 – 2016 годах работы выполнялись при поддержке РГНФ, проект: “Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН”, проект № 13-04-00369. В работе участвовали Н.Д. Светозарова, Л.Э. Найдич, Л.Н. Пузейкина.

Петербургском филиале Архива РАН, куда в 1970-х годах, после смерти ученого, его жена Нина Александровна Жирмунская передала его личный архив, а также в Рукописном отделе и Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, куда ее передал сам Жирмунский. Изучение этого архива началось лишь в конце 1990-х годов и продолжается до сих пор (Svetozarova 1996, Смирницкая 2000, Найдич 2013). Что касается фотоматериалов, то они были сохранены семьей Жирмунских и находятся в личном архиве семьи. Альбом с этими ценными фотографиями, снабженный пояснениями и обширной вступительной статьей на русском и на немецком языках, был опубликован в 2016 году (Мир немецкой колонии... 2016).

Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) – один из крупнейших литературоведов и языковедов XX века, филолог-германист – историк и диалектолог немецкого языка, специалист по фольклору разных народов, по немецкой, английской и русской литературе, по сравнительному литературоведению и по теории стиха. Существенным вкладом в сравнительное изучение фольклора были работы Жир-

мунского по эпосу народов Средней Азии, а его исследования по лингвогеографии сыграли большую роль в осмыслении проблем языковых контактов. Как германист Виктор Максимович был широко известен не только в Советском Союзе, но и за его пределами, особенно в германоязычных странах, где большой популярностью среди диалектологов пользовались его идеи, касающиеся первичных и вторичных признаков диалекта, а также его монография *Немецкая диалектология*, переведенная на немецкий язык и ставшая настольной книгой для германистов. Жизненный путь Жирмунского еще ждет своего биографа – и такая книга была бы весьма ценной, но пока она не написана. В настоящее время имеются материалы, касающиеся отдельных периодов жизни и научной деятельности ученого, которые могли бы послужить основой для написания его биографии.

Юношеские дневники Жирмунского за 1903–1906 годы, опубликованные В.В. Жирмунской-Аствацатуровой, касаются того периода, когда он был учеником Тенишевского училища (Жирмунский 2013). Эти заметки, живо написанные талантливым подростком,

дают нам представление о семье, о близких, о круге занятий и интересов будущего ученого. Видны в них и истоки его увлечения немецкой культурой и филологией в целом. Начало научной деятельности Жирмунского связано с изучением немецкого романтизма. Его первая книга *Немецкий романтизм и современная мистика* (1914 год) сразу же вызвала много откликов. Другое направление его исследований – современная поэзия, прежде всего творчество Брюсова, Блока и Ахматовой. Работы Жирмунского 1920-х годов по теории стиха остаются актуальными до сих пор. Одновременно с этим он глубоко изучал германский фольклор, английскую и немецкую балладу и историю немецкого языка. В написанных в 1967 году заметках мемуарно-биографического характера, позже опубликованных как предисловие к сборнику его германистических работ, Жирмунский указывает на основы своих лингвистических взглядов, истоки которых, очевидно, восходят к 1920-м годам. Это, например, методика обращения к языковым отношениям современности для истолкования “более отдаленных исторических явлений”; рассмотрение языка как

системы, находящейся в постоянном движении; “социальная дифференциация языка как условие его исторического развития” и др. (Жирмунский 1976: 9–10). Это научное кредо соответствует полевым исследованиям ученого в 1920-е годы, о которых речь пойдет далее.

Важно еще и другое. Разного рода преследования, проработки, абсурдные обвинения затронули Жирмунского, как многих ученых, в условиях сталинского террора. После одной из волн проработок, когда травля коснулась так называемых формалистов, Жирмунский обратился к, казалось бы, сугубо объективному материалу – к сбору и изучению фольклора и диалектов немцев-колонистов, переселившихся в Российскую империю по приглашению правительства в XVIII–XIX веках и сохранивших самобытный образ жизни, язык и фольклор. О немецких колонистах Жирмунский хорошо знал со времен своей работы в Саратове (1917–1919 годы); ему были известны основанные на полевых записях труды саратовского германиста Георга Дингеса, изучавшего диалекты и фольклор поволжских немцев. Жирмунский пришел к выводу об архаизме многих

народных песен, бытовавших среди российских немцев, хотя, наряду с этим, существовал и целый слой нового колониистского фольклора. Что касается диалектов, то в них ученый наблюдал как архаические черты, так и следы смешений. Эти говоры являлись, по мнению Жирмунского, результатом действия своего рода лингвистической лаборатории, а их изучение давало представление об общих закономерностях языкового развития (Жирмунский 1976: 491–516). В 1920-е годы исследования российских немцев получали официальную поддержку, в том числе и материальную, в связи с политикой культурной автономии национальных меньшинств. Провозглашенной в феврале 1924 года Автономной Советской Социалистической Республике Немцев Поволжья и многочисленным немецким районам нужна была поддержка со стороны научной и творческой интеллигенции: подготовка учителей и научных кадров, разработка методики преподавания, создание книг, журналов, театров и т.п. Уже летом 1921 года В.М. Жирмунский и его ассистент Альфред Штрём² начали в Ле-

нинградской области работу по сбору фольклорного и диалектного материала. Работая в Институте Речевой Культуры (ИРК), Жирмунский создает в 1924 году семинар по изучению диалектов и фольклора российских немцев³. Вскоре ученый пришел к выводу о необходимости комплексного изучения колоний: диалект, фольклор, этнография, история. Выработке планов работы помогли научные связи с немецкими диалектологами, работавшими над Немецким Языковым Атласом – прежде всего, с Фердинандом Вреде, переписка с которым была начата Жирмунским в 1924 году. Командировки в Германию 1925, 1927 и 1929 годы помогли ученому разработать методику диалектологического анализа (Пузейкина 2014).

В течение 1926–1930 годов Жирмунский вместе со свои-

1944) – германист, диалектолог, ученик В.М. Жирмунского, профессор Одесского педагогического института. В 1934 году был арестован, погиб в ссылке. См. о нем Смирницкая 2003, Светозарова 2013.

³ Официально семинар входил в лингвистическую секцию Ленинградского Института языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете. В конце 20-х годов ИЛЯЗВ был преобразован в Институт речевой культуры (ИРК).

---

² Альфред Николаевич Штрём (1898–

ми коллегами и учениками организовал и провел целый ряд экспедиций в немецкие колонии Ленинградской области, Украины, Крыма и Закавказья (Schirmunski 1930a, 1992; Berend, Jedig 1991: 113–150; Svetozarova 1996, Зиндер 1998; Najdič 1997: 40–48; Светозарова 1999, 2006; Naiditsch 2008). Подробнее об этих фольклорно-диалектологических экспедициях можно узнать из отчетов Жирмунского, хранящихся в архиве АН СССР, а красочное описание одной из поездок, в немецкие колонии Березанского района, находим в небольшой книжечке педагога и музыканта, привлеченного ученым к сотрудничеству, Германа Бахмана (Bachmann 1929, Светозарова 2015). Поездки финансировались из средств Наркомпроса Украины, а также ленинградских научно-исследовательских институтов: ИЛЯЗВа, Института речевой культуры, Института истории. Исследования Жирмунского и его учеников дали богатые плоды: многочисленные записи песен (ручные или зарегистрированные с помощью фонографических валиков и граммофонного аппарата *Retor*), диалектные записи, этнографические исследования. Появились и обобщаю-

щие эти материала публикации.

К 1930 году политика по отношению к немецкому национальному меньшинству резко изменилась.

Российские немцы, как и ученые, занимающиеся их культурой, стали подвергаться гонениям, арестам, многие погибли в лагерях и ссылках. Начатые Жирмунским научные работы пришлось остановить.

Хотя Жирмунскому и его ученикам удалось опубликовать ряд работ о диалектах и фольклоре колонистов, обширный собранный материал остался неопубликованным и находится сегодня, как сказано выше, в архивах Санкт-Петербурга. Диалектологические записи постепенно вводятся в научный обиход (Naiditsch 2015, 2018), а записи колониетских песен были каталогизированы, оцифрованы и частично опубликованы (Bertleff, John, Svetozarova 2018).

Большую ценность, в том числе для научной автобиографии ученого, представляют составленные Жирмунским отчеты об экспедициях, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Фонд 1001, опись 2, дело 112 (Светозарова 2013а). Они содержат и фактическую

информацию о проведенных и запланированных экспедициях, и обоснование целесообразности поездок, четко сформулированные цели, задачи и методы собирательской работы в колониях. Так, *Отчет о научной командировке в немецкие колонии Украины летом 1926 года* Жирмунский начинает с определения ее задачи как принципиально новой⁴:

Изучение немецких колоний СССР с точки зрения их истории, диалектологии, фольклора, этнографии является совершенно новой научной задачей... <...> Ввиду новизны и обширности поставленной задачи я рассматривал свою поездку летом 1926 года как научную разведку, имевшую целью захватить как можно более широкий район, чтобы собрать предварительные сведения о наличном материале, необходимые для дальнейшей, более углубленной работы на местах.

⁴ Все цитаты даются по рукописным и машинописным отчетам (Фонд 1001, опись 2, дело 112).

Этот отчет содержит и сведения о лекциях, прочитанных Жирмунским для учителей немецких сельских школ:

Считая, что всякая краеведческая работа, в том числе и этнографическая, может быть удачно выполнена только при коллективном сотрудничестве местных культурных сил, я постарался привлечь к этой работе сельских учителей немецких колоний. С этой целью я посетил Всеукраинские Курсы по переподготовке немецких учителей, состоявшиеся в течение августа в кол<онии> Пришиб, где, по поручению Центрального Немецкого бюро при Укр. Наркомпросе, прочел цикл лекций по диалектологии, этнографии и фольклору немецких колоний (10 часов). Лекции имели целью: 1) инструктировать учителей для самостоятельной работы в указанной области, 2) указать на методическое применение собранного материала в учительской практике (роль диалектологии и методики преподавания родного

языка в сельской школе, вовлечение элементов истории, этнографии и фольклора местного края в разработку комплексных тем). Кроме того, я воспользовался пребыванием в Пришибе учителей со всех колоний Украины для собирания диалектологического и этнографического материала из целого ряда мест, посетить которые лично я не имел возможности в текущем году. Более краткие сообщения такого же рода были сделаны мной и в колонии Зельц (для учителей Зельцкого района) и в кол. Гросс-Либенталь (на конференции учителей Либентальского района). В Одесской Комиссии Краеведения при Украинской Академии Наук я также прочитал доклад об изучении немецких колоний Одесского округа, с целью помочь выработке плана систематической краеведческой работы в этом направлении.

Эти лекции должны были привлечь учителей, в которых Жирмунский видел реальных

исполнителей работы на местах, к деятельности по сбору материала, а кроме того, облегчить их работу с учениками – носителями диалекта. Таким образом, для Жирмунского полевые исследования имели и теоретические, и практические цели. Знания по истории языка должны были помочь учителю в его работе. “Характерной чертой времени было также желание извлечь *непосредственную практическую* пользу из всякого исследования”, – отмечали Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева (1999: 207) в докладе, посвященном работе ИРКа в 20-х–30-х годах. Помощь ученым со стороны учителей прослеживается в обширных диалектных материалах, содержащихся в архиве Жирмунского. Диалектологические анкеты, где требовалось перевести образцы фраз и слов с литературного немецкого на диалект, обычно заполнялись учителями, часто с помощью жителей сёл. В конце анкеты давались сведения об информанте. Иногда учителя добавляли свои замечания и наблюдения.

Лекции были прочитаны Жирмунским и летом следующего года, о чем сохранились сведения в *Отчете о научной экспедиции в немец-*

кие колонии УССР летом 1927 года:

Исходным пунктом поездки был г. Одесса, куда я был приглашен немецким Ц.Б. при Наркомпросе УССР для прочтения на всеукраинских курсах по переподготовке немецких учителей цикла лекций по историческому краеведению немецких колоний.

Отчет 1927 года содержит сведения о процессе анкетирования и конкретные количественные данные о разосланных и заполненных диалектологических анкетах:

Обширный материал по немецкой диалектологии собран был зимой и весной 1927 года путем рассылки Немецким Центральным Бюро при Совнацмене НАСР выработанной мною диалектологической анкеты. Из 600 экземпляров, разосланных по немецким школам в колониях, Центр. Бюро собрало 450 ответов, которые прекрасно дополняют для колоний-выселков */Tochterkolonien/* материал, собранный экспе-

дицией в старейших колониях */Mutterkolonien/*.

В этом же отчете особый интерес представляет сообщение об этнографических материалах, поскольку они являются наименее изученной стороной собрания Жирмунского:

По этнографии: обследованы формы крестьянского жилища, их различие по областям, установившееся на новой родине /например, между березанским и глюкстальским типом/, отмечены архаические признаки /напр., деревянные коньки на крышах в березанском типе/, а также влияние окружающего иноплеменного населения /крыльцо с колонками по типу русских построек/, с другой стороны – влияние немецкого типа крестьянского жилища на соседние русские и украинские села; установлены различия построек по социальным группировкам /дом бедняков и новых поселенцев обнаруживает более примитивные и архаичные черты/. Найдены образцы немецкого ку-

старного искусства со старинной раскраской цветочными букетами /Глюкстальская группа/, стенная живопись на печах /Березанская группа/.

Из отчетов следуют обширные планы на будущее. Например, отчет по летним поездкам 1927 года заканчивается следующими словами:

В наступающем 1928 году необходимо для завершения работы специально по диалектологии и народной песне повторение летней экспедиции при 4-х участниках /проф. В.М. Жирмунского, аспиранта А.Н. Штрёма, 2 ассистента по музыкальному фольклору из местных работников-колонистов/, с ассигнацией из сумм Наркомпроса 500 рублей. Кроме того для руководства работой по историческому краеведению на местах необходима организация при немецком отделении ИНО специальной кафедры по истории немецкого языка и литературы /германистика/ с местным краеведческим

уклоном; представитель этой кафедры мог бы взять в свои руки собрание и разработку материала, инструктирование местных учителей для целей краеведческой работы, организации в Одессе немецкого фольклорного и диалектологического архива, а также Музея для хранения предметов материальной культуры колонистов /по образцу немецкого этнографического музея в г. Покровске АР немцев Поволжья/.

В отчете за 1928 год Жирмунский пишет:

Экспедиция имела задачей 1/ в Крыму – закончить собрание материала по диалектологии и фольклору старых колоний, начатое летом 1926 и 1927 годов научн. сотрудн. Э.Г. Иогансон и проф. В.М. Жирмунским, в Закавказье – произвести первое рекогносцировочное обследование старых швабских колоний с точки зрения диалектологии, этнографии и фольклора.

В том же отчете Жирмунский отмечает, что в экспедиции участвовали его ученики Л.Р. Зиндер, Т.В. Сокольская и В.П. Погорельская: “Жирмунский руководил экспедиционной работой в колониях Украины. Вторая часть экспедиции /работа на Кавказе/ проходила при личном участии проф. Жирмунского”.

В отчете 1929 года Жирмунский упоминает о запланированной, но несостоявшейся поездке в немецкие колонии на Волыни:

В текущем 1929 году, согласно составленному первоначально плану работ в немецких колониях, надлежало перейти от общего рекогносцировочного обследования метрополий УССР к углубленному монографическому обследованию отдельных районов. К сожалению, в виду того, что в последнюю минуту перед выездом экспедиции, ассигновка, данная мне Укрнаукой, была сокращена с 400 руб. на 150 руб. работу удалось провести в весьма урезанном виде. А.Н. Штрём отказался от намеченной им перво-

начально поездки на Волынь.

Из архивных материалов следует график экспедиций, в которых Жирмунский участвовал лично: лето 1926 года и 1927 года Украина; август–сентябрь 1928 года Закавказье, Крым; лето 1929 года Украина (Ямбург) вместе с женой Татьяной Жирмунской; 1930 год Ленинградская область, Новгородский район. Работа в Ленинградской области постоянно велась в 1924–1927 летом, а кроме того, зимой 1928–1929 годов. Собранный материал обрабатывался; планировались новые публикации. Часть материала Жирмунский и его ученики успели опубликовать: Schirmunski 1926 / 1927, 1928 /1929, 1930, 1931; Ströhm 1926 / 1927. См. также небольшую, но содержащую важные научные идеи, облеченные в доступную форму книгу (Schirmunski 1928). Эта книга, тема которой немецкие колонии на Украине, обращена прежде всего к учителям немецких школ. В предисловии (Schirmunski 1928: 3) указывается, что она возникла на основе лекций, которые ученый прочитал в Ленинграде и в Пришибе (ср. приведенные выше отчеты). Последняя публикация Жирмунского о немецких колони-

ях в СССР появилась в журнале «Советская этнография» в 1933 году под названием *Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР* (Жирмунский 1933).

В условиях начавшегося террора против российских немцев не удалось реализовать широко задуманные планы по изданию целой серии сборников немецких песен, хотя в ряде случаев, как становится ясно из отчетов, уже имелась договоренность с издательствами. Так, одной из задач поездки в немецкие колонии Украины летом 1930 года было согласно отчету об экспедиции ИРКа (ИЛЯЗВа) *Собирание народных песен для пополнения сборника украинско-немецких песен, подготовленного для издания Украинской Академией Наук под редакцией проф. Жирмунского*. Не был издан и подготавливавшийся к печати сборник народных немецких песен Ленинградской области, для которого были собраны богатые материалы в другой экспедиции лета 1930 года. См. отчет об экспедиции ИРК (ИЛЯЗВа) в немецкие колонии Новгородского округа летом 1930 года. Такая же судьба постигла и практически готовый к печати сборник *Крымских*

немецких песен, созданный на материале записей Эллинор Иогансон в старейших колониях Крыма, который предполагалось издать под редакцией Жирмунского в фольклористической серии возглавляемого немецким фольклористом Джоном Мейером *Архива немецкой народной песни* во Фрейбурге (Светозарова 2010). Космополитическая кампания и разгром ленинградской филологии в апреле 1949 года, одним из *фигурантов* которого был Жирмунский, хорошо освещены историками. История разгрома руководимой Жирмунским группы по изучению российских немцев в начале 1930-х годов еще не достаточно исследована. Известна трагическая судьба ассистентов Жирмунского: Эллинор Иогансон была арестована и расстреляна в 1938 году, а Альфред Штрём тоже арестован и, по имеющимся данным, погиб в 1944 году при сплаве леса. Аресту подвергся и Герман Бахман (Светозарова 2010, 2013). Жирмунского также дважды арестовывали как немецкого шпиона, в 1935 и 1941 годах, каждый раз примерно на месяц – по семейной легенде однажды его спасли не имя в научном мире и не абсурдность обвинения (на которую не обращали внима-

ния), а случайность и удача – семье удалось добиться покровительства вдовы Ленина Н.К. Крупской.

Впоследствии, в послевоенное время, Жирмунский занимался сравнительно-историческими исследованиями языка и литературы и не возвращался к переселенческой диалектологии. Его ис-

следования диалектов российских немцев проложили ему путь к работе над книгой *Немецкая диалектология*, основополагающему труду, показывающему историческое развитие немецкого языка в географическом пространстве.

Библиография

Жирмунский 1933: В. Жирмунский, *Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР*, «Советская этнография», 1933, 2, с. 84–112.

Жирмунский 1976: В. Жирмунский, *Общее и германское языкознание*, Ленинград, «Наука», 1976.

Жирмунский 2013: В. Жирмунский, *Начальная пора: Дневники. Переписка*, публ., вступ. ст., коммент. В. Жирмунской-Аствацатуровой, Москва, Новое литературное обозрение, 2013.

Зиндер 1998: Л. Зиндер. *В.М. Жирмунский и островная диалектология*, «Язык и речевая деятельность», 1998, 1, с. 187–193.

Зиндер, Строева 1999: Л. Зиндер, Т. Строева, *Институт Речевой Культуры и советское языкознание 20-х – 30-х годов*. «Язык и речевая деятельность», 1999, 3, с. 206–211.

Мир немецкой колонии... 2016: *Мир немецкой колонии. Фотографии из фольклорно-диалектологических экспедиций В.М.Жирмунского 1926-1930. Die Welt der deutschen Kolonie 1926-1930. Fotos aus den folkloristisch-dialektologischen Forschungsreisen von V.M. Schirmunski*, авт.-сост. А. Жирмунская, М. Старец, Л. Найдич, Н. Светозарова, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2016.

Найдич 2013: Л. Найдич, *Научное наследие академика В.М. Жирмунского*. Новые публикации и проекты. «Magister dixit», 2013, 3, электронный адрес: <<https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-nasledie-akademika-v-m-zhirmunskogo-novye-publikatsii-i-proekty/viewer>>, последнее посещение 6.08.2020.

Пузейкина 2014: Л. Пузейкина. *Фердинанд Вреде и Виктор Максимович Жирмунский: переписка по вопросам диалектологии и лингвогеографии*, «Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto»: транспорт, общество, образование, язык», 3 (12), декабрь 2014, электронный адрес: <<http://ce.if-mstuca.ru>>, последнее посещение 25.03.2020.

Светозарова 1999: Н. Светозарова, *Архив немецкой народной песни в Ленинграде В.М. Жирмунского: история и современное состояние*, «Язык и речевая деятельность». 1999, 2, с. 212–221.

Светозарова 2006: Н. Светозарова, *Фольклорно-диалектологические экспедиции В.М. Жирмунского и его Архив немецкой народной песни*, «Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов», 2006, 2, с. 137–147.

Светозарова 2010: Н. Светозарова, *Забытое имя – фольклорист Эллинор Иогансон // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий. Сборник научных статей, посвященный 70-летию И. И. Земцовского*, Санкт-Петербург, РИИИ, 2010, ч. 1, с. 223–231.

Светозарова 2013: Н. Светозарова, *Творческое наследие В. М. Жирмунского и его учеников в архивах Петербурга (фольклорно-диалектологические материалы) // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 года*, отв. ред. И. Тункина, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2013, с. 475–481 (серия: Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4).

Светозарова 2013а: Н. Светозарова, *Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского)*, «Magister Dixit. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири», 2013, 3, электронный адрес: <<https://cyberleninka.ru/article/n/otchet-y-ob-ekspeditsiyah-kak-unikalnyy-istochnik-informatsii-na-materiale-folklorno-dialektologicheskikh-ekspeditsiy-v-m-zhirmunskogo>> последнее посещение 25.03.2020.

Светозарова 2015: Н. Светозарова, *Герман Бахман и его книга “Поездка в немецкие колонии Березанского района”*, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2015.

Смирницкая 2000: С. Смирницкая, *В. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи*, Санкт-Петербург, 2000, с. 61–70.

Смирницкая 2003: С. Смирницкая, *Исследователь немецких колонистов Альфред Штрём // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века)*, Санкт-Петербург, 2003, вып. 1, с. 174–176.

Berend, Jedig 1991: N. Berend, H. Jedig, *Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie*, Marburg, N.G. Elwert Verlag, 1991.

Bachmann 1929: H. Bachmann, *Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebiets*, Charkow, Zentralverlag, 1929.

Bertleff, John, Svetozarova 2016: I. Bertleff, E. John, N. Svetozarova, *Russlanddeutsche Lieder. Geschichte – Sammlung – Lebenswelten*, Essen, Verlag Klartex, 2018, Band 1–2.

Naiditsch 2008: L. Naiditsch, *Viktor Maksimovič Schirmunski – Germanist und Mundartforscher // Bausteine zur Wissenschaftsgeschichte von Dialektologie*. Germanistische Sprachwissenschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum 2. Kongress der Internationalen Gesellschaft für Dialektologie des Deutschen, Wien, 20.–23. September 2006, P. Ernst (Hrsg.), Wien, Praesens Verlag, 2008, S. 55–74.

Naiditsch 2015: L. Naiditsch, *Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus*, «Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik», LXXXII, 2015, 3, S. 331–349.

Naiditsch 2018: L. Naiditsch, *Zum Wortschatz in den deutschen Inselmundarten der Ukraine in den 1920er Jahren. Nach dem Archiv von Viktor Schirmunski // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы чтений, посвященной памяти проф. И.М. Тронского*, Санкт-Петербург, Наука, 2018, S. 919–944, электронный адрес: https://tronsky.iling.spb.ru/static/tronsky2018_02.pdf, последнее посещение 25.03.2020.

Najdič 1997: L. Najdič, *Deutsche Bauern bei St. Petersburg – Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore*, Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1997.

Schirmunski 1926 / 1927: V. Schirmunski, *Deutsche Mundarten an der Newa (mit einer Karte). II. Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Newa-Gebiete* «Teuthonista», 1926/1927, 3, 1, S. 153–165.

Schirmunski 1928: V. Schirmunski, *Die deutschen Kolonien in der Ukraine*, Moskau, Zentral-Völkerverlag der Sowjet-Union, 1928.

Schirmunski 1928/1929: V. Schirmunski, *Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine*, «Teutonista», 1928, 5, S. 38–60; 1929, 7–8, S. 37–42.

Schirmunski 1930: V. Schirmunski. *Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten*, «Germanisch-romanische Monatsschrift», 18, 1930, 3–4, S. 112–122; 5–6, S. 171–178.

Schirmunski 1930a: V. Schirmunski, *Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen der Sowjet-Union*, Leipzig, Sammlung Deutsche Volkskunde im ausserdeutschen Osten, 1930.

Schirmunski 1931: V. Schirmunski, *Die nordbairische Mundart von Jamburg am Dnjepr (Ukraine)* «Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur», 55, Halle/Saale, 1931, S. 243–281.

Schirmunski 1992: V. Schirmunski, *Linguistische und ethnographische Studien 1926-1931*, von C.-J. Hutterer (hrsg.), München, Verlag Südostdeutsches Kulturwerk, 1992.

Ströhm 1926 / 1927: A. Ströhm, *Deutsche Mundarten an der Newa. I. Die Mundarten der drei ältesten deutschen Mutterkolonien im Newa-Gebiete* «Teuthonista», 1926/1927, 3, 1, S. 39–62.

Svetozarova 1996: Svetozarova, Natalia. 1996. *Zhirmunsky's Collection of German Folk Songs in the Sound Archives of the Pushkinsky Dom*, in *Archives of the Languages of Russia*, ed by. Liya Bondarko and Tjeerd de Graaf (St.Petersburg-Groningen: Saint-Petersburg University), 33–38.

Татьяна Шор

От *Curriculum vitae* к автобиографии: Вальмар Адамс (1899–1993)

From Curriculum Vitae to Autobiography: The Case of Valmar Adams (1899-1993)

The Estonian poet and essayist, philologist, university teacher Valmar (Vladimir Karl Moritz Alexander) Adams wrote many CVs and autobiographies over his long life. He was born at the turn of the century and was a direct witness to the European turmoil of the twentieth century. His CVs are a unique example of both business and artistic autobiographical genres in completely opposed cultural contexts. He was a citizen of the Russian Empire, of the Estonian Republic and the Estonian SSR, then a citizen of the Reich Commissariat of Ostland within the German Reich, then a citizen of the USSR and again the Republic of Estonia: Adams had to negotiate with his context in his autobiographies at different periods. Iurii Lotman wrote about his colleague: 'Valmar Adams is a man of versatile giftedness. It is difficult to describe him briefly. I once advised him to write a play where the characters would be the five sides of himself. In the present article these different sides of Adams are revealed on the basis of documents and autobiographies from the archives of the Literary Museum of Tartu, University of Tartu, and the KGB.

В моей крови ведут извечный танец
Ярильный, светозарный славянин
Надменный швед, стремительный германец
И хмурый одинокий финн...
(Via sacra 1922: 44)

Эстонский писатель, филолог, университетский преподаватель Вальмар Теодорович Адамс написал за свою долгую жизнь множество автобиографий. Он родился на переломе веков, был непосредственным свидетелем европейских по-

трясений XX века и создал уникальные образцы делового автобиографического жанра в диаметрально противоположных культурных контекстах. Подданный имперской России, затем гражданин лимитрофного государства Эстон-

ская Республика и Эстонской ССР, затем подданный рейхскомиссариата Остланд в рамках Германского Рейха, далее гражданин СССР и снова Эстонской Республики – вот основные общественные роли, которые Адамс должен был осмыслить и отразить в своих жизнеописаниях в разные периоды жизни. Ю.М. Лотман в заметке к его 90-летнему юбилею писал:

Вальмар Адамс – человек разносторонней одаренности. Его очень трудно охарактеризовать коротко. Когда-то я советовал ему написать пьесу, где действовало бы пять Адамсов. Кто же были бы эти персонажи? Первый – это Адамс-поэт со своеобразной творческой биографией: очень известный в двадцатые год поэт-новатор. [...] Второй – Адамс-литературовед, видный исследователь русской литературы XIX века, в основном творчества Гоголя, но и других авторов. [...] Третий Адамс, обладающий пылким общественным темпераментом, что неизменно влекло его в ряды молодежи. [...] Четвертый –

Адамс-мемуарист и романист. [...] Пятый Адамс – он сам. Я с большой буквы. Вальмар Адамс – человек с исключительно ярко выраженной личностью, культивирующий и создавший ее, являющуюся произведением Вальмара Адамса (Лотман 1998: 218–219)¹.

Эта высочайшая оценка личности и творчества Адамса, всю жизнь искавшего точку опоры в сложных перипетиях и обстоятельствах, с которыми ему приходилось сталкиваться. В юности под влиянием русской литературы он подражал декадентам и эгофутуристам², в начале 1920-х годов

¹ Впервые о пяти ликах Адамса упомянула журналист и библиограф Эрнэна Сийрак в статье, посвященной 70-летию В.Т. Адамса. Для его коллег, профессора Ю.М. Лотмана и З.Г. Минца, он долгое время пребывал в трех (поэт, ученый, преподаватель), затем в четырех ипостасях – литературовед, прозаик, эссеист и поэт (в поздравительной телеграмме 1985 года) и, наконец, в пяти ликах в 1989 году (Siirak 1979, Lotman 1974, Lotman 1989, Adams 1899: 23, 20, 3).

² Наиболее заметные его поэтические произведения на русском языке были опубликованы в альманахе литературной группы “Раки на мели” с участием Игоря Северянина *Via sacra* (1922). Стихи Владимира Адамса-Александровского *Via sacra* дали название всему альманаху. Кроме то-

был поклонником и близким другом Игоря Северянина, но вскоре понял, что ему не преодолеть уровень провинциального поэта и стал писать по-эстонски³. Первыми публикациями на эстонском языке были переводы из Байрона, который наравне с Лермонтовым был очень важен в становлении поэтического Я Адамса. Следует отметить, что большинство крупных эстонских писателей-современников считали творчество Адамса посредственным. Тем не менее за какие-нибудь десять лет в ипостаси эстонского поэта он все же достиг признания и в среде эстонских литераторов. Так, Г. Виснапуу отмечал интересные игры Адамса-поэта с неточными рифмами, в частности контргенеративными и омо-

---

го, им были опубликованы стихи из циклов *Стишебны*, *Алое* (лирель *Мальчишка*), *Скорченные орбиты*, *Автоэстрада* (*Все укради...*), отрывок из поэмы *Лирическое Ни* и др. Подробнее см.: Kguus 1984, Пономарева 1999, Пономарева 2001.

³ В автобиографии 1949 года Адамс пишет: “Так я стал сначала провинциальным русским, а потом эстонским поэтом, издавшим с 1924 по 1935 год пять книг, вошедших в историю эстонской литературы” (Adams 1944: 120 об.) Знаменательно, что Игорь Северянин включил переводы его стихов в свою антологию *Поэты Эстонии* (1928).

нимическими. Опираясь на опыт В. Брюсова, он первым употребил эти формы в эстонских стихах (Visnapuu 1932: 587). Критик Х. Пауксон⁴, принадлежавший к литературной группировке “Arbujad” и позже работавший в эстонской редакции газеты «Ameerika Hääl» («Голос Америки»), в рецензии на третий сборник стихов Адамса *На полдороге странствия земного...* (*Maise matka poolel teel*, 1932) на страницах серьезного журнала «Looming» (Творчество) оценил его в целом положительно. Он отмечал, что уже само название, отсылающее к *Божественной комедии* Данте, вступает в контраст с первым эпатажным сборником *Поцелуй в снег*, нацеленным на *продвинутого* читателя. По словам Пауксона, этот сборник был явным шагом вперед и отходом от солипсизма второго сборника *О боли света* (*Глаза в глаза с читателем*)⁵. Третью книгу стихов Адамса рецензент характеризует как “Все всем!”, замечая, что несмотря на известное позирование стихотвор-

---

⁴ Harald Paukson (1904–1956, с 1936 года Parrest), о нем см.: Lindström *et al.* 1994: 276.

⁵ Имеются в виду поэтические сборники Адамса *Suudlus lumme* (1924) и *Valguse valust* (1926).

ной изысканностью, она занимает видное место в современной интеллектуальной эстонской поэзии. Творческой манере автора присуща философичность, психологизм (в духе Фрейда), жест, риторика, эстетичность, музыкальность и художественный вкус (Raakson 1933). Так же положительно оценил этот сборник в обзоре эстонской поэзии за 1932 год блестящий критик и переводчик А. Орас (Ogas 1933: 197–198)⁶.

Что касается второй ипостаси: Адамса-литературоведа, то сам Ю.М. Лотман не очень ценил его в основном эссеистическое творчество, но признавал его работы в области эстонского стиховедения и интересные опыты в области перевода (Adams *et al.* 1946, Adams 1977)⁷. После Второй ми-

ровой войны в первом номере Ученых записок только что возникшей русской кафедры, которую возглавил Адамс, было опубликовано его исследование *Идиллия Н.В. Гоголя Ганц Кюхельгартен в свете его природоописаний*. На основании этой книги автора объявили космополитом, а его удачно начатая карьера в *Alma mater* быстро закончилась (Адамс 1946)⁸. В.А. Десницкий⁹, бывший юрьевец, ученик известного литературоведа Е.В. Петухова, ставший к этому времени именитым профессором, а позже участво-

---

Адамса “Из истории эстонской рифмы (к проблеме русских влияний на эстонскую поэтику)” вышла в Ученых записках ТГУ в 1960 году (т. 98). Карл Абен (1896–1976), доцент кафедры финно-угорских языков, переводчик с латышского.

⁸ В советское время в 1946 году магистерская работа *Riim, võrdlev-ajalooline ning kirjandusteoreetiline uurimus üldise ja eesti riimiteooria alalt* (Рифма, сравнительно-историческое и литературно-теоретическое исследование в области общей и эстонской теории рифмы, 1929) была признана кандидатской диссертацией (Adams 1944: 175–175f).

⁹ Петухов Евгений Вячеславович (1863–1948), профессор русской литературы в императорском Юрьевском, бывшем Дерптском университете 1895–1918. Десницкий Василий Алексеевич (1878–1958), общественный деятель, литературовед, учился в университете в 1899–1902 и 1906–1912 гг. (Desnitski 1899).

---

⁶ До 1940 года Адамс издал еще два стихотворных сборника на эстонском языке *Põlev põsas* (1937, Неопалимая купина) и *Tunnetuse tund* (1939, Час познания). Переводы с эстонского здесь и далее автора.

⁷ В письме Б.Ф. Егорову в августе 1961 года Ю.М. Лотман писал: “Комитет славистов из всех наших тем удостоил внимания лишь тему Адамса. Утритесть (я уже)! Адамс стал выше на 1/2 вершка и жалуется на перегрузку. Хочет просить у Виноградова сузить тему, забросив историю латышской рифмы, пренаивно поясняя, что Абен не дал ему необходимых сведений” (Лотман *et al.* 2018: 53). Статья В.Т.

вавший в *потоплении* фольклориста-космополита М.К. Азадовского (1888–1954), в данном случае приложил руку и к Адамсу. Он был объявлен формалистом, последователем американского психолога Л. Шеффера, вульгарным фрейдистом, “оседлавшим свои глаза темно-желтыми очками западно-европейской и американской учености” (Десницкий 1946: 3). Теперь бы это могло сойти за комплимент, но в 1946 году за подобные обвинения выгоняли с работы (Рисс 1946, Советская Эстония 1946, *Rahva Hääl* 1946; Adams 1944: 37; Adams 1947: 1–2, 22–23, 24–29). Через пять лет во время судебного разбирательства в связи со службой Адамса переводчиком в период немецкой оккупации, работу о Гоголе вместе с разгромными рецензиями ему снова припомнили¹⁰ (Adams 1951: 263а; По-

¹⁰ В характеристике 1950 года ректора А. Коорта значится: “По линии научной работы Адамсом была напечатана в 1946 году статья о *Ганце Кюхельгартене* Н.В. Гоголя, содержащая порочные положения, что было отмечено в статье профессора В.А. Десницкого, опубликованной в газете *Советская Эстония* за тот же год. Однако работа Адамса 1950 года об эстонской повести *Адо* декабриста В. Кюхельбекера, хотя и несколько сырая в научном отношении, идеологических ошибок не содержала” (Adams 1944: 129). В объяснительной записке

номарева 1998: 54–55)¹¹. Знамательно, что автор заметки об Адамсе в *Биографическом словаре ученых Эстонии* К. Сийливак эту монографию даже не упомянул, зато сослался на немецкий вариант статьи 1931 года, послужившей

к списку научных трудов в июле 1950 года Адамс писал: “Работа испорчена некоторыми ошибочными формулировками и ляпсусами, которые в свете последовавших вскоре после опубликования этой работы исторических постановлений ЦК ВКП/б/ оказались порочными, - подверглась резкой критике, которую я ныне признаю в основном вполне правильно, хотя имеется положительный отзыв ленинградских профессоров П.М. Беркова, М.П. Алексеева и [Н.И.] Мордовченко на эту работу” (Adams 1944:17). В постановлении на арест В. Адамса от 18.07.1951 года в одном из пунктов обоснования говорилось: “В 1946 году Адамс был уволен из Тартуского Госуниверситета за космополитизм. В 1951 году он вновь изгоняется из университета за активную службу в немецком карательном органе и за пронемецкие убеждения” (Adams 1951a: 2).

¹¹ Надо иметь в виду, что личные дела В. Адамса и других преподавателей, которые упомянуты в статье Г.М. Пономаревой *Перед отменью*, из ведомственного университетского архива переданы в Национальный архив Эстонии (Estonian National Archives=Rahvusarhiiv, Tartu; далее пользуемся сокращением НАЭ) и в настоящее время имеют другие архивные шифры, см. НАЭ, Тарту, ф. ЕАА. 531 *Tartu Ülikool 1919–2006*, 44501 ед. хр. (www.ra.ee/vau; <https://ais.ra.ee>).

основой для этого исследования (Siilivask 2000: 33).

Образ третьего Адамса, обладающего “пылким общественным темпераментом”, соотносится с его сотрудничеством и редакторством в большевистской газете «Молот» (1918–1919), региональном двуязычном издании «Petserlane = Печерянин» (1920) и газете «Üliõpilasleht» («Студенческий листок», 1926–1928). Лекторскую работу со студентами в стенах Тартуского университета и в народном университете Адамс начал в 1929 году (Исаков 2002: 75–76, Шор 2002: 17–26). Упомянем также его попытку изложить на эстонском языке *ленинский метод* для эстонских коммунистов-функционеров и сотрудничество в газетах «Eesti Kommunist», «Postimees», «Edasi» в середине 1940-х годов (Adams 1946: 4–11)¹².

¹² В протоколе заседания кафедры от 24 сентября 1963 года отмечено: “Заслушав и обсудив отчет доц. В.Т. Адамса, кафедра русской литературы заключает: В.Т. Адамс много лет старательно ведет активную учебную работу на кафедре. [...] Выступавшие во время обсуждения на заседании кафедры 12 апреля 1963 г. гг. Лотман, Фельдбах, Исаков, Минц, высказав отдельные замечания, одновременно очень положительно оценивали лекции В.А. Адамса в целом, указывая на их высокий научный и методический уровень, правильность постановки

Об Адамсе *мемуаристе* и *романисте* можно сказать, что все выпущенные в 1970–1980-е годы книги – *Твои секунды*, *Запыленное золото юности*, *Вечерний свет*, эссе-дневник *Омега*, избранные стихотворения в сборнике *Красные звезды*, особенно же роман *Эста вступает в жизнь* – автобиографичны (Adams 1971, 1972, 1982, 1982a, 1985, 1986). Сам Адамс в 1946 году характеризовал свое раннее творчество так: “В прозе я начал культивировать малую форму эссе-миниатюр, своеобразный жанр ‘опавших листьев’ по форме, диалектики жизни и сознания по содержанию. Эти эссе и максимы названы мною ‘Mõttelooted’ (т.е. ‘эмбрионы мысли’)” (Adams 1899: 122:1, 396).

Наконец, обратимся к пятой, наиболее важной для нашей темы, ипостаси Адамса – его *Я*. Попытаемся проследить, как менялась самоидентификация этой неординарной личности в бюрократическом и литературном вариантах автобиографий с конца 1930-х до начала 1980-х годов. В Эстонском Литературном музее в Тарту (Eesti Kirjandusmuuseum; далее используем сокращение

идеологических вопросов и воспитательную ценность” (Adams 1941: 74).

ЭЛМ) в персональном архиве Вальмара Адамса (EKLA, ф. 344 *Valmar Adams*), а также в его личных делах в фондах Национального архива Эстонии (*Eesti Rahva Muuseum*; далее пользуемся сокращением НАЭ), сохранилось масса вариантов его жизнеописаний от кратких *Curriculum vitae* (CV) до целого ряда как сугубо бюрократических, так и развернутых автобиографий, начиная со студенческих времен на эстонском и русском языках. Автобиографические свидетельства Адамса, зафиксированные в протоколах следственного и наблюдательного дел в архиве КГБ ЭССР (ERAF), несомненно, имеют определяющее значение для понимания движения к конформизму и в осознании собственного Я под давлением обстоятельств в постоянно меняющемся мире¹³. Особенностью автобиографической

¹³ Дела, содержащие автобиографические материалы В.Т. Адамса в НАЭ в Тарту: ф. ЕАА. 2100, оп.1, ед. хр. 50 (CV 1924); ф. ЕАА. 2100, оп. 1а, ед. хр. 11 (CV 22 апреля 1940 года); ф. ЕАА. 531, оп. 87/53, ед. хр. 1 (автобиографии 1946, 1949, 1950, 1955); ф. ЕАА. 531, оп. 134, ед. хр. 129 (автобиографии 1955, 1970); ф. ERAF. 130SM.1.2157-1 (устные автобиографии, записи в протоколах допросов 1950–1951); RA, ERAF. 130SM.1.2157-2 (автобиографии 1951–1954).

манеры Адамса является то, что даже в анкетно-формальной советской автобиографии он умудрялся представить, как требуемую административно регламентируемую краткую сводку (собственно CV), так и развернутый вариант (“обстоятельное изложение”) автобиографии с мотивировками и авторскими оценками своих действий как бы со стороны. Например, в варианте “обстоятельного изложения” от 11 июля 1950 он выделяет следующие, уже внутренне им осознанные периоды жизни: 1899–1919 (детство-юность), 1919–1940 (жизнь в буржуазной Эстонии)¹⁴, 1940–1941 (деятель-

¹⁴ “После победы капиталистического строя в Эстонии я вскоре был арестован. Вместо высылки в советскую Россию, о которой я просил, меня в наручниках отправили в Таллинскую центральную тюрьму, затем в батарейную и обвинили по политическим статьям 102, 126 и 129 [О] н[аказаниях] У[головных] уложения царской России. [...] Я вышел из буржуазного застенка разбитым физически и морально. На поражение Эстляндской Коммуны лишенный научного мировоззрения юноша ответил уходом в мир пессимистической лирики. [...] Не имея ни руководства, ни конкретной цели, ни плана, я прослушал 25 семестров университетских курсов, изучил 5 языков, чтобы читать в оригинале мировую литературу, – одновременно зарабатывая себе на пропитание

ность в советском университете)¹⁵, 1941–1944 (арест и работа переводчиком в годы фашистской оккупации)¹⁶, 1944–1949 (период адаптации к советской действительности, увольнение из университета и последующее восстановление) (Adams 1944: 5–10f). Отметим, что склонность к саморефлексии и “обстоятельному изложению” обнаруживается уже в ранних автобиографиях. Так, будучи студентом второго

литературой и другим случайным трудом, так как я был бедняком и рано остался один на свете...” (Adams 1944: 6).

¹⁵ “[...] во время переворота немедленно и без колебаний встал на советскую платформу. [...] В июле 1941 г. меня не успевают эвакуировать, хотя я и просил об этом” (Adams 1944: 9).

¹⁶ Описывая свои аресты во время немецкой оккупации, Адамс чисто-сердечно признается: “Правда, мне вскоре удалось добиться фактически весьма льготных условий заключения благодаря протекции ученого офицера (ботаника) Рэдлиха, которому захотелось, чтобы ‘профессор’ обучал его русскому языку и сопровождал его в его поездках, взамен чего я – получив свидетельство лагерного врача о неспособности к физическому труду – был зачислен ‘переводчиком’ и постепенно переведен на полусвободное положение” (Adams 1944: 9f). Этот пассаж не прошел мимо внимания университетской администрации: он отчеркнут сбоку красным карандашом и лег в основу расследования сначала в университете, а затем в КГБ в 1950 году.

курса Тартуского университета, в CV к прошению о получении стипендии из спецсредств и освобождении от платы за учебу 23-х летний, в то время еще Владимир Адамс писал:

В получении образования и вообще в жизни я *self-made man*. Еще маленьким я остался без поддержки отца, все достигнуто только мною самим: зарабатывая на хлеб, я одновременно учился, и таким образом кончил среднюю школу. Теперь уже пять лет я живу совершенно самостоятельно. [...] Полубразованность я ненавидел всегда...¹⁷

Над развернутым литературным вариантом автобиографии Адамс работал всю свою сознательную жизнь, о чем свидетельствуют два объемистых тома автобиографических материалов в его личном

---

¹⁷ “Haridusesaamiseks ja üldse elus olen *self-made man*. Veel pisikesena kaotasin isa toetuse, kõik on olenenud ainult minust enesest: teenides leiba ma ühelajal ka õppisin ja lõpetasin nii keskkooli. Nüüd elan ju üle viie aasta täiesti iseseisvalt. [...] Poolharidust vihkasin alati...” (Adams 1921: 20).

архиве¹⁸. Некоторые фрагменты автобиографии, носящие мемуарный характер, ему удалось опубликовать после выхода на пенсию, когда он полностью посвятил себя литературным трудам (Adams 1979, 1983, 1984, 1984a, 1999; Adams 1899: 56:5, 407–417). О том, что Адамс как личность актуален и для современной литературной панорамы Эстонии, свидетельствуют посмертные публикации его эссе-воспоминаний (Adams 1999). Жизнетворческое игровое отношение к личному Я проявилось у Адамса уже в юности на уровне имени собственного. Сложное в лютеранской традиции имя, записанное в метрике Петербургской лютеранской кирхи при рождении как “Владимир Карл Мориц Александр”, позволяло интерпретировать его национальную принадлежность и в немецкую, и в русскую (по первому имени) сторону, при этом во всех автобиографиях Карл и Александр регулярно опускались. В юные годы первая и последняя части имени составили псевдоним поэта Владимира Александровского, в Тартуский университет в 1921 году он поступает как Влади-

мир Адамс¹⁹. На первом этапе творчества он – “русский провинциальный поэт Владимир Александровский” (1914–1922, публикации в газетах «Юрьевский Вестник», «Молот», «Печерянин» и альманахе *Via sacra*) (Adams 1940: 1200б), с 1924 года входит в эстонскую литературу как поэт Вильмар Адамс, с 1936 и до конца жизни – лектор и разносторонний литератор Вальмар Адамс. В эстонской литературной среде поэта-билингва принимали то за русского, то за немца, но во всех известным нам автобиографиях и анкетах он неизменно именовал себя эстонцем²⁰, а в автобиографическом романе эпатажно прячет свое Я под маской женщины по имени “Эста”. Но и это еще не все, игра с именами на этом не кончается. На волне эстонизации в 1936 году Адамс официально получает имя Вальмар-

¹⁹ В университетской матрикульной книге под № 1883, 17 февраля 1921 года Адамс зарегистрирован как “Владимир”. Копия свидетельства о рождении С.-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории с именем “Владимир-Карл-Мориц-Александр” хранится в личном студенческом деле (Adams 1921: 7).

²⁰ Любопытно отметить, что в переписке с Анастасией Цветаевой, с которой Адамс познакомился в начале 1970-х, он демонстративно использовал немецкий язык (Пономарева *et al.* 2012: 119–122).

¹⁸ Adams 1899: 122:1, 1–176; 123:1, 177–419.

Меэленд (по-видимому, эстонский вариант 'Мориц' с игровым оттенком – *meel* – эст. чувство), причем второе имя практически не использовалось²¹.

Итак, перейдем к рассмотрению варианта CV от 22 апреля 1940 года из фонда "Тартуский университет 1918–1944", написанного незадолго до государственного переворота (Adams 1940a: 1–1f). Со студенческих лет и позже, Адамс пользовался кредитами Целевого фонда Т. и С. Бергман для продолжения учебы за границей и на научные командировки. К февралю 1940 года у него образовался довольно крупный долг, который он должен был погасить к определенному сроку²². В поисках материаль-

ных ресурсов Адамс решил сдать педагогический экзамен при университете, чтобы получить легальную возможность преподавать несмотря на то, что он уже имел магистерскую степень и стаж преподавания. Он пишет подробное CV не вполне традиционно – это итоговая автобиография уже сложившегося 41-летнего литератора. Адамс подчеркивает свою склонность к педагогическому призванию, останавливаясь на своей работе учителем в Печорах, учебе, общественной и преподавательской деятельности в Тартуском университете. Далее он касается своих заграничных командировок в Чехословакию, Австрию и Германию, на которые ему выделяли средства из фонда Бергмана. Все они, по словам автора, были связаны с проблемами филологии, философии и психологии, упоминались при этом знакомства с известными в Европе лицами, в том числе со знаменитыми психиатрами А. Адлером, З. Фрейдом, В. Штекелем (редактор журнала «Imago»), ввел в

²¹ Авторы списка студентов Тартуского университета с 1919 по 1944 год имя "Valmar Adams" трактуют как псевдоним (Lindsröm *et al.* 1994: 131). В справке к переводу магистерского диплома 1929 года, единогласно утвержденному Ученым советом как кандидатская степень СССР, указано, что "23 апреля 1936 г. данные при крещении имени 'Владимир Карл Мориц' заменены именем 'Вальмар', являющимся легализацией его литературного имени 'Вальмар Адамс'" (Adams 1944: 12, 168).

²² Игра с именами в 1920–1930-е годы продолжалась постоянно, так в фонде С. и Т. Бергман Адамс был зарегистрирован, как Вольмар, возможно, новообразование от Вольдемар-

Владимир. В названии архивного дела фонда Бергманов значится: Adams, Volmar (*sic!* – Т.Ш.) ka Vilmar, endine Vladimir) Teodori pg – filosoofiateaduskonna üliõpilane, 1925–1940 (Adams 1925: 6–12).

психиатрию термин *Thanatos*) и др. Долг Целевому фонду он так и не вернул, так как в июне новая власть все общественно-благотворительные организации закрыла, долги считались погашенными, а Адамс, прекрасно зная русский язык, активно стремится вжиться в среду насаждаемого социализма сталинского образца.

В последующих автобиографиях советского периода акценты смещаются. В Тартуском государственном университете Адамс преподавал русский язык с июня 1940 по июнь 1941 года, а затем приступил к работе вновь в ноябре 1944 (Adams 1944: 25; Пономарева, Шор 2010: 229). В биографии 1946 года, помимо эпизода работы в редакции большевистской газеты «Молот» (начало *сознательной жизни*), арест и притеснения со стороны эстонских властей, он подробно описывал свой круг знакомых писателей и славистов в Чехословакии (Карел Чапек, Станислав Нейман, Леопольд Зильберштейн, Оттомар Фишер и др.). В новых культурно-политических реалиях Адамс, судя по письмам и документам этого периода, вполне искренно, пишет:

В буржуазной Эстонии я всегда стоял за дружбу и сближение с Советским Союзом, отрыв от которого я переживал особенно болезненно. В течение двух десятилетий я принимал активное участие в полулегальном кружке друзей советских литературы в Тарту. Здесь я прочел и первую в Эстонии лекцию о Маяковском. [...] Во время переворота я без колебания открыто и немедленно встал на советскую платформу. Поехав в Таллинн, я участвовал в походе на Вышгород и в манифестациях на Плацу Свободы (Adams 1944: 9; Adams 1899: 123:1, 395–396).

Автобиография 1946 года (машинопись на 9 листах), написанная незадолго до разгромной статьи В.А. Десницкого и последующего увольнения из университета, послужила прообразом подкорректированной к обстоятельствам рукописной биографии 1949 года, когда над головой Адамса снова стали сгущаться тучи. В ней оценочные акценты, по сравнению с последней *буржуазной биографией*, были кардинально изменены в духе

советских политических клише: политический процесс за сочувствие идеям социализма²³, борьба между “дикими” студентами и корпорантами, “плен у господствующей в тогдашней литературе вздорной теории ‘свободы слова’”, “изоляция от культуры Советского Союза” и влияние “усиленно насаждавшейся в университете идеалистической философии”... etc. (Adams 1944: 5–10f). В советской Эстонии удачно начатая карьера в штате государственного университета очень скоро стала рушиться из-за непонимания конфликта идеологии идеального и реального социализма. Как человек книжный, читавший классиков марксизма-ленинизма и современные социально-психологические штудии в оригинале, Адамс пытается быть *правильным марксистом*, но никак не может втиснуться в узкие рамки “Краткого курса истории ВКП(б)”. Уволенный с места доцента кафедры русского языка из-за скандала с монографией о Гоголе 15 октября 1946 года, восстановленный с

²³ Из-за сотрудничества в газете *Молот* Адамс в конце января 1918 года был арестован и находился под полицейским надзором по подозрению в антигосударственной деятельности до конца 1921 года (Adams 1918).

помощью начальника главного управления университетов Министерства образования СССР в сентябре 1947 года в статусе доцента кафедры славянской и балтийской филологии, Адамс, в феврале 1949 утвержденный наконец ВАКом в звании доцента, к концу 1950 года снова оказывается не у дел (Adams 1944: 40–56)²⁴. В анкете следственного дела КГБ от 20 июля 1951 года он значился как “лицо без определенных занятий” (Adams 1951: 7). Его устные автобиографические рассказы были зафиксированы в протоколах допросов и вкуче с показаниями более чем 40 свидетелей придают не только объем малоизвестному периоду жизни

²⁴ В характеристике 1950 года бывший лектор Тартуского университета, руководитель Тартуского цеха поэтов, а теперь заведующий русской кафедрой Б.В. Правдин пишет: “Адамс, Вальмар Теодорович [...] беспартийный, работал преподавателем и доцентом в 1940/41, 1944/45 и 1945/46 учебных годах в составе кафедры славяно-балтийской филологии ТГУ. С весны по октябрь 1946 он был заведующим кафедрой русского языка, с 1 сент. 1947 по 1 сент. 1949 заведующим кафедрой русской литературы. После укомплектования штата этой кафедры, с начала 1949/50 уч. года он состоял и доцентом до декабря 1950, когда был снят с работы приказом ректора” (Adams 1944: 128–128f; Ср.: Adams 1920: 4–5, 10–11, 13).

Вальмара Адамса на оккупированной территории, но и рисуют довольно неприглядный его личностный портрет (Adams 1951, 82–294). В числе опрошенных оказались известные писатели и университетские преподаватели У. Мазинг, И. Сильвет, Э. Лаугасте, режиссер К. Ирд, библиотекарь М. Сыщиков²⁵, бывшая любовница Л. Кригуль²⁶, супруга Х. Майсте²⁷, супруга писателя И. Семпера Аврора и Л. Алексеева²⁸. Г.М. Пономарева

---

²⁵ В справке, составленной М. Сыщиковым 25.11.1950, говорилось: “По данным из *Студенческой газеты* (имеется в виду газета *Üliõpilasleht* – Т.Ш.) В. Адамс был одним из лекторов на этих курсах (курсы лекторов по истории возникновения Эстонской Республики при Тартуском университете – Т.Ш.) и имел хорошие для того фашистского времени отзывы” (Adams 1944: 129; Ропотагюва 2018: 13–14).

²⁶ Кригуль Линда Юхановна (Krigul Linda, урожд. Künnapas, 1906–1996), филолог, выпускница Тартуского университета (1933), работала в Литературном музее, составительница библиографии трудов В. Адамса.

²⁷ Майсте Хильда Мартовна (Maiste Hilda, 1908–1986, в первом браке Казак, во втором – Аллер); магистр философии и филологии, автор и соавтор учебников и хрестоматий по русскому языку, доцент кафедры языков Тартуской сельскохозяйственной академии 1964–1971, первая супруга В.Т. Адамса.

²⁸ Алексеева Лейда Юрьевна (1906–1987), вторая жена В. Адамса; в пер-

в статье об истории кафедры русской литературы конца 1940-х – начала 1950-х годов замечает, что два первых заведующих русской кафедрой Адамс и его старший собрат по перу Б.В. Правдин во время немецкой оккупации находились в оккупационной зоне, оба работали переводчиками²⁹. У Адамса возникло по этому поводу целое дело, а Правдин ограничился лишь объяснительной запиской начальнику отдела кадров университета. Возникает законный вопрос, как ему удалось избежать ареста? Исследовательница полагает, что все дело в характерах: “Адамс был человеком вспыльчивым и конфликтным. Правдин был спокойнее, старался держаться в тени” (Пономарева 1998:

вом браке замужем за художником В.В. Алексеевым (1902–1945). После войны она одно время работала домработницей у Адамсов, а на момент допроса числилась организатором концертов коллектива слепых солистов (Adams 1951: 144–145р).

²⁹ Правдин Борис Васильевич (1887–1960) сотрудничал в финансируемой Остландом русской газете *Новое время* (1941–январь 1944). В конце немецкой оккупации он отсиживался с семьей под Вильянди, сотрудничество с газетой прекратилось в конце 1943 года, к моменту открытия вновь советского университета Правдина в Тарту не было. См.: Пономарева, Шор 2009: 141.

56). Конечно, в этом есть доля правды³⁰. Адамс любил громко заявлять о себе своим коллегам, много писал партийным функционерам, стараясь быть им полезным, а на самом деле часто в своих писаниях как бы уличал их в необразованности даже в области марксистско-ленинской идеологии³¹. Сле-

³⁰ В характеристике ректора университета А. Коорта в декабре 1950 года сказано прямо: “Сам Адамс считает себя чуть не ортодоксальным литературоведом-марксистом. Поскольку он такого большого мнения о себе, это вызывает у людей, знающих прошлое Адамса, законное сомнение и возмущение” (Adams 1944: 127).

³¹ В партийном архиве сохранились два дела на Адамса за 1946 и 1947 годы. В первом *Компрометирующие материалы. Списки советских и партийных работников, освобожденных по политическим мотивам* содержится анонимный донос по поводу содержания монографии о Гоголе, в которой он упоминает “пресловутого меньшевика Переверзева, возглавляющего антимарксистскую школу в литературоведении, но не считает нужным обратиться к Белинскому и Чернышевскому, игнорируя труды без которых невозможно правильно понять и осветить творчество Гоголя. Брошюра Адамса написана вычурным псевдонаучным языком, перекликающимся с упадническими, эротико-декадентскими стихами автора в белоэмигрантском альманахе *Виасакра (Via sacra – Т.Ш.)* 24 года назад: ‘Как хорошо в наш век культурных эскимосов...’ ест.” (Adams 1946: 33–40). Во втором досье собраны письма Адамса с жалобами на редак-

дует признать, что старший следователь лейтенант КГБ А. Кольк проделал большую работу по изучению биографии подследственного в период 1941–1943 годов и привлек к расследованию людей из Тарту, Пскова и Острова, лично контактировавших, а также знавших Адамса лишь в лицо или по слухам. Каждый должен был засвидетельствовать свое личное отношение к подследственному и ответить на хитроумные вопросы следователя. При этом даже близкие Адамсу люди давали показания не в его пользу. Так будущая любимая жена Л.Ю. Алексеева говорила, что не понимает, почему в Тартуском концентрационном лагере Адамс просидел лишь месяц. Ее муж, художник Виктор Алексеев тоже владел языками, но никто его в переводчики не при-

цию *Советской Эстонии* за организованную на него травлю и увольнение. Там же представлены конспекты предлагаемых курсов *Ленинский метод, О национал-социализме* и пр. В одном из писем он откровенно пишет, что хотя он теперь не официальное лицо кафедры, но все же не оставляет свой работы по налаживанию контактов между русской и эстонской культурами и т.д. Пометы на письмах и проектах тогдашнего председателя ЦК КПЭ Э. Пялля не оставляют сомнения в неодобрении писаний Адамса (Adams 1947: 2–21, 24–29).

глашал. Супруга Адамса Х. Майсте говорила, что он с ней своими делами не делился, и отрицала все до такой степени, что следователь заподозрил ее в неискренности. Знакомые литераторы и ученые в один голос заявляли, что поэт он средний, писал порнографические (*sic!* – Т.Ш.) стихи (так в то время, по-видимому, именовались стихи с эротическим подтекстом) и прочее. Ознакомившись с делом, Адамс, думается, испытал немалый шок, что принудило его на суде начать свою речь таким образом:

В период буржуазной власти в ЭССР я был интеллигентом, космополитом, аполитичен, но всегда питал интерес к русской литературе и в особенности преклонялся перед Пушкиным. Написанное мною в буржуазное время я осуждаю, как политически порочное, но оно не антисоветское. Я свое осуждение изложил перед ЦК КП(б)Э. Вообще к поэзии того времени нельзя подойти с меркой теперешней (Adams 1951: 338).

Далее шел пассаж об аресте членами *Омакайтсе* в июле 1941 года, увольнении из университета за сотрудничество с советской властью, о тартуском концлагере Куперьянова, о деятельности в качестве переводчика в Острове у майора Рэдлиха, которого он возил в Тарту на экскурсию, но... при всем этом фашистским идеям он не сочувствовал, в допросах с пристрастием и расстрелах участия не принимал и виновным себя ни по каким статьям не признает.

Оправдания и самокритика не возымели действия, и 20 января 1952 года Адамса приговорили к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на первые пять лет с конфискацией (Adams 1951: 366). Он отбывал наказание в Степлаге (Джезказганская область), где среди заключенных было 873 эстонца (4,2% от других национальностей)³². Однако его воинственная натура и там не успокоилась. Он начал писать во все инстанции³³ и в сентяб-

³² В антологии *Поэзия узников Гулага* помещены стихи В. Адамса в переводе С. Семененко. В биографической справке оказалось много неточностей, и ни одно из переведенных стихов не было написано в период 1951–1954 гг. (Адамс 2005: 913–914).

³³ В архиве Адамса в ЭЛМ сохранились копии его писем в центральную прокуратуру СССР (1952), всем пар-

ре 1954 года по требованию прокуратуры дело было пересмотрено (Adams 1951: 369–370)³⁴. Уже 9 ноября он был освобожден и выехал в Тарту. В автобиографии 1955 года в университетском личном деле он всячески подчеркивал свою деятельность как руководителя и доцента кафедры русского языка в первые послевоенные годы, когда не было кадров, помещений, а ему приходилось читать лекции на русском и эстонском языках по пяти предметам, включая курс иностранной литературы (Adams 1940: 7). Приказ ректора Ф. Клемента от 30 августа 1957 года о назначении В.Т. Адамса на 0,5 ставки доцента кафедры русской литературы с 1 сен-

---

тийным руководителям ЭССР и СССР с 1952 по 1987 годы, в том числе И. Кябину (19 писем), Г. Маленкову, Н. Хрущеву, А. Грезну, К. Вайно, А. Рюйтелю, М. Горбачеву и др.

³⁴ В справках о реабилитации говорится, что Адамс Вальмар Теодорович, родившийся в Петербурге в 1899 году, арестован 20 июля 1951 в Тарту и приговорен 30 января 1952 года к 10 годам принудительных работ с поражением в правах на пять лет. По постановлению Президиума Верховного Суда ЭССР от 13 октября 1954 года, приговор в отношении Адамса В.Т. отменен и дело о нем в уголовном порядке производства прекращено. Первую справку о реабилитации он получил в 1962 году при оформлении пенсии, окончательно реабилитирован в 1992 (Adams 1951a: 104).

тября 1957 года с зарплатой 1600 рублей в месяц, по-видимому, не удовлетворил его (Adams 1940: 17). В ноябре 1957 года он пишет письмо тогдашнему первому секретарю ЦК КПЭ И. Кябину:

Наши власти ЭССР напоминают мне паровоз, который потихоньку свистит и пускает пар, но не двигается с места. Все так и идет, как я Вам говорю. Проходят недели и месяцы, но данные мне обещания не воплощены в действительность, все ожидания и надежды снова бесполезны. Волокита, свист и пар – больше ничего. Энергии ленинского стиля не видно. Мне платят по-прежнему 50% (по-ленински – это финансовый разбой): получаю 480 руб. в руки. В связи с этим мое положение как доцента весьма далеко от культурного минимума, так что не могу нормально функционировать. На обещания ничего не купишь... (Adams 1920: 18).

Самое удивительное, что это возымело действие и приказом ректора с 1 ноября 1958 го-

да Адамса перевели на полную ставку доцента с зарплатой 3200 рублей (Adams 1941: 20).

В начале 1970-х годов Адамс начинает работу над автобиографическим романом *Эста вступает в жизнь*, прослеживая свою родословную с 1828 года (Adams 1986). Интересным наброском к нему является глава *Еще одна попытка биографии Вл. Александровского* (Adams 1899: 123-1, 348-349). В эти беллетризованные мемуары включены известные факты и лица культурного контекста довоенной эстонской Лифляндии и Эстонии. Рассказ постоянно флуктуирует, перемежается занятными историями, демонстрируя основательную начитанность автора и владение *стернианским стилем*, свободным от традиций и порядка. Но этот стиль оказывается не работающим в чужом культурном континууме. Насколько свободно и раскованно автор чувствует себя в сформировавшей его личность культуре дореволюционной России и в демократической Эстонии, настолько он не может художественно осмыслить чуждую ему догматическую культуру реального социализма, которую в случае публикации нельзя интерпретировать критически, а тем более и с опре-

деленной долей иронии. 7 ноября 1972 года Адамс поверяет Ю.М. Лотману свои сомнения:

А герои моего первого романа бунтуют вовсю. Написав 100 стр. и дойдя до июньской революции, ума не приложу, как все окончить. Революция у меня не получается, а структура рассказа – старомодная, под Гёте; гротеска ввести не сумею. Права бедного автора, оказывается, очень ограничены. [...] Простите отсутствие (любимого Вами) юмора в моем письме (Adams 1899: 7: 16, 6).

Значительно позже в другом письме по поводу интервью Лотмана о романе Я. Кросса *Императорский безумец*³⁵ Адамс с тоской замечает: “Пытаюсь продолжить ‘Эсту’, но не удается осмыслить *ajapöörak* (*Zeitwende* = поворот) 1940 и ... перспектива народа” (Адамс: 34).

С 1979 года в газетах начинают появляться отрывки из автобиографии Адамса, приуроченные, как правило, к оче-

³⁵ Имеется в виду интервью Ю.М. Лотмана в эстонской литературной газете «Очень социальная, очень нужная книга» (Lotman 1987).

редным юбилейным датам, так как к этому времени ряды эстонских литераторов Первой республики значительно поредели. За год до публикации автобиографического романа *Эста вступает в жизнь* в газете «Edasi» появился отрывок из планируемой книги *Попытка начать автобиографию* (Adams 1979). Это был первый шаг к созданию сложной динамической модели жизни Вальмара Адамса, построение которой он так и не успел закончить.

Можно ли на основе CV и автобиографий судить о конформизме или даже ультраконформизме Я Адамса, неоднократно попадавшего в противоположные исторические эксцессы и эксперименты? Три ареста как будто бы этому противоречат, видна и явная попытка отстаивать свою независимую позицию, однако в итоге он все же подчинился навязанным правилам игры в целях сохранения внешнего и внутреннего комфорта.

В архиве Адамса в ЭЛМ сохранилось письмо Ю.М. Лотмана, продиктованное З.Г. Минц после тяжелой болезни в Мюнхене в сентябре-октябре 1989 года своему давнему коллеге с начала формирования знаменитой кафедры русской литературы Тартуского университета. В нем 90-летний пятиликий Адамс подчеркнул особенно важные для себя места:

Меня очень радует, что в быстро меняющийся век Вы умеете сохранить неизменность своей личности, все от почерка до интонаций, в Вашем письме напоминает мне Вас. И при неизменности личности Вы умеете сохранить неразрывную связь с тем временем, которое отвела судьба – временем непонятным, но что ни говорите, – интересным и нескудным (Adams 1899: 7: 16, 11/13).

Библиография

Адамс: *Письма В. Адамса Ю.М. Лотману*, Библиотека Тартуского университета, Отдел редких книг и рукописей, ф. 135, ед. хр. 18.

Адамс 1946: В. Адамс, *Идиллия Н.В. Гоголя* Ганц Кюхельгартен в свете его природоописаний // *Ученые записки Тартуского государственного университета, Филологические науки*, Тарту, Госиздат “Научная литература”, 1946, т. 1, с. 3–49.

Адамс 2005: В. Адамс, *Я сам себе судья... – Inferno – Из свитка Агасфера – Диалог со смертью*, Перевод с эстонского С. Семененко // *Поэзия узников ГУЛАГа: Антология*, сост. С.С. Виленский, Москва, Материк, с. 913–914.

Via sacra 1922: И. Северянин, В. Адамс-Александровский, И. Беляев, Б. Правдин, *Via sacra: альманах*, Юрьев-Тарту, Вадим Бергман, 1922.

Десницкий 1946: В. Десницкий, *Еще раз о вреде легкомыслия и ложной учености* // «Советская Эстония», 1946, 28 ноября.

Исаков 2002: С. Исаков, *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940*. Таллинн, КРД, 2002.

Лотман 1989: Ю. Лотман, *Я знаю пять Адамсов*: [Вальмару Адамсу – 90 лет] // «Вперед», 1989, 28 января.

Лотман 1998: Ю. Лотман, *Я знаю пять Адамсов* // «Вышгород», 1998, 3, с. 218–219.

Лотман *et al.* 2018: Ю. Лотман, З. Минц, Б. Егоров, *Переписка 1954–1993*, сост. Б.Ф. Егоров, А.П. Дмитриев, Т.Д. Кузовкина, Д.Э. Кузовкин, Н.В. Поселягин, Санкт-Петербург, ООО “Полиграф”, 2018.

Пономарева 1998: Г. Пономарева, *Перед оттепелью. История кафедры русской литературы конца 1940-х – начала 1950-х годов* // «Вышгород», 1998, 3, с. 53–65.

Пономарева 1999: Г. Пономарева, *О первых стихах Вальмара Адамса* // «Радуга», 1999, 1, с. 75–78.

Пономарева 2001: Г. Пономарева, *Вальмар Адамс: граница двух культур* // «Радуга», 2001, 1, с. 23–32.

Пономарева, *et al.* 2009: Г. Пономарева, Т. Шор, *Русская печать и культура в Эстонии во время второй мировой войны (1939–1945)*, Tallinn, Tallinna Ülikooli kirjastus, 2009.

Пономарева, *et al.* 2010: Г. Пономарева, Т. Шор, *Из новейшей истории Тартуского университета 1940–1941* // *Труды русского ис-*

следователъского центра в Эстонии, 2010, 5, Тарту, Tartu University Press, p. 227–244.

Пономарева *et al.* 2012: Г. Пономарева, Т. Шор, *Русские дачники в Эстонии: Анастасия Цветаева и эстонские писатели* // «Балтийский архив», 2012, XII, с. 115–125.

Рисс 1946: О. Рисс, *Невежество под флагом ученого* // «Советская Эстония», 1946, 25 сент.

Советская Эстония 1946: *Выше большевистскую бдительность на идеологическом фронте!* // «Советская Эстония», 1946, 13 октября.

Шор 2002: Т. Шор, *Газета Petserlane-Печерянин как первый опыт интеграционного издания* // «Балтийский архив», VII, Вильнюс, Русские творческие ресурсы Балтии, 2002, с. 8–26.

Adams 1899: ЭЛМ, ф. 344 “Valmar Adams, 1899–1993”, 1390 ед. хр., 1874–1993.

Adams 1918: НАЭ, Таллинн, ф. ERA. 4610, оп.1, ед. хр. 52 “Adams, Vladimir, 1918–1921”.

Adams 1920: НАЭ, Тарту, ф. 5402, оп.1, ед. хр. 128 *Valmar Adamsi töötamist tõendavad dokumendid, 1920–1962*.

Adams 1921: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 2100, оп. 1, ед. хр. 5 *Adams, Vladimir (matrikli nr.1883), 1921–1929*.

Adams 1924: Vilmar Adams, *Suudlus lumme*, il. E. Viiralt, Tartu, Sõnavara, 1924.

Adams 1925: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 2105, оп. 1, ед. хр. 119 *Adams, Volmar (ka Vilmar, endine Vladimir) Teodori pg – filosoofiateaduskonna üliõpilane, 1925–1940*.

Adams 1926: Vilmar Adams, *Valguse valust: 1925. aasta intermezzo: [luuletused]*, il. M. Dobužinski, Tartu: Sõnavara.

Adams 1940: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 2100, оп. 1b, ед. хр. *Adams, Valmar*.

Adams 1941: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 5311, оп. 134, ед. хр. 129 *Adams, Valmar Teodori p., 1941–1976*.

Adams 1944: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 5311, оп. 68/53, ед. хр. 1 *Adams, Valmar Teodori p. 1944–1951*.

Adams 1946: НАЭ, Тарту, ф. ERAF. 1, оп. 48a, ед. хр. 106 *Компрометирующие материалы. Списки советских и партийных работников, освобожденных по политическим мотивам*.

Adams 1947: НАЭ, Тарту, ф. ERAF. 1, оп. 82, ед. хр. 22 *Документы по личному вопросу В. Адамса*.

Adams 1951: HAЭ, Тарту, ф. ERAF. 130SM, оп. 1, ед. xp. 2157-1 *Adams Valmar Teodor*.

Adams 1951a: HAЭ, Тарту, ф. ERAF. 130SM, оп. 1, ед. xp. 2157-2 *Adams Valmar Teodor*.

Adams 1971: V. Adams, *Sinu sekundid: mõttepäevik*, Tallinn, Perioodika, 1971.

Adams 1972: V. Adams, *Nooruse tolmunud kuld: valitud värsse ja mõttelooteid 1924-1969*, Tallinn, Eesti Raamat, 1972.

Adams 1977: V. Adams, *Vene kirjandus, mu arm: kirjandusteaduslikke artikleid ja esseesid*, Tallinn, Eesti Raamat, 1977.

Adams 1979: V. Adams, *Meie elu on ju fragmentarium: Murdmemuaare* // «Edasi», 1979, 27. jaan., 5.

Adams 1982: V. Adams, *Õhtune valgus: luuleloomingut ja selle filosoofilis-teoreetisi lätteid*, Tallinn, Eesti Raamat, 1982.

Adams 1982a: *Punased nelgid: luulevalik*, toim. A. Eelmäe, Tallinn, Eesti Raamat, 1982.

Adams 1983: V. Adams, *Riimiuuendus – filoloogiline autobiograafia* // «Sirp ja Vasar», 1983, 10. juuni, c. 6.

Adams 1984: V. Adams // «Edasi», 1984, 28. jaan.

Adams 1984a: V. Adams, *Episoodid ja nimesid Eesti Tööraha Kommuuni päevilt* // «Looming», 1984, 7, 944-950.

Adams 1985: V. Adams, *Oomega: esseid ja murdmemuaare*, Tallinn, Perioodika, 1985.

Adams 1986: V. Adams, *Esta astub ellu: esseromaan*, Tallinn, Eesti Raamat, 1986.

Adams 1999: V. Adams, *Elu mõttest III* // «Akadeemia», 1999, 1, c. 29-31.

Adams et al. 1946: *Vene keele lugemik*, koost. V. Adams, H. Maiste-Aller, B. Pravdin, Tartu, Teaduslik Kirjandus, 1946.

Desnitski 1899: HAЭ, ф. EAA. 402, оп. 1, ед. xp. 8532 *Desnitski, Vassili, 1899-1912*.

Desnitski 1899a: HAЭ, ф. EAA. 402, оп. 1, ед. xp. 8533 *Desnitski, Vassili, 1899-1912*.

Kruus 1984: Rein Kruus, *Valmar Adamsi kirjanikutee alguse taustast* // «Looming», 1984, c. 119-124.

Lindström et al. 1994: *Lauri Lindström, Toomas Hiio*, (ed), *Album academicum universitatis Tartuensis 1918-1944*, 2. köide, Tartu, TÜK, 1994.

Lotman 1969: Ju. Lotman, *Valmar Adamsi juubel* // «Tartu Riiklik Ülikool», 1969, 7 veebr.

Lotman 1974: Ju. Lotman, *Luuletaja, teadlane, õppejõud*: [B. Адамс] // «Tartu Riiklik Ülikool», 1974, 8 veebr.

Lotman 1987: Ju. Lotman, *Väga ühiskondlik, väga vajalik raamat*: Professor Juri Lotman Jaan Krossi “Keisrihullust” // «Sirp ja Vasar», 1987, 6. veebr., 7, 9.

Oras 1933: Ants Oras, *Eesti värsitoodang aastal 1932* // «Looming», 1933, 2, 195–199.

Paukson 1933: H. Paukson, *Vilmar Adams. Maise matka poolel teel. Kolmas kogu luulet.* EKL, 1932 // «Looming», 1933, 4, 484–486.

Ponomarjova 2018: G. Ponomarjova, *Tartu tsensor Mihhail Sõštšikov (1911–1980)* // *Kas keelata või lubada? Tsensuur Eestis XX sajandil*, Tartu: EKM Teaduskirjastus, 2018, 13–14.

Rahva Hääl 1946: [T. Mägi], *Eestimaa K(b)P Keskkomitees (1946)* // «Rahva Hääl», 1946, 13. okt.

Siilivask 2000: K. Siilivask, *Adams, Valmar* // *Eesti teaduse biograafiline leksikon*, I köide A–Ki, Tallinn, Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2000, 33.

Siirak 1979: Erna Siirak, *Valmar Adams viis rolli* // «Looming», 1979, 1, 96–106.

Visnapuu 1932: Henrik Visnapuu, *Eesti riimi murrang*, «Looming», 1932, 5, 579–622.

Елена Юферева

Поэтика пограничных спектаклей трэвел-блогера Puerrtto

The Poetics of *Borderline* Performances of the Travel Blogger Puerrtto

The article discusses the problem of the poetics of behavior in the naïve writer. The travel-blog of Aleksander Lapshin (known as Puerrtto) serves as material for this research. The *game* of the blogger, which lasted for decades, resulted in his arrest in Belarus in December 2016, followed by the extradition to Azerbaijan. In his blogs, Lapshin builds a circular biographical narrative with a clearly defined trajectory from imaginary spy to free wanderer and, through the repetition of prison sentences, to high-profile human rights champion. The anecdotal nature of the *borderline* performances is emphasized by meaningless remarks, substitutions and confusion with passports. This may be the cause of the widespread opinion about the implausibility of his stories, which has been repeatedly expressed by readers and bloggers.

Изучение текстов, подобных интернет-дневнику Александра Лапшина (ник – Puerrtto)¹, в контексте путевой лите-

---

¹ Александр Лапшин – блогер и путешественник, родился в 1976 году в Свердловске. Вместе с семьей эмигрировал в Израиль в конце 1980-х годов. Служил в израильской армии, в том числе в горячих точках. В начале 2000-х вернулся в Россию. Успешно занимался инвестированием в фондовый рынок до кризиса 2008 года. С 2005 года ведет блог *Похождения по жизни. Путешествия и приключения* на платформе “Живой Журнал”. Сегодня ежемесячная посещаемость ресурса составляет 310 тысяч человек, что свидетельствует о его высоком рейтинге. Согласно ин-

---

формации в блоге, Лапшин посетил 145 государств. Отдает предпочтение странам бывшего соцлагеря, а также спорным территориям в различных частях мира. Освещает проблемы межэтнических конфликтов. Значительное внимание уделяет темам нацизма и холокоста. Не признает ограничений в пересечении государственных границ, что приводит к проблемам с законом и уголовным преследованиям. По обвинению в незаконном посещении Нагорно-Карабахской республики в декабре 2016 года был задержан в Беларуси и экстрадирован в Азербайджан. Судебный процесс и приговор вызвал международный резонанс. Благодаря дипломатическому вмешательству в сентябре 2017 года был амнистирован. В настоящее время А. Лапшин

ратуры, значительной частью которой являются *человеческие документы*, нельзя назвать центральной темой современной травелографии. Вместе с тем, проблема представления себя пишущих в сети постепенно вырастает в отдельное междисциплинарное направление, в контексте которого обсуждаются и путевые отчеты. То, что в образе повествующего проявляются игровые стратегии, а их свойства отличают авторский блог от коллективного коммерческого туристического проекта, неоднократно отмечалось исследователями. Это может означать, что мы наблюдаем сдвиг границ литературы путешествий. Об их нечеткости, сложности разграничения литературного и нелитературного травелога пишет А. Шенле, выдвигая обращение к литературной традиции, интертекстуальные связи в качестве критерия их разделения: “Они [интертекстуальные связи – Е. Ю.] свидетельствуют не столько об обдуманности текстовых моделей, но также о признании самым существенным приближение к этим моделям. Чем сильнее интертекстуальные связи, тем больше

продолжает свою деятельность как блогер и путешественник.

вымышленного, а, следовательно, и литературного” (Шенле 2004: 12). А. Шенле говорит еще об одном параметре, показательном для развития травелога, – переосмыслении того, что значит “поступить и писать подлинно” (Шенле 2004: 19). Затронутые аспекты формируют концептуальную рамку, сквозь которую просматриваются особенности репрезентации ‘подлинного’ опыта личности блогера-путешественника.

В многоуровневом *мегаспектакле*, как называет Д. Келнер личностное взаимодействие в медиaprостранстве, поведение, идентичность изменчивы и пластичны (Kellner 2005: 3). Примечательно, что характеристики, предложенные для игрового поведения в медиасфере, перекликаются с выводами Н. Козловой и И. Сандомирской о способах самопредставления в творчестве наивного человека, с присутствующими им двойственностью, протеизмом, инверсивностью: “Пишущий постоянно перевоплощается”, однако “до конца не выдерживает роль” (Козлова *et al.* 1996). В цитируемом исследовании о наивном письме анализируются сочинения автора, принадлежавшего к традиционному типу общества. Разумеется, совре-

менные трэвел-блогеры образованные, транслируют другие поведенческие коды, отсылают к письменным источникам. Вербальный дефицит, как признак наивного письма, в блогах проявляется иначе, чем в описанных случаях Н. Козловой И. Сандомирской, но он также обусловлен недостатком своего языка и именно с ним можно связать автоматизированность выражений, формульную сжатость интернет-травелогов, схематичность и повторяемость автопрезентаций.

Сложность изучения наивных текстов в медиасреде с точки зрения само моделирования заключается еще и в том, что хорошо разработанные теоретические модели, обоснованные, к примеру, в работах И. Паперно, О. Ханзен-Леве, Ш. Шахадат, ориентированы на литературную личность. Анализ фикциональности автобиографического письма также отталкивается от писателя. Между тем, пишущие субъекты интернет-пространства чаще оказываются в фокусе социологических изысканий, в которых их идентичность трактуется как осознанный конструкт и утверждается, что поведение трэвел-блогера детерминируется социальными факторами и взаимодействием

с читателями (Lee and Gretzel 2014; Tussyardiah and Fesenmaier 2008). В таком ракурсе индивидуальность и эстетические аспекты ее текстурализации превращаются в маргинальный признак интернет-письма и коммуникации, и, кажется, отрицается сама возможность динамики в сторону литературного дискурса. Относить креативную деятельность блогеров к внелитературному ряду становится привычным. Однако использование наблюдений Ю. Лотмана и его последователей о поэтике поведения, сближающих бытовые поведенческие жесты с литературными формами, позволяет рассмотреть сюжетные подходы пишущих к собственной жизни, выявить уровни семиотичности поведения в наивном интернет-травелоге.

Итак, в этой статье обращается внимание на особенности творческого мышления одного из авторов интернет-травелогов в контексте проблемы воздействия литературных моделей (сюжетных схем, хронотопа дороги и приключения, типов героя путевой литературы) на современные тексты о путешествиях, в частности, на оформление автобиографического опыта в повествовании. Подтвержде-

ния и примеры эстетизации поведения путешественника обнаруживаются в дневниках популярного русскоязычного трэвел-блогера Александра Лапшина, размещенных на блог-платформе “Живой Журнал”. Какие формы самопрезентации формируются в эго-документе и как они взаимодействуют с изображением пространства и социокультурной действительностью – ключевые вопросы работы.

Условия социальных коммуникаций существенно повлияли на специфику травелога. Достоверность материала остается жанровой доминантой, но блогеры все чаще прибегают к довольно грубому разыгрыванию *идентичностей*, чтобы развлечь и, в традиционном для жанра смысле, *научить* читателя: не только предоставить полезные советы, наметить оригинальные маршруты, но и подсказать новые практики освоения географического пространства. Игра в парижского бомжа (маску *нищеврода* примеряет Дмитрий Беркут², зарывая

свой паспорт на окраине Парижа, символически превращается в *гражданина мира* (Беркут 2017)), или сингапурского офисного работника (к примеру, каталог практических рекомендаций о том, как встроиться в чужую среду (Косенко 2013)³ в представлении блогеров позволяет глубже раскрыть отличия Другого с якобы снятой дистанции. Освобождающая сила “привычки ‘театрально’ смотреть на жизнь” (Лотман 1994) неосознанно проговаривается многими блогерами. Готовые амплу (странствующего мудреца, мнимого нищего, свободного бродяги, хитреца), неузнанные новыми путешественниками, сменяют друг друга и могут сочетаться и исчезать, как только ситуация исчерпана. У Лапшина примечательна театральная метафорика, которую он часто использует: трагикомедия, театр абсурда, роль, игра. Актуализация игрового начала проявляется в различных саморазоблачительных высказываниях:

² Дмитрий Беркут – российский фотожурналист, блогер. Блог *Дмитрий Беркут* на платформе “Живой Журнал” существует с 2005 года. Член союза журналистов России. Колумнист в Русской службе Би-би-си. Автор книги *Под солнцем Азии* (2019).

³ Наталья Косенко – автор блога *Веселье хроники путешествий. Блог о самостоятельных путешествиях, посвященного Азиатским странам*. С 2010 года живет в Юго-Восточной Азии (Таиланд, Сингапур).

Мы выдавали себя за журналистов «Russia Today». Только и успевал, что мимикрировать, в зависимости от окружающей ситуации в данный момент времени (Лапшин 2013).

Ну то есть пока ты играешь роль “Путин - водка - бла-бла-бла”, ты в порядке. Тебе поддакивают, смеются и про себя думают про себя “русский алкаш и дурак, что с него взять?” (Лапшин 2015г).

Блогеры, убежденные в достоверности отображаемого мира, собственной жизни, не видят связи между внешними наблюдениями и воображением. Настойчиво повторяя слово “аутентичный” (жизнь, практика, маршрут, впечатление), они акцентируют ценность критерия искренности, относятся с презрением к социальным и национальным условностям. Если искать параллели в литературном пространстве, то ближе оказываются стратегии *аутентичных* художников, как их определяет Ш. Шахадат. Сходство механизмов самопрезентации вскрывается в небольшом уточнении исследователя: “Собственно говоря, понятие

‘аутентичного’ искусства жизни следовало бы каждый раз заключать в кавычки, так как речь идет, в сущности, о квазиаутентичности, о демонстрации аутентичности” (Шахадат 2017: 17).

Однако Лапшин критикует современных трэвел-блогеров за притворство, фотографирование себя и “собираение в паспорте печати для галочки”: “Что же касается трэвел-блогерства как такового, то для многих будет открытием, что вокруг нас полно людей, которые познали нашу планету намного лучше всех топовых блогеров вместе взятых. Просто они не ведут блог, а фотографируют для себя” (Лапшин 2016ж). Такой способ путешествия он называет банальностью, отождествляет с бытовой, скучной и неприглядной действительностью и неоднократно противопоставляет ему путь, наполненный испытаниями и трудностями, как отголосок экспедиций первопроходцев и открывателей:

Мне очень не хватает путешественников с большой буквы, покорявших автостопом черную Африку, проникавших из Индии в Бангладеш на древнем паровозе, ноче-

вавших на границе Индонезии и Восточного Тимора, полгода колебавшихся по Южно-Американским ебеням. Мы то еще помним, что такое быть путешественником в полном смысле этого слова, а вот растущее поколение всерьез думает, что путешественник это тот смазливый дядя щелкающий селфи на фоне туристической бутафории и затем бегущий в автобус с гидом (Лапшин 2016).

Будучи в поиске своего образа *настоящего* блогера, Лапшин не является “пассивным участником безлико текущего хода времени: освобожденный от бытовой жизни, он ведет бытие исторического лица – сам выбирает свой тип поведения, активно воздействует на окружающий его мир [...]” (Лотман 1994). В нашем случае хотелось бы подчеркнуть – выбирает, но не изобретает. В блоге Puerrtto на протяжении более 15 лет (первая запись опубликована в 2005 году) можно наблюдать, как события его жизни преобразуются в постоянные мотивы, сгущаются в определенные образы. Регулярные скандалы с пограничниками из досад-

ных бытовых фактов превращаются в символические поединки, вливаются в биографический нарратив, который организуется вокруг неприятия политического устройства, особо остро переживаемого у пограничных территорий. Границы – видимые и скрытые – притягивают путешественника. Их пересечение осуществляется с помощью паспортов, как минимум, трех государств: России, Израиля, Украины. Жонглирование паспортами, помимо демонстрации пренебрежения к формам межгосударственного общения, является специфическим приемом выдвижения определяющего фактора личности Лапшина – трансидентичности. Эта личностная *переходность* начинает свое образование с *географии*, расширения *своего* пространства: “Где живете?”. Отвечаю, что в Екатеринбурге (где не живу уже более 5 лет) – это проще, чем объяснять, что купил квартиру в Грузии, до июля в Израиле, а в сентябре предположительно зависну в египетском Дахабе” (Лапшин 2011), “Поздравляйте, я получил украинский загранпаспорт (внутренний у меня уже несколько месяцев), [...] и теперь могу смело сказать, что моя страна простирается от Ужго-

рода на западе до Чукотки на востоке и от галилейских гор до Красного моря” (Лапшин 2016а).

Результатом *игры* блогера, растянувшейся на десятилетия, становится арест в Беларуси в декабре 2016 года с последующей экстрадицией в Азербайджан; суд по обвинению в нарушении закона о государственной границе при посещении Нагорного Карабаха. Ему грозит трехлетнее тюремное заключение, которое неожиданным образом завершается (в сентябре 2017 года блогер помилован президентом Азербайджана). Вокруг помилования развернулись политические баталии и даже своеобразный дипломатический детектив с не проясненными обстоятельствами попыток то ли самоубийства, то ли покушения на жизнь Лапшина.

Если посмотреть на *азербайджанский* эпизод с точки зрения автомоделирования, то игровой сюжет перетекает в ритуальный: арест блогера предстает эффектным явлением перед антрактом (вынужденным молчанием в тюрьме), после которого возникает уже преображенная фигура: если раньше политические институты вызывали протест и отрицание, то теперь, после по-

литического преследования, его оппозиция к “власти” приобретает совершенно иной статус, о чем свидетельствует и тематическое обновление блога – внимание к проблеме политических заключенных и правам человека. На осознание такого поворота уйдет несколько лет. Только в марте 2019 года Лапшин признается:

Мой друг и сокамерник по минской тюрьме, белорусский краевед и патриот Беларуси, Алесь Юркойть [...] сказал, что этот опыт должен стать для меня переломным. Он меня читал и до ареста. В тюрьме мы много общались про жизнь, веру, дружбу, политику. Он мне сказал: “Этот опыт либо тебя сломает, либо возвысит. Пользуйся ситуацией”. И до меня стало доходить, что это некий знак свыше – хотя я не верю в бога, что открывается новое направление в моей деятельности. [...] Любовь к путешествиям никуда не делась. Просто прекратила быть самоцелью. Теперь я получаю полноценное удовлетворение, когда занимаюсь общественной деятельностью и

немножко политикой (Лапшин 2019а).

Значимым является также тот факт, что после инцидента в течение двух лет с Лапшиным не зафиксировано ни одного пограничного происшествия. И, вместе с тем, в блоге нарочито повторяется шпионская тема, уже известная по ранним публикациям.

В трудное время заключения цех блогеров неоднократно публично выступал в защиту путешественника. Однако общая оценка и объяснение причин сложившейся ситуации складываются не в его пользу: “Самоуверенный хам, наглец, параноик, хвостун, аферист, авантюрист” (Маркосян-Усик 2017)⁴, “мудацкое поведение” (Варламов 2017)⁵,

⁴ Усик Маркосян – российский блогер, путешественник, житель села Саранпауль, Ханты-Мансийский округ. По образованию геолог. Публикуется с 2014 года на платформе “Живой Журнал”. Подчеркивает аматорский характер своего блога.

⁵ Варламов Илья – российский общественный деятель, журналист, блогер. Блог в “Живом Журнале” ведет с 2006 года. Сегодня он занимает первое место в рейтинге. Некоторые публикации о путешествиях, например, освещение городских проблем в репортажах о Туркменистане, вызвали неодобрительную реакцию и критику со стороны властей государства. Лауреат различных престижных

“вонь с оттенком мнимого героизма с прикруткой множества фактов, не имеющих места быть и перекрученных в свою пользу” (Lovigin 2016)⁶. Все из перечисленных авторов высказываний упоминают, что с Лапшиным знакомы виртуально, не считая нескольких поверхностных встреч. Значит, оценка Puertto определяется преимущественно на основе текстов. Рецепция образа скандалиста отличается важным нюансом: повествователь, по мнению коллег блогера, фальшивит. И это очень серьезная претензия в контексте культивирования аутентичного опыта. Чем же

номинаций, в частности, *Блогер года* ежегодной премии LiveJournal *Рында года* (2010). Автор книг *Про Москву* (2012), *Путевые заметки* (2015), *100 советов мэру* (2020).

⁶ Петр Ловыгин (ник – Lovigin) – российский блогер, фотограф. Ведет блог *Costarica-Soul* на платформе “Живой Журнал” с 2005 года. В 2009 году на основе интернет-дневника вышла книга с одноименным названием. Выставки фотографий П. Ловыгина проходили в различных европейских странах. Сотрудничал с Е.Гришковцом в качестве иллюстратора в издании пьесы *Одновременно* (2009), а также автора клипов в проекте “Гришковец и Бигуди”. Лауреат престижных наград в области фотографии, в частности, в 2017 году стал финалистом и обладателем “Бронзового шара” Siena International Photo Awards.

обусловливается сложившийся парадокс?

Искренность Лапшина, с удовольствием повествующего о своем протестном настроении, негативных эмоциональных реакциях, испытывает явное воздействие воображаемых представлений, в том числе, о самом себе. Следя за впечатлениями, вещами и явлениями, избираемых блогером в потоке реальности, мы с удивлением замечаем, что предложенное Ю. Лотманом описание другой среды и эпохи, в этом случае звучит актуально и точно: “Реализация поведения этого типа строилась как непрерывная импровизация новых эпизодов в общих границах принятой маски. Общее течение жизни превращалось в своеобразный анекдотический эпос, построенный по кумулятивному принципу” (Лотман 1976: 296). Утверждение себя в маске скандалиста, настойчивое повторение поведенческих схем выглядит не как *верность* себе, но как последовательный отказ от возможности нормального, естественного поведения в перевернутом мире. Принятые амплуа заслоняют индивидуальность и причастны к появлению черт, не тождественных личности пишущего. Проследившая эволюцию образа по-

вестователя Pueritto, можно заключить, что формы скандального антиповедения разрабатывались и вырастали постепенно, а установка на образование такого образного ореола рассказчика формировалась с момента зарождения блога. Уже в первых публикациях отчетливо видна взаимосвязь между изображением внешнего (анти)мира и развитием нового типа поведения путешественника. Вступительные статьи, опубликованные в 2006 году, посвящены воспоминаниям биографических событий недавнего времени – заключению и подозрению в шпионаже в Израиле в 2002 году. Заголовок с явными литературными претензиями – *Откровения израильского шпиона или новые приключения Шурика* – подчеркивает близость текста авантюрной стилизации. В сатирическом изложении перипетий неопытного парня Шурика заложены те сценарии и роли, которые будут отрабатываться и корректироваться в дальнейшей жизни. Случайности и ошибки имеют определяющее значение в поворотные моменты сюжета о судьбе героя-простака. Шурик – еще не умудренный Pueritto и не наблюдательный Александр, но он уже мыслит в знакомых

по будущим травелогам литературных категориях: “Вспоминая о суде, Шурик замечает: ‘И следствие, и суд были ярчайшим примером абсурда, и напоминали эпизоды из романа Гашека ‘Бравый солдат Швейк’” (Лапшин 2006), “Шурик говорит так: ‘С самого начала, у меня не проходило ощущение, что я попал в какую-то игру, в которую играли взрослые дяди в погонах” (Лапшин 2006).

Шурик невольно попадает в опасные обстоятельства предъявленного обвинения, из которых ему удастся не просто найти выход, но даже извлечь выгоды. Этический аспект этой победы, как и предстоящих, опирается на конфликт настоящего (правдивого) героя и искусственной (ложной) бюрократической системы. Изображенный мир напоминает карнавальным, перевернутым, со странной “непостижимой армейской логикой”, ненастоящими вещами (в этом случае – поддельными картами, найденными у мнимого *шпиона*), мир, в котором герою навязывается роль сумасшедшего: “К моему величайшему удивлению, прокуратура представила на суде медицинские документы, гласящие, что Я БЫЛ НА КОМИССИИ (!) И БЫЛ ПРИЗНАН

СТРАДАЮЩИМ ШИЗОФРЕНИЕЙ В ЛЕГКОЙ ФОРМЕ” (Лапшин 2006). Замещение авторского Я готовой поведенческой моделью, за которой угадывается образ пикаро, становится способом развенчания порядка и власти, а также символизации открывшегося пути в свободную странническую жизнь (после решения недоразумения он вскоре покидает армию, Израиль и начинает путешествовать). В будущем именно в обличии власти карнавные мотивы и антиповедение героя будут усиливаться.

Обычно Лапшин декларирует безразличие к политике, однако поза равнодушия контрастирует с проговариваемым интересом к политическим настроениям, которые буквально пропитывают описание даже самых повседневных вещей:

Трагикомизм ситуации в том, что я не журналист, мне пофиг на политику, мне наплевать на права человека и всякую ерунду вокруг этого (Лапшин 2016в).

Всю сознательную жизнь в моих комнатах всегда были карты: обязательно политическая всего мира

и карта той страны, где я живу в данный момент (Лапшин 2016б).

География также приобретает политическую окраску. Пространство структурируется через политические разломы – травмы, конфликты, – и тогда традиционная прогулка организуется через сопоставление планов настоящего/прошлого. Блогер изучает отпечатки вооруженных инцидентов, войн, концлагерей в современной жизни и архитектуре городов. Типичные топосы путевой литературы, помещенные в насыщенный критический контекст, претерпевают изменения, что можно проследить у Лапшина на примере кладбища возле Тегерана – места не памяти, а непреходящей ненависти, войны, длящейся десятилетиями. Завершается очерк параллелью между кладбищем и тегеранским метро, треть станций которого названы именами шахидов. Этот символический мост увенчивает образ мира с перевернутыми ценностями, где смерть превозносится, а кладбище воплощает идеологию власти современного Ирана, подчиняющей жизнь общества культу смерти (Лапшин 2016и).

Граница в собственно политическом смысле преобразуется не только в главный принцип конструирования пространства, но и точку диалога автора и власти – диалога, напряженного и конфликтного, ставшего одним из магистральных сюжетов дневника блогера. Государственные границы трансформируются в условную территорию, в сцену, где и разворачивается повторяющийся игровой тип поведения. Это символическое пространство, в котором происходит перекодирование бытового события проверки паспорта или ожидания самолета в спектакль (используемое клише – *театр абсурда*). Обыгрывается типичное сюжетное столкновение: блогер, который изначально предстает умным героем, в процессе конфликта превращается в скандалиста, а пограничник выполняет четко закрепленную роль дурака с типичным набором черт (лентяй, невежа, грубиян, неуклюжий). В диалогах отмечается удвоение ситуации: автор-герой, играющий умного, прикидывается дураком. Анекдотический характер сцен подчеркивается раздеванием, передразниванием, бессмысленными репликами, подменами и путаницей с паспортами, облива-

нием водой, пачканьем протоколов едой и т.д., – все эти средства, очевидно, направлены на дискредитацию и комическое снижение. В том, что приведенные ниже эпизоды срежиссированы, практически нет сомнений. Искушенный путешественник, прекрасно знающий правила и скользкие моменты пересечения границ, намеренно компрометирует себя, выставляя фотоаппарат или делая снимки перед пограничниками. Повторение таких провокаций можно увидеть, например, в статье *Как я курсировал между Россией и Эстонией, изучая правила пересечения границы* (Лапшин 2011) или *Безобразная стычка с литовскими пограничниками на пропускном пункте Советск – Панемуне* (Лапшин 2015б).

В другом сценарном варианте героя задерживают из-за демонстрации неуважения к власти (игнорирование, передразнивание и т.д.). Однако далее Puertto не оказывает сопротивления, нарочито вежлив и чрезмерно послушен. Эта роль получает название *идеальный задержанный*. Смена типа поведения мотивируется тем, что только спокойствием можно удивить и спровоцировать пограничника. Разумеется, *идеальный за-*

держанный проявит свою трикстерскую природу, но программа его действий снова однотипна: герой раздевается под предлогом предстоящего обыска, высовывает язык, мычит, угрожает снять трусы, устраивает беспорядок. Действия же пограничников выглядят беспомощными и бессмысленными. Например, в статье *В Бен-Гурионе издеваются не только над туристами. Сегодня идиоты прицепились и ко мне (Израиль)* задержание оборачивается пустой беготней вокруг провокатора:

Приходим в терминал, там у них комната для осмотров и допросов. Признаться, я и так уставший и злой, а тут еще эти идиоты прицепились на пустом месте. Сходу, едва зашли, раздеваюсь. Снимаю брюки оставшись в семейных трусах в клеточку, начинаю снимать футболку. Тут бабища начинает махать руками “Оденьте немедленно штаны!!! Что вы себе позволяете??”. Отвечаю, что хочу им кой-что показать. У тех аж глаза загорелись, наверное решили, что я прячу бомбу в трусах.

Снимаю штаны и сажусь на стул. Те спрашивают, а что вы хотели собственно показать? Отвечаю, что пусть девушка выйдет, а парням я кой-что покажу, многозначительно подмигивая. Бабища подступает вплотную и орет “Быстро оденьте штаны!!!”. Спрашиваю, а вы меня не будете досматривать? Я хотел вам помочь, сразу разделся. В ответ (при спущенных штанах) прошу принести стакан воды, поскольку плохо себя чувствую. Пусть побегает, оболтусы. Воду принесли, но я ее пролил (Лапшин 2015в).

Аналогичные эксцессы в блоге Лапшина не редкость и всем им, помимо фарсового поясничанья, также присущи натуралистические детали. В репортаже *Как обмануть израильских и иранских КГБистов?* (Лапшин 2015а) в рюкзаке блогера обнаруживается белье, носки и туалетная бумага. Набор предметов, относящихся к телесному низу, повторяется в ситуациях пограничного досмотра, акцентирует пародийность сцен. В этих театрализованных представлениях очерчивается постоян-

ный *импровизационный* сценарий. Сюжетная схема строится вокруг ссоры, из которой *хитрый дурак* всегда выходит победителем. Игровой характер ситуации проявляется в том, что она ничем не заканчивается, не имеет продолжения, а только воспроизведения. После пограничных стычек блогер отправляется по своему маршруту, возвращаясь к протокольному письму путевого отчета.

Нужно отметить, что хронотоп границы, помимо условного сценического пространства, в травелогах Лапшина приобретает и иные значения, вне которых биографический сюжет скатился бы к карикатуре. В контексте нарратива границы переход от *границы-сцены* к *пограничью* знаменует преодоление смеховых регистров и стремление сосредоточиться на серьезных, нелишенных политической остроты, вопросов. Блогер пристально изучает турецко-сирийское пограничье, границу между КНР и Южной Кореей, Израилем и Ливаном, Украиной и Россией в Крыму и многие другие, преимущественно, проблемные территории, образованные политическими кризисами и военными противостояниями. Странствие к границе – *мистическому* (Лапшин

2019б) пространству – становится целью и символическим центром путешествий. Блогер создает топографию того, что, как он пишет, поражает его воображение (Лапшин 2016з) и что лежит в основе идеалистической темы мира без *границ*: “Заборы отделяют одну цивилизацию от другой и в какой-то мере заборы заложены в нас на генетическом уровне, ибо есть ‘мы’ и ‘другие’. Лично я своими путешествиями пытаюсь доказать обратное, что мир он прекрасен и должен быть без границ” (Лапшин 2019б).

Именно эта линия указывает на смысл отрицания и значение игры – изобличения *границы* как искажения, деформирующего жизнь человека, что сообщается асимметричностью и фрагментарностью элементов пограничного ландшафта. Граница – это место памяти столкновений и трагедий, например, *Никосия: столица сразу двух Кипров, разделенная колючей проволокой (Кипр)* (Лапшин 2015д), *Еврейское гетто Лодзи – город мертвых (Польша)* (Лапшин 2015е). *Остывшие* конфликты порождают локусы с особенной пространственно-временной организацией, которую блогер выражает опять же с помощью метафор-клише

остановившегося времени, *машины времени: замерзший Советский Союз* на окраинах латвийского Даугавпилса, *заповедник Совка* в Албании, *застывшая во времени* буферная зона Кипра.

Несмотря на смысловую *недостаточность*, граница в текстах А. Лапшина сближается с понятием, которое Марк Оже назвал “не-место” (Оже 2017), к примеру, *Выходные на стыке границ Грузии, Армении и Азербайджана* (Лапшин 2016г), *Уникальный монастырь, разделенный между двумя государствами, Грузией и Азербайджаном* (Лапшин 2016д). Как объекты изображения пограничные пространства у Лапшина видятся издали, описываются панорамно с ретроспекцией, оторванной от непосредственного восприятия пишущего. “Не-места” лишены целостности, в них царит “полный бардак и разброд в мыслях и исторических параллелях”. Хаотичное притягательно неустойчивыми формами социальной жизни, но затаившееся в нем ощущает путешественник, и тогда тревога проступает сквозь маски циничного наблюдателя, скандалиста и шпиона.

Итак, А. Лапшин выстраивает кольцевой биографический

нарратив с четко очерченной линией восхождения от ареста мнимого шпиона к вольному страннику и, через повторение тюремного заключения, к высокой правозащитной миссии. Разумеется, сюжет еще не завершен, однако на наших глазах круг начинает замыкаться, и герой-путешественник избегает тюрьмы, чтобы через время снова лишиться свободы, но утвердиться в иронической маске “шпиона всех разведок мира” (Лапшин 2018).

Репертуар масок и поведенческих ходов Puerrtto довольно ограничен. Ощущение некоторой механичности их переключения производит впечатление марионеточности социального взаимодействия героя. С этим может быть связано мнение о неправдоподобности изложенного, которое неоднократно высказывали читатели и блогеры. Избыточная повторяемость и фор-

мульность многих сцен, являясь маркером наивности творческого мышления, усиливает идеологическую направленность текстов, их разоблачительный пафос, но ослабляет непосредственность собственной личности блогера. Автогероизация и способы ее реализации лишили травелог А. Лапшина психологической достоверности, поставили под сомнение критическую оптику как декларируемую доминанту травелога. Создавшийся образ поглотил и присвоил взгляд пишущего, сузил его. Обличая банальность, понимаемую как недостаток подлинности опыта, Puerrtto как будто в ней же и запутывается, а читатель все чаще сетует на односторонность видения, мелкие происшествия, авторское тщеславие.

Библиография

Беркут 2017: Дм. Беркут, *Как стать гражданином мира*, электронный адрес: <dimaberkut.livejournal.com/154539.html>, последнее посещение 22.06.20.

Варламов 2017: И. Варламов, *Почему арестовали блогера Сашу Лапшина (puerrtto) и что с ним будет дальше*, электронный адрес: <<https://varlamov.ru/2195744.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Козлова et al 1996: Н. Козлова и И. Сандомирская, *“Я так хочу назвать кино”. “Наивное письмо”: опыт лингво-социологического чтения*, Москва, Гнозис, 1996, электронный адрес: <<http://www.a-z.ru/women/texts/kozlovar-2.htm>>, последнее посещение 25.06.20.

Косенко 2013: Н. Косенко, *Как смешаться с толпой в Сингапуре – 18 советов*, электронный адрес: <<http://tripfun.ru/kak-smeshatsya-s-tolpoj-v-singapore-18-sovetov>>, последнее посещение 22.06.20.

Лотман 1976: Ю. Лотман, *Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиция*, Москва, Наука, 1976, с. 286–292.

Лотман 1994: Ю. Лотман, *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, Санкт-Петербург, Искусство – СПб, 2014, электронный адрес: <https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/09.php>, последнее посещение 26.01.2010.

Лапшин 2006: А. Лапшин, *Откровения израильского шпиона или новые приключения Шурика. Год 2002, Израиль*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/19973.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2011: А. Лапшин, *Как я курсировал между Россией и Эстонией, изучая правила пересечения границы*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/156309.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2013: А. Лапшин, *А есть ли среди моих читателей жители Палестинской автономии?*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/tag/Палестинские%20территории>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2015а: А. Лапшин, *Как обмануть израильских и иранских КГБистов?*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/715912.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2015б: А. Лапшин, *Безобразная стычка с литовскими пограничниками на пропускном пункте Советск – Панемуне*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/783246.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2015в: А. Лапшин, *В Бен-Гурионе издеваются не только над туристами. Сегодня идиоты прицепились и ко мне (Израиль)*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/713133.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2015г: А. Лапшин, *Европа задыхается от потоков беженцев. И пусть задохнется – Европа это заслужила*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/789581.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2015д: А. Лапшин, *Никосия: столица сразу двух Кипров, разделенная колючей проволокой (Кипр)*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/737748.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2015е: А. Лапшин, *Еврейское гетто Лодзи – город мертвых (Польша)*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/723157.html>>, последнее посещение 20.06.20.

Лапшин 2016а: А. Лапшин, *Моя родина простирается от Ужгорода до Чукотки и от Галилейских гор до Красного моря*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/899242.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2016б: А. Лапшин, *Крымнаш ворвался в мою квартиру*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/922308.htm>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2016в: А. Лапшин, *Ужасы солнечного Узбекистана*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/2016/12/14/>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2016г: А. Лапшин, *Выходные на стыке границ Грузии, Армении и Азербайджана*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/932413.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2016д: А. Лапшин, *Уникальный монастырь, разделенный между двумя государствами, Грузией и Азербайджаном*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/959546.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2016е: А. Лапшин, *Почему настоящих путешественников заменили белые воротнички, селфящие себя на каждом углу?*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/916907.html>>, последнее посещение 20.06.20.

Лапшин 2016ж: А. Лапшин, *Почему трэвел-блогеры измельчали и пишут однообразную банальщину?*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/957205.html>>, последнее посещение 20.06.2020.

Лапшин 2016з: А. Лапшин, *Коллекция, едва не стоившая мне жизни: границы в разных странах мира*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/861558.html>>, последнее посещение 20.06.20.

Лапшин 2016и: А. Лапшин, *Иранское гостеприимство: Фром Раша? Гори в аду, Раша*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/929933.html>>, последнее посещение 20.06.20.

Лапшин 2018: А. Лапшин, *Как я жил в цветке лотоса (Россия)*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/1040565.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин 2019а: А. Лапшин, *Мне говорят, что я больше не туристический блогер. Так ли это?*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/1072537.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Лапшин А. 2019б: А. Лапшин, *Самая живописная граница на Кавказе: Армения и Иран*, электронный адрес: <<https://puerrtto.livejournal.com/1065133.html>>, последнее посещение 20.06.20.

Lovigin 2016: Lovigin, *Гнев: дело г-на Лапшина*, электронный адрес: <<https://lovigin.livejournal.com/732145.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Маркосян-Усик 2017: Маркосян-Усик, *Puerrtto, один дурак бросил в воду камень*, электронный адрес: <<https://markosyan-usik.livejournal.com/126641.html>>, последнее посещение 25.01.20.

Оже 2017: М. Оже, *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*, Москва, Новое литературное обозрение, 2017.

Шахадат 2017: Ш. Шахадат, *Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков*, Москва, Новое литературное обозрение, 2017.

Шенле 2004: А. Шенле, *Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840*, Санкт-Петербург, Академический проект, 2004.

Kellner 2005: Kellner, Douglas. 2005. *Media Culture and the Triumph of the Spectacle* (Arlington: University of Texas).

Lee and Gretzel 2014: Lee, Yoon Jung and Gretzel, Ulrike. 2014. 'Cross-cultural Differences in Social Identity Formation through Travel Blogging', *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 31(1): 37–54.

Tussyadiah and Fesenmaier 2008: Tussyadiah, Iis P. and Fesenmaier, Daniel R. 2008. *Marketing Places through First Person Stories an Analysis of Pennsylvania Roadtripper Blog*, «Journal of Travel & Tourism Marketing», 25(3–4): 299–311.

Zbigniew Kaźmierczyk

Дуальные модели Лотмана и Милоша в анализе истории России и в автобиографии

Lotman's and Miłosz's Dual Models in the Analysis of History of Russia and in Autobiography

This article examines the concept of alternation of predictable (symmetrical) and unpredictable (asymmetrical) occurrences under the influence of Prigogine's theory of bifurcation. It shows that Lotman acknowledged those occurrences to be essential in historical processes. However, he considered the unpredictable occurrences to be destructive in cultures developed on dual models because of the expectations of eschatological transformation of the world which they generate. At the same time, he hoped that the historical unpredictability would be connected with the transformation of the Russian cultural model. The article shows the application of dual models in Lotman's cultural semiotics and Miłosz's studies of Russia. It emphasizes that for Miłosz those were the models of Gnostic-Manichaeism and pictures him as a continuator of the Vilnius school of thought of Russia.

1. Модели потустороннего мира и сего мира: дуальные и тернарные

Говоря о последних книгах Юрия Лотмана *Культура и взрыв, Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история, Непредсказуемые механизмы культуры*, их переводчик на польский язык, Богуслав Жилко, назвал “своеобразной трилогией” (Żyłko 2018: 20 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]). Первая из книг была опубликована перед смертью автора в 1993 году.

Жилко, указывая на сходства данных работ, сослался на утверждение Татьяны Кузовкиной, “одного из секретарей Лотмана, которым он диктовал последние труды”, что “первая и третья части этой трилогии были созданы в одно и то же время” (Żyłko 2018: 20). Эти работы принесли “различение постепенной эволюции, процессов, плавно переходящих из одного состояния в другое, и взрывов, ведущих к внезапным, скачкообразным изменениям ситуации” (Żyłko 2018: 21). Лотман

сослался на теорию бифуркации (лат. *bifurcus* означает расщепленный, разветвленный) Ильи Пригожина. Этот бельгийский ученый русского происхождения вдохновил Лотмана своей концепцией неполной предсказуемости окончательного результата химических реакций в связи со множеством возможностей их развития. Эта теория не отвергает вероятности протекания процесса, но принимает возможность его “неравновесности” (Лотман 2010: 141) в связи с тем, что “[...] то или иное исходное состояние системы находится на границе пучка возможных ее изменений” (Лотман 2010: 134). Их постепенность, которая уравнивает их взрывность и предотвращает взрывность системы, обозначает “равновесную динамику” (Лотман 2010: 148) реакции. Поскольку “асимметрические” и “непредсказуемые” процессы значительно чаще происходят в мире человека, чем животного, так как человек преодолевает ограничения природы, “[...] говоря об истории человечества, можно утверждать, что роль непредсказуемости не только существенно возрастает в тот момент, когда человек сделался человеком, но и что именно она образовала фун-

дамент для этого перехода” (Лотман 2010: 134).

Последние труды Лотмана, как мы видим, дают возможность сравнить протекание химических реакций и социально-исторических процессов, так как с непредсказуемостью исторического процесса он связывал надежду на изменение дуального развития российской истории – коррелируемого с православной дихотомией неба и ада. В точной науке он нашел научную предпосылку осуществить эту возможность. Пришел к выводу, что дуальные модели обуславливают деструктивную динамику русской культуры и извечно в ней множатся. Показал самовоспроизведение дуальных моделей в качестве причины исторических бедствий. Убеждал, что “[...] биологическое продолжение рода, потенциально заданное различие полов, может осуществляться, только если различие переходит в единство, создающее тернарную структуру” (Лотман 2010: 60). В свете рассуждений Лотмана единство тернарной структуры в эротическом пространстве программирует место, созданное двоими для двоих, т.е. лишенное единичной исключительности место женщины и мужчины, которые находят в

нем себя как свои части отдельных целостностей. Ее противоположностью была бы структура эротического пространства, подразумевающая устранение субъективности лиц посредством абсолютизации единства. В результате полученного таким образом единства в отношениях я – она наступает нивелирование места свободного единства мужчины и женщины. Оно поглощается захватническим Единством, трактующим двойное место в качестве коррелята своей неограниченной, божественной субъективности.

В своих последних трудах Лотман показывает, что господство дуальной модели в индивидуальной биографии и в коллективной жизни ведет к “абсолютизации единства” (Лотман 2010: 60), вызывающей “[...] длинную цепь политических концепций, представляющих абсолютизм, деспотизм, единовластие в качестве идеальных структур человеческого общества” (Лотман 2010: 60). Автор *Непредсказуемых механизмов культуры* убежден, что тройная модель, позволяющая отменить проекции неба и ада в повседневной жизни, посредством ослабления эсхатологических напряжений благодаря проекции чистилища, благоприят-

ствует развитию человека и общества. Благоприятствует уравновешенной жизни и делает землю подчиненной – способствует созданию условий сохранения и развития человека и безопасности планеты. Так же, как и Милош, он, однако, считал, что путь человечества является биоисторическим и что сила инертности активизирует разрушительные бинарные модели. Напоминал, что

сведение тернарной по своей природе модели к бинарности обходится слишком дорого. Не случайно эта жесткая бинарная модель оказалась столь удобной для проявлений нетерпимости и разрушительных социальных эмоций. Выраженная с классической полнотой в формуле: “Кто не с нами, тот против нас”, – она исторически выступает на поверхность всякий раз, когда созидание оттесняется разрушением (Лотман 2010: 59).

В этих словах Лотман проявил базовую инспирацию и мотивацию своих последних работ. В *Культуре и взрыве* он приветствовал с надеждой мир-

ный распад Советского Союза в 1991 году и рассчитывал на преодоление разрушительного образца. В мирном и согласном появлении независимых государств он увидел для русской культуры “возможность перейти на общеевропейскую тернарную систему и отказаться от идеала разрушать ‘старый мир до основания, а затем’ на его развалинах строить новый” (Лотман 2000: 148).

2. Эволюция старого тезиса

Уже в семидесятые годы в статье, написанной совместно с Борисом Успенским, Лотман видел генезис тернарной модели в средневековом разделении загробного мира на небо, чистилище и ад. Он подчеркнул культурную роль третьего места в загробном мире, т.е. чистилища, принятого западной Церковью на Лионском соборе в 1274 году, но отвергнутого восточной Церковью. Уже в середине семидесятых годов XX века авторы статьи *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры* (1977) написали, что чистилище в бинарном поле напряжения между святостью и грешностью сохраняло резерв творческой энергии верующих, так как создало

полосу нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни “святыми”, ни “грешными”, ни “государственными”, ни “антигосударственными”, ни хорошими, ни плохими. Эта нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня (Лотман, Успенский 2005).

Даже при том, что в западной культуре этот резерв стал основой для системы утопического завтрашнего дня, но тем не менее в тернарной модели эта система была свободной от ресентиментальной и эсхатологической страсти уничтожения старого порядка. Была свободна от разрушительной жажды в осознании того, что только на развалинах старого и грешного мира (ада) возможно построить рай на земле. Согласно Лотману, системы завтрашнего дня, создаваемые в тернарной модели, способны трансформироваться и подвергать осмосу традиционные универсальные ценности, они предотвращают дуальный ужас противоборства

нового порядка со старым. В конце жизни он добавил, что тройная модель загробной жизни, подразумевающая существование нейтральной светской зоны в общественной жизни, оставила независимое пространство для римского права. Жалел, что “[...] вековой конфликт императорской и церковной власти как двух имеющих разную основу, но одинаково высокую ценность авторитетов, в России был невозможен” (Лотман 2010: 62). Ричард Пайпс называл эту самодержавную систему патримонической и отделил от различных проявлений европейского деспотизма. Отметил, что “[...] деспот нарушает права собственности своих подданных; патримонический правитель не признает даже их существования” (Pipes 2006: 22 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]). В работах Лотмана мы находим объяснение такого состояния вещей в культурных причинах.

В контексте статьи Лотмана и Успенского мы видим, что концепция случая в развитии данной культурной системы вдохновляла тартуского семиолога в конце его жизненного пути на размышления на тему динамических процессов в семиосфере с точки зрения их совокупности в бинарной

культурной модели и одновременно с точки зрения возможностей сломать эту модель согласно теории бифуркации. Анализы Лотмана позволили сформулировать вывод о сменяемости стадий эволюции и взрыва, предсказуемых и непредсказуемых событий, стабилизирующих жизнь и взрывных, а также о ценности их дополнения друг друга.

3. Дуализм старого и нового

Культурные и историософские концепции в последних текстах ученого стали венцом его исследований. Последние его размышления заключены в тексте *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры*. Прежде всего эту статью имеет в виду Малгожата Земла, сравнивая, впервые в литературоведении, россиеведение Милоша, Лотмана и Успенского:

Главным образом письма Лотмана и Успенского, публикующиеся со второй половины семидесятых годов прошлого века, способствовали в значительной мере тому, что сложился взгляд о преобладающем влиянии дуальных систем на

культуру России (Zemła 2014: 72 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]).

С перспективы трилогии можно сказать, что эти модели оказались в центре внимания российских ученых, так как они уже занялись феноменом разрушительной деятельности, неразрывно связанного с их родной культурой. Результатом поисков этиологии этого самоуничтожения являются также труды Лотмана и Успенского, написанные ими отдельно. Динамика разрушительных процессов рассматривается ими на основе истории России с особым учетом большевистской революции 1917 года.

Уже в семидесятые годы российских авторов заинтересовали условия такого хода событий, которые позволили бы России выбраться из колеи вечного уничтожения старого порядка во имя проекта нового. В статье о *Роли дуальных моделей в динамике русской культуры* они показывают это уничтожение на заре русской государственности. В ранней Руси дуальная модель проявляется в безжалостной и жестокой борьбе христианства с языческой традицией по принципу противоположности. По мнению ученых, у ис-

токов православного государства структура новой веры кристаллизировалась в радикальной оппозиции к старому язычеству и из-за этой радикальной и уничтожающей антитетичности сохранила его негатив – и как следствие этого неслы в себе память негатива как форму для выражающих протест возвращений реликтовых верований и идей. Здесь непрерывность покрывается с попеременностью, так как

[...] изменение протекает как радикальное отталкивание от предыдущего этапа. Естественным результатом этого было то, что новое возникало не из структурно “неиспользованного” резерва, а являлось результатом трансформации старого, так сказать, выворачивания его наизнанку. Отсюда, в свою очередь, повторные смены могли фактически приводить к регенерации архаических форм (Лотман, Успенский 2005).

Повторяемость этой модели исследователи показали также в России XVII и XVIII веков – с точки зрения русских революций XX века. Уничтожение старой России императорской

Россией Петра I показано как большевистский прототалитаризм.

В анализе семиосферы Петербурга, призрачного и театрального города, он доказывал, что русская культура является эксцентричной (напоказ), так как “вынуждена постоянно конструировать зрителя” (Лотман 2000: 329) результатом дуалистических склонностей русских. “Но эта реконструируемая ‘точка зрения’ обладала некоторой высшей реальностью по отношению к наблюдаемой с ее позиции действительной жизни” (Лотман 2000: 330). Семиотическая теория культуры Лотмана проливает свет читателям на действие дуальной модели в истории России. Радикальный дуализм как ее структуральный алгоритм (как матрица; ментальный генотип) является в его анализах правилом автодеструкции, угрожающим культурным самоуничтожением, и поэтому он постулировал и обозначал направление его изменения в тернарную модель.

4. Лотман и Милош

В этом месте зададимся вопросом, обоснованно ли сравнение Землой дуальных моде-

лей в культурных анализах Милоша и Лотмана. Исследовательница высказалась, что польский нобелевский лауреат в эссе *Россия* [ориг. *Rosja*], опубликованном в сборнике *Семейная Европа* ([ориг. *Rodzinna Europa*] 1958) почти за два десятилетия до Лотмана и Успенского, “сравнил культурную систему России с дуалистической моделью гностики” (Zemła 2014: 72). Заметила, что автор этого эссе ранее объяснял поведение русских “дуалистическим образцом мышления, господствующим в русской культуре” (Zemła 2014: 71). В поисках предшественников Милоша в исследовании роли дуальных моделей в русской культуре, Земла не нашла их среди польских авторов, но указала на ведущего творца русского религиозного возрождения: “Сравнение культурной системы России с дуалистической моделью гностики не было новой идеей в период создания *Семейной Европы*. Эта идея появляется, в частности, в сочинениях Николая Бердяева” (Zemła 2014: 72). Однако автор утверждает, что предложения Бердяева и Милоша, хотя им и полагается пальма первенства в применении дуальных моделей, были лишены базы понятийной системы, и это направление рос-

сиеведения потеряло свою актуальность, так как “не хватало прежде всего методологических оснований, которые позволяли бы смотреть на русскую культуру *sub specie gnosis*” (Zemła 2014: 72). Ситуацию изменили выступления Лотмана и Успенского. “Новые возможности создал в этой области метод структурных исследований” (Zemła 2014: 72). В год публикации *Семейной Европы* Милоша была издана *Структурная антропология* Клода Леви-Стросса, принятая с интересом в кругу ученых тартуско-московской семиотической школы. Французский автор описал дуальные и тернарные организации и сделал вывод об их связи с динамикой цивилизационных процессов. Внимание тартуских семиологов обратило на себя сравнение французского антрополога динамики развивающихся культур согласно этим моделям. Через несколько лет после выступления Лотмана и Успенского культурную роль чистилища представил Жак Ле Гофф, который исходил из подобной предпосылки: “Можно ожидать, что существует связь между тем, как данное общество организует свое пространство на земле и свое пространство в

загробном мире” (Le Goff 1997: 10).

5. Русская культура *sub specie gnosis*

Стоит заметить, что культурная семиотика Лотмана и Успенского в результате этих инспираций религиозно-ведчески не дает методологических оснований для обзора русской культуры *sub specie gnosis*. Как известно, эта перспектива доступна для религиоведения, исследующего манихейские и гностические верования и идеи, – дуалистический опыт существования, догматику, мифографию и историю движения восточного сектанства. Лотман приходит к своим выводам на основании культурной методологии, религиозно-ведчески открытой, но не на основании гностической религии. Религиоведение в культурной и исторической семиотике Лотмана помогает, но история еретического движения не является исходной точкой в его анализах семиосферы. В то же время Милош использует методологию религиозно-ведческого россиеведения, которая применяет гностику в качестве подхода к изучению истории и культуры России.

Этот подход он применяет также к своей биографии. Считает, что сектантство является существенной частью русской культуры, а о секантах восточного христианства он написал, что это последователи религиозных верований и идей: “В некотором смысле они близки мне в связи с ‘восточной’ частью во мне самом” (Miłosz 1990: 149 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]). Смотря в себя, он находит ментальное родство с Россией. Можно сказать, что сектантская Россия, рассматриваемая согласно дуальной модели, является для него возможностью заглянуть в себя самого, а также способом моделирования духовной автобиографии. Значит ли это – как утверждает Земла – что в лишенных методологии и обреченных на деактуализацию прочитываниях русской культуры *sub specie gnosis* первенство принадлежит Милошу? И “значит, можно считать, что Милош в своем эссе положил начало какому-то новому этапу в дискуссии о России” (Zemła 2014: 75)? Действительно ли он был в Польше предвестником прочтений *sub specie gnosis*, или скорее преемником и творческим продолжателем?

6. Преемственность Милоша – дуальная модель в польском россиеведении

Ключ сектантства показал свою адекватность в польских работах о России в начале XX века. Стоит заметить, что польское россиеведение учло гностические дуальные модели в исследовании динамики российской истории после январской революции 1905 года. В этих исследованиях существенно открытие манихейских и гностических идей и верований в сектах. Кароль Потканьски в своем труде *Kurill i Mefodij* [ориг. *Konstantyn i Metodiusz*] убеждает, что славяне вообще являются антимировыми дуалистами. Из их темперамента вытекает склонность к теологическому дуализму, поэтому

богомилizm имел шансы на успех среди славянских народов. Старый манихейский дуализм, начала которого уходят своими корнями в древний иранский дуализм, может быть, проявлял некоторое сходство с давней религией языческих славян, а кроме того всегда так легко объяснял вечную мучитель-

ную загадку, откуда берется зло в мире, что мог стать опасным соперником для христианства (Potkański 1905: 137 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]).

В богомизме (славянском неоманихеизме) полностью проявилась склонность славян к теологической инверсии. Потканьски доказал, что исповедуемая в религии богомизма модель загробного мира непосредственно обуславливала земную жизнь. Эти тезисы подтверждает современная исследовательница болгарской культуры:

Основой богомизмской этики оставался космологический дуализм. Раз материальный мир является творением злого демиурга, то для соединения души с Богом необходимо избегать любого контакта с материей и телом как наимощнейшим дьявольским инструментом власти над человеком (Szwat-Gyłybowa 2005: 31 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]).

Исследовательница обосновывает, что с дуальным расколом

в лоне Бога точно коррелируется этика крайней аскезы в земной жизни. Ибо в теологии

богомизм принимает существование одного предвечного Бога, старший сын которого, по имени Сатанель, взбунтовался против отца. Этот бунт является началом космической катастрофы, в результате которой было уничтожено первичное праединство единственного Бога, господствующего над Вселенной (Szwat-Gyłybowa 2005: 34).

Это показательное в культуре славян движение провозглашал крайний, антимировой теологический дуализм Антихриста – брата Христоса. Богомизм как сектантское религиозное движение распространился на Балканах и привил “радикальный дуализм” (Dobkowski 2007: 18 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]) катарам. “Известно, что он развивался в Западной Европе (прежде всего в Лангедоке, Италии и Германии) с середины XII до второй половины XIV века” (Dobkowski 2007: 8). В Восточной Европе о нем уже узнали в X веке, так как обра-

зованные болгарские священники из Патриархата в Охриде, вместе с православной литургией, принесли богомиллизм Руси, т.е. “мощную манихейскую пропаганду среди болгар” (Heller 2000: 34 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]). Таким путем славянский неоманихеизм влиял на православие и трансформировался в русских сектах. Влечение к богомилско-сектантскому мировоззрению является для Потканьского доказательством того, что славяне в большей части – прирожденные дуалисты и подтверждают эту склонность принятием манихейских верований и идей. Темперамент склоняет их к радикальному дуализму, а дуализм укрепляет их темперамент антимировых бунтовщиков.

Сектантский ключ к анализу русской культуры нашел также Владыслав Яблоновски. В своих работах *Вокруг Сфинкса* ([ориг. *Dookoła Sfinksa*] 1910) и *Две культуры* ([ориг. *Dwie kultury*] 1913) он выдвинул идею, что секты старообрядцев, христововеров и скопцов показывают характер русской духовности. Посредством максимализма ожиданий правды, добра и чистоты этого мира человек Востока имеет тенденцию впасть в дуализм

этой и той действительности. В дуальной афективности земля представляется ему как телесная тюрьма для духа в оковах материи. Тело кажется ему тюрьмой для духа. Поэтому он тоскует по новой земле под другим небом. Старый мир является ненавистным врагом нового. Яблоновски еще перед Бердяевым констатировал, что из-за антимирового дуализма и безграничной тоски по преображенной действительности русские – это прирожденные апокалиптики. Апокалипсис они отождествляют с финальным актом обретения преображенной действительности. Яблоновски доказал, что сектанты радикально протестуют против порядка этого мира как изначально плохого. Считают, что мир имеет зло в самой своей основе, и поэтому они не переносят его настолько сильно, что влечение с целью деторождения трактуют в качестве инструмента имманентного зла, кроющегося в природе, которая является владычеством смерти. Яблоновски обращает внимание на сектантский взгляд, согласно которому природа плодит жизнь, чтобы собирать плоды смерти. Из понимания дуалистов вытекают постулаты разрушительной деятельности,

ибо если почти весь человек – за исключением глубоко скрытого духовного вещества – одержим дьяволом, если космос пронизан до краев небытием, каждое действие, каждый шаг, предпринятый в мире, должен быть, в сущности, злом. Добром является только то, что мир уничтожает и что приближает освобождение божьей искры, дремлющей в человеческой душе (Dorosz 1989: 203 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]).

Применение дуальной модели в исследовании русской культуры позволило Яблоновскому в начале XX века выявить ментальный дуализм *сего* и *того* миров как повсеместно встречаемый. Он обратил внимание на яркость этого дуализма в обрезании скопцов. Находящуюся в его центре кастрацию он признал ритуальным выражением отвращения к материальной и телесной действительности, а также экспрессией тоски по освобождению из половой тюрьмы тела. Высказался, что она представляет собой видимый для сектантов акт освобождения души из телесных уз греха. Акт устранения “жала сатаны”

(Jabłonowski 1913: 108). Автор *Двух культур* заметил, что противоположностью кастрации как крайней формы аскезы, является либертинизм хлыстов. В ритуальных оргиях речь идет, однако, о рассеивании сексуальности и ее коллективной деградации. Яблоновски полагает, что для русского менталитета знаменательно также поведение тех старообрядцев, которые закапывались в землю или сжигали себя живьем, желая ускорить приход Царства Божьего. Считает модельно дуальным учение отца Серафима, который гласил: “Мир сей есть область иного, т.е. князя века сего. Не освободясь от мира, душа не может любить Бога. Нельзя отречься от мира, оставаясь в мире. [...] Должно быть ко всему мертву” (Jabłonowski 1913: 131). Дуальная модель этой теологии, по мнению Яблоновского, сводит жизнь к необходимости выбрать одно из двух решений: кто хочет быть с Богом, должен отвернуться от мира, кто находится с миром, предает Бога. *Tertium non datur*. Говоря языком Лотмана и Успенского, Яблоновски противопоставлял Восток и Запад как развитую культуру в соответствии с дуальной моделью и зрелую культуру на основе

тернарной модели. Заметил, что в западной культуре человек также думает о смерти и ощущает повсеместность греха, но в ней нет смерти за правду правд, не абсолютизирует ее и не поддается некрофобии или некрофилии. Не презирает грешный мир. Относится к нему как пространству в том числе добрых поступков и считает их языком разговора с Богом. Яблоновски подчеркнул, что на Западе дуализм *сего мира* и Царства не от Мира Сего является умеренным. В отличие от максимализма умеренность ожиданий идет в ногу с уважением к жизненной стабильности. Благодаря уважению к ценностям обычной, материальной жизни, ум западного человека не приводит к диссоциации действительности тела и духа, к расколу между поступками и намерениями, так как он не видит мир в категориях ада (тело, поступки), которое стоит разрушить, или вожделенного неба (дух, намерения). Он видит его как конъюнкцию тела и духа, как связь поступков и сдержанных намерений. Умеренный дуалист защищает этот мир от уничтожения, так как сохраняет резерв динамики, необходимый для создания благоприятных условий для земной жизни.

Подобные модели в россиеведении служили учителю Милоша Мариану Здзеховскому. В статье *Русские влияния на польскую душу* ([ориг. *Wpływy rosyjskie na duszę polską*, 1913]) он также доказывал, что русских снедает безграничная тоска по другой земле под другим небом, и эта безграничная тоска уничтожает их основу основ. Показал, что эта тоска по Царству не от Мира Сего под влиянием секуляризации переродилась в огромное желание достичьрая на земле. Констатировал, что большевизм увлек за собой массы, так как ответил на эту губительную тоску видением будущего, что

русская молодежь страдает от тюремных пыток и идет на виселицы [...] во имя царства, которое – мы должны это заметить – не от мира сего, и ведома она безграничной сверхчеловеческой тоской, которая погружает ее в отчаяние и бунт против Бога и людей, лишает почвы в действительной жизни [...] ибо русскую душу разрывает жажда бесконечности, ничто ее не насытит, она хочет чуда (Zdziechowski 1993: 496–

497 [Здесь и далее перевод мой – З.К.].

Русские интеллигенты идут в тюрьму и на виселицу не за коммунизм, а за земное Царство. В безграничности их тоски учитель Милоша заметил ген революционной деструктивности, ген разрушительного террора. Дуальная модель пригодилась для описания исторических бед России. Это описание соответствовало определениям Николая Бердяева, который, основываясь на этой модели, выдвинул тезис о том, что русская идея является идеей преображенного мира, а ее основание – безграничная и вечная тоска. Поэтому русские – это прирожденные нигилисты и апокалиптики. “Антиномическая полярность русской души совмещает нигилизм с религиозной устремленностью к концу миру, к новому откровению, новой земле и новому небу” (Bierdiajew 2004: 10 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]). Эту апокалиптичность он считал гностической, *ergo*, готовой совершенно уничтожить земной мир. Одобрял мнение Адольфа Гарнака, что “русские проявляют склонность к марсионизму” (Bierdiajew 1999: 270).

Милош в военном эссе *Религиозность Здзеховского* ([ориг. *Religijność Zdziechowskiego*] 1943), а также в своих книгах, в частности, *О жестокости* ([ориг. *O okrucieństwie*] 1928), с признанием цитирует также работу Богумила Ясиновского под названием *Восточное христианство и Россия* ([ориг. *Wschodnie chrześcijaństwo a Rosja*] 1933). В этой работе виленский профессор показал влияние гностических идей Оригена, Григория Нисского, Григория Богослова на константинопольское православие и, таким образом, и на русское православие. Высказал мысль, что религиозная мысль, культура, государственный строй и русский менталитет насыщены гностическими и манихейскими идеями. Они свободно проявляются в сектах. Доказал также, что антимировой дуализм пронизывает русскую цивилизацию и стал ее парадигмой. Это парадигма имманентной уничтожающей деятельности – оригинального выражения протеста против злого мира. Убеденный в необходимости найти ключ к антимировому дуализму, “к более глубокому самопознанию русского духа” (Jasinowski 1933: 144 [Здесь и далее перевод мой – З.К.]), при помощи кантовской ритори-

ческой фигуры, он обратился к россиеведам с призывом: “Укажите мне в русских произведениях религиозно-философского сознания те мысли, которые бы – хотя и выдвигаемые как специфично русские – не были уже высказаны когда-то Оригеном и Гнозисом!” (Jasinowski 1933: 144).

7. Виленская школа мышления о России

Применение дуальной модели в россиеведении Здзеховского и Ясиновского, т.е. видение мира в категориях теологического, космогонического, антропологического и эсхатологического дуализма в манихейско-гностическом контексте характеризует тип анализа, который мы могли бы назвать виленской школой мышления о России. Опуская критерий места и учитывая метод применения моделей гнозиса, к этой школе можно отнести также Потканьского и Яблоновского. Милош был в ней способным учеником и полнее всего развил ее. “Принял представленный в ней ход мышления: без ознакомления сектантских верований и идей, относящихся к первым векам восточного христиан-

ства, и без восприятия их преобразований мы не поймем православия, без проникновения в сущность православия невозможно понять культуру, политику, а прежде всего русскую религиозную мысль, а без них нельзя понять Россию и ее отношения с соседями. Этот ход мышления станет близок нобелевскому лауреату до конца жизни. Он является каркасом “определенного направления” (Kaźmierczyk 2020: 120).

Марек Корнат подчеркнул значение этого направления в “развитии польского советологического изучения” (Kornat 2000: 43) в период Двадцатилетия 1918–1939. В своем труде *Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильне (1930–1939) и его вклад в развитие польской советологии* он показал ключевое значение этого центра в науке о большевистской России. Представил значительные достижения Института и созданной в его рамках при Факультете юриспруденции и общественных наук Университета Стефана Батория Школы политических наук, обучающей в свои лучшие годы 500 студентов. Показал важность исследований юриспруденции, экономики, литературы и языка и народности, развива-

емых известными учеными и семинаристами. Пришел к выводу, что научным рангом они превышали достижения Института исследований коммунизма и Института Восточной Европы в Варшаве, а также советологические достижения групп, сконцентрированных вокруг периодических изданий «Советская Россия» [ориг. «Rosja Sowiecka»] и «Восточный обзор» [ориг. «Przegląd Wschodni»]. В сравнительном анализе он заметил: “Именно в Польше возникла интеллектуальная среда и определенный круг мысли, который имеет право именоваться ‘советологической школой” (Kornat 2000: 87). Одновременно выделил в ней влияние Эдзеховского, которого “не считали советологом” (Kornat 2000: 57) – так же, как и Ясиновского. Подчеркнул, что эти ученые оказывали влияние на развитие польской советологии как аналитики “духовных основ современной культуры”, как “психологи славянских народов”. Их россиеведение показало, что максимализм крайнего дуализма был воплощен в культуре, истории и русской государственности, что “восточное, а значит русское понимание политики характеризует вера в неизменное зло, неотделимое от при-

роды мира” (Kornat 2000: 74). Согласно Корнату, применение Эдзеховским дуальной модели обнаружило масимализм русского дуализма в “радикальном представлении добра и зла” (Kornat 2011: 28). А Ясиновски показал роль дуальной модели *сего* и *того* мира в создании в русской культуре оппозиции зла – добра, тела – духа, действительности – идеала, неволи необходимости – неограниченной свободы, имеющей радикально антимировой характер. По мнению Корната, этот гностический “милленаризм легко вошел в симбиоз с марксизмом” (Kornat 2000: 74), что показала виленская школа мышления о России и благодаря чему начались польские советологические исследования. Ее создавали также, в частности, Ян Кухажевски, Феликс Конечны, Станислав Косьцалковски, которые “согласованно и с упорством защищали тезис о ключевой роли русского нравственного максимализма на основе понимания политики” (Kornat 2000: 75). Эту школу объединяет мысль, что его основа была ментальной и во время секуляризации максимализм стал идеологическим фанатизмом, новой верой. Корнат представляет авторов вилен-

ской школы мышления о России, хотя не применяет этого названия, как предшественников исследований на Западе: “Такой взгляд займет достаточно прочное место в послевоенной западной советологии” (Kognat 2000: 74). Среди последователей этой школы называет ее самых выдающихся представителей: “Такой подход связывает имена Эрика Фёгелина, Алена Безансона, Раймона Арона – в общей сложности существенное ответвление западной советологии” (Kognat 2000: 74).

Предпосылки вступления Милоша в эту виленскую школу содержит его автобиография.

8. Дуальная модель в духовной автобиографии Милоша

Среди автобиографических упоминаний *Семейной Европы* выделяются те, которые доказывают, что война была первым образом мира Милоша. И мировую войну, и большевистскую революцию он пережил в России. В ретроспективе кошмаров истории он соединил ужасы природы, показанной Дарвиным. Его поразило открытие права убийства более слабых организмов как универсального права: истории и природы. В школьные

годы в учебнике *История католической церкви* ([ориг. *Historia Kościoła katolickiego w zarysie*] 1920) Романа Архутовского его внимание привлекли примечания на тему идей и верований гностиков, манихейцев и албигенсов. Автор сборника эссе, моделируя свою биографию согласно бинарной оппозиции ужасов истории и рая детства (у бабушки с дедушкой на Невяже в 1918–1921 годы), дождется генезиса своих влечений к дуальному восприятию действительности. В связи с этой непреодолимой склонностью видеть мир как творение злого Демиурга, он обнаруживает у себя манихейский темперамент. Эту склонность к манихейско-гностическому видению мира и человека он назвал в себе – как мы упоминали выше – “восточной частицей”, и на основании этой склонности нашел “внутреннее родство” (Miłosz 1996: 109) с сектантами православного христианства, которые “из беспощадности природы и беспощадности общественного порядка черпали уверенность, что миром нераздельно правит сатана. Лишь Царство Божье могло опровергнуть его право, тождественное праву Сотворения” (Miłosz 1990: 149 [Здесь и далее перевод мой –

З.К.]). Автор этих слов идентифицировал себя с сектантскими верованиями и идеями. Эта идентификация является ключевым вопросом в его духовной биографии. К разговору о сектантах он относился как к возможности заглянуть в самого себя:

Раздвоение между злым миром и добрым Богом нигде не дошло до такой крайности, как в восточном христианстве. Как представил в своей книге Богумил Ясиновски, дух гнозиса живет до сих пор в религиозной мысли русских, и его можно его обнаружить не только в дореволюционном сектантстве, но также у Соловьева и Бердяева (Miłosz 1996: 109).

Как видим, поэт из Вильна создавал свою автобиографию, основываясь на дуальной модели, и самой важной темой личной духовной истории он сделал предпосылки рождения в себе дуального человека. Антимировой дуализм является его личностным ключом, обуславливающим возможность познать и понять самого себя. Свои дуалистические склонности он всю свою жизнь уравнивал содей-

ствием способности принимать мир. Преодолеваем склонности к протесту способностями восхищаться земной действительностью. Модель дуализма он применяет в познании русской культуры, и поэтому мы можем утверждать, что она дает ему возможность заглянуть в самого себя. Заметив в себе сектанта, он увидел в русских ментальных антимировых дуалистов и констатировал, что их бинарный темперамент включает в себе историю России. Заявил, что в их истории действует модель манихейского гностического дуализма, что проявляется компонент крайне радикального протеста против данных существования. Убеждал, что эта неосознанная склонность постоянно уничтожает Россию в актах революций и войн. Манихейский компонент своего христианства он сделал ведущей темой автобиографии и биоисториософии.

9. Сходства

Лотман и Милош, представляя независимо друг от друга различные руссиеведческие направления, признали ключевыми дуальные модели в анализах динамики россий-

ской истории. Вначале Лотман концентрировался на лингвистических исследованиях, а затем посвятил свое внимание культурной семиотике, открытой религиоведению в границах ортодоксии. Дуальные и тернарные модели послужили ему для анализа различий в семиосфере Запада и России. На канве ее истории представил подробно роковые последствия действия дуальной модели.

Милош получил дуальный подход к России в виленской школе мышления о России. Ужасы истории и дарвинизм дали почву для его манихейско-гностического видения мира и человека. Темперамент манихейского бунтаря стал его вызовом. Дуальные модели гнозиса помогли ему в упорядочении внутренней жизни в форме духовной автобиографии. Дуализм, включенный во внутренние переживания, имеющий антимировой характер, стал основой для открытого родства с сектантами православного христианства. Дуальные модели гнозиса, применяемые в виленской школе мышления о России, стали его личными моделями.

На этом основании Россия дала ему возможность заглянуть в самого себя. Была темой, всегда злободневной, так как, борясь с дуальной Россией, он побеждал самого себя. Взгляд на себя и Россию *sub specie gnosis* стал существенной частью его самоидентификации.

Лотман не рассматривает Россию *sub specie gnosis* и не создает своей автобиографии, основываясь на тождественных дуальных моделях. Бинарная Россия не является его ментальной Россией. Оба, используя различные россиеведческие процедуры, приходили к подобным результатам: Лотман, основываясь на методологии семиотики культуры, Милош – на анализах россиеведения, открытого религии гнозиса. Оба пользовались дуальными моделями в этиологии русской разрушительной деятельности. Совпадение их прочтения позволяет говорить о Милоше и его творчестве языком Лотмана.

Библиография

Лотман 2000: Ю. Лотман, *СЕМИОСФЕРА: Культура и взрыв Внутри мыслящих миров Статьи: исследования, заметки (1968–1992)*, Санкт-Петербург, Издательство «Искусство – СПб», 2000, электронный адрес: <https://vk.com/doc2674442_437764188> последнее посещение 10.01.2020.

Лотман, Успенский 2005: *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)*, Объединенное гуманитарное издательство, Кафедра русской литературы Тартуского университета, Тарту 2005, электронный адрес: <<https://www.ruthenia.ru/document/537293.html>> последнее посещение 10.01.2020.

Лотман 2010: Ю. Лотман, *Непредсказуемые механизмы культуры*, Таллинн, TLU Press, 2010.

Archutowski 1920: R. Archutowski, *Historia Kościoła katolickiego w zarysie*, Warszawa, G. Gebethner i Spółka, 1920.

Bierdiajew 2004: M. Bierdiajew, *Światopogląd Dostojewskiego*, przeł. H. Paprocki, Kęty, Wydawnictwo Antyk, 2004.

Bierdiajew 1999: M. Bierdiajew, *Rosyjska idea*, przeł. J.C.–S.W., Warszawa, Stowarzyszenie Kulturalne Fronda, 1999.

Dorosz 1989: K. Dorosz, *Maski Prometeusza: Eseje konserwatywne*, Londyn, Aneks, 1989.

Dobkowski 2007: M. Dobkowski, *Kataryzm: Historia i system religijny*, Kraków, Wydawnictwo WAM, 2007.

Heller 2000: M. Heller, *Historia Imperium Rosyjskiego*, przeł. E. Melech, T. Kaczmarek, Warszawa, Książka i Wiedza, 2000.

Jabłonowski 1910: W. Jabłonowski, *Dookoła Sfinksa. Studya o życiu i twórczości narodu rosyjskiego*, Warszawa, Księgarnia E. Wende i Spółka, 1910.

Jabłonowski 1913: W. Jabłonowski, *Dwie kultury: Studia historyczne i literackie*, Warszawa, Księgarnia E. Wende i Spółka, Warszawa, 1913.

Jasinowski 1920: B. Jasinowski, *Wpływy rosyjskie na duszę polską*, Kraków, Krakowska Spółka Wydawnicza, 1920.

Jasinowski 1933: B. Jasinowski, *Wschodnie chrześcijaństwo a Rosja*, Wilno, Instytut Wydawniczy Europy Wschodniej, 1933.

Każmierczyk 2020: Z. Każmierczyk, *Heretyckie inspiracje Czesława Miłosza // Religijność Czesława Miłosza*, red. Z. Każmierczyk, Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2020.

Kornat 2000: M. Kornat, *Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii*, «Kwartalnik Historyczny», 2000, R CVII, 3.

Kornat 2011: M. Kornat, *Wstęp. Czesława Miłosza spotkania z Rosją // Cz. Miłosz, Rosja. Widzenia transoceaniczne*, t. II. *Mosty napowietrzne*, Warszawa, Fundacja Zeszytów Literackich, 2011.

Le Goff 1997: J. Le Goff, *Narodziny czystości*, przeł. K. Kocjan, Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1997.

Miłosz 1990: Cz. Miłosz, *Rodzinna Europa*, Warszawa, Czytelnik, 1990.

Miłosz 1996: Cz. Miłosz, *Legends nowoczesności*, Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1996.

Pipes 2006: R. Pipes, *Rosja Carów*, przeł. Wł. Jeżewski, Warszawa, Wydawnictwo Magnum, 2006.

Potkański 1905: K. Potkański, *Konstantyn i Metodiusz*, Kraków, Gebertner i Spółka, 1905.

Szwat-Gyłybowa 2005: G. Szwat-Gyłybowa, *Haeresis bulgarica w bułgarskiej świadomości kulturowej XIX i XX wieku*, Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2005.

Zdziechowski 1993: M. Zdziechowski, *Wybór pism*, Kraków, Wydawnictwo Znak, 1993.

Zemła 2014: M. Zemła, *Miłosz, Mickiewicz, Rosja*, «Pamiętnik Literacki», 2014, R. CV, 1.

Żyłko 2018: B. Żyłko, *Wprowadzenie. Testament naukowy Jurija Łotmana // Nieprzewidywalne mechanizmy kultury*, red. E. Gola, Poznań, Wydawnictwo Naukowe Wydziału Nauk Społecznych Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2018.

Papers

Maria Candida Ghidini

I Diari e la scrittura dell'ultimo Tolstoj. Una ricerca oltre il moralismo

The *Diaries* and the Texts of the Late Tolstoi: A Search Beyond Moralism

All his life Tolstoi wrote diaries. In his last thirty years, they became so important that they have influenced his entire work, non-fiction as well as fiction. Originally a rational, planned practice of self-perfection, they evolved into an introspective reflection of the *I* and recorded the tension of merging with a super-personal, universal dimension: the authentic, eternal I that does not know death. This article argues that Tolstoi's search cannot be reduced to the moralist and rationalist paradigms that critics have often used, especially the religious thinkers of the Silver Age. The *Diaries* reveal that the starting point for a deep reflection on the *I* is the experience of the limit and death. Hence starts a new perception of the self which, in order to preserve it, transcends it into a universal dimension that helps to overcome emptiness and a lack of meaning. On a literary level, this leads to a new type of writing and a new conception of authorship.

I diari di Tolstoj e i suoi taccuini sono dei lampi di epifanie, e come si afferra una matita, un chiodo per appuntarsi qualcosa velocemente, così Tolstoj prende le prime parole che capitano. Un'analisi concettuale di questi appunti sfocia nello zero, l'unica possibilità è cogliere la scintilla, sempre una, che gli ha illuminato la tenebra e che si è subito spenta [...] A fondamento di tutto, nella ragione dell'essere, di ciò che è vivo (e lui era convinto anche di ciò che non è vivo) lui vede l'amore e la poesia. Queste due cose sono folli, sconsiderate, pronte al sacrificio, imprevedibili. La vita viene da loro.

V.V. Bibichin

Il bene è in qualche modo indiscernibile dal nostro annullarci in lui, esso vive solo del sigillo e dell'arabesco che vi segna il nostro scomparire. Per questo non possiamo strapparci da noi né abiurarci. Chi è "io", chi siamo "noi"? Soltanto questo dileguare, questo trattenere il fiato in qualcosa di più alto, che trae, però, vita e ispirazione da quel nostro fia-

to sospeso. E nulla è più parlante e inconfondibilmente singolare di quel tacito dileguare, nulla più commovente di quell'avventuroso sparire.

G. Agamben

Introducendo la traduzione dei *Fragments d'un journal intime* di Henry Amiel, fatta da sua figlia Marija, Tolstoj sembra scrivere di sé e del lavoro sotterraneo che produce la scrittura diaristica: “È come se, senza che l'autore lo sappia, si fosse al cospetto del più segreto e profondo e appassionato lavoro intimo dell'anima, solitamente nascosto a sguardi altrui”¹.

Per tutta la vita, dai diciotto anni fino agli ultimi giorni, Tolstoj ha sempre scritto diari e non ha assolutamente nascosto questo suo “lavoro intimo dell'anima”. In particolare, negli ultimi suoi trent'anni, circa dagli anni Ottanta in poi, essi sono diventati tanto importanti che hanno colorato di sé tutta la sua opera, quella saggistica come quella narrativa. Da iniziale pratica di autoperfezionamento morale, essi registrano la riflessione dell'io su se stesso e custodiscono la traccia della tensione a

fondersi con una dimensione sovrappersonale, universale, l'io autentico, eterno che non conosce la morte.

Il presente saggio mira a illustrare come la ricerca tolstoiana non si possa ridurre a un'ipotesi moralista e razionalista. Dai *Diari*, infatti, emerge che il punto di partenza della riflessione sull'io sia l'esperienza del limite e della morte. Da qui e dalla consapevolezza della frammentarietà della verità accessibile all'uomo, parte una nuova percezione dell'io che, per preservarlo, lo trascende in una dimensione universale che aiuti a superare il vuoto e la mancanza di senso. Ciò agisce anche a livello letterario, perché, come vedremo, la persistente domanda sulla natura e sui limiti dell'io comporta necessariamente un nuovo tipo di scrittura e una nuova concezione dell'autorialità.

I *Diari* tolstoiani, che non rappresentano certo un *corpus* strutturato, occupano, nel loro complesso, tredici volumi dell'*Opera omnia* dell'autore. Vi sono inclusi anche taccuini, quaderni, rubriche tascabili (*karmannyj ežednevnik*), libretti

¹ L.N. Tolstoj, *Polnoe sobranie sočinenij v 90-ch tomach*, Moskva, Chudožestvennaja literatura, 1928–1958, t. 29, p. 211. D'ora in avanti il riferimento verrà dato nel testo con il numero del volume e della pagina.

da letto (*spal'naja*), da giorno (*dennaja*) e fogli sparsi, su cui lo scrittore annotava, in modo estemporaneo, pensieri vari, i più importanti dei quali venivano poi riportati sui *Diari* da lui stesso o, negli ultimi anni, da persone a lui vicine. Tra i taccuini e i diari non c'è mai perfetta corrispondenza: alcuni dei taccuini si persero, come quelli scritti tra l'ottobre e il dicembre 1908, ma anche quando le note vengono trascritte, esse sono continuamente cambiate: la riflessione si muove, il pensiero è *in fieri* e Tolstoj registra questo divenire, in tutta la sua precarietà, nella debolezza che sconfinava nell'afasia, nella difficoltà di trovare l'espressione giusta o l'anello mancante del ragionamento, ma anche nella felicità del suo progredire.

Soprattutto negli ultimi trent'anni della sua vita, Tolstoj seppellisce le proprie considerazioni metafisiche, il loro nucleo profondo nei *Diari*, perché sente come compito intimo un continuo affinamento della visione ultima della vita e arriva a pensare che questo sia possibile solo attraverso una costante immersione nella propria interiorità, al di là delle continue deviazioni, del residuo ineliminabile di in-

sincerità e autocompiacimento². Ne esce qualcosa che è lontanissimo da una trattazione sistematica, via peraltro tentata da Tolstoj per tutti gli anni Ottanta. Come vedremo, la verità è frammentaria e incomprensibile e per questo i *Diari* sono particolarmente adatti a questo scopo. Da qui il continuo bisogno di ritornare sulla propria autobiografia spirituale che emerge non solo nei *Diari* ma anche in tutta una galassia di scritti, per la maggior parte incompiuti, che a buon diritto possono essere detti autobiografici: memorie abbozzate, autobiografia iniziata e poi scritta per interposta persona (Birjukov 2000), registrazione di riflessioni a partire di fatti accaduti, ma anche trattazioni dai titoli personalissimi come *Ispoved'* (Confessione), *V čem moja vera* (In cosa consiste la mia fede)...

Un caso emblematico dell'orientamento autobiografico che pervade l'opera tolstojana (e che era iniziato dalla sua prima prova, l'incompiuta *Storia del giorno di ieri*) sono i *Zapiski christijanina* (Appunti di un cri-

---

² "L'uomo conosce qualcosa in pienezza solo attraverso la propria vita. Io mi conosco veramente per il tratto in mezzo tra le cortine della nascita e quelle della morte. Mi conosco in quanto io sono io. È il sapere più alto, o meglio, più profondo." (55, 29).

stiano, 1881), ai quali Tolstoj lavorò intensamente per pubblicarli, senza però mai portarli a termine:

I miei appunti saranno proprio appunti, quasi un diario dei fatti che accadono nella mia appartata vita di campagna. Scriverò soltanto quello che è successo, senza aggiungervi o inventare niente, scriverò come se mi aspettassi che tutto quello che scrivo verrà sottoposto a verifica e a studio. Tempo, luogo, nomi, persone: sarà tutto autentico. Non starò a scegliere fatti e giorni, ma scriverò di seguito quello che succede secondo quello che riesco a fissare (49, 9).

Qui è evidente tutta la tensione utopistica caratteristica di Tolstoj, per il quale lasciando scorrere sul foglio il fiume degli eventi e accadimenti e setacciando con il crivello dell'autocoscienza i detriti dello spazio e del tempo (e dei nomi, delle persone), si sarebbe potuta poi intravedere, la pepita del senso ed è particolarmente interessante che per raggiungere tale scopo egli non parli di se stesso, ma descriva la vita dei contadini che lo circondano e arrivi a in-

corporare la *Vita* del povero Kastiūša, da lui stesso trascritta nella succosa e particolare lingua dei *mužiki* (49, 13).

Per tutta la vita di Tolstoj la scrittura dei *Diari* procede irregolare, ora urge come un affrettato abbozzo, ora si arena in circoli quasi ossessivi di ripetizioni: questo perché essa propriamente non è scrittura, o almeno non si riconosce come tale, ma con l'andare del tempo sembra piuttosto porsi come un esercizio spirituale, un atto ad alto tasso performativo, in cui l'io cerca di conoscere, ma soprattutto di saggiare se stesso per conoscere e saggiare la Vita. Più che la registrazione di fatti o vicende essenziali, si tratta, infatti, di una stenografia, densa e abbreviata, della propria visione del mondo e dell'incessante riflessione sul sé, come individuo e come parte del mondo intero, che osserva il proprio percorso di vita. E, in effetti, proprio *Put' žizni* (La via della vita) è il titolo dell'ultima opera tolstojana, non lontana per forma dall'andamento aforistico dei *Diari*³.

³ Il titolo dell'opera riprende probabilmente la *Didachè, la via della vita e la via della morte*, che, sulla scia del suo fortunoso ritrovamento e degli studi di Harnack e Sabatier, era stata tradotta e commentata da Tolstoj nel 1885 (25, 416-428) e ripresa poi nel 1905 in *Krug čtenija* (Il circolo di lettura).

A questo, infatti, esorta lo stesso Tolstoj, quando pensa a un'eventuale pubblicazione dei *Diari*. Così infatti scrive a Vladimir Čertkov il 13 maggio 1904:

Ad essere sinceri, non attribuisco alcun significato a tutte le mie carte, a parte i diari degli ultimi anni. I diari, infatti, se non farò in tempo a esprimere in modo più preciso quello che vi annoto, possono avere una certa importanza, almeno per quei pensieri frammentari che vi sono esposti. E perciò una loro pubblicazione potrà essere di qualche aiuto agli altri, a patto di espungere tutto quello che vi è di casuale, poco chiaro e superfluo, e io spero che ve ne occuperete (88, 327).

È evidente che i *Diari* sono testi intimi e personalissimi, benché il loro autore sappia benissimo che essi saranno letti e benché, di più, essi siano condizionati all'origine da una consapevolissima *arrière pensée*. Tuttavia, il loro significato generale, al di là del dato strettamente biografico (e autoterapeutico), è stato avvertito fin da subito da Tolstoj stesso:

Ho pensato che scrivo il diario non per me, ma per gli altri: soprattutto per chi continuerà a vivere quando io fisicamente non ci sarò più. E se poi questi diari bruciassero? Beh, e allora? forse sono necessari agli altri, per me invece probabilmente non è che siano necessari, essi sono me. Mi fanno bene (55, 209).

A che genere, dunque, appartengono questi scritti? Sarebbe riduttivo catalogarli con l'etichetta di testi meramente psicologici, memorie e pensieri che rientrano nella dimensione intima psichica della persona. Lidija Ginzburg ha molto riflettuto sulle forme e sullo statuto della prosa non narrativa e, da lettrice attenta di Jakobson qual era, ha ravvisato il loro tasso di letterarietà nell'organizzazione (Ginzburg 1971: 137). Questa, che la studiosa chiama "letteratura di mezzo", è rappresentata da quella galassia che oggi è invalso chiamare "egotesti", sull'onda, probabilmente, delle fortunate analisi di Michel Foucault sulle tecniche del sé: nel nostro caso si tratta di diari, taccuini, memorie, autobiografie, biografie autorizzate, ma anche i molti resoconti delle conversazioni di Jasnaja Poljana che, spesso sotto

il controllo di Tolstoj stesso, vengono trascritte dalla moglie, dai segretari, dal medico, dagli amici. Del resto, in vari momenti della propria vita Tolstoj sembra a volte oscillare, a volte mischiare due tipi di scrittura, quella narrativa e la cosiddetta *non-fiction*. Anche molta della pubblicistica del tardo Tolstoj viene costruita attorno a un'esperienza personale, strutturandosi attorno a una minuziosa autoanalisi, in una modernissima e fluida dialettica della coscienza. Questa tipologia di letteratura "autopsicologica", nella visione ginzburgiana, è dotata di una sua specifica valenza estetica, di cui, come vedremo, Tolstoj era perfettamente consapevole. In questo senso essa non sta "ai margini della letteratura" (Lejeune 1986: 13).

È stato Èjchenbaum il primo a osservare il legame della scrittura dei *Diari* con il lavoro letterario: le annotazioni del diario vengono usate già dal giovane Tolstoj quasi come materiale letterario grezzo, un repertorio di cui avvalersi anche in seguito. Questo permette a Èjchenbaum di caratterizzare l'origine della creazione tolstojana proprio nel suo affinare l'autoanalisi, inizialmente condotta in modo molto concreto, tramite il continuo riportare il proprio agire a regole di comportamento che

Tolstoj visualizza nella tavola delle debolezze di Franklin⁴, che per Èjchenbaum rappresenta una sorta di reagente chimico, un punto di vista che separa il confuso flusso di coscienza dai suoi componenti per analizzarli (Èjchenbaum 1928: 52). La scrittura diaristica, in questo senso, sarebbe una tappa preparatoria per la grande narrativa, il metodo fluido e immediato (e per questo privilegiato) per inseguire la fluidità della coscienza e della vita. Lo dirà lo stesso Tolstoj il 5 luglio 1892, gettando uno sguardo retrospettivo sulla propria vita: "Quando vivi a lungo, come me, per 45 anni di vita cosciente, capisci come sono falsi e impossibili tutti i tentativi di conformarsi alla vita. Non c'è niente di *stable* nella vita. Sarebbe come tentare di conformarsi all'acqua che scorre. Tutto della personalità, della famiglia, della società, tutto cambia, si dissolve e si riforma come le nuvole" (52, 68).

In questo modo scrivere il diario diventa per Tolstoj sempre di più un modo di risolvere il conflitto tra il flusso, che si concre-

---

⁴ In questa prima fase Tolstoj è soprattutto preoccupato delle deviazioni, delle cadute. In realtà, infatti, egli capovolge il programma di Franklin che non aveva considerato le debolezze, ma aveva disegnato un percorso che si snodava per tappe di tredici virtù.

tizza nell'azione disgregatrice del tempo, da un lato e, dall'altro e il bisogno di trovare un punto di consistenza per quella "materia fluida" che è l'uomo (53, 185): l'antica diatriba tra essere e divenire cerca così riposo e composizione in un centro che è l'io e che insieme lo trascende:

Ogni persona se ha vissuto a lungo era all'inizio un bambino, poi un ragazzo, poi un uomo o una donna e poi un vecchio o una vecchia. Ma per quanto la persona cambi, ha sempre detto di sé "io". E questo "io" in lui è stato sempre lo stesso. Lo stesso nel bambino, nell'adulto, come nel vecchio. È proprio questo l'"io" intransigente ed è ciò che noi chiamiamo anima (43, 5).

In uno studio sulla narrativa dell'io tolstojana, o meglio sulla lotta per narrare l'io, Irina Paperno si spinge a considerare i *Diari* una scrittura oltre la letteratura, un libro di vita, che registra e insieme propone una metafisica alternativa per la vita quotidiana (Paperno 2014: 2). Grazie allo schema di Franklin, ma anche ad altre regole di ogni tipo e pratiche di autoperefezionamento, dagli anni Cinquanta

in poi il giovane Tolstoj mette in campo un metodo razionale di autoformazione, registrata e insieme regolamentata dal diario, la cui scrittura si colloca costantemente in bilico tra futuro e passato (si snoda infatti tra le colonne delle cose fatte e di quelle da fare, passando da quelle "non del tutto"): non solo il diario diventa così un esercizio di risignificazione della vita trascorsa, ma è una sorta di dispositivo per forgiare la vita nel futuro. Pare così che il presente non ci sia, o non gli sia accordata autonomia, condannato a una evanescente e dolorosa incompiutezza.

Ed è vero, non è dell'uomo il presente, perché viverlo nella sua pienezza significherebbe trascendere il tempo, trascendere la propria fisicità, ma anche la propria struttura gnoseologica. Sarebbe, in un'ultima analisi, negare la vita quale la conosciamo, tant'è vero che il tardo Tolstoj parlerà della vecchiaia, il momento in cui la vita individuale comincia ad affievolirsi, come di una benedizione, perché si perde la memoria, che individualizza la vita trascorsa, lega l'io a famiglia, patria, alle coordinate che lo limitano, pur dandogli sostanza. Si tratta del paradossale uso di una forma particolarmente legata alla scansione e al flusso temporale per

andare oltre la dimensione del tempo:

Ora io vivo di tutto ciò che ho elaborato in passato (almeno il mio lavoro interiore negli scritti), lo uso, ma il lavoro in sé non me lo ricordo. Incredibile. E invece penso che sia un cambiamento gioioso in tutti gli anziani: la vita si concentra tutta nel presente. Oh, che bello! (58, 122).

Il presente assoluto è dunque la cessazione della vita come la conosciamo ora: “Oggi ho pensato: nel novero dei lati e degli aspetti coi quali ci si rappresenta l’ideale, Cristo è colui per il quale la vita è solo nel presente. La sua piena conquista sta nella cessazione della vita, nell’unione con Dio, nella perfetta e costante corrispondenza con la propria posizione” (3, 185)⁵.

---

⁵ Si confronti con quello che scrive Sant’Agostino nell’undicesimo libro delle *Confessioni*: “Quanto al presente, se fosse sempre presente e non trascorresse nel passato, non sarebbe tempo, ma eternità. Se dunque il presente, per far parte del tempo, in tanto esiste in quanto trascorre nel passato, in che senso diciamo che esiste anch’esso? Se appunto la sua sola ragion d’essere è che non esisterà: in fondo è vero, come noi affermiamo, che il tempo c’è solo in quanto tende a non essere” (11.14, 17. Agosti-

no 2012: 669). Tolstoj almeno dal 1884 conosceva le *Confessioni* agostiniane, la cui edizione bilingue latino/francese si trova nella biblioteca di Jasnaja Poljana, particolarmente segnata nei libri 10 e 11, che vertono sulla memoria (e la memoria di sé come fondamento della coscienza) e sul tempo che Agostino lega al *modus operandi* dell’uomo, alla sua possibilità di apprendere la realtà (Paterno 2005: 100).

La ricerca della “propria posizione”, della perfetta coincidenza dell’io con l’Io ripropone per Tolstoj la questione del senso ed è da qui che nasce il suo tanto studiato sguardo smascheratore. Lo straniamento dissolve, infatti, la patina rassicurante delle convenzioni che consentono una parvenza di controllo sul vuoto che assale l’uomo gettato nel mondo. È possibile allora la ricapitolazione dell’esistenza in una temporalità cumulativa, densa, condensata nell’istante totalizzante? “La coscienza, cioè la contemplazione spirituale di se stessi, ferma la vita. La morte è la piena coscienza di sé (55, 194)”.

Tempo, coscienza e la morte si stringono allora in un unico nodo. Il tempo assume diverse sfumature a seconda delle età della vita, ma rimane il motivo conduttore dei *Diari*. Con le sue soglie perentorie (nascita e morte), le sue lacerazioni e i suoi intoppi

(sogni⁶, memoria e smemoratezza), esso finisce per costituire la struttura della scrittura diaristica, perché, rimanendo sempre in bilico tra memoria e intenzione, tra passato e futuro, il diario diventa come una navetta che passa avanti e indietro i fili della scrittura nell'ordito del tempo. Se, dunque, all'inizio scrivere il diario è essenzialmente un esercizio, una pratica di autoperefezionamento morale, con il passare del tempo esso viene a testimoniare il percorso particolare di Tolstoj lungo la via verso la conversione, si fa prima registrazione immediata (e non solo) della riflessione dell'io su se stesso per poi, negli ultimi tempi, custodire traccia della tensione a fondersi con una dimensione altra da sé di quello stesso io.

Tu soffri. E questo perché ti sei addormentato e ti sei dimenticato in che cosa consista la tua vita. Essa sta soltanto nella realizzazione del Regno di Dio sulla terra, cosa possibile solo attraverso la crescita dell'essenza. E quello che tu chiami sofferenza è solo

---

⁶ È come se i sogni aprissero un buco nel tempo lineare e nel tardo Tolstoj è ricorrente l'idea del potenziale trascendente dei sogni con la loro temporalità invertita (56, 114-115).

un modo di stimolare la crescita come fa il temporale con la pianta. Prova solo a osservare la purezza della tua vita animale, l'umiltà in quella sociale e l'amore nella vita di Dio in quelle stesse condizioni che ti hanno causato sofferenza e vedrai come quello che chiami sofferenza si trasformerà nella gioia della coscienza, dell'aumento di vita (50, 213).

Il punto di partenza di questo cammino, è l'esperienza della morte, quale si rivela nel famoso episodio di Arzamas⁷, ma presente nei *Diari* ben prima, e dominante almeno dal 1860, l'anno della morte di suo fratello ("La morte di Nikolaj è l'impressione più forte della mia vita", 48, 29), che oltre a rendere un'ipotesi tangibile la propria morte, provoca una montata di quello scetticismo caustico e smascheratore così tipico di Tolstoj, perché l'insensatezza della morte contaminava con il suo vuoto anche la

---

⁷ Il due settembre 1869 Tolstoj, che si trovava in viaggio per affari, nella cittadina di Arzamas, di notte, viene preso da una sorta di crisi di panico, una sensazione di vuoto e di orrore, un'esperienza di morte. Quindici anni dopo cercherà di scriverne in un racconto che non pubblicherà mai, *Zapiski sumasšedšego* (Appunti di un pazzo).

tanto naturale esigenza di senso che contraddistingue l'uomo:

Tra i tormenti è morto di tisi un ragazzo di 13 anni. Per che cosa? L'unica spiegazione è data dalla fede in una ricompensa nella vita futura. Se essa non esiste allora non c'è giustizia, ma anche non serve nemmeno la giustizia e l'esigenza stessa della giustizia è superstizione (48, 30).

Nessuna spiegazione, in quegli appunti, solo la considerazione che esistono "manifestazioni dell'anima dell'uomo" che strabordano da qualsiasi logica e congruenza: l'amore e la poesia. "L'individualità che si impenna e si agita davanti alla morte è un'individualità che si afferma contro la morte" (Morin 2014: 97). Per questo, la coscienza della morte si viene a imporre come motivo dominante dei *Diari* e della loro scrittura alla ricerca dell'*io*.

L'*io* riconosce se stesso nell'attimo in cui "nega e riconosce la morte: la nega come annientamento, la riconosce come evento. Certo, vi è già una contraddizione in filigrana in questi dati originari della coscienza" (Morin 2014: 74). Una contraddizione che passa inevitabilmen-

te attraverso "una zona di turbamento e orrore", perché la morte significa innanzitutto la perdita dell'individualità, Arzamas, appunto.

Tutto il diario degli ultimi tre decenni è mosso dall'esigenza di superare tale contraddizione, di preservare l'individualità, come vedremo, proiettandosi al di fuori di essa, partecipando e identificandosi con il Tutto, con il divino, riconoscendo (perché il pensiero vi ritorna incessantemente) e al tempo negando, la propria dimensione temporale e finita. Per l'ultimo Tolstoj accettare la morte significa affermare la vita, cioè ripensarne l'eternità senza alcun condizionamento proveniente da proiezioni indebite, soprattutto circa la sorte dell'*io* dopo la morte, in un progressivo, quanto difficile e contraddittorio, distacco dall'assillo del sé.

E, in effetti, man mano che il tempo passa, le note diaristiche si fanno sempre più rarefatte e meno *personali*, coerentemente con il tentativo tolstojano di trascendere l'*io* individuale e farsi parte (partecipare, unirsi, fondersi: tutti verbi usati molto in queste pagine, in una sorta di platonico esercizio di metessi) di quella dimensione che lui chiama ora "Vita", ora "Tutto", ora "Dio", o l'"Io" autentico.

Col tempo la scrittura diaristica si raffina, si fa più essenziale e diventa dominante la prospettiva dell'io che guarda all'io: "La coscienza è la contemplazione del contemplatore, il contemplatore è dipendente, la contemplazione è libera" (55, 262).

È quello l'io che osserva l'io, l'io che osserva l'individuo Tolstoj, che alla fine si fa muto.

Come è bello, necessario, giovevole, quando si ha coscienza di un desiderio che affiora, chiedersi: di chi è questo desiderio? Di Tolstoj o mio. Tolstoj vuole giudicare, pensare male di NN, e io non voglio. E se solo mi vigene in mente questo, mi viene in mente che Tolstoj non sono io, allora la questione è risolta in modo incontrovertibile. Tolstoj teme le malattie, i giudizi, e centinaia e migliaia di piccolezze che in un modo o nell'altro influiscono su di lui. Basta solo chiedersi: e io invece cosa? Ed è tutto finito, e Tolstoj tace. Tu, Tolstoj hai voglia di questo o di quello, sono fatti tuoi. Ma realizzare quello che vuoi tu, riconoscere la giustezza, la legittimità dei tuoi desideri, questo è fatto mio. E, infatti, tu sai che

tu devi e non puoi non ascoltarmi e che nell'obbedirmi sta il tuo bene (*blago*). Non so come pare agli altri, ma su di me questa mia netta differenziazione in Tolstoj e in io agisce per il Bene (*dobro*), in modo gioioso e fecondo (57, 47)⁸.

"E Tolstoj tace". Il motivo del silenzio, del silenzio dell'io, prende sempre più spazio per questo scrittore che ancora nel 1908 aveva fatto sentire la propria robusta voce contro la pena di morte nel vibrante saggio *Ne mogu molčat'* (Non posso tacere): "Se non fosse una contraddizione scrivere della necessità del silenzio, ora scriverei *Posso tacere. Non posso non tacere*. Ah, vivere solo al cospetto di Dio, solo

---

⁸ Il russo ha due termini per dire "bene", *dobro* e *blago*. Se per molti versi, soprattutto per la lingua attuale, essi possono essere usati come sinonimi, al tempo di Tolstoj e anche ora nel linguaggio più specificamente filosofico-religioso, essi hanno accezioni diverse. Se *dobro* indica il bene assoluto, *blago* quello relativo, o più precisamente, quello concreto riferito a una persona, a una situazione. Anche nella letteratura religiosa dei Padri della Chiesa si può notare come *dobro* è riferito a Dio, mentre *blago* indica spesso la buona risposta dell'uomo a quel Bene a cui viene chiamato. Per una trattazione esauriente degli aspetti semantici di questa appassionante quasi sinonimia: (Apresjan 2004, pp. 281-283).

dell'amore", scriveva nel gennaio 1909. Molte delle opere dell'ultimo periodo sono proprio il risultato di tale rinuncia all'autorialità, alla parola personale, quasi sparendo in una "eloquente mutezza", come scrisse il poeta simbolista Andrej Belyj all'indomani della morte di Tolstoj:

È come se una simile personalità emergesse ogni volta a misura in cui Lev Tolstoj rinunciava alla personalità. A noi tutti ancora poco fa sembrava che a fondamento del tolstoismo stesse un elenco di verità a buon mercato e di luoghi comuni sul bene che era il bene e il male che era il male [...] e definivamo la via tolstojana come la via dell'impotenza creativa; ma il risultato di questa impotenza è stata la forza titanica di Tolstoj che è passato attraverso la morte. È venuto fuori che quelle sue parole così semplici e non artistiche non erano poi così semplici; la loro non artisticità si è illuminata dei raggi, invisibili agli occhi, di una bellezza superiore. La finalità senza scopo delle sue verità a buon mercato, degli insegnamenti morali ed

edificanti, delle parabole è risultata essere la realtà dello scopo che si era prefisso lui stesso: la sconfitta della morte. E quando lo ha raggiunto, la sterilità artistica delle sue parole è stata istantaneamente fecondata dai raggi irradiatisi dalla sua persona. [...] A volte ci stupisce la completa afasia del profeta, dell'eloquente artista della parola. [...] *Krug čtenija* è il silenzio di Tolstoj, il tacito riconoscimento della crisi della propria individualità di predicatore. Tolstoj aveva iniziato a dirci la propria, tolstojana, parola sulla verità della vita; poi ha cominciato a riferirsi ad altri: e alla fin fine in tutti questi riferimenti si è venuto a dissolvere il Tolstoj predicatore. "Lev Nikolaevič, cosa pensate di questo?" invocavano dai cinque continenti del mondo. E in risposta immancabilmente risuonava da Jasnaja Poljana: "dice Buddha, dice Confucio, dice Schopenhauer... Diceva... perfino Henry George! Dicevano ... gli scolari, diceva il tal contadino..." (Belyj 1912: 144-145).

Così nell'ultimo Tolstoj la prospettiva di impegno tolstojano con la diffusione di temi come il pacifismo, il vegetarianismo, l'opposizione alla violenza e alla pena di morte, la non-resistenza al male, la difesa delle minoranze religiose e degli obiettori di coscienza si riveste, in realtà, di una forma sapienziale, prende la forma di un pensiero gnomico il cui andamento incerto e poco assertivo contrasta con l'idea corrente del saggista moralista e razionale dal pensiero univoco e monologico che ha ossessionato la cultura russa del primo Novecento e degli anni Venti in emigrazione⁹.

Fin dalla *Confessione* Tolstoj pone il problema della ragione in modo del tutto lontano dal razionalismo:

---

⁹ Nel 1912, ad esempio, la casa editrice Put' pubblica una serie di interventi di filosofi per un bilancio del pensiero religioso tolstojano che, pur nella loro diversità, partono tutti dalla forza negatrice della concezione di Tolstoj, dal suo essere una dottrina morale e razionalista più che religiosa. Oltre al già citato saggio di Andrej Belyj intervennero, tra gli altri, Sergej Bulgakov, Vasilij Zenkovskij, Vladimir Ėrn, Nikolaj Berdjaev..., *O religii L'va Tolstogo*, Moskva, Put', 1912. La tendenza continuò in emigrazione con gli interventi polemici e politici di Dmitrij Merežkovskij e di Ivan Il'in o con le infiammate discussioni allo Studio Franco-Russo, animate da Nikolaj Berdjaev (Livak 2005: 125-160).

Io non cerco e non posso cercare di raggiungere questo, ben sapendo quale sia la peculiarità della conoscenza della fede. Non cercherò la spiegazione di tutto quanto. Io so che la spiegazione di tutto, così come il principio di tutto, deve celarsi nell'infinito. Ma io voglio comprendere fino a essere condotto a ciò che è inevitabilmente inspiegabile, voglio che tutto ciò che è inspiegabile rimanga tale, non perché le esigenze del mio intelletto non siano giustificate (esse sono giustificate e fuori di esse io non posso comprendere nulla), ma perché vedo i limiti della mia ragione. Io voglio comprendere in modo tale che ogni proposizione inspiegabile mi si presenti come una necessità della ragione stessa e non come un obbligo di credere (23,56).

E, per confermare, conclude questo discorso con un sogno, che raccoglie in "un tutt'uno" quello che l'argomentazione razionale cerca di spiegare, sapendo di operare in modo limitato, poco assertivo e poco cogente, ma, soprattutto, frammentato.

Tolstoj conduce la propria riflessione sulla fede a partire dal rapporto di quest'ultima con la ragione. L'uomo è indubbiamente un essere razionale spinto a conoscere il mondo che lo circonda (e quello che sta dentro di lui) in primo luogo con gli strumenti della ragione che ha a disposizione. Tuttavia, man mano che si dispiega e dilata, volta a comprendere l'universo intero, la conoscenza non può non attestare i propri limiti e trovarsi di fronte alla fonte ultima e inattingibile della ragione stessa. Ciò finisce per condurre inevitabilmente alla domanda sull'io e sulla sua dicibilità; in un dialogo incompiuto del 1877-1878, *Sobesedniki* (Interlocutori), scritto con un andamento diaristico e in continuo parallelo con i *Diari* del periodo, Tolstoj fa l'esempio di Mosè, come un

uomo che si è immerso in se stesso, in quei pensieri che servono da risposta alla domanda: "chi sono io?" e all'improvviso ha compreso il suo essere come un tutt'uno con l'unità delle forze. [...] In un istante ha sentito Dio, ha sentito il proprio posto. Ha visto Dio (altrimenti non sarebbe riuscito a esprimere questo sentimento). Ma, volendo tra-

smettere questo sentimento, ha dovuto parlare con parole, andare a scovare espressioni concettuali e ha scritto il libro della Genesi. Non poteva esprimere in modo immediato quel sentimento in un libro; lo ha fatto nei rapporti personali, ed è questo anche che ha dato forza al libro (così hanno fatto tutti i profeti) (17, 383)¹⁰.

Ecco, allora, che a validare il pensiero e fin l'intuizione di Dio

---

¹⁰ Anche in *Sobesedniki* Tolstoj affronta la questione del rapporto tra fede e ragione: "Dove sono i fondamenti di <sapere>, della fede? Fuori dell'uomo, fuori della ragione dell'uomo. Nel linguaggio comune diciamo: nel cuore o nella fede stessa, cioè dentro di sé. [...] Io credo perché credo in modo assolutamente insensato nel senso di ogni sapere razionale; ma non bisogna dimenticare che questa risposta è legittima soltanto in relazione alle questioni non spiegabili con la ragione. Se io chiedo perché credo che il vino diventa sangue e rispondo perché credo, ciò non sarà vero; perché la fede in ciò è fondata non sul fatto che io credo al sacramento dell'eucarestia, ma sul fatto che questa credenza è legata a un'altra credenza che sgorga dalla domanda alla quale la ragione non può darmi risposta (e non perché non è sufficientemente sviluppata o tesa, ma proprio perché è una domanda che non le compete). Questa domanda è una, eterna, di tutta l'umanità: chi sono io, perché io vivo, a quale scopo? Io sono una parte, ma cos'è il tutto?" (17, 373-374).

intervengono la vita, i rapporti personali, e, quindi, le azioni. La dimensione morale, come vedremo, non è assolutizzata, ma in qualche modo viene a supplire la debolezza della nostra struttura gnoseologica e spirituale:

Da quando esiste il genere umano a queste domande [su chi è l'io - M.C.G.] gli uomini rispondono non con la parola, strumento della ragione, che è una manifestazione parziale della vita, ma con la vita intera, con le azioni delle quale la parola è solo una parte [...] (17, 732-733).

Nell'ultimo Tolstoj diventa, così, sempre più caratteristico un tipo di scrittura che combina pensieri propri e pensieri altrui che procedono in modo aforistico, spesso tenuti insieme dalla struttura del calendario. Il tempo e il pensiero, che sono gli stessi ingredienti dei *Diari*. Nel *Circolo di lettura* Belyj intravede il segno dell'estrema impresa ascetica tolstojana, la volontaria, limata e sofferta, rinuncia all'io, paradossale per una personalità tanto forte e orgogliosa e per un autore che ci dice che i suoi *Diari* sono l'unico lascito che ritiene importante e che colora di autobiografismo tutto quello che

scrive, perfino i trattati teologici e dogmatici. Non solo autobiografia: nei *Diari*, come negli scritti dell'ultimo decennio, l'atto del pensiero si stabilisce *in relazione a* e viene arditamente equiparato al "fare la comunione".

È così che nasce l'idea di un'opera composta da una selezione e traduzione di aforismi di pensatori di tutto il mondo, organizzati secondo il calendario. Essa ha una lunga storia ed è davvero strettamente legata al lavoro che Tolstoj conduceva su di sé nei *Diari*, come è evidente dalla nota del 15 marzo 1884:

Attribuisco il mio buon umore anche alla lettura di Confucio e soprattutto di Lao-tze. Devo farmi un mio Circolo di lettura: Epitteto, Marco Aurelio, Lao-tze, Buddha, Pascal, Vangelo. Servirebbe proprio anche a tutti gli altri. Non si tratta di una preghiera, ma piuttosto è come fare la comunione (49, 68).

Questo progetto, a cui Tolstoj lavora per anni, e in modo particolarmente intenso dal 1902, anno in cui si ammala gravemente, si concretizza in diversi libri: *Mysli mudrych ljudej* (Pensieri di uomini saggi, 1903, v. 40), *Krug*

čtenija (1906-1907, vv. 41-42), *Na každyj den'*, (Per ogni giorno, 1909-1910 vv. 43-44) e *Put' žizni* (1910, v. 45).

Con queste opere la scrittura segue da un lato l'esigenza di rifluire in un Tutto che sorpassa, a volte cancella, a volte comprende, l'io. Come racconta Tolstoj al giovane segretario incaricato di lavorare al progetto: "Ci unisce tutti quell'Uno che è in noi, comune a tutti. Come tutte le linee convergono al centro, così noi convergiamo nell'Uno" (Bulgakov 1989: 34). Dall'altro, tuttavia, la sua forte personalità fa resistenza, vuole conservare e imporre la propria impronta personale: "Mi sono terribilmente stufato di stare a scegliere – disse Tolstoj con una smorfia e una risata. – Mi sembra che in questo lavoro meccanico ci sia qualcosa che opprime la libertà del pensiero" (Bulgakov 1989: 36). Del resto, nel corso del lavoro Tolstoj sembra orientarsi, da un lato, a una maggiore articolazione dei pensieri scelti e dall'altro a una sempre più evidente presenza dei propri pensieri. Inoltre, considerato che la maggioranza delle traduzioni per *Krug čtenija*, le ha fatte lui o revisionate, è come se avesse riscritto una massa di opere, in posizione di co-autore (che lui dichiara, quando parla della propria disinvoltura nelle traduzioni).

Così, se nella raccolta del 1903 erano giustapposti brevi aforismi secondo il principio del calendario, ma senza un legame chiaro tra loro, in quelle successive si va via via verso la loro strutturazione attorno a problematiche precise fino al libro finale, *La via della vita*, dove le riflessioni sono scandite secondo capitoli tematici e il criterio cronologico viene abbandonato¹¹. Inoltre egli tende a inserire sempre più testi suoi, che entrano però in modo quasi anonimo all'interno del grande corpus della saggezza umana, il vero *focus* dell'attenzione dell'ultimo Tolstoj. In questo senso, l'elaborazione dei *Diari* è parte integrante di questo lavoro di raccolta in un continuo processo di osmosi (molte delle loro note, infatti, passano direttamente nelle opere citate) e un momento essenziale di questo nuovo genere, aforistico, de-autorializzato, nel senso medie-

---

¹¹ Vale la pena elencare i titoli del libro per farsi un'idea di ciò che per Tolstoj era urgente parlando di "vita": Sulla fede; L'anima; Un'unica anima in tutti; Dio; L'amore; Peccati, tentazioni, superstizioni; Superfluo; Concupiscenza; Parassitismo; Cupidigia; Ira; Orgoglio; Diseguaglianza; Violenza; Pena; Vanità; La superstizione dello Stato; Falsa fede; Falsa scienza; Sforzo; Vita nel presente; Astenersi dall'agire; Parola; Pensiero; Abnegazione di sé; Umiltà; Veridicità; Male; Morte; Dopo la morte, La vita è Bene.

vale dell'anonimato: "Put' žizni, forse, è il libro più personale di Tolstoj dal punto di vista del suo contenuto spirituale e il più impersonale da quello dello stile. Voleva rinunciare alla potenza espressiva della sua penna e dare la possibilità alla verità nuda di parlare di per se stessa (Zorin 2020: 213)".

Il modo stesso con cui Tolstoj usa i testi che propone (la libertà con cui li traduce, i tagli e le modifiche alquanto disinvolte che opera del tutto consapevolmente) assomiglia all'atteggiamento dell'antico cronachista: "ogni cronachista usava i lavori dei suoi predecessori, a volte cambiando molto poco i loro testi, ma mutando completamente la composizione e l'idea dell'opera operando una combinazione delle opere cronachistiche precedenti" (Li-chačëv 2001: 147).

Tolstoj inventa un genere, uno spazio comune in cui il confine tra le diverse autorialità è completamente annullato e, paradossalmente, usa il massimo del proprio arbitrio soggettivo proprio per superare gli stretti confini del proprio io individuale. In questo processo i *Diari*, con la loro costante immersione nel sé alla ricerca di una via di uscita dall'individualismo, costituiscono il laboratorio privilegiato e il *thesaurus* da cui attingere molto

del materiale. Come nella letteratura russa antica, il principio personale si indebolisce al fine di radicare l'individuo in una dimensione sovraperonale salvifica. La differenza è che Tolstoj compie questo lavoro non in modo naturale, come portato di una dimensione comunitaria di cui è parte e che lo costituisce in questo processo, ma come risultato di uno sforzo (*usilie*, anche questo termine importante, assunto a titolo di uno dei capitoli della *Via della vita*) della propria volontà personale di individuo.

Negli ultimi trent'anni di vita, Tolstoj scrive una grande quantità di saggi su argomenti filosofici, religiosi e sociali, via via si concentra sempre di più sulla questione dell'uomo e del suo rapporto con una dimensione che lo superi, cercando di rendere sempre più chiara la propria visione; era convinto che a tal fine ogni sistema di pensiero fosse impotente, come è chiaro già dal diario del 2 febbraio 1870:

Perfino con i grandi pensatori che hanno lasciato dei sistemi, il lettore, per potere far proprio ciò che dello scrittore è essenziale, deve rompere a fatica il sistema e a prendersi per sé i pezzi strappati, riferendoli all'uomo. Così è per Platone, Cartesio, Spinoza,

Kant. Schopenhauer dice che il suo sistema è un cerchio (lui parla di una volta), per capire il quale bisogna percorrerlo più volte.

Coi pensatori deboli, Hegel, Cousin, dopo aver strappato il sistema, si entra in contatto diretto con una persona vuota, dalla quale non c'è niente da prendere. [...] Goethe dice: la verità ci respinge, l'errore ci attrae, perché la verità ci mostra il nostro limite, mentre l'errore ci rende onnipotenti. Inoltre, la verità ci respinge, perché è frammentaria, incomprendibile, mentre l'errore è coerente e conseguente (48, 344).

La verità è frammentaria e incomprendibile e per questo i *Diari* e le raccolte dei pensieri di altri sono particolarmente adatti a questo scopo. Da quanto scritto finora dovrebbe essere poi chiaro che nell'esito tolstojano non c'è alcuna contrapposizione tra l'intimità squisitamente personale degli uni e l'apparente spersonalizzazione delle altre: il processo osmotico di io/non-io/oltre-io che Èjchenbaum notava nel giovane Tolstoj continua a svilupparsi e ad affinarsi per tutta la sua vita creativa.

Nello spirito dell'*exemplum* medievale, dalla propria esperienza personale, Tolstoj allarga lo sguardo sull'umanità universale; per questo può essere così chiaro ed esplicito, fin didascalico, senza necessità di tracciare netti confini tra le proprie parole e quelle degli autori che sente congeniali. Perfino nelle sue opere narrative non ha più bisogno dell'estremo pudore del simbolo, della mediazione, del celar dell'immagine. Nei *Diari* degli ultimi anni, le chiama "artistiche" e le definisce ora "racconti", ora "saggi", rendendo sempre più labile il confine tra i generi e instaurando continuamente dei nessi anche tra la scrittura narrativa e quella diaristica, tra autorialità e anonimata. L'io che consiste in se stesso, quella che Tolstoj chiama "la superstizione della personalità", è un vortice che dà origine a un vertiginoso circolo vizioso: "Che cos'è la coscienza? Ciò per cui io mi chiedo: chi è questo io? E risponderò: io è l'io. Ma io mi chiederò: ma chi è allora questo secondo "io"? E la risposta è una sola: ancora io, e, per quanto non si continui a chiedere, la risposta sarà sempre l'io è l'io" (58, 43).

D'altro canto, l'atto per cui l'io si rivolge a se stesso è, in un certo senso, il segno di una trascendenza e può rompere le barriere

di spazio e tempo, può rincorrere l'universalità (*vsemirnost'*) da un punto di vista particolare. Infatti, il frammento appena citato continua così: "È chiaro che l'io' sia qualcosa di aspatiale... atemporale... L'unica cosa che esiste davvero. Tutto poteva derivare dalle condizioni dello spazio e del tempo, tutto il corporeo, ma non la coscienza. E la coscienza è tutto".

La personalità, tuttavia, in quanto separatezza è associata all'essere empirico, animale, che possiede una realtà illusoria, non autentica. La coscienza della propria individualità per l'uomo non rappresenta la sua vera vita, è bensì quel limite da cui ha inizio la vita, la quale consiste in un sempre maggiore conseguimento di quel bene (*blago*) che gli è proprio, e che è indipendente dal bene della persona animale¹². È qui che molti interpreti notano tutto il *pathos* tragico dell'antropologia di Tolstoj, che viene considerata antipersonalistica, perché generata dal desiderio di radicare la persona

---

¹² È interessante notare che qui a Tolstoj non interessa particolarmente rifinire il concetto di "persona". Usa infatti in modo indiscriminato il termine *ličnost'* (persona) e *individual'nost'* (individualità), solitamente con una sfumatura negativa. Il termine *ja* (io) invece può essere sia negativo (l'io individuale) che positivo (l'io universale, solitamente in maiuscolo).

umana in un eterno impersonale e costretta a rinunciare alla persona proprio per garantirle un fondamento ontologico (Kljuzova 2008: 86).

Eppure, quell'io minuscolo è certo un limite, ma è il limite e il confine necessario: "l'uomo sente la vita solo in sé, nella propria individualità" (26, 324). Sulla sua soglia sta la coscienza dell'individuo, dilaniata tra la spinta a trascendere quel limite e la sua impossibilità. L'io "nato dall'alto", gettato nella cogenza delle leggi del tempo e dello spazio fa l'esperienza dell'angoscia e della pesantezza, come testimoniano tante sue opere, ma anche questi sprazzi di riflessione nei taccuini del 1879, che accennano alla dinamica dell'ascesa e della discesa, ben conosciuta alla letteratura mistica:

Ci sono persone di questo mondo, pesanti, senza ali. Si muovono in basso. Tra di loro vi sono dei forti: Napoleoni che stampano tracce tremende tra la gente, creano caos negli altri, ma rimanendo sempre attaccati alla terra. Ci sono persone che gradualmente affinano in sé delle ali e si elevano lentamente fino a volare in alto. I monaci. Ci sono per-

sone leggere, alate che con facilità si innalzano dall'angustia per poi riabbassarsi: idealisti di razza. C'è chi ha ali grandi e forti ma discende tra la massa a causa della sua concupiscenza e si rompe le ali. Io sono così. Si dibatte con l'ala rotta, irrompe a volo e cade. Le ali guariscono, si leva di nuovo in alto. Aiutami, Dio. C'è chi ha ali celesti e consapevolmente per amore scende tra gli uomini (ripiegando le ali) per insegnar loro a volare. E quando non è più necessario vola via. Cristo (48, 195).

La persona pesante, l'individualità animale è vista in modo contraddittorio, a volte può essere il mezzo e non l'ostacolo per realizzare l'evoluzione spirituale: in questo senso allora essa non sarebbe da rinnegare, ma da relativizzare e da sottomettere alla "coscienza razionale" (*razumnoe soznanie* e il termine *razumnyj* nell'ultimo Tolstoj hanno un'accezione molto ampia, sarebbe forse più corretto tradurre come "dotato di senso"¹³), tant'è vero che il con-

¹³ Proprio nell'occorrenza "*razumnoe soznanie*", coscienza razionale, nel ri-

trario di *razumenie* non è irrazionalità ma *chamartia*, *zabluzdenie* (peccato) (Medzhibovskaya 2008: 210).

L'ormai stereotipata definizione di Merežkovskij di Tolstoj come profeta della carne (contro Dostoevskij profeta dello spirito) può forse allora acquisire consistenza e senso, anche se si riporta la sua visione della carne e, di conseguenza, dell'empirica vita individuale a un progetto di redenzione della realtà tutta:

Nessuna cosa dello spirito si può ottenere grazie a un percorso spirituale. Non la religiosità, non l'amore: niente. Le cose dello spirito tutte si fanno con la vita materiale, nello spazio e nel tempo. Le cose dello spirito si fanno con le opere (54, 265).

Nell'ultimo Tolstoj, pur con tutta la sua ambiguità, la coscienza (vero scopo della vita dell'individuo¹⁴) è vista come

---

chiamo alla "ragione" si può vedere un riferimento tolstojano al *Logos* dell'universo. "La coscienza è la coincidenza della ragione di ognuno con quella suprema" (54, 21). Nelle sue traduzioni dei Vangeli Tolstoj infatti rendeva *Logos* con *razumenie*.

¹⁴ "La vita è l'espansione della coscienza" (55, 31). Il punto focale dell'essere umano è la conoscenza di sé, l'io è ciò che conosciamo meglio, nelle sue trasfor-

una modalità particolare di conoscenza, che non è più fondata sulla ragione, quanto sulla volontà. L'io cosciente, questo io "nato dall'alto" nella cogenza delle leggi del tempo e dello spazio, conosce se stesso come essere vivente e dotato di volontà, particella dell'amore. Così intesa, la volontà è il trascendere dell'io, la coscienza è un movimento *verso*. Così, infatti, egli scrive in un taccuino del 1908:

Coscienza. Nell'uomo è libera solo la coscienza, cioè la capacità di aver consapevolezza, di trasferire tutto me stesso, la mia attenzione, il sentimento in una cosa o nell'altra. Nel suo aspetto più semplice la co-

---

mazioni, nel suo divenire, ma anche nella possibilità di scoprire il sé come portatore di un unico io, non transeunte (*neperemennoe ja*). Tolstoj si sofferma più volte su questo dualismo di io interiore e io esteriore come ineludibile contraddizione tra le esigenze dello spirito e quelle del corpo e come fonte ultima della coscienza dell'io, alla base della quale c'è sempre il fatto originario di una imperfezione, una mancanza, perché la coscienza stessa è funzione di questo dualismo: "L'uomo ha due coscienze: una limitata, rinchiusa nei limiti dell'io e un'altra illimitata. [...] Noi tutti viviamo in mezzo alle due, in una progressiva liberazione dal limitato e avvicinamento all'illimitato, allo spirituale" (55,134).

scienza è coscienza di questo o quel membro del proprio corpo. Posso indirizzare, trasferire la coscienza nella mano, nel piede, destro, sinistro, in un dito, in un orecchio... Posso trasferire la coscienza nelle sensazioni visive o uditive... Posso trasferire, indirizzare la coscienza nei desideri, nella fame, nella concupiscenza... Posso infine indirizzarla a tutto me stesso, alla mia capacità di consapevolezza, posso trasferirla ad altri esseri. Questo trasferimento della coscienza negli altri è causa e condizione della possibilità dell'amore.

Ricordo che da bambino mi stupiva il pensiero e il sentimento di aver coscienza di me stesso e del fatto che avevo coscienza di aver coscienza di me e che avevo coscienza di aver coscienza di aver coscienza di me. Questo pensiero, questo sentimento, questa condizione mostrava solo che io posso aver coscienza di me, del mio corpo, ma che questa coscienza in realtà non è definita da alcunché ed è perfettamente libera. Nessun determinista mi potrà

mai dimostrare che io non posso ora aver coscienza (trasferire la coscienza) nel mio calcagno sinistro o nel mio labbro inferiore. Sembra una cosa poco importante, ma in realtà su questa coscienza si fonda la libertà, la divinità, il trascendere lo spazio e il tempo della vita e dunque: ogni visione del mondo buona e ragionevole (56, 357).

Questa conoscenza attiva, dunque, si manifesta in un esercizio, in un movimento orientato all'uscita da sé. La coscienza stessa è questo movimento verso l'altro, unica garanzia di libertà. Ciò che interessa a Tolstoj in tutto questo riflettere gnoseologico, non è quindi una teoria della coscienza in sé, ma "una visione del mondo buona e ragionevole", cioè quella che si fa "condizione e causa della possibilità dell'amore".

Ci sono due modi di conoscere il mondo esterno: uno è il più rozzo ed è l'inevitabile modalità di conoscenza attraverso i cinque sensi. Con esso il mondo che noi conosciamo non si formerebbe in noi, ma sarebbe un caos che ci procurerebbe sensa-

zioni varie. L'altro modo sta nel prima conoscere se stessi attraverso l'amore verso di sé e poi conoscere gli altri esseri attraverso l'amore per loro; trasferirsi con il pensiero nell'altro uomo, nell'animale, nella pianta, nella pietra perfino. Con questo modo conoscerai dal didentro e darai forma a tutto il mondo come noi lo conosciamo. Esso è ciò che viene chiamato dono poetico, ma in realtà è l'amore. Significa ripristinare quell'unità tra gli esseri che è come stata distrutta. Esce fuori da te stesso ed entra in un altro. E puoi entrare in tutto. Tutto: fondersi con Dio, con il Tutto (52, 101).

Questa coscienza, allora, è il movimento verso l'alterità che costituisce il mondo: esso non viene svilito, ma salvato e ricostituito, attraverso uno sguardo penetrante (*prozrenie*) che cerca di vedere il Tutto in tutto. In questo movimento cade anche la barriera tra l'io e l'altro: "C'è un 'io', c'è un 'Esso'. Il rapporto dell'io con l'Esso è il 'tu'. Il 'Tu' è la vita" (56, 356).

Poste queste premesse, forse si potrebbe mettere in dubbio il cosiddetto moralismo tolstoiano e l'abitudine a considerare il suo

sensu religioso fortemente condizionato o addirittura ridotto alla dimensione etica. Non sarà vero piuttosto il contrario?

Nelle sue lezioni sui *Diari* di Tolstoj, Bibichin si sofferma sul carattere epifanico del procedere tolstojano e su un sogno, raccontato in un appunto del 1859, che mostra come fin da molto presto per Tolstoj il bene e il male non sono cose o comportamenti, per i quali siano pronte metriche e definizioni precise, perché la fluidità dei *Diari* non trova riposo in alcuna misura certa: “Oggi ho sognato: Un delitto non determinato da una certa azione, ma da un certo atteggiamento nei confronti delle condizioni della vita. Uccidere la propria madre potrebbe non esserlo, mentre mangiare un pezzetto di pane potrebbe essere il più grande dei delitti” (48, 22; Bibichin 2012: 60–61).

In questa visione, dunque, l’etica non è assolutizzata; l’attività dell’amore è da mettere in relazione con il nucleo recondito e autentico dell’umano, quel suo anelito al bene è *solo* un segno della sua natura divina e del suo essere più di se stesso, parte di un Io più grande che trascende l’io piccolo individuale, la *ličnost’*. Sono fili, intricati, come dice Sibaldi nella prefazione a *Sulla vita*, che Tolstoj non districa e che troviamo ancora più in-

tricati nei *Diari* e che costituiscono “il carattere fondamentale del cristianesimo tolstojano: il suo fondo tormentoso, angoscioso...” (Sibaldi 2018).

Dunque, l’etica è secondaria, in quanto conseguenza della partecipazione dell’uomo alla vita eterna; essa è parte di quel cammino di sconfitta della morte che tutti siamo chiamati a fare nell’abnegazione del nostro io individuale. Per questo il fare è solo una conseguenza dello sperare, come Tolstoj dice chiaramente al filosofo Nikolaj Strachov.

Nel novembre 1875, infatti, i due amici si scambiano alcune lettere per chiarirsi l’un l’altro le proprie convinzioni religiose (l’idea è di Tolstoj). E, un po’ tiepido, per la verità, Strachov parte con le famose tre domande kantiane, dispiegando così i tre grandi ambiti: gnoseologico, etico, religioso e scegliendo senza mezzi termini il secondo. “Delle tre domande fondamentali che Kant indica nella *Critica della ragion pura*: 1. Cosa io posso sapere? 2. Cosa io devo fare? 3. In che cosa conviene sperare? Io considero più importante la seconda”.

Per Tolstoj il succo dei tre quesiti kantiani è riassumibile nella domanda più urgente che si affaccia a ogni uomo pensante (cos’è la mia vita, chi sono io?) e,

rispondendo all'amico, mette in chiaro le cose, lapidario: "Vedrete da ciò che delle tre domande di Kant (e qui sta la differenza dei nostri caratteri) la sola che mi appassiona e che mi ha appassionato da quando ero bambino è soltanto l'ultima: in che cosa possiamo sperare?" (Tolstoj-Strachov 2003: 228, 230).

Possiamo sperare, risponde altrove Tolstoj, in una vita piena di senso, perché misurata solo sulla sua integrità, sulla sua apertura al Tutto:

Pensiamo tutti che il nostro compito, vocazione sia fare varie cose: crescere i bambini, accumulare una sostanza, scrivere un libro, scoprire una legge scientifica e così via; ma noi abbiamo solo una cosa da fare: la nostra vita, fare in modo che sia un'opera integra, piena di senso, buona (53, 175).

Bibliografia

Agostino 2012: Agostino d'Ipbona [Sant'Agostino], *Confessioni*, traduzione di R. Monticelli, Milano, Garzanti, 2012 (ediz. digitale).

Apresjan 2004: *Novyj ob'jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka*, a cura di Ju.D. Apresjan, Moskva-Wien, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.

Belyj 1912: A. Belyj, *Lev Tolstoj i kul'tura*, in *O religii L'va Tolstogo*, Moskva, Put', 1912.

Bibichin 2012: V. Bibichin, *Dnevnik L'va Tolstogo*, Sankt-Peterburg, Izd. Ivana Limbacha, 2012.

Birjukov 2000: P. Birjukov, *Biografija L.N. Tolstogo*, Moskva, Algoritm, 2000.

Bulgakov 1989: V. Bulgakov, *L.N. Tolstoj v poslednij god ego žizni. Dnevnik sekretarja L.N. Tolstogo*, Moskva, Pravda, 1989.

Ėjchenbaum 1928: B. Ėjchenbaum, *Lev Tolstoj*, Leningrad, Priboj, 1928.

Ginzburg 1971: L. Ginzburg, *O psihologičeskoj proze*, Leningrad, Sovetskij pisatel', 1971.

Kljuzova 2008: M. Kljuzova, *Antropologičeskoe učenie L.N. Tolstogo. Teoretičeskie osnovy i praktičeskij smysl*, in *Ėtičeskaja mysl'*, Moskva, RAN, Institut filosofii, 2008, vyp. 8, 2008.

Lejeune 1986: Ph. Lejeune, *Il patto autobiografico*, Bologna, il Mulino, 1986 [1° ed. 1975].

Lichačëv 2002: D. Lichačëv, *Tekstologija (Na materiale russkoj literatury X-XVII vv.)*, Sankt-Peterburg, Aletejja, 2002.

Livak 2005: *Le Studio Franco-Russe 1929-1931*, a cura di L. Livak, Toronto, Toronto Slavic Library, 2005.

Medzhibovskaya 2008: I. Medzhibovskaya, *Tolstoj and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845-1887*, Lanham, Lexington Books, 2008.

Merežkovskij 1982: D. Merežkovskij, *Tolstoj e Dostoievskij: vita creazione religione*, traduzione di A. Polledro, Bari, Laterza, 1982.

Morin 2014: E. Morin, *L'uomo e la morte*, traduzione di R. Mazzeo, Trento, Erickson, 2014.

Paperno 2014: I. Paperno, *Who, what am I? Tolstoj Struggles to Narrate the Self*, Ithaca-London, Cornell University Press, 2014.

O religii 1912: *O religii L'va Tolstogo*, Moskva, Put', 1912.

Sibaldi 2018: I. Sibaldi, *Prefazione*, in L. Tolstoj, *Sulla vita*, Milano, Feltrinelli, 2018, edizione digitale.

Tolstoj 1928-1958: L. Tolstoj, *Polnoe sobranie sočinenij v 90-ch tomach*, Moskva, Chudožestvennaja literatura, 1928–1958

Tolstoj-Strachov 2003: L. Tolstoj-N. Strachov, *Polnoe sobranie perepiski*, Moskva-Ottawa, Gos. Musej L.N. Tolstogo, 2003.

Zorin 2020: *Žizn' L'va Tolstogo. Opyt pročtenija*, Moskva, NLO, 2020.

Анна Пономарева

Индия: путь Я у Андрея Белого

India: *I* as a Philosophical Concept in Andrei Belyi's Work

This article aims to explain the importance of *I* in Andrei Belyi's work. Data have been collected and analyzed from a passage of his manuscript *A Crisis of Thinking*. It is shown that the author has a strong intention to use the first personal pronoun in its singular form in his text. Additionally, the author argues that Belyi's *I* is not a symbol of self-admiration, but evidence of his deep interests in Indian philosophical systems, in particular Vedanta and Buddhism. Further details are provided which justify Belyi's appropriation of several Indian truths in order to solve the contemporary crisis of thinking. By pointing to the unity between the human being and the Absolute in Indian philosophical knowledge Belyi directs his readers' attention to the divine nature of people.

Для журнала «Автобиография» трудно найти более подходящего русского писателя чем Андрей Белый (1880–1934): то особенное Я в его названии сразу же отсылает читателя к Я Белого, которое в его творчестве играет огромную роль. Достаточно тривиальным является объяснение, указывающее на сосредоточенность Белого-писателя на себе: его дневники, статьи и романы насыщены авторским Я в разных ипостасях. На мой взгляд, впечатление самовлюбленности обманчиво. Это приём, метод теоретика второго поколения русского символизма, в котором присутствуют и играют значимую роль смысло-

вые компоненты таких индийских философских систем, как веданта и буддизм.

Писать или говорить о влиянии каких-то идей на творчество писателя невозможно без ссылок на произведения, откуда берутся те или иные идеи, и без указания на то, что эти источники находились в поле внимания этого автора и он с ними работал. Поэтому в моей статье приводится много цитат, доказывающих знакомство Белого с литературой по индийской философии. Такое, насыщенное фактами, изложение материала позволяет на их основе сформулировать аргументы, подтверждающие мою гипотезу.

В этой статье сначала приводится отрывок из рукописи Белого *Кризис сознания*, две версии которой, рукописная (РГАЛИ, ф. 53 оп. 1 ед. хр. 65) и машинописная (РГАЛИ, ф. 53 оп. 1 ед. хр. 64), хранятся в РГАЛИ. На рукописи, в конце, стоит дата – октябрь 1920 года. В то же самое время на первом листе, вместо предисловия, где разъясняется, что работа написана на основе лекций в Вольно-философской Ассоциации, прочитанных в Петрограде в марте 1920 года, указывается другая дата – март 1921 года. Текст, выбранный для этой публикации, находится в самом конце машинописной рукописи и представляет собой некое итоговое изложение постулатов, приведённых ранее в этой работе. Он сопровождается комментариями, указывающими на другие работы Белого или знакомящими с моей интерпретацией его творчества, в которой обозначен специфический индийский след, а не общие изотерические положения. Предоставляя первое слово Белому, я преследую следующие цели: показать эмпирический, а не догматический характер моих утверждений и подчеркнуть значимость непредвзятого и внимательного

изучения первоисточников в исследовательской работе.

Публикуемый ниже отрывок из рукописи Белого – это глава 19, состоящая из пяти неполных страниц (листы 139–43) его последнего “кризиса”. Первые три “кризиса”, *Кризис жизни*, *Кризис мысли* и *Кризис культуры*, были опубликованы в литературно-философских этюдах *На перевале* в Петрограде, в 1918 и 1920 годах. Я позволила себе изменить написание некоторых слов Белого, следуя современной системе правописания. Его пунктуация осталась практически неизменной. Сохранены и комментарии автора в тексте.

***

19.

[лист 139] Культура есть нечто лежащее в нашем сознании; опыт сознания культурен; продукты культуры – печати сознания; «вещи» вне нас [лист 140] не имеют культуры; природные вещи суть вещи в себе; и культурные – «вещи для нас»; тут особый подход к материалам в культуре; материя – только абстракция; есть «материал»: восприятие сознания. Весь материал оформления в культуре, в природе –

один; изменяется связь элементов в со-знание культуры и знаний; «со – знаний» – одно; «со» в культуре – другое; и «знание» точной науки есть знание в термине «Wissenschaft» /знание закона природы/; в культуре то знание – «Wissen» /иль – «веденье»/; со-осознание знаний, рассмотренных в «Wissenschaften», есть кантово «синтетическое единство самосознания», или «субъект» познавания; это есть форма всех форм, или «норма»; она – объективна; субъект познавания – «объект»; и он – «место» пустое «имения» /имени/: «личное местоимение» он, приложимое пусто к глаголам; глагольность есть действительность, действительность же – связь причин; и в причинности мы оформляем явления природного мира.

Культура всегда сверх-природна; природное кроме формой закона, абстракцией; сфера культуры вне всех отвлечений, понятий, абстракций.

Пытались культурную сферу назвать чистой сферой индивидуальных явлений; и философии Виндельбанда и Риккерта много

дают, интереснейших мыслей о сфере культуры; культуры всегда «Индивидуумы»; «Индивидуумом» философия Риккерта называет «комплекс»¹ неудачно. Философ идеей желает нам выявить неделимость и целостность культурного факта; так, мы, называя «комплексом» культурный продукт, отмечаем его от понятий, «единство», «всеобщность», «множество», явно вводящих нас в сферу «закона»; культурный продукт не является нам механизмом; и стало быть: «со»- не есть форма сознания: не со-стояние и не ко-инерция, а – содействие, ко-операция.

Так возрастает Индивидуум, как «организм»; и идеею органического познания определима Идея культуры; в [предлог добавлен – А.П.] понятие материального организма не может оформиться эта идея; не материальные организмы культуры нам даны в идее «о целом»; сознание культуры – сознание идеи о целом, как первом, которого части – по-

¹ 249 Г. Риккерт. Границы естественного-научного образования понятий [Нумерация сносок дается как в рукописи. – А.П.].

нятия /категории Канта/: единство, всеобщность и множество; эти понятия мыслимы в целом; единство вне целого есть единица; единство же в целом – другое единство: «одно»; под «одним» же дана «многочастность», как [лист 141] «сплошность»; вне целого «многое» мыслимо математическим множеством, «многое» в целом – «другое»: границы для сплошности; «сплошность» дана состоянием сознания, выложенного как «единство»; то – «Я»; так что «многое» нам открывается множеством состояний сознаний, сознанию данному запредельным, иль множеством «Я» вне я данного; то – без сознания, иль «Я», как объекты: «ты», «он», «вы», «они»; «всеобщность» вне целого – это единство во множестве; в целом – «безгранность» сознаний в сознании «Я»: «мы» – «Я», «ты», «он» – как «Само», как «Я» собственно.

Так «со»-культуры /сознание культуры/ не может явиться законом, понятием; организм, механизм и комплекс лишь эмблемы для целого: целое, взятое в призме частей; и

закон для культуры – закон незаконный; попытка абстрактно представить его, как причинность, обратно поставленную в беспричинных деяниях /действиях/, перебрасывает причину вперед, как «X» цели; а действия целого, части его, это – средства; целесообразность – Идея о целом в частях; целесообразно организованная комплексность – эмблема культурных явлений в понятиях негативных, где цель есть «negatio», для причины «комплекс» есть. «Negatio» [в рукописи употребляется маленькая буква 'n' – А.П.] дробности и организм есть «negatio» механизма; идеей целесообразности позитивно не выразить «целого»; наоборот; «целесообразное» выразимо при помощи представления цельности, где и средства и цель дана в целом, где цель дана в средствах, где средства лежат уже в цели, где линия времени – круг.

Цель – пункт, иль единое многого: цельность; определима лишь в целом она; потому что и целое в произведениях культуры – це-

лесообразности без цели²; отсутствие цели всегда есть знак, что у цели есть цель; это – целое цели; и целое цели всегда – индивидуум. Определение индивидуальных продуктов культуры комплексностью, целесообразностью и органичностью их есть анализ абстрактный идеи культуры, её выносящий из сферы механики, конгломератного мира причин; и – не более; индивидуальность культуры есть символ чего-то не вскрытого в ней позитивным у Риккерта; [лист 142] он – индивидуум, целое, явно смешал с проявлением его; Индивидуум, понятый как комплекс, – не является нам, как конкрет; он – нам дан в отвлечении жизни своей, как абстрактное «-ость»: индивидуальность культуры есть Индивидуум. Цель – лежит в целом; культура лежит в Индивидууме; индивидуальность культуры дана в мире целого «стилем», «концепцией», целесообразностью вне абстракции «цели»; теперь вместо «Х» в абстракции, цели, мы должны

---

² 250 См. Конт: Критика Способности Суждения.

подставить конкретное нечто, нам данное в опыте; сфера культуры есть сфера конкретности; мы определяющую цель заменяем отчетливо сферою внепредельного опыта целого, данного нам, имманентного нам; эта сфера есть сфера текучего, безпричинного само-произвольного действия; если опыт описанной сферы имеется – вскрыт Индивидуум всякой культуры: органичность, комплексность, целесообразность культурных явлений раскрыта в ядре, или в «целом» культуры культур. Эта сфера дана имманентно; она – в «Я» сознаний, как «Я» Индивидуума, в них [неразборчиво, т. к. напечатано и частично перечеркнуто; 'них' – это моё прочтение – А.П].

Само-произвольность есть внутренний образ во мне, порождающий образы: имажинация, – действие сотворения образов вытекающих в действиях «Я», или – средствах раскрыться; и вот: со-творенность иль образ во мне – моя тварь /организм и комплекс, целесообразно построенный/; образы – воображения – это культуры в культуре, иль цельности

«Я», заключающего многообразия со-стояний сознания /Wissen/; то соосознание, где «Соосо» – беспричинные действия – суть перводействия, цельности, неразложимые миром абстрактного знания; то «Соосо» есть «Само», или «Selbst», о котором гласит еще Ницше, что сфера «Само» – независима ни от чего; «Со» – знания превращаемо в сфере культуры в «Само»; Само-со-знание путь от «Со»знаний к «Само», как первичному целого; если сфера культуры – сознание, то сфера культуры культур – эта сфера само-со-знания Индивидуума.

Путь культуры культур – в пути «Я»: от «Я» личного /местоимения/ к «Я», как Само-Индивидууму или Целому. Сфера Само уже явственно очертилась в философии Индии, как мы видели, в Атмане: Атман – Само; Атман – Дух; обитающий в глубине человека, как «Я», всего мира, иль Брамана: «Он»; отношение этого «Он» к «Я», как Имреку, слитие Имрека «Я», и «Его» /Богомира/ в Само открывается нам в Христианстве, как «Я и Отец есть Одно» /«Я» есть «Он»,

«Он» есть «Я»/; это – тема вариаций посланий апостола Павла; [лист 143] в связь всех имреков, связь «Я», «Ты», и «Он» в Мы-Я, Я-мы» – конкретное раскрытие ритма культуры культур; беспредельное углубление этой священной ноты – в Евангелии от Иоанна: “Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал мне от мира... Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть... И они приняли... что Я исшел от Тебя... И все Мое Твое, и Твое Мое и Я прославился в них”³... “Да будут все едино: как Ты, Отче во Мне, и Я в Тебе, так и они будут в Нас едино... И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них и Ты во мне... Отче. Которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. Отче праведный. И мир Тебя не признал, а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да лю-

³ 251 Ев. от Иоанна: XVII. 6, 7, 10.

бовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет и Я в них”⁴.

Целое мира культуры, как «Я» индивидуальностей в «Я» Индивидуума, как «со», или связей «Само» нам рисует идею само-сознания «веча» природного, тварного мира, иль «-ства», как чела иль Ума, проведенного в «веке» огромного «Ока»: само-сознание «веча», иль церкви космической в явленном, Индивидуальном «челе», или в Логосе: Чело-века всего Чела-веча; и имя тваримого мира – есть имя имен: Чело-вече-ство.

Дело культуры творение «Я» Человеком всего Человечества; в нас Индивидуум – Человек Человечества: “Я открыл им имя Твое” – это имя открыто: “Не Я, а Христос во мне”. Павел открыл это имя в самопознании: “Вникай в себя... Запоминайся сим постоянно”. Но сказано: “Я открыл им имя Твое и открою”. Вторым откровением открытого имени /«Я», как Христа/ будет новое откровение Имени: «Мы», человечество, – в целом, в одном Индивидууме: челове-

ство, как «Человек» – откровение Истории: обнаружение «Я», как строительство всеединого Духа Святого – Культуры.

Культура дана нам проблемою Духа; но Дух этот «Я», как «Само» Человечества «-вече-ство» есть вещество человечества: тварь. Осознание твари челом, осознание материи мира, как частей духовного целого: как... нераскрытого «духа» под формой закона природы: то – тварь; и «она» в нас томиться; культура есть дело спасения мира: пресуществление законов природы /томящейся твари/ в свободную телесность... /в славу «детей»/, или – «Церковь».

И «целое» – трижды открыто; сначала открыто, как тварность природы; Творец, иль Отец, это целое, взятое Первопричиной закона, то – Браман религии – мир космогонии, понятый как теософия; «целое» после открыто, как «Я» внутри «Я» человека: «Само» – в самосознании; это целое «Сын», обитающий в «Я» и рожденный нетварно: здесь смерть «порождения» в нас заключа-

⁴ 252 Idem XVII. 21, 22, 23, 24, 25, 26.

ется целью всей жизни творений /в «Христе умираем» и «мертвость Иисуса мы носим»/; открытие целого в «Я» – христианство; оно теософия в антропософии; «целое» в-третьих откроется, как Человек человечества – мира, как антропософия космогонии; «Я» человека есть «Я» мировое: здесь Атман /Дух «Я»/, Браман /мир/ суть – Целое: в соединении нового «Я» с миром; в восстание томящихся тварей в миры индивидуумов – воскресенье в Духе.

***

Приведенный выше отрывок из рукописи *Кризис сознания* может служить не только примером философских размышлений Белого, но и его знакомства с индийской философией. Федор Степун первым затронул эту тему. В своих воспоминаниях, написанных сразу же после смерти Белого, он указал на присутствие буддийских идей в *Эмблематике смысла*:

Тут кантианская методология, тезис непознаваемости абсолютного бытия превращается Белым

в метафизический тезис буддизма, в утверждение небытия (нирвана), как единственно подлинного всебытия... (Степун 1995: 179–180).

В целом же эта тема не освящалась в беловедении. Утверждения самого Белого игнорировались, а его ссылок на специальную литературу, связанную с индийской философией, не придавалось никакого значения. Иными словами господствовала точка зрения Валентинова, который в своих воспоминаниях писал о нем как о ленивом читателе. Валентинов приводит эпизод, в котором Белый просит его пересказать *Капитал* Маркса:

Был в Румянцевской библиотеке. Взял три тома *Капитала*, в них более 1800 страниц. [...] Мне нужно “проинспектировать” в них некоторые идеи, а я не могу этого сделать. Мне осталось жить, может быть, каких-нибудь 7 или 8 лет... Нет у меня времени заниматься побочным чтением *Капитала*, я взглянул туда, он очень труден (Валентинов 1995: 102).

Лавров нарушает эту традицию, когда указывает на использование книги Макса Мюллера *Шесть систем индийской философии* в статье Белого *Палингенез* (Лавров 1995: 92). Очень важными для моего исследования явились вышедшие в свет: *Андрей Белый – Иванов-Разумник. Переписка*, с комментариями Лаврова и Мальмстадта (Лавров, Мальмстад 1998), и публикация работы Белого *Лев Толстой и культура сознания*, осуществленная Лавровым (Белый 2016). Оба труда сопровождаются детальными комментариями, где указаны многие источники по индийской философии, на которые Белый ссылается в своем творчестве. В том же 2016 году, вышел том 105 “Литературного наследия”, *Андрей Белый. Автобиографические своды*, в котором приводится полный текст рукописи *Материал к биографии* Белого (РГАЛИ, ф. 53 оп. 2. ед. хр. 3). Ранее, в 1988–1990 годах, почти две трети этой работы были опубликованы Мальмстадом в номерах исторического альманаха «Минувшее» (Мальмстад 1988–1990). За пределами этих публикаций в «Минувшем» остались материалы, охватывающие ранний период жизни Белого, до 1911-го года. Именно

в этой первой трети *Материалов к биографии*, которую так долго ожидали, находятся свидетельства самого Белого о начале его увлечения Индией. В своих работах, их список дан в библиографии к этой статье, я и ссылалась на тогда еще рукописный текст этого труда Белого. Следующие записи из *Материалов к биографии* и рукописи *Материал к биографии (составлен для личного пользования)*, хранящейся в РГАЛИ, свидетельствуют о знакомстве Белого с положениями индийских философских систем из первоисточников и другой литературы, в основном, теософской:

- запись от 1896 года говорит о чтении *Отрывки из Упанишад* (Галушкин, Коростелев 2016: 41); осенью того же года Белый начинает интересоваться Теософским обществом и читает книги Блаватской *Из пещер и дебрей Индостана* (1883) и *Голубые горы* (1893) (Галушкин, Коростелев 2016: 42);
- июнь–сентябрь 1897 года ознаменуют знакомство с Шопенгауэром и характеризуют Веданту как “столь мной любимую” (Галушкин, Коростелев 2016: 43);
- запись от ноября 1901 года свидетельствуют об

укреплении дружбы с теософами Гончаровой и Батюшковым (Галушкин, Коростелев 2016: 72);

- в декабре 1904 года в Москве читает Щербатского (РГАЛИ, ф. 53 оп. 1. ед. хр. 100, л. 11) в мае 1909 года в Москве перечитывает весь «Теософский вестник» и изучает *Doctrine Secrete* (РГАЛИ, ф. 53 оп. 1. ед. хр. 100, л. 48);

- в декабре 1912 года сообщается от отъезде в Кельн на цикл лекций Шрейнера “Послания апостола Павла и Бхагават-Гита” (Галушкин, Коростелев 2016: 130).

Ракурс к дневнику, также опубликованный в *Автобиографических сводах* (Галушкин, Коростелев 2016), называет и другую литературу по Индии, с которой был знаком и продолжал свое знакомство на протяжении всей жизни Белый:

- в октябре 1901 года он читает книгу Макса Мюллера *Шесть систем индусской философии* (Галушкин, Коростелев 2016: 340);

- в ноябре-декабре 1904 года знакомится с трудом Щербатского *Логика Дармакирти* с комментариями *Дармотарры* (Галушкин, Коростелев 2016: 355-356);

- в сентябре 1908 года читает Пауля Дейссена *История древней философии* (1884) (Галушкин, Коростелев 2016: 380, см также комментарий № 548 к этой записи на с. 568);

- в июне 1920 года читает книгу О.О. Розенберга *Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам* (Галушкин, Коростелев 2016: 460, см. также комментарий № 1210 к этой записи на с. 606);

- в августе 1920 года перечитывает книгу Розенберга и внимательно читает второй том работы Щербатского по буддизму (*Логика и теория знания*) (Галушкин, Коростелев 2016: 462).

Дополняют дневниковые записи так называемые ресурсные документы, где перечисляются прочитанные и посещенные лекции и семинары, приводятся библиографии по предметам. Так, например, в рукописи Белого *Библиография по философии* (РГАЛИ, ф. 53 оп. 1 ед. хр. 80) есть специальный раздел, в котором на 4 страницах перечислена литература по буддизму. Перечислю шесть источников из этого раздела, в чтении которых Белым вряд ли можно сомневаться:

● В.П. Васильев, *Буддизм, его догматы, история и литература. Часть 1. Общие обозрения*, Санкт-Петербург, 1857;

● И.П. Минаев, *Буддизм: исследования и материалы*, т. 1, вып. 1–2 (Записки историко-филологического факультета Петербургского ун-та, часть 16), Санкт-Петербург, 1887;

● [И.П. Минаев], *Пратимокша – сутра, буддийский служебник*, изд. и пер. Минаевым. Записки Санкт-петербургской императорской Академии наук, т. 16, 1 (прил.) (1869);

● О.О. Розенберг, *Проблемы буддийской философии*, Петроград, 1918;

● Ф.И. Щербатской, *Ньяябанду. Буддийский учебник логики*, Санкт-Петербург, 1904, 1909;

● Ф.И. Щербатской, *Теория познания и логика по учению позднейших буддистов*, т. 1–2, Санкт-Петербург, 1903–1909.

Дневниковым, биографическим и ресурсным, записям вторят мемуарные тексты Белого. Особенно показательным является следующее объяснение Белого из *Начала века*:

Индия под флагом теософского модернизма

вставала передо мной; и если я потом сидел над Ведантою, логикой буддизма (тома академика Щербатского), много-томным сочинением Дейссена, – это результат годовой схватки с интересной и хищной А.С. Гончаровой... (Белый 1990: 67–68).

Романы Белого тоже содержат подобную информацию. Например, в своих *Записках чудака*, в главах *Биография* и *Шопенгауэр*, читаем следующее:

Все сказали бы: Шопенгауэром начертались мои философские вкусы – о, нет: – устремление более поздних годов начерталось Ведантою: Упанишадами; и – Шопенгауэр был зеркалом, в нем отразилась Веданта, так именно, как отразился в Веданте – Я, Сам (Белый 1922: 2, 153).

Завершить эту часть моей статьи, в которой приводятся свидетельства самого Белого о его увлеченности индийской философией, мне бы хотелось словами Натальи Гончаровой, воспроизведенными Цветаевой в ее очерке о художнице:

Эклектизм? Я этого не понимаю. Эклектизм – одеяло из лоскутов, сплошные швы. Раз шва нет – мое. Влияние иконы? Персидской миниатюры? Ассирии? Я не слепая. Не для того я смотрела, чтобы забыть. Если Вы читаете Шекспира и Шекспира любите, неужели Вы его забудете, садясь за своего Гамлета, например? Вы этого сделать не сможете, он в вас, он стал частью Вас, как вид, на который Вы смотрели, дорога, по которой Вы шли, как случай собственной жизни (Цветева 1929: онлайн).

Наверняка Белый согласился бы с выводами Гончаровой. В письме Блоку от 14 июля 1903 года писатель таким образом обозначает свою “экспропрированную дорогу”:

Мой метод – есть откровенный и истинный эгопан-теизм современной теософии, признающий в личном начале человека вечной сущности, [...] соединение личного с вечным в символике (символизм) и наконец

высочайшая формулировка новой и вечной тайны о двуединстве (Орлов 1969: 38).

В этом определении метода у Белого необычным и ключевым моментом является “эго-”. Итак, почему я?

Для составления краткого объяснения основных принципов индийских философских систем, веданты и буддизма, я использовала только те источники, с которыми был знаком Белый. Их детали были приведены в предыдущей части статьи. Речь пойдет только о достаточно популярном изложении основных истин. У меня нет задачи представить Белого индологом или буддологом: он никогда им и не был, а только использовал эти системы для построения своей теории русского символизма и в текстах литературных произведений.

Я начну с веданты, т.к. она оказалась первой философской системой Индии, с которой познакомился Белый. Здесь важными оказались *Упанишад*ы, точнее их формула “*Tat tvam asi*” (“Ты есть то”). Эта формула – краеугольное понятие веданты, частью которой и являются эти древние тексты. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что в

ведантйской модели мира нет деления на субъект и объект и их противопоставления друг другу, что присуще западному мышлению, с его бинарными понятиями, в которых строго проведен раздел на части. Вместе с Белым читаем у Мюллера

[...] человек, не есть что-либо отличное от божественной природы, проникающей весь мир, как соль, растворенная в море. Вы не можете видеть соль, не можете осязать, но можете попробовать и узнать, что она тут есть, хотя и невидима. Эта божественная сущность, единое истинно действительное в этом нереальном или феноменальном мире, присуща так же, хотя и невидима, как зародыш жизни в самом мельчайшем зерне, и без нее не было бы ни семени, ни плода, ни дерева так же, как без Бога не было бы мира (Muller 1901: онлайн).

Продолжая свои объяснения, Мюллер указывает на то, что сама мысль о том, что “наше собственное я и Божественное Я по природе своей тождественны, кажется нам непо-

читительной и даже кощунственной” (там же). Этим, на мой взгляд, объясняется существование двух я, прописной и заглавной буквы, в теоретических работах Белого, в том числе в приведенном отрывке из *Кризиса сознания*.

В своих рассуждениях, связанных с я, для того чтобы показать связь человека и божественного мира, Белый нередко использует три я: я – Я – Я. У него в этой троице последнее не всегда обозначается как Я, а может быть заменено, например, на Абсолют. Такая интерпретация отсылает нас опять к веданте, в которой понятие Абсолюта заменяет Бога, т.к. любое определение, любой атрибут, будь то Единое, Чистое Сознание или Высший Разум, “отнимает” у него “божественность”. В наиболее общем виде, не вдаваясь в подробности терминологического различия Атмана и Брахмана, ведантйский постулат выглядит следующим образом: атман – Атман (Брахман) – Абсолют.

Каким же образом происходит “контакт” человека и Абсолюта? Мюллер разъясняет, что абсурдными могут являться рассуждения о приближении личности к Богу, если между ними существует тождество.

Веданта видит этот процесс по-другому:

[...] тут может быть только восстановление, возвращение, становление души тем, чем она всегда была, возрождением ее истинной природы. Даже йога, как мы увидим, не обозначала единения с Богом, и йога – человека, соединенного с Богом; йога есть усилие, стремление к [...] деятельности мышления (Muller 1901: онлайн).

Именно этот момент, умственная работа, привлекает Белого. Безусловно, огромное значение в этом процессе отводится медитациям и йоге. С этими практиками он был знаком и принимал участие в занятиях ими, будучи сначала приверженцем теософского учения, а потом перейдя в Антропософское общество. Об этом есть публикации Мальмстада в альманахе «Минувшее» (Мальмстад 1988–1990).

Следующим важным пунктом в моем доказательстве присутствия индийских философских идей в творчестве Белого является его интерес к теории познания и роли восприятия в этом процессе. В целом, его обращение именно к той ча-

сти философии, которая принадлежит к гносеологии, было увлечением времени: увлеченность теориями познания демонстрируют философы-позитивисты. Уникальность Белого состоит в том, что он интересуется этой тематикой, “копает вглубь”, сравнивает современные и древние философские учения и использует находки в написании теоретических и литературных работ. У Мюллера упоминается понятие восприятия, оно дается как “чистое восприятие”, как один из методов образования “верных понятий”, которые являются частью “главных актов и функций ума”. Дальнейшее развитие оно получает в буддизме.

Ранее, со ссылкой на дневниковую запись, было обозначено, что в 1904 году Белый знакомится с книгой Щербатского. Это только что опубликованная первая часть из его двухтомной работы *Теория познания и логика по учению позднейших буддистов*. Этот том вышел в 1903 году, вторая часть появилась в 1909 году. Первая часть озаглавлена как *Учебник логики Дхармакирти с толкованием Дхармоттары*. Отдел первый *Учебника логики* посвящен чувственному восприятию. Он начинается с объяснения содержания и це-

ли сочинения: выдвигается тезис о том, что “всякому достижению человеком цели предшествует правильное познание – поэтому-то оно исследуется (в настоящем сочинении)” (Щербатской 1995: т. 1, 60). Далее идет расшифровка правильного познания, подчеркивается его двойственность, подразделяемая на восприятие и умозаключение. В одной из сносок к этому разделу Щербатской говорит об анализе опытного знания как гносеологическом приеме буддистов и ссылается на Дхармоттару, который обращал внимание своих читателей на тщательное исследование такого познания, чьим объективным признаком “является целесообразная деятельность в опыте” (Щербатской 1995: т. 1, 81).

Название второй части труда Щербатского – *Источники и пределы познания*. К ней дается эпиграф на титульном листе. Это цитата из Дигнаги (480–540), основателя буддийской логики: “Вся область нашего познания есть создание нашего мышления, различающего категории субстанции и акциденции; оно не есть выражение действительного бытия или небытия” (Щербатской 1995: т. 2). В разделе об источниках познания есть

указание на то, что даже “у ребенка, с первых же появлений на свет, есть стремление к достижению цели, есть, следовательно, и познание, и поэтому он является подходящим примером простейшего вида знания” (Щербатской 1995: т. 2, 96). В этой связи не случайным оказывается желание Белого поучаствовать в творении “простейшего знания”, воссоздавая свое детство в *Котике Летаеве*.

И далее, тезис о направленности сознания на само себя (Щербатской 1995: т. 2, 202–203) и сравнение познания со светящей лампой, лучи света которой обнаруживают свою истинную природу, т.е. являются источником света для себя, оправдывают намерение Белого создать цикл романов под общим заголовком *Эпопея Я*.

Чтение книги Розенберга *Проблемы буддийской философии* (Розенберг 1918) в период работы над статьями *Лев Толстой и культура сознания* (опубликована Лавровым в 2016 году) и *Кризис сознания* способствует еще большему погружению Белого в изучение буддизма и использованию его идей в творчестве. Розенберг подробно пишет о гносеологической направленности буддизма, дает много-

численные и разносторонние разъяснения буддийского термина “дхарма”, среди которых выделяется значение элемента, т.е. составного элемента сознательной жизни (Розенберг 1918). Так, в следующей цитате из *Проблем буддийской философии* погружаемся в специфику этого философского направления, читая,

что индийская систематическая философия при своих рассуждениях исходит из анализа личности [...] исходным пунктом теории дхарм является психологический анализ человеческой личности. Всякое переживание может рассматриваться критическим наблюдением как комплекс, состоящий из: 1) сознательных чувственных восприятий чего-то объективного и 2) сознательных психических явлений как эмоций, воспоминаний и т.д. (Розенберг 1918)

На мой взгляд, Белого больше привлекает комплекс сознательных психических явлений, в который входят эмоции и переживания. Именно из них он творит сюжеты своих романов. Именно они образуют

вселенную его текстов. В то же время этот материал выбирается исходя из методологического принципа “эго”, прошедшего обработку в его теоретических работах по символизму. Таким образом, получается, что я автора/рассказчика/героя произведения становится целым миром, тем самым универсумом, в котором идет бесконечная работа над собой по выявлению божественной сущности, чтобы отождествить себя с Я, или познать Абсолют. Об этом “эго-пантеизме” еще в 1903 году Белый писал в уже выше цитируемом письме к Блоку (Орлов 1969: 38).

Белый сам осознавал трудность понимания его работ, но надеялся на приход какого-то “ученого немца”, который поможет расшифровать его тексты:

Я набросаю не “взгляд”: субъективную иллюстрацию взгляда; ручаться за правильность параллелей не буду; но за возможность их в будущей книге любого ученого немца, сосущего, может быть, соску, теперь еще – буду! Запутанность параллелей моих предоставим ему:

он – распутает, даст комментарий; он – будет здесь Дейссеном, Шлиманом, Роде... А я – дилетант, проходящий грибными лужайками и шевелящий лишь тросточкой листья: под ними, наверное, грибы: запах их обоняю (РГАЛИ, ф. 53 оп. 1. ед. хр. 64, л. 83).

Ни к одной из групп, указанных в этой цитате, я не при-

надлежу, но надеюсь, что эта статья и другие мои публикации о творчестве Белого, в которых обосновывается важность индийских философских идей в его творчестве, способствуют небольшому продвижению вперед по пути осознания Я, человеческого и божественного, одного из ведущих деятелей русского символизма.

Библиография

Белый 1918, 1920: А. Белый, *На перевале* [Трилогия]. I: *Кризис жизни*, Петербург, Алконост, 1918; II. *Кризис мысли*, Петербург, Алконост, 1918; III. *Кризис культуры*, Петербург, Алконост, 1920.

Белый 1922: А. Белый, *Записки чудака*, Москва-Берлин, Геликон, 1922.

Белый 1990: А. Белый, *Начало века. Воспоминания*. В 3-х кн. Кн. 2, Москва, Художественная литература, 1990.

Белый 2016: А. Белый, *Лев Толстой и культура сознания*, подгот. текста и коммент. А. Лаврова, «Русская литература», 3 (2016), с. 59–119.

Библиография по философии: А. Белый, *Библиография по философии*, Москва, РГАЛИ, ф. 53 оп. 1 ед. хр. 80.

Валентинов 1995: Н. Валентинов, *Встречи с Андреем Белым // Воспоминания об Андрее Белом*, Москва, Республика, 1995, с. 90–140.

Галушкин, Коростелев 2016: *Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов (Литературное наследство, т. 105)*, отв. ред. А. Галушкин, О. Коростелев, Москва, Наука, 2016.

Кризис сознания: А. Белый, *Кризис сознания*, Москва, РГАЛИ, ф. 53 оп. 1 ед. хр. 64.

Лавров 1995: А. Лавров, *Андрей Белый в 1900-е годы: жизнь и деятельность*, Москва, Новое литературное обозрение, 1995.

Лавров, Мальмстад 1998: *Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка*, публ. А. Лаврова и Дж. Мальмстада, Санкт-Петербург, Atheneum-Феникс, 1998.

Мальмстад 1988–1990: *Андрей Белый и антропософия*, публ. Дж. Мальмстада, «Минувшее», 6 (1988), с. 337–448; 8 (1989), с. 409–471; 9 (1990), с. 409–449.

Материал к биографии: А. Белый, *Материал к биографии (составлен для личного пользования)*, Москва, РГАЛИ, ф. 53, оп. 1 ед. хр. 100.

Орлов 1969: *Александр Блок – Андрей Белый. Переписка*, публ. В. Орлова, Мюнхен, 1969.

Пономарева 2000: А. Пономарева, *Философия духа святой культуры*, «Przegląd Rusycystyczny», 2 (90), 2000, с. 30–39.

Пономарева 2005: А. Пономарева, «Москва» и «Маски» Андрея Белого: карма – это крест любви и свободы // *Поэтики Белого =*

Poetyki Bielego, pod red. Barbary Stempczyńskiej, Katowice, Śląsk, 2005, с. 157–186.

Пономарева 2007: А. Пономарева, *Рай-блестяник или понятие “Ом” в произведениях Андрея Белого*, «Русская антропологическая школа. Труды», вып. 4 (часть 1), Москва, РГГУ, 2007, с. 190–205.

Пономарева 2012: А. Пономарева, *Белый о Толстом // Лев Толстой и мировая литература: материалы VII международной конференции*, Тула и Оттава, Ясная Поляна, 2012, с. 285–392.

Розенберг 1918: О. Розенберг, *Проблемы буддийской философии*, Петроград, Издание Факультета Восточных языков Петроградского университета, 1918, электронный адрес: <<http://www.psylib.ukrweb.net/books/gozeo02/txt07.htm>>, последнее посещение 21.07.2020.

Степун 1995: Ф. Степун, *Памяти Андрея Белого // Воспоминания об Андрее Белом*, Москва, Республика, 1995, с. 162–186.

Щербатской 1995: Ф. Щербатской, *Теория познания и логика по учению позднейших буддистов*, тт. 1–2, Санкт-Петербург, Астапресс Ltd, 1995.

Цветаева 1929: М. Цветаева, *Наталья Гончарова*, «Руски архив», Белград, 1929, № 4, 5/6, электронный адрес <<http://tsvetaeva.narod.ru/WIN/prose/gonchar.html>>, последнее посещение 4.08.2020.

Müller 1889: Müller, Max. 1889. *The Six Systems of Indian Philosophy* (London: Longmans, Green and Co) (Первое издание на русском языке: М. Мюллер, *Шесть систем индейской философии*, пер. с англ. П. Николаева, Москва, К.Т. Солдатенков, 1901, электронный адрес: http://az.lib.ru/m/mjuller_m/text_1889_the_six_systems_of_indian_philosophy.shtml>, последнее посещение 14.07.2020).

Ponomareva 2017: Ponomareva, Anna. 2017. “Know Thyself”: from the Temple of Apollo at Delphi to the Pages of Petersburg’ in *Andrey Bely’s Petersburg: A Centennial Celebration*, ed. by Olga Cooke (Brighton, MA: Academic Studies Press), 147–162.

Dario Prola

In vita e in morte di Jerzy: il discorso omoerotico nelle lettere e nei *Diari* di Jarosław Iwaszkiewicz

In Jerzy's Life and Death: Homoerotic Discourse in Jarosław Iwaszkiewicz's Letters and Diary

Although Jarosław Iwaszkiewicz made references to homosexuality already in his interwar journalistic writings, in his literary works he tackles it implicitly through a literary filter. In the recently published diary and in the letters he wrote to his lover Jerzy Błeszyński, this theme becomes explicit and allows for a correct depiction of the role that sexuality played in the writer's life and work. Substitution, comparison, revelation, sacralisation and artistic sublimation are some of the practices identified in the essay in order to trace homosexual discourse in this autobiographical material, a discourse that appears to be closely connected to modernist poetics alongside its philosophical and cultural implications (Nietzsche, Gide, Proust, Wilde, Szymanowski), but also considered taboo by the writer himself.

Il vero sciocco, colui che gli dèi deridono e distruggono, è quello che non conosce se stesso.
O. Wilde, *De profundis*

Introduzione

Nel contesto dei gender studies, che hanno conosciuto un costante e dinamico sviluppo nella polonistica degli ultimi venticinque anni, molto è stato scritto sul discorso omosessuale nell'opera narrativa e poetica di Jarosław Iwaszkiewicz (1894-1980), a partire dagli studi degli

anni Novanta di German Ritz¹. Un discorso che deve essere necessariamente decodificato, sciolto da una fitta rete di riferimenti e condizionamenti culturali, artistici e letterari (si pensi alla fondamentale influenza di Gide, Proust e Wilde), conse-

---

¹ Per un approccio al problema si veda, oltre agli studi di Ritz (1994, 1997, 1999, 2002), anche Piotrowski (2007, 2008); Jański (2009); Śmieja (2010); Zwolińska (2019); Dyszak (2019a e 2019b).

guenza di una percezione dell'omosessualità ancora tabuizzata². La problematica omosessuale è onnipresente nell'opera di questo scrittore e si lega alla sua tendenza all'estetizzazione e alla sublimazione (Ritz 1994).

Per quanto Iwaszkiewicz affronti il problema con *i ferri del mestiere* nei suoi scritti pubblicistici fin dal periodo interbellico³, l'omosessualità si esprime quasi esclusivamente attraverso il filtro letterario, proprio come se lo scrittore volesse evitare di approfondire la sua riflessione pubblica su un tema che lo riguardava personalmente. Soltanto la recente pubblicazione dei *Diari* dell'autore e della sua corrispondenza con Jerzy Błeszyński⁴ – un operaio di

Brwinów, di quasi quarant'anni più giovane, a cui lo scrittore fu legato dal 1953 fino al 1959 – permettono di portare alla luce gli aspetti più intimi di un discorso che accompagna l'intera vita e l'opera di uno dei principali autori polacchi del Novecento. Nell'ottica di una concezione della letteratura ancora modernisticamente fondata sul binomio indissolubile tra vita e arte, la relazione con Błeszyński costituisce un'esperienza centrale – in senso artistico ed esistenziale – segnando il passo di una delle fasi produttive più importanti e mature dello scrittore. Ebbe infatti un'immediata ricaduta sulla sua produzione: oltre a dedicare all'amante molte liriche struggenti, Iwaszkiewicz fece di lui il personaggio di alcuni racconti: a partire dal protagonista di *Kochankowie z Marony* (Gli amanti di Marona, 1961), dove la tragica storia d'amore ritorna trasfigurata nei protagonisti eterosessuali⁵, al racconto

² Ha senz'altro ragione Śmieja quando afferma che per Iwaszkiewicz: "[...] l'espressione dell'esperienza del desiderio omoerotico è estremamente difficile, e più di una volta vi rinuncia (*Przyjaciele, Zmowa mężczyzn*), e quando la raggiunge, il lettore deve farsi strada attraverso un codice cifrato di miti, associazioni musicali, tradizioni filosofiche, digressioni narrative e discontinuità" (Śmieja 2010: 7).

³ Si pensi per esempio agli scritti critici che firmò nel 1926, sotto lo pseudonimo di Eleuter, sulle pagine di «Wiadomości Literackie» (Iwaszkiewicz 1926a e 1926b).

⁴ In questo saggio le citazioni dalla corrispondenza a J. Błeszyński sono indicate con la lettera L, mentre le citazioni

dai *Diari* con la lettera D, seguita dal numero romano per indicare il volume in oggetto. Qualora non diversamente specificato tutte le traduzioni dal polacco sono mie.

⁵ Procedimento tutt'altro che nuovo per Iwaszkiewicz: si pensi al caso emblematico del romanzo breve *Panny z Wilka* (Le signorine di Wilko, 1933), dove i modelli delle protagoniste sono in realtà dei referenti reali maschili: i fratelli

Wzlot (Il volo, 1957), una sorta di risposta letteraria alla *Caduta* (1956) di Camus, ispirato al racconto della vita dell'amante; e ancora ai racconti *Choinki. Opowiadanie mazowieckie* (Alberi di Natale. Racconto della Masovia, 1955) e *Tartak* (Segheria, 1958), fino al romanzo-saga *Sława i chwala* (Fama e gloria, 1956-1962), che lo scrittore andava componendo proprio negli anni di questa relazione e nel quale diverse caratteristiche psicologiche di Bleszyński sono state trasmesse ad alcuni dei personaggi dell'opera. Anche l'opera teatrale *Wesele Pana Balzaka* (Le nozze del signor Balzac, 1959) – dedicata al giovane amante – altro non è che la trasposizione camuffata della loro vicenda amorosa.

1. I Diari

La scrittura diaristica accompagnò Iwaszkiewicz per quasi tutta la vita, a partire dal 1911, fino a pochi giorni prima della morte. Benché la funzione di documento dei retroscena del mondo politico e culturale costituisca un elemento di grande interesse dei *Diari*, l'opera si configura – per scopi e obiettivi – prima di tutto

---

Świerczyński. Si veda a questo proposito Śmieja (2010) e Amenta (2008: 41).

come la cronaca di una vita e il diario intimo di uno scrittore consapevole del proprio peso nelle vicende letterarie (e politico-letterarie) del Novecento polacco. L'uso dell'aggettivo *intimo* per i *Diari* di Iwaszkiewicz è dovuto alla loro palese affinità con le opere diaristiche che a partire dalla prima metà dell'Ottocento – si pensi ai diari di Benjamin Constant e di Stendhal – sono caratterizzate da un ripiegamento dell'autore su se stesso, dall'enfasi posta sull'universo individuale e interiore, dal valore primario assunto dall'io in quanto soggetto e oggetto di questa modalità scrittoria⁶. Diario *intimo*, dunque, e non privato, poiché lo scrittore aveva ben chiaro chi fossero i destinatari potenziali della sua opera e, per quanto nutrisse dei dubbi sull'utilità pubblica di questa forma autobiografica, era consapevole che presto o tardi i *Diari* sarebbero usciti. Per questa ragione prima di morire incaricò i suoi amici e collaboratori di occuparsi della loro pubblicazione quando fosse venuto il momento⁷.

---

⁶ Nella ricca letteratura critica sul diario intimo mi limito ad indicare: Blanchot 1962; Girard 1963; Didier 1976; Rousset 1986.

⁷ Per un approfondimento sui *Diari* di Iwaszkiewicz si veda il mio saggio (Prola 2018a) e la relativa bibliografia.

L'interrogarsi dello scrittore sulla propria sessualità è testimoniato fin dalle primissime pagine dei *Diari*. Iwaszkiewicz, che allora aveva 17 anni e viveva a Kiev, si domanda quali siano i sentimenti che lo legano a Czesław Peszyński, un compagno di scuola: "No, non capisco il nostro rapporto e certamente non lo capirò mai. Perché diavolo si è messo sulla mia strada e occupa tutto questo posto nei miei pensieri? (D I: 61)". E il 19 gennaio 1911 scrive: "Lunedì, ovvero l'altro ieri, sono stato dal mio amato; è sempre così gentile; lo amo così tanto che ho paura di essere omosessuale" (D I: 29-30). Per quanto il problema della propria sessualità occupi un posto importante nelle riflessioni intime di Iwaszkiewicz, dopo il 1911 non se ne riscontra più alcuna traccia nelle pagine diaristiche e, avvolto per più di quarant'anni sotto una coltre di riserbo, torna a manifestarsi solo in concomitanza con la vicenda del rapporto con Bleszyński⁸. A

⁸ Va tuttavia segnalato che dal 1911 al 1949 i *Diari* presentano lunghe interruzioni: dal 1914 al 1939 mancano annotazioni diaristiche (salvo alcune pagine risalenti al 1914 e al 1921). La narrazione vera e propria si apre solo il 12 agosto 1939 e prosegue con la particolareggiata descrizione delle prime settimane della guerra. Successivamente la stesura procede in modo saltuario e discontinuo per tutto il periodo dell'occupazione,

partire da allora, lo scrittore inizia progressivamente a mettersi a nudo e le rivelazioni sulla propria sessualità assumono i tratti della confessione, come se volesse giocare a carte scoperte con i futuri lettori dei propri *Diari*⁹. Iwaszkiewicz rivela particolari sulla vita coniugale, per esempio – ergendosi in modo chiaro e deciso contro i pettegolezzi che da tempo circolavano sul suo conto – delinea la posizione della moglie Anna rispetto al suo orientamento sessuale e il ruolo, di sorella e confidente, da lei esercitato nella sua vita sentimentale:

Hania ovviamente ha sempre saputo (e non dai pettegolezzi ma dalla mia voce) chi avrebbe sposato. [...] Quello che dice Borejsza, ovvero che Hania si è ammalata quando ha saputo che sono un peder-

---

interrompendosi il 25 giugno 1945. La produzione è costante solo a partire dal 1949 e cresce di intensità con il passare degli anni.

⁹ Małgorzata Czerwińska (2014: 22) indica nella confessione la caratteristica principale del diario intimo. "Il narratore di questi testi ricorda l'io lirico. Il suo atteggiamento viene spesso indicato come egotistico e narcisistico. Il processo di scrittura può essere paragonato alla vivisezione, costituisce un difficile e rischioso atto di presa di coscienza di sé [...], assume spesso la funzione di autoterapia e autocreazione".

sta, è ridicolo. [...] Del resto ha sempre conosciuto tutti i miei sentimenti, perché purtroppo a differenza di Gide il mio *plaisir* ha sempre accompagnato l'*amour*¹⁰. E anche in questo ultimo caso in un certo modo condivideva questo sentimento, aiutandomi a dominarlo e comprendendo il significato che aveva per me. [...] Sono ovviamente un egoista, ma Gide lo era anche di più: lui non era un egoista, era un egoista (D II: 209-210)¹¹.

Rispetto alle lettere, dove il focus della riflessione sulla sessualità è Błeszyński – dettagliatamente ritratto nei gesti, nelle azioni, nei tratti psicologici – nei *Diari* la riflessione verte sull'autoanalisi. Pur non venendo meno l'elemento del confronto con l'altro, a dominare è il

---

¹⁰ Sull'influenza di Gide sulla diaristica di Iwaszkiewicz si veda Dąbrowski (2014); sull'influenza del modello omosessuale di André Gide sull'opera di Iwaszkiewicz si veda Śmieja 2018.

¹¹ Ma nelle lettere postume lo scrittore afferma che Hania, gelosa e ossessionata dalle questioni religiose, non sia in grado di capire l'essenza dell'amore omosessuale e del suo rapporto per Jerzy: "[...] lei non capisce che il corpo può avere lo stesso significato che l'anima. Lei non comprenderà mai quello che significa il tuo corpo per me" (L: 489).

confronto con se stesso, con i dubbi e le paure, la propria condizione di padre, marito, uomo, amante, uomo pubblico e privato. Lo scrittore, pur difendendo la scelta del matrimonio, ammette di non avere avuto nella vita abbastanza coraggio da lasciare la famiglia e vivere in armonia con la propria natura. Sempre paragonandosi a Gide, scrive: "Se anche io fossi partito per l'Africa con Wojtek [Janicki] e Staś [Suchy], invece di andare a piedi da Cracovia a Zakopane, se fossi andato con Jurek [Błeszyński] in Perù, invece che a Copenaghen, chissà come sarebbe andata a finire" (D II: 210). A partire dal 1955 la scrittura diaristica inizia a tracciare la cronistoria del tormentato rapporto con Błeszyński e, a partire dal 1957, diventa la storia di un'agonia, di un amore ossessionante vissuto nella consapevolezza della fine. La morte di Jerzy è la nemesi, l'espiazione inevitabile dell'amore e della felicità: il sentimento per il giovane nasce con una vocazione e una predestinazione di morte, e lo scrittore è l'unico ad avere una reale percezione di questo stato di cose¹². Il momento di

---

¹² Il rapporto tra morte e scrittura si evidenzia nel fatto che nell'anno 1958 i *Diari* siano quasi esclusivamente la cronaca della sua relazione. Analogamente anche l'intensità delle lettere aumenta a

massima felicità risale agli inizi del 1958, quando la morte imminente dell'amato per tubercolosi terminale era ormai un fatto ineluttabile: in data 6 gennaio 1958 Iwaszkiewicz scriveva e sottolineava sulla propria agenda: "Chi ha vissuto un giorno come quello che ho vissuto oggi io ha conosciuto il freddo, fragile e amaro sapore della felicità" (D II: 214). Lo scrittore si effonde in una approfondita riflessione sulla felicità dell'amore omosessuale:

Chissà, forse la felicità non è che l'assenza della solitudine e la giornata trascorsa ieri a Brwinów e a Varsavia con Jerzy è la conferma della nostra comunanza, qualcosa come due vasi comunicanti. [...] Le nostre conversazioni di ieri [...] erano simili alle conversazioni di gioventù, a qualcosa che a quei tempi si chiamava amicizia. E allo stesso tempo si tratta della pienezza della vita, come il grano del rosso viburno che si china sul precipizio. Lui sta molto male

---

mano a mano che si avvicina la fine (nell'anno 1958 scrive ben 141 lettere, la metà della corrispondenza a Jerzy), quasi che lo scrittore volesse fermare con le parole l'inevitabilità di quanto stava per accadere.

e, anche se ne abbiamo parlato poco o affatto, la malattia si allungava sul nostro essere insieme non come un'ombra ma come una luce dorata (D II: 192-193).

Alla luce di questo frammento è possibile trarre alcune considerazioni preliminari sulla concezione dell'omosessualità maschile di Iwaszkiewicz: costituisce sempre un'esperienza del dolore e della perdita – in questo senso è un *topos* della letteratura pre-emancipativa (cfr. Woods 1998: 217-225) – permette di riguadagnare, anche se solo per brevi attimi, il sapore e la pienezza della giovinezza. Offre, come direbbe Leopardi, il raro e fuggevole piacere dell'interruzione dell'affanno. Ma è non tanto nella direzione del romanticismo che va cercata la chiave per cogliere l'essenza del pensiero dello scrittore, quanto in quella del decadentismo, nel binomio *eros-thàntos* – elementi indistricabili nella sua poetica fin dagli anni Venti e nella sua narrativa a partire da *Brzezina* (Il bosco delle betulle, 1932) in poi – nel mito dionisiaco, nel culto della giovinezza e della forza erotica che pervade il mondo: "Gioia dell'essere percepita nel profondo, gloria dell'esistenza, fanatico inno alla vita nell'evidenza della

morte, beffa della morte” (*ibidem*). È questo il significato profondo dell’amore omoerotico, del quale Iwaszkiewicz aveva allora la consapevolezza di vivere il vertice irraggiungibile e irripetibile. Quanto appena detto si evidenzia anche in un altro passaggio dei *Diari*, dove sentimenti di tenerezza e protezione quasi genitoriali (elementi fondanti del rapporto con Jerzy), si mescolano alla passione e alla certezza disperata della morte:

Prima di addormentarsi Jurek appoggiò la testa su di me, come farebbe un bambino con la madre, e poi si addormentò. E in me presero ad alternarsi amore e tristezza, amore per quel corpo corroso dai tarli come la carne di una figurina di legno. [...] Nella stanzetta di legno di quell’antica casa erano racchiusi uno sconfinato silenzio, gioia, paura della morte, e tutto era così bello ed intenso come può essere solo quando si ha accanto un uomo che si ama molto. Si ama non con l’erotismo o la vana carezza, ma attraverso un senso di unità umana, comunità del dolore e della morte. Penso che un simile amore lo possa provare solo un

uomo per un altro uomo e che in questo risieda la ricompensa per i mutilati come noi, per tutte le sofferenze dell’amore monosessuale (D II: 166).

Si tratta di un passaggio eccezionale: in nessun altro suo scritto è possibile trovare una definizione tanto netta ed esplicita di quello che l’omosessualità significava per lo scrittore. Esperienza di dolore e sublimazione e anche – rispetto alla comunità umana – condizione anomala, menomazione e separazione. Siamo nell’anno 1957, un’epoca in cui, non solo in Polonia, parlarne in modo pubblico e diretto era praticamente impensabile, dove l’ostracismo sociale nei confronti degli omosessuali – così manifesto nella società polacca di oggi – era già presente, per quanto non avesse ragione di assumere forma pubblica e istituzionale¹³. Lo evidenzia an-

---

¹³ Nella Polonia comunista l’omosessualità era oltretutto un importante strumento di coercizione e di controllo esercitato dalla polizia politica sui cittadini. I servizi segreti controllavano gli ambienti omosessuali fin dagli anni Sessanta, mentre dagli anni Settanta gay e lesbiche erano schedati (cfr. Kurpius 2003). Una qualche forma di controllo (e forse di ricatto) non è da escludere, vista la sua importante funzione istituzionale, anche nel caso di Iwaszkiewicz, per quanto non si conservino nei suoi

che un passo successivo dei *Diari*: “Nessuno riesce a comprendere questa gioia e questa felicità. Tutti pensano che si tratti solo di metterselo nel culo! Eppure già Socrate insegnava ad Alcibiade che la gioia e la felicità che due uomini conoscono nel loro rapporto non consiste in questo. E per tanti secoli nessuno lo ha compreso” (D II: 193). L’eccezionalità di queste parole è rilevata dallo stesso scrittore che il 16 novembre del 1957 scriveva a Błęszyński: “È l’unica pagina del mio diario un po’ indiscreta. Potrà essere pubblicata solo dopo la morte delle mie figlie” (L: 86).

Una scrittura, dunque, finalizzata a una fruizione privata nel presente e pubblica nel futuro¹⁴, volta a lasciare traccia di fatti, momenti, scampoli di conversazione con l’amante, analizzati e sviscerati in solitudine. In alcuni passaggi particolarmente intensi Iwaszkiewicz oscilla tra monologo e dialogo, prima e seconda

---

scritti tracce utili a far luce su questo aspetto. Per uno studio sul discorso omosessuale ai tempi della Repubblica Popolare di Polonia si veda il saggio di K. Tomasiak (2012).

¹⁴ Fabrizio Scrivano parla del diario come di una “scrittura a orologeria”: “sia perché in esso si annida sempre un aspetto deflagrante sia perché possiede una meccanica temporale di precisione [...], il suo senso si palesa (esplode) solo a distanza di tempo” (Scrivano 2014: 14).

persona, indirizzando le proprie parole ora a se stesso, ora all’amato, in uno scambio che aspira idealmente all’identificazione, all’annullamento della distanza e della separazione individuale: “Durante la vecchiaia, Jarosław, che cosa vuoi di più? Ti ringrazio, mio caro, menti, inganna, ricatta pure, ma mi hai dato più di quello che ti puoi immaginare: quella tua bellezza, che mi è più cara di ogni cosa, queste mie sofferenze di giovinezza durante la vecchiaia” (D II: 214).

Come testimonia questo passaggio il confine tra la forma diariistica e quella epistolare era per lo scrittore molto labile: “Le lettere sono sempre indirizzate a qualcuno, un diario invece sono delle lettere a se stessi” (D II, p. 185). Quando Jerzy viene inghiottito dal sanatorio e gli incontri tra i due si fanno più radi, è la scrittura epistolare a prendere il sopravvento: scrive Iwaszkiewicz il 20 settembre 1958: “Jurek è in sanatorio [...]. Da allora gli scrivo tutti i giorni delle lettere che sostituiscono il diario” (D II: 246). Lettere “fittizie”, idealmente indirizzate a Jerzy e affidate ai *Diari*. Il 7 dicembre 1958 scrive: “Questa lettera la scrivo nel diario, poiché è scritta per me e non per te – tu ne hai già abbastanza delle mie lettere. Voglio immaginare di

parlare con te, le nostre conversazioni saranno difficili e cattive, si sa” (D II: 290).

Il confine tra scrittura diaristica e scrittura epistolare, tra l’io e quel noi ideale in nome del quale lo scrittore era disposto a sacrificare una parte dei propri desideri, aspirazioni e – come lui pensava – legittimi diritti, verrà definitivamente abbattuto nelle lettere che Iwaszkiewicz indirizzò all’amante dopo la sua morte prematura per tubercolosi il 28 maggio 1959.

2. Le lettere

Le 252 lettere a Jerzy Błeszyński – pubblicate nel 2017 per la prima volta dall’editrice e scrittrice Anna Król – abbracciano un periodo che va dal 12 maggio 1954 al 3 marzo 1960¹⁵ e costituiscono la cronaca particolareggiata della tormentata relazione che legò i due uomini. Non essendosi

---

¹⁵ Il termine “lettera” è qui usato in senso estensivo in quanto il volume include anche dediche, telegrammi, cartoline, biglietti. Le lettere vere e proprie iniziano il 6 febbraio 1957. Questo materiale epistolare è stato depositato nel Museo del Castello Reale di Varsavia dal collezionista privato Tomasz Niewodniczański che probabilmente lo ha acquistato sul mercato antiquario. Lo scrittore non aveva lasciato alcuna disposizione riguardo a una eventuale pubblicazione.

conservata traccia alcuna delle lettere scritte da Błeszyński, conosciamo soltanto i sentimenti e i pensieri che attanagliavano lo scrittore a mano a mano che la loro storia evolveva, attraversando tutte le sue fasi: dalla speranza, a tratti euforica degli inizi, al progressivo disincanto che provava scoprendo i tradimenti dell’amato, fino allo scioglimento dei dubbi e alle “scoperte” delle lettere postume. Momenti scanditi da incontri e partenze, dai continui traslochi di Jerzy – diviso tra gli ospedali, i sanatori e gli appartamenti delle sue amanti – e ancora da liti, riappacificazioni, silenzi inspiegabili. La cronaca della relazione, la riflessione dell’autore su se stesso, su Jerzy e sulla natura amorosa del loro legame, si alternano sottraendo progressivamente spazio al resoconto della vita dello scrittore.

Tra la speranza e il disincanto, nella pena e preoccupazione costanti per lo stato di salute di Jerzy, estremamente vasta è la gamma di toni e sentimenti di cui queste pagine portano testimonianza. Domina l’espressione della passione amorosa – “Sono insieme a te con il pensiero, notte e giorno, ubriaco del mio amore” (L: 242) – anche se a partire dal novembre 1958, rendendosi conto della profondità del sentimento che lega Jerzy a Lilka

Pietraszek, la passione lascia spazio all'amarezza, al rammarrico, a tratti alla rabbia. Rabbia che si alterna alla gelosia, al dolore, all'impotenza, all'amareggiata constatazione della propria umiliazione. Lo scrittore si rende conto di come il suo rapporto con Jerzy possa apparire ridicolo dalla prospettiva di chi non ne conosce la natura e le ragioni profonde: dopo avere ascoltato le confessioni sentimentali dell'amico scrittore Julian Strykowski, scrive: "[...] ho visto chiaramente in questa conversazione come ogni amore, anche il più grande, appaia stupido e ridicolo dall'esterno, quanto nessuno possa comprendere cosa accade dentro a un'altra persona, quali sono i motivi del suo comportamento. Come devo apparire stupido io, un nonnetto, agli occhi delle figlie, agli occhi di mia moglie, agli occhi degli amici con questa mia passione delirante che da anni indirizza tutti i miei passi" (L: 424).

Gli appellativi e gli pseudonimi che aprono e chiudono le lettere sono altrettanti segni discorsivi che illustrano e riflettono questa varietà di toni: domina il senso di tenerezza nei vocativi in apertura: "figliolo", "amico", "mio carissimo figlio", "mio unico", "mio amato". Ma nei momenti di rabbia e di sconforto – non senza concedere qualcosa all'ironia –

Iwaszkiewicz si indirizza all'amato in tutt'altro tono: "tuo, mia stupida bizzarria". Il poeta si firma in diversi modi, in particolare nella prima fase, euforica e speranzosa, della loro relazione, adottando diversi pseudonimi: Daniel, Roman, Lech, Adam, Gabriel, Zygmunt, Witold, Stanisław, Xawery, Krzysztof, Kazimierz, Teofil, Tadeusz, Agapit, Zenon, Karol, Janusz, Arkady, Atanazy; si firma invece Jarosław o J. nei momenti di maggiore disincanto, quando si sente spento, stanco e svuotato dalla relazione. Quando il suo desiderio viene frustrato, e si rende conto per l'ennesima volta di essere stato (o di essersi) ingannato, si firma Foka Balon (o F.B.), dall'espressione "robić z kogoś balona": "mettere in ridicolo, prendere in giro"; nei momenti in cui si sente particolarmente offeso e prossimo alla rottura, il tono della lettera può farsi freddo, distaccato, addirittura *ufficiale* e lo scrittore firma gelidamente con il proprio nome e cognome. Quando invece si rende conto che l'amore che Jerzy può dargli non è quello che desidera è invece "il tuo Amico", oppure "Tuo Padre" a chiudere la missiva, proprio come se il poeta – di fronte all'evidenza della realtà – si accontentasse della posizione di mentore e confidente del giovane amato.

Oltre a essere un gioco, elemento di un codice amoroso e di corteggiamento, l'impiego di questi pseudonimi può essere interpretato come un affioramento dell'identità omosessuale, il manifestarsi del desiderio dello scrittore – frustrato dalla dura realtà dei suoi obblighi di padre, marito, scrittore e uomo pubblico – di accedere a una dimensione *altra* dell'esistenza, sincera, libera e autentica, dove poter vivere in armonia con i propri sentimenti e il proprio orientamento sessuale. In questo senso va visto anche il sogno, accarezzato per qualche tempo, di costruire una casa a Elzin, località rurale in mezzo ai boschi e ai laghi della Masuria (uno dei luoghi della topografia amorosa dei due amanti), da usare come rifugio. L'unico modo possibile per vivere la propria omosessualità è collocarla in uno spazio altro, separato e liminare, oppure in mezzo alla natura. La partenza per la campagna, la sua collocazione in un contesto idillico e ideale, dove l'idillio dello spazio si unisce all'idillio della giovinezza, è indicata da German Ritz (Ritz 1997: 46) come una delle modalità narrative del discorso omosessuale nell'opera di Iwaszkiewicz.

Rispetto ai passi citati dei *Diari* – dove la riflessione omosessuale è finalizzata all'autoanalisi – nelle

lettere il problema della sessualità è trattato dallo scrittore sempre in rapporto a Jerzy, all'analisi della sessualità dell'amato. Il termine del confronto (che nei *Diari* abbiamo visto essere Gide) è qui Iwaszkiewicz stesso: “[...] sei un uomo, e oltretutto un uomo giovane, e non solo uno che piace alle donne, ma uno a cui piacciono le donne. Potrei mai fartene una colpa? No, posso solo invidiarti, perché tutta la disgrazia della mia vita sta nel fatto che non mi piacciono le donne” (L: 280).

Si evidenzia qui ancora una volta la percezione negativa dell'omosessualità rapportata a una eterosessualità – intesa in termini riproduttivi e nella prospettiva dell'unione eteronormativa tra uomo e donna – percepita come una condizione *naturalmente* desiderabile. Iwaszkiewicz vorrebbe che Jerzy si ricongiungesse con la moglie Halina e con i figli (ovvero con una donna che non ama): “quando ho visto i tuoi incantevoli bambini, poverini, ho capito che questo è il tuo difficile compito, la croce che devi portare sulle tue spalle, prima di tutto per essere in pace con te stesso, poi per avere un scopo nella vita, per sapere ‘dove andare’” (L: 286). Una soluzione che avrebbe oltretutto il vantaggio di *mettere al sicuro* la sua relazione con

Jerzy sottraendolo all'influenza di un nuovo amore (per Lilka Pietraszek) al quale lo scrittore dovette presto rassegnarsi.

La riflessione sull'omosessualità si approfondisce nelle lettere "postume", ovvero quelle scritte subito dopo la morte di Jerzy a partire dal 1° giugno 1959. Questa corrispondenza assurda e paradossale, la cui funzione compensatoria e di elaborazione del lutto è rilevata dall'autore in molti passaggi, costituisce una sorta di *resa dei conti post mortem* con l'amato. Lo scrittore prova a fare luce e ordine sui momenti oscuri della relazione, sviscerando e collegando fatti che portano impietosamente a galla – complice anche l'abitudine maniacale di conservare traccia di tutti gli avvenimenti nei suoi famosi "calendarietti" – le molteplici bugie del giovane amante. Iwaszkiewicz – sottolineandone in un certo senso la natura *finzionale* – definisce quelle ultime lettere "una grande indagine, un grande atto di accusa" (L: 484). Anche alla luce di quanto scopre progressivamente dagli altri attori di questa autentica tragedia sentimentale, mette a fuoco con estrema precisione la reale portata del rapporto che legava Jerzy a Lilka nonché il peso esercitato dal fattore economico nella complessa triangolazione: "Soltanto ora ca-

pisco che l'amavi come nessuno altro al mondo. E comincio a comprendere la tua situazione. Sapevi di dover partire, di non poter lavorare, di non potere vivere senza Lilka e che l'unica cosa che poteva garantirti quel possesso e quella 'felicità stagionale' erano i miei soldi" (L: 451). Quel "dover partire" va ovviamente inteso nel significato eufemistico della morte.

A rivelarsi con estrema chiarezza – grazie alle lettere di Jerzy alla moglie Halina che Iwaszkiewicz ebbe in lettura e all'analisi delle poesie scritte dall'amato – è la natura bisessuale di Jerzy. Don Giovanni impenitente e incline ad assumere atteggiamenti di esibizione della propria virilità, Jerzy non è per nulla all'oscuro delle pratiche dell'amore omosessuale, cui era uso fin dall'adolescenza: "Da questo emerge che non era 'per soldi' che ti costringevi a dei rapporti erotici con me, perché ne eri impraticito e abituato. [...] Te lo ripeto, figliolo, in questo non c'è nulla di spiacevole per me poiché mi liberano dalla fosca responsabilità di averti 'insegnato' l'omosessualità" (L: 459-461). Questa contraddizione, a ben guardare, non è interiore al pensiero di Iwaszkiewicz ma va intesa nel senso e nel contesto della discriminante sociale: l'amore "greco" è sì la più alta forma di

amore esistente, ma solo per chi lo pratica. Dal punto di vista della norma sessuale dominante nella società, su di lui (l'amante attivo) ricade invece la "fosca" (*ponura*) responsabilità di avere iniziato l'amante passivo a pratiche sessuali diverse (non riproduttive, non finalizzate alla genitorialità). A mano a mano che lo scrittore scopre gli inganni e il peso che le donne hanno realmente avuto nella vita di Jerzy, l'amore ideale che lo legava a lui viene sistematicamente dissacrato. Dopo avere messo in rilievo limiti e virtù di Halina, Lilka e Nika, scrive impietosamente: "E chi ero io in tutto questo? Un'ingenua, vecchia checca" (L: 485). Una omosessualità, dunque, che doveva per forza essere vissuta nell'ombra, nell'*illegalità*, negli spazi liminari che la vita era in grado di concedere (dunque appartamenti di servizio, alberghi, parchi, viaggi all'estero). Da quanto detto si evince altresì che era al modello greco *erastès-eromenos* che si informava la concezione omosessuale di Iwaszkiewicz, in lui infusa a Odessa fin dal 1918 dal compositore Karol Szymanowski. Questa concezione – adottata da scrittori e attivisti per legittimare l'amore omosessuale fin dalla seconda metà dell'Ottocento – è proprio alla base di *Efebos*, il romanzo incompiuto e perduto

di Szymanowski di cui Iwaszkiewicz fu primo lettore, custode e principale testimone¹⁶. Błeszyński è dunque più di un amante, è un allievo, un protetto, un "figlio": il loro rapporto ha una forte base pedagogica (le lettere danno traccia degli iterati, e frustrati, tentativi di acculturare l'amante). Ancora dopo la morte di Jerzy lo scrittore continua a tormentarsi con i crucci paterni ("La mia colpa fondamentale è quella di averti fornito

---

¹⁶ Il manoscritto di *Efebos* (elaborato nel 1918) è andato distrutto all'inizio della Seconda guerra mondiale nell'incendio che colpì l'appartamento di Iwaszkiewicz in via Kredytowa. Stando alla descrizione che ne dà lo scrittore in *Spotkania z Szymanowskim* (Incontri con Szymanowski, 1947), il libro si componeva di vaste parti dialogiche, basate sul modello platonico, intervallate dalla descrizione di estasi sensuali e descrizioni del paesaggio siciliano nelle quali si avvertiva l'influenza di *Immagine d'Italia* di Muratov. Del romanzo si sono conservati l'introduzione, il capitolo intitolato *Uczta* (Banchetto) e le annotazioni dell'autore (cfr. Szymanowski 1989). Questo capitolo è impostato come una diatriba tra fautori dell'amore eterosessuale e sostenitori dell'omosessualità. Questi ultimi mettono in rilievo il fine procreativo e *animalesco* dell'eterosessualità, nella quale la donna – priva dell'"idealismo dell'azione" – conosce la sua piena realizzazione. L'amore omosessuale tra due uomini, non essendo finalizzato alla procreazione, costituisce invece un atto eroico e superiore. La natura misogina di questa concezione appare evidente.

una quantità illimitata di denaro, facendo vacillare il tuo equilibrio spirituale, già molto compromesso dalla malattia”) cercando in qualche modo di giustificare il proprio comportamento: “quando tutti erano convinti che tu usassi la tua malattia per approfittarti di me, io sapevo che erano i tuoi ultimi mesi di vita” (L: 476).

3. Un confronto con Wilde

Il culto del bello – alla base di una concezione estetica di chiara matrice decadente – è il vero e proprio *trait d'union* tra la vita e l'opera di Iwaszkiewicz. Su di esso, come si è già accennato, si innesta la simbologia omosessuale codificata nel mito dionisiaco, il culto della giovinezza e della forza erotica che trovano nell'arte e nel paesaggio italiano (e siciliano soprattutto) un riflesso e una manifestazione ideali (cfr. Prola 2018b). La rappresentazione e la percezione dell'omosessualità maschile, dunque, non può che essere intesa dall'autore secondo categorie estetiche.

Lo scrittore – in molti passaggi delle lettere e dei *Diari* – esprime la preoccupazione per la bellezza angelica di Jerzy, sciupata dal tocco della malattia e della morte: “Come ti ho detto mi ha

preoccupato enormemente che quel tuo magnifico aspetto, la tua pelle chiara, i denti splendidi [...] ieri siano spariti come al tocco di una bacchetta magica” (L: 228). L'ascendenza decadente di questo binomio *eros-thàntos* si evidenzia altresì nel fatto che il discorso estetico si sovrappone a quello morale; in questo senso non sembrerebbe improprio un accostamento tra le lettere a Bleszyński e il *De profundis* (1905) di Oscar Wilde¹⁷. La vicenda amorosa di Iwaszkiewicz e Bleszyński ha infatti molteplici e singolari elementi di richiamo a quella dello scrittore irlandese e Alfred Douglas che, com'è noto, si riflesse nella coppia letteraria Basil Hallward-Dorian Gray nel *Ritratto di Dorian Gray* (1890). Iwaszkiewicz, proprio come Basil Hallward, è ossessionato dalla bellezza quasi ultraterrena dell'amato. Ma la bellezza si accompagna a una sua condotta dissoluta e amorale: le parole di rimprovero per l'inganno e l'umiliazione patiti da Iwaszkiewicz risuonano singolarmente simili a quelle che Wilde indi-

¹⁷ Riguardo all'influenza della concezione estetica e della letteratura di Wilde sull'opera di Iwaszkiewicz si veda Kwiatkowski (1959, 1975). Per una riflessione su Wilde e Iwaszkiewicz rispetto al discorso omosessuale si veda Potkański (2008).

rizzò al suo amante nella lunga lettera scritta nel carcere di Reading, dove scontava la condanna per sodomia.

Scrive Wilde a Douglas:

Forse eri “molto giovane” quando ebbe inizio la nostra amicizia? Ma il tuo difetto non fu mai di saper poco della vita, bensì di saperne troppo. Ti eri lasciato da un pezzo alle spalle l’aurora dell’adolescenza con le sue tinte delicate, la sua luce pura e limpida, la sua gioia d’innocenza e di attesa. Con passo rapido, quasi di corsa, passasti dal Sentimentalismo al Realismo. Cominciasti ad essere attratto dal marciapiede e da chi lo popolava (Wilde 2018: 2).

Anche Iwaszkiewicz, con sorprendente analogia, scopre – lui il più vecchio, il più esperto, il più brillante dei due – di avere assunto nella relazione la parte dell’ingenuo, dell’ingannato, non avendo capito quanto il suo giovane amante fosse già corrotto dalla vita. Questa riflessione condotta sempre sulla base del confronto, dell’accostamento, di due nature così diverse, appare un ulteriore elemento che accomuna il discorso di Iwasz-

kiewicz a quello condotto da Wilde nel *De profundis*¹⁸. Anche la vicenda dello scrittore polacco si scinde in un complesso gioco di triangoli amorosi: così come Dorian Grey si innamora di Sybil Vane, Jerzy Błeszyński lascia la moglie Halina – dopo averla infinite volte tradita con donne e uomini – per Lilka, alla quale resta legato fino alla morte (senza contare il ruolo assunto da Anna, la moglie di Iwaszkiewicz, che riversa su Błeszyński un tenero e preoccupato affetto materno). Il triangolo si prefigura, come spesso accade nella letteratura omosessuale, come la configurazione cardinale della vicenda erotico-sentimentale.

Proprio come Wilde si rifugia a Dinard per ritrovare la pace e la serenità per scrivere, dopo la tensione di un lungo e spossante periodo in compagnia dell’amato, così Iwaszkiewicz si rifugia a Stawisko per riposare: “Devo confessarti che mi sento stanco dopo aver passato dieci

---

¹⁸ Scrive Wilde sull’asimmetria intellettuale del suo rapporto con Douglas: “il legame di ogni rapporto, sia esso tra marito e moglie come tra amici, è sempre un legame di conversazione; e fra due persone di troppo vasta disparità culturale, la sola base possibile è al livello più basso” (Wilde 2018: 13). Anche Iwaszkiewicz si sente abbassato e umiliato dalla trivialità di molte situazioni e frequentazioni cagionate dalla condotta di Jerzy.

giorni con te senza sosta, giorni in cui tutto è stato un solo conflitto, o meglio una mia lotta per quello che tu non puoi dare e quello che tu non puoi dire” (L: 378).

Il motivo dello sfruttamento economico dell'amante-artista da parte dell'amato con ambizioni letterarie – il rapporto corrotto tra sesso, arte e denaro – è un ulteriore elemento di richiamo al rapporto Wilde-Douglas. Bleszyński dipende economicamente da Iwaszkiewicz, dissipa i proventi di una produzione artistica che, a un certo punto, sembra trarre principale alimento e ispirazione dalla loro relazione. E le lettere postume di Iwaszkiewicz ricordano il *De profundis* anche e soprattutto per essere un atto di accusa per l'irriconoscenza, il cinismo e la superficialità del compagno – colpevole di avere infangato la più sublime delle amicizie – oltre che per l'atteggiamento pedagogico, la speranza (o la presunzione) mai abbandonata di cambiare il più giovane e inesperto amato, di stornarne la condotta innalzandola ad un più alto livello di perfezione morale¹⁹. Iwaszkiewicz invita Bleszyński a eguagliare con la

bellezza interiore la sua bellezza esteriore (quella bellezza in nome della quale alla fine gli verrà perdonato tutto), ad apprezzare e ricambiare sentimenti che gli altri nutrono per lui, anche se – come non può fare a meno di constatare – “il più bel ragazzo del mondo può dare solo quello che ha”.

È un po' ingiusto che per amarti, per avere un rapporto totale con te, si passi attraverso il tuo corpo e la tua eccezionale bellezza. [...] Figliolo, te l'ho già detto tante volte, accorgiti delle altre persone, prova amore e pietà per loro, esci dal tuo “io” deperito, sfinito e troppo angusto [...] cerca di trovare bontà e bellezza intorno a te, diventa internamente degno della tua bellezza angelica (L: 201).

I vizi di fondo della natura di Bleszyński sono superficialità, vanità, debolezza di carattere, lussuria, dissipatezza: gli stessi rilevati da Wilde in Douglas. Iwaszkiewicz sa che è proprio quella bellezza a trasformare in angelo una creatura tutto sommato ordinaria e volgare: “Esso [lo sdoppiamento] è alla base di tutte le tue azioni, sei come dottor Jekyll e mister Hyde” (L:

¹⁹ “Scrivi di non potere amare, intendendo che non puoi scopare. Ma, amore, non c'è solo questo” (L: 166).

458). Soltanto nelle lettere postume, lo scrittore sarà in grado di comprendere che la causa del tragico sdoppiamento e della “follia morale” nella quale riconosce il fondamento della natura psichica di Jerzy, va individuata nelle contraddizioni e nelle tensioni causate dalla sua irrisolta bisessualità.

4. L'arte, il sacro, la morte

Proprio come accade nella produzione artistica dello scrittore, anche nella scrittura autobiografica il desiderio omoerotico è mediato e nobilitato attraverso un complesso sistema di simboli e richiami artistici. In effetti nel giovane operaio di Brwinów è possibile individuare una sorta di incarnazione del Pastore-Cristo, simbolo dionisiaco, personaggio letterario e paradigma di omosessualità che ritorna costantemente nell'opera poetica, narrativa e teatrale dello scrittore già del periodo interbellico, dalle raccolte liriche al dramma musicale *Król Roger* (Re Ruggero, 1919) fino al romanzo *Czerwone tarcze* (Scudi rossi, 1934)²⁰.

---

²⁰ L'idea dell'identificazione o della sintesi tra Cristo e Dioniso era diffusa tra gli artisti modernisti, dove tuttavia poteva assumere anche il carattere di una contrapposizione tra cristiano e pagano. La concezione di Dioniso come Anticri-

Jerzy è oggetto di un vero e proprio culto pagano da parte di Iwaszkiewicz (in più di un'occasione nelle lettere definisce il suo come un “culto della personalità”²¹). Pregnante risulta la nobilitazione o la significazione della bellezza dell'amato attraverso il richiamo profano alla sfera del *sacrum*. Nel novembre del 1958, durante un viaggio a Roma con la moglie, lo scrittore visita una mostra di sculture di Michelangelo nella Basilica di Santa Maria sopra Minerva e paragona il corpo di Jerzy a una sua tarda scultura di Cristo (il *Cristo della Minerva*), definendola la più grande esperienza artistica di quel soggiorno romano. Scrive a Jerzy il 26 novembre:

---

sto è, per esempio, alla base del dramma di Tadeusz Miciński *W mrokach złotego pałacu, czyli Bazylissa Teofanu* (Nelle oscurità del palazzo dorato, ovvero la Basilissa Teofano, 1909). Nel romanzo di Iwaszkiewicz *Czerwone tarcze* la danza dionisiaca cui assiste nel tempio greco in compagnia di Ruggero II, sconvolge profondamente il pio principe Henryk Sandomierski portando alla morte della giovane regina.

²¹ Oltre alla coppia Wilde-Douglas, un'altra celebre coppia omosessuale – vero e proprio modello archetipico – potrebbe venire richiamata dal rapporto Iwaszkiewicz-Błeszyński: quella Adriano-Antinoo. Anche Iwaszkiewicz, proprio come l'imperatore romano, è ossessionato dalla presenza dell'amato, dalla sua proverbiale bellezza, dal desiderio quasi mistico o religioso della sua compagnia.

Oggi eri con me nella chiesa di Santa Maria sopra Minerva. Là c'è una magnifica scultura di Michelangelo, una figura del Cristo risorto, un ragazzino di marmo grande e grosso, con un corpo meraviglioso e maturo. [...] Un tempo quel Cristo era nudo, poi il puritanesimo dei secoli successivi ha coperto il suo membro con un drappeggio di rame così poco adatto a quel corpo meraviglioso. Ho paragonato quel corpo al tuo, ma tu sei come San Giovanni Battista nel deserto. Tu sei del tutto diverso. Tuttavia Michelangelo ha scolpito così meravigliosamente quel passaggio dal ventre al petto, ha reso con tanto amore ogni muscolo, che mio malgrado mi ha fatto pensare al suo modello. In quella magnifica chiesa – marmorea, gotica, fredda – mi sentivo riscaldato e illuminato perché tu eri accanto a me e guardavi quella scultura, e mi eri così vicino, e non ero neppure un po' arrabbiato con te (L: 328).

Nei Musei Vaticani, nella Cappella Sistina, vede una rassomi-

glianza tra Jerzy e uno dei *Prigioni* di Michelangelo, indovinando il rapporto che doveva intercorrere tra lo scultore e il suo modello: “si vede che al vecchio Michelangelo piaceva quel tipo” (L: 318). E ancora, ripetutamente, nelle lettere e nei *Diari*, la bellezza di Jerzy viene rievocata ora attraverso la maestosità della natura: “sei come un grande abete che mi nasconde il cielo” (L: 425); ora – per analogia – attraverso richiami alle opere d'arte: “[...] metto le tue mani adorate sopra il mio capo per avere la loro bellezza, la bellezza di un'opera d'arte” (L: 423), “[il tuo viso] è bello come in un ritratto italiano” (L: 338).

La sublimazione estetica della morte si evidenzia in particolare nella descrizione dei segni lasciati dall'incedere della malattia sul corpo di Jurek “corroso dai tarli come la carne di una figurina di legno” (DII: 166) o nella morte stessa dell'amato, quando il rapporto *eros-thàntos*, realtà e finzione, viene spinto alle estreme conseguenze e al suo ultimo compimento²². È proprio nella descrizione del commiato con Jerzy offerta dai *Diari* che si raggiunge l'acme di quel processo di drammatizzazione della

²² Come testimoniano anche le lettere postume: “Quando ti baciavo i capelli e tu eri in quella tua cassa sentivo un'eccitazione erotica” (L: 480).

dolorosa vicenda sentimentale – probabilmente la più sconvolgente della letteratura omosessuale polacca – dove si tocca la perfetta equivalenza tra arte e vita, *fictio* e realtà. Le pagine dei *Diari* che raccontano le ultime ore di vita di Jurek costituiscono un'unità narrativa a sé stante, potrebbero essere l'epilogo di un romanzo. Mi limito a rilevare con il sottolineato i punti di congiunzione, i passaggi in cui l'arte interviene, come catarsi, sublimazione e sola significazione possibile dell'indicibilità del dolore. Il processo di sacralizzazione del corpo di Jerzy, di deificazione dell'amato, appare evidente:

Quando siamo arrivati le porte della prima stanzetta erano aperte, su una panca di legno giaceva il corpo completamente nudo di Jurek. Era una mattina stupenda. Un ometto lo radeva con un vecchio rasoio. I cuculi si facevano eco tra gli alberi, il cielo era azzurro terso, dal bosco saliva la frescura. [...] rimasi in piedi accanto alla porta e guardai Jurek. Era molto magro, disseccato, addirittura ischeletrito, le mani e le braccia di un san Francesco, le gambe emaciate, i piedi gonfi. [...] La

parte superiore del corpo era pulita e meravigliosamente scolpita, le gambe affusolate e coperte da una fitta peluria. All'altezza del diaframma aveva quei due piccoli segni di cui parlavamo spesso. L'uomo che lo radeva iniziò a lavarlo. Strofinava tutto il corpo con un asciugamano e una spazzola, con acqua e sapone. Quando le mani o le dita gli facevano resistenza, allora parlava al cadavere. Pare che faccia parte della cerimonia. Non faceva che parlargli. "Su, dai, lasciami fare, fratello" – gli diceva. Quando l'ebbe lavato mi avvicinai alla panca e guardai quel corpo immobile e bellissimo, così simile a un crocifisso d'avorio. Mi avvicinai a lui ripetendo "Jurek, Jurek", con un dito gli sfiorai la peluria che ricopriva la gamba. Era freddo, terribilmente freddo, come il ghiaccio (D II, p. 332).

5. Conclusioni

Se nella narrativa di Iwaszkiewicz il discorso omosessuale è implicito e si esprime attraverso il ricorso alla trasmutazione e alla sublimazione, nelle lettere e

nei *Diari* si esplicita permettendo una corretta collocazione del ruolo che la sessualità ebbe nella vita e nell'arte dello scrittore. Soltanto l'approccio a questo materiale autobiografico consente di evidenziare in quale misura la vicenda erotico-sentimentale con Bleszyński abbia costituito per lo scrittore una sorta di punto di non ritorno, una cesura o momento di passaggio dalla fase della maturità a quella della senilità. Dopo la morte di Jerzy, e i mesi di lutto che seguirono, lo scrittore abbandona definitivamente ogni velleità amorosa, rassegnandosi alla vecchiaia. Dai primi anni Sessanta il tono dei *Diari* si fa più cupo e sconsolato, e anche nei periodi di soggiorno in Italia – che in passato erano sempre stati così vivificanti anche per la sua scrittura – incontriamo il poeta più apatico e stanco, sofferente nel fisico (nel 1962 gli viene asportato un rene), sprofondato nella solitudine e perso in amare considerazioni sulla famiglia, sul suo destino di scrittore, sulla Polonia. Significativo è anche il fatto che l'epilogo dell'ultimo, tragico amore della sua vita venga quasi a coincidere con l'inizio della crisi tra Partito e società polacca, a cominciare dai tragici fatti di Poznań (giugno 1956), che tanta amarezza avevano suscitato in lui.

Sostituzione, confronto, rivelazione, sacralizzazione e sublimazione artistica sono alcuni dei procedimenti individuati nelle lettere e nei *Diari* per indicare il discorso e la concezione omosessuale in Iwaszkiewicz, discorso che appare strettamente connesso alla poetica modernista e alle sue implicazioni filosofiche e culturali, ma anche tabuizzato dallo stesso scrittore che non poteva concepire la propria vita al di fuori del discorso eteronormativo. È questa solo una delle tante contraddizioni di uno scrittore che se da una parte fu sempre favorevole al sistema socialista, dall'altra non rinunciò mai alla sua poetica estetizzante, individualista, romantica nonché a certi privilegi di cui sapeva avvantaggiarsi per la posizione e lo status che ricopriva²³. Tuttavia Iwaszkiewicz non può fare a

---

²³ Presidente dell'Associazione dei Letterati Polacchi per lunghi anni, senatore della Repubblica Popolare di Polonia, caporedattore di «*Twórczość*», una delle principali riviste letterarie del paese, Iwaszkiewicz ricoprì per quasi tutta l'epoca socialista lo scomodo ruolo – per quanto sotto certi aspetti vantaggioso – di intermediario nel difficile rapporto tra l'ambiente letterario e il potere politico. In questo senso i suoi *Diari* in particolare sono un'opera fondamentale per comprendere i complessi rapporti tra Iwaszkiewicz scrittore e Iwaszkiewicz politico, tra l'uomo pubblico e quello privato, tra il piano autobiografico e quello della *fictio* (cfr. Prola 2018).

meno di amare Jerzy, perché l'Amore giustifica tutto. Come insegna Wilde – “[...] non fa baratti da mercato, né usa la bilancia del merciaio. La sua gioia, come la gioia dell'intelletto, è di sentirsi vivo. Il fine dell'Amore è amare; niente di più e niente di meno” (Wilde 2018: 42). Lo scrittore conosceva perfettamente la verità di una legge che non accetta imposizioni né confronti:

[...] come posso farti una colpa per il fatto che cerchi l'amore di cui hai bisogno, come posso farti una colpa che menti davanti a me, quando io mento davanti a te molto di più, a volte fingo, inganno, tradisco, parlo male di te con

gli altri, mentre da te pretendo sincerità, verità, chiarezza. Come posso pretendere da te, così maltrattato dal destino e dalla vita, che tu sia diverso, diverso da tutti i giovani, più nobile, coerente, premuroso quando io stesso sono gretto, incostante, egoista. Eppure sono io quello vecchio, esperto, paziente – oltre che sano, felice, talentuoso, “famoso”. Come posso essere così ingiusto nei tuoi confronti soltanto perché ami? Mi vergogno di me (L: 327).

Bibliografia

Amenta 2008: A. Amenta, *Il discorso dell'altro. La costruzione delle identità omosessuali nella narrativa polacca del Novecento*, Roma, NEU, 2008.

Amenta 2020: A. Amenta, *Polonistica e studi di genere. Intersezioni, contaminazioni, incroci di saperi*, «Europa Orientalis», 39, 2020 (di prossima pubblicazione).

Blanchot 1962: M. Blanchot, *Il libro a venire*, Torino, Einaudi, 1962.

Czermińska 2014: M. Czermińska, *Autobiograficzny trójkąt. Świadectwo, wyznanie i wyzwanie*, Kraków, Universitas, 2014.

Dąbrowski 2014: B. Dąbrowski, *Queerowanie intymistyki. Iwaszkiewicz, Zawieyski, Gide*, «Autobiografia», 1, 2014, s. 51-67.

Didier 1976: B. Didier, *Le journal intime*, Paris, PUF, 1976.

Dyszak 2019a: A. Dyszak, *Językowe środki neutralizacji śmierci w listach Jarosława Iwaszkiewicza do zmarłego Jerzego Błeszyńskiego*, «Studia Językoznawcze. Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny», 18, 2019, s. 55-74.

Dyszak 2019b: A. Dyszak, *Kochankowie ze Stawiska. Językowy obraz uczuć Jarosława Iwaszkiewicza w jego listach do zmarłego Jurka Błeszyńskiego*, in *(Nie)męskość w tekstach kultury XIX i XX wieku*, a cura di B. Zwolińska, K. Tomala, Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2019, s. 408-421.

Girard 1962: A. Girard, *Le journal intime*, Paris, PUF, 1963.

Iwaszkiewicz 1926a: J. Iwaszkiewicz (*alias* Eleuter), *Nowa powieść Andrzeja Gide'a*, «Wiadomości Literackie», 14 (IV), 1926, s. 2.

Iwaszkiewicz 1926b: J. Iwaszkiewicz (*alias* Eleuter), *Homoseksualizm w literaturze*, «Wiadomości Literackie», 4, 1926, s. 6.

Iwaszkiewicz 2007: J. Iwaszkiewicz, *Dzienniki 1911-1955*, a cura di A. Papieska, R. Papieski, Warszawa, Czytelnik, 2007.

Iwaszkiewicz 2010: J. Iwaszkiewicz, *Dzienniki 1956-1963*, a cura di A. Papieska, R. Papieski, Warszawa, Czytelnik, 2010.

Iwaszkiewicz 2017: J. Iwaszkiewicz, *Wszystko jak chcesz: o miłości Jarosława Iwaszkiewicza i Jerzego Błeszyńskiego*, a cura di A. Król, Warszawa, Wilk&Król Oficyna Wydawnicza, 2017.

Jański 2009: J. Jański, *Pachnieć jak ciało. Proza Jarosława Iwaszkiewicza w ujęciu écriture féminine oraz teorii gender i queer*, Kraków, Collegium Columbinum, 2009.

Kurpios 2003: P. Kurpios, *Poszukiwani, poszukiwane. Geje i lesbijki a rzeczywistość PRL*, in *Kultura i społeczeństwo PRL*, a cura di M. Parus-

Jaskułowska, A. Stabrowska, «Zeszyty Kulturoznawcze», 1, Wrocław, Katedra Kulturoznawstwa UW, st 35-40 (anche nella traduzione italiana di A. Amenta: *Storia di una minoranza nella Polonia Popolare*, «pl.it. Rassegna italiana di argomenti polacchi», 2008, pp. 691-701).

Kwiatkowski 1959: J. Kwiatkowski, *Wilde, głoski, Schopenhauer. O "Oktostychach" Iwaszkiewicza*, «Twórczość», 1959, 3, s. 126-140.

Kwiatkowski 1975: J. Kwiatkowski, *Poezja Jarosława Iwaszkiewicza na tle dwudziestolecia międzywojennego*, Warszawa, Czytelnik, 1975.

Piotrowski 2007: G. Piotrowski, *Podwójny świat. Uwagi o narracji i tożsamości w tekstach homoseksualnych Jarosława Iwaszkiewicza*, «Teksty Drugie», 2007, 6, s. 207-218.

Piotrowski 2008: G. Piotrowski, *Nowa miłość Starego. Jarosław Iwaszkiewicz – Jerzy Błeszyński*, in *Lektury płci. Polskie (kon)teksty*, a cura di M. Dąbrowski, Warszawa, Dom Wydawniczy Elipsa, 2008, s. 244-261.

Potkański 2008: J. Potkański, *Wilde, Iwaszkiewicz, Bloom*, «Przeгляд Humanistyczny», 2 (52), 2008, s. 1-19.

Prola 2018a: D. Prola, *I «Diari» di Jarosław Iwaszkiewicz: cronistoria, confessione, plurivocità*, «Il Confronto Letterario», 1 (69), 2018, pp. 121-144.

Prola 2018b: D. Prola, «*Sposato dalla bellezza*». *L'Italia nella scrittura di Jarosław Iwaszkiewicz*, Alessandria, Edizioni dell'Orso, 2018.

Ritz 1994: G. Ritz, *Eros i sublimacja u Jarosława Iwaszkiewicza*, «Teksty Drugie», 1994, 1, s. 29-48.

Ritz 1997: G. Ritz, *Niewypowiadalne pożądanie a poetyka narracji*, «Teksty Drugie», 1997, 3, s. 43-60.

Ritz 1999, G. Ritz, *Jarosław Iwaszkiewicz. Pogranicza nowoczesności*, trad. A. Kopacki, Kraków, Universitas, 1999.

Ritz 2002: G. Ritz, *Iwaszkiewicz, Breza, Mach: Niewypowiadalne pożądanie a poetyka narracji*, in *Niż w labiryncie pożądania. Gender i płęć w literaturze polskiej od romantyzmu do postmodernizmu*, a cura di G. Ritz, Warszawa, Wiedza Powszechna, 2002, s. 177-178.

Rousset 1986: J. Rousset, *Le lecteur intime. De Balzac au Journal*, Paris, Librairie José Corti, 1986.

Scrivano 2014: F. Scrivano, *Diario e narrazione*, Macerata, Quodlibet, 2014.

Śmieja 2010: W. Śmieja, *Literatura, której nie ma. Szkice o polskiej literaturze homoseksualnej*, Kraków, Universitas, 2010.

Śmieja 2018: W. Śmieja, *Homoerotyzm, mimesis i „Kunst der Fuge”*. *Twórczość André Gide'a ("Korydon", "Fatszerze") w literaturze polskiego*

Dwudziestolecia międzywojennego, «Pamiętnik Literacki», 3 (CIX), 2018, s. 51-69.

Szymanowski 1989: K. Szymanowski, *Pisma literackie* in Id., *Pisma*, vol. 2, a cura di T. Chylińska, Kraków, Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1989.

Tomasik 2012: K. Tomasik, *Gejereł. Mniejszości seksualne w PRL-u*, Warszawa, Krytyka Polityczna, 2012.

Wilde 2018: O. Wilde, *De profundis*, traduzione di C. Salvago Raggi, Milano, Feltrinelli, 2018.

Woods 1998: G. Woods, *A History of Gay Literature: The Male Tradition*, New Haven, Yale University Press, 1998.

Zwolińska 2019: B. Zwolińska, *O wstydzie homoseksualisty w listach i opowiadaniach Jarosława Iwaszkiewicza*, in *(Nie)męskość w tekstach kultury XIX i XX wieku*, a cura di B. Zwolińska, K. Tomala, Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2019, s. 422-435.

Elena Rozhdestvenskaia

Russian Letters from the Front: Egodocuments and Witnesses of Time

This article studies letters written by Russians from the front in various wars of the twentieth century. The letter from the front is an intimate egodocument; it speaks about the attitude of a combatant in the context of the front and its circumstances while, at the same time, providing a reflection of the discursive regime of the era that defined and shaped the dominant modes of written communication of the author. A socially oriented narrative analysis of letters from the front allows us to outline the professional attitude to war, the evolution of military professionalism, military ethos and military discourse.

Introduction

War retains a significant place in Russian cultural memory, playing a key role in the shaping of a collective Russian identity. Why does state ideology continue to draw upon this source of symbolism, despite the fact that veterans who have memories of the Second World War are increasingly fewer in number?

Sociology offers a partial answer regarding the role war plays in Russian national culture. That answer has to do with the so-called culture of war, and with *negative identity*, that is, an identity defined in relation to an outsider or other. Thus, the famed Russian sociologist Lev Gudkov concluded that the Great Patriotic War and the Soviet Union's victory are treated as the most important and posi-

tive events in contemporary national history, which led him to theorize the idea of a 'culture of war' (Gudkov 2005: 40–41). War demarcates a semantic field within which the main ideological conflicts of contemporary Russia play out. The exploitation of this victory has led to ever-new ways of *making contemporary* the experience of war, to a search for new ways to commemorate it, and to prolong the life of this event that is still of such great significance to the Russians.

Gudkov's thesis about Russia's culture of war also applies to other military campaigns of the Soviet and post-Soviet periods: the Afghan war, the Chechen campaigns, the participation in the Syrian conflict, and so on. One of the tools used for the

creation of these discourses is soldiers' letters from the front. In a certain sense, an examination of Russian letters from the fronts of various twentieth-century wars is an attempt to find the human dimension of these events, mediated by ideology. Jochen Hellbeck formulates his own question about everyday life in the Stalin era as follows: 'What did ideology really offer a person, apart from its purely instrumental use? What parts of the ideological text did an individual master and what were the consequences of the productive interaction of the ideology and the human *I*?' (Hellbeck 2010). Hellbeck's approach focuses on the active participation of the individual in the process of mastering a pervasive ideology, on how individuals play an active role in reproducing ideology. 'Ideology forced a person to read the world through its lenses, it forced individuals to structure an understanding of themselves and thus give the meaning to the ideology itself' (Hellbeck 2010). For us, the question is: what kind of subjective work is behind the transformation of psychological experience – in our case the experience of participation in the war – into the ideological consciousness of a person of the era? Hellbeck proposes a dialogical connection

between the concepts of ideology and subjectivity, through which an active adapting individual personalizes ideological content through his subjectivity. 'Consequently', he writes, 'ideology should be viewed as an adapting force; it retains its influence to the extent that it continues to operate at the level of individuals, who ideologically apply it to themselves and to the world around them. Almost all the logic of the main revolutionary narratives of transformation (transformation of oneself and social space), collectivization (collectivization of individual producers and oneself) and purification (political cleansing and acts of personal improvement) were produced and reproduced by the Soviet citizens themselves, who tirelessly rationalized impenetrable political programs and, thus, were an ideological force, acting on a par with the leaders of the party and the state' (Hellbeck 2010). Based on this dialogic connection, between the concepts of ideology and subjectivity, Hellbeck proposes an exploratory way of finding a rationalization strategy, such as the ability of social actors to generate logical grounds for the events of that time and, we might add, to legitimize their own actions.

Thus, studies on the reconstruction of subjectivity empirically look at the narrative traces of this subjective processing of experience. Such traces are, first of all, personal documents like letters, diaries, memoirs and even informers' reports. As Evgenii Dobrenko writes, 'a subject expressing himself through writing, realizing himself in the text is already a subject not so much of political and social history, but of cultural history' (Dobrenko 2012). Therefore, the genre of the letter, in the context of its time and constraints, is a communicative universe, the voice on which can sound both muffled and rhetorical. However, as Dobrenko polemically notes, 'identity finds itself in a letter, but a letter is not a voice yet. The voice forms itself in cultural texts and is a product of personal processing of experience' (Dobrenko 2012).

This article asks whether it is possible to find, in the letters from the front, rationalizations of the subjective experience, and whether the individual voice is discernable in the collective production of news from the *theatre of military operations*. It seeks also to understand its role.

1. Letters From the Front as Egodocuments

Letters written from the front retain a significant place in war historiography: these personal documents allow to have a glimpse of what the individual and collective understanding of some of the most important historical events is. The twentieth century, with its numerous wars, has left an epistolary legacy spanning multiple generations, and tightly intertwined with the culture of letter- and memoir-writing. The resulting archival collections of wartime letters have consequently become the basis for the formation of a historiographical culture that demands academic rigour in their selection, classification, and analysis (c.f. Zlokazov 1996; Lokteva 2005; Zhuchkov, Somov 2003; Pushkarev 2000; Bulygina 2005). A letter from the front remains a striking *personal* document, with personal and familial significance; upon examination, this letter can also serve as a *socio-historical* document that reveals the writer's relationship to historical events, to their context and circumstances, and to the daily routines of war. What interpretive framework do historians use to analyze letters from the front?

The historiography of wartime letters is characterized by

attention to the presence of informational signposts in each letter. The changes in these signposts indicate the evolution of the form and the contents of the epistolary source throughout the entire war, the transformation of its structure and its semantics, language, and formulas... They presuppose paying attention to their origins, as well as the circumstances of their writing [...] the role and position of the reader, who is also the addressee of the letter (Ivanov 2009: 4).

Also significant is the background against which the letter was written, which elucidates the relation between historical facts and the events described in the letter. In this sense, the letters of midshipman Vsevolod Evgen'evich Egor'ev to his father during the Russo-Japanese War, published in a recent anthology (Ushakin et al. 2016), are particularly revealing. The intimate correspondence between two career navy officers, who are also father and son, contains mentions and detailed descriptions of military events, thus fulfilling one of the most significant functions of a historical document, i.e. to provide information. Sift-

ing through the letters for mentions of the quality of weaponry, the circumstances of battle, the roles of civilians, the motivations of the sailors, and the particularities of leisure activities, a military historian can derive a substantial interpretation of the state of the army and the society surrounding it.

At the same time, a letter from the front serves as a personal egodocument that reflects the dominant discourses of the period and shapes the dominant forms of written communication. A letter, as a mass form of communication, embodies a structure made up of a number of *necessary* and expected components. The methodology of analyzing war letters proposed by Sergei Kashtanov (Kashtanov 1988) divides this *unspoken formula* into three parts. The first, the *opening protocol*, contains the address, the name of the letter's author, the addressee, and the greeting. The main portion of the letter contains a preamble, an indication of the letter's aims and narrative, and an outline of the subject of the letter; the final part includes a conclusion, a farewell, a mention of the time and place, and a signature or seal. The presence of this structure in the personal letters of various periods and cultures highlights its universality, and a

comparative analysis of various collections and archives of epistolary writing reveals the presence (or absence) of significant differences in this structure.

The present article highlights this dual aspect of epistolary writing – the way it functions simultaneously as an egodocument and as a reflection of cultural discourse, insofar as it reveals the discursive trends of contemporary culture. Those at war *work* – that is, fight; they have everyday routines; the body experiences losses and deprivations; there is love, sex, rape; the war can advance one's career and lead to honours and glory; the war can create its own narrative, which does not always line up with propaganda and ideology. For the purposes of this article, we limit ourselves to one particular theme, which we trace through the letters collected in the aforementioned anthology – all of which have the benefit of having known attributions. This theme is the professional relationship to the war, which obviously underwent change throughout the twentieth century. How are understandings of military professionalism similar (or different) during the Second Boer War in Transvaal (1899–1902), the Russo-Japanese War (1904–1905), the First World War (1914–1918),

the Second World War (1939–1945) and the relatively recent wars in Afghanistan (1979–1989) and Chechnya (1994–1995 and 1999–2000)? Although this article cannot provide an exhaustive answer to this question, a socio-logically-inflected narrative analysis of diverse letters from Russian soldiers during the various wars of the twentieth century allows us to identify how this concept of war as work is treated in the letters.

2. The Texts under Analysis

The corpus of texts analyzed by this article is made up of letters collected by historians, anthropologists, and sociologists (including the author of this article), which represent a sample of wartime correspondence throughout the twentieth century, and have been selected from private collections, archives and museum collections, and include also letters published previously from inaccessible sources. Letters from the Russian wars in Afghanistan and Chechnya are provided by the Union of the Committees of Soldiers' *Mothers of Russia*.¹ The

---

¹ The Union of Committees of Soldiers' *Mothers of Russia* is a Russian human rights organization founded in 1998. It

corpus runs to 840 pages in total and is comprised of 123 selected letter exchanges.

3. War as Labour

In order to achieve an understanding of military professionalism from these letters, two approaches are possible. On the one hand, a letter reveals a particular period's practices and understandings of war. On the other hand, the evolution of military professionalism, the ethics of war, and the public discourses surrounding it frame our reading of these letters. Furthermore, this evolution requires a careful consideration of what changes – and what remains the same – within this existentially borderline sphere of human experience.

By the turn of the twentieth century, Russia already had an extensive military bibliography, rich of the names of Russian military strategists and army researchers, such as the professors of the Nikolaev Academy of the General Staff Nikolai Andreevich Korf, Nikolai Petrovich Mikhnevich, Nikolai Nikolaevich Golovin and others. They addressed the problems of the modernization of the army and

adaptation of military doctrines, structure and functions of the army as a social institution, its stratification structure and the influence of war and peace on public life. In their writings, they engaged with the ideas of Carl von Clausewitz, Helmuth von Moltke the Elder, Rudolf Sebald Steinmetz, Antoine Henri Jomini and others. Golovin, who wrote more than 30 monographs on the Russian army, introduces the concepts of 'moral elasticity of the troops' and 'military tension of the country', which are operationalized through a set of empirical indicators (Golovin 1938). For Golovin, the pragmatics of military affairs were accompanied by attention to the *moral factor* of war, the state of the psychology of soldiers and officers, the division of army activities in peacetime and wartime, the ideal hierarchy of highly specialized social roles in the army and its reproduction through the military education system, the degree of preparation of Russia to future wars. Concerning military professionalism and its specifics, the ideas of von Clausewitz, a military theorist, Prussian officer and military writer, whose works were reprinted in Soviet Russia of the 1930s (Clausewitz 1980) were popular in Russia. Clausewitz's idea that war has its own

---

unites over 200 committees of soldiers' mothers.

grammar suggests that military professionals can and should perfect their knowledge of this grammar *without outside influence* (Huntington 1957: 57).

The critical literature on military professionalism includes the seminal volumes *The Soldier and the State* by Samuel Huntington (Huntington 1957) and *The Professional Soldier* by Morris Janowitz (Janowitz 1960). These works, acclaimed in the West, but less known in Russia, propose an analytic framework for military professionalism. Janowitz, for example, links military professionalism above all to military *effectiveness*, which is limited by civilian control. Nonetheless, for Janowitz, the very possibility of an *apolitical soldier* is an illusion, since soldiers are active participants in maintaining national security (Janowitz 1960: 342). On the other hand, according to Huntington, military officers' expertise is based on 'the direction, operation, and control of a human organization whose primary function is the application of violence' (Huntington 1957: 10). This organizational control includes '(1) the organizing, equipping, and training of this force; (2) the planning of its activities; (3) the direction of its operation in and out of combat' (Huntington 1957: 10). Im-

portantly, Huntington emphasizes that this expertise pertains distinctly to the officer for the precise reason that it is an expertise in leadership: 'It must be remembered that the peculiar skill of the officer is the management of violence, not the act of violence itself (Huntington 1957: 11). In addition to increased effectiveness, these functions also allow for the control of citizens, since the professional soldier 'strives to distance himself from politics' (Huntington 1957: 84).

These conclusions, it must be noted, reflect a liberal perspective on military matters and a politics of limiting military power. Moreover, the impossibility of extrapolating these conclusions from their context and to apply them to the situation of Russian Empire or the Stalin era of the first half of the twentieth century evidences the profound transformation of discourses. Instead, a particularly useful framework for this article is offered by a writer, military theorist, and author, the Prussian officer von Clausewitz, whose name and authority were respected even in the Tsarist army, and whose works were recognized in the 1930s (Clausewitz 1980). Effectiveness as an indicator of military *professionalism* depends on the context (and in-

cludes an assessment of the qualities of the soldiers and commanders, the organizational structures, the armaments, technologies, teaching methodologies, the level of propaganda, and a number of other factors). Therefore, the historical dynamics of the idea of what is military professionalism changed from '*Ding an sich*' (war has its own grammar, military professionals improve their knowledge in this grammar without any influence (Clausewitz 1980: 991)) to a relative '*Ding für uns*' (military effectiveness limits civil control, as stated in the programmatic works of Huntington (Huntington 2002: 2)).² Nevertheless, the semantic shift towards military effectiveness does not obscure the essential idea of military labour as effective violence.

---

² My search of the current academic literature on military professionalism did not find meaningful discussions bringing the subject of military professionalism to the discussion. Those works that set such a goal are based on a structurally functionalist approach, *reassembling* military professionalism through a set of functions performed. An example: 'A sociological analysis of the concept of military professionalism makes it possible to identify the dialectic of the subjective and objective in the development of various aspects of the individual socialization of military specialists, to develop methods for predicting their professionally determined behavior' (Grishai 2002).

Returning to the narrativization of military work through the medium of front-line writing, it is important to note that a letter from the front contains – or conceals – an entirely different evaluation of military work, i.e. from the perspective of someone who has been sent to the front to fight. Returning to the particular context of the letters under discussion, it is necessary to note the perspective that they reveal, i.e. that of a soldier or officer who is immersed not only in the events, but also in the daily routines of the war. These letter-writers are engaged not only in informal interactions with their comrades on the front, but also in correspondence with those who are on the home front. Modern-day military sociology is oriented towards the 'little man' (Wette 1992) and his experience of the war – including his suffering – and, in the context of the Second World War, his dual role as aggressor and victim. The question traditionally asked, that is, how a soldier manages to survive a mortally dangerous situation, with its risks and uncertainties, on a daily basis (Ziemann 1997), can be answered by describing the daily details of war. Their letters focus on both work and leisure at war. And, like any work, military work has its own

ethos. The meaning of it is to motivate, justify and reward with meaning. As revealed by this collection of letters, the ethos of military work is defined by three aspects: the everyday routines of the front and its occupations, the war as a mega-event on a national and international scale, and the meaning of the idea of a *Homeland*. Thus, the tense opposition between *the Front* and the *Homeland* frames and gives meaning to military work – demanding its intensiveness and legitimizing its sacrifices.

4. Duty and Honour as an Evaluative Framework

In addition to the changing landscape of military conflicts in the twentieth century, the discourses of the wartime letter also changed, reflecting emerging and disappearing motivations and understandings of professionalism and duty. In this sense, letters regarding the voluntary participation in the Second Boer War (1899–1902), addressed to the Russian Red Cross, are particularly revealing.

19 October 1899
To the Head Administration of the Red Cross, from

surgeon Andrei Andreevich Krause

Declaration.

Having learned from the newspapers that the Red Cross intends to send a medical party to South Africa to offer medical help to the native people in their fight against England, I have the honour of inquiring whether the Society might be able to find a place for me as a doctor on this mission.

I would like to add that I speak both German and French well, and, should I be accepted as part of this mission, I am ready to sacrifice one hundred roubles towards the cause. I humbly request a reply with more details and condition.

Doctor Andrei Krause
(Ushakin et al. 2016: 34)

12 October 1899

Honoured Directorate,

I write to express my readiness to take part in giving aid to those wounded in the Anglo-Transvaal (Bo-

er) war. I have the honour of wholeheartedly asking, if possible, that you recommend me as a paramedic, medical aide, or a similar position to one of the parties being sent. I have completed an entire course of medical study but, due to unrest among the students, I am currently barred from the State exam. I can furnish evidence of having completed these courses.

Finding myself without work, I have the honour of humbly asking you to fulfil my request and give me the opportunity to apply my knowledge towards practical ends and towards helping the suffering of humanity.

I am ready to depart under whatever conditions you find acceptable.

Humbly and respectfully,
D. Avarkushevich (Ushakin et al. 2016: 34)

These letters reveal a characteristic understanding of honour as an indicator of personal ethics. The word *honour* appears intermittently in wartime letters throughout the ensuing decades, but in these later texts it no

longer refers to an individual but rather to a collective honour.

The letters under examination also stand out from the point of view of historical sociology. An (objective) verification of the facts described in the letter is less important than the feelings of the individual who writes it and processes what is happening to him in this borderline existential state.³ It is this fact that makes a letter from the front a *personal* document, and thus one that continues to interest subsequent generations. This interest remains even in those instances which are instrumental in preserving, through a personal narrative, a memory of the war for the purposes of state ideology. The frustration of defeat or the joy of victory are both emotionally loaded and, as such, lay the foundation for solidarity (by contrast, a historical representation of the facts remains intellectual/cognitive rather than *emotional*).

The aforementioned letters between midshipman Vsevolod Evgen'evich Egor'ev and his fa-

---

³ A sociologically-oriented narrative analysis obviously places an emphasis on narrative, since, as Carr points out, 'thanks to the similarity of the structure of the action produced by the individual, and the structure of the narrative, we can usually explain the action by telling the story about it' (Carr 2008: 29).

ther Evgenii Romanovich Egor'ev (Russo-Japanese War, 1904–1905) are an example of such a personal document, written as a form of intra-familial communication. Yet the reason for, and contents of, this communication between father and son, both professional military sailors, is the history they have both experienced, due to which, as they write, 'one forgets one's own personal grief'. The privacy of these communications is suggested by the mutual expressions of feelings, but their contents are an unfolding depiction of professional labour, containing meditations on misfortunes and failures, praise of military heroes, and bitter admissions of defeat. Particularly remarkable is Vsevolod's letter dated 12–15 August, through which we can witness the battle as it is occurring, described using the vocabulary of a professional soldier who participates in this battle without losing self-control and later evaluates it, making remarks on its details ('It was only afterwards, when we arrived in Vladivostok, that I was finally able to experience human emotions', he writes):

12 August 1904, cruiser
Thunderbolt

It is time, dearest father, for me to write to you in detail about all the sad, bitter events [...]. I was awakened at half past five by the signaller, who informed me that we were changing course, heading west. I climb up to the bridge, we change course. The sun rises just as we do, and we see, approaching us from a heading of north by northwest, four military vessels. Our first thought is that this is our long-awaited fleet, that *our* fleet is made up of four cruisers: *Izumo*, *Azuma*, *Tokiwa*, and *Iwate*. We didn't have to wait long: by five o'clock, they were 65 cable length away and opened fire. We immediately returned fire (having turned east). Their aim was good, and their first volley of shells nearly hit the *Russia*. I was on the rear bridge, and I admit, these first shells created a great impression. Especially the ricochets, which flew over our heads, stunningly loud and slow, like great black crows. They fly so slowly that you think it's safe to move from where you've fallen. One of the shells took out our

fourth funnel. Of course, we didn't hold back either, we hit some targets as well, we could see the explosions and fires caused by our shells. There was a great fire aboard the *Azuma*, we started cheering, but right after that we spotted a colossal fire aboard the *Riurik*. We fell silent. At 5:30, the *Riurik's* rudder was hit, it was out of action but continued to accompany us until six o'clock, when we tacked northwest [...] At six o'clock, we turned, but behind us, *Riurik* and *Thunderbolt* didn't, and soon they raised a signal: 'the wheel isn't working'. Then a second signal: 'we can't steer'. At this moment, our enemy, who had been focusing on the *Riurik*, made a mistake, veered east, focused its fire on the *Riurik*, and thus gave us an opening to escape north. Around this time three more cruisers joined it: the *Naniwa*, *Takachiho*, and *Niitaka*. They saw that the *Riurik* wasn't following us, we returned, passing between it and the enemy and taking fire meant for it, at a distance of 30 cable length.

After the fire, we returned to the *Riurik* three times and shielded it with our own vessel... (Ushakin et al. 2016: 47)

We can link the military professionalism above to military efficiency, following Huntington, von Clausewitz, and others. However, in this letter efficiency is key, since victory has not been won and military losses are great. But why does it seem like the author is a highly motivated professional military man? If we analyze the letter from the point of view of narrative, the author starts from the exposition (the route taken, the enemy is visible in the form of four ships), goes to the core of the action (the initiative of the enemy in the attack, which was followed by a retaliatory strike), then gives an introspection of his impression (a terrible impression, the perception of time slowing), a description of the effects produced by the attack (they blew up a funnel, the rudder was knocked down, but we could escape), a description of the tactical intrigue of the battle (carried away, the enemy makes mistakes, opens up a free passage for us, a zugzwang between a wrecked comrade-ship and an enemy in an effort to protect the side). If we add a subjective di-

mension to the impersonal criterion of the objective description of the effectiveness of the battle, we can see the description of the battle with different eyes: through the eyes of a military man who has exhausted his limits, having done everything he could in the circumstances. Reflective and emotionally responsive, observant and decisive, risking and eventually avoiding his sacrifice. The addressee of this letter is also a professional, military sailor, reading and analyzing the circumstances of the battle. But at the same time, the addressee is his father, who accepts his son's report on a very difficult military test. In this dual optics of kinship and professional relations, there is very little place for the external context: the antitheses *us and them*, the contrasting (yours and your enemies' strangers) names of the ships and the sea, equidistant from hostile territories.

The level of privacy within a wartime letter changes, as can be seen in Soviet times, with their own *premonitions* of war. As Sheila Fitzpatrick writes, 'war is the most likely, perhaps even the inevitable outcome, the last test of the strength of Soviet society and the devotion of its citizens. The present in these conditions was depicted only as a respite "before the beginning of

the new struggle with capitalism" [...]. The military motive was constantly exaggerated in newspapers that posted extensive reviews of the international situation, with special emphasis on the Nazi regime in Germany, the Japanese in Manchuria, the likelihood of seizing power by the fascists in France, as well as the civil war in Spain as an example of open confrontation between *democratic* and *reactionary* forces' (Fitzpatrick 2008: 18). The combination of premonitions and events of the Second World War, refracted through an ideological machine, gives rise to a completely different discursive language of front-line writing.

By shifting our scope and moving to a different regime – the Soviet era and the events of the Second World War – we can observe an entirely different set of discursive practices. Letters are written with the expectation of multiple readers, willing and unwilling. Censorship forces the authors of these letters to express themselves as part of a collective, of a body of people.

The collective mobilization of forces towards victory triumphs over the goal of informing relatives of the soldier's situation, transforming the letter into a public space – this is facilitated in large part by wartime censor-

ship (Russkii Arkhiv 1997: 85–88).

On 13 November 1941, I.V. Panfilov wrote to his wife.

Greetings, dear Murochka!

First of all, I'm eager to share good news with you. Mura, you have likely heard on the radio – and they write about it a lot in the newspapers – about the heroic deeds of soldiers and commanders, including my own. The trust placed in me – to defend our own capital – is being justified. You won't believe, Murochka, how good my commanders and soldiers are – they are true patriots, they fight like lions, and in each of their hearts there is only one desire: to keep the enemy out of our capital, to mercilessly destroy these scoundrels. Death to fascism!

Mura, today, according to an official order, hundreds of soldiers and commanders have been awarded the Order of the USSR. Two days ago, I received a third Order of the Red Banner. This is just the beginning, Mura. I believe my entire division will become

guardsmen soon – we already have three Heroes [of the Soviet Union – E.R.]. Our motto is that we all become heroes. Mura, adieu. Be sure to read the newspapers, you will see there the doings of the Bolsheviks.

Now, Mura, how are you all? How are things in Kirgizia, how are the children doing in school, how is my Makushechka? I miss you dearly, but I think that fascism will come to an end soon, and then we will again be able to work together towards the great goals of communism.

Valia is doing well. I think that even she will be awarded the Order soon. They have accepted her into the Party and are very happy with her work.

Murochka, I sent you one thousand roubles...

Dearest Mura, you are very sparing, you don't write to me at all. In all this time I have only received one letter from you. Write more often, you know how happy it makes me to receive news from home. Write.

I send my kisses to you and the children: Zhenia, Viva, Galochka and my

dear Makochka. Say hello
to all of them...

Write to this address: Act-
ing army, division head-
quarters

Kisses, yours,

I. Panfilov (Ushakin et al.
2016: 54)

In this letter to his wife, Panfilov is very keen to share his joy. And what does joy mean at the front? The heroic deeds of the fighters and commanders, to whom the combatant also belongs, which will be reported in newspapers and on the radio. Their effective military work is valued in every sense and encouraged by awards. This passage is completed by the slogan 'Death to Fascism!', which hints at the presence of censors who read it, but also potentially creates the impression that the text was made to be read aloud to relatives and friends. In the letter the pathos of military success is inferior to the private, to questions about children, the social success of relatives, and their material support. Here we learn that military work is well paid ('sent one thousand roubles'). In full accordance with the letter formula, its author finishes with enumerations of names and emotional declarations. There is an evident hierarchy in the structure of the letter: first public,

then private. However, emotional content is not restricted to the private domain; rather, both spheres are full of emotions. According to Hellbeck, the Soviet man is simultaneously and actively integrated in the different discursive registers and socialized in their dynamics.

The access of military and state authorities to this space taught the authors of these letters to use a standard language to describe the events of the war. This is particularly evident in letters from the front that deal with the death of a combatant:

14 May 1942

Letter from military com-
missar Muhamediarov K.
Shopokovii

Dear Kerimbubu!

We received your letter and the photograph of your husband that you sent us, for which we are very grateful and to which we eagerly reply.

We understand the grief and sorrow you suffer for the death of your heroically fallen husband, killed by the German barbarians. We share this grief and sorrow, having lost such a steadfast and brave hero -

a guardsman deeply devoted to the cause of the party of Lenin and to his socialist homeland, who placed the defence and happiness of its millions of inhabitants above his own life. But his death, the death of a hero – is a great deed, which will give glory and fame to his name throughout the entire Union. The names and deeds of the 28 guardsman heroes – including your husband, are known by all, from young pioneers to grey-haired elders, their names and deeds are celebrated by the people in songs, in *byliny*⁴ composed in their honour; their names will be written by the history of humanity on its golden scrolls.

The state surrounds the families of these 28 heroes with comfort, love, and warmth. The decision of the Kyrgyz SSR to preserve the memory of the Hero of the Soviet Union, the commander of the 8th Red Banner rifle division, who was awarded the Order of Lenin, the major-general Panfilov and the 28

guardsman heroes, fallen in a struggle with the German invaders on their approach to Moscow, highlights the exceptional care of the state towards the families of these 28 heroes.

We are overjoyed by the kind, energetic tone of your letter; it gives us new strength to continue fighting the German barbarians. You embody all that a Soviet woman should be. Despite your grief, you have not bowed your head, you have not let your hands fall, you look bravely forward.

Going forth, do not bow that proud head of a Soviet woman. Devote all your strength, all your energy, to strengthening the homeland, to defending your country, to defeating those responsible for all our calamities – that great enemy of humanity, German fascism. Those of us on the front, sent by you to defend the lives, freedom, and happiness of children and wives, fathers and mothers, brothers and sisters, we will take our revenge on our cowardly enemies for their evil deeds, for the blood they have

---

⁴ *Byliny* are Russian folk epic song about heroic events.

spilled, the cities, towns, and villages they have destroyed, for all the disasters they have brought us. Work in peace! We will not allow them to take one step farther! The day approaches when we will have dealt for good with Hitler's criminal gang. Our glorious Red Army and the heroic people, standing in solidarity, our Communist Party guarantee it. Together with you – who fight on a different front, that of labour – we will carry out our orders. This year, we will definitely defeat German fascism and liberate our native Soviet land from the filthy hordes of barbarian Germans.

Our greetings to all at the kolkhoz! A big, Bolshevik, warrior's *hello* for you, dear Kerimbubu!

Write to us, we will be happy to receive news from home.

A communist greeting from the battle commissar Mukhamediarov (Ushakin et al. 2016: 57–58)

This is an example of high-register Soviet writing, and is primarily informative. It is a message about the death of a

combatant, however Commissioner Mukhamediarov's letter also performs other roles. The letter has a frame – *work for victory, despite the grief of loss* – suggestively directing the reading of the letter, permeated by the mention of emotions. Multiple meanings are woven into this directing discursive influence: we (not only the writer) understand your grief and sadness; we share it, feeling the same; the death of a combatant is a feat and sacrifice for the common good; she is rewarded with the glory of the deceased and care / love (!) for those involved; responding to this love and care, you need to give all the strength and energy to work in the rear, ensuring a future victory. In this exchange, built on the effect of grief, gratitude for love, pride for involvement, the tasks of warning, consoling, motivating the remaining relatives, symbolic rewarding and appropriating the charismatic victim of a combatant are provided simultaneously.

Such a text may have been subsequently published in a newspaper, placed in a museum, and repeatedly cited, thus strengthening the cultural memory of the war.

The military labour of this period, described in such a way, brings us back to the aforemen-

tioned tension between the front and the homeland. This tension requires precision and concreteness regarding spatial relations (the distance from the borders of the homeland increases as later, advancing forward, the army liberates inch by inch the territory taken by the enemy) and the quality of the carrying out of military duty (effectively, with results, with little blood shed):

10 November 1941, Valentina Panfilova to her mother.

Greetings, dear Manutochka, Galushki, Vissa, Zhenia, and mama. Greetings to you, and to my friends on the front. Mama! I visited my father on the front lines today. He has lost weight, but is well. I was there just at the end of the battle; I spoke to him – you know that he doesn't have time to write to you.

Upon entering into the battle, the division father commands defeated three German divisions, and did not retreat a single step. The captive Germans say that father's division 'spread itself thin over a great distance, and yet we

ould not find a single vulnerable spot to attack, because they fought like lions'. Additionally, we have a new weapon unknown to the Germans – one that destroys everything, living and dead, in its path, in a surrounding area of one kilometre. There is no defence against this weapon. The captive Germans call it a machine from Hell, and do everything in their power to find it – but this search has so far proven fruitless for them. One captive officer said: 'before I die, at least show me this hellish machine that so mercilessly decimates us'. In general, things are going well on the front. The Germans fear the oncoming frost, and some of them don't even have overcoats.

Well, farewell. Don't worry about us. Read the newspapers and write to us more often. Say hello to grandmother and Iuliia Mikhailovna, and to all our friends. Our warmest kisses, Valia, Papa (Ushakin et al. 2016: 53)

Work performed well is rewarded – and the war is no exception.

The particular ideological quality of the war, which is portrayed in the cultural sphere as a fight for liberation, is reflected in the practice of issuing symbolic rewards. Pitirim Sorokin (Sorokin 2006: 290) has pointed out the social dimension of such a reward, since it contains within it the potential for a social movement that can mobilize both political elites and the masses of the people. Jünger (Jünger 2000: 3) placed the symbolism of this act within a framework of total mobilization, within which the distinctions between war and peace are singularly and heroically effaced. Not only the work of the army, but also the national defence, requires an extreme commitment from all, one of which only war heroes and the labourers of the homeland are capable.

22nd November 1942. Sergeant B. Anarbaev to the members of the Karl Marx agricultural artillery of the Bazar-Korgon region, Jalal-Abad province.

My dear compatriots!

I want to inform you of my success in fighting these evil spirits. I have already destroyed 75 German fascist soldiers and officers.

The Soviet government has greatly valued my military accomplishments. I have received the Order of the Red Star. The honour is great, but so is the responsibility. I will answer this honour and care I have received from my homeland with an even more zealous destruction of the hated enemy.

Carrying out the orders of the homeland, we tirelessly and mercilessly engage and defeat the cursed Germans. Every day, snipers, gunners, mortar gunners and soldiers remove from the field of battle and kill dozens and hundreds of Hitler's soldiers. We see this sacred, purifying work as aid that we give to the fighters in the south, who defend Stalingrad and the Caucasus. Engaging in a socialist competition, the soldiers of the Red Army and its commanders improve every day the number of their kills in destroying the Hitlerites. The snipers alone in my division have killed six hundred German soldiers and officers since the beginning of the war.

I ask you, my dear compatriots, not to fall behind

in this competition. Complete your agricultural labour as if you were on the front, fulfil your duty to the government in advance of your deadlines. Give your country and the Red Army more bread, meat, vegetables, and cotton.

Let the solidarity between the front and the homeland grow – it is the foundation of our victory over our foes. The Red Army will carry out the will of the Soviet people. The Germans will be decimated, and fascism will be destroyed forever...

Sergeant Baidiur Anarbaev, recipient of the Order

The Newspaper *Soviet Kyrgyzstan*, 22 November 1942 (Ushakin et al. 2016: 60)

In this letter, the soldier refers to his military feats as a socialist competition, which, just like the labour of peacetime, has its own accomplishments, measured in the number of enemies killed. His effectiveness is measured by this number, which is rewarded with an Order and the concomitant monetary award. This met-

aphor of military work as a socialist competition establishes a parallel between those on the front lines and those on the home front and mobilizes the civilian population towards undertakings of a comparable scale to those on the front.

Does the nature of military work change over time? A comparison of the relatively minor Soviet-Afghan war with that of the Great Patriotic War reveals, through an examination of letters from participants in the Soviet-Afghan war, that the everyday particularities of military work change minimally. It is significant, however, that these letters do not draw upon the symbolic dimension of war as an event of national scope. There is no trace of the idea of a homeland and its borders.

Excerpt from a letter by Vladimir Il'ich Korablin, 20th May 1988:

I am alive and well; we live as before. We have changed our position and come closer to the mountains. Our regiment has been joined by howitzer artillery, a tank brigade, and the installations Grad and Hurricane. They shoot at the mountains day and night, clearing a path for

us. At the foot of the mountains, there are impassable jungles. The paths through the mountains are full of traps. Our enemies, the *spirits*⁵, have 20 tank guns, so they are very dangerous. Our artillery recently destroyed one of their checkpoints in the woods. Then they got angry, and started such a shootout, causing explosions within a radius of twenty meters [...]. Several times, the *spirits* picked up our communication frequencies, and we were forced to change them.

(Nizhegorodskii arkhiv Komiteta soldatskikh materei)⁶

The letter is largely descriptive, devoid of exhortations, evocations of victory, and curses rained down upon the enemy. They describe the daily routines of military acts. The unifying framework of these events remains hidden, while the tactical

goals of defeating the provisional enemy are foregrounded.

Another example of this is offered by a letter from the First Chechen war, a letter from Andrei Vladimirovich Nikonov, dated December 25th, 1995:

So, what can I tell you about Chechnya? I don't want to frighten you, so I'll only tell you a little. Don't believe those who tell you the war in Chechnya is over. On the contrary, it is just beginning. There are calls to arms day and night. It can happen at the slightest firing of a gun, and here they shoot day and night. Recently, they wounded two of our men and killed one. This happened during the day. Four Chechen snipers climbed trees, and nobody saw them. We didn't even hear when they shot our men like dogs. We only saw them fall, bleeding. It can't be described with words – it has to be seen. Good young men die here, who are sorely missed back home. At only nineteen, they have seen death, felt fear, seen a sea of blood; at only nineteen, they have experienced everything in their life.

---

⁵ The slang word *spirits* (in Russian *du-khi*) is a derivative of *dushman*, which means *the enemy* in the Pashto language.

⁶ The letters quoted here and below are taken from the website of the Nizhnii Novgorod Regional Committee of Soldiers' Mothers.

And they will dream of what they have seen for a long time after they leave the army. Those who survive this war are strong and hardy. And God forbid that someone back home should reproach me. I will, quite literally, tear him to pieces.

(Nizhegorodskii arkhiv
Komiteta soldatskikh ma-
terei)

The experience in Chechnya reveals another important aspect of this *work* – the ability to survive. Those who survive will become stronger than those who have not experienced war. A masculine brotherhood unites those who survive, while opposing those who would dare reproach them for their participation in the war. The battlefield forges new forms of masculinity and solidarity, which form a new source of symbolism and meaning for military actions and campaigns in the second half of the twentieth century, as if avenging a fallen comrade could replace the defence of the homeland as a personal motivation.

March 1988, Salim Gatulin
to Gennadii Skvortsov.

Hello, Gena,

My letter will probably surprise you, but I felt I had to write to you, since I know that you were Valerka's closest friend. However hard it is to write these lines, the past cannot be undone, and Valerka is no longer with us. It is so absurd how he died – for nothing. And right before being sent back home, too! How it all happened [...] during the first week of our operation, we killed more than thirty spirits, but this streak of luck ran out. Il'dar Akhmedshin's group had only gone eight kilometres away from the command post when they were ambushed. Two armoured personnel carriers fired at once, three were killed immediately, and many more wounded. This was very close to the woods. Il'dar was also gravely wounded, and the command fell to Valerka. He led the men in a heated battle that lasted nearly three hours, and they were assaulted on every side. Support from the air and artillery was barely permitted, since during this time the commanders were trying to come to a

peaceful arrangement with the spirits, and from the command post we saw our APCs⁷ on fire. Then, when another regiment arrived to help, the sight that met them was horrifying. They pulled out the group, and helicopters arrived to collect the dead and wounded. A bullet had grazed Valerka's head, he wanted to stay, but the medic insisted that he be sent to the hospital. He got into the same helicopter as the dead bodies, Kost'ia was with him, as well as the translator and three other wounded soldiers. I accompanied him all the way to the helicopter, put him in there, and it took off. I turned around and headed toward the command post. Suddenly, I hear an explosion behind me. I turned around: the helicopter, having flown 500 meters or so, fell to the ground. We ran toward it. Valerka was still alive, but it was a horrifying sight. He never regained consciousness. That's how it happened – senselessly, so senselessly.

---

⁷ APC is an acronym for *Armoured Personnel Carrier*.

I'm sorry, it is difficult to write. My soul is heavy from this war, but I think that I will at least have the chance to avenge him... (Ushakin et al. 2016: 100–101)

The main difference in these letters from Afghanistan or Chechnya is the transformation of the discourse of military work, now devoid of pathos and heroism. In these letters, there are no more exaltations or exhortations to victory at any price, no patriotic slogans, no proud praise of the bravery and fortitude of *our* people on the front. This *weakening* of the machinery of propaganda in turn leads to a great variety of discourses within these letters from the front, although they nonetheless retain traces of ideology, which is expressed in the terms of *international duty* or the Christian archetype of *helping those in need*. In the twenty letters from Chechnya, examined through the lens of narratological analysis, there is a number of distinct narrative styles used to carry on communication with the combatants' relatives back home. First and foremost, these styles are defined by the lack of a *personal narration of the war itself*, which has been eliminated. The letter becomes a precious link

that connects its author to his home and his former social sphere. He does not want to, or cannot, talk about the war – likely because to do so means to externalize his own fears. Questions addressed to friends and relatives, reminiscences about events back home, fill these letters and create a bridge between the combatant's pre-war life and his potential return home, full of new life experiences.

Another distinct feature of these letters is that of describing the war as an experience of *work*. The substance of these letters is the writer's relationships with his superiors and equals, the day-to-day life on the front and its everyday routines, observations of military tasks and their difficulties. These letters are, for the most part, factual and informative. Narratives of the war appear to account for the various positions of the combatants in the hierarchy of the military, and consequently their *experience and achievements* at work. In these cases, the writer emphasizes instances of heroism and bravery displayed by individuals in battle, as a result of which they have advanced in rank or been rewarded by the state. But they also contain a more prosaic aspect that focuses on the logistics of professional promotion.

Another way in which the war might be narrated in these letters is as a *sequence of episodes of military actions and events in the daily life of the front* (facts regarding whether anyone was wounded, the killing of enemy soldiers, confirmations of the deaths of comrades, enemies, or civilians, captivity). These letters attain a certain universal quality in their narrative structure and descriptions of the sequence of events (beginning, middle, and end).

Finally, the war can serve as the *justification for a self-reflexive narrative* on military affairs, that functions as a combatant's way of understanding himself and others in war. War here functions as a valuable learning experience because it places the combatant on the line between life and death.

Conclusion

This article has examined a fairly narrow range of topics – military labour, military professionalism, the ethos of military labour – in a far from comprehensive selection of letters. To cover such a broad time period is ambitious. Significantly, the genre of military epistles itself seems to be becoming obsolete: there is practically no more mass-

practice related to the institution of military mail, although military conflicts, large and small, are ineradicable. Communication formats have changed, and the genre of letters is changing at the same time. In this sense, the potential object of study – letters from the front – is finite. It is determined by the timeframe of this particular genre and preservation, as well as the availability of the letter itself.

We have considered the letter as an egodocument and evidence of an era setting the discursive reading framework. Although we tried to limit the research focus to the topic of military labour, we should recognize the artificiality of such a selection or the impossibility of separating this topic from other discursive themes. This is primarily due to the fact that the letter has a contractual nature of *writing and receiving an answer*, that is, its intersubjective basis involves a specific addressee, a possible broad scene of legitimate readers, unofficial censors and many others. Therefore, the selection of letters on the topic of military labour, professionalism and military ethos contains dual optics: a message to a loved one with an eye on the ideological conventions of the era. In the sample considered here, the formulas of

belonging to a social class structure are found and then significantly disappear. The early twentieth century sees phrasing such as 'I have the honour to call up for the service of the theatre of war' (Ushakin et al. 2016: 34).

, in which the military ethos of the owner of honour and the concept of service are combined. The word *honour* in the subsequent historical periods is already deprived of its individual meaning, it is about the honour of groups and identification with the group.

The letter from the front as an egodocument must be seen as an ideologically stimulated practice of an active social actor, which is especially vividly illustrated by the Soviet period of the times of the Great Patriotic War. The intonations of official discourse are infused into the style of writing to relatives, but the reverse is also true: official discourse acquires vitality and incarnation through names and biographical practices. Obviously, this is how the Soviet man's sense of self arises, about which Jochen Hellbeck, Sheila Fitzpatrick, Yuri Slezkine and many others have written. As a result, this Soviet cultural practice was implemented in all its stages – the processes of writing a letter, its reading (perhaps out loud, among friends and comrades),

and possibly of being printed in a newspaper.

And yet, the description of military work in a letter from the front can be, first of all, informative, subject to scrutiny – as is the case of the letters falling into enemy hands, secondly, can be motivated according to the military ethos. The discursive polarization of the front and the homeland, united in the tense expectation of victory and return, gives meaning to military labour, requires its intensity, and legitimizes the sacrifices made.

Thus, we can conclude that in these letters dating from the latter half of the Soviet era, military work is presented overwhelmingly as service, and uses

terminology associated with service. It is something one must be prepared for, something one must carry out, something one must *attend to*. And while, due partially to censorship, letter-writers during the Second World War used these letters not only as a connection to their family and home, but also as a sort of public tribunal from which they could declaim slogans and curse the common enemy, the combatants of the Afghan and Chechen wars have left such tribunals behind. The war is laid bare by them as an experience of problem-solving and of survival.

Bibliography

Bulygina 2005: Bulygina, Tamara. 2005. 'Pis'ma s fronta kak istochnik istorii povsednevnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny', in *Stavropol'ye: voennykh let. Velikaia Otechestvennaia Voina v dokumentakh i issledovaniakh* (Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skiy gosudarstvennyi universitet), 530–540.

Carr 2008: Carr, David. 2008. 'Narrative Explanation and its Malcontents', *History and Theory*, 47(1): 19–30.

Clausewitz 1980: Clausewitz, Carl von. *Vom Kriege*, ed. Werner Hahlweg 19th Ed., Book VIII, Chap. 6 B, Berlin: Dümmlers Verlag.

Dobrenko 2012: Dobrenko, Evgenii. 2012. 'Stalinskaia kul'tura: vslushivaia's v pis'mo, chitaia golos (Obzor issledovaniia po istorii stalinizma)', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 117 <<http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/d38.html>> [accessed 20 April 2020].

Fitzpatrick 2008: Fitzpatrick, Sheila. 2008. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naiia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody. Gorod* (Moscow: ROSSPEN; Foundation of the First President of Russia B.N. El'tsin).

Golovin 1938: Golovin, Nikolai. 1938. *The Science of War. On the Sociological Study of War* (Paris: Partnership of United Publishers).

Grishai 2002: Grishai, Vladimir. 2002. *Sotsiologiia voennogo professionalizma v rossiiskoi sovremennoi armii*. PhD diss., Severo-Kavkazskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet.

Gudkov 2005: Gudkov, Lev. 2005. 'Pamiat' o voine i massovaia identichnost' rossiian' in *Pamiat' o voine 60 let spustia: Rossiia, Germaniia, Evropa*, ed. by Mikhail Gabovich (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie), 83–103.

Hellbeck 2010: Hellbeck, Jochen. 2010. 'Povsednevnaia ideologiia: zhizn' pri stalinizme', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (72). <<http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html>> [accessed 15 April 2020].

Huntington 1957: Huntington, Samuel P. 1957. *The Soldier and the State* (Cambridge: Harvard University Press).

Huntington 2002: Huntington, Samuel P. 2002. 'Ofiterskaia sluzhba kak professiia', *Otechestvennye zapiski*, 8. <http://magazines.russ.ru/oz/2002/8/2002_o8_o9.html> [accessed 14 September 2019].

Ivanov 2009: Ivanov, Anton. 2009. *Frontovye pis'ma uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny kak istoricheskii istochnik*, PhD diss., Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Ul'ianova-Lenina.

Janowitz 1964: Janowitz, Morris. 1964. *The Professional Soldier* (New York: The Free Press).

Jünger 2000: Jünger, Ernst. 2000. *Total'naia mobilizatsiia* (St Petersburg: Nauka).

Kashtanov 1988: Kashtanov, Sergei. 1988. *Russkaia diplomatika* (Moscow: Vysshiaia shkola).

Lokteva 2005: Lokteva, Natal'ia. 2005. 'O chem rasskazyvaiut pis'ma s frontov Pervoi mirovoi voiny (Po dokumentam Gosarkhiva Samarskoi oblasti)', *Ekho vekov*, 1: 31–35.

Nizhegorodskii arkhiv Komiteta soldatskikh materei: Nizhegorodskii arkhiv Komiteta soldatskikh materei, <<http://nnkomitet.ru/>> [accessed 20 April 2020].

Pushkarev 2000: Pushkarev, Lev. 2000. 'Chelovek na voine (istochniki po izucheniiu mentaliteta frontovikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny)', *Etnograficheskoe obozrenie*, 3: 109–121.

Russkii Arkhiv 1997: No author. 1997. 'Prikaz NKO SSSR № 72 "O rabote polevoi pochty" ot 18 sentiabria 1941 g.', in *Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia: Prikazy Narodnogo komissara oborony SSSR (1943–1945 gg.)*, v. 13 (2–3), (Moscow: Terra), 85–88.

Somov 2003: Somov, Vladimir. 2003. 'Pis'ma uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.', *Voprosy istorii*, 8: 131–135.

Sorokin 2006: Sorokin, Pitirim. 2006. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada. Sotsiologicheskii etiud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniia i morali* (Moscow: Astrel).

Wette 1992: Wette, Wolfram. 1992. *Der Krieg des kleinen Mannes, eine Militärgeschichte von unten* (München: Piper).

Ushakin et al. 2016: *XX vek: Pis'ma voiny*. 2016, ed. by Sergei Ushakin, Aleksei Golubev, Elena Goncharova, and Irina Rebrova (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie).

Ziemann 1997: Ziemann, Benjamin. 1997. *Front und Heimat: ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923* (Essen: Klartext-Verlag).

Zlokazov 1996: Zlokazov, Georgii. 1996. 'Soldatskie pis'ma s fronta v kahun Oktiabria', *Svobodnaia mysl'*, 10: 37–46.

Materials and Discussions

Юрий Михайлин

Предисловие к воспоминаниям Д.Г. Дмитриевой

Introduction to Dialektina Dmitrieva's unpublished memoirs, written by Iurii Mikhailin, editor of the text.

Ядвига Серафимовна Дмитриева – одно из тысяч имен Сандармоха (секретный расстрельный полигон НКВД вблизи Медвежьегорска, Карелия), найденных историком Юрием Дмитриевым и его коллегами В.В. Иофе и И.А. Флиге.

Сандармох был обнаружен экспедицией под руководством Вениамина Иофе (Санкт-Петербургский “Мемориал”) и Юрия Дмитриева (Карельский “Мемориал”) летом 1997 года, через шестьдесят лет после начала Большого террора. С тех пор это страшное место стало местом памяти – издаются книги о Сандармохе, выходят фильмы и телепередачи, ежегодно проводятся Дни памяти, чтение имен, экскурсии. Одной из важных форм поминовения стала установка мемориальных табличек, посвященных погребенным там людям. Сначала такие таблички устанавливали родственники погибших, позднее – любые люди, которые хотят увековечить память кого-то из расстрелянных.

После ареста Юрия Дмитриева в декабре 2016 года его работу продолжили люди из группы его поддержки. 30 октября 2018 года в рамках проекта *Сандармох. Возвращение имен* была установлена табличка и в память о Ядвиге Дмитриевой. Первоначальная идея заключалась в том, чтобы увековечить в числе прочих имена однофамильцев Юрия Дмитриева. Во время подготовки биографии Ядвиги Дмитриевой для чтения во время установки таблички выяснилось, что, к счастью, сохранились интересные свидетельства о ее судьбе.

История семьи Дмитриевых – очень трагическая, во многом характерная для своего времени, в некотором смысле счастливая.

Ядвига Дмитриева (Уейская, Jadwiga Ujejska) родилась 17 сентября 1894 года в местечке Койданово Минской губернии в семье поль-

ских дворян-католиков. Получила среднее гимназическое образование. Жила в Москве. Была прихожанкой одного из католических храмов. В 1920-е работала фотографом в Высшей стрелковой школе, затем была домохозяйкой. В семье было шестеро детей.

Весной 1936 года друг за другом были арестованы ее старшая дочь Леокадия (по обвинению в террористической деятельности), муж – профессор Военно-транспортной академии РККА Георгий Федорович Дмитриев (контрреволюционная деятельность и участие в контрреволюционной организации) и она сама (те же обвинения). Муж был расстрелян 4 октября 1936 года. Дочь приговорена к 8 годам ИТЛ, отправлена на Соловки, затем – на Колыму.

Ядвига Серафимовна была приговорена к 10 годам тюремного заключения. Отбывала срок на Соловках, где совершенно неожиданно встретила свою дочь. 10 октября 1937 года Ядвига Дмитриева была приговорена к высшей мере наказания, спустя неделю этапирована на станцию Медвежья Гора в числе заключенных 1-го Соловецкого этапа и расстреляна ночью 4 ноября 1937 года в урочище Сандармох (Карельская АССР).

Четверо детей были распределены по разным детским домам – чтобы они забыли друг друга и никогда не встретились. Одна дочь осталась в Москве. Однако по счастливому стечению обстоятельств и благодаря воспитанным в семье личным качествам пятерым детям во время войны удалось собраться вместе (а Леокадии – после освобождения из ссылки). На протяжении многих десятилетий они смогли сохранить память о матери, отце и семье.

Ниже мы публикуем фрагменты воспоминаний средней дочери – Диалектины Георгиевны Дмитриевой. Текст подготовлен на основе двух интервью с Диалектиной Дмитриевой, записанных сотрудниками Сахаровского центра (Москва) 5 ноября и 2 декабря 2014 года. В записи принимали участие: Инна Щекотова, Наталья Самовер, Илья Фиглин. В подготовке текста принимали участие: Татьяна Перфилова, Валерия Нечпай, Анна Щетникова, Алина Марданова, Ксения Телепова, Максим Зур, Наталья Феदिшева, Александр Богоявленский, Дарья Басаман. Фото из личного архива Диалектины Дмитриевой и музея Сахаровского центра.

Диалектина Дмитриева

Воспоминания о родителях и о семье

Меня зовут Ина. По паспорту Диалектина.

Я родилась в 1927 году, 1 февраля, в семье Георгия Федоровича Дмитриева, профессора Института красной профессуры, где он заведовал кафедрой диалектического материализма (отсюда и мое имя Диалектина). Институт готовил кадры для высших эшелонов – ЦК и везде. Туда отбирали очень способных.

Мама – Ядвига Моника Серафимовна Дмитриева, была из польской шляхты, по материнской линии из рода Уейских, католичка, домохозяйка. Ее первый муж, тоже поляк, умер. У них с мамой осталась дочь Леокадия Ванда. Папа с мамой полюбили друг друга, это была очень сильная любовь. Они поженились, и папа удочерил Леокадию.

Нас было шесть человек детей. Мы рождались очень быстро, с разницей примерно в полтора года. Нас воспитывали в дворянских традициях – язык, музыка, танцы, рисование. Рисованием руководил папа. У нас у каждого была своя папка, в которую мы складывали наши рисунки. Когда приходили гости, мы обязательно читали стихи. Постоянно были музыкальные вечера. У мамы была приятельница Анна Петровна, которая закончила консерваторию. Сестра Леокадия обладала необыкновенно красивым голосом – колоратурное сопрано. Помню, как она исполняла песню Сольвейг. Она училась в институте, и когда выходила на перемену, ее все окружали: “Не пустим на занятия, пока не споешь *Сольвейг*”. И она начинала петь. Мама была очень музыкальная, с ее стороны все в роду музыканты. У многих из нас был абсолютный слух. И наш дед, которого я не видела, тоже, говорят, был необыкновенно талантлив по всем статьям. Это передалось – мама была такая же.

Наша семья жила на Остоженке, в преподавательских домах Института красной профессуры. Туда в 1936 году и пришли арестовывать папу. На одном из съездов партии папа сказал Сталину, что он неправильно, не по ленинским нормам формирует правительство – что нужно, чтобы там были не только профессиональные революционеры, но сто рабочих и крестьян. Сталину это очень не понравилось, и он взял его на зацепку. И, по-моему, в IX томе собрания

сочинений Сталин отвечает папе (конечно, не приводя папины слова). После этого в семье все время чувствовалось напряжение. Папа чувствовал, что его арестуют. Тогда все жили в напряжении и ждали, что пройдет день или другой, и тебя тоже могут взять. Папа очень часто приходил домой угнетенный, особенно перед Новым годом в 1935 году. Тогда только разрешили елку. Еще не было никаких игрушек. Были старинные книжки, по которым мы делали эти игрушки. Я помню, как папа принес какой-то пакет – в нем были груши, яблоки и такие маленькие конфетки. Говорит: “Сделайте гирлянды”. Но он был грустный-грустный, подавленный. Мое детское сердце очень почувствовало его трагическое душевное состояние.

Как-то весной мама с папой вернулись из театра. И ночью за папой пришли. Мы, конечно, спали, нас всех подняли, и начался так называемый шмон. Я запомнила только одно: у меня на полочке стояла игрушка, у нее был фартук с кармашком. Так они пошарили в этом фартуке, где лежали мои резиночки от чулок. Еще там стоял кувшинчик, они его тоже весь вытрясли – искали преступника.

Вместе с папой арестовали и мою сестру Леокадию. Ее обвинили в том, что она должна была подорвать Мавзолей, а папу – что он создал группировку убить Сталина. Сестре было 24 года. Она училась на втором курсе геологоразведочного института. Когда следователь ее допрашивал, чтобы она призналась в чем-то, она говорила: “Я не заплатила за танцы”. Она занималась танцами, не заплатила за два месяца и думала, что за это ее арестовали. Такое наивное было у нее представление.

Мы, дети, конечно, не понимали, что такое *арестовать*. Я думала, это все равно что взяли штраф. Тогда везде были объявления: нельзя курить – штраф три рубля. Я думала, *арестовать* – это то же самое. Утром проснулись, встали – конечно, везде валяются бумажки, все перепутано. Мама, наверное, поехала куда-то. Я не помню, чтоб мама в этот момент была с нами¹.

Через пять месяцев, 3 октября, папу расстреляли в Лефортовской тюрьме.

Маму тоже арестовали – за то, что не донесла на папу. Осудили на 10 лет. Она все время там кричала: “Отдайте мне моих детей!” С

---

¹ Скорее всего, ошибка памяти: по данным “Мемориала” Ядвига Дмитриева была арестована 4 апреля, Георгий Дмитриев – 14 мая, т.е. на тот момент мама уже была месяц под арестом.

ней были такие неистовые приступы: “Отдайте мне моего Толечку”! (Маленькому Толе тогда было три с половиной года). Но самое трагическое, что маму там убедили в том, будто папа – действительно преступник. Она умерла с этим. Это было отражено в ее письмах с Соловков, которые, к нашему сожалению, были выброшены женой моего брата. Этот момент был для нас просто страшный.

Мы остались так: четырнадцатилетняя Эня (Энергия) – она по возрасту не годилась ни в детский дом, ни в тюрьму, но по Лубянкам ее таскали; одиннадцатилетняя Мира (Владимира), девятилетняя я, семилетний Альдик (Руальд), и последний Толечка – три с половиной года, самый младший.

Вскоре к нам из Ленинграда приехала бабушка, папина мама. Папа был ее единственный сын, которого она безумно любила. Бабушка все время плакала и скоро ослепла – от слез, от всего. Ей было 72 года.

Нас оставили жить в той же квартире. У нас было четыре комнаты: папин кабинет, детская, мамина спальня и еще одна комнатка метров восемь, где жила няня. Потом (правда, не сразу) нам оставили только одну мамину спальню, а остальные комнаты забрали под детский сад, потому что у нас за стеной был детский сад Института красной профессуры.

Так мы прожили приблизительно полтора года. Мы, конечно, очень бедствовали. Мы полужили. Эня прибавила себе год, подделала что-то такое, и ее устроили на работу, по-моему, куда-то в парк Горького. Мы продавали папину библиотеку (шикарная была библиотека!), продали пианино.

Еще нас обворовывали. Приходили аферисты – мы же ничего не понимали. Воровала даже соседка со двора, которая дружила с моей сестрой. Забрала последние деньги. Трудно вспоминать это. Сейчас говорю, и внутри все трясется. Мы голодали. Есть хотели просто все время. Я помню, как мы нашли во дворе какой-то кусок сала, и бабушка на этом сале пожарила нам картошку. Эти моменты остались в моей памяти. Еще ели то, что бабушка приносила из студенческой столовой Института красной профессуры.

Мы основательно пооборвались. У меня оторвалась подошва от обуви, я ее привязывала веревками и так ходила в школу.

В один прекрасный день мы узнали, что скоро нас заберут в детский дом. А у нас внизу, в подвале жила тетя Матреша, очень бедная семья. И мы все четверо побежали к ней, говорим: “Теть Мат-

реш, спрячь нас”. У них был такой большой стол, она нам бросила какую-то овечью шкуру, мы туда забрались, как щенята, под этот стол. Но нас оттуда вытащили. Помню, что в этом участвовала даже Энина приятельница, потому что от нее этого требовали. Нас посадили в черную машину и повезли в Даниловский приемник, в Даниловскую детскую тюрьму.

Бабушка тоже поехала с нами. Была с нами, когда у нас брали отпечатки пальцев, писали фамилию, фотографировали в фас и в профиль – как преступников. Потом я попала в какую-то спальню, где все было абсолютно белым, и я впервые в жизни ощутила боль в сердце, совершенно мне непонятную. Наверное, подсознательно, подкорково было ощущение, что это большая беда.

Больше мы с бабушкой никогда не встретились. Сестра Эня осталась одна и отвезла бабушку в город Рогачев, в дом престарелых. Когда она ее там оставила, она шла лесом обратно и рыдала на весь лес. Просто даже криком. Там бабушка и умерла. Где ее могила – мы ничего не знаем. Канула.

В Даниловском приемнике нас периодически выводили гулять. Там был дядя Гриша, который выводил беспризорников, от которых нас отделял маленький заборчик, и они все время нас дразнили: “Троцкисты! Троцкисты!” А мы не знали, кто такие троцкисты. Помню, что выходил гулять Юра Тухачевский – племянник Тухачевского. Мы с сестрой Мирой тоже там гуляли.

Эне не давали нас навещать. Конечно, сбежать мы оттуда не могли, потому что все было забаррикадировано – детская тюрьма, иначе не назовешь.

А потом нас всех повезли на вокзал. На вокзале все стояли группками: малыши и там младший брат Толечка, потом наша группа, потом где-то там группа Миры и группа Альдика – я их уже даже и не видела. Помню, что Толечка сказал: “Мама уехала к Анне Петровне”. Это ее приятельница, пианистка. Когда у нас были музыкальные вечера, она играла все время. “...А папа пошел читать лекции”. Стоит такой маленький, ничего не понимает, рассказывает, что думает.

Нас распределили по разным детским домам. Когда сестра спросила, почему по разным, ей ответили: “Чтобы вы знать не знали друг друга”. Меня сначала привезли в Городец, где мне хотели поменять даже имя и возраст. Нас поместили в бывшем монашеском помещении на территории большого, очень богатого кладбища, где были захоронены балахнинские купцы. А с другой стороны

кладбища были малолетние преступники, колония. Нас разделяла только вот эта территория кладбища.

Я пробыла там год. Потом вдруг стала происходить удивительная вещь: за мной пришли и увезли меня в Муром к сестре Владимире, а маленького Толечку перевезли из Лукьяновска в Семенов и соединили с Альдиком. И мы таким образом соединились. Кто-то нас объединял. Кто-то сделал доброе дело, и мы до сих пор не знаем, кто это. Кто-то это делал очень тайно, очень тихо, но нас все-таки соединили.

Детский дом в Муроме показался мне гораздо крупнее, там было 170 детей. Человек семь – дети репрессированных. Когда началась война, появилось небольшое количество детей фронтовиков. Но в основном было очень много беспризорников. Однажды к нам привели малолетнюю проститутку. Мы все прибежали смотреть, что это такое за чудо, а она стояла и рассказывала какие-то гадости. Я была потрясена. Там шла бесконечная война между девочками и мальчиками. Они нас называли только *девки*, а мы их – *парни*. Они нас избивали. Там была шайка школьников второго класса и шайка немножко постарше. И был такой Ванька Рогожин, который был *царь*, и у него шпаны 36 человек. А у девочек была *царица* Лариса Усачева.

Многие сбегали из детского дома. Одна девочка, очень талантливая, ее звали Даша, здорово рисовала, сделала вывеску детского дома, причем совершенно как у зрелого художника. Она подписывалась под своими рисунками: “Толстикова Даша Дора, Т.Д.Д.”. Она покончила с собой – бросилась под поезд.

Я в детском доме тоже занималась – оформляла весь детский дом. Выпускала постоянные газеты, была главным редактором. Очень много работала. В военное время рисовала каких-то фашистов, рисунки брали на выставку. Вела изо- и хореографический кружок. Из детского дома сбежали многие воспитатели, потому что не было хлеба, мы недоедали. Второй класс, например, совершенно оголился – некому было вести, и меня поставили туда воспитателем. Я училась в 9 классе. Мне было 15-16 лет.

Бабушка присылала нам из Рогачева письма. Пара писем было нормальных, а потом она уже была в таком состоянии, что меня и сестру называла Манечка и Анечка. Так звали ее детей, которые умерли еще до ареста отца. Потом эти письма куда-то исчезли.

С братьями у нас не было никакой связи. Я переписывалась с сестрой Эней, которая осталась в Москве. Эня могла переписываться

со всеми. Она даже как-то приехала к нам со своим мужем, навестила. Мы были просто потрясены. Она показалась нам какой-то необыкновенной красавицей. Я помню, что сестра пошла в магазин и купила нам какие-то необыкновенные конфеты – шоколад, наполненный орехами. Я не могла это есть, положила под подушку, берегла как какую-то необыкновенную ценность. И она нас накормила в городской столовой. Потом мы побежали в сады, нарвали им в дорогу яблок. Через некоторое время Эня забрала к себе Владимиру (она прожила в детском доме три года). А меня хотела взять двоюродная сестра, но ей запретили.

Потом я получила письмо от Леокадии. Помню, я написала в ответ: “Ледя! Возьми меня к себе в тюрьму”. А она в тюрьме рыдала над этими моими просьбами: куда, как она меня может к себе взять?

Я прожила в детском доме шесть лет, до 1943-го года. Может быть, я бы там и дальше жила, закончила бы там десятилетку, но я удрала. Был какой-то фестиваль, конкурс, и Иосиф Ильич Слуцкер, известный балетмейстер, пригласил меня в профессиональный военный ансамбль, чтобы во время войны давать концерты по госпиталям, поскольку я хорошо умела петь и танцевать. Я подошла к воспитателям и сказала, что я включена в программу, и если я не поеду, то будет разрушение. Меня не пустили. Но мы вместе с Ирой Чередниченко собрались и удрали. Я сказала: “Искусство требует жертв”. У меня вообще был такой характер, я огрызалась, когда меня лишали чего-то.

Мы два месяца прогастролировали с ансамблем. Актеры относились к нам хорошо, бережливо. Вернулась, тут мне и предложили выкатиться из детского дома, что я с удовольствием и сделала. Говорю: “Давайте мне, пожалуйста, выпускные 50 рублей, которые мне полагаются, смену белья, платье, и все – я поеду домой”.

Я не знала, примут ли меня дома. Ведь сестру взяли, а меня нет – значит, я никому не нужна. Было такое подспудное, подкорковое ощущение, что я никому не нужна. И это до сих пор гвоздем сидит во мне – не как обида, а просто понимание, что человек рождается один и умирает, в общем-то, один.

Короче говоря, я стала добираться до Петушков. В поношенном пальто и в босоножках, а был декабрь-месяц! Мне 16 лет, у меня уже был паспорт – муромский, и я не имела права жить в Москве. По дороге ко мне примкнула еще какая-то девочка, у которой тоже был не московский паспорт. Нас ссадили с поезда, и повели к директору вокзала. Он, конечно, запретил нам дальше свой путь. Я

так рыдала! Я ему говорю, что через год, через два все равно буду в Москве, это моя родина. Он, по-видимому, был человек с сердцем, потому что просто нас отпустил. Мы сидим, плачем. А в это время едет состав с солдатами, и вдруг ребята говорят: “Девочки, что вы там плачете? Садитесь, мы вас довезем до Москвы”.

Когда я приехала в Москву, было уже темно. А сестра ничего не знала. Дошла я до квартиры, стучусь, думаю: “Если меня сейчас не примут, пойду в ФЗО²”. Соседка кричит: “Мира! Сестра твоя приехала!” У нас тембр голоса был очень похож. Захожу. Внутри темнота – все занавешено, потому что ждали бомбежек, это 43-й год. Сестра радуется, говорит: “А Эни нет”. (Эня в это время поехала стирать белье у своего мужа). И вдруг из темного угла на меня набрасывается какая-то маленькая обезьянка! А это Альдюха – худенький-худенький, совершенно истощенный брат. В 14 лет он был такой маленький, потому что в Семенове перенес туберкулез открытой формы. Целует меня!

Оказалось, он пришел переночевать к сестре. Как он туда попал? Был конкурс на лучший рисунок по Советскому Союзу. Он написал композицию *Красные коники* и попал в число первых. Его сразу же приняли в школу высокоодаренных детей, которую возглавлял Иогансон. И так он из Семенова оказался в Москве. Альдик там жил в интернате, потом закончил экстерном десятилетку и попал в Суриковский институт на живописное отделение. Он был очень талантлив. Очень хорошо рисовал. У нас в семье абсолютно все рисуют: дед рисовал, отец рисовал, и наши потомки все способные очень.

Сестра приехала домой: пожалуйста, сюрприз – там еще я. Шестнадцатилетняя девчонка без прописки. Боялись доносов соседей, и я пряталась в двустворчатый шкаф, который стоял углом, и за углом было всякое барахло, железная печка. Я пряталась туда, и все время боялась, что печка загремит, когда придет милиция.

А где был младший Толечка, мы не знали – он исчез, куда-то пропал. Они с Альдиком жили в детском доме в Семенове, когда Альдик попал в школу высокоодаренных детей, Толя остался там один. И он сбежал, беспризорничал, даже попал в какую-то шайку, но, в силу своих нравственных качеств, не мог воровать, и его все эти мелкие жулики прозвали *аристократом*. Его только держали на

---

² Школа фабрично-заводского обучения – низший тип профессионально-технической школы в СССР.

шухере. Они ездили по вагонам везде. Господи, несчастный. Так мне его жалко.

И вдруг в один прекрасный день... Помню, я варила какое-то зерно. Оно не жевалось, было как резина. Мы предварительно выбрали оттуда червей. Ну, вот такое было. Вдруг к нам стучит какой-то мальчишка и говорит: "Там внизу ваш брат". Мы все рванулись, побежали туда, а он от нас как деранул! Одичал. Потом все-таки пришел к нам, и сестра стала заботиться о том, чтобы его устроить. Она его устроила в школу альфрейных работ. Ему тогда было 12 лет. А он – самый настоящий художник, по своему складу, по всему. Удивительный дар. Он был очень талантлив, причем просто поразительно, мог все. Но от него ничего не осталось, кроме автопортрета, который хранился у Эни. Великолепно написано. Он писал из окна Богоявленский собор, пейзажи, и потом выбрасывал свои рисунки. У него был талант во всех направлениях, вплоть до того, что он мог себе шить, делать модели. У нас у всех это было. Это не хвастовство, это действительно так было – одаренные родители передали свои таланты. Не всегда ведь это бывает.

Мы с сестрой жили вдвоем в комнате 24 квадратных метра. Я училась, меня приняли сразу на второй курс архитектурно-строительного техникума. Голодали, стипендия-то была маленькая. Эня нас все время подкармливала, хотя ей самой трудно жилось. Руальд жил в интернате и приходил к нам. Потом Толечка каким-то образом прописался у тетки Мани, маминой сестры. Но не жил там, а мотался по общежитиям и все такое прочее. Тетка вообще-то была суровая и никого не принимала, не щадила.

Так во время войны мы объединились – Эня, Владимира, я, Руальд и Толя.

А Ледя все еще была на Колыме. После восьми лет заключения – Суздальская тюрьма, потом Соловки, потом Якутия – она должна была десять лет жить на поселении в поселке Усть-Омчуг под Магаданом, не имела права никуда ехать. И там она встретила отсуживающего свой срок Эрнста Вайсенберга. Его родителей сожгли в Германии, и он был приговорен там к смертной казни. Ему устроили побег. А здесь он был заведующим стоматологической клиникой, его посадили и написали ему ПШ – подозрение в шпионаже. Сестра попала к нему на лечение с цингой. Он влюбился в нее, и потом там родился мой племянник. Потом настало время и дали указ, чтобы распустить всех заключенных. Сестра Леокадия с 39-м

паспортом³ приехала к нам. Ледя боялась даже перейти улицу, она говорила: “Дай мне свой профсоюзный билет”. У нее была близорукость, она говорила: “Вдруг я не там выйду, пойду через дорогу, и меня арестуют”.

Мы очень долго не знали, что и отец, и мама расстреляны. Я все время мечтала, что если бы моя мамочка ко мне вернулась, я бы мыла каждый кусочек ее тела, ухаживала бы за ней. У меня было такое чувство, оно меня преследовало все время – чтобы мама вернулась. А потом нам врали, что мама умерла от диабета, папа – от чего-то еще. Все время врали. Только в 1997 году мы узнали, что мама была расстреляна в Карелии, в Сандармохе в 1937 году.

Когда Леокадия сидела на Соловках, она случайно повстречалась там с мамой. Они встретились на прогулке и попросили разрешения вместе ходить в уборную и в баню. Когда маму вывозили на расстрел, она проходила мимо камеры, где сидела сестра. И мама покашляла – дала ей знак, что все. Простилась с ней.

Диалектина Дмитриева. Фото из личного архива Диалектины.

---

³ Отметка в паспорте о запрете проживания в 39 городах СССР.

Ядвига Серафимовна Дмитриева. Фото из личного архива.

Георгий Федорович Дмитриев Фото из личного архива.

Ядвига Серафимовна Дмитриева. Фото из следственного дела.

Георгий Федорович Дмитриев. Фото из следственного дела.

Георгий Федорович Дмитриев. Фото из следственного дела.

Dmitri Shalin

Biocritical Reflections on the *Encyclopedia of Youth*

Dmitri Shalin's methodological reflections on Mikhail Epshtein's and Sergei Iur'enen *Encyclopedia of Youth* against the backdrop of biocritical hermeneutics.

For about a week now I have been reading the *Encyclopedia of Youth* [Entsiklopediia iunosti, 2017]. I skimmed through the text first, made my way to the afterword, then cycled back to the beginning and read the text closely, twice. What follows is a medley of notes and reflections occasioned by the dual autobiography (Abio) that Mikhail Epshtein and Sergei Iur'enen teamed up to write. My discussion focuses primarily on the original sources deployed in the *Encyclopedia* – diaries, journals, correspondence – and briefly touches on the issue of retrospective interpretations. Space constraints also limit my recourse to personal reminiscences contained in the original communication from which these notes are abridged.

In my reflections, I rely on the framework of biocritical hermeneutics, an emerging research perspective on auto/biographical writing (Shalin 2007, 2008, 2010, 2011, 2012, 2014, 2016, 2017, 2019, 2020). To maximize the validity of autobiographical framing, biocritical hermeneutics interrogates disparate sources and triangulates alternative accounts of controversial events. Biocritique deploys *reverse editing* to test the certified accounts, starting with the authorized version of described events and avowed identities, gathers bits and pieces left out of the official presentation, and reconstructs alternative enforcements which augment and challenge the over-determined self-framings (see Appendix for a summary).

* * *

I have learned a lot about the authors from the dual *Abio*, the battles they waged with the world and themselves. Ample visual materials and diary entries reproduced in the book offer a multi-stranded view of two intersecting lives unfolding at a key juncture in Russia's history. Acute and unsparing, this self-analysis speaks volumes about soviet society, and the human predicament in general. *The Encyclopedia of Youth* is a study in complementary self-memorialization styles, and as such, it is especially appealing to students of autobiographical discourse like myself.

Both authors started their diaries at about the same age, on the verge of 12th birthday (Epshtein and Iur'enen 2017: 132-3). A diary is an instrument of self-mastering, or as Foucault would say, 'taking care of self' (Foucault 1988). The agenda is self-improvement, weeding out the inferior strands of selfhood: '[Р]ешил как следует за себя взяться. Писал обязательства и расписки самому себе' (Epshtein and Iur'enen 2017: 337). 'Недоволен собой. Нарушил свои нормы общения. Много и дружески выболтал Эпштейну, врал и хвастал. О женщинах не вспоминать и не говорить. О работах тоже' (Epshtein and Iur'enen 2017: 141). Routine entries offer a window on how the self emerges as an object in experience and an agent in material world. Ambitions driving the self-writing are evident from the start. Here is an entry from Epshtein's journal dated January 10, 1962:

Я слышал по радио, что многие великие люди вели дневники. Я тоже решил вести дневник — может, буду великим человеком. А если нет, что ж, все равно пригодится, как дневник Анны Франк. А может быть, я напишу, когда стану взрослым, книгу по этому дневнику. А если не то и не другое, все равно интересно потом будет читать (Epshtein and Iur'enen 2017: 131).

A narrative element is strong in early entries filled with particulars and short on generalization. Situations are soaked with raw emotions, but the collision resolves itself quickly without yielding an insight into oneself or the world. Here is Epshtein's recording the calamities that befell him on January 13, 1962:

Урок уже кончился. В коридоре был один наш класс. Ко мне стали приставать Репин, Адлер и мелкая сошка — Коршунов,

Дубцов и др. Купцов — редкий наглец. Хотя он и не приста-ет, но я его ненавижу больше всех, и он меня, наверно, тоже. Как бы я хотел избить его, это проклятое, желтое, вытянутое, как огурец, лицо! ...Стал драться с Адлером, но разошлись. Дома было все обыкновенно. Я мылся в тазу (Epshtein and Iur'enen 2017: 132).

Sergei's earliest entries included in *Abio* go back to 1964. Narration predominates here, the language evincing early signs of writerly sensibilities. May 30, 1964:

Папа постучал в кабину шофера. Автобус остановился, и мы сошли, и пропустили его, прошел он мимо нас, пахнул теплым и бензиновым. Сразу стало тихо, светило солнце, освещало лес, шоссе и дорогу в лесу, по которой мы пошли, дорога между молодыми двадцатилетними соснами, дорога, которая вывела нас на огромную солнечную поляну, и мы пошли по мягкой дороге во ржи, мимо картофеля, к сараю, мимо пере-кладины с сеном и картофельного погреба к домику с голу-быми наличниками, а во дворе уже собаки зашлись от лая, открываем щеколду, скрипят ворота, собаки молчат, и мы, узванные собаками, входим, и старик идет через двор (Epshtein and Iur'enen 2017: 237).

As time passes, the diary entries change their character, with judgment, generalization, and self-analysis taking more space and urgency. The need to take hold of one's agency weighs heavily on the shoulders of this 16-year-old diarist:

Когда ты уже прожил немного и твоя речь засорена, и уже она не твоя, ты стал, как другие. Если бы мне кучу новых слов, новых, как деревья после дождя! Микромир. Когда смотришь в траву; и так только один раз. Не повторяется та-кое. Муравей поволок травинку. Как бревно на 1-м Коммуни-стическом субботнике. Интересно, у муравьев какое классовое сознание... (Epshtein and Iur'enen 2017: 297).

The disgust with oneself intensifies, as self-reflection becomes more sophisticated and writing shows the familiarity with literary prototypes:

Состояние раздражения. Бросил книгу на пол, испугался, когда упала. Где-то внутри любовался и наслаждался бешенством. Однако — задело. Невозможно жить с близкими вследствие их пристрастности. Слишком долго я обманывался, считал, что любовь к иным людям равнозначна всепрощению, подчиненности или опеке. Все тебе судьи, но ты — один в мире, и никто не может приблизиться к тебе, ибо природа такова, что чем больше сближаем — тем сильнее чувство отталкивания. Да и кому, честно говоря, важен ты, твое я? Лишь бы жилось хорошо твоему телу, лишь бы тело было обеспечено и имело специальность. Какого же смысла слушаться? Если это послушание — подавление телом 'Я', глубочайшего и сокровеннейшего! Надо самому, исключая любые советы опытных, то есть подавленных жизнью, отвершихся, отвергая их, надо начать идти только своей тропой, сколько б ни отличалась она от навязанного и принятого. Только своей тропой идти (Epshtein and Iur'enen 2017: 297-8).

Mikhail Epshtein's penchant for philosophical reflection and self-generalization surfaces early on. At 14, Epshtein already started his metaphysical diary: 'Из дневника. 16.12.1964. "В конце ноября написал несколько философских этюдов или заметок, не знаю, как это называется"' (Epshtein and Iur'enen 2017: 342). Gradually, philosophical disquisitions and generalizing self-assessments claim more space pushing out the narrative element:

Я чувствую в себе страшную энергию, которая ни в чем не может найти выхода. То, что я делаю, меня по большому счету не устраивает, но делать лучше я не могу. Больше всего на свете я хочу любить и быть любимым, и меня угнетает невозможность такой большой любви, когда можно было бы без остатка раствориться друг в друге, жить друг другом. Это какая-то болезнь духа, проистекающая от недостатка любви и любимости. Для меня телесная близость сама по себе не обязательна, это несовершенное выражение страшной духовной жажды. Если было бы можно, я отбросил бы все свои руки и ноги и остался с одной душой, чтобы отдаться любви без препятствий, без разделений, без знаков собственности и принадлежности. Но куда мне деть свои руки и ноги, как

обойтись без них, ведь без них мое существо не цело, и я не могу полностью отдать себя (Epshtein and Iur'enen 2017: 225).

Retrospective assessments are even less steeped in daily minutia. A reference to a specific event in Epshtein's memorialization quickly yields to the flight of essayistic imagination. A story about a violent outburst against the mice swirling under one's feet occasions a disquisition about the restlessness of youth: 'И дело, конечно, не только в мышах — это были годы каких-то надрывных, компенсаторных попыток стать *сверхчеловеком*, от чего страдал я сам, как от спертости, духоты, замкнутости своего я. Когда я читаю экзальтации Ницше: "почему я так умен", "почему я так силен" и т. д., — то порой узнаю это опь-Я-нение задержанной *яности*, перехлестнувшей и за 30, и за 40 лет и в конце концов сломавшей его рассудок' (Epshtein and Iur'enen 2017: 485). The snippets of younger selves gleaned from the vantage point of the present yield critical reappraisals of one's maturing agency – verbal, social, sexual:

В юности я казался себе ужасно косноязычным и, перечитывая свои дневники до 19—20 лет, вижу, что так оно и было. Слова давались мне с трудом, я долго думал над каждым, и они не складывались в ясный жест или картину, а торчали в разные стороны, тупенькие, короткие, вялые. Я ходил по листу бумаги на ватных ногах, покачиваясь, с дрожью в коленках от сверхнапряжения каждого шага. С годами поступь твердеет, слова начинают выговариваться сами собой, очерчивая пластически внятный жест мысли. Очень трудно давалась мне эта наука: снять перегородку между мыслями и словами, писать так, чтобы это само собой, легко и вприпрыжку сбегало с пера (Epshtein and Iur'enen 2017: 302-3).

Sergei's diary reflections and post factum assessments are full of generalizations about himself and asides about the state of the word, yet they retain a strong narrative form missing in his co-author. Certain entries are painterly in character, sort of *проба пера* [first attempt at writing], befitting a budding fiction writer: 'Минск. Впервые в жизни приснилась атомная война. 22 марта 1968... Я глянул в верхнюю часть окна и испугался: рядом с одиноко стоящим огнем, слишком ярким для звезды, двигался медленно еще один, он двигался около первого так медлительно, что я подумал равнодушно: вот летит ракета на

нас; потом... понял, что это огонь на движущейся стреле подъемного крана...' (Epshtein and Iur'enen 2017: 54). Some sketches include dialogues, waiting to be absorbed into a novel or short story:

1968, 8 марта. Станция Малая Вишера. 10-й час уже, как я сел на поезд в Москве. Я пишу за столиком в вагоне 3-го класса. С другой стороны, положив голову на руки и навалившись на стол, тонко храпит молодой мужик. За окном вьется снежок. Черные палки деревьев, черные вышки, черные пути. За косяк линией серого снега бурые частые кусты, дома двухэтажные нижней половиной просвечивают через кусты, верхней — поднимаются над ними рядами окон, белыми скатами крыш, трубами. Вблизи от окна у вагона снег сухой, шершавый, местами в провалах следов. В соседнем отсеке собираются пить принесенное вино — поезд стоит долго, и они успели сбегать в вокзальный ресторан. — Пятерки как не было, — говорит голос молодого парня.

— Пятерки как не было, — говорит голос молодого парня.

...

— Я тебе говорю: допей, — и слышно: тот допивает.

Жующие звуки. Поезд трогается.

— Следующее Чудово будет. Чудово, — кричит, проходя, проводница (Epshtein and Iur'enen 2017: 366-7).

* * *

Political awareness comes to the fore early in the protagonists' self-seeking exercises. Epshtein is painfully aware of his Jewish roots which make him stand out in a society with the illustrious anti-Semitic past. 'Быть евреем было постыдно — как быть червем' (Epshtein and Iur'enen 2017: 145). The struggle to define oneself in the face of oppressive realities is emotionally riveting:

2.6.67. "Вчера вечером говорил с мамой о гражданственности. Она взволновалась: "Ты сумасшедший, ты не знаешь жизни, никому нельзя об этом говорить. Нельзя идти против большинства, тебя предадут, арестуют, посадят, ты погубишь себя и родителей, сломаешь себе всю жизнь. Одумайся, тебе всего 17, ты вырастешь и поймешь, что это бредни юности". Я же знаю только одно: жить нужно так, как сам считаешь нуж-

ным, а не как большинство; жить для высоких целей, для правды и добра, для людей, всем своим существом воздействовать на бытие, не уходить от него в семью или науку, не бояться повернуть против течения — пусть хоть сильный всплеск будет!” (Epshtein and Iur’enen 2017: 11-2).

14 января 1968. Сегодня узнал о деле Гинзбурга. Я не волен совладать с тем чувством, которое вызвал процесс и приговор (7 лет). Гнусно, грязно, постыдно. Совестно. Как современно звучит Толстой: ‘Не могу молчать!’ И мне хочется бежать к людям, где понимают, где возникает единство чувства и сострадания, к людям, которые не молчат (Epshtein and Iur’enen 2017: 113).

This struggle is familiar to all of us who lived through the 1960s in the Soviet Union. The choice for the nonconformists was between joining the dissident movement, opting for internal or external emigration, and seeking solace in professional competence. For Mikhail and Sergei, the solution, before emigration emerged as a viable option, was consummate professionalism, to which the authors committed as a middle ground between fighting the regime and sinking into depression: ‘Но возник и третий путь, между идеалами и цинизмом: путь самоцельной, самодостаточной, профессионально-качественной, морально-ответственной работы в своей области знания и мастерства’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 308). ‘Спасение от абсурда жизни — в литературе, в работе, в писательстве масштабном, с расчетом на долговременность книги’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 19).

One senses an element of self-justification here, with the authors outlining their generational choice:

Так было у шестидесятников: целина, великие стройки Сибири, очищение партии, Ленин опять молодой, революция продолжается, через двадцать лет новое поколение советских людей будет жить при коммунизме... Мы, конца 1940-х — начала 1950-х гг. рождения, были, вероятно, первым поколением, которое совсем не очаровалось коммунизмом — и по той же самой причине не разочаровалось в нем, не пошло в диссиденты: послесолженицынское и послеевтушенковское

поколение (хотя мой политикоз в 1966—1967 гг. еще был остаточным симптомом той генерации, но август 1968 г. разделался со всеми иллюзиями) (Epshtein and Iur'enen 2017: 307-8).

A rationalization might be at work here, a desire to explain to oneself and the world why the authors opted for a stoic forbearance and professional excellence rather than for active resistance. Epshtein senses the problematic nature of a compromise he settled for, as we can see in this entry:

18.7.1973. Случайно встретился в трамвае с тетей Людой. Ей за 50, искусствовед, друг старых друзей нашей семьи. Мучительный разговор. Выяснилось, что я, в 23 года пишущий статьи по литературоведению для советских (а каких еще?) журналов, не располагаю ее к уважению. Поскольку своим поведением оправдываю существующий строй... Овладение профессией, вне отношения к режиму, дает человеческую и историческую свободу и меру вещей. Примиритель Пушкин больше борца Рылеева... Все равно стыдно. Не могу себя простить, что случайно ли, в шутку ли обмолвился про 'волю народа', которая якобы свершилась в России в XX в. Но что же делать: возвращаться к моему диссидентству, когда мне стукнуло 16 лет? Или все же работать? Обидно, что почти чужой человек несколькими искренними фразами доводит меня до таких сомнений в себе. (Epshtein and Iur'enen 2017: 129)

This is a moving testimony about the struggle the authors waged to salvage their dignity while fending off the repressive regime. Historians of soviet autobiographical discourse will be grappling with these fine-grain observations in years to come.

* * *

The book annotation informs the reader that the *Encyclopedia of Youth* covers 'the seven-year period, from 1967 to 1974'. This time frame is baffling, for the autobiographical sources cited in the text go back to the early 1960s, and references to the events unfolding beyond the designated cut-off point sprinkle the exposition. Part of the problem is the retrospective nature of the overall design, which allows the authors to

insert their mature selves into the discussion and mention earlier and later developments. Such strategy raises questions for which the book doesn't always have answers.

The *Encyclopedia* contains a section titled *Departure* where the authors gloss Sergei's train ride from Moscow that took him out of the country and into the self-imposed exile. This momentous occasion, which happened on November 8, 1977, brings up the topic of emigration – the watershed event in the authors' lives. Emigration comes up repeatedly in the dual autobiography, notably in Sergei's diaries and reminiscences (Mikhail generally avoids the subject). Here is the conversation Sergei Iur'enen had in the summer of 1972 with his future wife who had broached the couple's relocation to Paris:

— Да хоть завтра.

— Нет, я серьезно?

Она нарисовала мне картину полного отчаяния. Окраина, бидонвиль, и я, еще один выброшенный на свалку истории русский писатель, сижу под горячим солнцем чужбины на пороге своего дома из картона и шифера с канистрой дешевого красного вина...

— Французского?

— Другого там нет. Но из пластмассы пьют только клошары.

— Что ж, буду пить и я.

— Ты уверен, что готов к такому? А к тому, что тебя там будет некому читать?

Заранее и беспощадно моя будущая жена отнимала у меня все возможные иллюзии, после чего предрекла, впервые тогда выступив в роли Кассандры:

— Жизнь твоя будет там трагичной.

— Жизнь вообще трагична, говорит ваш Унамуну.

— То есть ты бы со мной уехал?

Прямо над нами загрохотал поезд — как раз мы проходили бетонный туннель под железной дорогой. Поперек. Тогда как поезд перекачивал свой грохот в западном направлении.

Чтобы быть услышанным, просто нельзя было не перейти на крик:

— ...!...!! ((Epshtein and Iur'enen 2017: 11).

Sergei's answer is muffled in this dialogue, but his interest in the subject is obvious. His motives can be gleaned from elsewhere in the text, although the topic is not addressed head-on, and some key circumstances remain obscure. Sergei Iur'enen's emigration saga is intertwined with his entangled family story which the reader pieces together from tantalizing tidbits. The text offers no straightforward chronology, but from various clues one gathers that Sergei was born in January of 1948, met his wife Aurora in the spring of 1972, became a father in June of 1973. When did the parents chose to tie the knot? A picture of Mikhail and Sergei bears a caption telling readers that it was taken on the day of Sergei's marriage – June 14, 1974. So, Sergei's child was born about a year before the parents obtained a marriage license – a courageous decision. Why did Sergei and Aurora choose to formalize their relationship? It could have been love, the need to secure the daughter's legal status, the mounting pressure from the KGB, the desire to resettle in France, or a combination of the above.

Sundry hints pop up on page 224 where Sergei links his family situation to Solzhenitsyn's expulsion and 'непоправимое прошлое СССР — в унисон автору *Архипелага ГУЛАГ*, как раз в тот год высланному из страны, где мы с Ауророй вынужденно бракосочетались (а в Париже вряд ли стали бы формализовать отношения, жили бы "просто так" и "до тех пор, пока")' (Epshtein and Iur'enen 2017: 224). A lot is packed into this passage, which suggests that the marriage was forced by external circumstances and could have been a matter of convenience. However, another sentence casts doubt on this reading: 'Мне — нам с Ауророй — не удалось сохранить наш юношеский брак... Никогда не верил в возможность подобного финала наших отношений' (Epshtein and Iur'enen 2017: 480). Further complicates the matter Sergei's references to 'моей любимой американской жене' (Epshtein and Iur'enen 2017: 375), and again to 'my beloved wife Marina' (Epshtein and Iur'enen 2017: 507), which are left hanging in the air. Perhaps these questions will be answered in the *Encyclopedia of Adulthood*, if such is ever written.

Mikhail Epstein leaves out the circumstances of his departure from the U.S.S.R., regrettably if understandably, given that he emigrated years after his friend. The wealth of details about his parents' family contrasts with the paucity of particulars about his own marriage commenced in the early 1975. His family situation is mentioned in passim without any

specifics or explanations. Here is a retroactive comment on the hopes of the youth yearning for a meaningful union: ‘Это был переход к этической и экзистенциальной стадии, подготовка к решающему выбору, к жизни в единственном числе (одна семья, одна жена, одна работа)’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 97). ‘Запись конца 1974 г., меньше чем за два месяца до встречи с будущей женой: “Я ищу женщину, которая стала бы мне ученицей по уму и наставницей по сердцу”’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 166). There is a reference to the first (?) child: ‘Когда у меня родилась дочь, я переименовал эту заповедь: “возлюби ближнего как свое дитя”’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 486). And again, ‘новую квартиру мне, уже отцу троих детей, выделил Союз писателей’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 197). So, we learn that Mikhail married, became a father, changed residencies with the family, and left Russia with his wife and children in 1990. To find out more about Mikhail’s family and departure from Russia readers would have to consult other publications.

Let me be clear that I raise these nosy questions not because I am entitled to answers. The authors owe nobody full reckoning of what happened in their lives – except to themselves. I ask as a scholar grappling with memoir ethics and the theory of auto/biographical discourse, who struggled with these issues and came to doubt our ability to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth in any autobiographical story. The following aspirational sentiment that appears in *Abio*, noble as it is, seems unrealistic: ‘Написать автобиографию или мемуары, но только доподлинно как было. Ничего от лукавого ни до, ни после точного воспоминания, соответствующего правде жизни’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 173). Jean-Jacque Rousseau made a similar commitment in his *Confessions* and fell short of his aspirations. Just as his predecessor St. Augustine did centuries earlier.

No matter how hard we try, there will be holes in our autobiographical tales – missing links, strategic evasions, fudged self-interpretations. This is not just a matter of good intentions and moral fortitude, important though these are in self-reckoning. There are limits to any self-interpretation – ethical, psychological, ontological – which call for special strategies to get around them.

* * *

As I collect my thoughts on the *Encyclopedia of Youth*, I realize that my analysis suffers from the same methodological predicament I spot in the work under review.

Of all the diary entries and theoretical asides, I single out in *Abio* a minute fraction for comments. Another reader would no doubt select different scraps from the same treasure chest. When the authors went over their notes preparing to write the *Encyclopedia*, they had to decide which items to include and which to bypass, just as they zeroed in on some events and ignored other when working on an original diary entry. Such is the informational funnel which imposes the epistemological limits on our capacity to grasp reality in its entirety, leaving unrecovered and unrecoverable what William James called ‘big, buzzing confusion’ of everyday life (James 1950: 488).

As *abio* co-authors, Mikhail Epshtein and Sergei Iur’enen raise no claim to representing things as they really are – only as they remember them. The picture they paint is filtered through their value-laden apperception. Does the book’s dual perspective safeguards against outright misrepresentation? Not necessarily. The authors have been traveling in the same boat for a long time, their perspectives have been synchronized – entrained – emotionally, cognitively, philosophically, and joint blind spots were likely to emerge.

To address the selection bias, autobiographers need to reduce self-sampling errors, ascertain which collisions in their lives are over-sampled (overcounted) and which undersampled (undercounted). Getting access to original documents is the first step in this process. In *Abio*, I spotted only one facsimile reproduced in its original form – the survey the authors addressed to each other in 1972 and 2004. This document raises few methodological issues (although for some reasons several questions in a 1972 survey went unanswered). More documents of this kind are needed, however, if we wish to understand the editing practices the authors followed in sampling their source material.

Did the authors edit the wording of the original diaries? Which events in their living experience were ignored or underreported? Are there alternative perspectives on the same incidents recorded in the diaries? Did the co-authors attempt to verify reported facts, collect testimonies from other participants, join issues with the antagonists? What is likely

to go unnoticed in a typical autobiography of the writers shaped in a particular age? ([Я пишу] оставляя на своем я-полотне куски грубого, непрописанного холста. Может быть, для этих белых страниц еще нет на свете автора? или я его еще не нашел?) (Epshtein and Iur'enen 2017: 46).

I remember being startled by an obscure story Aulus Gellius regales in his *Attic Nights*. It is about the amiable Plutarch, an imminent biographer, who ordered his slave to be flogged mercilessly because the slave dared to point out to his master that he forswears anger in his writings but loses his temper in real life. To prove his slave wrong, Plutarch allegedly resolved to show how long he can keep calm while his servants brutalized the impudent slave. Imagine how many cruel historical realities of this kind go underreported, leaving posterity with a distorted image of the past. As Туныанов put it, 'Там, где кончается документ, там я начинаю' (Туныанов 1930: 163). Indeed, the document is when the inquiry beings, not ends.

* * *

The biocritical hermeneutic approach cautions against overbroad generalizations and sweeping philosophical dicta. The thesaurus-anchored autobiography developed in the *Encyclopedia* carries the risk of becoming schematic or diagrammatic, to use a Peircean term. Birth and death, virtue and vice, love and hate, marriage and divorce, education and achievement – life preserved in such categories quickly grows stale. That's not what makes individual existence special. Says Mikhail Epshtein, 'философия имеет дело с чистыми понятиями и сущностями, уже освобожденными от плотской изменчивости и многообразия, скинувшими свою земную оболочку и приобщенными к вечности, как и душа, покинувшая свое брренное тело' (Epshtein 2014: 16). But philosophical generalizations remove us from the immediacy of lived experience.

Knowing what we have in common is important, but so is what draws us apart, what makes us unique, resistant to typecasting. Philosophy, especially of the idealist variety, tends to gloss over the chaotic properties pervading the universe, contradictions and inconsistencies endemic to embodied existence. For a Platonically-minded observer, biographical being predates biographical existence. Long before the historical

agents set out to frame their existence, impersonal bio forms conspired to inform their self-objectivations. I doubt Epshtein would claim with Plato that these forms are eternal – biographemes evolve over time, metaphors capturing our experience are historically specific. Still, the thesaurus-driven inquiry goads us to look past the muddle of everyday life and grasp the ready-made vocabularies pervading our consciousness – the lovers' discourse, self-improvement model, hero-worshipping archetype, budding genius myth.

Some observers are better at spotting a priori bio forms than others:

Но может быть, некоторые люди мыслят и чувствуют не событийно, а именно словарно, суммарно: вдумываются в сущность юности, в смысл любовных переживаний? И тогда *жизненная сумма* таких людей будет состоять не из историй 'как это было', а из пониманий того, как это бывает: из таких биограмм — жизнеописательных и жизнемыслительных единиц, как *юность и любовь, юность и стыд, юность и одиночество, первый заработок, первое предательство...* Опыт и сознание выстраивают картину жизни из таких надвременных, надсобытийных категорий — образов, понятий, — которые уподобляют ее не повествованию, а энциклопедии. И тогда становится выразимо то, что невыразимо в жанре повествования (Epshtein and Iur'enen 2017: 569-7).

The narrative and biogrammatic approaches are complementary, stresses Epshtein, each specializing on a specific life dimension. 'Если нарратив — это временной срез жизни в последовательности ее событий, то тезаурус — это континуум событий, одновременно предстоящих сознанию, где содержание жизни развернуто в виде всеобъемлющего *каталога* людей, мест, книг, чувств и мыслей' (Epshtein and Iur'enen 2017: 571). Which tack one favors depends on personal sensibilities.

Точно так же есть и личности нарративного и тезаурусного склада. Во время общего застолья одни сыплют бесконечными историями, анекдотами, случаями из жизни. Другие делятся мыслями и взглядами и выясняют отношение к ним собеседника. Как правило, нарративные личности легче привлекают к себе внимание, становятся душой общества; тезау-

русная личность склонна скорее к персональному или профессиональному разговору, предмет которого — не частные случаи, а картина мира (Epshtein and Iur'enen 2017: 574).

Mikhail Epshtein is renowned for his thesaurus-minded sensibilities, the kind pioneered in Montaigne's *Essays* and reprised in Nietzsche's *Ecce Homo*. I can see why he admires the founder of the genre of essay who assured his readers, 'I have painted my inward self with colors clearer than the original ones. I have no more made my book than my book made me – a book consubstantial with its author, concerned with my own self, an integral part of my life'. (Montaigne 2003: 612). But Montaigne also wrote this:

All contradictions may be found in me by some twist and in some fashion. Bashful, insolent; chaste, lascivious; talkative, taciturn; tough, delicate; clever, stupid; surly, affable; lying, truthful; learned, ignorant; liberal, miserly, and prodigal: all this I see in myself to some extent according to how I turn; and whoever studies himself really attentively finds in himself, yes, even in his judgment, this gyration and discord. I have nothing to say about myself absolutely, simply, and solidly, without confusion and without mixture, or in one word. *Distinguo* is the most universal member of my logic. (Montaigne 2003: 294)

Ambiguities and contradictions abound in Montaigne's evolving self-appraisals, which makes me wonder if he can be unambiguously identified as an exponent of the thesaurus-based biography. The author of *Essays* praised Diogenes Laertius' philosophical biographies and lamented the fact that so few books on philosophy take seriously the philosopher's mundane lives. Still, it was Montaigne who claimed, 'I expose myself entire: my portrait is a cadaver... It is not my deeds that I write down; it is myself, it is my essence' (Montaigne 2003: 332-33). What essence is this other than "Distinguo" itself?

Nietzsche is another philosopher who spoke fondly about Diogenes Laertius' *bios philosophicus*, which clued him to the mundane motives behind the flights of philosophical fancy. 'That reflecting on the human', he wrote in *Ecce Homo* (Nietzsche 1998: 31), 'is among the expedients by means of which we can alleviate the burden of living, that practice in this art lends presence of mind in difficult situations, that

one can, indeed, pluck useful maxims from the thorniest and most disagreeable stretches of one's own life and thereby feel a little better: that was believed, that was known – in former centuries.' For all his insights into the autobiographical roots of philosophical imagination – 'Gradually it has become clear to me what every great philosophy so far has been: namely, the personal confession of its author and a kind of involuntary and unconscious memoir' (Nietzsche 1966: 13) – Nietzsche was unreliable as an auto-biographer. You wouldn't know from his writing on resentment and disdain for the weaklings how the author of *Zarathustra* diligently climbed up the academic ladder, how much he longed for public recognition, how he couldn't summon courage to act on, or even acknowledge, his sexual needs.

One more telling example of a strictly anti-narrative autobiography is Pierre Bourdieu's *Sketch for Self-Analysis*. In it, a renowned sociologist lays out his life with barely a narrative sequence. He casts his life story as a function of French class society and academic credentialism. A son of a low-level state employee, Bourdieu struggled to pull himself up against the established order that favored the elite, the offspring of propertied and knowledge-producing classes. Through sheer grit he rose to the pinnacle of academic and intellectual hierarchies, upending some longstanding traditions and founding his own school. Bourdieu doesn't bother to answer critics charging him of being a vindictive person who made life miserable for his students and derailed some promising careers. Rather than offering a straightforward narrative of controversial events and defending his actions, Bourdieu chose to inhabit a rarified world of grand theory where he could dismiss criticism without getting down to the dirty particulars and appealing, instead, to impersonal social forces and the general tenor of the time.

Mikhail Epshtein's autobiographical stance is different. There is plenty of life episodes lending emotional substance to his self-portrait. He may shy away from certain narrative details Sergei Iur'enen is apt to bring up, but he is the first to own up to his shortcomings as a narrator, 'выстраивать события во времени, в последовательности действий было для меня обузой, наценкой на философский замысел. Образы у меня подчинялись понятиям, я исходил из идей и конструкций' (Epshtein and Iur'enen 2017: 300).

I am in agreement with Mikhail on this score, ‘Огромная часть человеческого опыта, как личного, так и социального, остается неизвестной из-за преобладания нарративных приемов и неразработанности тезаурусных полей... Разработка иных методов ее описания могла бы наполнить смыслом и словом жизнь миллионов людей, нарративно немых, обладающих другим, тезаурусным опытом ее постижения’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 578). We do things with words, and words have a therapeutic value (logotherapy is based on this premise). Mastering symbolic media can improve anybody’s life situation, it even helps some people get laid. Still, *life in a thesaurus* differs from *life in the flesh* in that the former can serve as a tranquilizing substitute for action. There is no substitute for getting down to pesky details and narrating real life sequences. The challenge is to do so in a manner respectful of alternative readings and protective of people’s dignity.

Which is why the following distinction strikes me as invidious, ‘низшая ступень — разговор о вещах; средняя — разговор о событиях; более высокая — о людях; высшая — об идеях, понятиях’ (Epshtein and Iur’enen 2017: 575). These discursive forms are coeval in value. We should resist the proclivity of reason armed with privileged vocabularies to efface the emerging bio forms. Our narrative stories clue us to obscure facets of existence and potentialities of being struggling to come to language amidst the arid abstractions and vapid generalities that dull our perception. So, let’s welcome them into our world and keep updating our vocabularies.

References

- Epshtein 2014: Epshtein, Mikhail. 2014. *Ottsovstvo. Roman-dnevnik* (Moscow: Izdatel'skii dom 'Nikeia').
- Epshtein and Iur'enen 2017: Epshtein, Mikhail and Iur'enen, Sergei. 2017. *Entsiklopediia iunosti* (Moscow: Eksmo).
- Foucault 1988: Foucault, Michel. 1988. *The Care of the Self* (New York: Vintage).
- James 1950: James, William. 1950. *The Principles of Psychology*. Vols. I (New York: Dover).
- Montaigne 2003: Montaigne de, Michel. 2003. *The Complete Works* (New York: Everyman's Library).
- Nietzsche 1966: Nietzsche, Friedrich. 1966. *Beyond Good and Evil. Prelude to a Philosophy of the Future* (Vintage Books).
- Nietzsche 1996: Nietzsche, Friedrich. 1996. *Human, All Too Human* (Cambridge: Cambridge University Press).
- Shalin 2007: Shalin, Dmitri 2007. 'Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics', *Sociological Theory*, 25: 193-224.
- . 2008. 'Fenomenologicheskie osnovy teoreticheskoi praktiki: biokriticheskie zametki o Iu. A. Levade', *Vestnik obshchestvennogo mneniia*, 96 (4): 70-104.
- . 2010. 'Hermeneutics and Prejudice: Heidegger and Gadamer in Their Historical Setting', *Russian Journal of Communication*, 3 (1-2): 7-24.
- . 2011. 'V poiskakh narrativnoi identichnosti: k dialogu Andreia Alekseeva i Dmitriia Shalina', *Teleskop*, 87 (3): 13-23.
- . 2012. 'Problemy memuarnoi etiki i dostovernosti biointerv'iu', *Teleskop* (2): 8-17.
- . 2014 . 'Interfacing Biography, Theory, and History: The Case of Erving Goffman', in *Erving Goffman: Biographical, Historical, and Contemporary Perspectives*. Special Issue of *Symbolic Interaction*, ed. by Dmitri Shalin, 37 (1): 2-40.
- . 2016 . 'Erving Goffman, Fateful Action, and the Las Vegas Gambling Scene', special issue of *UNLV Gaming Research & Review Journal*, ed. by Dmitri Shalin, 20 (1): 1-38.
- . 2017. 'Becoming a Public Intellectual: Advocacy, National Sociology, and Paradigm Pluralism', in *Pragmatism and Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics* (New York: Routledge), Dmitri Shalin, 331-379.

———. 2019. 'Communication, Democracy and Intelligentsia' in *Russian Intelligentsia in the Age of Counterperestroika: Political Agendas, Rhetorical Strategies, Personal Choices*, ed. by Dmitri Shalin (New York: Routledge), 1-38.

———. 2020. 'Iz perepiski s Mikhailom Epshteinom o russkom post-modernizme i dukhovnykh rasput'iakh' in *Homo scriptor. Sbornik statei i materialov v chest' 70-letii M. N. Epshteina*. Pod red. M.N. Lipovetskogo (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie), 537-546.

Tynianov 1930: Tynianov, Iuri. 1930. *Iurii Tynianov. Pisatel' i uchenyi. Vospominaniia, razmyshleniia, vstrechi* (Moscow: Molodaia Gvardiia).

Voltaire 1719: Voltaire, François-Marie Arouet. 1719. *Œdipe, Lettre écrite sur Œdipe*. Wikisource.

[https://fr.wikisource.org/wiki/%C5%92dipe_\(Voltaire\)](https://fr.wikisource.org/wiki/%C5%92dipe_(Voltaire))

Appendix

Twelve Theses on Biocritical Hermeneutics

1. Biocritical hermeneutics finds its object at the crossroads of biography, theory, and culture. It explores the affective-somatic dimension of discursive practices, the historically specific ways humans sign themselves in the flesh, the misalignment in the word-body-action nexus, and the role of auto/biographical narrative in accumulation and transmission of culture.
2. Biocritical hermeneutics starts with the assumption that every event unfolds on the intersection of competing editorial perspectives, that the privileged edition reveals not the thing-in-itself but its socio-historical incarnation, and it seeks to illuminate the editorial policies undergirding objective reality in a particular time and place. At the same time, biocritical reflection rejects skeptical deconstruction which dismisses objective reality as fiction. In the tradition of pragmatist philosophy, biocritical inquiry aims at the practical reconstruction of historical reality in its discursive, emotional, and behavioral forms.
3. Every sign, according to this perspective, has a flesh that no signifying process can erase. Even in its most disembodied – symbolic – form, culture cannot shed its material substrate, be this a sound, a gesture, or a written mark. At issue is the embodiment-disembodiment-reimbodiment arc which goads us to look for signs of the flesh behind narrative profusions and the flesh of the signs comprising an autobiographical corpus. Signing in the flesh is accorded a special place in a biocritical analysis as a corrective to the life writing centered on a disembodied signifying media.
4. Biocritical hermeneutics systematically juxtaposes alternative versions of reality by deploying *reverse editing* – a method designed to recover discarded edits in a bid to assemble a more supple account of the narrator's incarnate being. The biocritical inquirer asks how representative the life samples included in a bionarrative are, which episodes are undersampled and which ones are oversampled, and consequently, what biases are likely to skew an autobiographical reconstruction. Where the self-sampling procedures are deemed representative, the

question is raised about the stochastic nature of reported experience and the general vector of the narrator's life. To sample or count things in the auto/biographical domain, we must first render them accountable, i.e., discernible in terms of the historically specific categories like selfhood, identity, character, personality, and biography. How these precepts emerge in the course of history and which accounting frames they supplant is an investigative problem in its own right.

5. The misalignment between discursive, affective, and behavioral indicators is at the heart of the biocritical exploration, which is especially attuned to the figures of non-identity such as irony, parody, and travesty taken in their embodied and not just literary forms. Conduct is predicated here on the conductivity of a human body immersed in history, informed by competing vocabularies, saturated with ambivalent emotions, and engaged in performative contradictions specific to a chronotop. While efforts to align our words, emotions, and deeds are central to ethical life, one cannot escape affective lapses and behavioral non-sequiturs that auto-biographical narratives tend to gloss over. Moreover, such inconsistencies are deemed to be productive insofar as they evince the ambivalence that can spur civic imagination and nourish authentic expression.

6. An auto/biographical event is transformed into a bionarrative fact as it is appropriated in the age-specific semiotic terms. Biocritique problematizes this transformation, zeroing in on the historical biographems embedded in a narrative. Two pitfalls are to be minded here – presentism that imposes present day standards on the past and historicism that denies transhistorical patterns and cumulative trends. The intermeshing of bionarrative categories and the historical breaks in bionarrative practices is a focal topic in biocritical investigation. Through the act of life writing, we body forth a society that brought the bionarrative categories into existence or offer new models for self-reflection that clue us to alternate social orders. Novel forms of self-framing let biocritics conjure up virtual realities waiting to be eventualized by self-conscious agents who take these frames up as a guide for self-identification.

7. Biocritical inquiry implicates not only the person under scrutiny but also the scrutinizer, as the two cross pathways in virtual space and engage in a covert and sometime overt dialogue. The double hermeneu-

tics that comes into play raises several ethical questions – what should biocritics disclose about themselves, do they need to engage in auto-biocritique, must they open their own archives, and if so – when? Records included into a bionarrative must be judged against data shielded from view, the latter illuminating the stigmatized enselfments and neglected models of cultural reflexivity. Biocritical researchers delving into other people's lives are responsible for preserving the documents of their era, starting with their own.

8. We own our archives and can dispose of them as we see fit, but we are not entitled to other people's memories any more than we own our reputation. It is helpful to compare our views of the reputational dynamics with practices of other ages and cultures. The canonization process in religious confessions, prestige systems in scientific fields, prized performances in artistic domains, value hierarchies in other life spheres may yield valuable insights into the paradigmatic features of life narrative and the transmission of cultural knowledge. Ancient biographies (Socrates, Jesus of Nazareth) and auto/biographies (Seneca, Plutarch, St. Augustine) are of special interest in this respect, for they have furnished blueprints for life writers throughout the occidental world. From the biocritical vantagepoint, Western civilization could be appraised as a series of commentaries and emulations inspired by the lives of Socrates and Jesus.

9. A big stumbling block in a biocritical analysis is the paucity of reliable sources and witness testimonies. Diaries, correspondence, memoirs, interviews, autobiographies, and kindred scraps of evidence increase opportunities for crosschecking and triangulation. When a sizable portion of the documentary material is lost or otherwise unavailable, the analysis focuses on the character of lacunae and the biases apparent in secondhand accounts. Where reverse editing is impossible, the attention shifts to the hermeneutical horizons and the editorial practices prevailing in the era under investigation. As biocritical investigators sift through partial, biased, sometimes deliberately tainted information, they need to bear in mind that Plutarch built his work around hearsay and gossip, and that after he strained these motley data points through the sieve of his wisdom and experience, they congealed into *Lives* – a key source in the Western auto/biographical canon.

10. Ancient biographers singled out three dimensions in their life writing – *vita activa*, *vita contemplativa*, and *vita voluptuosa*. Intellectual and spiritual life is generally preserved in written documents. Harder to gauge are deeds and actions shielded from observation. Still less accessible are affective, sensual, erotic, and other taboo-ridden bodily manifestations which dominant cultures tend to edit out. In writing about other people's lives, Voltaire's principle applies, 'We owe respect to the living, to the dead we owe only the truth' (Voltaire 1719). In writing about one's life, the decision to include or omit certain life samples will reflect the writer's willingness to square off with the problematic aspects of one's life story. The impact of sensitive information on the third parties should be weighed in as well. Mindful of the indignities and absurdities inherent in self-realization, biocritical auditors run the canonization process backward, grant damaged reputations a second look, and leave ample room for the honest disagreement about competing editorial decisions.

11. The biocritical project has on its agenda social reconstruction, understood as the dialectical refashioning of the embodiment-disembodiment-reebodiment arc that constitutes reality as objective and meaningful for those inhabiting a lifeworld. Special role in this process belongs to the somatic-affective dimension of historical process that operates at cross-purpose with its discursive-symbolic and behavioral-performative counterparts. Mis/shaped by dominant culture, our affective-somatic habits prop up the status quo as powerfully as coercive institutions. Perestroika – rehabilitation – in society is possible only as the simultaneous transformation of affective, behavioral, and discursive practices anchoring the established order.

12. Viable democratic institutions fail to sink roots where somatic-affective currents are throttled by the editorial diktat breeding intolerance, cruelty, and cynicism. Authoritarianism loses ground when the intellect becomes emotionally sane, emotions grow intelligent, and humans take seriously their ambivalent emotions and conflicting identifications. The public agenda of biocritical hermeneutics invites life writers to explore the editorial policies conducive to the ongoing social reconstruction and formulate the somatic-affective conditions of possibility for an emotionally intelligent democracy.

Materials and Discussions

Reviews

Valentina Parisi

N. Punin, *L'arte in rivolta. Pietrogrado 1917*, traduzione e cura di Nadia Cigognini, Milano, Guerini e associati, 2020, pp. 296.

A un anno di distanza dall'uscita delle *Memorie di un assedio* di Lidija Ginzburg, la collana "Narrare la memoria", curata da Nadia Cigognini, Patrizia Deotto, Francesca Gori e Natalija Mazour per Guerini e associati, rimane in ambito pietroburghese, proponendo gli scritti autobiografici del critico d'arte Nikolaj Punin, raccolti sotto il titolo *L'arte in rivolta. Pietrogrado 1917*. Una contiguità forse casuale quella tra i due titoli, ma felice tuttavia, poiché permette di apprezzare le strategie radicalmente differenti adottate dai due autori alle prese con la *scrittura dell'io*. Se Ginzburg nel suo "diario in forma di romanzo" tentava caparbiamente di smentire qualsiasi identificazione tra sé stessa e la voce narrante, sino ad alienare i propri ricordi personali cedendoli a N., un personaggio convenzionale caratterizzato esclusivamente dalla sua appartenenza all'*intelligencija*, al contrario in Punin si assiste alla rivendicazione inequivocabile dell'apporto fornito dall'io rammemorante alla creazione di un'arte d'avanguardia a Pietrogrado agli albori dell'Ottobre.

Un processo a dir poco travagliato, che Punin ricostruisce alla fine degli anni Venti dalla sua posizione di critico militante consapevole di possedere – così ammetteva modestamente – un "solo, autentico talento": quello di comprendere la pittura e di farla scoprire agli altri. Abilità non trascurabile in un frangente in cui l'avanguardia – forse memore dell'ammonimento di David Burljuk per cui "ogni verità è destinata a esser tale soltanto per venticinque anni" – si affrettava a mettere per iscritto la propria storia. La stesura di *V bor'be za novejščee iskusstvo* – questo il titolo originale – è infatti più o meno parallela a quella dell'*Arciere da un occhio e mezzo* di Benedikt Livšic, tanto da suggerire una lettura incrociata dei due testi, soprattutto per quanto riguarda il posto occupato dal futurismo e dai suoi irruenti alfieri nella genealogia dell'arte cosiddetta *di sinistra*.

A tale riguardo, il teorico nato a Pietroburgo nel 1888 non è affatto generoso, anzi; nella prefazione concepita per accompagnare il testo integrale dell'opera (che avrebbe dovuto abbracciare il periodo dal 1916 al 1925), Punin tende a ridimensionare il ruolo svolto dal cubofuturismo,

spingendosi ad affermare che in Russia, nell'accezione letterale del termine, il futurismo addirittura non era mai esistito, o, più precisamente, che quello apparso tale agli occhi dei più non aveva mai originato "un sistema di percezione visiva, ma solo un insieme di emozioni. Di segnali che sono sfociati in rivolta" (p. 35). Di conseguenza, a dar vita all'arte del comunismo di guerra sarebbe qualcosa "di più profondo [...], una necessità indifferibile, un'ineluttabilità storica, la volontà di molti milioni di persone e un terribile impulso a produrre una creazione realistica infinitamente vitale" (p. 31).

Emergono qui due motivi ricorrenti delle memorie di Punin: da una parte la tendenza a dissolvere lo specifico artistico nel dato esistenziale in ossequio al mito modernista dello *žiznetvorčestvo*, per cui arte e vita non possono che essere indissolubili; dall'altro la messa in discussione del concetto di realismo, definito non come rappresentazione dei fatti, bensì la forma plastica e pittorica più calzante attribuita dall'artista alla percezione soggettiva. Mentre la prima attitudine è incarnata esemplarmente da Viktor Šklovskij, colui che "ha reso la sua vita un'opera fiera, ingegnosa, valorosa" (p. 93), poiché aveva compreso fin dall'inizio che "occorreva creare la propria biografia per creare la letteratura" (*ibidem*), la seconda trova la sua estrinsecazione nelle ricerche che si andavano allora compiendo nell'atelier di Lev Bruni e Petr Miturič, il cosiddetto "appartamento n. 5" del Palazzo de La Mothe (sede dell'Accademia di Belle Arti), assiduamente frequentato da Punin alla vigilia della Rivoluzione di Febbraio. Qui il giovane critico, da poco congedatosi dal "carcere" di Carskoe Selo, col suo orologio fermo sugli anni Novanta, troverà finalmente quella sintonia con la contemporaneità che stava cercando: "Ciascuno seleziona da sé i propri amici. Io selezionai quelli che avevano il gusto del tempo" (p. 88).

Il sodalizio con Bruni, a sua volta, rinvia a una delle opposizioni binarie su cui l'autore fonda la propria interpretazione della storia dell'avanguardia, ossia il conflitto tra Kazimir Malevič e Vladimir Tatlin. Risolutamente schierati con quest'ultimo, gli artisti e teorici che si riunivano nell'appartamento n. 5 scorsero nel costruttivismo non solo il "metodo" più rispondente alla "nuova velocità" che la prima guerra mondiale aveva impresso al mondo, ma anche una via d'uscita da quell'approccio eminentemente grafico alla materia che il "Mir iskusstva" sembrava aver imposto come un marchio all'arte pietroburghese. Proprio la polemica con la corrente di Aleksandr Benois caratterizzerà i primi interventi degli artisti di sinistra nella discussione che si aprirà a Pietrogrado all'indomani dell'abbattimento dello zarismo. Un confron-

to che, come si sa, sarà rapidamente sopravanzato dal susseguirsi degli eventi rivoluzionari e che tuttavia Punin ricostruisce puntualmente nelle sue tappe più salienti. Ampio spazio viene dunque riservato al concitato meeting tenutosi al teatro Michajlovskij il 12 marzo 1917 (che, secondo il critico, avrebbe decretato la fine della “dittatura di Benois”) e alla manifestazione carnevalesca del 25 maggio, dominata dai manifesti di Boris Kustodiev e dall’“insolita immagine” che vi troneggiava: un soldato con il colbacco e “la barba da cocchiere” che non sembrava saper bene che cosa fare del proprio fucile. Una figura che, ovviamente, di lì a breve si sarebbe rapidamente tramutata in quella ben più marziale e risoluta della guardia rossa.

Punin interrompe qui la sua narrazione che, in teoria, avrebbe dovuto toccare anche l’Ottobre e il coinvolgimento del critico nel nuovo governo in veste di commissario per la sezione pietrogradese delle arti figurative del Narkompros. Rifiutato nel marzo 1931 dalla Casa editrice statale di belle arti (malgrado l’intercessione di Nikolaj Chardžiev che all’epoca vi lavorava come redattore), il manoscritto di *V bor’be za novejščee iskusstvo* fu sottoposto l’anno successivo alla Casa editrice degli scrittori di Leningrado con il titolo più generico di *Arte e rivoluzione* e nuovamente bocciato. Proposto ora al lettore italiano in una edizione che ricalca quella russa pubblicata nel 2018 a cura di Anna Kaminskaja e Nikolaj e Petr Zykov, il testo di Punin emerge in tutta la sua vividezza nella bella traduzione di Nadia Cicognini che restituisce con efficacia lo stile elegante e il pensiero mai banale dell’autore. A suscitare qualche rimpianto è semmai l’ascetica essenzialità dell’apparato iconografico, limitato a qualche fotografia di Punin e degli interni pietroburchesi evocati nel libro. Una riproduzione del *Ritratto di A.S. Lur’ė* di Miturič (cui l’autore dedica ampio spazio) o del summenzionato soldato di Kustodiev sarebbero state più che gradite, trattandosi di artisti sulla cui notorietà in Italia è lecito nutrire qualche dubbio.

Елена Андрущенко

“Лилина история, ее поэзия, ее образ...” (Рецензия на книгу Елены Погорелой *Черубина де Габриака. Неверная комета*. Молодая гвардия, Москва, 2020. 329[7] с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.). Вып. 2021 (1821).

В легендарной серии “Жизнь замечательных людей” вышло немало изданий, составляющих золотой фонд русской биографики. Открывая широким слоям читателей обстоятельства жизни, деятельности, творчества выдающейся личности, авторы выполняли не только просветительскую функцию, что подразумевалось основателями серии, но и получали возможность представить собственную концепцию, а в лучших из биографий – свой образ писателя, художника, политического или общественного деятеля на фоне его времени.

Рецензируемая книга Елены Погорелой несомненно займет свое место в истории знаменитой серии. И дело не только в том, что это основательное и прекрасно написанное исследование посвящено Елизавете Дмитриевой (Васильевой), вошедшей в историю литературы как Черубина де Габриака, а и в том, что автором переосмыслена, перечувствована, пересоздана жизнь эпохи, исполненной порываний ‘к мирам иным’ и глубоких падений, интеллектуальных поисков и чувственных экспериментов, общественно-политических катаклизмов и личных катастроф. Одинокая фигурка Дмитриевой, прекрасная в своей нелепости и пугающая в своей просветленности, выдвинута на первый план, что искажает историко-литературную перспективу, но и уточняет ее, во всяком случае, в том объемном полотне, которое создает автор книги.

История мистификации Елизаветы Дмитриевой и Максимилиана Волошина, ее место среди других мистификаций XIX – начала XX веков, влияние на культуру той поры, механизмы и поэтика стилизаций уже становились предметом внимания ученых, так что автор стоит на плечах достойных предшественников. К биографии Дмитриевой она подошла с собственной концепцией, последовательно выдержанной во всех аспектах. Книга состоит из трех частей, текст сопровождают справочные материалы. В предисловии

очерчен круг вопросов, обусловивших композицию книги (Погорелая 2020: 6–7). Они предполагают и анализ творчества поэта, и обращение к эго-документам, открывающим порой недоступные, неизвестные читателю стихов факты биографии. Ограничив проблемной рамкой имеющийся в ее распоряжении материал, автор, конечно, выходит за ее пределы, привлекая детали, бросая намеки, полагая, что в каком-то случае “цепочку достроить легко” (Погорелая 2020: 35), и читатель включается в увлекательное путешествие по предположениям, допущениям, характерным любой реконструкции.

Отправной точкой для размышлений становится очевидная мысль о том, что Черубина де Габриак заслонила собой подлинную биографию Елизаветы Дмитриевой (Васильевой), а легенды, окружавшие мистификацию, заняли место историко-литературных фактов. Между тем, личность создательницы Черубины и китайского философа Ли Сян Цзы, деятельницы литературного и антропософского движения, педагога и переводчицы значительно масштабнее, чем созданные ею литературные маски.

Инструментарием, позволяющим написать такой роман о жизни, стала, прежде всего, повышенная *литературность* повествования. Для объяснения событий, обстоятельств, даже характеров людей используются сравнения, внятные читателю русской классики. Родители Дмитриевой описаны с помощью отсылки к “чеховским интеллигентам” (Погорелая 2020: 10), во внешности брата выявляется “что-то долоховское” (Погорелая 2020: 17), дети – “племя младое и незнакомое” (Погорелая 2020: 14), а противостояние отцов и детей в семье сравнивается с блоковской, чеховской и толстовской моделями семей и “взвинченностью” по Федору Достоевскому (Погорелая 2020: 13). Автору, мыслящей в мире литературных ассоциаций, несложно даже образ мыслей Максимилиана Волошина передать с помощью далекой по времени и вряд ли удачной здесь цитаты: “Я старше тебя. Я больше перетерпел. Я опытнее. В конце концов, я твой учитель. Но ведь я не учу тебя жить’ — этими словами географа Служкина из романа А. Иванова ‘Географ глобус пропил’, столь популярного в наши дни, мог бы сказать и Волошин” (Погорелая 2020: 28).

С другой стороны, погруженность в мир литературы позволяет сделать тонкие замечания о ее истории, стадиях развития (Погорелая 2020: 40), наблюдения о *женских* темах и образах в поэзии, где появляется образ умершего (нерожденного) ребенка (Погоре-

лая 2020: 146–153) и, вместе с тем, возникает какая-то ревнивая интерпретация первенства Дмитриевой в русской поэзии той поры по сравнению с Анной Ахматовой и Мариной Цветаевой.

В книге немало таких моментов, когда возникает ощущение отождествления поэта и лирического героя, уязвимое с научной точки зрения, но возможное при беллетризации (напр., Погорелая 2020: 143). Автор оставляет читателю простор для сомнений, особенно в первой части книги. Спасительные “понятно”, “без сомнения”, “должно быть”, “нельзя ли предположить”, “вероятно”, “думается”, “можно предположить”, “видимо”, “можно представить”, “кто знает”, “по всей видимости”, “очевидно”, “возможно”, “скорее всего”, “по-видимому”, “не исключено”, “похоже”, “кажется” позволяют представить версию событий, которые могли развиваться и иначе, но тогда не укладывались бы в предлагаемую концепцию.

Ее поддерживает и прямое отождествление, возможно, поясняющее и даже обогащающее семантику стихотворений, но обходящее механизмы литературной маски, стилизации, способные многое прояснить из того, что во второй и третьей части книги замещается риторическими вопросами. “Так ли уж правы те, кто утверждает, что после раскрытия мистификации Дмитриевой не удалось написать ничего равного прежним стихам, сочиненным для голоса Черубины? – пишет автор. – Слов нет, Черубина, конечно же, активировала в сознании Лили какие-то элементы поэтики, но сама Дмитриева — куда более интересный и самобытный поэт, нежели рафинированная инфанта...” (Погорелая 2020: 107). Совершенно справедливо, ведь Черубина де Габриак – это не отдельный поэт, а результат литературной игры двух поэтов, опирающейся на стилизацию претекстов, обладающей свойствами критики и анализа, характеризующейся продуманными ходами, имеющей лирическую героиню и пр. Прочное образование, широта интересов, знание языков, обширные представления о западноевропейской культуре и включенность в живой литературный процесс позволили поэтам привлечь к литературной игре такой тематически-образный комплекс, который создавал впечатление целостного поэтического творчества, оваянного деталями вымышленной биографии автора и соответствующего антуража. К тому же оба поэта точно попали в специфическую социокультурную ситуацию, что также обеспечило успех мистификации. Аналитики и игры в этом, думается, гораздо больше, чем стихи и трагедии. Вторая мистификация создана Васильевой через много лет, а ее механизмы оказываются тожде-

ственными первой, и вновь аналитика, включенность в культурный контекст и стилизаторское чутье оказались в ее успехе решающими факторами.

Ответ на заданный в начале книги вопрос о двойничестве является, на мой взгляд, ключом к пониманию противоречивости обсуждаемой фигуры, поведение которой, вызывающее сопротивление и подозрения исследователей, может объясняться действиями в маске и логике Черубины и вне ее, мерцанием этих образов и их неожиданной сменяемостью в одной житейской ситуации или в переписке. Распознавание голоса Дмитриевой сквозь голоса Черубины, отделение лица от личины, конечно, чрезвычайно сложно, тем более, когда мы имеем дело, с одной стороны, с поэтом и его лирическим героем, а с другой, – с маской, созданной этим поэтом и нередко применяемой уже вне собственно мистификации в живом общении, в обычной жизни. К слову, это очевидно в деятельности детского театра, и здесь не обошлось без влияния антропософии.

Автор избрала такой способ проникновения в биографию поэта, где детская травма, ее изживание, утверждение и *довоплощение* задали определенную систему координат. В книге изучается психология творчества, что-то поясняется через “психодраму” (Погорелая 2020: 86), “ресурсную фигуру” (Погорелая 2020: 294), открываются такие стороны личности поэта, которые при другом взгляде остаются затемнены. Это только часть творческой личности, обращенной к миру большим дарованием, которое и является предметом нашего интереса к жизни замечательного человека. Так что контекст поэтический и даже религиозный может оказаться убедительнее контекста житейского. Тогда истолкование стихов, скажем, Николая Гумилева стало бы разговором о повороте житнетворческого сюжета, а не свидетельством его “тайного дара предвидения” (Погорелая 2020: 78). Да и “Ленин на субботнике” (Погорелая 2020: 190) выбился из безукоризненного стиля.

Одно наблюдение автора вызвало у меня предположение, возможно, и неоправданное. Елена Погорелая описывает фотографию, “где Лиля изображена почти что послушницей: темная одежда, крупный крест на шнурке, высоко зачесанные волосы и испуганное выражение лица, напоминающее о духовном прозрении и телесном страдании” (Погорелая 2020: 48). Скорее всего, это попытка повторить образ св. Терезы (см. фотографию – Мережковский 1988). Иллюстрируя его пьесу *Будет радость*, Татьяна Гип-

пиус поместила портрет главной героини, какой она ее себе представляла: молоденькая девушка с волосами, затянутыми в пучок, в строгом темном платье (Мережковский 1916). Возможно, восхищение св. Терезой выразилось в попытке Дмитриевой повторить ее облик.

Беллетризованная биография, написанная Погорелой, вписана в требования серии и отвечает запросам читателей, получивших возможность проникновения в жизнь поэта, представленную без предвзятости, напрасных подозрений, беспочвенных обвинений и запоздалого сведения счетов.

Библиография

Мережковский 1916: Д. Мережковский, *Будет радость*, Петроград, Огни, 1916.

Мережковский 1988: Д. Мережковский, *Испанские мистики. Св. Тереза Авильская. Св. Иоанн Креста. Приложение: Маленькая Тереза*, под ред. Т. Пахмусс, Брюссель, Жизнь с Богом, 1988.

Погорелая 2020: Е. Погорелая, *Черубина де Габриаки. Неверная комета*, Москва, Молодая гвардия, 2020.

Ярослав Голубинов

Л. Л. Никифорова, М. Б. Кизилов, Айн Рэнд, Молодая гвардия, Москва 2020. — 333[3] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1813).

В истории XX века есть немало примеров удивительных взлетов и падений людей, не предназначенных, казалось бы, для тех метаморфоз, которые с ними в итоге произошли. Писательница из России, еврейка и уроженка Санкт-Петербурга, оказавшись в эмиграции в 1926 году и пережив множество неудач по обе стороны Атлантического океана, во второй половине XX века в глазах поклонников превратилась в главного идеолога либертарианства и стала образцом для политиков, бизнесменов, деятелей искусства. Так еще раз подтвердилась идея о власти литературы в европейской цивилизации, и Алиса Розенбаум, более известная под своим псевдонимом Айн Рэнд, вошла в число тех, кто благодаря своему перу, становились властителями дум миллионов.

Главными работами Айн Рэнд стали романы *Источник* и *Атлант расправил плечи*. Они сумели преодолеть рамки художественной литературы (как это и задумывалось автором), изменив мировоззрение тысяч читателей (насколько, конечно, можно верить опросам и интервью) и попутно став источником для мемов современной массовой культуры. Наверное, идеологическое значение романов во многом перекрывает значение литературное, потому и рассматривать Рэнд все же стоит, видимо, не как еще одну писательницу, но скорее как философа и политика *par excellence*, пользовавшегося художественными книгами в качестве рупоров для определенных идей. Ее мысли о том, как люди должны относиться друг к другу и какую роль в их жизни должно играть общество и государство, получили неожиданно мощный отклик у читателей. Рэнд удалось выразить что-то такое, что давно занимало общество в западных странах (в первую очередь в США). Сама писательница на просьбу кратко выразить суть своей философии быстро ответила: “В метафизике — объективная реальность; в эпистемологии — разум; в этике — индивидуализм (*self-interest*); в политике — капитализм” (Кизилов, Никифорова 2020: 253).

Без сомнения, Айн Рэнд вполне подходит под определение замечательного человека. Замечательного, наверное, прежде всего своим упорством, с каким она пыталась достучаться до читательских масс. Идеи же, которые она при этом проповедовала (при всей их противоречивости и некоторой примитивности), стали предметом ожесточенных споров, которые не утихают и по сей день. Ничего удивительного, что книга об Айн Рэнд заняла место в известной серии “ЖЗЛ” от издательства “Молодая гвардия”. Авторы книги — историк и специалист по иудаике Михаил Кизилов и школьный учитель и краевед Людмила Никифорова — уже давно сотрудничают в деле изучения судьбы как самой Айн Рэнд, так и ее книг и идей. Еще в 2012 году, например, они опубликовали совместную статью о малоизвестном крымском периоде в жизни Рэнд. Наконец, была написана и полноценная биография этой, без сомнения, удивительной женщины. Книга Кизилова и Никифоровой написана с большим пиететом к “еврейской Золушке, бежавшей из большевистского СССР, чтобы стать королевой американской интеллектуальной жизни, политики, культурологии, киноиндустрии и идеологии свободного предпринимательства” (Кизилов, Никифорова 2020: 312).

При этом авторы провозгласили, что они “не являются рэндома-нами”, потому их книга “не имеет апологетического характера, не прославляет всё сказанное и сделанное Айн Рэнд, однако и не пускается в другую крайность — безудержной критики и высмеивания ее жизненного пути и достижений. Авторы постарались быть максимально объективными, оценивая как достоинства, так и недостатки своей героини” (Кизилов, Никифорова 2020: 11). Кизилов и Никифорова подробно анализируют историографию, подчеркивая, что далеко не всем биографам писательницы довелось работать с архивными материалами, тщательно оберегаемыми Институтом Айн Рэнд. Интересно, что авторы критикуют отечественные публикации, упрекая их создателей в простом пересказе иностранных трудов и настаивая, что их биография, в общем, наиболее полная и объективная из всех существующих на русском языке. Авторы биографии опирались прежде всего на большой корпус опубликованных трудов Айн Рэнд, биографических сведения, раскиданные по страницам прессы и воспоминаний тех, кто знал писательницу, а также материалы из российских и американских архивов. По словам Кизилова и Никифоровой им удалось познакомиться со многими документами из архива Рэнд, упоминания и

цитаты из них есть на страницах книги, но почему-то это никак не отражено в примечаниях. Впрочем, архив, хранящийся в Институте Айн Рэнд, действительно закрыт от посторонних глаз, и только немногие исследователи смогли поработать с хранящимися там источниками.

Сама биография выстроена весьма традиционно. Авторы книги последовательно прослеживают жизненный и творческий путь Айн Рэнд, останавливаясь иногда подробно на тех моментах, которые кажутся им наиболее важными или же темными в ее биографии.

Так, вторая глава *Евпатория* целиком посвящена жизни семейства Розенбаум в Крыму в 1918–1920 годах, о котором действительно было мало что известно (впрочем, Рэнд сама никогда не раскрывала особо подробностей своей биографии, что обеспечило работой исследователей в разных странах на много лет вперед). Юная Алиса Розенбаум оказалась на юге бывшей Российской империи в лихие года Гражданской войны, и опыт, который она вынесла из знакомства с революционерами всех мастей, по-видимому, сформировал ее отношение к определенным политическим движениям. Надо заметить, что Рэнд с детских лет была бескомпромиссной в общении с друзьями и знакомыми и очень упорной в достижении цели, что роднит ее со многими деятелями российского революционного движения. Еще до революции “под окнами квартиры, где Алиса Розенбаум сделала первые шаги, частенько прохаживались будущие организаторы революции 1917 года, лишившей семью Розенбаум денег, заработка и жизненных перспектив” (Кизилов, Никифорова 2020: 26). Однако вполне возможно, что сложись ее судьба иначе, она стала бы очень деятельной комсомолкой и убежденной сторонницей советской власти.

Кизилов и Никифорова подробно описывают детство и юность Алисы Розенбаум, указывая на сложные отношения между нею и родителями (особенно матерью). Возможно, именно в детстве Айн Рэнд можно найти истоки некоторых особенно важных тем ее философии — личной свободы, альтруизма, творчества. Интересно, что отец писательницы Зиновий Розенбаум, чье состояние с годами увеличивалось, перед Первой мировой войной он приобрел в собственность большую аптеку, сумел дать Алисе и ее сестрам хорошее образование. В гимназии Алиса Розенбаум встретила многих известных позднее людей, а ее лучшей подругой стала сестра Владимира Набокова. С этим писателем, кстати, часто сравнивают

Айн Рэнд, поскольку их писательские карьеры (эмигранты, лишившиеся всего на родине, они прославились произведениями, написанными ими на неродном языке) часто сравнивают. Они знали произведения друг друга, однако Рэнд были чужды эстетические установки Набокова, который, в свою очередь, несомненно был знаком с некоторыми из романов писательницы, но вряд ли мог знать, что это была та самая гимназистка, приходившая в гости к его сестре.

Не менее тщательно авторы биографии Айн Рэнд проследили ее жизнь в эмиграции. Именно в США писательница сумела стать тем, кем она стала — человеком, мнение которых важно для миллионов. Она всегда любила поучать друг других и обращать новых знакомых при встрече в свою веру (даже в театре или опере Рэнд всегда громко комментировала происходящее на сцене и всегда в негативном ключе). Были и те, кем она восхищалась, но обычно кумиры юности (во взрослом возрасте она сама стала таким кумиром для других) разочаровывали ее. Показательна история с Керенским, в которого юная Алиса Розенбаум была буквально влюблена (что неудивительно для той поры, в главу Временного правительства были влюблены многие, создав настоящий культ личности), но уже Айн Рэнд, встретившись с ним вживую, была жестоко разочарована, сочтя его обыкновенной посредственностью. Последнее для Рэнд было непереносимо, она не терпела в своем окружении таких людей.

Надо отдать должное авторам биографии, они довольно подробно пишут о личной жизни Айн Рэнд. Даже создается впечатление, что главной драмой ее жизни оказалась вовсе не борьба за идеи объективизма, а отношения с супругом Фрэнком О'Коннором и соратником по продвижению идей объективизма Натаниэлем Брэнденом и окружавшими их женщинами (любовницами и женами). Именно эти отношения в виде запутанных любовных многоугольников более всего занимали Рэнд, особенно после того, как ей удалось достичь известности и относительного достатка за счет продаж книг. Кизилов и Никифорова обращаются также к истории с наследием Айн Рэнд в США и России. Интересно, что рассказанная ими история о дележе наследства гуру объективизма более всего напоминает ситуацию с сайентологическим движением, в котором после смерти Хаббарда обозначились те, кто получил доступ ко всему наследию мастера и стал ревниво его охранять (вспомним молодость архива Айн Рэнд), и те, кто оказался выброшен из обще-

го круга. Так, Институт Айн Рэнд пережил несколько расколов и исходов ее соратников и учеников.

Айн Рэнд поддерживали (особенно в конце жизни) многие крупные бизнесмены в США, которым пришлось по нраву проповедь индивидуализма и слова писательницы об исключительной значимости их деятельности для всего общества. И после смерти многие сохранили связь с созданным в 1985 году Институтом Айн Рэнд в США, а в 1990–2000-х годах подобные институты возникли и в других странах.

Любопытно, что в 2020 году Институт Айн Рэнд был вынужден совершить то, что с точки зрения самой писательницы и ее последователей недопустимо: руководство учреждения запросило помощи у государства, чтобы сохранить рабочие места. Нет особой нужды думать, что это является свидетельством заката объективизма и культа Айн Рэнд (продажи ее романов по прежнему высоки), но повод позлорадствовать у критиков все же нашелся.

Книга Кизилова и Никифоровой — свидетельство, что несмотря на все трудности, испытываемые организациями, основанными ее последователями и учениками, интерес к феномену Айн Рэнд еще долго не угаснет.

Authors

Elena Andrushchenko is a leading researcher at the A.M. Gor'kii Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology and Professor. Her research interests are the history of Russian literature of the late nineteenth and early twentieth centuries, the works of Dmitrii Sergeevich Merezhkovskii and textual criticism.

Antoni Bortnowski is affiliated with the Institute of Russian and Ukrainian Philology at the Adam Mickiewicz University in Poznań. He holds a doctorate degree in Russian Literature. The title of his PhD dissertation was *Historical Time in the Emigration Prose of Mikhail Osorgin*. His main research interest is the study of the representations of Kiev in Russian and world literature of the second half of the nineteenth century and the first half of the twentieth. He works on literary works by authors of the first wave of Russian emigration and on Russo-phone literature in Ukraine. In his works he discusses memory, self-identification and national consciousness.

Claudia Criveller is Associate Professor in Russian Literature and Language at the University of Padua. Her main research areas are Russian Modernism and early twentieth-century Russian literature, with a particular focus on Andrei Belyi's works. She has also worked on intersemiotic translation, working on Fedor Dostoevskii's as well as Belyi's works. She has authored theoretical works on Russian autobiographical fiction with a focus on Vladimir Nabokov, Venedikt Erofeev, Andrei Siniavskii and Evgenii Kharitonov.

Magdalena Dąbrowska works at the University of Warsaw, Poland. She is an historian of Russian literature of the eighteenth and early nineteenth century. Her work is devoted to the literary links between Russia and Western Europe as well as to the history of Russian periodicals. She is the author of a monograph on Russian sentimentalism and of numerous publications on Nikolai Karamzin. She is the director of the Institute of Russian Studies at the University of Warsaw. From 2012 to 2018 she was the Director of the Institute of Russian Studies at the University of Warsaw and the Head of the Chair of History of Russian Literature.

Patrizia Deotto is Associate Professor of Russian Language and Literature at the University of Trieste. Her research activity has mainly concentrated on twentieth-century Russian literature, with a particular fo-

cus on Russian emigration and on the cultural ties between Italy and Russia. A second research area can be identified in the literary genres of diary, biography and autobiography. She devotes particular attention to the genre of autobiography on commission.

Maria Candida Ghidini is Professor of Russian Literature at the University of Parma. She has studied the relationship between literature and philosophy, focusing on the figures of Gustav Shpet and Viacheslav Ivanov, to whom she has dedicated numerous essays. She is interested in the reception of Shakespeare in Russia and has translated, among other things, Fedor Dostoevskii's *The Idiot* into Italian. She is the editor in chief of the Russian section of the «Garzantina Letteratura». She has recently edited a selection of Lev Tolstoi's *Diaries*.

Iaroslav Golubinov is Associate Professor at the Faculty of History in Samara University. His main field of research is the study of social and cultural aspects related to the First World War in different European countries (especially in Russia and the UK). He is the author of several articles in journals and collected volumes. His most important articles are devoted to food supply and nutrition during wartime, rumour and gossip surrounding the war, Russian volunteers and European cultural memory of the Great War.

Andrea Gullotta is Lecturer in Russian at the University of Glasgow. He has also worked for the University of Palermo, the Ca' Foscari University of Venice and the University of Padua, where he obtained his PhD. His main field of research is the literature of the Gulag. He is the author of several articles and of the monograph *Intellectual Life and Literature at Solovki 1923-1930. The Paris of the Northern Concentration Camps* (Legenda, Cambridge, 2018).

Elena Iufereva is Doctor of Philological Sciences and Professor at the Department of Theory and World Literature at the National Pedagogical Dragomanov University of Kyiv. Her research interests include the impact of internet writing on literature, travel literature, and naïve writing.

Viktoriia Ivashchenko is Associate Professor at the Department of Historiography, Source Studies and Archaeology at the V. N. Karazin National University of Kharkiv, where she is also the Director of the

university's Museum of History. Her main research interests are the history of the universities of the Russian Empire from the late eighteenth to early twentieth centuries, memoirs, and oral history.

Dorota Jewdokimow is Associate Professor at the Cultural Studies Institute of the Adam Mickiewicz University in Poznań. Her research focuses on Russian literature, philosophical, religious and social thought of the nineteenth and twentieth centuries and on the semiotics of history. She has carried out research and worked with the Dostoevskii Museum in Saint Petersburg and the St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris. She is the author of monographs on Fedor Dostoevskii (2009), Karolina Kizińska (2014) and on the Idea of Unity of Churches in Russian Thought (2017).

Zbigniew Kaźmierczyk is Associate Professor in the Department of History of Literature at the University of Gdańsk. He has published two monographs, *The Work of a Demiurge. Gnostic Experience in the Early Poetry of Czesław Miłosz* (2011), and *The Slavic Psychomachy of Mickiewicz* (2012). He edited multi-author monograph *The Religiousness of Czesław Miłosz* (2020) and co-edited and co-authored the monograph *Adam Mickiewicz and the Russians* (2020).

Anna Krasnikova is a Researcher at the Catholic University of Milan (Università Cattolica del Sacro Cuore di Milano) and a former Researcher at the Russian State University for the Humanities in Moscow. Her fields of interest are textual criticism, digital philology, Russian literature, speech genres and sociolinguistics.

Tatiana Kuzovkina is Senior Research Fellow at the School of Humanities and Senior Specialist at the Iurii Lotman Semiotics Repository, Tallinn University. She is the holder of a PhD (Tartu University, 2007) and worked at the Laboratory of History and Semiotics from 1990 to 1993 as Iurii Lotman's secretary, and from 1997 to 2007 as a researcher at the Department of Russian Literature, University of Tartu. Since 1997, her work has involved systematizing and describing the archives of Iurii Lotman and Zara Mints. She is also the organizer of the Annual Lotman Days at the University of Tallinn.

Maia Lavrinovich is Senior Research Fellow at the National Research University – Higher School of Economics in Moscow. Her research in-

terests encompass the social history of the eighteenth and early nineteenth centuries, microhistory, history of ideas, and the European and Russian Enlightenment. She is currently working on a large-scale project on the brothers Malinovskii's social advancement in the late eighteenth – early nineteenth century.

Iurii Mikhailin is a journalist, film director and researcher. He is the author of publications on the Gulag.

Mikhail Miliutin is a Lecturer at the Academic Gymnasium of the St. Petersburg State University, of which he has been the head in the years 2014–2016. He participated in 2018–2020 in a research project for the preparation of a new scientific edition of Andrei Bolotov's memoirs (grant from the Russian Foundation for Humanities No. 14-04-00331; grant from the Russian Foundation for Basic Research No. 18-012-00447 A).

Larissa Naidich is Professor Emeritus at the Department of Linguistics of the Hebrew University in Jerusalem. Her field of interests are German phonetics and phonology, dialectology, folklore, and theory of translation.

Valentina Parisi is Research Fellow at the University of Pavia. She holds a PhD in Slavic Studies from the State University in Milan. She has received a postdoctoral grant from the Istituto Italiano di Scienze Umane (SUM) in Florence (2009–2011). She has been an EURIAS fellow at the Institute for Advanced Studies, Central European University, Budapest in 2012–2013 and at the Hanse-Wissenschaftskolleg (HWK) in Delmenhorst (Germany) in 2014–2015. She is the author of the volume *Il lettore eccedente. Edizioni periodiche del samizdat sovietico, 1956-1990* (Bologna, Il Mulino, 2013).

Ivana Peruško works at the Department of East Slavic Languages and Literatures of the University of Zagreb. She published two monographs: *Poetika prognstva. Gor'kij i Bulgakov između srpa i čekića* [Poetics of Exile. Gor'kii and Bulgakov between the Hammer and the Sickle, 2013] and *Od Oktobra do otpora. Mit o Mit o sovjetsko- jugoslavenskom bratstvu u Hrvatskoj i Rusiji kroz književnost, karikaturu i film. 1917.–1991* [From October to Resistance. The Myth of Yugoslav-Soviet Brotherhood in Literature, Cartoons and Cinema. 1917 – 1991, 2018].

Anna Ponomareva has degrees in Philosophy (MA, Moscow State University), Russian Studies (MPhil, the University of Manchester) and Translation Studies (PhD, UCL). She is a Lecturer at the School of Slavonic and East European Studies (SSEES) at University College London (UCL). In addition to her research on Russian Symbolism, Translation Studies and Pedagogy she is interested in Text and Music. Her chapter *Mirror pas de deux: Cranko's Reinvention of Pushkin's Text in His Ballet Onegin (1965)* will be soon published in Helen Julia Minors (ed.) *Music, Text and Translation*, Vol. 2.

Dario Prola is Assistant Professor at the Faculty of Applied Linguistics of the University of Warsaw, where he teaches history of Italian literature, literary translation, and specialised translation. He received a PhD in 2008 from the University of Turin with a dissertation on the theme of myth and representation of the city in Polish literature after 1989. His research interests include contemporary Polish literature, literary translation, and literary relations between Italy and Poland. He is the author of several articles and two monographs: *Mito e rappresentazione della città nella letteratura polacca* (2014) and *Sposato dalla bellezza: l'Italia nella scrittura di Jarosław Iwaszkiewicz* (2018).

Elena Rozhdestvenskaia is Professor at the faculty of Social Sciences of the National Research University – Higher School of Economics. Her main research areas are the biographical method in sociology, sociology of war, memory studies, and sociology of gender.

Olga Sazontchik graduated from the Department of Philosophy of the Goethe University of Frankfurt, having defended her dissertation on the Moscow text of Russian literature in 2007. Since 2011 she has been working as a Research Assistant at the Institute of Slavic Studies and Caucasus Studies at the Friedrich Schiller University of Jena. Her interests include Russian literature, primarily of the 20th century, and intermediality.

Dmitri Shalin studied at the Leningrad State University and defended his Candidate of Science degree in 1973, after which he worked in the Leningrad division of the Institute of Sociology, USSR academy of Sciences. In 1975, he emigrated to the USA, where he received a Ph.D. at Columbia University. Since 1991, Dr. Shalin has been Professor of Soci-

ology at the University of Nevada, Las Vegas (UNLV). He is director of the UNLV Center for Democratic Culture, coordinator of Justice & Democracy Forum series, editor of the Social Health of Nevada Report, co-director of the International Biography Initiative, Erving Goffman Archives, and Russian Culture and Intelligentsia projects. His research interests and publications are in the areas of pragmatism, sociological theory, democratic culture, and Russian society.

Tatjana Shor is an archivist and independent researcher. She has authored books and articles on the history of Russian and Slavic philology, the history of the University of Tartu, biography and source studies of the history of national minorities in Estonia.

Natalia Svetozarova is Professor at the Department of Phonetics of the St. Petersburg State University. Her main areas of interest are experimental phonetics, German and Russian phonology, folklore, and history of linguistics.

Aleksandra Veselova is Senior Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences since 2003. She graduated from the philological faculty of the St. Petersburg State University in 1996. She has been a Senior Lecturer at the St. Petersburg State University in the period 2003-2007. Since 2014 she directs the project devoted to the publication of Andrei Bolotov's memoirs.

Vadim Wittkowsky teaches at the Institute of Classical Philology of the Humboldt University of Berlin. He is a philologist, Biblical (New Testament), Classical Greek, and Slavonic scholar with interests in Russian poetry of the twentieth century. He obtained his PhD in 2005 (Russian State University for the Humanities, Moscow) and his *Habilitation* in Classical Philology in 2019 (Humboldt University of Berlin).

Kirill Zubkov graduated from the St. Petersburg State University, where he specialized in Russian language and literature, obtaining a diploma with honors in 2008. He later completed the Graduate School of Philology at the St. Petersburg State University in 2011. He is currently an Associate Professor at the Higher School of Economics (Moscow) and a Research Fellow at the IRLI RAS (Pushkin House).